This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дрезэмейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

~~Slav 30.11~~
PSlav 605.110

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

DUPLICATE

~~DUPLICATE~~

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ДОНЪ-ЖУАНЪ. *Байрона*. Переводъ въ стихахъ. LXIV—CLIX.—**П. А. Козлова**	1
II.	ЗДОРОВЬЕ РУССКАГО НАРОДА ВЪ СВЯЗИ СЪ УСЛОВІЯМИ ЕГО БЫТА. II. *Окончаніе*.—**М. М. Покровскаго**	26
III.	ОТЪ СОВѢСТИ. (Деревенскій случай.) Разсказъ.—**В. І. Дмитріевой**	60
IV.	МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. VI и VII.—**Н. И. Костомарова**	93
V.	ГОЛЬ. Романъ. Часть первая. Кн. вторая, гл. IV—V, и кн. третья, гл. I—II.—**А. Михайлова**	132
VI.	КОГДА И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА РОЗНЬ ВЪ РОССІИ МЕЖДУ «КОМАНДУЮЩИМИ» КЛАССАМИ И «НАРОДОМЪ». II.—**И. И. Дитятина**	193
VII.	НА РУБЕЖѢ. Стихотв.—**Мартова**	247
VIII.	АПОСТОЛЪ ЗОСИМА: I—Разсказъ слѣдователя. II—«Законъ Христовъ». III—Что его ждетъ?—**А. С. Пругавина**	248
IX.	ЗАЗНОБА. (Изъ волжскихъ пѣсенъ.) Стихотв.—**Д. Н. Садовникова**	265
X.	ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. II.—**А. А. Головачова**	269
XI.	ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА: I—Янко Музыкантъ. II—Письма съ дороги. Перев. съ польскаго.—**В. Л.**	302
XII.	ПАМЯТИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО. Стихотв.—**Н. М. Соколова**	329
XIII.	О, ДАЙТЕ СВѢТА МНѢ! (Изъ Аккерманъ.) Стихотв. Перев.—**А. П. Аксакова**	301
XIV.	НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО: «Чѣмъ люди живы». Сказка для дѣтей.—**X***	333
XV.	ПО ПОВОДУ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦІИ ОБЪ АРТЕЛЯХЪ.—**Г. П. Сазонова**	17

Стр.

XVI. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1881 ГОДУ.—**С. А. Венгерова** . 47

XVII. ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.—**З—дъ**. 73

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: I—Разбойники печати и мундирные хищники. II—Земство о правовомъ положеніи крестьянъ. —...**скаго**. 90

XIX. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Биржевая катастрофа и ея послѣдствія.—Кабинетъ Фрейсинэ и проекты прежняго и нынѣшняго министерствъ.—Новыя книги: «La tribune moderne» Вильмэна и «L'instruction publique et la révolution» Альберта Дюрюи.—Обзоръ періодическихъ изданій.—Процессъ Зола.—Кончина Шарля Блана.—**W***** 140

XX. ЗАМѢТКА ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—**А. А. Майкова**. . . 159

XXI. ОТЧЕТЪ ПО «УБѢЖИЩУ», ЧТО ПРИ СТАРОЙ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ БОЛЬНИЦѢ ДЛЯ ЧЕРНОРАБОЧИХЪ ВЪ МОСКВѢ, ЗА ВРЕМЯ ОТЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1881 ГОДА ПО 1-Е ЯНВАРЯ 1882 ГОДА 163

Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ **Диккенса**. Переводъ съ англійскаго. Гл. VII—VIII 65

БИБЛІОТЕКА СЕМЕННИКОВА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(Байрона.)

Посв. гр. Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву.

LXIV *).

Невольниковъ все за собою велъ
Ихъ проводникъ. Объятый нѣгой, сонный
Дворецъ молчалъ; вотъ съ ними негръ вошелъ
Въ созданье фей, покой уединенный,
Гдѣ роскоши воздвигнутъ былъ престолъ.
Природа созерцала удивленно
Красу и блескъ въ немъ собранныхъ вещей,
Не зная, какъ съ искусствомъ ладить ей.

LXV.

Навалены богатствъ тамъ были горы,
А цѣлый рядъ покоевъ былъ такихъ;
Диваны красотой плѣняли взоры;
Казалось, страшно даже сѣсть на нихъ...
Ковровъ пестрѣли пышные узоры.
Любуясь рядомъ тканей дорогихъ,
Хотѣлось, чтобы ихъ не смять ногою,
По нимъ скользить, ставъ рыбкой золотою.

LXVI.

Но этотъ блескъ не изумлялъ ничуть
Проводника, тогда какъ отъ волненья
У путниковъ его вздымалась грудь;
Они неслись на крыльяхъ вдохновенья,
Какъ будто бы подъ ними млечный путь,
Весь въ звѣздахъ, разстилался. Въ углубленьи
Одной изъ стѣнъ виднѣлся шкафъ большой.
(Надѣюсь, вамъ разсказъ понятенъ мой,

*) *Русская Мысль*, кн. II.

LXVII.

А если нѣтъ, я неповиненъ въ этомъ.)
Негръ отперъ шкафъ; въ немъ былъ нарядовъ складъ,
Что разнились и формою, и цвѣтомъ;
Надѣть ихъ всякій турокъ былъ бы радъ,
Чтобы блеснуть изящнымъ туалетомъ.
Хоть выборъ былъ роскошенъ и богатъ,
Но все же для гяуровъ негръ угрюмый
По вкусу своему избралъ костюмы.

LXVIII.

Британцу онъ нарядъ богатый далъ:
Широкій плащъ, какъ носятъ кандіоты,
И пышныя шальвары; шаль досталъ
Тончайшаго узора и работы,
Прибавивъ туфли и большой кинжалъ,
Чеканенный и съ яркой позолотой.
Британецъ въ одѣяніи такомъ
Выглядывалъ вполнѣ турецкимъ львомъ.

LXIX.

На нихъ глядя внушительно и строго,
Баба̀, ихъ проводникъ, себѣ далъ трудъ
Имъ объяснить, какъ ждетъ ихъ выгодъ много,
Когда они безропотно пойдутъ
Судьбою имъ указанной дорогой;
Своимъ онъ долгомъ счелъ прибавить тутъ,
Что согласись они на обрѣзанье,
Похвалъ ихъ удостоятъ и вниманья.

LXX.

Онъ такъ окончилъ рѣчь:—«Я былъ бы радъ
Въ васъ видѣть мусульманъ, но принужденья
Не пустятъ въ ходъ, чтобъ вы святой обрядъ
Свершили надъ собой». Благодаренье
Воздавъ ему за то, что знать хотятъ
Объ эдакой бездѣлицѣ ихъ мнѣнье,
Британецъ, чтобъ смиренье заявить,
Турецкіе порядки сталъ хвалить.

LXXI.

Онъ къ этому прибавилъ, что питаетъ
Къ обычаямъ похвальнымъ мусульманъ
Большое уваженье и желаетъ,
Чтобъ для отвѣта срокъ ему былъ данъ;
Принять онъ предложенье полагаетъ
Поужинавъ.—«О, срамъ!—вскричалъ Жуанъ.—
Возможно-ль стать посмѣшищемъ для свѣта!
Скорѣй умру, чѣмъ соглашусь на это...

LXXII.

«Пусть голова скорѣй свалится съ плечъ!»
Британецъ возразилъ:—«Еще два слова,
Вѣдь я еще свою не кончилъ рѣчь».
Тутъ къ евнуху онъ обратился снова:
—«Поѣмъ сперва, затѣмъ пойду прилечь...
Рѣшусь ли обратиться къ жизни новой,
Потомъ скажу; но все надѣюсь я,
Что принуждать не станете меня».

LXXIII.

—«Вамъ также передѣться будетъ надо»,
Сказалъ Жуану евнухъ и такой
Досталъ нарядъ, что было бы отрадой
Его надѣть красавицѣ любой;
Жуанъ же оттолкнулъ его съ досадой
Своею христіанскою ногой
И такъ одѣться отказался прямо,
Сказавъ: «Почтенный старецъ, я—не дама».

LXXIV.

—«Какой вашъ полъ,—съ разсерженнымъ лицомъ
Отвѣтилъ негръ,—мнѣ это все едино;
Но все же я поставлю на своемъ».
—«Какая же,—спросилъ Жуанъ,—причина
Такой продѣлки? Что вамъ толку въ томъ,
Что женщиной нарядится мужчина?»
—«Немного потерпите и затѣмъ
Поймете все; но я останусь нѣмъ».

LXXV.

—«Я требую!»—сказалъ Жуанъ нахально...
—«Прошу,—замѣтилъ негръ,—умѣрить пылъ.
Такая смѣлость можетъ быть похвальна,
Но для борьбы у васъ не хватитъ силъ;
Она для васъ окончится печально.
Что-жь, съ платьемъ я свой полъ не измѣнилъ,—
Воскликнулъ тотъ.—Коль къ мѣрамъ я тяжелымъ
Прибѣгну, вы совсѣмъ проститесь съ поломъ.

LXXVI.

«Я пышный предлагаю вамъ костюмъ.—
Негръ продолжалъ.—Что женскій онъ, нѣтъ спора,
Но есть на то причина. Крикъ и шумъ
Напрасны,—въ этомъ убѣдитесь скоро».
Жуанъ стоялъ и мраченъ, и угрюмъ.
—«Вотъ лоскутокъ отъ женскаго убора...
Что дѣлать съ нимъ?» Жуанъ, сердясь, спросилъ:
Такъ кружево онъ цѣнное честилъ.

LXXVII.

Затѣмъ Жуанъ шальвары цвѣта тѣла
Надѣлъ, ворча и не скрывая гнѣвъ;
Свой легкій станъ, рубашкой скрытый бѣлой,
Онъ поясомъ стянулъ невинныхъ дѣвъ.
Впередъ успѣшно подвигалось дѣло,
Но юбка подвела: ее надѣвъ,
Онъ оступился, въ складкахъ утопая...
Неловкость извинительна такая!

LXXVIII.

Жуанъ, сердясь, урокъ свой первый бралъ,
Какъ одѣваться женщиною; ясно
Что всѣхъ уловокъ дамскихъ онъ не зналъ.
Когда же наступалъ моментъ опасный,
Баба ему усердно помогалъ,
Чтобъ съ модою все шло вполнѣ согласно;
Самъ платье на Жуана онъ надѣлъ,
Затѣмъ нарядъ съ вниманьемъ осмотрѣлъ.

LXXIX.

Все было хорошо, но вотъ досада:
Прическа дамы требуетъ волосъ,
Жуанъ же былъ обстриженъ; но изъ склада
Баба досталъ запасъ фальшивыхъ косъ,
Пригладивъ ихъ душистою помадой.
Убрать Жуана дамой удалось.
Прическа, что и такъ красой плѣняла,
Съ алмазами еще роскошнѣй стала.

LXXX.

Посредствомъ ножницъ, щипчиковъ, бѣлилъ
Жуана совершилось превращенье,—
На дѣвушку вполнѣ онъ походилъ.
Баба сказалъ, исполненъ восхищенья:
—«За мной идите, сударь... Ахъ, забылъ,
Сударыня... Возможно ли сомнѣнье?»
Тутъ хлопнулъ онъ рукой и въ тотъ же мигъ
Четыре негра стали возлѣ нихъ...

LXXXI.

—«Васъ ужинъ ждетъ. Вотъ стража для надзора,—
Британцу такъ Баба сказалъ.—А вы
За мной идите, робкая синьора,
Но выкинуть прошу изъ головы
Пустую блажь,—я не терплю задора.
Не опасайтесь, здѣсь не рыщутъ львы.
Дворецъ султана—рая Магомета
Преддверье, мудрецу понятно это.

LXXXII.

Не бойтесь: зла вамъ сдѣлать не хотятъ».
—«Тѣмъ лучше,—былъ отвѣтъ,—я за обиду
Отмстить съумѣю. Тотъ не будетъ радъ,
Кто оскорбитъ меня. Я слабъ лишь съ виду.
Теперь я тихъ; но если мой нарядъ
Въ обманъ введетъ, я изъ терпѣнья выду
И защитить свою съумѣю честь.
Повѣрьте мнѣ, моя опасна месть».

LXXXIII.

Когда Баба далъ снова приказанье
Идти за нимъ, Жуанъ прощаться сталъ
Съ товарищемъ. Глядя на одѣянье,
Что юношѣ видъ женщины давалъ,
Тотъ скрыть улыбку былъ не въ состояньи.
—«Здѣсь край чудесъ!—ему Жуанъ сказалъ.—
Мы взяты въ рабство чернымъ чародѣемъ:
Я дѣвой сталъ, а вы—турецкимъ беемъ...

LXXXIV.

«Прощайте!»—«Если встрѣтимся опять,—
Отвѣтилъ тотъ,—хоть я пойду налѣво,
Направо вы, о многомъ разсказать
Придется намъ. Безропотно, безъ гнѣва
Судьбы велѣнья надо принимать.
Но сохраните честь, хоть пала Ева».
—«Меня не соблазнитъ и самъ султанъ,
Руки не предложивъ»,—сказалъ Жуанъ.

LXXXV.

Разстаться для друзей пора настала.
По анфиладѣ залъ и галлерей
Баба провелъ Жуана. У портала,
Что поражалъ массивностью своей,
Они остановились. Все дышало
Здѣсь святостью и миромъ алтарей;
Вездѣ носились волны ѳиміама.
Они, казалось, были возлѣ храма.

LXXXVI.

Порталъ колоннъ, украшенной рѣзьбой,
Весь вылитъ былъ изъ бронзы позлащенной;
На немъ изображался лютый бой:
Здѣсь побѣдитель шелъ, тамъ побѣжденный
Лежалъ въ пыли и плѣнныхъ за собой
Велъ тріумфаторъ. Эры отдаленной,
Когда Востокомъ кесарь управлялъ,
Созданьемъ былъ роскошный тотъ порталъ.

LXXXVII.

Въ концѣ онъ помѣщался пышной залы...
Какъ бы служа контрастомъ тѣмъ дверямъ,
Два карлика, уродства идеалы,
Стояли на часахъ по ихъ бокамъ.
Такъ жалкіе пигмеи были малы,
Что ихъ никто-бъ и не замѣтилъ тамъ,—
Порталъ, что возлѣ нихъ стоялъ стѣною,
Ихъ подавлялъ своей величиною...

LXXXVIII.

Кто наступалъ на нихъ почти совсѣмъ,
Тотъ только могъ, съ невольнымъ отвращеньемъ,
Ихъ разглядѣть черты. Къ уродамъ тѣмъ
Всѣ относились съ злобой и презрѣньемъ;
Къ тому-жъ изъ нихъ былъ каждый глухъ и нѣмъ,
И цвѣтъ ихъ лицъ былъ всѣхъ цвѣтовъ смѣшеньемъ.
Границъ не знало безобразье ихъ,
За то и денегъ стоило большихъ.

LXXXIX.

Они большою обладали силой.
Держать всегда тѣ двери подъ замкомъ—
Ихъ главною обязанностью было;
Но отворять имъ было ни почемъ
Гарема дверь, что плавно такъ скользила,
Какъ плавенъ стихъ у Роджерса. Притомъ
И казни ими тайно совершались:
Для дѣлъ такихъ всегда нѣмые брались.

XC.

Имъ знаки замѣняли разговоръ.
Когда Баба предъ ними появился
И приказалъ скорѣе снять затворъ,
Такъ на Жуана злобно устремился
Чудовищей нѣмыхъ змѣиный взоръ,
Что онъ невольно струсилъ и смутился.
Казалось, имъ въ удѣлъ достался даръ
Опутывать людей посредствомъ чаръ.

XCI.

Не мало далъ Жуану наставленій
Баба̀ предъ тѣмъ, чтобъ подойти къ дверямъ:
— «Не дѣлайте порывистыхъ движеній,
Старайтесь подражать походкѣ дамъ;
Когда мы не разсѣемъ подозрѣній,
Живыми не уйти отсюда намъ;
Примите видъ взволнованный и томный,
Какъ это долгъ велитъ дѣвицѣ скромной.

XCII.

«Остерегайтесь карликовъ: ихъ взоръ
Проникнетъ васъ; онъ бдителенъ и зорокъ;
Въ обманъ ввести старайтесь ихъ надзоръ,
Коль только солнца свѣтъ вамъ милъ и дорогъ;
Не то—въ мѣшкѣ забросятъ насъ въ Босфоръ
И никакихъ не примутъ отговорокъ;
Таковъ обычай мѣстный и канъ разъ
Безъ лодки въ даль угонятъ волны насъ».

XCIII.

Съ напутствіемъ такимъ Жуана ввелъ онъ
Въ покой, что убранъ былъ еще пышнѣй,
Чѣмъ прочіе. Онъ былъ настолько полонъ
Невѣроятной роскоши затѣй,
Что глазъ, такою пышностью уколонъ,
Не зналъ, на что глядѣть. Игра камней
Сливалася вездѣ съ сіяньемъ злата;
Все было тамъ и пышно, и богато.

XCIV.

Въ дворцахъ Востока роскошь колетъ глазъ,
Но никогда она тамъ не являлась
Въ соединеніи со вкусомъ. Мнѣ не разъ
На Западѣ бывать въ дворцахъ случалось,
И тамъ безвкусье поражало насъ,
Хоть менѣе богатства замѣчалось.
Я не хочу исчислить, сколько въ нихъ
Картинъ и статуй видѣлъ я плохихъ.

XCV.

Въ той комнатѣ, объятой полумракомъ,
Султанша возсѣдала, на диванъ
Облокотясь. Предупрежденный знакомъ,
Предъ нею на колѣни палъ Жуанъ,
Что до поклоновъ вовсе не былъ лакомъ.
Его смущали нравы этихъ странъ.
Передъ султаншей также евнухъ черный
Упалъ во прахъ, склонивъ главу покорно.

XCVI.

Венерой, разстающейся съ волной,
Она возстала, ихъ окинувъ взглядомъ,
Что затмѣвалъ и блескомъ, и красой
Сокровища, лежавшія тутъ рядомъ.
Кивнувъ надменно евнуху рукой,
Плѣнявшей нѣжной прелестью и складомъ,
Она его къ себѣ подозвала.
Какъ лунный свѣтъ рука ея бѣла.

XCVII.

Онъ, край ея пурпуроваго платья
Поцѣловавъ, шептаться съ нею сталъ.
Красы ея не въ силахъ описать я
И лучше—я стихомъ бы ослѣплялъ;
Словами невозможно дать понятья
О совершенствѣ. Свѣтлый идеалъ
Лишь можетъ рисовать воображенье,
А потому и слово безъ значенья.

XCVIII.

Хоть съ ней давно простилася весна
(Лѣтъ двадцать шесть ей въ это время было),
Но все-жь она была красы полна;
Иныхъ и лѣтъ не побѣждаетъ сила,—
Надъ временемъ имъ свыше власть дана...
Шотландская Марія сохранила
Красу весь вѣкъ и время не могло
Умалить блескъ Ниноны де-Ленкло.

XCIX.

Съ величіемъ царицы, приказанье
Прислужницамъ султанша отдала.
Всѣхъ одинако было одѣянье.
Жуанъ по платью былъ изъ ихъ числа.
Казалось такъ невинно ихъ собранье,
Что каждую изъ нихъ бы взять могла
Себѣ въ подруги чистая Діана;
Но не скрывалъ ли взглядъ такой обмана?

C.

Прислужницы, почтительный поклонъ
Отдавъ Гюльбеѣ, скрылися толпою,
Минуя дверь, въ которую введенъ
Былъ Донъ-Жуанъ. Богатствомъ и красою
Той пышной залы восхищался онъ.
Мнѣ жалокъ тотъ, кто, полный лишь собою,
Не признаетъ ничьихъ законныхъ правъ,
Nil admirari — лозунгомъ избравъ.

CI.

«Коль ищете вы счастья,—удивленье
Гоните прочь!» Вотъ Мюррея совѣтъ
И Крича; но слова ихъ—повторенье:
Горацій, вдохновеніемъ согрѣтъ,
Давно распространялъ такое мнѣнье;
Съ нимъ Попе за-одно; но еслибъ свѣтъ
Не дѣлалъ мощнымъ геніямъ овацій,
Не пѣли бы ни Попе, ни Горацій.

CII.

Когда ушли прислужницы, Баба
Согнуть колѣни вновь велѣлъ Жуану
И приложиться, съ подлостью раба,
Къ ея ногѣ; но словно истукану
Онъ говорилъ:—«Грустна моя судьба,—
Вскричалъ Жуанъ во гнѣвѣ,— но не стану
Ни передъ кѣмъ достоинства ронять;
Лишь туфлю папы можно цѣловать».

CIII.

Баба, конечно, дерзостью ответа
Былъ возмущенъ и петлю посулилъ;
Но предъ самой невѣстой Магомета
Жуанъ бы ни за что не уронилъ
Достоинства. Законамъ этикета
Подвластны всѣ; ихъ свѣтъ всегда цѣнилъ;
Они не для одной среды придворной,—
И въ захолустьяхъ люди имъ покорны.

CIV.

Отъ бѣшенства сверкалъ Жуана взоръ;
Кастильскихъ предковъ духъ въ немъ пробудился;
Унизиться считалъ онъ за позоръ
И съ арміей скорѣе бы сразился,
Чѣмъ уступилъ. Признавъ напраснымъ споръ,
Баба уступку сдѣлать согласился
И для того, чтобъ сразу кончить бой,
Придумалъ ногу замѣнить рукой.

CV.

Успѣхомъ увѣнчалось предложенье;
Не поступилъ бы лучше дипломатъ.
Тутъ съ евнухомъ, немедля, въ соглашенье
Вступилъ Жуанъ, что былъ условью радъ.
Онъ молвилъ:—«Всякой дамѣ уваженье
Оказывать приличья намъ велятъ,
И мы всегда, такъ принято уже это,
Подходимъ къ ручкѣ дамы для привѣта».

CVI.

И вотъ Жуанъ, не торопясь ничуть,
Къ рукѣ султанши подошелъ небрежно;
А врядъ ли онъ видалъ когда-нибудь
Такой руки породистой *) и нѣжной.
Восторженно устами къ ней прильнуть
Желалъ бы всякій. Ручки бѣлоснѣжной
Надъ смертными неотразима власть:
Коснешься къ ней—и въ сердцѣ дышетъ страсть.

*) Ничто такъ не доказываетъ знатность происхожденія, какъ красота руки. Это почти единственная особенность, которая по рожденію передается аристократіей. *Байронъ.*

CVII.

Окинувъ взглядомъ юношу, Гюльбея
Велѣла гордо негру скрыться съ глазъ,
И евнухъ, ей противиться не смѣя,
Исполнилъ тотчасъ данный ей приказъ,
Сказавъ Жуану тихо:—«Не робѣя
«Приблизьтесь къ ней,—васъ ждетъ блаженства часъ!»
Собой довольный, евнухъ вышелъ смѣло,
Какъ будто совершилъ благое дѣло.

CVIII.

Лишь вышелъ негръ и въ мигъ она покой
Утратила, волненіемъ объята;
Кровь прилила багряною струей
Къ ея лицу. Такъ яркій лучъ заката
На облака, вечернею порой,
Бросаетъ отблескъ пурпура и злата.
Огонь сверкнулъ въ ея глазахъ большихъ:
И страсть, и гордость смѣшивались въ нихъ.

CIX.

Ея краса была неоспорима.
Но сатана съ ней, вѣрно, сходенъ былъ,
Когда онъ принялъ образъ херувима,
Чтобъ Еву обольстить, и тѣмъ открылъ
Неправды путь, столь смертными любимый.
Въ ней гордость охлаждала сердца пылъ:
Рабы могли идти за нею слѣдомъ,
Но рабства гнётъ ей былъ самой невѣдомъ.

CX.

Во всѣхъ ея поступкахъ и словахъ
Гордыня проявлять себя умѣла;
Всѣ предъ Гюльбеей падали во прахъ;
На шеѣ цѣпь у всякаго висѣла
Въ присутствіи ея; но развѣ страхъ—
Надёжная опора? Можно тѣло
Поработить, но духъ свое возьметъ:
Онъ лишь одну свободу признаётъ.

CXI.

Ея улыбка, что красой плѣняла,
Была высокомѣрія полна;
Привѣтствіе ея—и то дышало
Надменностью; ни передъ кѣмъ она
Своей главы покорно не склоняла;
Обычаю восточному вѣрна,
За поясомъ она кинжалъ носила.
(Съ такой женой мнѣ-бъ трудно ладить было!)

CXII.

Она не знала удержу ни въ чемъ.
Предъ волею ея благоговѣя,
Толпа рабовъ лишь думала о томъ,
Чтобы ея малѣйшая затѣя
Исполнена была. Такимъ путемъ,
Будь только христіанкою Гюльбея,
Открыла бы, я въ этомъ убѣжденъ,
И вѣчнаго движенія законъ.

CXIII.

Богатства ей безумно расточались
И прихотямъ ея платили дань;
Ей деньги никогда въ разсчетъ не брались:
Чего-бъ ни пожелала, все достань!
Но все-жь охотно ей повиновались,
Хотя она и деспотизма грань
Переступала; женщины, порою,
Мирились съ нимъ, но не съ ея красою.

CXIV.

Нечаянно Жуана увидавъ,
Она его немедленно велѣла
Купить. Баба, что подлъ былъ и лукавъ,
Съ охотою взялся за это дѣло,—
Могла-ль она обуздывать свой нравъ?
Но хитрый негръ свой планъ обдумалъ зрѣло
И для того, чтобъ лучше скрыть обманъ,
Дѣвицей былъ наряженъ Донъ-Жуанъ.

CXV.

Возможно ли такое приключенье?
Вы странностью его поражены;
Но вами возбужденныя сомнѣнья
Султанши сами разрѣшить должны.
Скажите, развѣ рѣдкое явленье—
Обманутый монархъ? Въ глазахъ жены
Онъ только мужъ, какихъ на свѣтѣ много,
И все идетъ обычною дорогой.

CXVI.

Такихъ примѣровъ горестныхъ полна
Исторія. Но вновь вернусь къ разсказу.
Гюльбея въ томъ была убѣждена,
Что все пойдетъ, какъ будто по заказу;
Вѣдь юношу пріобрѣла она
И думала, что ей удастся сразу
Его простымъ вопросомъ побѣдить:
«Христіанинъ, умѣешь ли любить?»

CXVII.

Могло-бъ такъ быть; но образъ сердцу милый
Еще Жуанъ носилъ въ груди своей:
Онъ не забылъ Гайдé и съ новой силой
Его сдавила сердце мысль о ней;
Онъ вспомнилъ нѣжной дѣвы ликъ унылый,
Ея любовь и—снѣга сталъ бѣлѣй.
Какъ бы пронзенный острыми стрѣлами,
Онъ залился горючими слезами.

CXVIII.

Такія слёзы грудь на части рвутъ;
Ихъ горечь отравляетъ хуже яда;
Онѣ свинцомъ расплавленнымъ текутъ.
Чтобъ слезы лилъ мужчина, сердце надо
И жизнь его разбить; тѣ слезы жгутъ...
А въ нихъ и облегченье, и отрада
Для женщинъ: мукъ онѣ смываютъ слѣдъ,—
Для насъ же безпощаднѣй пытки нѣтъ.

CXIX.

Она его утѣшить бы хотѣла,
Но какъ—совсѣмъ не знала. Съ юныхъ лѣтъ
Она съ рабами лишь имѣла дѣло,
Встрѣчая только ласки и привѣтъ;
Предъ нею проявляться скорбь не смѣла;
Ей и во снѣ не представлялось бѣдъ;
Лелѣяли ее лишь счастья грёзы—
И вдругъ предъ нею проливались слёзы!

CXX.

Но женщина сердечную печаль
Всегда не прочь утѣшить и кручина
Въ ней будитъ состраданіе. Едва-ль
Одну найдешь, которой сердце—льдина.
Гюльбеѣ Донъ-Жуана стало жаль.
Хоть непонятна ей была причина
Его рыданій, ими смущена,
Невольно вдругъ заплакала она.

CXXI.

Но свѣтъ не знаетъ вѣчнаго мученья
И, какъ всему, есть и слезамъ предѣлъ.
Жуанъ унялъ душевное волненье
И смѣло на Гюльбею посмотрѣлъ;
Въ глазахъ исчезъ послѣдній лучъ смятенья;
Хоть онъ предъ красотой благоговѣлъ,
Но все-жь не могъ переносить безъ боли
Сознанья, что онъ—жертва злой неволи.

CXXII.

Гюльбеѣ приходилось въ первый разъ
Встрѣчать отпоръ. Она весь вѣкъ внимала
Лишь лести и мольбамъ; ея приказъ
Закономъ былъ и все предъ ней дрожало;
Ей жизни стоить могъ блаженства часъ,
И что-жь?—Ее опасность не смущала,
А время уносилось безъ слѣда,
Не принося желаннаго плода.

CXXIII.

Здѣсь ваше обращаю я вниманье
На то, что въ взглядахъ Сѣверъ и Востокъ
Расходятся: для нѣжнаго признанья
На Сѣверѣ дается дольше срокъ,
А тамъ одна минута колебанья
Иль замедленья—пагубный порокъ:
Мгновенно тамъ должна рождаться страстность
Иль остраниться вамъ грозитъ опасность.

CXXIV.

Жуанъ бы не ударилъ въ грязь лицомъ,
Но объ Гайдѣ онъ думалъ и страданье
Другія чувства заглушало въ немъ;
Гюльбею онъ оставилъ безъ вниманья;
Его-жъ своимъ считала должникомъ
Султанша за опасное свиданье.
То вспыхнувъ вдругъ, а то какъ смерть блѣдна,
Стояла рядомъ съ юношей она.

CXXV.

Затѣмъ она дрожащею рукою
Его схватила руку, страстный взоръ
Бросая на него съ нѣмой мольбою;
Просила ласкъ, но встрѣтила отпоръ.
Подавлена душевною борьбою,
Она сдержала гнѣвъ и лишь укоръ
Сверкнулъ въ очахъ; но страсть въ ней бушевала
И вотъ она въ его объятья пала.

CXXVI.

Насталъ моментъ опасный, но Жуанъ
Былъ защищенъ бронёй сердечной боли
И гордости; онъ выпрямилъ свой станъ
И вырвался изъ плѣна; въ рабской долѣ
Томительнѣе боль сердечныхъ ранъ.
Онъ такъ сказалъ:—«Когда орёлъ въ неволѣ,
Не ищетъ онъ подруги, скорбь тая;
Разврату дань платить не буду я!...

CXXVII.

«Умѣю-ль я любить, ты знать хотѣла.
Суди о томъ, какъ чту любви законъ,
Коль страсть твоя мнѣ сердца не согрѣла:
Я—рабъ; нарядъ мой жалокъ и смѣшонъ;
Любовь—лишь для свободныхъ; если тѣло
Поработитъ порою можетъ тронъ,
Заставить ползать, сдерживая страсти,
Все-жь онъ надъ сердцемъ не имѣетъ власти».

CXXVIII.

Жуанъ сказалъ лишь правду, но границъ
Гюльбеи своеволіе не знало.
По ней, лишь для царей и для царицъ
И ихъ утѣхъ земля существовала.
Могли-ль предъ нею не склоняться ницъ
Рабы, когда она повелѣвала?
Легитимизмъ до выводовъ такихъ
Доводитъ всѣхъ сторонниковъ своихъ.

CXXIX.

Къ тому-жь ее природа надѣлила
Такой красой, что нищей будь она,
И все же бы надъ смертными царила,
Поклонниковъ толпой окружена...
Такой красы неотразима сила,
А ей и власть была въ удѣлъ дана:
Вѣнецъ царицы украшалъ Гюльбею,—
Кто-жь могъ не преклоняться передъ нею?

CXXX.

О, юноши! прошу припомнить васъ,
Какъ необузданъ гнѣвъ старухи страстной,
Просящей ласкъ, когда она отказъ
Встрѣчаетъ; месть ея всегда опасна,
О томъ вы, вѣрно, слышали не разъ.
Гюльбея же была вполнѣ прекрасна;
Что-жь чувствовать красавица могла,
Когда на зовъ отвѣта не нашла?

CXXXI.

Припомните, какъ поступила строго
Пентефрія супруга, Федры месть
Иль леди Буби *); жаль лишь, что немного
Въ исторіи такихъ примѣровъ есть;
На этотъ счетъ уроки педагога
Не мало пользы могутъ вамъ принесть;
Опасенъ женскій гнѣвъ; не въ силахъ дать я
О бѣшенствѣ Гюльбеи вамъ понятья.

CXXXII.

Ужасенъ гнѣвъ тигрицы, коль у ней
Дѣтенышей возьмутъ, но безъ сравненья
Бываетъ ярость женщины сильнѣй,
Что привести не можетъ въ исполненье
Облюбленныхъ желаній и затѣй.
Терять дѣтей—тяжелое мученье,
Утрату же возможности имѣть
Ихъ въ будущемъ—еще труднѣй стерпѣть.

CXXXIII.

Страсть къ размноженью—вотъ законъ природы;
Она присуща уткамъ, тиграмъ, львамъ;
Всѣ размножать хотятъ свои породы.
Вы посѣщали-ль дѣтскія?—И тамъ
Ужасный визгъ дѣтей, въ младые годы
Ихъ вѣчный крикъ—отраденъ матерямъ.
Что-жь, этотъ фактъ наглядно подтверждаетъ,
Какъ сильно чувство, что его рождаетъ.

CXXXIV.

Сказалъ бы я, что молніи металъ
Гюльбеи взоръ; но въ этомъ толку мало:
Въ ея очахъ всегда огонь сверкалъ.
Сказалъ бы, что лицо ея пылало;
Но этимъ бы понятья я не далъ
О томъ, какъ кровь въ ней сильно бушевала;
Предъ ней впервые не склонялись ницъ,
За то и гнѣвъ ея не зналъ границъ.

*) Леди Буби—героиня романа Фильдинга «Іосифъ Андрюсъ».

CXXXV.

Ужасный гнѣвъ продлился лишь мгновенье,
А то ее навѣрно-бъ онъ убилъ;
Не можетъ долго длиться изступленье;
Зловѣщій этотъ мигъ соединилъ
Въ ея душѣ всѣ адскія мученья;
Ревущій океанъ съ ней сходенъ былъ,
Когда онъ точитъ скалы съ злобой фурій;
Она-жъ была одушевленной бурей.

CXXXVI.

Такую ярость съ вспышкой не сравнить,
Какъ ураганъ съ дыханіемъ зефира;
Все-жъ не луну хотѣлось ей схватить,
Какъ Готспуру безсмертнаго Шекспира...
Хотѣлось ей «убить, убить, убить!»
(Припомните слова сѣдого Лира.)
Но пылъ ея въ концѣ концовъ угасъ
И слёзы градомъ хлынули изъ глазъ.

CXXXVII.

Грозой въ ней гнѣвъ проснулся и грозою
Безъ словъ пронесся мимо. Женскій стыдъ
Впервые пробудился въ ней рѣкою,
Что прорвала плотину и шумитъ.
Ея онъ душу наводнилъ собою.
Невыносима боль такихъ обидъ...
Хоть раны ихъ и жгучи, и глубоки,
Полезны и царямъ порой уроки...

CXXXVIII.

Они напоминаютъ имъ про связь,
Что сочетаетъ смертныхъ, и понятье
Даетъ о томъ, что все же мы—не грязь,
Хоть созданы изъ праха, что, какъ братья,
Горшки и урны сходны, что, гордясь
Породой или саномъ, отъ объятій
Зловѣщей смерти все же не уйдешь...
Какъ иногда такой урокъ хорошъ!

CXXXIX.

Сперва ей мысль пришла убить Жуана,
Затѣмъ въ себѣ любовь къ нему убить *),
Затѣмъ, не одобряя эти планы,
Ей захотѣлось зло его язвить,
Затѣмъ улечься спать, хоть было рано,
Потомъ кинжаломъ грудь себѣ пронзить,
Потомъ дать порку негру, въ знакъ привѣта:
Но лишь слезами кончилось все это.

CXL.

Убить себя хотѣлось ей съ тоски,
Да подъ бокомъ она кинжалъ носила,
А на Востокѣ ткани такъ легки
Что въ мигъ одинъ ее бы сталь пронзила.
Убить Жуана было-бъ ей съ руки,
И что-жь?—она рѣшенье измѣнила:
Вѣдь средство плохо, что ни говорить,
Снять голову, чтобъ сердце побѣдить.

CXLI.

Жуанъ былъ сильно тронутъ; съ горькой долей
Мирился онъ и въ томъ былъ убѣжденъ,
Что свѣта дня ужь не увидитъ болѣ
И что въ мученьяхъ жизнь окончитъ онъ.
Грѣшить онъ могъ, но лишь по доброй волѣ,
Что для него одно было законъ,
Онъ презрѣлъ бы и пытки, и угрозы,
Но женщины его смутили слезы...

CXLII.

Онъ потерялъ рѣшимость и, во всемъ
Себя виня, отказу сталъ дивиться
(Но почему—не знаю). Онъ о томъ
Сталъ думать, какъ бы съ нею помириться.
Жалѣлъ онъ, что пошелъ такимъ путемъ,
Какъ инокъ, что обѣтомъ тяготится
Иль женщина замужествомъ своимъ.
Сдержать обѣтъ тогда возможно-ль имъ?

*) Игра словъ въ подлинникѣ.

CXLIII.

Онъ смутно бормотать сталъ извиненья,
Но въ этихъ обстоятельствахъ слова—
Пустые звуки, чуждые значенья;
Поэзія—и та свои права
Утратила-бъ въ подобномъ положеньи.
Гюльбея стала таять; но едва
Клониться къ примиренью стало дѣло,
Вошелъ Баба, смущенно и несмѣло.

CXLIV.

—«Подруга солнца и сестра планетъ,—
Такъ евнухъ ей сказалъ, потупя взоры,—
Передъ тобой склоняется весь свѣтъ,
Свѣтилъ и тѣхъ тебѣ послушны хоры.
Отъ солнца я тебѣ несу привѣтъ,
Оно само появится здѣсь скоро.
Какъ свѣтлый лучъ, я посланъ имъ впередъ...
Надѣюсь, своевременъ мой приходъ».

CXLV.

Она сказала:—«На его сіянье
Лишь завтра мнѣ хотѣлось бы взглянуть.
Ну, что-жь, зови альмей, пусть ихъ собранье
Вокругъ меня блеститъ какъ млечный путь,
А ты, гяуръ, коль есть въ тебѣ желанье
Проступокъ свой загладить чѣмъ-нибудь,
Устройся такъ, чтобъ между ними скрыться,—
Султанъ идетъ и надо торопиться...

CXLVI.

Дворецъ, что былъ какъ будто пустъ и нѣмъ,
Вдругъ ожилъ, облитой горячимъ свѣтомъ;
Явились одалиски и затѣмъ
Всѣ евнухи, согласно съ этикетомъ,—
Султанъ, когда свой посѣщалъ гаремъ,
Заранѣе предупреждалъ объ этомъ.
Гюльбею изъ своихъ законныхъ женъ
Любилъ и баловалъ всѣхъ больше онъ.

CXLVII.

Султанъ былъ строгъ и видъ имѣлъ надменный,
Не брился онъ и не снималъ чалмы;
Крамолой возведенный въ санъ священный,
На тронъ вступилъ онъ прямо изъ тюрьмы.
Онъ смертный былъ вполнѣ обыкновенный.
(Да въ Турціи назвать не можемъ мы
Ни одного великаго султана,
За исключеньемъ, развѣ, Солимана.)

CXLVIII.

Обряды всѣ онъ свято исполнялъ,
Какъ долгъ велитъ намѣстнику Пророка;
Визирь же государствомъ управлялъ,—
Въ занятіяхъ султанъ не видѣлъ прока.
Онъ женами обманутъ ли бывалъ,
Намъ не узнать: по правиламъ Востока,
Разводовъ нѣтъ; считая ихъ за срамъ,
Въ повиновеньи держатъ женщинъ тамъ.

CXLIX.

Онѣ идутъ указанной дорогой.
Когда-жь порой случается грѣшокъ,
О преступленьи говоритъ не много:
Сокрываютъ тайну море и мѣшокъ.
Хоть тамъ не существуетъ прессы строгой,
Безжалостно бичуется порокъ;
Напрасно будетъ онъ искать защиты,—
И грѣхъ наказанъ, да и рыбы сыты.

CL.

Что мѣсяцъ—шаръ, султанъ былъ убѣжденъ;
Но о землѣ онъ былъ иного мнѣнья.
Могуществомъ своимъ гордился онъ,
Хотя не зналъ границъ своихъ владѣній;
Возстаньями порой бывалъ смущенъ,
Но ихъ считалъ лишенными значенья,—
Вѣдь никогда съ тѣхъ поръ, какъ онъ царилъ,
До «Семи Башенъ» врагъ не доходилъ.

CLI.

Въ ту крѣпость лишь порою попадали
Посланники воюющихъ державъ,
За то, что много лишняго болтали,
Не признавая Порты вѣскихъ правъ;
Ихъ мѣрами крутыми пріучали
Свой сдерживать неукротимый нравъ;
Сажали ихъ въ твердыню «Семи Башенъ»—
Для прекращенья всякихъ смутъ и шашенъ.

CLII.

Султанъ отцомъ громадной былъ семьи;
Десятками дѣтей его считали;
Принцессъ въ дворцахъ держали въ заперти,
До свадьбы, за пашей ихъ выдавали;
Иныхъ вѣнчали даже лѣтъ шести.
Вы этому повѣрите едва ли,
Но важная на то причина есть:
Богатый даръ обязанъ зять принесть.

CLIII.

Тамъ принцевъ крови незавидна доля:
Они свой вѣкъ влачатъ въ тюрьмѣ глухой;
Что ждетъ ихъ—тронъ, веревка иль неволя—
Про то извѣстно лишь судьбѣ одной;
Ихъ ничему не учатъ, лѣнь—ихъ холя,
И если взвѣсить, то изъ нихъ любой
(Такъ хороша имъ пройденная школа)
Равно достоинъ петли иль престола.

CLIV.

Войдя, его величество султанъ
Привѣтствовалъ жену съ церемоніаломъ,
Что требовалъ ея высокій санъ.
Она къ нему, съ радушьемъ небывалымъ,
Пошла на встрѣчу. Ласкою обманъ
Жена желаетъ скрыть. Ей покрываломъ
Притворство служитъ. Грѣшная жена
Всегда къ супругу нѣжности полна.

CLV.

Султанъ окинулъ взглядомъ все собранье
И на Жуана, въ сонмѣ юныхъ женъ,
Невольно обратилъ свое вниманье;
Онъ этимъ видомъ не былъ пораженъ
Но у Гюльбеи замерло дыханье.
«Я вижу,—такъ женѣ замѣтилъ онъ,—
Что у тебя есть новая служанка;
Мнѣ жаль, что такъ красива христіанка!»

CLVI.

Султана необычная хвала
Какъ громомъ все собранье поразила
И взоры всѣхъ къ Жуану привлекла;
Любезность эта и его смутила:
Чѣмъ дочь гяура въ честь попасть могла?
Волненье всѣхъ невольно охватило,
И еслибъ не придворный этикетъ,
Гаремъ бы поднялъ шумъ, сомнѣнья нѣтъ...

CLVII.

Отчасти турки дѣлаютъ прекрасно,
Что держатъ въ заперти своихъ супругъ:
Свобода тамъ для женщины опасна,
Гдѣ яркіе лучи бросаетъ Югъ;
На Сѣверѣ такъ поступать напрасно:
Тамъ каждый смертный нравственности другъ
И бѣлъ какъ снѣгъ; но жгучія отравы,
Что Югъ вливаетъ въ жилы, губятъ нравы.

CLVIII.

Вотъ почему Востокъ неумолимъ
И бѣдныхъ женщинъ держитъ въ черномъ тѣлѣ;
Свобода даже и не снится имъ;
Тамъ цѣпи брака—цѣпи въ самомъ дѣлѣ.
Такихъ воззрѣній вредъ неоспоримъ;
Гаремъ своей не достигаетъ цѣли;
И многоженство этому виной,—
Ну, то ли дѣло жить съ одной женой!

CLIX.

Здѣсь отдохнуть немного я намѣренъ.
Хоть бодръ еще и силенъ мой Пегасъ,
Но правиламъ эпическимъ я вѣренъ.
Вѣдь классики такъ дѣлали не разъ.
Какъ видите, примѣръ ихъ не потерянъ.
Вздохнувъ, опять примуся за разсказъ.
Такъ отдыхать случалось и Гомеру,
И я его послѣдую примѣру.

Павелъ Козловъ.

Здоровье русскаго народа въ связи съ условіями его быта.

II *).

Указавши на безпримѣрную болѣзненность, смертность и бѣдность нашего населенія съ ея необходимыми послѣдствіями и познакомившись съ условіями питанія и помѣщенія нашего населенія, мы не будемъ останавливаться на другихъ условіяхъ, при которыхъ развивается его жизнь. И это не потому, чтобы другія условія благопріятствовали нормальному развитію его здоровья, жизни,—нѣтъ, своимъ неразумнымъ тысячелѣтнимъ отношеніемъ къ жизни мы засквернили лицо земли, отравили ея воды, и природа, за дерзкое нарушеніе ея законовъ, казнитъ насъ ужасающимъ вымираніемъ, чтобъ очистить землю отъ неразумія народнаго. Мы не будемъ останавливаться надъ другими условіями жизни населенія, потому что цѣль нашей работы заключается въ указаніи данныхъ для пониманія дѣйствительнаго состоянія нашего санитарнаго быта,—для того, чтобъ изъ вѣрнаго его пониманія сдѣлать выводы, указывающіе, чѣмъ мы можемъ избавиться отъ тяготѣющаго надъ нами зла.

Указанныя нами болѣзненность и смертность населенія нашихъ центральныхъ губерній убѣждаютъ, что большая часть его больна; доказанная бѣдность извѣстной части населенія говоритъ объ ужасающей гигіенической обстановкѣ больныхъ его, которые если будутъ оставлены при тѣхъ же условіяхъ, то должны будутъ вымирать. При такихъ условіяхъ жизни населенія, собственный интересъ общества долженъ побудить его сдѣлать все возможное для отвращенія существующаго и будущаго истребле-

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ленія русскаго народа. Но какъ?—На основаніи сказаннаго мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что собственно медицинскими терапевтическими средствами уменьшить смертность нашего населенія невозможно, потому что, при такой громадной болѣзненности и смертности его, невозможно имѣть необходимаго для этого числа медицинскихъ силъ. Но если мы и допустимъ невѣроятное, что у насъ будетъ необходимый для этого медицинскій персоналъ, то и при этомъ уменьшеніе болѣзненности и смертности немыслимо, потому что у насъ есть все для производства болѣзни, смерти, и нѣтъ необходимаго для поддержанія здоровья, жизни,—мы бѣдны. Для того, чтобы принести дѣйствительную пользу населенію, необходимо, чтобъ одновременно были уменьшаемы смертность и бѣдность населенія, которыя въ одно и то же время служатъ и причиной, и слѣдствіемъ другъ для друга. Такую задачу можетъ разрѣшить только здравая гигіена, которая, уменьшая развитіе заразныхъ болѣзней и устраняя изъ жизни населенія условія, производящія его болѣзненность и смертность, указывала бы въ то же время, какъ болѣе цѣлесообразно употреблять наличныя средства и какъ открывать новыя.

Въ настоящее время есть признаки, указывающіе, что на санитарныя наши условія начинаютъ обращать вниманіе; но вопросъ въ томъ, насколько это вниманіе является выраженіемъ сознательнаго убѣжденія какъ въ необходимости улучшить наши санитарныя условія, такъ и въ возможности достигнуть этого улучшенія при наличности тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, какія есть у общества.

Вопросъ этотъ является потому, что мы часто дѣлаемъ то или другое не потому, что убѣждены въ необходимости, въ пользѣ этого, и не потому, что у насъ есть необходимыя силы достигнуть назначенной цѣли, а потому, что этого требуетъ мода, и потому, что своею дѣятельностью мы желаемъ обмануть себя и другихъ, успокоить совѣсть. Логика мысли человѣка тождественна съ логикой фактовъ жизни; поэтому сознательное представленіе о возможности и необходимыхъ силахъ для производства извѣстнаго дѣйствія должно предшествовать самому дѣйствію. Между тѣмъ у насъ очень не рѣдки явленія, указывающія, что мы знаемъ, какъ нужно произвести то или другое, только тогда, когда это сдѣлано, т. е. испорчено; въ нашей способности прежде дѣлать, а потомъ соображать, какъ нужно дѣлать, заключается одна изъ причинъ безполезности, а часто и вредности нашихъ

дѣйствій. Поэтому для предупрежденія, чтобъ улучшеніе нашего санитарнаго быта, если только оно будетъ предпринято, не сопровождалось такимъ же плачевнымъ результатомъ, какимъ окончились многія очень полезныя мѣропріятія,—обратимъ теперь вниманіе на то, чѣмъ мы владѣемъ для цѣлесообразнаго примѣненія санитарныхъ правилъ къ жизни нашего населенія. Присутствіе или отсутствіе необходимыхъ, для осуществленія извѣстной мѣры, силъ и средствъ есть вѣрный указатель того, должно или же не должно браться за осуществленіе этой мѣры. Еслибы при разсмотрѣніи тѣхъ наличныхъ силъ и средствъ, которыя есть у насъ для разрѣшенія нашихъ санитарныхъ задачъ, оказалось, что этихъ силъ недостаточно, что, владѣя ими, невозможно разрѣшить цѣлесообразно наши санитарныя задачи, то такое сознаніе укажетъ на два раціональныхъ рѣшенія, которыя мы можемъ принять въ этомъ отношеніи. Первое: ввести въ нашъ санитарный отдѣлъ новыя, необходимыя для цѣлесообразнаго его обнаруженія, силы; второе: если первое по какимъ бы то ни было причинамъ невозможно, то предоставить существующее вымираніе его естественному ходу. «Noli nocere, ubi juvare non potes».

Для примѣненія къ жизни населенія гигіеническихъ правилъ необходимо слѣдующее: 1) Необходимы санитарные законы, не только обязательные къ исполненію, но и дѣйствительно исполняющіеся. 2) Необходимы врачи-гигіенисты, которые, наблюдая за точнымъ исполненіемъ санитарныхъ законовъ и цѣлесообразнымъ расходованіемъ средствъ, изучили бы въ то же время условія жизни населенія какъ для опредѣленія ихъ вреда и пользы, такъ и для того, чтобы знать, какія изъ условій, при ихъ разработкѣ, могутъ дать полезное населенію. 3) Необходимо спеціальное учрежденіе, по иниціативѣ котораго должны быть примѣняемы правила гигіены. Оно должно контролировать дѣятельность гигіенистовъ, обработывать доставляемый ими матеріалъ и ходатайствовать предъ правительствомъ какъ объ изданіи новыхъ обязательныхъ законовъ и объ отмѣнѣ старыхъ, такъ и о доставленіи средствъ, необходимыхъ для примѣненія къ жизни населенія гигіеническихъ правилъ. Мы не будемъ останавливаться надъ вопросомъ, почему указанныя нами условія необходимы для цѣлесообразнаго примѣненія правилъ гигіены, потому что такую необходимость мы считаемъ понятною для каждаго, а потому переходимъ къ разсмотрѣнію того, имѣются ли у насъ указанныя нами три условія.

Значительная часть нашихъ санитарныхъ законовъ, изложенныхъ въ XIII т. Св. зак., изданы въ прошломъ столѣтіи, когда гигіена, какъ наука, еще не существовала и когда условія нашей общественной жизни были менѣе сложны, нежели настоящія. Соотвѣтствуя условіямъ жизни прошлаго столѣтія и тогдашнему состоянію науки медицины, наши санитарные законы прошлаго столѣтія не могли содержать постановленій, относящихся до тѣхъ проявленій общественной жизни, которыя въ то время не существовали. Такъ, напримѣръ, о фабричной, заводской дѣятельности, а равно относительно школьнаго воспитанія въ нашемъ законѣ почти ничего не говорится. Кромѣ этого, наши санитарные законы прошлаго столѣтія, какъ составленные въ то время, когда медицинская наука стояла на низшей степени развитія, когда условія о распространеніи, напримѣръ, заразительныхъ болѣзней были далеко не полны, — не могли признать извѣстныя условія вредными. Но и законы изданные въ настоящемъ столѣтіи не имѣютъ той полноты, при условіи которой была бы возможность получить полезное. Законъ 1845 года (ст. 941 т. XIII), запрещая содержателямъ гостиницъ, постоялыхъ дворовъ и проч. давать останавливающимся у нихъ кровать, постель, или бѣлье, бывшія въ употребленіи страдавшихъ заразительными болѣзнями, ничего не говоритъ о помѣщеніи, въ которомъ были эти больные. Между тѣмъ въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что комната, въ которой былъ больной съ заразительною болѣзнію, долгое время можетъ служить источникомъ зараженія. Единственная причина, вслѣдствіе которой наши санитарные законы не могли, въ продолженіе 200-лѣтняго ихъ существованія, получить необходимую для охраненія народнаго здоровья полноту, должна быть признана въ томъ, что законы эти относительно примѣненія ихъ къ жизни находились и находятся исключительно въ рукахъ не спеціалистовъ. Отданные, при самомъ ихъ появленіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подъ наблюденіе частныхъ лицъ (ст. 939 т. XIII Св. зак.), потомъ подъ наблюденіе полиціи и, наконецъ, въ настоящее время подъ наблюденіе земскихъ и городскихъ учрежденій, наши санитарные законы не могли развиваться соотвѣтственно развитію гигіены. Законы, какъ естественные вообще, такъ и санитарные въ частности, есть результатъ наблюденія явленій въ ихъ соотношеніяхъ, есть результатъ знанія причинной ихъ послѣдовательности. Не говоря уже о томъ, что не всякій обладаетъ спо-

собностью наблюдать явленія, оцѣнивать ихъ по ихъ достоинству и дѣлать изъ нихъ правильный выводъ,—въ спеціальномъ дѣлѣ и наблюдать, и дѣлать полезно-вѣрный выводъ можетъ только спеціалистъ. Естественно, что при завѣдываніи нашимъ санитарнымъ отдѣломъ неспеціалистами они не могли указать основаній для изданія новыхъ законоположеній, соотвѣтствующихъ потребностямъ жизни населенія. Санитарные законы могутъ быть издаваемы или для того, чтобы сдѣлать обязательнымъ къ исполненію то, что полезно, или же воспретить то, что вредно; но въ томъ и другомъ случаяхъ необходима наличность фактовъ, требующихъ этихъ законоположеній. Понятно, что правительство, не имѣя въ виду основаній, требующихъ изданія того или другаго закона, не могло и издавать его. Впрочемъ, неполнота нашихъ санитарныхъ законовъ и несоотвѣтственность ихъ настоящему состоянію гигіены и условіямъ нашей общественной жизни извѣстны каждому, обращавшему на это вниманіе. Само правительство признаетъ существующіе у насъ санитарные законы неполными, какъ это можно видѣть изъ 102 прилож. къ 1064 ст. карантиннаго устава, въ которой вмѣсто ссылки на санитарные законы находимъ подробное перечисленіе всего, что должно быть сдѣлано въ смыслѣ требованій гигіены.

Но и тѣ немногіе санитарные законы, которые у насъ есть, находятся, если такъ можно выразиться, въ странномъ положеніи, потому что, существуя въ нашемъ кодексѣ какъ обязательные къ исполненію, они не имѣютъ приложенія къ жизни, т. е. почти не исполняются. Посмотримъ, напримѣръ, на примѣненіе ст. 955 тома XIII Св. зак., предписывающей, въ случаѣ появленія оспенной эпидеміи, прививать оспу всѣмъ, у кого ея не было. Изъ отчетовъ медицинскаго департамента о ходѣ этой эпидеміи въ 1877 году мы видимъ слѣдующее: въ Пензенской губерніи запасовъ свѣжей лимфы почти ни у одного фельдшера не найдено; въ Вятской губерніи оспу успѣли привить менѣе чѣмъ половинѣ дѣтей; въ Ярославской губерніи принятіе мѣръ противъ натуральной оспы было оставлено въ рукахъ фельдшеровъ при недостаточномъ ихъ числѣ и безъ снабженія доброкачественною лимфой; въ Пермской губерніи оспенный комитетъ, не имѣя матеріальныхъ средствъ, ограничилъ свою дѣятельность письменными наставленіями. Приведенные нами факты доказываютъ, что не одна 955 ст., а многія статьи нашего закона объ оспопрививаніи не исполняются. Возьмемъ еще 1007 ст. XIII т. Св. зак.,

которою опредѣлется, чтобы Вольно-Экономическому Обществу отпускалась извѣстная сумма для содѣйствія распространенію оспопрививанія. Изъ отчета медицинскаго департамента видно, что Вольно-Экономическое Общество въ 1877 году разослало по разнымъ губерніямъ 3.240 трубочекъ телячей лимфы. Этому Обществу, какъ учрежденію обязанному заботиться о распространеніи оспопрививанія въ Россіи, должна быть извѣстна работа доктора Снытkина, изданная имъ въ 1875 году. Въ этой работѣ доказано, что непрививаемость телячьей лимфы, при непосредственномъ привитіи отъ теленка къ человѣку, равняется 90%; слѣдовательно непрививаемость заготовленной лимфы должна доходить до 100%. Доказательство послѣднему мы находимъ въ отзывахъ ковенскаго и томскаго врачебныхъ отдѣленій, приводимыхъ отчетомъ медицинскаго департамента, которые указываютъ, что доставленная Обществомъ лимфа вовсе не привилась. Такой результатъ показываетъ, что указанная закономъ цѣль вовсе не достигается. Остановимся еще на одномъ примѣрѣ: 13 ст. прил. къ 969 ст. XIII т. Св. зак. по прод. 1876 года предписываетъ, чтобъ оспопрививатели снимали оспенную лимфу отъ здоровыхъ дѣтей, которымъ не менѣе шести мѣсяцевъ отъ рожденія. Статья эта выражаетъ мнѣніе авторитетовъ по оспопрививанію—Гебры, Жеймана и другихъ, которые утверждаютъ, что лимфа, взятая отъ дѣтей моложе шести мѣсяцевъ, а также отъ дѣтей, о состояніи здоровья которыхъ невозможно судить по неизвѣстности ихъ родителей, т. е. отъ дѣтей незаконно-рожденныхъ, можетъ послужить условіемъ для привитія вмѣстѣ съ оспенною лимфой и сифилиса. Между тѣмъ въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ оспенная лимфа для привитія питомцамъ и для разсылки по всей Россіи собиралась отъ дѣтей двухъ-трехъ недѣль и неизвѣстныхъ родителей.

Изъ массы причинъ, обусловливающихъ неисполненіе нашихъ обязательныхъ санитарныхъ законовъ, мы остановимся на одной, разсмотрѣніе которой покажетъ, что извѣстные законы не исполняются между прочимъ и потому, что они поставлены въ условія, затрудняющія ихъ исполненіе. Такъ, со времени введенія земскихъ и городскихъ учрежденій, законъ возложилъ на нихъ обязанность охраненія народнаго здравія, а между тѣмъ эта же обязанность съ положительнымъ правомъ пользоваться силою закона сохранена и за полиціей. Каждое изъ этихъ учрежденій, дѣйствующихъ самостоятельно, имѣетъ настолько важное значеніе въ

дѣлѣ охраненія народнаго здравія, что для цѣлесообразнаго исполненія извѣстной санитарной мѣры необходимо соглашеніе между ними. Ни администрація, ни земство отдѣльно не могутъ исполнить возложенной на нихъ обязанности, потому что у администраціи есть сила распорядительная, сила закона, но нѣтъ средствъ исполненія; у земства же есть средства, но нѣтъ власти. На практикѣ охраненіе народнаго здравія двумя учрежденіями выражается такъ: появилась эпидемическая болѣзнь и начинается усиленная письменная дѣятельность администраціи какъ для опредѣленія появившейся болѣзни, такъ и ея правъ на вниманіе со стороны общества, а болѣзнь развивается. Наконецъ, по исполненіи всѣхъ формальностей, администрація относится къ земству съ просьбой о принятіи извѣстныхъ мѣръ противъ эпидеміи.

Не особенно рѣдки случаи, въ которыхъ земскія управы, вмѣсто исполненія извѣстныхъ мѣръ, указываемыхъ администраціей, ограничиваются лаконическимъ отвѣтомъ: у земства нѣтъ средствъ. Изъ сказаннаго видно, что исполненіе нашихъ обязательныхъ законовъ зависитъ часто отъ случайностей. Приведенныхъ соображеній и фактовъ достаточно для убѣжденія, что существующіе у насъ санитарные законы не соотвѣтствуютъ настоящимъ условіямъ нашей общественной жизни и состоянію науки и что они не исполняются. Слѣдовательно у насъ нѣтъ одного изъ главныхъ условій для цѣлесообразнаго примѣненія въ жизни населенія гигіеническихъ правилъ. Къ такому же выводу мы должны придти и относительно врачей-гигіенистовъ, необходимыхъ для разрѣшенія нашихъ санитарныхъ задачъ. Ихъ нѣтъ вслѣдствіе той же самой причины, по которой наши санитарные законы не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной науки: нашимъ санитарнымъ отдѣломъ завѣдывали не спеціалисты.

Гигіена, какъ сводъ научныхъ положеній, преслѣдуетъ двѣ цѣли. Первая цѣль достигается указаніемъ тѣхъ условій жизни, которыя необходимы для нормальнаго развитія физіологическихъ процессовъ человѣка; вторая же—указаніемъ тѣхъ условій, которыя препятствуютъ нормальному развитію организма, а потому, какъ вреднодѣйствующія, должны быть уничтожены. Указывая полезное и вредное для жизни человѣка и общества, гигіена объясняетъ въ то же время, какъ цѣлесообразное, полезное провести въ жизнь, а вредное устранить изъ жизни, и въ послѣднемъ отношеніи гигіена представляется своего рода терапіей, стремящейся устранить ненормальныя, болѣзненныя условія жизни человѣка

и общества. Полезныхъ результатовъ можно достигнуть только тогда, когда одновременно преслѣдуются обѣ цѣли гигіены. Поэтому врачомъ-гигіенистомъ можетъ быть признанъ только тотъ врачъ, который вмѣстѣ съ знаніемъ условій, нужныхъ для нормальнаго развитія человѣка, обладаетъ и знаніемъ тѣхъ условій, которыя вредно дѣйствуютъ на жизнь общества. Если законы, указывающіе, что нужно для нормальнаго развитія человѣческаго организма, становятся достояніемъ всего человѣчества, въ какомъ бы государствѣ ни были выработаны эти законы, то относительно разработки вредно-дѣйствующихъ условій такой всеобщности быть не можетъ. Гигіена каждаго народа указываетъ и оцѣниваетъ значеніе только тѣхъ вредно-дѣйствующихъ условій, которыя свойственны только этому народу. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вредно-дѣйствующія условія на здоровье не могутъ быть тождественны у всѣхъ народовъ; различіе этихъ вредныхъ условій зависитъ отъ различія историческаго развитія народовъ, ихъ вѣрованій, суевѣрій, предразсудковъ, обычаевъ, привычекъ, выработанныхъ бытовыми условіями народовъ и послужившихъ источниками тѣхъ или другихъ, вредно-дѣйствующихъ на жизнь, условій. Высказывая это, мы не хотимъ сказать, что у различныхъ народовъ нѣтъ одинаково вредно-дѣйствующихъ на жизнь условій, а только указываемъ, что у каждаго народа должны быть свои, ему только свойственныя, вредныя условія, которыя онъ самъ и долженъ изучать.

Признавая, что знаніе неблагопріятно-дѣйствующихъ условій на здоровье населенія есть одно изъ необходимыхъ условій, чтобы врачъ могъ быть признанъ за гигіениста, дѣлается совершенно яснымъ, почему у насъ нѣтъ гигіенистовъ. Нѣтъ въ мірѣ другаго государства, какъ наше, которое было бы такъ разнообразно по народностямъ, входящимъ въ его составъ, съ ихъ вѣрованіями, суевѣріями, предразсудками и проч., и о которомъ бы въ то же время такъ мало было извѣстно относительно неблагопріятно-дѣйствующихъ условій на жизнь этихъ народностей. Мы видѣли, что населеніе наше представляетъ рѣзкія ненормальности какъ со стороны физическаго развитія, такъ и со стороны нравственнаго проявленія; но отъ чего это происходитъ, какія именно изъ условій жизни населенія должны быть признаны за причины этихъ ненормальностей—мы вѣрно не знаемъ. Въ предыдущей статьѣ мы указали на ненормальныя явленія нашей санитарной жизни, открытыя д—ромъ Осиповымъ, обнаруживаю-

щіяся въ вымираніи весною взрослаго, а лѣтомъ дѣтскаго населенія. Явленія эти повторяются изъ года въ годъ, слѣдовательно они составляютъ результатъ постоянно дѣйствующихъ условій, но какихъ—мы не знаемъ. Если мы и высказали предположеніе, способное, по нашему мнѣнію, объяснить эти явленія, то это предположеніе не больше какъ вѣроятность, которая не можетъ быть положена въ основаніе тѣхъ или другихъ мѣропріятій.

При отсутствіи знанія вредно-дѣйствующихъ условій нашей санитарной жизни, эти послѣднія не только не могутъ быть научнымъ образомъ разобраны въ теоретическихъ курсахъ гигіены, но и остаются совершенно неизвѣстны для врачей, изучившихъ эти курсы. Правда, врачи при изученіи этихъ курсовъ, основанныхъ на ученіяхъ западныхъ гигіенистовъ, узнаютъ о вредно-дѣйствующихъ условіяхъ жизни; но какихъ?—тѣхъ, которыя вредны для жителей Англіи и Америки. Если остановиться на значеніи получаемыхъ врачами теоретическихъ свѣдѣній о вредно-дѣйствующихъ условіяхъ, то явится вопросъ, не лучше ли было бы, еслибъ объ этихъ вредно-дѣйствующихъ англійскихъ условіяхъ въ нашихъ теоретическихъ курсахъ ничего не сообщалось, а вмѣсто этого было бы сказано, что о вредно-дѣйствующихъ условіяхъ нашей жизни мы ничего не знаемъ.

Высказываемъ мы такое мнѣніе въ виду того, что врачи, по выслушаніи курса гигіены, который представляетъ видимую полноту, законченность, считаютъ и имѣютъ право считать, что указанныя въ немъ вредно-дѣйствующія условія исчислены и оцѣнены всѣ; а это ведетъ къ тому, что врачи преслѣдуютъ только тѣ вредныя условія, о которыхъ имъ сообщили теоретическіе курсы и которыя часто въ нашей-то жизни почти не имѣютъ никакого значенія, а между тѣмъ совершенно не обращаютъ вниманія на дѣйствительно-вредныя условія нашей жизни.

Высказанными положеніями не исчерпываются условія, препятствующія тому, чтобъ у насъ были врачи-гигіенисты. Получивши неполное теоретическое знаніе гигіены, врачи бываютъ поставлены въ невозможность пополнить своей собственною работой пробѣлы своихъ гигіеническихъ знаній. При завѣдываніи нашимъ санитарнымъ отдѣломъ неспеціалистами, дѣятельность врача въ санитарномъ отдѣлѣ есть дѣятельность пассивная; она отрывочна, непослѣдовательна, а потому не можетъ быть условіемъ для собственнаго гигіеническаго образованія. Въ такой обстановкѣ врача находится причина, почему мы не знаемъ о вредно-

дѣйствующихъ условіяхъ нашей собственно санитарной жизни. Кромѣ этого, отсутствіе самостоятельной дѣятельности врача въ области гигіены составляетъ причину того, что врачъ не можетъ быть вполнѣ полезнымъ и въ области тѣхъ свѣдѣній, которыми онъ владѣетъ, потому что одно теоретическое знаніе безъ практической опытности не можетъ сдѣлать человѣка полезнымъ спеціалистомъ. Только самостоятельная дѣятельность человѣка въ области какой бы то ни было спеціальности при теоретическомъ знаніи вырабатываетъ въ немъ способность наблюдать явленія и правильно ихъ оцѣнивать. Вслѣдствіе вышеизложенныхъ условій дѣятельность русскихъ врачей во многихъ случаяхъ окажется нецѣлесообразною и несоотвѣтствующею злобѣ дня. Различіе отношеній къ гигіеническимъ задачамъ русскихъ врачей находится въ извѣстной степени въ зависимости отъ различія ихъ нравственныхъ міровоззрѣній, выработанныхъ въ нихъ жизнью. Одни, сознавая, что слабо знаютъ требованія гигіены, сознаются въ этомъ и отказываются отъ разрѣшенія предложенныхъ имъ гигіеническихъ задачъ, для чего, само собою понятно, необходимы извѣстная степень знанія гигіены и честная гражданская добросовѣстность. Такъ, одинъ профессоръ университета, на приглашеніе окружнаго суда явиться въ качествѣ эксперта по одному изъ гигіеническихъ вопросовъ, заявилъ суду, что онъ не считаетъ себя въ области гигіены настолько компетентнымъ, чтобы быть экспертомъ. Другіе не останавливаются малознаніемъ требованій гигіены и съ полною самоувѣренностью выдаютъ за послѣднее слово науки то, что давно въ ней признано абсурдомъ. Такъ профессоръ Ч., въ заботѣ о предохранительныхъ мѣрахъ отъ чумы, вопросъ о провѣтриваніи жилыхъ помѣщеній, составляющій одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ нашего времени, разрѣшилъ очень легко, если только не наивно: онъ совѣтуетъ, для провѣтриванія комнатъ, открывать форточки и окна, выходящія на улицу, а не на помойныя ямы. Такъ отнеслись гг. профессора къ извѣстнымъ, намѣченнымъ для ихъ разрѣшенія, задачамъ.

Другой оттѣнокъ имѣетъ дѣятельность врачей, обнаруживающихъ свою дѣятельность въ области гигіены, или же призванныхъ обществами для указанія пути избавленія отъ поражающихъ это общество болѣзненности и смертности. Общій характеръ этой дѣятельности заключается въ томъ, что они почти не выходятъ изъ того круга вредно-дѣйствующихъ условій, который очерченъ западными гигіенистами,—они ищутъ того вреднаго, что

вредно тамъ, за тридевять земель, нисколько не обращая вниманія на дѣйствительно вредное у насъ.

Въ западныхъ государствахъ, напримѣръ, производится большая фабрикація коровьяго молока съ помощію крахмала, мѣла, бараньяго мозга и проч., и у насъ очень умные люди занимются этимъ отдѣломъ единственно для того только, чтобы сказать, что такихъ примѣсей въ нашемъ молокѣ нѣтъ. Напуганы западныя государства трихинами—и у насъ начинается многолѣтняя погоня за трихинами. Мы далеки отъ неуваженія къ научнымъ работамъ, въ какомъ бы онѣ ни были сдѣланы направленіи; но мы остановились на указанныхъ работахъ потому, чтобы доказать, что наши гигіенисты вертятся на разрѣшеніи вопросовъ, составляющихъ злобу дня западныхъ государствъ, но далеко не соотвѣтствующихъ тому, что особенно нужно для русскаго населенія. Странно видѣть лицъ занимающихся украшеніемъ лѣпною работой такого дома, который разваливается; разумнѣе было бы, еслибъ эти лица подставили подъ этотъ домъ хотя подпорки въ надеждѣ его будущаго радикальнаго исправленія. У насъ истинному гигіенисту есть надъ чѣмъ поработать. Возьмемъ еще примѣръ, доказывающій, что русскій гигіенистъ не дошелъ еще до такого раціональнаго пониманія нашихъ санитарныхъ задачъ, которое дѣлало бы его дѣятельность соотвѣтствующею требованіямъ нашей общественной жизни. Врачъ, приглашенный вятскимъ земствомъ въ качествѣ гигіениста, обозначилъ въ программѣ своей будущей дѣятельности, какъ особенно важныя, и такія задачи, какъ изслѣдованіе мѣстностей, назначенныхъ подъ новыя деревни, села, города, и изслѣдованіе воды относительно примѣсей къ ней свинцовыхъ солей. Слова нѣтъ, указанныя гигіеническія задачи, которыми предполагаетъ заняться вятскій санитарный врачъ, очень и очень важны, напримѣръ, для Америки и Англіи, въ которыхъ, при развитіи колонизаціи, города растутъ словно грибы послѣ дождя и въ которыхъ благосостояніе достигло до повсемѣстнаго употребленія металлическихъ издѣлій. Но у насъ, да еще въ Вятской губерніи со смертностью въ 4,59%, задаваться такими вопросами тождественно съ признаніемъ въ непониманіи задачъ гигіены и въ желаніи имѣть пріятное времяпрепровожденіе. Вятскому гигіенисту долженъ бы быть извѣстнымъ фактъ, единственный, по всей вѣроятности, во всѣхъ государствахъ, пользующихся судомъ присяжныхъ. Вятское земство входило съ ходатайствомъ въ правительствующій сенатъ—разрѣшить ему, зем-

ству, выдавать денежное пособіе лицамъ, бывающимъ въ числѣ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ многіе изъ нихъ, въ свободное отъ засѣданій въ судѣ время, ходятъ по городу и сбираютъ для своего пропитанія милостыню. Извѣстно, что въ составъ присяжныхъ засѣдателей назначаются лица болѣе состоятельныя, и если на практикѣ оказывается, что и эти-то лица пропитываются милостыней, то можно ли предположить, чтобъ у этихъ лицъ и болѣе бѣдныхъ, нежели они, существуютъ условія для отравленія ихъ воды свинцовыми солями?

Если мы имѣемъ поражающую болѣзненость и безпримѣрную смертность, то причины этого—не въ свинцовомъ отравленіи, такъ какъ у большинства нашего населенія, вслѣдствіе его бѣдности, свинца-то и въ поминѣ нѣтъ,—не въ густотѣ населенія, требующей основанія новыхъ городовъ, такъ какъ 5% смертность есть указатель не наростанія, а вымиранія населенія,—не въ отравленіи трихинами свинаго мяса, котораго большая часть населенія даже не видитъ,—не въ примѣси различныхъ веществъ къ молоку, котораго у насъ такъ мало, что не хватаетъ даже и для дѣтей, а въ томъ легіонѣ противогигіеническихъ условій, которыя переполняютъ всю нашу жизнь. Условія, уничтожающія наше здоровье и жизнь, попадаются на каждомъ шагу, и если ихъ все-таки не замѣчаютъ, такъ единственно лишь потому, что для этого должна быть выработана способность къ *самостоятельной* дѣятельности, а не одна привычка ходить по пробитой тропинкѣ. Въ доказательство, что многое, имѣющее за собою всѣ основанія быть признаннымъ за гибельно дѣйствующее на здоровье и жизнь населенія и которое существуетъ только потому, что этого какъ-то странно не замѣчаютъ, мы позволимъ себѣ привести одинъ фактъ изъ условій жизни обитателей Москвы.

Всякому проходившему мимо мясныхъ лавокъ должны показаться странными ненормально-толстыя почечныя части телятъ, приготовленныхъ на продажу. Если кто пожелаетъ узнать причину такой ненормально-толстой почечной части теленка, то стоитъ только поднять жировую ткань, покрывающую почку, и тогда откроется, что величина эта зависитъ отъ бумаги, набитой между почкой и покрывающей ее жировою тканью. Насколько намъ самимъ приходилось разсматривать бумагу, вынутую изъ-подъ жировой ткани почки, она оказывалась старой газетной или же оберточной бумагой, съ болѣе или менѣе замѣтными слѣдами грязи. Такою же бумагой набивается и вся битая птица,

приготовленная для продажи. Если мы остановимся на описанномъ нами фактѣ, то увидимъ, что въ немъ, кромѣ нахально-грубаго мошенничества, имѣющаго цѣлью придать лучшій видъ продаваемому товару и негодною бумагой увеличить вѣсъ товара, находится много условій для распространенія остро-заразныхъ болѣзней. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что торговцы мясомъ не выписываютъ газетъ спеціально для набивки телятъ и птицы, слѣдовательно откуда же берутъ они эту бумагу?—Въ числѣ источниковъ, изъ которыхъ добываютъ мясники нужную для нихъ бумагу, можетъ быть и слѣдующій: каждое утро на большіе дворы являются къ мусорнымъ ямамъ нищіе для собиранія бумаги, выбрасываемой изъ жилыхъ помѣщеній вмѣстѣ съ соромъ. Мы не имѣемъ положительныхъ фактовъ о томъ, что собранная такимъ образомъ бумага употребляется для набивки телятъ и птицы, хотя видѣнная нами, какъ мы говорили выше, грязь на бумагѣ, вынутой изъ теленка, и даетъ основаніе для вѣроятнаго предположенія, что телята набиваются бумагой, взятою изъ помойныхъ ямъ. Допустимъ впрочемъ, что старая газетная бумага, которою набиваютъ телятъ, взята не изъ навоза, а получена прямо изъ жилыхъ помѣщеній, но и это условіе нисколько не измѣняетъ значенія этого факта. При безконтрольномъ существованіи въ Москвѣ всѣхъ возможныхъ заразительныхъ болѣзней не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ массѣ бумаги, употребляемой для набивки телятъ и птицъ, можетъ быть и такая, которая была въ квартирахъ съ заразительными болѣзнями. Настоящее состояніе медицины признаетъ за неподлежащее сомнѣнію, что заразительные яды долго сохраняютъ свою специфическую силу и что къ числу вещей, при помощи которыхъ распространяется ядъ, безспорно относится и бумага. Если мы взглянемъ на описанную нами набивку телятъ и птицъ съ этой точки зрѣнія, то сдѣлается понятною вся нравственная преступность такого рода дѣйствій и полное отсутствіе всякой гарантіи каждаго семейства отъ внесенія въ него заразительнаго яда. Преступность небрежности такого рода представится въ болѣе серьезномъ видѣ, если принять въ соображеніе, что для уничтоженія такого плутовскаго источника, подрывающаго здоровье жителей г. Москвы, совершенно достаточно двухъ строкъ со стороны оберъ-полицеймейстера; но совершается это потому, что очи имутъ, но не видятъ. На основаніи сказаннаго мы не считаемъ особенно смѣлымъ предположеніе: не въ описан-

номъ ли способѣ набивки телятъ и птицъ заключалась причина того, что дифтеритъ произвелъ опустошеніе въ такихъ семействахъ, въ которыхъ соблюдалось, повидимому, все, что требуетъ здравая гигіена?... Мы могли бы привести и другіе факты, подрывающіе здоровье населенія г. Москвы, которые собственно существуютъ потому, что ихъ не видятъ; но это не входитъ въ цѣль нашей работы. Мы привели описанный нами фактъ для подтвержденія высказаннаго положенія, что мы не выходимъ изъ того круга вредно дѣйствующихъ условій жизни, который очерченъ западными гигіенистами, а потому и не видимъ того вреднаго, которое ими не признано за таковое. Способность наблюдать явленія и ставить ихъ причинную зависимость вырабатывается во врачѣ только его самостоятельною практическою дѣятельностью и врачъ-дилетантъ гигіены не можетъ съ пользою разрѣшать подобныя задачи. Отсутствіемъ самостоятельной гигіенической дѣятельности русскихъ врачей объясняется, что многіе обряды, требуемые частію нашимъ вѣроисповѣданіемъ, частію обычаемъ, служатъ однимъ изъ условій для распространенія заразительныхъ болѣзней, несмотря на то, что все это могло бы быть устранено. Въ распоряженіи полтавскаго епископа, воспретившаго пріобщать одной и той же ложицей больныхъ и здоровыхъ дѣтей, мы видимъ, что ученіе нашей церкви не препятствуетъ тому, чтобы при исполненіи обрядовъ, даже таинствъ, было устранено все, что можетъ подрывать здоровье и жизнь населенія, и если у насъ это дѣлается, то единственно потому, что нѣтъ лицъ, которыя бы указали и доказали проистекающій отъ этого вредъ.

Въ заключеніе приведенныхъ нами положеній о томъ, что у насъ не только нѣтъ врачей гигіенистовъ, но что они и быть не могли, мы укажемъ на слова уважаемаго профессора Доброславина. На просьбу вятскаго земства, обращенную къ нему, рекомендовать для земства санитарнаго врача, Доброславинъ отвѣчалъ, что санитарнаго врача, нужнаго для вятскаго земства, онъ незнаетъ, и совѣтуетъ земству самому образовать нужнаго санитарнаго врача. Смыслъ приведенныхъ словъ Доброславина понятенъ: наши университеты, при отсутствіи собственно русской гигіены, не могутъ дать годнаго для насъ гигіениста.

При отсутствіи достаточно полныхъ санитарныхъ законовъ и при отсутствіи врачей-гигіенистовъ у насъ нѣтъ и третьяго условія для цѣлесообразнаго проведенія въ жизнь населенія гигіеническихъ правилъ—высшаго спеціально-санитарнаго учрежденія.

Существующія въ настоящее время наши медицинскія учрежденія не могутъ быть признаны за соотвѣтствующія требованіямъ, необходимымъ для разрѣшенія санитарныхъ задачъ. Наши губернскія врачебныя учрежденія имѣютъ такое же пассивное значеніе въ разрѣщеніи санитарныхъ вопросовъ, какъ и отдѣльные врачи; поэтому эти учрежденія, при отсутствіи самостоятельной дѣятельности, не могутъ дать того необходимаго для высшихъ медицинскихъ учрежденій матеріала, въ силу котораго они могли бы произвести тѣ или другія санитарныя улучшенія. Для составленія вѣрнаго понятія о той пассивной дѣятельности, которая назначена губернскимъ врачебнымъ учрежденіямъ, а равно и о томъ, что при такой дѣятельности губернскихъ врачебныхъ учрежденій наши высшія медицинскія учрежденія лишены возможности знать о дѣйствительныхъ нуждахъ нашего санитарнаго быта, мы остановимся на 43 ст. XIII т. Св. зак. Въ этой статьѣ говорится: «Поелику наблюденіе за съѣстными припасами и чистотою относится къ соблюденію здоровья, то врачебная управа, когда примѣтитъ въ семъ отношеніи что-либо такое, отъ чего вредъ для нѣкоторой части или всего города, либо въ окрестностяхъ губерніи распространиться можетъ, немедленно представляетъ о семъ губернскому начальству, описавъ, въ своемъ представленіи, буде того надобность потребуетъ, и способъ, посредствомъ котораго предусматриваемое зло отвратить можно, и причины, по которымъ ту или другую мѣру губернскому начальству принять слѣдуетъ. Буде представленія управы губернскому начальству, несмотря на важность, оставлены будутъ безъ всякаго вниманія, тогда съ описаніемъ причинъ, на которыхъ основывается предположеніе, относящееся къ отвращенію вредныхъ для здоровья послѣдствій, представляетъ она медицинскому департаменту на разсмотрѣніе». Приведенная статья показываетъ, что губернскія врачебныя учрежденія не только лишены права устранять безъ разрѣшенія губернскаго начальства тѣ условія, которыя могутъ быть вредными для здоровья населенія, но что и представленія врачебныхъ учрежденій объ устраненіи вредныхъ для здоровья условій губернское начальство имѣетъ право оставлять безъ всякаго вниманія. Въ изложенномъ условіи дѣятельности губернскихъ врачебныхъ учрежденій должна быть признана причина, что вредно-дѣйствующія на здоровье населенія условія оставались и остаются до сихъ поръ, такъ какъ высшія медицинскія учрежденія, имѣющія возможность устранить ихъ, лишены

возможности знать о нихъ. Хотя приведенною статьей закона и предоставляется врачебнымъ управамъ (въ настоящее время врачебнымъ отдѣленіямъ), въ случаѣ оставленія губернскимъ начальствомъ ихъ представленій безъ всякаго вниманія, дѣлать объ этомъ представленіе въ медицинскій департаментъ, но и при помощи этого права медицинскій департаментъ не многое могъ и можетъ узнать объ этомъ. Не говоря о томъ, что право, данное врачебнымъ отдѣленіямъ, доносить медицинскому департаменту о вредно-дѣйствующихъ условіяхъ обставлено такими требованіями, которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ пользованіе этимъ правомъ,—оно должно оставаться безъ примѣненія и потому, что врачебныя отдѣленія—въ полной зависимости отъ губернскаго начальства. Подобное донесеніе медицинскому департаменту равносильно жалобѣ, доносу на нецѣлесообразную дѣятельность начальства. Результатъ такого донесенія можетъ выразиться въ удаленіи отъ службы членовъ врачебнаго отдѣленія.

Существующія въ нашемъ законѣ мѣры для прекращенія эпидемическихъ и заразныхъ болѣзней могутъ быть приведены въ дѣйствіе только тогда, когда появившаяся болѣзнь будетъ признана подлежащимъ начальствомъ за эпидемическую, заразную. Это начальство составляетъ администрація вообще и въ частности комитетъ общественнаго здравія (839 ст. XIII т. Св. зак.). Насколько можетъ быть полезнымъ предоставленное администраціи право имѣть рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, мы обратимъ вниманіе на то, что мнѣнія врачей и неврачей чрезвычайно различны о значеніи заразныхъ болѣзней.

По понятію врачей, каждый отдѣльный случай несомнѣнно-заразной болѣзни требуетъ принятія указанныхъ закономъ мѣръ для воспрепятствованія ея распространенію; по понятію же неспеціалистовъ, указанныя закономъ мѣры должны быть приняты только тогда, когда появившаяся болѣзнь обнаружитъ свое гибельное дѣйствіе на большомъ числѣ лицъ. Для доказательства, какъ смотрятъ неспеціалисты на значеніе заразныхъ болѣзней, мы приведемъ мнѣніе нашего извѣстнаго юриста Неклюдова, которое имъ высказано въ разъясненіи 102 ст. устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Ст. 102,— говоритъ г. Неклюдовъ,—имѣетъ своимъ предметомъ прилипчивыя и повальныя болѣзни. Понятіе о прилипчивости и повальности болѣзни — понятіе весьма относительное. Что считалось прилипчивою и повальною болѣзнію встарину, то не считается таковою

нынѣ. Съ каждымъ шагомъ развитія медицины, слова «прилипчивыя и повальныя болѣзни» теряютъ свое ужасающее дѣйствіе. Хотя уставъ врачебный и поименовываетъ, какъ прилипчивыя, болѣзни: горячку (съ пятнами, ст. 935), оспу, корь, скарлатину (ст. 936), судорожный кашель (ст. 947), горячку съ полосами, опухолями и прыщами (ст. 951), кровавый поносъ, цынгу, злую корчу, ревматическія горячки, перемежающіяся лихорадки (ст. 952); но, во-первыхъ, тотъ же уставъ добавляетъ къ перечисленію этихъ болѣзней: «или иные тяжкіе недуги» (ст. 947), если по заключенію врача болѣзнь признается дѣйствительно-заразительною (ст. 951), а во-вторыхъ—помѣщеніе въ число прилипчивыхъ болѣзней такихъ неопредѣленныхъ болѣзней, какъ злая корча или судорожный кашель, или такихъ, какъ корь и ей подобныя, доказываетъ неясность пониманія настоящаго вопроса нашимъ врачебнымъ уставомъ. Чтобы доказать, что понятіе прилипчивости и повальности болѣзни есть понятіе болѣе чѣмъ относительное, намъ достаточно будетъ указать только на то обстоятельство, что даже такая запугивающая болѣзнь, какъ холера, къ которой, по всей вѣроятности, относится болѣзнь устава «злыя корчи», не есть безусловно-эпидемическая или повальная болѣзнь: въ С.-Петербургѣ, благодаря его климату, отдѣльные спорадическіе холерные случаи существуютъ постоянно, а между тѣмъ и правительство, и общество совершенно покойны и даже не предпринимается никакихъ общихъ мѣръ къ предупрежденію распространенія холеры. Отсюда слѣдуетъ ясно, что, говоря о прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзняхъ, законъ имѣетъ въ виду не *отдѣльные болѣзненные* случаи, а появленіе такихъ болѣзней какъ эпидеміи. Опредѣленіе же, эпидемическій или нѣтъ характеръ данной болѣзни, не можетъ быть сдѣлано заранѣе,—это вопросъ факта, который можетъ быть разрѣшенъ соображаясь съ обстоятельствами даннаго случая и проч. Указавши мнѣніе неспеціалистовъ о свойствѣ остро-заразительныхъ болѣзней и о томъ, когда эти болѣзни требуютъ примѣненія указанныхъ въ законѣ мѣръ, мы приведемъ мнѣніе медицинскаго департамента о значеніи тѣхъ же болѣзней. Въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ по этому поводу говорится слѣдующее: «Съ той поры, какъ раціональныя изслѣдованія о причинахъ распространенія заразительныхъ болѣзней измѣнили кореннымъ образомъ существовавшія убѣжденія о сущности предохранительныхъ мѣръ, невѣрныя числовыя данныя влекутъ за собою только ошибки въ

оцѣнкѣ ихъ значенія, но не обрекаютъ на бездѣйствіе, такъ какъ всякій, даже *одиночный случай* заболѣванія заразною формою болѣзни долженъ служить указаніемъ для соотвѣтствующаго общаго распоряженія, помимо помощи пострадавшему». Приведенныя нами два мнѣнія объ остро-заразныхъ болѣзняхъ указываютъ, какъ невѣрно судятъ о значеніи этихъ болѣзней неспеціалисты, а потому понятно, какими ужасающими послѣдствіями должно сопровождаться предоставленное неспеціалистамъ право рѣшать, заразная ли появившаяся болѣзнь и нужно ли противъ нея принять указанныя закономъ мѣры. Въ этомъ должна быть признана причина тѣхъ, не особенно рѣдкихъ, случаевъ, когда появившаяся эпидемія успѣваетъ произвести значительное опустошеніе и даже совсѣмъ прекратиться прежде, нежели бываютъ предприняты противъ нея извѣстныя мѣры. Происходитъ это отъ того, что неспеціалисты, завѣдующіе охраненіемъ народнаго здоровья, не имѣя понятія о свойствѣ заразныхъ болѣзней, руководствуются въ принятіи мѣръ противъ болѣзни не качествомъ ея, какъ это должно бы быть, а количествомъ произведенныхъ ею опустошеній. Такая же пассивная роль назначена врачебнымъ отдѣленіемъ и въ принятіи мѣръ противъ болѣзни, уже признанной за остро-заразную; врачебно-полицейскія мѣры опредѣляются комитетомъ общественнаго здравія, на основаніи существующихъ постановленій (ст. 839 т. XIII Свода зак.). Выше мы указали, что наши санитарные законы недостаточны для борьбы съ остро-заразными болѣзнями, но неспеціалисты, изъ которыхъ составлены комитеты общественнаго здравія, объ этомъ не знаютъ. И такъ какъ указаніе, обязательное къ исполненію, исходитъ отъ этихъ комитетовъ, руководствующихся только существующими постановленіями, то ничто, хотя бы и извѣстное въ наукѣ, но не предусмотрѣнное закономъ, не можетъ быть употреблено въ борьбѣ съ этими болѣзнями, а слѣдовательно не можетъ быть провѣрено опытомъ и наблюденіемъ. Въ результатѣ и относительно эпидемическихъ болѣзней высшія наши медицинскія учрежденія не могутъ имѣть полнаго представленія, а потому лишены возможности сдѣлать тѣ или другія улучшенія.

Сказаннаго мы находимъ достаточно для убѣжденія, что существующія наши медицинскія учрежденія не могутъ быть признаны за необходимыя для разрѣшенія нашихъ санитарныхъ задачъ. Итакъ, у насъ нѣтъ ни одного изъ указанныхъ условій улучшенія нашего санитарнаго быта, а потому съ увѣренностью

можно предсказать, что дѣлаемыя въ настоящее время тѣ или другія попытки уменьшить болѣзненность и смертность населенія должны остаться безъ результатовъ.

Но сказаннымъ еще не исчерпывается безъисходность нашего положенія, такъ какъ мы ничего еще не говорили о недостаткѣ средствъ, спеціально назначенныхъ для приведенія въ исполненіе санитарныхъ мѣръ. Выше мы говорили, что наши санитарные законы, между прочимъ, не исполняются и потому, что нужныя для этого средства вполнѣ зависятъ отъ земскихъ и городскихъ учрежденій, за которыми признано право давать и не давать эти средства. Имѣя въ виду это право земства, а равно и то, что между отдѣльными земствами нѣтъ солидарности, мы поймемъ, что при зависимости отъ нихъ денежной стороны нашего санитарнаго дѣла дѣйствительно-полезное улучшеніе его немыслимо. Допустимъ, что у насъ есть и удовлетворительные санитарные законы, и вполнѣ цѣлесообразно подготовленные врачи-гигіенисты, и нужное высшее санитарное учрежденіе, но все это обѣщающее благіе результаты будетъ парализовано, если только нужныя для санитарныхъ цѣлей средства будутъ находиться въ исключительной зависимости отъ земскихъ учрежденій. Отвѣты: у насъ нѣтъ средствъ, которыми наши земства разрѣшаютъ санитарныя задачи,—будутъ продолжаться еще долго. Присутствіе или отсутствіе средствъ для общественнаго дѣла зависитъ въ общественномъ дѣлѣ отъ сознанія лицами, имѣющими право давать и не давать эти средства, значенія той цѣли, для достиженія которой нужны средства. Для сознанія значенія цѣли въ спеціальномъ дѣлѣ, необходимо кромѣ общаго развитія и спеціальное, а относительно большей части лицъ, имѣющихъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, мы должны признать за несомнѣнно-вѣрное, что они не имѣютъ достаточнаго понятія о требованіяхъ гигіены. Выше мы привели взглядъ извѣстнаго нашего юриста г. Неклюдова на значеніе заразныхъ болѣзней и параллельно съ нимъ изложили мнѣніе объ этихъ же болѣзняхъ медицинскаго департамента; сопоставленіе этихъ двухъ мнѣній наглядно показываетъ, какимъ неисправимымъ вредомъ должно сопровождаться ученіе г. Неклюдова, проводимое имъ въ массу лицъ, имѣющихъ право быть въ числѣ хранителей народнаго здоровья. Было бы много цѣлесообразнѣе, еслибы неспеціалисты не брались за разъясненіе спеціальныхъ вопросовъ, ибо время, когда смѣлость замѣняла знаніе, прошло безвозвратно. Если юристъ, который,

и по общему и по своему спеціальному развитію имѣя всѣ возможныя условія, скажемъ больше—обязанность знать истинныя цѣли гигіены, не знаетъ ихъ, то лица поставленныя въ менѣе благопріятныя условія и подавно не могутъ знать ихъ. До какого страннаго отношенія къ дѣлу могутъ доходить наши мѣстные дѣятели, мы приведемъ слѣдующій фактъ. Въ холерную эпидемію 1871 г. земство Зарайскаго уѣзда обратилось къ думѣ г. Зарайска съ предложеніемъ о принятіи совмѣстныхъ мѣръ противъ распространенія холерной эпидеміи. Дума, обсудивши предложеніе зарайскаго земства, постановила: просить соборнаго священника отслужить торжественное молебствіе объ избавленіи отъ эпидеміи, о чемъ и увѣдомить зарайское земство. Ничего не можетъ быть естественнѣе, какъ то, что лица, имѣющія указанныя нами понятія о задачахъ гигіены, отвѣтятъ на требованія отъ нихъ средствъ, нужныхъ для исполненія извѣстной гигіенической мѣры, что у нихъ нѣтъ для этого средствъ, и въ то же время будутъ заниматься возведеніемъ величественныхъ построекъ съ декоративнымъ украшеніемъ бульваровъ. Допустимъ, что у того или другаго земскаго или городскаго управленія дѣйствительно нѣтъ средствъ; трудно, напримѣръ, если только не невозможно сдѣлать что-либо существенно-полезное противъ распространенія дифтерита въ Бессарабской и Таврической губерніяхъ мѣстными средствами, такъ какъ отъ продолжительнаго его существованія каждый домъ и находящееся въ немъ имущество имѣетъ основаніе быть признаннымъ за фокусъ зараженія. Но такое сознаніе нисколько не измѣняетъ существа дѣла, ибо дифтеритъ, вслѣдствіе признанной бѣдности, не прекратитъ свое опустошеніе и не остановитъ своего дальнѣйшаго распространенія. Сознаніе въ недостаткѣ средствъ, нужныхъ для охраненія здоровья и жизни населенія цѣлыхъ областей, показываетъ только то, что источникъ этихъ средствъ опредѣленъ невѣрно. Выше мы говорили о томъ взглядѣ, который бываетъ у неспеціалистовъ, у представителей мѣстнаго управленія, на значеніе санитарныхъ задачъ. Имѣя въ виду этотъ взглядъ, можно съ увѣренностью сказать, что недостатокъ средствъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока иниціатива и средства, нужныя для санитарныхъ мѣръ, не будутъ находиться въ рукахъ спеціалистовъ.

Допустимъ, что извѣстное земство дѣлаетъ все возможное для охраненія здоровья своего населенія, но это не въ силахъ

будетъ гарантировать населеніе отъ заболѣванія остро-заразными болѣзнями, если сосѣднее земство, или городское самоуправленіе, въ которомъ существуютъ постоянныя сношенія, допуститъ существованіе заразныхъ болѣзней въ средѣ своего населенія. Въ литературѣ сообщены факты (докторъ Песковъ), что Москва служитъ для окружающаго населенія источникомъ зараженія тифомъ, натуральной оспой. Еслибы въ Бессарабской губерніи были приняты, восемь лѣтъ тому назадъ, цѣлесообразныя мѣры противъ дифтерита, то онъ не распространился бы по всему нашему югу и для уничтоженія его потребовались бы не тысячи, а лишь сотни рублей. Но этого не было сдѣлано, а почему?—единственно потому, что у насъ спеціально-санитарное дѣло какъ относительно иниціативы, такъ и относительно средствъ вполнѣ зависитъ отъ неспеціалистовъ: единичный случай заразной болѣзни не требуетъ, какъ учатъ неспеціалисты, принятія нужныхъ мѣръ. Мы не доросли еще какъ до того нравственнаго міровоззрѣнія, которое не дозволяло бы каждому отдѣльному лицу браться за разрѣшеніе тѣхъ задачъ, которыхъ оно не понимаетъ, такъ и до сознанія своей частной пользы въ пользѣ общей. Если земскія и городскія учрежденія не могутъ раціональнымъ образомъ устроить такой простой санитарный отдѣлъ, какъ оспопрививаніе, то о цѣлесообразномъ разрѣшеніи болѣе сложныхъ санитарныхъ задачъ не можетъ быть и рѣчи.

Рядомъ цифръ, фактовъ и логическихъ выводовъ мы пришли къ болѣе или менѣе ясному представленію, что недостаточность нашихъ санитарныхъ законовъ, неисполненіе существующихъ, отсутствіе врачей гигіенистовъ и подробныхъ свѣдѣній о неблагопріятно-дѣйствующихъ условіяхъ жизни населенія, а слѣдовательно и то ненормальное санитарное положеніе, въ которомъ мы въ настоящее время находимся, есть прямой результатъ того, что нашимъ санитарнымъ отдѣломъ завѣдывали и завѣдуютъ лица, не понимающія истиннаго значенія санитарныхъ задачъ. Поэтому если правительство и общество пожелаютъ избѣгнуть тяготѣющихъ надъ нами золъ, то необходимо спеціальное дѣло передать въ завѣдываніе спеціалистовъ-врачей; необходимо созданіе спеціально-санитарнаго учрежденія, которое вмѣстѣ съ умственно-спеціальными силами имѣло бы и матеріальныя средства и власть, нужныя для достиженія этой цѣли.

Почти въ продолженіе двухъ-сотъ лѣтъ нашъ санитарный отдѣлъ находится въ завѣдываніи полиціи; законъ, передавшій охра-

неніе народнаго здоровья въ вѣдѣніе земскихъ и городскихъ учрежденій, показываетъ, что прежній порядокъ былъ нецѣлесообразенъ. Въ настоящее время мы видимъ, что новый порядокъ не только не улучшилъ состоянія народнаго здоровья, но что онъ по самому существу не можетъ этого сдѣлать. Русскіе врачи по своему общему и спеціальному образованію имѣютъ всѣ данныя цѣлесообразно служить обществу въ разрѣшеніи санитарныхъ задачъ, и то недовѣріе, въ силу котораго они лишены самостоятельной дѣятельности, находитъ основаніе для своего существованія только въ томъ, что мы живемъ тѣми взглядами, тѣми формами жизни, которыя были выработаны за столѣтіе до настоящаго времени, не замѣчая, что тѣхъ условій, которыя произвели эти взгляды, эти формы жизни — давно уже нѣтъ. Было время, когда невозможно было имѣть довѣріе къ представителямъ нашей медицины и постоянное контролированіе ихъ дѣятельности неспеціалистами было вполнѣ раціонально; но причины, вызвавшія такія отношенія, давно кончились, а между тѣмъ отношенія къ врачамъ какъ правительства, такъ и общества остались тѣ же.

Для того, чтобъ уяснить причины такого отношенія, мы приведемъ нѣсколько постановленій, изданныхъ при введеніи медицины въ нашу общественную жизнь, изъ которыхъ будетъ видно, откуда и какъ брались представители нашей медицины и возможно ли было предоставить такимъ представителямъ самостоятельную дѣятельность.—Начало введенія на Русской землѣ медицины для общественнаго пользованія должно быть отнесено къ царствованію Петра I, когда онъ, въ созданномъ имъ регулярномъ войскѣ, установилъ медицинскій персоналъ и статьями своего военнаго устава (Данцигъ, 1716 года) указалъ, какъ его образовывать. Въ главѣ тридесять третьей (4 пунктъ) воинскаго устава говорится: «Полковые лѣкари повинны ротныхъ фельдшеровъ не только для одного бритья солдатскаго употреблять, но и учить ихъ лѣкарскому дѣлу, и чтобы они со тщаніемъ ходили за больными и ранеными». Въ концѣ этого пункта говорится: «Такожъ которые фельдшеровъ будутъ лучше и выучатся хорошо лѣчить, о таковыхъ усматривая отъ времени до времени, объявлять доктору и штабъ-лѣкарю, дабы они ихъ могли производить въ лѣкари». Фельдшера, цирюльники, употреблявшіеся, въ относительно недавнее время, въ нашихъ войскахъ для бритья солдатскаго, не имѣли за собою не только спеціально-медицинскаго образованія, но даже и общаго; и изъ этого-то цирюльника, вслѣдствіе продолжитель-

наго его обращенія съ больными, образовывали знахаря-лѣкаря, который въ свою очередь долженъ былъ заниматься образованіемъ лѣкарей. Въ росписи званіямъ и должностямъ полковыхъ чиновъ того же устава воинскаго говорится о полковомъ лѣкарѣ слѣдующее: «Надобно полковнику зѣло попеченіе принимать, чтобы имѣть добраго и благоискуснаго лѣкаря, и въ лѣчбахъ уже бы свидѣтельствованъ былъ». Далѣе въ той же статьѣ говорится: «а особливо надобно ему (лѣкарю) раненыхъ и больныхъ прилежно посѣщать, и о сумнительныхъ болѣзняхъ требовать совѣту отъ докторовъ и о такихъ объявленіе чинить благовременно. Полковника, подполковника и майоровъ бороды онъ брѣетъ». Нельзя не признать, что приведенная статья, обязывающая полковника имѣть надзоръ за лѣкаремъ, была относительно своего времени вполнѣ раціональна, потому что лѣкарь, образованный вышеизложеннымъ способомъ, не представлялъ ни съ какой стороны ручательства, что дѣятельность его будетъ цѣлесообразна. Такого способа, которымъ образовывались представители русской медицины въ прошломъ столѣтіи, давно нѣтъ и общее между лѣкаремъ Петра I и настоящимъ заключается только въ названіи; но, несмотря на это, взглядъ закона, а вслѣдствіе этого и общества, на представителей русской медицины сохранился Петровскій. Въ продолженіе почти двухсотлѣтняго существованія медицины на Русской землѣ она, при постепенномъ ея развитіи, достигла той степени, на которой она находится въ другихъ государствахъ; брадобрѣй Петра Перваго выросъ въ доктора Пирогова и другихъ, которыми можетъ гордиться каждое цивилизованное государство. Русскій врачъ, обладая общимъ и спеціальнымъ развитіемъ, представляетъ одну изъ нравственныхъ силъ, которая имѣетъ всѣ данныя быть полезною русскому обществу. Но сохранившееся въ обществѣ и законѣ, по наслѣдству, недовѣріе, которое было вполнѣ раціонально относительно лѣкаря-брадобрѣя, препятствуетъ обществу предоставить современнымъ представителямъ медицины право самостоятельной дѣятельности, а вслѣдствіе этого общество и не получаетъ той пользы, которую могла бы ему дать самостоятельно-разумная медицинская дѣятельность. Въ этомъ-то, наслѣдственно ни на чѣмъ не основанномъ, недовѣріи общества къ представителямъ русской медицины должна быть признана причина того, почему нашимъ санитарнымъ отдѣломъ завѣдуютъ не врачи, а лица, непонимающія значенія санитарныхъ законовъ. Указавши, что недовѣріе общества къ врачамъ су-

ществуетъ только потому, что оно не было своевременно сдано въ архивъ, и не можетъ служить препятствіемъ для передачи нашего санитарнаго дѣла въ завѣдываніе врачей, мы считаемъ нужнымъ сказать, что и отсутствіе у насъ въ настоящее время врачей-гигіенистовъ не можетъ быть признано за причину, недопускающую раціональнаго устройства этого дѣла. У насъ нѣтъ врачей-гигіенистовъ единственно потому, какъ мы уже объ этомъ говорили, что врачи не имѣли самостоятельной дѣятельности на этой почвѣ, съ предоставленіемъ же этого условія у насъ образуются, въ относительно короткое время, гигіенисты, такъ какъ наши врачи имѣютъ все, чтобы ими сдѣлаться. Истину эту сознаетъ и правительство. Въ 50 ст. приложенія къ 1064 ст. XIII т. Свода зак. Устава о карантинахъ, по продолженію 1876 года, говорится: «должности начальниковъ карантинныхъ округовъ, а также агентовъ и управляющихъ карантинными заставами—замѣщаются исключительно только врачами». Вмѣстѣ съ этимъ законъ предоставилъ врачамъ, завѣдующимъ карантинами, полную инициативу относительно всего, что относится до охраненія здоровья (ст. 48 того же устава). Передачею карантиновъ въ завѣдываніе врачей правительство положило начало раціональнаго отношенія къ охраненію народнаго здоровья, а потому высказанныя нами соображенія о необходимости передать нашъ санитарный отдѣлъ въ завѣдываніе врачей есть не больше какъ дальнѣйшее развитіе мысли, указанной правительствомъ. Если правительство признало за благо передать въ завѣдываніе врачей карантины, законоположенія о которыхъ представляютъ такую полноту, что при ихъ указаніи возможно и неспеціалистамъ завѣдывать карантинами болѣе или менѣе цѣлесообразно, то тѣмъ болѣе необходима передача въ завѣдываніе врачей всего санитарнаго дѣла *).

Такимъ образомъ, не имѣя въ виду препятствій для передачи нашего санитарнаго дѣла въ завѣдываніе врачей ни со стороны нравственно-спеціальныхъ свойствъ послѣднихъ, ни со стороны

*) Мы полагаемъ, что успѣхъ даннаго дѣла возможенъ только при дружной, совмѣстной и усиленной дѣятельности органовъ земскаго и городскаго управленій и людей науки, спеціалистовъ. Признавая вполнѣ правильными дѣланныя почтеннымъ авторомъ указанія на неудовлетворительное состояніе у насъ санитарнаго дѣла и печальное положеніе народнаго здоровья, мы находимъ предлагаемую имъ передачу этого дѣла всецѣло въ руки спеціалистовъ, съ требованіемъ отъ общества однихъ только средствъ, безъ всякаго участія его въ веденіи дѣла, и неудобоисполнимой, и нежелательной. *Ред.*

духа нашего законоположенія, мы не видимъ также ничего, что дѣлало бы невозможнымъ осуществленіе указываемой нами мѣры и съ практической точки зрѣнія. Главное, что необходимо для раціональнаго устройства нашего санитарнаго отдѣла, именно врачи, у насъ есть. Что же касается до необходимыхъ средствъ, для соблюденія своей собственной пользы и выгоды, общество должно ихъ дать. Устройство всякаго другаго общественнаго учрежденія можетъ быть отстранено обществомъ подъ предлогомъ неимѣнія средствъ и это можетъ быть вполнѣ раціонально и полезно для извѣстнаго момента жизни; уклоненіе же общества отъ устройства санитарнаго дѣла подъ предлогомъ неимѣнія средствъ покажетъ только, что общество не понимаетъ своихъ собственныхъ выгодъ. Отказываясь отъ устройства того или другаго учрежденія, общество можетъ сберечь тѣ средства, которыя были бы израсходованы на это устройство, и употребить эти средства болѣе производительно; но отказомъ въ средствахъ нужныхъ для устройства санитарнаго дѣла общество не только не сбережетъ этихъ средствъ, но и поставитъ себя въ условіе, при которомъ будетъ уничтожено несравненно больше и въ добавокъ совершенно непроизводительно. И дѣйствительно, если взять въ соображеніе ту массу средствъ, которую расходуетъ общество на поддержаніе больныхъ, непроизводительныхъ жизней, начиная отъ частной милостыни и кончая богадѣльнями, пріютами, больницами, воспитательными домами и другими благотворительными общественными учрежденіями, и прибавить къ этой расходуемой массѣ ту потерю средствъ, которую несетъ общество отъ преждевременно убитыхъ плохими гигіеническими условіями, то масса расходуемыхъ средствъ на поддержаніе непроизводительныхъ жизней будетъ громадна.

Для составленія хотя приблизительнаго понятія о томъ, какія громадныя средства теряются обществомъ единственно отъ того, что у него нѣтъ раціональнымъ образомъ устроеннаго санитарнаго отдѣла, мы остановимся на тѣхъ убыткахъ, которые несетъ общество отъ преждевременно погибшихъ остро-заразными болѣзнями, отъ дѣйствующихъ въ настоящее время антекъ, съ ихъ безпримѣрными привилегіями, и отъ постоянно существующихъ скотскихъ падежей.

Въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ показано, что въ этомъ году было 211.930 человѣкъ больныхъ остро-заразными болѣзнями и изъ нихъ умерло 42.296 человѣкъ. Допу-

ская, что каждый больной стоилъ обществу своимъ лѣченіемъ шестьдесятъ рублей и что въ каждомъ умершемъ общество потеряло цѣнность въ 500 рублей, мы увидимъ, что общество отъ остро-заразныхъ болѣзней понесло убытка болѣе 33.000.000 р.

Хотя убытки, получаемые обществомъ отъ аптекъ съ ихъ привилегіями и отъ скотскихъ падежей, и не такъ громадны, какъ приведенные, но и они тоже достигаютъ многихъ милліоновъ, и хорошо устроенный санитарный отдѣлъ, уяснивши, что нѣтъ основаній, въ силу которыхъ общество несло бы эти убытки, сохранилъ бы эти милліоны у общества *).

Въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ относительно аптекъ значится, что «сумма всего годоваго аптечнаго оборота по вольной продажѣ лѣкарствъ можетъ быть выведена только по приблизительному разсчету (такъ какъ выручка по большему числу рецептовъ аптеками не показана) и составляетъ 7.033.364 рубля. Сумма эта менѣе дѣйствительнаго оборота, потому что изъ нѣкоторыхъ, немногихъ впрочемъ, аптекъ не доставлено къ отчету 1877 года никакихъ свѣдѣній и кромѣ того контроль по ручной продажѣ представляетъ слабую сторону аптечнаго счетоводства; между тѣмъ выручка по ней равняется почти половинѣ всего торговаго оборота и годъ отъ года возрастаетъ». Въ виду того, что показаніе наименьшей суммы аптечнаго оборота есть прямая выгода аптекарей по причинамъ, о которыхъ мы говорить здѣсь не будемъ, это и достигается ими незаписываніемъ въ заведенныя книги большей части выручки отъ ручной продажи, незаписываніемъ повторенныхъ рецептовъ, а иногда, какъ это видно изъ отчета медицинскаго департамента, и новыхъ рецептовъ, а слѣдовательно и получаемой за нихъ суммы. Намъ самимъ приходилось узнавать, что нѣкоторые аптекаря показываютъ только половину своего оборота. При такомъ веденіи отчетности аптекарями можно съ увѣренностью сказать, что выручка аптекарей за 1877 годъ должна быть выше 10.000.000 р. Изъ числа десятка милліоновъ, полученныхъ аптекарями съ русскаго общества, по меньшей мѣрѣ семь милліоновъ взято аптекарями въ силу данныхъ имъ привилегій. Для составленія по-

*) Аптеками завѣдуетъ медицинскій департаментъ, состоящій вполнѣ въ вѣдѣніи спеціалистовъ, а между тѣмъ мы не видимъ никакихъ мѣропріятій къ улучшенію этого дѣла. Напротивъ, послѣднее распоряженіе объ увеличеніи таксы за лѣкарства доказываетъ, что гг. спеціалисты заботятся гораздо болѣе объ интересахъ аптекарей, чѣмъ объ интересахъ общества.

Ред.

нятія объ этихъ привилегіяхъ, мы укажемъ на нѣкоторыя статьи закона, которыми опредѣляются эти привилегіи. Ст. 295 (XIII т. Св. зак., врачеб. учрежд.) позволяетъ аптекарямъ брать за лѣкарства до стапятидесяти процентовъ; ст. 303 позволяетъ брать вознагражденіе за труды, разныя издержки и время, употребленное аптекаремъ на составленіе лѣкарства (taxa laborum). Кромѣ этого законъ предоставилъ аптекарямъ право брать за посуду, за обвертку, за обвязку, за пробку, за печать, за сигнатурку и за ярлыкъ. Въ силу такихъ привилегій, за каждое лѣкарство, отпускаемое изъ аптеки, аптекарь беретъ въ три-четыре и больше разъ дороже того, что это лѣкарство стоитъ. Самый естественный вопросъ: на основаніи чего же аптекаря пользуются такими безпримѣрными привилегіями? На основаніи чего господа аптекаря берутъ семь милліоновъ рублей лишнихъ, которыхъ достаточно бы было для раціональнаго устройства санитарнаго отдѣла, а слѣдовательно для сбереженія Русской землѣ сотней тысячъ жизней и сотней милліоновъ рублей? Въ настоящее время нѣтъ никакого основанія для такихъ привилегій; привилегіи эти созданы были въ прошломъ столѣтіи при такихъ условіяхъ, которыхъ въ настоящее время больше нѣтъ, а между тѣмъ привилегіи-то остались. Для созданія такихъ привилегій въ прошломъ столѣтіи были основанія и, соотвѣтственно взгляду своего времени, основанія раціональныя. Подъ вліяніемъ средне-вѣковой алхиміи на лѣкарство смотрѣли какъ на средство способное возстановить здоровье, какъ бы оно ни было сильно разстроено, и избавить человѣка отъ смерти. Но одно изъ необходимыхъ условій, чтобы лѣкарство производило чудеса, заключалось въ томъ, чтобъ это лѣкарство было и терто, и сѣяно, и варено извѣстнымъ порядкомъ. Въ силу такой вѣры, требованія относительно приготовленія лѣкарствъ были велики и малѣйшая неисправность подвергала аптекарей сильной отвѣтственности. Для составленія понятія о томъ, какъ была велика отвѣтственность аптекарей за допущеніе ими той или другой неточности въ лѣкарствахъ, мы укажемъ на слѣдующее. Между документами государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ) мы видѣли документъ, въ которомъ изложенъ приговоръ санитарной коммиссіи, бывшей въ 1771 году, объ одномъ изъ московскихъ аптекарей, отпустившемъ изъ своей аптеки порошки для окуриванія, не точно по рецепту составленные. Въ приговорѣ значится: «взыскать съ аптекаря въ пользу лица, представившаго порошки,

25 рублей; аптекаря отправить на шесть недѣль, для работы, въ Лефортовскій чумный госпиталь; аптеку его закрыть, а послѣ продать лицу болѣе благонадежному». Приведенный приговоръ показываетъ, какой страшной отвѣтственности подвергался аптекарь за неисправность; поэтому понятно, какая щепетильная внимательность требовалась отъ него ко всему, что происходитъ у него въ аптекѣ, а это въ свою очередь требовало большихъ расходовъ; слѣдовательно и причина, почему аптекарямъ даны большія привилегіи, понятна. Въ настоящее же время подобныхъ требованій отъ аптекарей уже нѣтъ, а между тѣмъ привилегіи-то остались прежнія. Теперь не рѣдки случаи, что аптекарь, взявши провизора съ жалованьемъ въ 600 или 800 руб., самъ является въ аптеку только за полученіемъ выручки; намъ самимъ приходилось видѣть въ аптекахъ, что стираніемъ порошковъ и варкою микстуръ занимались дворники аптекарей.

Относясь такимъ образомъ къ дѣлу, аптекарь ничѣмъ не рискуетъ, во-первыхъ, потому, что нарушенія, творящіяся въ аптекахъ, чрезвычайно трудно открываются, а во-вторыхъ потому, что если и откроются тѣ или другія неисправности, то это особой невыгоды аптекарю не причинитъ. Изъ отчета медицинскаго департамента мы видимъ, что въ продолженіе 1877 года были сдѣланы дисциплинарныя взысканія относительно пяти аптекъ и между прочимъ за отпускъ одного лѣкарства вмѣсто другаго; взысканія эти кончились только замѣчаніями и строгими выговорами. Въ виду того, что для содержателей аптекъ, пользующихся отъ нихъ безпримѣрными процентами, необязательна работа въ этихъ аптекахъ,—что они имѣютъ право поручить всю работу людямъ нанятымъ, которые относительно аптекъ—то же самое, что прикащикъ въ обыкновенныхъ торговыхъ мѣстахъ,—и что даже личную отвѣтственность за нарушеніе въ аптекахъ несутъ не аптекаря, а лица ими нанятыя,—дѣлается совершенно яснымъ, что общество имѣетъ дѣло не съ аптекарями, а съ подставными лицами, аптекарь же, не отвѣчая ничѣмъ предъ обществомъ, получаетъ отъ него только одинъ выгоды. Раціонально устроенный санитарный отдѣлъ, уяснивши, что нѣтъ основаній для такихъ привилегій, которыми пользуются аптекаря, тѣмъ самымъ оставилъ бы у общества тѣ милліоны рублей, которые берутъ съ общества аптекаря единственно потому, что они—аптекаря. При томъ невнимательномъ отношеніи аптекарей къ своему дѣлу, доходящемъ до того, что отпускается морфій вмѣсто требуемаго рецептомъ

хинина, аптекарское дѣло можетъ существовать безъ всякихъ, стѣснительныхъ для общества, привилегій. Къ милліонамъ, расходуемымъ обществомъ, должны быть причислены и казенныя суммы, правительствомъ отпускаемыя по надзору за дѣятельностью аптекъ. Врачебныя отдѣленія, на которыхъ лежитъ обязанность ревизіи аптекъ, имѣютъ для своей дѣятельности приблизительно тѣ же задачи, которыя указаны законоположеніями, изданными преимущественно въ прошломъ столѣтіи для врачебныхъ управъ. При коренномъ измѣненіи нашихъ общественныхъ формъ жизни, произведенномъ въ настоящее царствованіе введеніемъ гласнаго судопроизводства и учрежденіемъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, многія изъ обязанностей врачебныхъ отдѣленій de facto отъ нихъ отошли. Между немногими обязанностями, оставшимися за врачебными отдѣленіями, одна изъ главныхъ и хлопотливыхъ есть обязанность каждогодной ревизіи аптекъ. Мы видѣли результатъ этихъ ревизій и еслибъ ихъ не было, то обязанности врачебныхъ отдѣленій легко могъ бы исполнить одинъ инспекторъ. Слѣдовательно расходъ въ сотни тысячъ рублей, употребляемый на жалованье помощникамъ инспекторовъ во врачебныхъ отдѣленіяхъ и на прогоны инспекторовъ по ревизіи аптекъ, дѣлается только потому, что существуютъ такимъ образомъ устроенныя аптеки.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ главныхъ условій, подрывающихъ народное богатство, а слѣдовательно имѣющихъ вліяніе на увеличеніе болѣзненности и смертности населенія, должны быть признаны постоянно существующіе у насъ падежи скота. Какъ велики убытки общества, производимые постоянно-существующими падежами, объ этомъ мы можемъ составить только приблизительное понятіе на основаніи цифръ отчета медицинскаго департамента за 1877 годъ, указывающихъ, что въ этомъ году пало одного крупнаго скота около 250.000 головъ. Полагая цѣнность каждой скотины въ 30 рублей, мы увидимъ, что общество понесло отъ скотскихъ падежей убытку около 7.000.000 руб., и такой убытокъ, при каждогодномъ существованіи у насъ скотскихъ падежей, общество несетъ ежегодно. Мы говоримъ, что убытокъ общества отъ падежей скота въ 7.000.000 рублей только приблизительный, но что онъ въ дѣйствительности долженъ быть много больше, потому что тѣ убытки, которые причиняютъ обществу падежи скота разстройствомъ сельскаго хозяйства, вымираніемъ дѣтей отъ недостатка

коровьяго молока и тѣмъ, что общество, вслѣдствіе постояннаго существованія падежей скота, лишено возможности получать отъ скотоводства всю ту выгоду, которая должна бы быть отъ торговли съ западными государствами, — всѣ эти убытки вычислить невозможно. Чумные падежи (говорится въ отчетѣ медицинскаго департамента за 1877 годъ), не оставляющіе Россію съ давняго времени, вызвали наконецъ со стороны сосѣднихъ государствъ экстренныя мѣры осторожности, которыя стѣснили вывозъ скота и его продуктовъ за границу карантинными правилами во всей ихъ строгости (Австро-Венгрія) и даже совсѣмъ воспретили эту отрасль заграничной торговли (Англія и Пруссія съ 1870 года). Къ убыткамъ общества должны быть отнесены и тѣ расходы, которые дѣлаются какъ на содержаніе въ извѣстныхъ мѣстахъ карантиновъ, такъ и на принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ противъ падежей скота. Причина, почему у насъ постоянно существуютъ скотскіе падежи, а слѣдовательно и почему общество несетъ постоянно отъ нихъ убытки, должна быть признана въ отсутствіи раціонально устроеннаго санитарнаго отдѣла, который доказалъ бы, что специфическія болѣзни животныхъ, какъ и людей, производятся специфически-заразными началами, а потому болѣзни, уничтожающія животныхъ, могутъ быть уничтожены только тогда, когда будетъ уничтожено заразное вещество, производящее эти болѣзни. Санитарный отдѣлъ указалъ бы, что послѣ смерти животнаго ядовито-заразное вещество долго сохраняетъ свою специфическую силу, что оно не уничтожается ни холодомъ, ни гніеніемъ, что зарытое вмѣстѣ съ животнымъ въ землю ядовито-заразное вещество можетъ распространяться изъ земли на болѣе или менѣе значительныя пространства, при помощи дождевой воды и подземныхъ водныхъ теченій, и производить дальнѣйшія зараженія. Какъ великъ періодъ времени, въ продолженіе котораго заразное начало сохраняетъ свою специфическую силу, не извѣстно, хотя извѣстны случаи, что при разрытіи могилъ людей, умершихъ отъ чумы, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ смерти, лица, раскапывавшія эти могилы, заболѣвали чумою.

Наука указываетъ, что одно изъ вѣрныхъ средствъ для уничтоженія заразнаго начала есть высокая температура. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при постоянномъ существованіи у насъ падежей скота отъ чумы, извѣстная часть чумнаго мяса продается на нашихъ рынкахъ и, въ сваренномъ

видѣ, употребляется людьми. На сколько извѣстно, особеннаго вреда отъ употребленія такого мяса людьми не бываетъ,—слѣдовательно температура кипяченія уничтожаетъ заразно-чумное вещество. Принявши сказанное о свойствѣ заразнаго вещества и о способѣ его распространенія за вѣрное, дѣлается совершенно понятнымъ, почему у насъ постоянно существуютъ падежи скота. Законоположенія наши о скотскихъ падежахъ, изданныя въ то время (около 1829 года), когда ученіе о свойствѣ и способѣ распространенія заразнаго начала, производящаго падежъ скота, было не на той высотѣ, на какой оно находится въ настоящее время, не могли указать всего, что необходимо для уничтоженія заразнаго начала. Изъ года въ годъ существующіе скотскіе падежи фактически доказываютъ, что мѣры, указанныя закономъ для борьбы со скотскими падежами, не приводятъ къ цѣли; но, несмотря на это, только этими мѣрами продолжается борьба съ ними. Причина какъ того, что мѣры противъ падежа скота, несмотря на ихъ безуспѣшность, употребляются одни и тѣ же, такъ и того, что у насъ не изучены всѣ условія, при которыхъ появляются падежи скота, должна быть признана въ томъ, что иниціатива прекращенія скотскихъ падежей принадлежитъ не спеціалистамъ. Появляется падежъ скота и причину его находятъ то въ привезенной шкурѣ, снятой съ предполагаемаго больнаго животнаго, то въ продажѣ мяса отъ такого же животнаго, или даже солонины, совершенно игнорируя возможный, скажемъ больше—вѣроятный, источникъ зараженія животныхъ—закопанныя въ землю, палыя отъ заразныхъ болѣзней, животныя. Мы думаемъ, что въ такомъ игнорированіи заключается самая суть какъ безуспѣшности нашей борьбы противъ падежей, такъ и постояннаго ихъ существованія, потому что предписываемое 1727 ст. XIII т. Св. зак. зарываніе въ землю палыхъ животныхъ, въ виду способности заразнаго начала долго сохранять свою специфическую силу и невозможности со стороны человѣка предупредить всѣ условія, при которыхъ распространяется заразное начало, такое зарываніе имѣетъ много основаній быть принятымъ за сохраненіе заразнаго начала для послѣдующаго его распространенія. Могилы съ животными, павшими отъ заразныхъ болѣзней, находятся вездѣ, и если принять ихъ за возможные фокусы зараженія,—а не принять этого мы не можемъ,—то сдѣлается совершенно яснымъ, почему у насъ каждогодно и почти повсемѣстно существуютъ падежи скота. Взглянувши на употребляю-

щуюся у насъ мѣру противъ скотскихъ падежей, съ указываемой нами точки зрѣнія, мы можемъ сказать, что мы употребляемъ большія средства (яма въ три аршина глубины для закапыванія животнаго стоитъ не менѣе двухъ рублей, слѣдовательно закапываніе 250.000 головъ стоитъ 500.000 р.) для закапыванія въ землю милліоновъ рублей съ единственною цѣлію, чтобъ эти закопанные милліоны послужили условіемъ для безконечнаго уничтоженія дальнѣйшихъ милліоновъ. При такомъ взглядѣ на значеніе зарыванія въ землю животныхъ, павшихъ отъ заразныхъ болѣзней (чумы), мы не видимъ основанія предполагать, чтобы вводимое, въ настоящее время обязательное, убіеніе заболѣвшаго скота, даже при самомъ его широкомъ примѣненіи къ дѣлу, избавило насъ отъ скотскихъ падежей. Единственно-вѣрное средство (для настоящаго времени) избавиться отъ скотскихъ падежей заключается въ подверганіи палыхъ, или же убитыхъ животныхъ дѣйствію высокой температуры, которая разрушаетъ органически-животные яды, но воспользоваться этимъ возможно только при раціонально-устроенномъ санитарномъ отдѣлѣ, потому что такая мѣра будетъ совершенно безопасна только при непосредственномъ наблюденіи спеціалистовъ. Въ Германіи относительно съ давняго времени употребляется обдѣлка палаго скота при помощи высокой температуры (Паппенгеймъ: «Гигіена и медицинская полиція») и выгоды, получаемыя отъ такой обдѣлки отъ кожи, сала, копытъ, роговъ, костей, хрящей и наконецъ отъ перевареннаго мяса, употребляемаго на кормъ свиньямъ, или же на удобреніе полей,— выгоды эти не многимъ разнятся отъ выгодъ, получаемыхъ отъ продажи здороваго животнаго. Раціонально устроенный санитарный отдѣлъ, введеніемъ обдѣлки палыхъ животныхъ при помощи высокой температуры, сохраняя обществу милліоны рублей, будетъ въ то же время уничтожать заразное начало. Средствами получаемыми отъ обдѣлки палыхъ животныхъ будетъ возможно вознаграждать убытки скотовладѣльцевъ, а результатомъ этого будетъ прекращеніе какъ противозаконнаго и способствующаго распространенію заразы снятія шкуръ съ палыхъ животныхъ, такъ и покупки больнаго скота (отчетъ медицин. департамента). Резюмируя сказанное, мы должны признать, что только раціонально-устроенный санитарный отдѣлъ дастъ обществу возможность сберечь милліоны рублей, закапываемые въ настоящее время въ землю, и уничтожить постоянно существующіе падежи скота, а черезъ это открыть для торговли скотомъ, со всѣми ея по-

лезными послѣдствіями для нашей экономической жизни, рынки западныхъ государствъ.

Кромѣ сбереженія милліоновъ рублей и прекращенія падежей скота, раціонально устроенная обдѣлка палыхъ животныхъ при помощи высокой температуры уничтожила бы существующія въ настоящее время почти во всѣхъ городахъ заведенія — «живодерни», на которыхъ убиваютъ и обдѣлываютъ негодныхъ лошадей. Обыкновенно эти заведенія существуютъ въ чертѣ города и насколько они должны вредно вліять на здоровье жителей, отравляя воздухъ и воду продуктами разложенія животныхъ веществъ, можно видѣть изъ способа, употребляемаго для обдѣлки убитыхъ лошадей. Снявши съ убитой лошади шкуру, мясо съ костями зарываютъ въ землю для того, чтобы процессъ гніенія отдѣлилъ мясо отъ костей. По прошествіи извѣстнаго промежутка времени зарытое мясо отрывается, изъ него выбираются кости для продажи, а гніющее мясо снова закапывается. Такъ какъ усадьбы, гдѣ производятся такія обдѣлки, бываютъ небольшія, то ямы, въ которыхъ закопано гніющее мясо, часто разрываются для того, чтобы въ эту же яму помѣщать новыя массы мяса для обдѣлки костей. Мы не можемъ сказать, чтобъ описанный нами способъ, употребляемый для обдѣлки убитыхъ лошадей, былъ вездѣ одинаковъ, но мы встрѣчали его во многихъ городахъ и находили, что воздухъ около этихъ заведеній бываетъ положительно гнилымъ. Изложивши данныя, на основаніи которыхъ можно составить понятіе о томъ, какія громадныя средства расходуются обществомъ непроизводительно единственно потому, что у насъ нѣтъ раціонально устроеннаго санитарнаго отдѣла, и доказавши, что общество можетъ избавиться отъ такихъ затратъ только раціональнымъ устройствомъ этого отдѣла,—мы думаемъ, что собственный интересъ общества долженъ побудить его стремиться къ достиженію этой цѣли и дать всѣ необходимыя для этого средства. Раціонально устроенный санитарный отдѣлъ не только устранитъ причины непроизводительныхъ расходовъ, но и откроетъ въ то же время новые источники доходовъ общества.

Въ заключеніе нашей работы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что нужно имѣть въ виду при устройствѣ нашего санитарнаго отдѣла, чтобъ онъ могъ быть дѣйствительно полезнымъ для общества.

На основаніи всего вышесказаннаго мы думаемъ, что для разрѣшенія нашихъ санитарныхъ задачъ необходимо, чтобъ иниціа-

тивой охраненія здоровья населенія всего государства завѣдывали исключительно врачи-гигіенисты, снабженные властью и средствами, которыми они могли бы пользоваться подъ ихъ личною отвѣтственностью и которыхъ было бы достаточно для приведенія въ исполненіе нужныхъ гигіеническихъ мѣръ. При такихъ правахъ для врачей-гигіенистовъ будетъ возможна самостоятельная дѣятельность, которая должна выработать спеціально русскихъ гигіенистовъ и дать матеріалъ для созданія русскихъ санитарныхъ законовъ.

При нашемъ малознаніи о вредно-дѣйствующихъ условіяхъ жизни нашего населенія, мы не имѣемъ основанія высказать мнѣніе о томъ, какъ въ частности долженъ быть устроенъ нашъ санитарный отдѣлъ: мы чувствуемъ, что мы больны, но чѣмъ?... И еслибы былъ предложенъ Русской землѣ вопросъ: quid tibi dolet?—то она болѣзненно бы заявила: omnia mihi dolet.

М. Покровскій.

ОТЪ СОВѢСТИ.

(ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ.)

Въ одно необыкновенно тихое и жаркое сентябрское утро въ деревнѣ Талинкѣ случилось странное и очень печальное происшествіе: утопилась баба. Утопилась она въ колодцѣ и, очевидно, съ вечера, потому что, когда ее выволокли, она была уже совсѣмъ застывшею. Но почему она утопилась, зачѣмъ, по какой причинѣ—это оставалось неизвѣстнымъ и приводило талинскихъ обитателей въ большое недоумѣніе. Они даже какъ будто чувствовали себя виноватыми и долго ничего не могли сообразить, собравшись у колодца, гдѣ ни съ того, ни съ сего покончила свою жизнь несчастная баба.

Колодецъ этотъ былъ не особенно глубокъ и великъ. Срубъ довольно ветхій и высокій, стѣны покрыты слизью и плѣсенью, журавль и колода, приспособленная тутъ же для скотины—все это старое, прогнившее, но знакомое. Никогда и никто, ни въ пьяномъ видѣ, ни нечаянно, не падалъ въ этотъ колодецъ; даже съ маленькими дѣтьми, часто игравши здѣсь у колоды, не случалось такого несчастія. Пожалуй, можно бы было предположить, что бабу столкнули въ колодецъ нарочно, преднамѣренно; но это во всякомъ случаѣ сопровождалось бы сопротивленіемъ съ ея стороны, борьбой, и на тѣлѣ остались бы слѣды насилія, а по освидѣтельствованіи ничего этого не оказалось. Ясно было, что баба бросилась въ колодецъ сама. Но, опять-таки, отчего, по какой причинѣ?...

И талинцы недоумѣвали, терялись въ предположеніяхъ и догадкахъ. Осматривали срубъ, журавль, заглядывали во внутрь колодца, ворочали съ боку на бокъ колоду и представляли себѣ, какъ самоубійца могла совершить свое страшное дѣло. Представ-

ляли съ самаго начала, какъ, напримѣръ, она подошла, взялась за крыло журавля и, сѣвъ на срубъ, спустила ноги въ низъ; какъ затѣмъ, зажмуривъ глаза, подалась впередъ, инстинктивно цѣпляясь руками за скользкія стѣны колодца,—слѣды ея рукъ такъ и остались на бархатной плѣсени стѣнъ,—какъ потомъ она исчезла въ сырой полутьмѣ, можетъ-быть даже вскрикнула, и... Однимъ словомъ, картина выходила довольно явственная, но попрежнему оставалось тайной только одно: *что* именно привело бабу къ колодцу...

Въ толпѣ произнесъ кто-то: «становой!»... Это знакомое слово какъ бы разрѣшило всѣ недоумѣнія, возвративъ собравшійся народъ къ дѣйствительности. Толпа оживилась и заговорила.

— Становой пріѣдетъ,—живо разслѣдуетъ... Вотъ только что непріятность,—валандайся таперича... Сохрани Господи, ежели въ свидѣтели!—слышались голоса.

— Такъ на зорькѣ, ты говоришь?—спрашивали бабу, впервые узнавшую о событіи.

— На зорькѣ, родимые, чуть-чуть брезжило,—словоохотливо отвѣчала баба, чувствуя себя героиней дня.—Вышла это я, дѣвушки, съ ведрами, иду по проулочку, а сама и думаю: эка, Господи, погодка-то чудесная, какъ разъ для молотьбы... И такъ это на сердцѣ-то у меня легко! Только подхожу это къ колодцу, стала бадью-то спускать,—глядь, а на крючкѣ полушалка Прасковьина и мотается. Такъ меня въ сердце и вдарило...

Слушатели вздрагивали отъ невольнаго ужаса, морозомъ пробѣгавшаго по кожѣ, и тѣснѣе сдвигались вокругъ разсказчицы. А она, довольная производимымъ ею впечатлѣніемъ, продолжаетъ свой разсказъ, въ сотый разъ повторяя одно и то же, только болѣе исправленное и дополненное.

— И что за притча такая, Господи ты Боже мой?—размышляетъ одинъ изъ зрителей.—Эдакая, можно сказать, страсть, и поди же ты... Словно и грѣха нѣту.

— Разное бываетъ,—мрачно отвѣтилъ другой.—Вонъ въ Островахъ, какъ я туда съ обозомъ ѣздилъ, то же самое было. Замотался тамъ мужикъ въ отдѣлку: жена померла, осталось шестеро ребятъ малъ-мала меньше, а тутъ еще шпитонца на шею посадили. Одно слово—тоска, хоть помирай. Бился-бился, да тупымъ косаремъ себя по горлу и полосонулъ... На то какъ разъ случился лѣкарь: перевязали ему кое-какъ, заклеили рануто,—лежитъ бѣдняга, ажь сердце надрывается. Ребята обступили

его, ревутъ, хлѣбца просятъ,—не вытерпѣлъ парень: скинулъ съ себя тряпки-то, да руками вотъ эдакъ рану-то (мужикъ показалъ, какъ) и разорвалъ... Такъ кровь-то и хлынула... А онъ отвернулся отъ ребятъ къ стѣнкѣ, да и храпитъ: «не хочу»... Видно, не въ моготу пришлось...

— Это такъ, это вѣрно, коли ужь не въ моготу. А ты скажи, съ чего бы ей-то на эдакій грѣхъ идти? Хоша и гулящая она баба была, мужъ ее все-таки не дюже притѣснялъ, волю давалъ во всемъ. Бѣдствовать тоже они не бѣдствовали,—писарь ей завсегда помогалъ. Чего бы, кажись!

— Вѣдь у ней, у дряни,—прости-ты меня Господи,—четвертную въ чулкѣ нашли!—вмѣшалась въ разговоръ одна изъ тѣхъ всезнающихъ сосѣдокъ, которыя какъ бы обязанностью своею считаютъ знать, сколько сосѣдская курица несетъ яицъ, сколько холстовъ лежитъ у бабы въ коробьѣ, кого вчера въ кабакѣ били и т. д.—Ей-богу, родимые, четвертная,—своими глазами видѣла!...

— То-то она, нечистая сила-то! — заговорила своимъ густымъ, мужичьимъ голосомъ высокая старуха-Семёниха, подходя къ толпѣ.—Сколько разъ я говаривала ей, покойницѣ: «ой, не доведетъ тебя гулянка до добра, Прасковья! Надоть и о душѣ подумать»,—нѣтъ, не послухала... А нечистый-то силёнъ,—вотъ и попуталъ...

— Это такъ, это безпремѣнно нечистый,—подтвердили въ толпѣ.—Вѣдь она,—не тѣмъ будь помянута, покойница,—на-послѣдяхъ-то страсть что дѣлала! Гуляла шибко. Нахлещется, бывало, винища этого, да пѣсни, да въ плясъ... Бѣдовая была!

— И давно это я за ней примѣчала, — продолжала между тѣмъ бабушка-Семениха.—И что это, думаю, съ бабой дѣется? Ходитъ ровно оглашенная. То вотъ уставится глазами въ землю и смотритъ—не сморгнетъ, а то вдругъ грохотать примется, какъ полоумная... Бывало ажно морозъ по кожѣ подеретъ. А то, однова, иду это я мимо ихней избы въ сумеркахъ, какъ она вдругъ на меня шарахнется!... Я такъ и обмерла. Что ты, говорю, Христосъ съ тобой! Али спужалась чего? А она стоитъ—бѣлая, какъ кипень, да такъ въ дрожку и дрожитъ... «Помстилось мнѣ, говоритъ, баушка...»

— Эки страсти Господни!—послышалось въ толпѣ.

— А можетъ это она отъ тоски,— совѣсть ее измучила,— робко выговорилъ чей-то бабій голосъ въ отвѣтъ на разсказъ бабушки-Семенихи.

— Совѣсть!...—затрубила Семениха презрительно.—Захотѣла ты совѣсти отъ гулящей бабы!... Нѣтъ, кабы ее совѣсть-то мучила, не то бы было. Покаялась бы на духу во всемъ, да гулянку-то бросила, а то вишь нѣтъ,—шире масляницы крутила. Ну, и докрутилась, Богъ съ нею, до добра. А то—совѣсть!... Вишь, выдумали тоже...

— Это вѣрно!—поддакнули опять въ толпѣ.—Безъ нечистой силы здѣсь никакъ невозможно... Колодецъ-то вотъ только опоганила,—прости Господи,—засыпать придется...

И народъ, поглядывая на солнце, съ тихимъ говоромъ сталъ расходиться въ разныя стороны. Улица опустѣла, только въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ плыли длинныя серебряныя паутинки, цѣпляясь за соломенныя крыши и древесные сучки, да воробьи весело чирикали между собою, перепрыгивая черезъ дорогу. А утопленица, прикрытая отъ мухъ шелковою полушалью, лежала въ волостномъ амбарѣ, въ ожиданіи становаго, за которымъ поѣхалъ ея мужъ.

Бабушка-Семениха, пожалуй, была права, утверждая, что никакой совѣсти у гулящей бабы быть не можетъ: это—разъ; а во-вторыхъ, если даже и допустить, что совѣсть существуетъ, то почему же непремѣнно умирать?

Все это было въ высшей степени загадочно, и талинскіе обитатели имѣли полное основаніе предполагать, что безъ нечистой силы ни въ какомъ случаѣ не обошлось. «Гулящая»....да одно это слово само по себѣ исключало всякую возможность самоубійства и мучительнаго разставанья съ жизнью по своей охотѣ,—одно это слово, въ связи съ колодцемъ, тоской и наконецъ смертью, приводило въ недоумѣніе и ставило въ-тупикъ. Вѣдь, напротивъ, гулящая-то и любитъ эту земную жизнь, гулящей-то и трудно съ нею разстаться, такъ какъ она и «гуляетъ» собственно ради всѣхъ этихъ бренныхъ благъ, которыя неудержимо влекутъ ее къ себѣ и прельщаютъ,—ради нихъ она пожертвовала и душой своей, и совѣстью, ради нихъ пошла на позоръ, не оставивъ ничего въ будущемъ,—такъ какъ же не любить ей этой прекрасной жизни, которая для нея оборвется вмѣстѣ со смертью?... И гулящая баба страстно привязана къ жизни, дорожитъ ею, любитъ ее до послѣдней мелочи, до ничтожной пылинки.

Прасковья Ларіонова, обезображенное тѣло которой лежало въ волостномъ амбарѣ, тоже была «гулящая» и тоже любила

жизнь. Любила цвѣтные сарафаны, кумачные платочки, любила сладкую ѣду, гармонику, пѣсни и то пріятное бездѣлье, которое зовется отдыхомъ. Еще маленькою косматою дѣвчонкой она съ завистью и восторгомъ поглядывала на «барналины», поповыхъ дочерей и когда ее посылали пасти гусей, она изъ ивовыхъ прутьевъ устраивала себѣ нѣчто подобное, съ грустью думая, что до настоящаго все-таки далеко. Не разъ задумывалась она, мечтая о какой-то другой, некрестьянской, жизни и ея живое воображеніе рисовало ей самыя невозможныя, но въ высшей степени привлекательныя картины этого безпечальнаго житья.

— Эхъ, дѣвушки, хоть бы денечекъ пожить такъ, какъ баре да попы живутъ!—со вздохомъ говорила она подругамъ.

Подруги надъ ней смѣялись, а она пуще начинала тосковать по веселой, легкой жизни, которая представлялась ей въ мечтахъ.

Годъ за годомъ, косматая дѣвчонка выровнялась и выросла въ здоровую, веселую дѣвку, необыкновенно горластую и хороводницу. Въ эту пору Прасковья уже не мечтала: сознаніе молодой, здоровой жизни до такой степени охватило ее всю, что некогда было фантазировать,—нужно было жить, и только. Молодость—это легкій угаръ, опьяненіе, когда въ головѣ шумитъ, сердце бьется и все окружающее кажется привлекательнымъ. То же самое было и съ Прасковьей. Она плясала въ хороводахъ, пѣла пѣсни на вечерницахъ, заработывала себѣ на наряды — и жизнь казалась ей хороша. Все ее радовало: и лѣто съ знойными днями, веселымъ покосомъ, на который бабы надѣваютъ новые, самые яркоцвѣтные сарафаны, путешествіями по ягоды въ лѣсную глушь,—и зима съ катаньемъ на салазкахъ, снѣжными сугробами и длинными вечерами. И Прасковья на-пропалую праздновала свою молодость...

Но это продолжалось не долго, — Прасковья не даромъ спѣшила навеселиться. Какъ только ей стукнуло 16 лѣтъ, осенью послѣ уборки хлѣба ее просватали. Сильно убивалась Прасковья, разставаясь съ своей дѣвичьей волей, не разъ стукалась матери и отцу въ ноги, чтобы повременили хоть годочекъ, но дѣло было уже слажено, и Прасковья перешла жить хозяйкой въ чужую избу. Такимъ образомъ романъ ея кончился и жизнь затѣмъ пошла обычнымъ порядкомъ, какъ жизнь всякой крестьянской бабы.

Первое время замужней жизни Прасковья страшно тосковала. Изба была маленькая, тѣсная, хозяйство убогое, семья—только она, мужъ, да его мать-старуха, вѣчно охавшая и ворчавшая на печи. Уберется Прасковья по дому, посмотритъ на скотину, сбѣгаетъ за водой—и дѣлать нечего. Сядетъ у окна допрядать приданый ленъ, да и затянетъ съ тоски пѣсню. А старуха съ печи сейчасъ ворчать примется.

— Ишь, пѣсельница какая! Нѣтъ, чтобы перекреститься на иконы, да за дѣло взяться,—она только бы дьявола тѣшить...

И Прасковья замолкнетъ, потихоньку утирая слезы. Но скоро старуха умерла и ея старческая воркотня, нѣсколько оживлявшая тоскливую тишину избы, смолкла. Прасковьѣ стало еще скучнѣе.

Мужъ Прасковьинъ, Семенъ, былъ мужикъ несообщительный и мрачный. Говорилъ онъ рѣдко и мало, смѣялся и шутилъ еще рѣже, въ движеніяхъ былъ неуклюжъ и неповоротливъ. Его хмурое лицо вѣчно носило на себѣ отпечатокъ недовольства и замкнутости, и все дѣлалъ онъ какъ-то медленно и неохотно, даже съ отвращеніемъ, вслѣдствіе чего ни хозяйство, ни работа у него не ладились. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ лѣнивъ. Иногда случалось, что Семенъ по цѣлымъ днямъ проводилъ на дворѣ, старательно надъ чѣмъ-то работая и оглушительно бухая топоромъ; но когда дѣло подходило къ концу, оказывалось всегда, что не только ничего не сдѣлано, но приходилось начинать все сызнова. И Семенъ такъ же угрюмо и съ тѣмъ же отвращеніемъ въ лицѣ принимался снова ожесточенно бухать топоромъ, словно покоряясь необходимости. Точно такъ же относился онъ и къ женѣ. Для него она была не другомъ, не товарищемъ по работѣ, даже не любовницей, а просто вещью, необходимостью, безъ которой и желалъ бы, но нельзя обойтись. И онъ терпѣлъ ее въ своемъ быту, обращаясь къ ней только тогда, когда это было нужно. Въ остальное время она для него какъ будто не существовала и онъ ее не замѣчалъ, замкнувшись въ себѣ и живя только для себя. Онъ даже не билъ ее, возвращаясь откуда-нибудь пьяный, а только односложно приказывалъ себя раздѣть, разуть и, улегшись съ ея помощью на постель, немедленно засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Однажды Прасковья попробовала возмутиться.

— Да что я тебѣ раба, что ли, досталась?—закричала она на него въ отвѣтъ на его приказаніе подать тулупъ.—Такъ вотъ

и побѣгу тебѣ, идолъ!... Пра, идолъ... Хоть бы слово когда по-людски молвилъ...

Она ожидала, что вотъ Семенъ разсердится, выругается, за косы оттаскаетъ,—не тутъ-то было. Семенъ невозмутимо слѣзъ съ печи, досталъ тулупъ самъ и снова полѣзъ обратно, пробурчавъ что-то въ родѣ: «наплевать».

Понятно теперь, каково было Прасковьѣ жить съ такимъ мужемъ. Въ ней такъ и била черезъ край, такъ и кипѣла ключомъ яркая, живая молодость, она такъ и рвалась къ счастью, къ веселью, къ пѣснямъ, а вмѣсто того ей приходилось томиться въ одиночествѣ, молчать и видѣть предъ собой одно и то же угрюмое лицо, одни и тѣ же убогія стѣны...

— Да хоть бы ты словечко когда вымолвилъ со мною!—со слезами на глазахъ говорила она иногда Семену.

Семенъ на это кривилъ нѣсколько лицо, что у него означало усмѣшку, и молча уходилъ отъ жены.

Скоро у Прасковьи пошли дѣти. Она была этому рада и, обративъ на нихъ всю любовь, всю нѣжность своей порывистой натуры, нѣсколько успокоилась и перестала тосковать. Особенно любила она старшаго сынишку, Ѳедю, и когда ему случалось хворать, Прасковья ходила сама не своя, такъ что бабушка-Семениха, жившая съ нею по сосѣдству, считала нужнымъ пускать въ ходъ увѣщанія.

— Нешто можно такъ-то, а? — трубила она надъ убитой Прасковьей, покачивая головой.—Вѣдь это смерть чистая!... Ты погляди на себя-то: въ гробъ краше кладутъ.

Впрочемъ эти увѣщанія ни капельки не дѣйствовали на Прасковью и она по-прежнему сходила съ ума при каждой болѣзни Ѳедюшки.

Однако, хотя съ дѣтьми Прасковьина душа успокоилась и Прасковью не тянуло уже такъ неудержимо на улицу, въ народъ, поболтать и посмѣяться,—жить ей стало тяжелѣе. О пѣсняхъ и нарядахъ некогда было и думать,—надо было работать изо всѣхъ силъ, чтобы прокормить ребятъ и поддержать убогое хозяйство. И Прасковья дѣйствительно изъ силъ выбивалась, чтобъ и хлѣбы испечь во-время, и холстовъ ребятамъ наткать, и подати въ срокъ внести, и сѣмянъ на весну раздобыть, и мало ли еще чего... На Семена же съ его неповоротливостью и неохотой во всему разсчитывать было нечего. При такой лихорадочной дѣятельности Прасковьи семья Семена нѣсколько лѣтъ

просуществовала если и не особенно счастливо, то во всякомъ случаѣ удовлетворительно. По крайней мѣрѣ недоимокъ не было, и ощутительной голодухи терпѣть не приходилось. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе уставала Прасковья и дѣла становились хуже. Хозяйство Семена падало.

Первою бѣдой былъ неурожай,—едва-едва собрали на сѣмена. Пришлось занимать; въ волостномъ попросили отсрочки. Потомъ явился какой-то заморскій жукъ, который выѣлъ всю ниву начисто, такъ что хлѣба опять не хватило на годъ. Наконецъ, на сцену выступилъ грозный «укціонъ» — предвѣстникъ крестьянскаго раззоренія и полной нищеты. Первою жертвой аукціона была добродушная Пеструшка, нѣсколько лѣтъ кряду кормившая всю семью жиденькимъ, отъ безкормицы, молочкомъ; за нею пошелъ гнѣдой меринъ и два барана. Прасковья, когда ихъ уводили со двора, чуть не сошла съ ума и каждый разъ послѣ этого, проходя мимо опустѣвшаго, раззореннаго сарая, падала гдѣ-нибудь на навозную кучу и начинала причитать до безпамятства. Иногда она забывалась до того, что хватала вечеромъ доёнку съ ломтемъ хлѣба и шла подъ сарай, представляя себѣ, какъ на встрѣчу ей раздастся ласковое мычанье, какъ потомъ изъ хлѣвушка выглянетъ большая голова съ добрыми глазами и сунетъ ей въ руку свою теплую, влажную морду, надѣясь найти тамъ кусокъ хлѣба съ солью... Но, придя подъ сарай, Прасковья вдругъ вспоминала, что кромѣ пѣгой кобылы, съ трудомъ переживающей слеглое ухоботье, никто ее тамъ не встрѣтитъ, и съ плачемъ возвращалась домой.

— Мамушка Пеструшку подоила! Мамка молочка намъ дастъ!— кричали ребятишки, весело встрѣчая мать.

Но Прасковья, скрѣпя сердце, прикрикивала на голодныхъ дѣтей и садилась куда-нибудь въ уголъ, чтобъ они не видѣли ея мучительной тоски и жгучихъ слезъ отчаянія.

Случалось и такъ, что не вытерпитъ Прасковья и оттаскаетъ ребятъ за волосы. И жалко ей ихъ, и злость беретъ... Оттаскаетъ, а у самой тоска еще пуще займется въ груди, такъ что и вздохнуть не въ мочь. Тяжело было. Работа валилась изъ рукъ, ни на что глядѣть не хотѣлось, а раззоренное хозяйство становилось противно до безконечности.

Семенъ переносилъ нужду хладнокровнѣе. По обыкновенію, отъ него нельзя было добиться ни одного слова жалобы, ни вздоха, и въ самыя тяжелыя минуты своей жизни онъ ограничивал-

ся тѣмъ, что уходилъ въ кабакъ. Тамъ онъ выпивалъ косушку или двѣ на заложенную дугу, возвращался домой и залегалъ на печь. Въ тяжеломъ снѣ безъ грезъ горе забывалось; не слышно было ни причитаній жены, ни плача дѣтей, и потому такое времяпровожденіе было самое блаженное для Семена, облегчая хоть на мгновеніе тяжесть его положенія. Такимъ образомъ ему все-таки было легче, тогда какъ на долю Прасковьи выпадало самое тяжелое, самое горькое...

Выбившись изъ силъ въ бѣготнѣ по людямъ, чтобы занять фунтикъ хлѣба, промерзнувъ нѣсколько часовъ на рѣчкѣ за стиркою грязнаго, вонючаго тряпья, Прасковья иногда накидывалась съ бранью на мужа, желая хоть немного облегчить свое сердце отъ накопившейся въ немъ тоски и злобы.

— Что ты насъ съ голоду-то моришь, злодѣй!—кричала она, захлебываясь отъ слезъ. — Аль не видишь, что ребята-то околѣваютъ, какъ щенята? Безсовѣстный! Нѣтъ, чтобы раздобыть какъ-нибудь, приспособиться,—ему бы только на чужой шеѣ выѣзжать.

Семенъ, обыкновенно, молчалъ, но, наконецъ, упреки жены задѣли его за живое. Онъ сталъ огрызаться.

— Замолчи ты, баба, отъ грѣха!—угрюмо говорилъ онъ ей.— И безъ тебя тошно, а тутъ ты еще назоломъ лѣзешь. Безъ тебя ровно не знаю. Слышь, говорю, замолчи, а то вотъ возьму вожжи, да вожжами-то...

И если Прасковья не унималась, Семенъ вправду бралъ вожжи и такъ же равнодушно, какъ выпивалъ въ кабакѣ шкаликъ, принимался стегать жену.

Наплакавшись и наругавшись досыта, Прасковья успокоивалась и принималась за свои обычныя дѣла. Накинувъ на себя дырявый тулупъ, въ грязномъ затасканномъ сарафанишкѣ, въ бахилкахъ на босу ногу бѣжала она по сосѣдямъ выпросить картошки или хлѣба. На улицѣ вьюга несется, обсыпая колючими иглами лицо и руки, ноги вязнутъ въ рыхломъ снѣгу по колѣна, кругомъ зги не видно, а она бѣжитъ себѣ впередъ, помня и думая только объ одномъ—объ оставленныхъ дома ребятишкахъ. Но поиски ея по большей части всегда оказывались тщетными: въ одномъ мѣстѣ отвѣтятъ, что сами все пріѣли и идутъ въ кусочки, въ другомъ — покажутъ остатокъ лебеднаго хлѣба, въ третьемъ — еще хуже... Измученная, усталая, отупѣлая, шла она домой. Ребятишки встрѣчали ее въ сѣняхъ.

— Отойдите отъ меня, проклятые!—задыхаясь, кричала она на нихъ и безъ памяти падала на лавку.

— Что, мамушка, не достала видно хлѣбца?—подходилъ къ ней ласковый, смышленый Ѳедюшка, ея любимецъ.

Голосъ сынишки приводилъ ее нѣсколько въ себя, и она начинала безумно рыдать... Разъ ребятишки ея чуть было не померли. Ходила она къ писарихѣ полы мыть и получила за работу полкоровая горячаго, только-что вынутаго изъ печи, хлѣба. Обрадовались ребята хлѣбу, наѣлись досыта, а вечеромъ сдѣлались съ нимъ корчи и духъ захватило... Прасковья страшно перепугалась, но ребятишки какъ-то само-собой «отходились» и выздоровѣли. За то Семенъ опять взялся за возжи и отхлесталъ жену за то, что будто бы нарочно хотѣла «окормить» ребятъ.

Этою же зимой у Прасковьи родился еще сынишка. Но онъ не долго маялся на бѣломъ свѣтѣ: съ пятаго дня рожденія сталъ онъ пухнуть, раздулся и померъ. Когда его снесли на погостъ, Прасковья даже облегченіе почувствовала,—такъ тяжело ей было кормить и няньчить шестерыхъ ребятъ.

А между тѣмъ, несмотря на эту одуряющую, безысходную нужду и тысячи мелкихъ, но мучительныхъ заботъ, среди которыхъ жила Прасковья,—въ ней не совсѣмъ еще замерла жажда жизни, порывы молодости. По временамъ эта, тлѣвшая въ душѣ ея, искра ярко вспыхивала и тогда Прасковья оживлялась, не прочь была поболтать, посмѣяться, посудачить. На измученномъ лицѣ ея появлялась искренняя улыбка, смѣхъ звучалъ неподдѣльно-весело и звонко, на языкъ само собою просилось задорное словцо. Способность увлекаться и желать еще не совсѣмъ утратилась, и всякія молочи, которыя красятъ жизнь, попрежнему занимали ее и трогали до слезъ. Однимъ словомъ, на Прасковьино несчастье, нужда не пришибла окончательно ея молодости, и ея порывистая, увлекающаяся, но слабая натура всегда была способна свихнуться предъ всякаго рода соблазнами. А соблазновъ кругомъ было много.

Деревня Талинка, гдѣ жила Прасковья, была сѣрая, глухая, но уже значительно тронутая такъ-называемою «цивилизаціей», которая проникла сюда отчасти изъ губернскаго города, расположеннаго въ 40 верстахъ отъ Талинки, а болѣе всего съ желѣзной дороги, недавно прорѣзавшей здѣсь тихія, черноземныя поля. Кромѣ того, подъ бокомъ лежало еще громадное торговое село съ суконными фабриками. Все это, въ связи съ страшною,

небывалою, нуждой, охватившею въ послѣднее время мужицкую Русь, способствовало тому, что народъ цѣлыми массами уходилъ изъ деревень въ городъ, на фабрики, на чугунку и, возвращаясь домой, приносилъ съ собою новыя потребности и привычки. Мало-по-малу деревенскіе люди познакомились съ чайкомъ, со сладкой водочкой, съ «цыгарками» и прочими городскими удовольствіями. Деревенщина начинала надоѣдать... И чѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ тѣснѣе становилась нужда, рядомъ съ этими соблазнами и деревенскою роскошью въ видѣ самовара, сладкой ѣды и яркихъ ситцевъ,—тѣмъ сильнѣе влекло къ нимъ человѣка, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ свою безвыходную нужду. Особенно чувствовали это бабы; чувствовала и Прасковья среди своей каторжной, голодной жизни. Съ жгучею завистью поглядывала она иной разъ на разодѣтую старшиниху; при видѣ лапчатаго сарафана сосѣдки сердце ея начинало сильнѣе биться и, проходя случаемъ мимо кабака, она не могла не остановиться, заслышавъ веселые звуки гармоники и топотъ пляшущей пары. Вотъ видитъ она на крылечкѣ веселую толпу молодыхъ фабричныхъ, вернувшихся домой. Почти всѣ они съ гармониками, всѣ выпивши, и отчаяннымъ, молодымъ разгуломъ вѣетъ отъ ихъ разудалой, съ присвистами и выкриками, пѣсни. А среди ихъ, въ плисовой безрукавкѣ, въ пунцовомъ сарафанѣ, съ бѣлымъ платочкомъ въ рукахъ, выступаетъ красивая солдатка Авдошка, ухарски пристукивая коблучками.

Глядитъ на эту веселую картину бѣдная Прасковья и чувствуетъ, что сердце ея такъ и сжимается, такъ и замираетъ. Не то зависть это, не то сожалѣніе о чемъ-то—Прасковья хорошенько и сама не знаетъ, но сознаетъ только одно, что ей хочется жить,—неудержимо, страстно хочется жить...

— Ишь вѣдь веселье-то какое!—останавливаетъ она проходящую мимо бабу, тоже молодую, но съ такимъ же измученнымъ, отупѣлымъ лицомъ, какъ и Прасковья.

Баба глядитъ на пунцовую, дышащую здоровьемъ и молодостью, Авдошку и, отвернувшись, сердито машетъ рукой.

— Ну, ужь и веселье! Сохрани Богъ отъ эдакаго,—говоритъ она съ негодованіемъ. — Ишь расфуфырилась, шлюха, стыда-то нѣту! Да я бы, кажись, ни за что... Хоша и бѣдно, да по крайности честно... А эта ишь охальничаетъ... Тьфу!

Прасковья поддакиваетъ, но чувствуется ей, что слова этой суровой, гордящейся своей нуждой и честностью, женщины не совсѣмъ искренни, что таится въ нихъ скрытая зависть и что ей

этой болѣзненной, замученной бабѣ, также какъ и Прасковьѣ, страстно хочется жить... Возвратившись домой, возбужденная этимъ видомъ чужаго веселья, Прасковья принималась мечтать. Но мечты ея уже не имѣли того неопредѣленнаго, фантастичнаго характера, какъ во время дѣтства, и Прасковья твердо знала, чего ей хотѣлось. Мечтала она о чистой, свѣтлой, просторной избѣ безъ угару и таракановъ, о пирогахъ по праздникамъ, о блаженномъ отдыхѣ, котораго она теперь не имѣла; мечтала о дѣтяхъ, которыхъ желала бы видѣть сытыми, одѣтыми, румяными, о спокойной, веселой жизни... Даже Семенъ представлялся ей въ мечтахъ совсѣмъ инымъ,—не угрюмымъ и грязнымъ, какъ всегда, но свѣтлымъ, разговорчивымъ, заботливымъ. И она увлекалась своими мечтами до того, что слезы умиленія выступали у нея на глазахъ и нѣсколько часовъ послѣ того она ходила счастливая и добрая. Она готова была надрываться на работѣ, только бы сбылась хотя сотая часть ея мечтаній...

Помимо этихъ восторженныхъ мечтаній, не мало ее также занимала судьба солдатки Авдошки, извѣстной въ Талинкѣ подъ именемъ «непутевой». Она знала ее еще въ дѣвкахъ, когда онѣ обѣ не разъ руководили цѣлымъ хороводомъ, какъ самыя голосистыя въ селѣ. Авдошка и тогда была красавица, и талинскіе ребята ухаживали за нею на-перебой. Потомъ Авдошка вышла замужъ въ богатую семью и за статнаго красавца, въ которомъ она души не чаяла, и Прасковья съ нею разошлась. Но замужемъ пожила она не долго, мужа вскорѣ забрили, къ ней сталъ приставать свекоръ и она ушла изъ семьи Богъ-вѣсть куда. Такъ пропадала она нѣсколько лѣтъ, а когда возвратилась опять въ родную деревню, прежней Авдошки нельзя было узнать, и все село отвернулось отъ нея, заклеймивъ ее позорнымъ прозвищемъ «гулящей». Всѣ ее презирали, ругали, сторонились отъ нея, только одна Прасковья, встрѣчая иногда Авдошку на улицѣ, разряженную, смѣющуюся, счастливую, и сравнивая ее мысленно съ прочими деревенскими бабами, грязными, истощенными, никакъ почему-то не могла признать ее виноватою и не чувствовала къ ней презрѣнія. Она даже пробовала съ ней разговаривать.

— Неужли-жь, Авдоня, тебѣ легко? — спрашивала она ее, повстрѣчавшись гдѣ-нибудь на дорогѣ.

— А то что-жь?—весело отвѣчала Авдоня, безстыдно посмѣиваясь, щелкая подсолнухи и какъ бы плюя и на свой стыдъ, и на чужое горе.

— Да какже, родимая, — съ участіемъ продолжала Прасковья,—вѣдь чай грѣхъ... Чай тоже совѣсть-то мучитъ, а?

Но Авдошка почему-то всегда уклонялась отвѣчать на подобные вопросы, а только либо принималась хохотать, либо затягивала самую развеселую пѣсню. Однажды вечеромъ, когда Прасковья особенно настойчиво распрашивала ее, Авдотья разсердилась и отвѣчала:

— Эхъ, Праскуха, чего пристала!... Подожди, сама узнаешь... Не я одна,—и она, не договоривъ, сейчасъ же затянула во все горло: «Снѣжки бѣлые, пушисты»...

Прасковьѣ даже страшно стало, и она долго плакала послѣ этого разговора.

Одинъ годъ былъ особенно лютъ для Семеновой семьи. Въ домѣ все было съѣдено до послѣдней крошки, ребята ходили въ кусочки, пѣгая кобыла не была продана только потому, что за нее давали всего полтора рубля. Къ довершенію бѣдъ, дѣти начали хворать и къ веснѣ пришлось одну дѣвочку снести на погостъ. Прасковья просто выбилась изъ силъ, доходя по временамъ до полнаго отчаянія, до сумашествія. Даже хладнокровный Семенъ— и тотъ растерялся. Пошелъ было онъ наниматься на желѣзную дорогу снѣгъ очищать, но опоздалъ и его не приняли. Вернулся ни съ чѣмъ, только лапти даромъ сбилъ, да простудился. Толкнулся на барскую усадьбу, предлагая изъ-за хлѣба отработать цѣлое лѣто въ полѣ, но не повезло и тамъ,—мѣста всѣ были заняты. Мрачнѣе черной ночи вернулся домой Семенъ и на цѣлую недѣлю залегъ на печь, не подпуская къ себѣ ни дѣтей, ни жену. Еслибы не Прасковья, ребята непремѣнно умерли бы отъ голода. Нищета достигла крайнихъ предѣловъ и ужь не чаяли дожить до весны...

А зима была студеная, морозная и кругомъ по деревнямъ, сплошь занесеннымъ снѣговыми сугробами, стонъ шелъ отъ голодухи и безработицы.

— Господи, да гдѣ же это люди-то живутъ! — воскликнула разъ обезумѣвшая Прасковья, не видя ни откуда ни помощи, ни сочувствія.

Подошла наконецъ и весна. Снѣгъ сталъ, горки зазеленѣли, по прогалинкамъ и потнымъ выбоинамъ закудрявилась молодая снытка. Прасковья вмѣстѣ съ другими бабами собирала ее, чистила и варила изъ нея щи. Разъ, набравши цѣлый подолъ этой

травы и липовыхъ почекъ, Прасковья шла домой. На дорогѣ ей встрѣтилась бабушка-Семениха, возвращавшаяся откуда-то съ узелкомъ.

— Что это ты несешь?—спросила она Прасковью, показывая на подолъ.

— Да вотъ снытки набрала,—проговорила Прасковья, останавливаясь.

Семениха помолчала, поглядывая то на дырявую паневу Прасковьи, то на ея худое, безъ кровинки, лицо, съ лихорадочно блестѣвшими глазами, и наконецъ вымолвила:

— Ступай завтра на барскій дворъ. Тамъ, слышно, бабъ нанимаютъ дорожки въ саду расчищать, потому, слышно, баринъ на лѣто жить переѣдетъ...

— Ой, бабушка!—радостно воскликнула Прасковья съ сильно забившимся сердцемъ.

— Такъ ты и ступай съ Богомъ. Ребятъ въ случаѣ чего догляжу я. А покель на-ка вотъ имъ гостинчика.

И Семениха, сунувъ въ руку Прасковьи черствую ржаную лепешку, степенно удалилась.

Всю ночь не спалось Прасковьѣ отъ радости и нетерпѣнья, всю ночь проворочалась она съ боку на бокъ, боясь, что другія бабы встанутъ раньше ея и перебьютъ у нея работу. Только-что забывалась она на минуту и грёзы начинали причудливо переплетаться съ дѣйствительностью, какъ вдругъ являлась передъ нею Семениха, повелительно трубящая ей: «ступай»,—и Прасковья въ ужасѣ просыпалась. Но царившая кругомъ тьма и мѣрное дыханіе спящихъ убѣждали ее, что еще ночь, и она снова валилась на постель.

То вдругъ снится ей, что уже солнце давно встало, да такъ и печетъ ее, такъ и томитъ. Разомлѣла Прасковья, не хочется ей вставать, а Семенъ пристаетъ къ ней, будитъ.

— Подожди малость, оставь...—лепечетъ ему Прасковья въ полуснѣ.

— Да вѣдь ты на барскій дворъ-то опоздала! — кричитъ ей Семенъ сердито.

Вся въ холодномъ поту, вскакивала Прасковья и долго не могла придти въ себя отъ страшныхъ грёзъ.

Наконецъ она не вытерпѣла и встала. На востокѣ чуть-чуть брезжилъ слабый, бѣлесоватый свѣтъ, но въ деревнѣ царила еще полная тишина. Прасковья умылась, затопила печь кизяками и

поставила вариться вчерашнюю снытку. Когда щи поспѣли, она накрошила туда бабушкиной лепешки и, наказавъ проснувшемуся Семену покормить ребятъ, наскоро одѣлась и вышла со двора.

Утро было замѣчательно тихое и ясное. Слышно было, какъ въ молодой, веселой травѣ копошилась маленькая, своеобразная жизнь и какъ на деревьяхъ лопались надувшіяся липкія почки, разомъ развертывая нѣжный, крохотный листочекъ. — Барская усадьба была недалеко отъ деревни,—только пройдти узкую тропку, протоптанную краемъ рѣчки, между кустами ветёлокъ и тальника. Поэтому Прасковья шла не спѣша, обрывая на дорогѣ молоденькія «китки» *) съ ветелъ и съѣдая ихъ. Она думала, что на барскомъ дворѣ никого еще нѣтъ, но, подходя къ конторѣ, увидѣла уже издали пестрѣющіяся на крылечкѣ бабьи паневы и почти съ ненавистью взглянула на своихъ соперницъ.

Ждать имъ пришлось часа два. А народъ все подходилъ, да подходилъ, такъ что бабы принуждены были установить очередь. Наконецъ вышелъ на крыльцо толстый конторщикъ, переписалъ всѣхъ бабъ, объявилъ, что плата въ сутки—15 коп. и, выдавъ каждой квитокъ, велѣлъ идти къ садовнику. Всѣ бабы были приняты, такъ какъ садъ былъ большой и работы много, поэтому онѣ перестали коситься другъ на дружку и весело взялись за заступы и мотыги. Одна баба, работавшая рядомъ съ Прасковьей, узнавъ, что та ничего съ утра не ѣла, даже подѣлилась съ ней своимъ хлѣбомъ и картошками. Такъ проработала Прасковья цѣлый день. Къ вечеру онѣ всѣ опять собрались у конторы, гдѣ конторщикъ объявилъ, что разсчетъ производится у нихъ черезъ недѣлю, по воскресеньямъ, и, выдавъ имъ ярлыки, отпустилъ домой.

Прошла недѣля. Въ воскресенье Прасковья съ замирающимъ сердцемъ пошла получать деньги. У конторы уже шумѣла и хохотала пестрая толпа бабъ и по-праздничному принаряженныхъ дѣвокъ. Нѣкоторыя были разодѣты въ кумачные сарафаны и суконныя безрукавки съ позументами, такъ что Прасковьѣ на минуту стыдно стало за свою клѣтчатую протертую паневу и затасканную шубейку. Но, вспомнивъ о своихъ ребятахъ, которыхъ она сегодня досыта накормитъ на заработанныя деньги, Прасковья развеселилась и терпѣливо ожидала, когда ее вызовутъ.

---

*) Цвѣты ветлы, сережки.

Въ конторѣ было шумно и тѣсно. Дѣвки пересмѣивались, шутили, вели веселую перебранку; бабы постарше и побѣднѣе одѣтыя жались въ сторонкѣ молча. На стѣнѣ тикали громадные старинные часы и среди смѣха и болтовни монотонно раздавался голосъ конторщика и щелканье счетовъ.

— Прасковья Ларіонова!—выкрикнулъ онъ наконецъ, поглядывая своими заплывшими глазами на толпу.

Прасковья заторопилась и наконецъ кое-какъ выбралась изъ толпы, подталкиваемая сзади и поощряемая возгласами: «Ну, иди-жь! Чего-жь ты мнешься, Праскуха!»

Конторщикъ поглядѣлъ на Праскуху, на ея убогую шубейку и спросилъ: сколько?

— Вотъ, кормилецъ, 6 ярлыковъ... по 15 копѣекъ,—заторопилась оробѣвшая Прасковья.—Вотъ...

Конторщикъ заглянулъ въ книгу, перекинулъ на счетахъ и выбросилъ на столъ кучку мѣдяковъ.

— На, получай, 90 копѣекъ,—монотонно выговорилъ онъ и опять взглянулъ на ея шубейку и именно на то мѣсто, гдѣ была огромная прорѣха, наскоро прихваченная бѣлыми нитками.

Прасковья схватила деньги и бросилась бѣжать изъ конторы.

— Ей-ей, куда ты, стойка!—крикнулъ ей вслѣдъ конторщикъ, но она не слыхала и, сопровождаемая смѣхомъ бабъ, захлопнула за собой дверь.

Дорожки въ саду расчистили. Дня два Прасковья ходила безъ работы, но потомъ понадобилось въ огородѣ вскопать гряды, и она снова стала ходить на барскій дворъ.

Разъ она съ усердіемъ выдирала изъ земли громадный корень лебеды, мѣшавшій ей копать, и до такой степени углубилась въ свою работу, что не замѣтила, какъ кто-то подошелъ къ ней сзади и крѣпко ущипнулъ ее за плечо.

— О, чтобъ тебѣ, дьяволъ, не замай!—закричала разсерженная Прасковья и, замахнувшись заступомъ, быстро обернулась, намѣреваясь отпотчивать какъ слѣдуетъ обидчика. Но въ ту же минуту заступъ выпалъ у нея изъ рукъ и ругательство замерло у нея на губахъ. Передъ нею стоялъ конторщикъ, криво усмѣхаясь и подмигавая узенькими щелками своихъ глазъ.

— Что, испугалась? Больно?—осклабился онъ наконецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и сейчасъ же отошелъ отъ нея, покрикивая на другихъ бабъ: «Ну, ну, не зѣвать у меня! Что

губы-то распустили...» Прасковья до того струсила, что долго не могла придти въ себя, мысленно ругая конторщика.

— Ишь, лѣшій, шутить выдумалъ!... Нечего дѣлать-то, жирному псу, пра-аво!... Ажь поджилки затряслись...

Конторщикъ былъ человѣкъ холостой и любилъ возжаться съ податливымъ деревенскимъ бабьемъ. Когда онъ увидѣлъ Праскуху, она почему-то ему приглянулась и онъ началъ ее преслѣдовать.

Ему нравились въ ней ея неловкія движенія, ея робость и наивность застѣнчивой деревенской бабы; онъ любилъ съ нею заговаривать, и ея глупости, ея наивныя выходки смѣшили его до слезъ.

Жара. Воздухъ зноенъ и неподвиженъ; въ синемъ-синемъ небѣ, словно застывъ, стоятъ на одномъ мѣстѣ бѣлыя, круглыя облачка. Внизу у рѣчки, гдѣ строится новая баня, слышится стукъ топора и уханье плотниковъ, прилаживающихъ стропила. На огородѣ бабы полютъ разсаду, но работа идетъ вяло и неохотно. Изрѣдка какая-нибудь изъ полольщицъ затягиваетъ тоненькимъ голоскомъ заунывную пѣсню, но жажда перехватываетъ ей горло, и пѣсня обрывается на полсловѣ. Пополдничали. Прасковья только-что проводила своихъ ребятъ, прибѣгавшихъ къ ней изъ села, и, подоткнувшись, усѣлась на грядѣ доканчивать непрополотый рядъ. Ея лицо загорѣло, щеки зарумянились, рубаха вся мокрая отъ пара, но она весела и вполголоса мурлычитъ: «Ужь какъ во зеленомъ садочкѣ соловей громко поетъ...»

— Ишь распѣлась, туда же,—раздается надъ ней знакомый голосъ. Это конторщикъ. Онъ только-что всталъ и, напившись чаю, въ бѣломъ парусиновомъ балахонѣ вышелъ на огородъ посмотрѣть, какъ работаютъ бабы.

Прасковья конфузится, перестаетъ пѣть и усердно начинаетъ выбирать изъ земли тонкіе, какъ паутинка, листочки сорной травы.

— Тебѣ бы только въ Москву,—право! Ты видала Москву, Прасковья?—продолжаетъ конторщикъ и смѣется.

— Нѣтъ, родимый, гдѣ мнѣ,—отвѣчаетъ Прасковья.

— Какъ же это ты такъ, а? Тебѣ бы непремѣнно въ Москву надо. Вотъ погоди пріѣдетъ баринъ, я его уговорю, чтобъ онъ тебя съ собой взялъ, право. Поди такой въ Москвѣ еще не было!...

— Ну, что ты!... Нешто можно?—восклицаетъ въ испугѣ Прасковья.—Да что я тамъ дѣлать-то буду?... Сохрани Господи!

Конторщикъ заливается хохотомъ и хохочетъ долго, приговаривая: «О, дура, она и повѣрила!... Эдакая дура...»

— А что я слышалъ, Прасковья,—говорилъ онъ ей другой разъ серьезно.—Слышалъ я, будто у васъ вчера въ селѣ корова теленкомъ отелилась,—правда это?

— А чѣмъ же ей телиться-то, прости Господи!—сердито отвѣчала Прасковья, которой начинали надоѣдать эти глупыя шутки.

— Да какъ же это она такъ? Взяла да и отелилась, а?—приставалъ конторщикъ, забавляясь ея гнѣвомъ.

Прасковья ничего не отвѣчала, а конторщикъ сдергивалъ съ нея платокъ и уходилъ, очень довольный собой.

Какъ-то передъ Вознесеньемъ онъ зазвалъ ее на свою половину и велѣлъ вымыть полы. Прасковья охотно согласилась и, вооружившись лоханкой съ теплою водой, принялась чистить и мыть конторщиковы апартаменты.

— Что, я слышалъ, вы плохо живете?—спросилъ ее конторщикъ, входя зачѣмъ-то въ комнаты и искоса поглядывая на ея голыя, красныя отъ горячей воды, ноги.

— И-и, кормилецъ, не говори! Ужь такъ-то плохо, такъ плохо, мочи нѣтъ,—отвѣчала Прасковья, водя по полу грязною тряпицей.

— Гм... Вотъ въ субботу будетъ разсчетъ, зайди ко мнѣ отдѣльно. Я тебѣ мучки велю насыпать.

Прасковья въ порывѣ благодарности перестала вытирать полъ и бросилась конторщику въ ноги.

— Ро-димый!—заголосила она со слезами.—Пошли тебѣ Господи здоровьица, дай Богъ тебѣ...

— Ну, ну,—ухмыльнулся конторщикъ и, погремѣвъ ключами у шкафа, вышелъ, думая про себя: «и дуры эти бабы,—то-то дуры...»

Послѣ мытья половъ онъ вынесъ ей большой чайный стаканъ водки и кусокъ жирнаго пирога.

— На-ка вотъ выпей послѣ трудовъ-то,—угощалъ онъ ее.—Выпей,—живо помолодѣешь.

— Ой, родимый, вѣдь я не пью,—отнѣкивалась Прасковья, мотая головой.

— Ну, ну, не ломайся,—выпей.

— Да вѣдь я пьяная буду...

— Ничего.

Черезъ силу выпила Прасковья полстакана и, завернувъ пирогъ въ фартукъ, пошла домой. Ее сильно разобрало. По жиламъ

бѣгали какіе-то огоньки, въ головѣ шумѣло и къ горлу не то слезы подступали, не то смѣхъ.

«Господи, вѣдь бываютъ же добрые люди на свѣтѣ!»—думала она, вспоминая конторщика, и на глазахъ ея навертывались слезы. Но сейчасъ же она вспомнила дѣтей, представила себѣ, какъ они будутъ пирогъ ѣсть, и засмѣялась.

Въ слѣдующую субботу Прасковья принесла домой полпуда муки, пшена и связку кренделей. Въ избѣ у нихъ стало какъ-то веселѣй, и Прасковья радовалась, любуясь на поправлявшихся сытыхъ рябятишекъ. Но недолго пришлось ей радоваться.

Однажды вечеромъ вернулась она съ барскаго двора какая-то растерянная, блѣдная, испуганная. Робко озираясь, чтобы никому не попасться на глаза, прокралась она въ избу и легла на лавку. Въ избѣ было пусто и тихо; дѣти играли на улицѣ, а Семенъ прибирался на дворѣ, только-что пріѣхавъ съ поля. Но эта тишина смущала Прасковью; ее знобило и она, доставъ тулупъ, одѣлась и притихла. На душѣ у нея было тяжело и смутно, голова кружилась, руки дрожали. Но не отъ вина это было, хотя и сегодня конторщикъ подносилъ ей, а отъ великаго грѣха, который грознымъ призракомъ стоялъ теперь передъ нею, ужасая ее своею громадностью...

Но она не могла долго лежать. Наступавшій вечерній сумракъ пугалъ ее, а доносившіеся съ улицы звонкіе дѣтскіе голоса на кусочки рвали ея сердце. Въ тоскѣ и страхѣ вскочила она съ лавки и заложила руки...

— О, Господи, что я сдѣлала! Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой... Сомустилъ лукавый, обошли злые люди... О, Господи, чѣмъ замолю, какъ на дѣтей-то глядѣть буду!...

Рыданія душили ее, и она снова упала на постель. Въ сѣняхъ послышался топотъ, смѣхъ и въ избу ворвались веселые, разыгравшіеся ребята. Вслѣдъ за ними вошелъ отецъ и степенный семилѣтній Ѳедюшка, который уже не водился съ малышами, а помогалъ отцу въ работѣ.

— Ты что лежишь?—обратился Семенъ къ женѣ.

— Неможется что-то, разломило всю, — глухо отвѣчала Прасковья съ холодѣющимъ сердцемъ.

Однако черезъ силу встала и собрала поужинать, но сама ѣсть не стала, а легла на печь, накрывшись опять тулупомъ.

Ужинъ прошелъ молча, ребятишки присмирѣли и въ избѣ повѣяло холодомъ.

Послѣ этого вечера нѣсколько дней Прасковья не ходила на барскій дворъ, отговариваясь болѣзнью. И всѣ эти дни она была необыкновенно ласкова и внимательна ко всѣмъ. Семену старалась услужить, а отъ дѣтей просто не отходила. То сказки имъ разсказывала, то пѣсни пѣла, а то молча гладила по волосамъ, скрывая отъ ихъ любопытныхъ глазенокъ слезы, выступавшія ей на глаза.

Въ воскресенье конторщикъ прислалъ за ней и Прасковья опять стала исчезать изъ дома.

На первыхъ порахъ Прасковьѣ было очень тяжело въ положеніи конторщиковой «сударки». Она то принималась рыдать, то раскаявалась, то безумно ласкала дѣтей, то гнала ихъ отъ себя прочь съ страшными проклятіями, крича, что они загубили ея жизнь. Но мало-по-малу она свыклась съ своимъ паденіемъ и тоска ея на время замерла гдѣ-то глубоко въ ея груди. Притомъ же конторщикъ былъ очень щедръ на подарки и угощенье и это примиряло Прасковью съ ея позоромъ. Все чаще и сильнѣе тянуло ее вонъ изъ семьи на барскій дворъ, въ конторщикову горницу. Тамъ ей было легче, тамъ она забывалась и отдыхала. Дома же она не могла быть спокойна,—нѣмой укоръ видѣла она и въ мрачномъ взглядѣ Семена, и въ свѣтлыхъ глазенкахъ дѣтей, а изъ каждаго угла избы, чудилось ей, глядятъ на нее какія-то страшныя тѣни, безмолвно укоряя ее въ великомъ грѣхѣ...

Къ осени Прасковья щеголяла въ ситцевомъ сарафанѣ самаго замысловатаго рисунка и въ полубархатной корсеткѣ, расшитой галунами. А между тѣмъ урожай былъ опять плохой и Семенъ, обмолотивъ рожь, отправился въ кабакъ, какъ онъ дѣлалъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ. Проходя мимо Прасковьи, стоявшей у воротъ и щелкавшей сѣмечки, онъ остановился и сообщилъ ей о результатѣ урожая. Но Прасковья, вмѣсто того, чтобы взвыть, какъ бывало, и ударить себя въ бока, ни капельки не смутилась и, выплюнувъ въ сторону шелуху, хладнокровно отвѣчала:

— Ну, что-жь, эка важность!...

И, доставъ изъ кармана новую горсть, принялась опять грызть подсолнухи.

Ничему не удивлявшійся, Семенъ на этотъ разъ удивился и, подозрительно взглянувъ на жену, прошелъ мимо.

Онъ ничего не подозрѣвалъ. Не разъ ему въ глаза подсмѣивались надъ щегольскими нарядами его жены, не разъ при немъ поминали конторщика въ связи съ именемъ жены,—онъ ничего не замѣчалъ, ни на что не обращалъ вниманія и спокойно ѣлъ хлѣбъ, спеченный изъ конторщиковой муки. Онъ былъ слишкомъ флегматикъ, слишкомъ погруженъ въ себя, чтобъ интересоваться чѣмъ-нибудь помимо своихъ личныхъ интересовъ или прямыхъ потребностей своего тѣла. Была бы ѣда, было бы тепло на печи, не орали бы дѣти,—больше ничего ему не нужно и ни до чего дѣла нѣтъ. Если же какой-нибудь винтъ въ его жизни выскакивалъ, онъ опять-таки не томилъ себя безплодными размышленіями, а шелъ въ кабакъ и шкаликомъ пополнялъ недостачу. Затѣмъ машина его приходила въ порядокъ и онъ снова успокоивался надолго.

Жена была для него такой же винтъ; а пока этотъ винтъ былъ на мѣстѣ и ничѣмъ не нарушалъ обычнаго хода его жизни, ему нечего было безпокоиться. Только разъ за это время онъ разсердился на нее, когда, возвратившись откуда-то вечеромъ, не засталъ жены дома и некому было ни собрать поужинать, ни унять ревущихъ ребятъ.

— Зачѣмъ на барскій дворъ шляешься?—угрюмо встрѣтилъ онъ ее, когда она пришла.

— А что же не ходить? Эка!—развязно отвѣчала Прасковья, но запаздывать перестала и Семенъ успокоился.

А по селу давно уже ходили недобрые слухи о Прасковьѣ и сосѣди въ разговорахъ о ней довольно опредѣленно произносили слово: «гулящая». Первая, произнесшая это слово прямо въ глаза Прасковьѣ, была бабушка-Семениха, всегда жалѣвшая ее и хорошо къ ней относившаяся.

Это было вечеромъ, солнце только-что зашло. Прасковья съ пріятнымъ шумомъ въ головѣ отъ выпитой водки, напѣвая пѣсню и даже приплясывая, шла изъ усадьбы какъ разъ въ то время, когда Семениха гнала съ выгона свою корову. Повстрѣчались.

— Что, дѣвка, весела больно? Аль загуляла? — иронически замѣтила Семениха, поровнявшись съ Прасковьей.

Прасковья сначала оробѣла, потомъ собралась съ духомъ и, смѣясь, отвѣчала:

— Загуляла, бабушка! Теперича всѣ гуляютъ, хочу и я. Что-жь мнѣ?...

— Ой, Праскуха!—заговорила своимъ тягучимъ басомъ Семениха, укоризненно качая головой.—Не догуляйся, смотри, до грѣха! Вѣдь у тебя дѣти растутъ... Пуще всего ихъ-то жалко. Ходятъ безпризорные, горькіе... Даве и то Ѳедюшка прибѣгъ ко мнѣ, да и баитъ: «что это, баунька, мамка-то, что она насъ бросила?» Каково это слухать-то, а?

Прасковья молчала и Семениха не видѣла въ сумеркахъ, какъ подергивались ея губы и какъ жгучія слезы туманомъ застилали ей глаза. Но Прасковья пересилила себя и прежнимъ беззаботно-веселымъ тономъ отвѣчала:

— Что-жь дѣти, баушка? Я и такъ съ ними радости не видала. Ты думаешь, не любы они мнѣ, не больны?... Да вѣдь, баушка, и самой-то въ нуждѣ свѣковать не охота...

— А грѣхъ-то, дѣвка, а грѣхъ-то аль забыла?... Аль Бога-то у тебя больше нѣту?... Ой, помни, отвѣчать придется! Послухай меня, старуху, брось эту гулянку, плюнь ты на конторщика своего и на белендрясы эти,—старуха съ презрѣніемъ показала на яркій платокъ и разноцвѣтныя бусы Прасковьи.— Брось, говорю, а то пропадешь, да и дѣтей-то загубишь. Жалко мнѣ тебя...

Но Прасковья вдругъ захохотала во все горло и пошла прочь отъ бабушки.

— Тьфу, непутевая! — выругала ее вслѣдъ разозлившаяся Семениха и, схвативъ хворостину, принялась изо всѣхъ силъ стегать свою корову, которая очень удивилась этой неожиданности.

Прасковья слышала брань старухи, но, чтобы заглушить поднявшуюся въ груди своей бурю, затянула веселую пѣсню и пошла, притопывая, по дорогѣ.

И вспомнилось ей въ эту минуту, какъ она, бывало, честная женщина, распрашивала гулящую Авдошку и какъ та въ отвѣтъ ей заводила, бывало, пѣсню или принималась безсмысленно хохотать.

Въ Талинкѣ праздновали престолъ, день Архангела Михаила, и вся деревня отъ мала до велика предавалась самому шумному веселью, чему много способствовало также нѣсколько свадебъ, игравшихся для экономіи вмѣстѣ съ праздникомъ. Снѣгъ еще не выпалъ, но погода была сиверкая и пронзительный вѣтеръ, не переставая, бушевалъ по деревнѣ, разметывая соломенныя крыши и поднимая къ пасмурному небу цѣлые столбы пыли. Впрочемъ

это ничуть не мѣшало общему веселью, и по улицамъ то и дѣло, гремя бубенчиками, скакали телѣги съ кучами горланившихъ во всю мочь бабъ и дѣвокъ.

Далеко не такъ весело встрѣчали праздникъ въ избѣ Семена. Прасковья встала почему-то особенно мрачная и цѣлое утро рвала и метала на всѣхъ. Выругала Семена за то, что не накачалъ во-время воды изъ колодца, отколотила младшаго сынишку, Борьку, зачѣмъ подъ ногами вертится, и разбила со злости чугунъ. Ребятишки присмирѣли и прятались по угламъ. Даже Семенъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго. Дѣло въ томъ, что вчера къ нему приходила бабушка-Семениха и долго читала ему нравоученія насчетъ Прасковьи и ея путешествій на барскій дворъ, да и вообще въ послѣднее время ему стали часто надоѣдать съ Прасковьей: «Прасковья, да Прасковья; Прасковья съ конторщикомъ гуляетъ, Прасковью учить надо...» Это начинало тревожить Семена и вотъ почему сегодня онъ былъ не въ духѣ. Изъ подлобья посматривалъ онъ на жену, швырявшую по избѣ посуду, и его разбирала охота взять возжи... Наконецъ, Прасковья не выдержала, ушла въ клѣть и расплакалась...

Что съ ней дѣлалось, она сама не знала. Ей было страшно, ее томила какая-то боязнь предъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, неуловимымъ, но неизбѣжнымъ и ужаснымъ. Всю ночь ей снились страшные сны, и она чувствовала, какъ сердце ея то замирало, то начинало усиленно биться, а ноги и руки холодѣли. Наплакавшись досыта, она вернулась въ избу и вдругъ ей стало невыразимо жаль испуганныхъ ребятишекъ, тихонько жавшихся въ уголъ, а особенно маленькаго Борьку, забившагося на полати и, какъ звѣрокъ, выглядывавшаго оттуда на мать. Она сейчасъ же вынула изъ печи горячія лепешки и, собравъ около себя дѣтей, начала кормить ихъ, глотая слезы.

Послѣ завтрака Семенъ полѣзъ на полати и оттуда сказалъ женѣ:

— Не ходи нынче на барскій дворъ.

— Не пойду,—отвѣтила Прасковья, гладя Борьку по головѣ.

— Цѣлый день не пойдешь?—спросилъ ее Ѳедюшка, серьезно глядя ей въ лицо своими отцовскими черными глазами.

— Нѣтъ, родименькій, зачѣмъ я пойду, — успокоивала его Прасковья.

Однако, просидѣвъ съ часъ, Прасковья почувствовала, что ей становится не въ мочь... Давившняя тоска холодною змѣей

сдавила ей снова сердце, а предъ глазами всталъ знакомый призракъ... Въ избѣ ей было душно; завываніе вѣтра въ трубѣ наводило на нее ужасъ. А за окнами, не переставая, звенѣли бубенчики и слышались веселые свадебные напѣвы.

Она порывисто встала, почти съ ненавистью оттолкнувъ отъ себя задремавшаго у нея на колѣняхъ Борьку. Ей захотѣлось уйти отъ нихъ, отъ себя,—уйти на улицу, въ народъ и какъ можно дальше.

— Мамка, куда ты?—захныкалъ съ просонья Борька.

— Молчи, дитятко, я сейчасъ приду. Гостинчика принесу,— вымолвила Прасковья, накидывая шубейку и поспѣшно выходя изъ избы.

Она дѣйствительно шла съ намѣреніемъ скоро вернуться, но, придя къ конторщику, уже не могла уйти. Тамъ было тепло, свѣтло, а главное—весело. На столѣ стояла закуска, водка, самоваръ,—у конторщика были гости. Пришелъ писарь, веселый молодой малый, съ гармоникой и въ пестромъ жилетѣ; изъ Мордвинова, сосѣдняго торговаго села, пріѣхалъ купецъ торговать рожь и, наконецъ, нѣкая Матрена Яковлевна, благочестная вдова, содержавшая въ Разсказовѣ веселый притонъ, завершала компанію. Не успѣла Прасковья войти въ горницу, ее сейчасъ же заставили выпить водочки, и пошло веселье. Прасковья охмѣлѣла и, забывъ тоску, пустилась въ плясъ. Писарь, наяривая на гармоникѣ передъ нею, притопывалъ, цѣловалъ ее и, поводя плечами, вскрикивалъ «разъуважу!...» А купецъ только отдувался, изрѣдка приговаривая: «Ай да шельма, лихо!» Тѣмъ временемъ на дворѣ порядочно стемнѣло и Прасковья, какъ ни была пьяна, но вспомнила, что ей пора.

Когда она вышла, вѣтеръ уже стихъ и въ потеплѣвшемъ воздухѣ медленно крутились мелкія, пушистыя, снѣжинки. Съ пьяну и прямо изъ теплой горницы Прасковьѣ показалось жарко. Распахнувъ шубу и мысленно повторяя веселый припѣвъ пѣсни, она миновала освѣщенныя строенія и, выйдя за ограду, сразу очутилась въ непроглядномъ мракѣ осенней ночи. Голова ея разомъ остыла, и ей стало болѣзненно-жутко. Чтобы не думать, она почти бѣгомъ пустилась по дорогѣ, приплясывая и припѣвая на ходу отрывки изъ разныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ этотъ вечеръ у конторщика. Но, несмотря на хмѣль, бушевавшій у нея въ головѣ, и на стараніе развеселить себя, ее все-таки что-то щипало за сердце и чудилось, что тянутся за ней чьи-то длин-

ныя руки, что шелеститъ и рѣетъ вокругъ нея нѣчто огромное, улыбающееся, мрачное...

— Богородица, спаси и помилуй!—шепчетъ Прасковья, спотыкаясь. Но ей становится еще страшнѣе, и сѣрое чудовище все ближе надвигается на нее.

«Ужь какъ я млада
Во пиру была...»

дрожащимъ голосомъ затягиваетъ она, но пѣсня какъ-то глухо и жалобно отдается среди непроглядной осенней мглы.

«Гу-у-у...» застонала въ тальникахъ сова, и этотъ стонъ уныло прокатился надъ рѣчкой. Прасковья вздрогнула и еще шибче пошла впередъ.

Вотъ наконецъ и село. Тамъ и сямъ побрехиваютъ собаки; кое-гдѣ мелькаютъ огоньки. «Не спятъ еще», подумала Прасковья, и на душѣ у нея стало легче. Вотъ и изба. Темно,—всѣ спятъ. Семена вѣрно нѣтъ дома. Ощупью добралась Прасковья до двери и въ избѣ снова ошеломила ее эта гнетущая тишина и темь. Наскоро засвѣтила она огонь и принялась будить ребятъ, цѣлуя ихъ въ спутанныя головенки и сонныя личики.

— Голубчики мои, ангельчики, родимые, — лепетала она, высыпая изъ кармановъ леденцы, орѣхи, пряники и нагружая ими подолы ребятишекъ.

Дѣти сначала съ просонья ничего не понимали, но потомъ повскакали съ постели и живо окружили мать. Прасковья, не снимая шубейки, сидѣла за столомъ, разрумяненная, съ сверкающими глазами и возбужденнымъ лицомъ. Въ теплѣ ее опять разобрало, и она безумолку что-то болтала, то начиная пѣсню, то притопывая ногой, то всхлипывая. Въ полусознательномъ состояніи она не замѣтила, какъ Семенъ слѣзъ съ печи и, нагнувшись, началъ что-то рыться подъ лавкой. Наконецъ онъ, кажется, нашелъ то, чего искалъ, и изъ густой тѣни темнаго угла выступилъ на свѣтъ.

— Кто тамъ?—окликнула его Прасковья, прерывая свой безсвязный лепетъ и оглядываясь на шорохъ.

Семенъ ничего не отвѣчалъ, но подвинулся ближе, освѣщенный мигающимъ красноватымъ пламенемъ ночника. Въ рукахъ онъ держалъ веревку. Прасковья взглянула ему въ лицо, и краска разомъ схлынула съ ея щекъ. Она замерла. Испуганныя дѣти, при видѣ отца съ веревкой, разсыпались по угламъ, и только Ѳедюшка остался около матери.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Они глядѣли другъ на друга,—Прасковья поблѣднѣвшая, но съ вызывающимъ видомъ, Семенъ по обыкновенію флегматичный, повидимому спокойный, но рѣшительный.

— Да чего ты, а? — выговорила наконецъ Прасковья упавшимъ голосомъ, между тѣмъ какъ въ головѣ ея словно молотомъ стучало: «убьетъ, убьетъ, убьетъ...»

И никогда смерть не казалась ей такъ страшна, какъ въ эту коротенькую минуту.

Семенъ молчалъ и глядѣлъ на нее, какъ она, то покрываясь красными пятнами, то бѣлѣя, какъ полотно, металась предъ нимъ. А изъ нея этотъ неподвижный взглядъ точно жилы вытягивалъ, и думалось ей: «Господи, хоть бы ужь поскорѣе...»

— Ну!... Да чего-жь ты? Чего же тебѣ, ну?—твердила она въ тоскѣ, не глядя на мужа.

Семенъ пошевелился и поднялъ веревку.

— А вотъ чего!—выговорилъ онъ и со всего размаху ударилъ Прасковью веревкой.

Прасковья пронзительно взвизгнула и, закрываясь рукавомъ, приникла къ столу. Дѣти тоже заорали. Ѳедюшка съ крикомъ: «не замай, тятька!» бросился было къ матери, закрывая ее собою, но Семенъ отшвырнулъ его въ уголъ,—и снова свиснула веревка.

— А вотъ чего! — хладнокровно повторялъ Семенъ въ промежуткахъ между взмахами веревки. Билъ онъ медленно и крѣпко, словно дѣло дѣлалъ, и удары мѣтко и ровно ложились на спину Прасковьи.

Наконецъ, Прасковья, вся окровавленная, задыхающаяся, вскочила съ лавки и близко подступила къ мужу, какъ бы нарочно подставляя свои плечи подъ удары веревки.

— Ну, бей, бей, разбойникъ!—задыхаясь, вскрикнула она.— Бей на смерть... Погляжу, что вы ужо жрать будете... Ну, бей...

Но взмахнутая веревка вдругъ опустилась.

— Па-аскуда!—выговорилъ Семенъ глухо и, отвернувшись отъ жены, бросилъ веревку въ уголъ.

Прасковья опустилась на лавку и, положивъ голову на столъ, завыла...

Съ этого дня Семенъ уже не трогалъ Прасковью пальцемъ и еще глубже сосредоточился въ самомъ себѣ. Никому неизвѣстно

было, что онъ думалъ, что переживалъ въ это время, но несомнѣнно было одно, что жена, даже какъ необходимая въ хозяйствѣ вещь, перестала существовать для него. Онъ не говорилъ съ ней, не замѣчалъ ея, старался не глядѣть въ ея сторону, когда она бывала дома, и если иногда случалось имъ сталкиваться лицомъ къ лицу, онъ кривилъ лицо и отворачивался. Работалъ онъ по-прежнему не споро, но много и старательно, ѣлъ съ аппетитомъ, хотя теперь очень хорошо зналъ, какою цѣной купленъ этотъ хлѣбъ и изъ чьей муки испеченъ. Только разъ было, что онъ поперхнулся и не сталъ ѣсть. Пріѣхалъ онъ домой откуда-то озябшій и голодный, а въ это время какъ разъ Прасковья вынула изъ печи дымящійся, свѣжій хлѣбъ и, нарѣзавъ его огромными ломтями, собирала завтракъ. Семенъ подошелъ къ столу, взялъ одинъ кусокъ и, круто посоливъ его, началъ ѣсть, стараясь не глядѣть на жену, которая, сверкая бусами, звякавшими на ея открытой, бѣлой шеѣ, съ разрумяненнымъ отъ печнаго жара лицомъ, проворно шмыгала по избѣ. И вдругъ что-то стало ему противно, тошно и онъ, бросивъ ломоть въ лоханку, вышелъ изъ избы.

Прасковья видѣла все это и въ свою очередь избѣгала мужа. Она замѣчала это отвращенье и косые взгляды и чувствовала, что Семенъ былъ правъ; но иногда ей до того невыносимы становились его молчаливое къ ней презрѣнье и деревянное равнодушіе, что она выходила изъ себя.

«Господи, хоть бы билъ что ли, — все бы легче было!» — думала она со злостью, и ей хотѣлось плюнуть ему въ лицо, растоптать его ногами, во что бы то ни стало чѣмъ-нибудь досадить.

Но когда при ней кто-нибудь другой дурно отзывался о ея мужѣ, она готова была за него стоять горой и выцарапать всякому глаза.

Вскорѣ послѣ роковаго Михайлова дня была она у конторщика. Увидалъ онъ у нея синебагровые рубцы и кровяные подтеки на щекѣ и плечахъ и спросилъ: «что это такое?»

— Это такъ... Невзначай хлестнуло,—запинаясь, отвѣчала Прасковья.

— Гдѣ это хлестнуло? Не похоже!—подозрительно поглядывая на нее, сказалъ конторщикъ.—Ну, сказывай же, что это?

— Да мужъ билъ... за гулянку,—едва слышно выговорила Прасковья.

— Ахъ онъ, мерзавецъ!—вскипятился конторщикъ.—Да развѣ можно такъ бить? Да я ему...

Онъ, разумѣется, ничего не могъ сдѣлать, но Прасковья по простотѣ своей испугалась и съ плачемъ повалилась ему въ ноги.

— Родимый, не трожь Семена! За дѣло чай,—не зря билъ... Христомъ-Богомъ прошу...

— Ну, ну, пошла!—засмѣялся конторщикъ и затѣмъ прибавилъ свою любимую поговорку: «о, дуры эти бабы! Ну, дуры...»

Дѣтей своихъ Прасковья тоже стала избѣгать и бояться. Она рѣже ласкала ихъ, рѣже съ ними разговаривала и по временамъ не могла даже взглянуть имъ прямо въ глаза. Чудилось ей, что они все знаютъ, что въ свѣтлыхъ глазенкахъ ихъ непремѣнно увидитъ она отвращенье и боязнь. И дѣйствительно не разъ случалось ей ловить на себѣ странный взглядъ умныхъ глазъ Ѳедюшки, въ которыхъ выражалось не то недоумѣніе, не то нѣмой вопросъ. Отъ этого взгляда Прасковья вся вздрагивала и опускала глаза.

Разъ сидѣла она дома, за работой, а дѣти играли на улицѣ. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и въ избу стремительно вбѣжалъ Ѳедюшка въ изорванномъ тулупѣ, въ синякахъ и задыхающійся. Увидѣвъ мать, онъ бросился къ ней и залился слезами.

— Что ты, дитятко, кто тебя?—спрашивала его Прасковья.—Аль ребята на улицѣ побили?

Но Ѳедюшка едва могъ говорить отъ слезъ.

— Какже, нешто такъ можно? — заговорилъ онъ наконецъ сквозь слезъ.—Что они дразнятся-то?

— Кто дразнится, родимый?—вымолвила Прасковья, начиная догадываться, въ чемъ дѣло.

— Мишка, да Ванька сусѣдскіе... Какже! Вышелъ я на улицу, а они и почали... «У тебя, баютъ, матка пьяница, распутная...» Я его вздулъ, а онъ и кричитъ: «Спроси-ка, баитъ, мужиковъ-то, какъ вечоръ твою матку изъ кабака пьяную волокли...» Нешто это правда, мамка?

И Ѳедюшка снова залился слезами, дожидаясь отвѣта матери.

Но отвѣта онъ такъ и не дождался,—на этотъ вопросъ ему отвѣтила сама жизнь.

Однажды Прасковью въ самомъ дѣлѣ приволокли домой чуть живую—пьяную, растерзанную, избитую, и Ѳедюшка пересталъ спрашивать мать, правда ли это... Онъ, какъ и отецъ, сталъ сто-

рониться отъ матери, замкнулся въ себѣ и изъ него вырабатывался желѣзный, стойкій, но ожесточенный характеръ.

Итакъ, у Прасковьи не было больше ни дѣтей, ни мужа, и она, окончательно махнувъ на все рукой, предалась самому отчаянному, дикому разгулу. Страшный черный призракъ неотступно преслѣдовалъ ее и только въ состояніи полнаго опьяненія она забывала о немъ, не видѣла его передъ собою. И все чаще топила она свою мучительную тоску въ водкѣ, все сильнѣе развивалась въ ней потребность пить и напиваться до безчувствія...

Но скоро пришло время, когда и водка перестала ей помогать. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, казалось ей, растетъ темный призракъ и все грознѣе становится. Она теперь положительно не могла оставаться одна, — нервы ея достигли крайняго напряженія. Вокругъ нея постоянно толпились какія-то странныя неясныя тѣни и раздавались чьи-то голоса... Какъ простая деревенская баба, притомъ крайне впечатлительная, она мыслила болѣе образами и картинами, чѣмъ отвлеченными представленіями, и эти картины иногда бывали до того реальны, что Прасковья переставала отличать фантазію отъ дѣйствительности. По временамъ она доходила до безумія и начинала бредить на-яву.

Великимъ постомъ она вдругъ опомнилась и перестала пить. Весна ли на нее такъ подѣйствовала, или то особенно-торжественное настроеніе, охватывающее человѣка передъ великимъ христіанскимъ праздникомъ,—только Прасковья перестала ходить въ усадьбу и задумала говѣть. Цѣлые дни проводила она теперь дома, вела себя тихо, такъ что ее и незамѣтно было, а по вечерамъ, выйдя на крыльцо, горячо молилась, обратясь къ востоку, гдѣ ярко горѣла одинокая звѣзда... За селомъ шумѣла и бурлила рѣчка; ледокъ, тонкою паутинкой затянувшій къ вечеру лужи, легонько потрескивалъ, а надъ головою горѣло и переливалось тысячью огней далекое, но прекрасное небо... И чудится Прасковьѣ, что сама она словно поднимается отъ земли, что какое-то необычайно свѣтлое, безпредѣльно-хорошее чувство волной охватываетъ ея душу и захватываетъ духъ...

«Господи, прости меня, прости окаянную грѣшницу!»—страстно шепчетъ Прасковья, и какія-то сладкія слезы льются изъ ея глазъ.

На недѣлѣ Православія она начала говѣть. Церкви въ Талинкѣ не было, и ей приходилось ходить за четыре версты въ сосѣднее село, Кершу. И она аккуратно вставала каждый день чуть

свѣтъ, отправлялась въ Кершу, выстаивала подъ рядъ заутреню, обѣдню или часы и вечерню и только къ ночи являлась домой, голодная, усталая, но счастливая.

Такъ прошла вся недѣля до субботы, и это время показалось Прасковьѣ какимъ-то блаженнымъ раемъ. Она чувствовала себя легко, спокойно, страшные сны ее не тревожили и тихій миръ царствовалъ въ ея наболѣвшей душѣ. Встанетъ она, бывало, на зорькѣ и тихонько, чтобы никого не будить, выйдетъ изъ дома. Воздухъ вѣетъ весеннею свѣжестью, земля спитъ, охваченная легкимъ морозцемъ, подъ ногами похрустываютъ затянутыя льдомъ лужицы. Въ полѣ тихо-тихо и по краямъ дороги, далеко уходя въ даль, раскинулись черныя, кое гдѣ вспаханныя, нивы. Не спѣша идетъ Прасковья по знакомой дорогѣ, поглядывая на востокъ, гдѣ начинаетъ мало-по-малу вырѣзываться блѣднорозовая полоса. Вотъ и церковь — низенькая, темная, съ тусклыми рѣшетчатыми окнами, съ закоптѣлою живописью на стѣнахъ и ветхимъ иконостасомъ. Причетникъ съ косичкой не спѣша переходитъ отъ иконы къ иконѣ, зажигая свѣчи, и его шаги гулко отдаются подъ сводами храма. Богомольцевъ мало: двѣ-три старухи въ бѣлыхъ фартукахъ и полотенцахъ, попадья съ дочерьми, робкій, вѣчно вздыхающій мужичокъ въ заплатанномъ зипунѣ и стоптанныхъ лаптяхъ... Прасковья тихонько становится въ свой уголъ и кладетъ земной поклонъ. Вотъ дьячокъ, откашлявшись, вынесъ на амвонъ книгу, и его гнусливый голосъ раздался по церкви. Богомольцы разомъ перекрестились,—служба началась...

И жарко молится Прасковья, припадая пылающимъ лбомъ къ холодному полу церкви, и чуетъ она снова, какъ волны необъяснимаго блаженства подымаются въ ея груди, захватывая духъ...

Съ нетерпѣніемъ ждала Прасковья субботы. Казалось ей, что, исповѣдавшись и причастившись, она получитъ полное прощеніе, и тогда ей легче будетъ начать новую жизнь. Она и теперь уже чувствовала себя на половину обновленною, переродившеюся; когда же церковь окончательно очиститъ ее отъ грѣховъ, тогда, разумѣется, и вовсе...

И съ замирающимъ отъ надежды и счастья сердцемъ пошла Прасковья въ субботу на исповѣдь. Но вышло совсѣмъ не то, чего ждала она, и это ее погубило.

Кершинскій батюшка былъ человѣкъ добрый и честный, но не въ мѣру строгій и требовательный. Выслушавъ исповѣдь Прас-

ковьи, онъ вмѣсто того, чтобы простить ее, раскричался на нее, обозвалъ вавилонскою блудницей и рѣшительно объявилъ, что не допуститъ ее до причастія до тѣхъ поръ, пока она не пропостится цѣлый годъ, не сожжетъ въ этомъ году ста свѣчей и не выстоитъ на колѣняхъ ста обѣдень. Ошеломленная, убитая, стояла предъ нимъ Прасковья, чувствуя, что порвалась въ ней какая-то невидимая нить, связывавшая ее съ церковью, и что невозможно ей выполнить эпитемію, налагаемую на нее священникомъ.

— Ну, ступай же и молись!—строго сказалъ ей батюшка, не давая ей даже поцѣловать креста.—Великъ твой грѣхъ и требуетъ большой жертвы. А то вы всѣ такъ-то: грѣшите, а потрудиться для Бога не хотите. Богъ, молъ, добръ, проститъ и такъ... Ступай!

И онъ съ отвращеніемъ, какъ показалось Прасковьѣ, спряталъ свою руку, какъ бы боясь, что она осквернитъ ее своимъ прикосновеніемъ.

Отверженная Прасковья вышла изъ церкви и, сама не зная какъ, очутившись въ полѣ, упала на землю. Но и земля не согрѣла ее своею теплою грудью: холодная, неподвижная, безмолвная, оставалась она, и замолкли даже тѣ ободряющіе, ласковые голоса, которые слышались Прасковьѣ по ночамъ, когда она молилась на крылечкѣ своей избы, глядя въ далекое, звѣздное небо.

Въ этотъ же вечеръ талинскіе обитатели видѣли, какъ Прасковья, обнявшись съ Авдонькой, въ самомъ безобразномъ видѣ гуляла по селу, дико распѣвая самыя безстыдныя пѣсни, а еще немного погодя, подоткнувъ сарафанъ и прихлопывая въ ладоши, отчаянно плясала съ писаремъ въ кабакѣ.

Цѣлое лѣто и цѣлую зиму гуляла такимъ образомъ Прасковья, по цѣлымъ недѣлямъ пропадая изъ дому и возвращаясь иногда растрепанная, оборванная, избитая. Всѣ давно уже махнули на нее рукой, ребятишки надъ ней смѣялись и швыряли въ нее каменьями, когда она пьяная до безчувствія шла изъ кабака, и даже конторщикъ, узнавъ о ея похожденіяхъ съ писаремъ, бросилъ ее. Не разъ случалось ей ночевать гдѣ-нибудь за селомъ, въ канавахъ, и, проспавшись, она совершенно не могла объяснить, какъ туда попала.

...Вотъ ведутъ ее подъ руки двое дюжихъ мужиковъ, сидѣльцевъ изъ кабака. Сарафанъ на ней весь въ грязи, платокъ сбился на сторону и изъ-подъ него въ безпорядкѣ торчатъ спу-

танные волосы, плисовая безрукавка надѣта на одно плечо и забрызгана водкой.

Пошатываясь изъ стороны въ сторону, бредетъ она и безсвязно бормочетъ, то начиная кого-то ругать, то нескладно затягивая пѣсню. За нею бѣжитъ толпа ребятишекъ съ хохотомъ и веселою бранью. Подошли къ избѣ.

— Возьмите, что ли, мать-то!—говоритъ одинъ изъ сидѣльцевъ, крестясь передъ образами и обращаясь къ дѣтямъ.—Умаялись съ нею, страсть какая тяжелая!...

— Голубчики, милые!—вскрикиваетъ визгливо Прасковья, лежа на лавкѣ.—Да что-жь вы, дьяволы?... Мать я вамъ, аль нѣтъ?

Она силится подняться, но сейчасъ же опять безсильно падаетъ на лавку, грозя кулакомъ и разражаясь страшною бранью. Дѣти пугливо жмутся по угламъ. Ѳедюшка, съ отвращеніемъ на лицѣ, дрожащими руками застегиваетъ полушубокъ, чтобы поскорѣе уйти со двора. Его не по-дѣтски серьезное лицо болѣзненно подергивается.

Однако ни этотъ дикій разгулъ, ни постоянное похмѣлье не давали Прасковьѣ желаннаго забвенья и мрачные сны по-прежнему преслѣдовали ее. Снилось ей все, что какое-то длинное, сѣрое, скользкое чудовище обвиваетъ ее и давитъ, и смѣется ей въ лицо своими громадными, неподвижными, зелеными глазами; что кишатъ вокругъ нея невѣроятно-отвратительные гады, заползая ей въ грудь, въ желудокъ, въ мозгъ, и что хочетъ она бѣжать отъ нихъ, но не можетъ... Съ крикомъ, вся въ поту, просыпалась Прасковья, но и на-яву чувствовала она, какъ что-то живое шевелится у нея въ груди и неутомимо гложетъ сердце.

Особенно тяжело бывало Прасковьѣ въ минуты отрезвленія, когда она не могла пить, когда вино не шло ей въ горло. Въ эти минуты она не знала, куда дѣваться ей съ своею тоской, куда уйти, — и готова была биться головой объ стѣну. Пробовала молиться, но закоптѣлыя иконы смотрѣли на нее со стѣны сурово и безжалостно; заговаривала съ сосѣдками,—онѣ отъ нея сторонились; бросалась, наконецъ, къ дѣтямъ, — дѣти отъ нея прятались.

«Господи, хоть бы умереть!»—твердила она иногда, по цѣлымъ часамъ уставясь въ стѣну.

Разъ она съ рыданіями бросилась передъ Семеномъ на колѣни.

— Голубчикъ мой сизый... убей ты меня... пришиби на мѣстѣ! Все на себя примаю, только убей,—грѣхъ меня замучилъ.

Семенъ оттолкнулъ ее отъ себя и отошелъ въ сторону. Но она поползла за нимъ, цѣпляясь за его ноги.

— Убей, Христа ради!—стонала она.—Слышь, говорю, избавь ты меня... Моченьки моей нѣту...

— Отойди ты отъ меня, змѣя!—вымолвилъ онъ наконецъ.—Постылая...

И, пхнувъ ее ногой отъ себя, онъ вышелъ.

Что-то ударило Прасковьѣ въ голову, туманомъ застлало ей глаза и оглушительно отдалось въ ушахъ. Она бросилась на улицу...

Ночь была лунная, яркая. Мѣсяцъ торжественно плылъ надъ селомъ, въ воздухѣ чуялась пріятная, но прохватывающая дрожью осенняя свѣжесть, предвѣстница близкихъ морозовъ, а откуда-то издалека особенно отчетливо доносились медленные, унылые удары колокола. Это въ Кершѣ били часы. Все уже спало кругомъ и по ярко освѣщенной улицѣ чернѣли только тѣни отъ избъ, далеко тянувшіяся черезъ дорогу.

Но ничего этого не видѣла Прасковья. Она быстро добѣжала до колодца, чернѣвшагося въ тѣни Семенихиной избы, и разомъ перекинула ногу черезъ край сруба. Изъ глубины колодца на нее пахнуло сыростью и запахомъ плѣсени, руки ея уперлись во что-то скользкое, холодное, но Прасковья не чувствовала этого. Въ голову ей опять ударило и она полетѣла внизъ.

Въ эту минуту послѣдній ударъ колокола замеръ въ прозрачной вышинѣ. Пробило одиннадцать. Тѣнь отъ избы подвинулась въ сторону и колодезь вышелъ на свѣтъ. Мѣсяцъ теперь стоялъ прямо надъ нимъ и, словно улыбаясь, заглядывалъ въ его глубину.

Къ вечеру другаго дня въ Талинку пріѣхалъ становой. Тѣло скорехонько вскрыли, ничего тамъ не нашли, опять зашили и закопали внѣ кладбища, на бугрѣ за канавой. Дѣло было кончено, но ни расторопный становой, ни деревенскіе люди такъ и не допытались, отчего утопилась Прасковья.

В. Дмитріева.

МАЗЕПА.

ГЛАВА VI *).

Исправленіе крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра. — Приготовленія къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ.—Доносъ стародубца Сусла.—Неудачный походъ боярина князя Долгорукаго и гетмана въ низовья Днѣпра. — Оборона Таванска.—Попытки склонить козаковъ къ измѣнѣ.—Отступленіе мусульманъ отъ Таванска. — Безполезный походъ гетмана и князя Долгорукаго въ 1698 году.—Неурожаи въ Малороссіи.—Побѣги на правую сторону Днѣпра.—Переселеніе въ Великороссію. — Гетманскія имѣнія въ Рыльскомъ уѣздѣ. — Подсусѣдки. — Свиданіе гетмана съ царемъ въ Воронежѣ. — Съѣздъ 1699 года въ Гадячѣ.—Мѣры обороны края.—Мысль вести великую войну противъ турокъ.—Конгрессъ въ Карловицѣ.—Перемиріе съ турками на два года.—Миръ Турціи съ императоромъ и польскимъ королемъ.—Дьякъ Украинцевъ въ Константинополѣ.—Перемиріе съ Турціей на 30 лѣтъ.

Послѣ покоренія Азова военная дѣятельность козаковъ гетманскаго регимента сосредоточилась на Днѣпрѣ. Еще когда гетманъ и Шереметьевъ стояли на рѣкѣ Берестовой, Неплюевъ осмотрѣлъ Таванскъ, нашелъ его, даже съ придѣланнымъ земляным валомъ, очень тѣснымъ, распредѣлилъ ратнымъ людямъ работы по расширенію вала, осмотрѣлъ кромѣ того Кизикермень и Шингирей и доносилъ, что удобнѣе всего исправить и укрѣпить Шингирей [1]). И гетманъ Мазепа раздѣлялъ этотъ проектъ и приказалъ вмѣстѣ съ ратными царскими людьми работать своимъ козакамъ, посланнымъ въ Таванскъ, надъ которыми начальникомъ, вмѣсто недавно умершаго полковника Ясликовскаго, назначилъ сердюцкаго полковника Чечела [2]).

Надобно было ожидать новыхъ непріятельскихъ дѣйствій. Запорожцы, ободрившись недавними успѣхами, изъявляли желаніе снова пуститься въ море и просили дать имъ досокъ, канатовъ и снастей на постройку сорока морскихъ судовъ. Гетманъ сообщалъ царю, что самъ онъ желаетъ отъ себя построить для

*) *Русская Мысль*, кн. II.

[1]) Арх. Юст. кн. 76, л. 280.

[2]) Ibid., кн. 78, л. 58.

малороссіянъ 50 судовъ и просилъ дать ему на то матеріалъ. Царю Петру нравилось такое предложеніе: указано было купить все нужное въ Приказѣ Большой Казны и доставить въ Малороссію, а изъ Запорожья прислать въ Москву мастеровъ струговаго дѣла. Гетманъ послалъ какого-то Василія Богуша съ семью товарищами, съ кормщиками и съ передовщиками, но тутъ же замѣтилъ, что кромѣ Запорожья во всемъ малороссійскомъ краѣ нѣтъ такихъ мастеровъ. Видно, что гетманъ старался угодить царю и самъ вызывался съ тѣмъ, что царю въ то время нравилось, но въ то же время онъ съ осторожностію заранѣе отклонялъ отъ себя исполненіе такихъ невозможныхъ требованій, какихъ могъ ожидать отъ царя, зная его пылкую и предпріимчивую натуру [3]). По сказкѣ присланныхъ въ Москву запорожскихъ мастеровъ, указано было для строенія судовъ готовить лѣсные матеріалы въ Брянскѣ, а для отысканія годнаго къ судостроенію лѣса посланы были туда тѣ же самые запорожскіе мастера. Гетману указывалось прислать туда для рубки лѣса рабочихъ и плотниковъ [4]). Дѣло это пошло не такъ скоро, какъ бы могло. Возникли недоразумѣнія отъ воеводъ брянскаго и трубчевскаго, которые, по жалобамъ на нихъ отъ гетмана, оправдывали себя тѣмъ, что не допускаютъ рубить только бортныхъ деревьевъ, съ которыхъ крестьяне платятъ въ казну медовый оброкъ [5]).

Между тѣмъ еще съ декабря 1696 года къ гетману стали приходить зловѣщія вѣсти о новой грозѣ бусурманскаго вторженія и 1-го января 1697 года гетманъ созвалъ старшинъ и полковниковъ на съѣздъ. Обсуждались мѣры защиты края, и «по многихъ разговорахъ» рѣшили, что жители сами себя должны оборонять [*]), а всего войска раннею весною собирать не слѣдуетъ, пока не узнаютъ навѣрное о готовности непріятелей ко вторженію, потому что движенія и походы войска отзываются тягостями и разореніями на жителяхъ [6]) [**]). Гетманъ приказалъ

[3]) Ibid., кн. 78, л. 107.

[4]) Ibid., кн. 78, лл. 145, 152, 169 и 173.

[5]) Ibid., кн. 77, л. 240, 245; кн. 78, л. 62, 70, 127, 130 и 174.

[*]) Абы при нынѣшнемъ въ хлѣбахъ неурожаѣ и въ сѣнахъ недостатку всякіи мѣстъ и городовъ жители сами себе боронили отъ непріятельского нашествія.

[6]) Ibid., кн. 78, л. 697.

[**]) Отъ порушенія и походу войскъ значное въ имѣніяхъ людскихъ учинилося умаленіе, бо опрочь того, же въ лѣсахъ и гаѣхъ ставалося опустошеніе, когда войско обоймовало и истребляло кормы конскіе, тогда власные ихъ статки отпадати мусѣли.

всѣмъ полковникамъ готовить въ своихъ полкахъ суда, годныя для морскаго и рѣчнаго плаванія, и хотя полковники отговаривались, что у нихъ въ полкахъ нѣтъ дерева пригоднаго для судостроенія, но гетманъ подтвердилъ имъ, что они должны приложить все свое стараніе, чтобы угодить «царской богоподобной волѣ».

Раннею весною получены вѣсти, что крымскій ханъ собирается громить Таванскъ [7]), и въ апрѣлѣ гетманъ, по царскому указу, уговорился съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ идти въ плавной походъ внизъ по Днѣпру отъ Новобогородска и выступать тотчасъ, какъ только пригонятся къ устью Самары суда, изготовляемыя въ Брянскѣ и сплавляемыя Десною въ Днѣпръ [8]). 11 мая извѣстилъ гетманъ Приказъ, что уже у его полковниковъ сдѣлано 70 струговъ морскихъ и 600 лодокъ [9]), а 23 числа того же мѣсяца доносилъ, что мастеръ Василій Богушъ спровадилъ въ Десну, а оттуда въ Днѣпръ къ назначенной цѣли изготовленныя въ Брянскѣ суда, изъ которыхъ 50 назначалось для городовыхъ козаковъ и 40 для запорожцевъ [10]). Затѣмъ думный дворянинъ Неплюевъ, назначенный быть въ «сходныхъ товарищахъ» Якову Ѳедоровичу Долгорукому, доставилъ изъ Брянска еще 121 стругъ, и 25 мая послѣдовалъ царскій указъ о плавномъ походѣ. Его цѣлью было овладѣніе Очаковымъ и защита Таванска и новоотстроеннаго Шингирея [11]).

Тѣмъ временемъ татары стали врываться въ слободскіе полки, и хотя въ первой половинѣ мая чугуевскій воевода и харьковскій козацкій полковникъ разбили ихъ загонъ, но вслѣдъ затѣмъ явилась другая многочисленная орда тысячъ въ двадцать и, раздѣлившись на чамбулы, надѣлала опустошеній въ слободахъ около Валокъ [12]).

Гетманъ собирался въ походъ, а между тѣмъ его стали опять безпокоить прежняго рода внутренніе враги. Стародубецъ Сусла подалъ кіевскому губернатору доносъ на гетмана Мазепу въ такомъ же духѣ, въ какомъ подавались на него и прежде доносы. Мазепа—не русскій человѣкъ, а полякъ, расположенъ больше къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, сносится съ панами и съ королемъ о томъ, какъ бы Украину подвернуть снова подъ власть Польши;

[7]) Ibid., л. 84.
[8]) Ibid., кн. 77, л. 23; кн. 78, л. 190.
[9]) Ibid., кн. 77, л. 278.
[10]) Ibid., кн. 77, л. 278 и 555.
[11]) Ibid., л. 331.
[12]) Ibid., л. 371 и 395.

держитъ у себя въ приближеніи охотныхъ козаковъ, компанейцевъ и сердюковъ, гдѣ все на-голо одни поляки служатъ; городовые козаки не терпятъ ни его, ни своихъ полковниковъ и сотниковъ, которые, за покровительствомъ гетмана, разобрали себѣ козацкія земли и самихъ козаковъ обращаютъ себѣ въ подданство; во время послѣдняго похода гетманъ не могъ собрать вокругъ себя всѣхъ полковъ, потому что у козаковъ было намѣреніе побить гетмана и старшинъ, а противъ кіевскаго полковника Мокіевскаго взбунтовались его полчане оттого, что ихъ полковникъ, родомъ полякъ, дѣлаетъ надъ ними насилія. Доносъ этотъ посланъ былъ въ Москву, а государь приказалъ препроводить его къ гетману. Мазепа, чрезъ посланнаго нарочно по этому поводу канцеляриста Чуйкевича, объяснялъ, что въ доносѣ все ложь, у гетмана нѣтъ родни «лядской» вѣры, изъ начальныхъ людей всѣ вѣры православной и между охотными козаками нѣтъ ни одного поляка. И то ложь, будто обращаютъ козаковъ въ подданство; не было въ томъ ни одной жалобы, а еслибы такія возникли, то на то есть войсковый судъ. Иные козаки, обнищавши, сами желаютъ поступить въ мужики, но этого имъ не дозволяется, какъ равно изъ мужиковъ не вписываютъ въ козаки, согласно царскому указу. Гетманъ въ послѣднюю войну не могъ стоять долго со всѣми полками не потому, чтобы опасался бунта, а потому, что войско было раскинуто по разнымъ мѣстамъ, опасаясь непріятеля съ разныхъ сторонъ. Кіевскій полковникъ совсѣмъ не ляхъ, а чистый русинъ: дѣдъ его при Хмельницкомъ положилъ голову подъ Чортковымъ, а отецъ—на Дрижипольской битвѣ подъ Ахматовомъ, и бунтъ противъ кіевскаго полковника произошелъ оттого, что козаки не довольны были зачѣмъ ихъ ведутъ на море. Главные зачинщики этого бунта убѣжали, а прочихъ наказали и отпустили. Такъ оправдывалъ себя Мазепа противъ новаго доносчика.

Желая поддѣлаться къ правительству, Сусла, будучи уже въ Москвѣ, въ добавленіе къ своему извѣту на гетмана, указывалъ, что въ Малороссіи съ торговыхъ людей берутъ слишкомъ мало пошлины, а можно было бы собирать побольше. Гетманъ по этому поводу объяснилъ, что съ торговыхъ людей собираются пошлины такъ, какъ дѣлалось при Богданѣ Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и сборъ не увеличивается ради того, чтобы не отогнать торговцевъ [13]).

[12]) Ibid., л. 251.

Суслу арестовали въ Москвѣ. И прежде, какъ мы видѣли, не довѣряли такимъ доносамъ; теперь же, когда царь Петръ былъ особенно доволенъ гетманомъ, его положеніе въ виду всякихъ доносовъ становилось еще крѣпче. Къ гетману послали похвальную грамоту и подарки, состоявшіе въ соболяхъ, цѣною на 1.000 рублей, въ кускахъ матеріи—атласа, бархата, байберека—и въ разныхъ столовыхъ припасахъ (ренское вино, лимоны, рыбы и проч.). Разомъ посланы подарки старшинамъ и полковникамъ, состоявшіе въ объяряхъ, атласахъ, камкахъ и соболяхъ. Гетманъ, изъявляя благодарность за вниманіе, сдѣлалъ такое замѣчаніе царскому послу: «иду на царскую службу не съ веселымъ, а съ унылымъ лицомъ оттого, что про меня выдумываютъ худыя рѣчи, будто я ляхъ: у меня и дѣдъ и отецъ родились въ Украинѣ и служили великимъ государямъ, и я царскому пресвѣтлому величеству служу вѣрою и правдою!» [14]) Жалкаго Суслу препроводили къ гетману, который подвергъ его истязаніямъ, потомъ, продержавъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, отправилъ на мѣсто его жительства въ Кіевъ [15]).

Не ранѣе, какъ въ половинѣ іюня 1697 года, гетманъ, разставивши сотни разныхъ полковъ вдоль по днѣпровскому побережью, начиная отъ Кіева вплоть до Переволочной, самъ отправился къ Ворсклѣ и, перешедши ее, соединился на Коломакѣ съ княземъ Як. Ѳед. Долгорукимъ [16]). Іюля 6-го гетманъ прибылъ въ Кодакъ *) и тамъ узналъ, что турки плывутъ по морю къ устью Днѣпра: эту вѣсть принесли въ Запорожье бывшіе у турокъ невольники, которые, плывя на каторгахъ изъ Козлова въ Царьградъ, изрубили турокъ, овладѣли каторгой, пристали къ берегу и пѣшкомъ явились въ Сѣчу [17]). Переправа войскъ черезъ пороги продолжалась нѣсколько дней. Не мало судовъ разбилось, не мало погибло людей съ запасами и оружіемъ. Гетманъ 13-го іюля прибылъ къ урочищу Кичкасу, гдѣ кончались пороги, и тамъ дожидался плывшихъ сзади его судовъ до 19 числа этого мѣсяца [18]). Тогда прибѣжалъ къ гетману гонецъ изъ Таванска съ извѣстіемъ, что бусурманы, занявши Исламъ-Керменъ,

[14]) Ibid., л. 379.

[15]) Ibid., кн. 81, л. 889.

[16]) Ibid., кн. 77, л. 429.

*) Нынѣ село Екатеринославскаго уѣзда, на рѣкѣ Днѣпрѣ, близъ Кодацкаго порога.

[17]) Ibid., л. 406 и 473.

[18]) Ibid., л. 565.

начали палить изъ него по Шингирею. Гетманъ отправилъ впередъ себя на судахъ черниговскаго полковника Якова Лизогуба съ 3.200 сборныхъ козаковъ, а князь Я. Ѳ. Долгорукій—Неплюева съ отрядомъ царской рати. Сами военачальники послѣдовали за ними и у Каменнаго-Затона встрѣтилъ ихъ кошевой Яковенко. Бояринъ далъ ему семь струговъ и по талеру, а гетманъ по золотому на 4.000 запорожцевъ, и оба приказали собрать сѣчевиковъ и плыть въ низовья на войну. За ними вслѣдъ поплыли и военачальники, оставивши у острова Томаковки весь тяжелый обозъ и орудія и приказавши войску взять съ собою только самые необходимые запасы.

Гетманъ, сидя на одномъ суднѣ съ бояриномъ княземъ Долгорукимъ, плылъ внизъ, а за ними слѣдовала тѣмъ же путемъ великорусская и малорусская ратная сила. 26-го іюля они пристали къ берегу у опустѣлаго городка Кизикерменя: тамъ уже ихъ дожидался поплывшій впередъ кошевой Яковенко съ запорожцами. Онъ извѣстилъ военачальниковъ, что татаръ уже нѣтъ: опасаясь, что русскіе идутъ противъ нихъ въ многолюдствѣ, они ушли изъ Исламъ-Керменя.

Русскіе занялись поправкою судовъ, которыя, будучи сработаны на-скоро, изъ сырого дерева, стали течь, а между тѣмъ военачальники сообразили, что гораздо лучше помѣстить гарнизонъ въ Таванскѣ, вмѣсто Шингирея, потому что Шингирей стоялъ на двѣ версты выше Таванска и не могъ служить защитою послѣднему. Поручили по плану инженеровъ строить укрѣпленія въ Таванскѣ, стѣны Шингирея рѣшили взорвать и сохранить Кизикермень, который былъ расположенъ на берегу прямо противъ Таванска и могъ быть не безполезенъ для русскихъ во время непріятельскаго нашествія; туда положили высылать изъ Таванска людей поперемѣнно [19]).

Когда занялись возведеніемъ укрѣпленій на Таванскомъ островѣ, непріятелей нигдѣ не было видно, а 29-го іюля они вдругъ начали появляться съ крымской стороны по направленію къ рѣкѣ Конской Водѣ, сначала небольшими кучками; на другой день они становились все гуще и, наконецъ, 31-го іюля явился самъ ханъ крымскій съ ордой и турецкіе паши съ янычарами и пушками. Они прежде всего напали на Шингирей, изъ котораго еще не были выведены великороссіяне. Военачальники отправили къ

[19]) Ibid., кн. 81, л. 701.

имъ подмогу: великороссіяне вошли въ Шингирей, а малороссіяне окопались шанцами на берегу Конской Воды и отстрѣливались отъ непріятеля. Такъ прошло до 2-го августа. Въ этотъ день утромъ крымская орда ударила на Таванскую крѣпость, а съ кизикерменской стороны появилась внезапно другая орда—бѣлогородская. Съ этой поры съ двухъ сторонъ, съ крымской (лѣвой Днѣпра) и съ противоположной кизикерменской, происходили безпрестанныя нападенія на Таванскую крѣпость. Русскіе отбивались, но продолжали въ то же время постройку укрѣпленій на Таванскомъ островѣ. Тогда между козаками поднялся ропотъ. «При прежнихъ гетманахъ,—кричали они,—мы знали одно воинское дѣло, а теперь, при каждогодныхъ походахъ, насъ заставляютъ рвы копать, шанцы насыпать, возить и таскать известь и глину. Дѣло это не козацкое!»—Но гетманъ, исполняя царскій указъ, опредѣлилъ для крѣпостной строительной работы быть всегда полуторѣ тысячѣ козаковъ и часто посылалъ смѣнять однихъ другими, такъ что все войско разомъ и отбивалось отъ непріятеля, и работало надъ постройкою крѣпости. Замѣнить козаковъ мужиками, какъ имъ хотѣлось, нельзя было въ ненаселенномъ краѣ. До 7-го августа были насыпаны шанцы и выкопаны рвы. 10-го августа русскіе узнали, что пришли новыя турецкія суда съ моря и вступили въ Днѣпръ, а съ двухъ береговъ увеличиваются татарскія силы,—и русскіе, казалось, могли быть скоро обняты со всѣхъ сторонъ непріятелями; бусурманы затѣвали перегородить имъ путь вверхъ по Днѣпру. 12-го августа татары попытались склонить запорожцевъ къ измѣнѣ и подослали татарина убѣждать ихъ, оставить москалей, которые думаютъ взять всѣхъ козаковъ въ неволю; но запорожцы не поддались на обольщеніе и отвѣчали, что они съ гетманомъ будутъ стоять за Крестъ святой и за православнаго монарха [20]). Вѣрность запорожцевъ не спасла дѣла. Въ войскѣ было мало хлѣбныхъ запасовъ, потому что во время прохода судовъ черезъ пороги невозможно было взять много на подводахъ сухимъ путемъ. Мало было и пороху, который взятъ былъ только на время плавного похода; наконецъ и пушки были покинуты на Томаковкѣ *) близъ Сѣчи [21]). Надѣялись найти въ Таванскѣ хлѣбные и боевые запасы, но ихъ тамъ оказалось немного. Невозможно, казалось,

[20]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 24.

*) Островъ на Днѣпрѣ, выше Никополя, Екатеринослав. уѣзда.

[21]) Арх. Юст. кн. 81, л. 1.—Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлинники, августъ.

оставаться долго съ голоднымъ войскомъ при опасности быть окруженными непріятелемъ, а перебѣжчики сообщали, что бусурманы, зная положеніе русскихъ, нарочно хотятъ затянуть войну до осени, чтобы русскихъ до конца заморить голодомъ; у нихъ же самихъ запасовъ было довольно и въ случаѣ нужды имъ легка была поставка изъ Крыма моремъ. Гетманъ съ бояриномъ, посовѣтовавшись, разсудили, что лучше будетъ уйти заранѣе для избѣжанія опасности быть отрѣзанными отъ отечества и доведенными до голодной смерти. Они оставили въ Таванскѣ гарнизонъ изъ 5.000 человѣкъ: одна часть его состояла изъ великорусскихъ ратныхъ людей, другая изъ малороссійскихъ козаковъ [22]). Въ Кизикерменѣ бояринъ помѣстилъ 500 ратныхъ людей, а гетманъ—черниговцевъ [23]).

20 августа двинулись бояринъ и гетманъ съ своими силами вверхъ по Днѣпру въ обратный путь. Кошевой провожалъ ихъ, плывя за ними позади съ своими запорожцами и оберегая, чтобы непріятельскія суда не погнались за ними [24]). Много труда приняли русскіе въ своемъ обратномъ плаваніи по причинѣ противнаго вѣтра и оскудѣнія хлѣбныхъ запасовъ: приходилось имъ питаться овощами и плодами, какіе могли встрѣтить на берегу, дикими грушами, яблоками и терномъ. Только черезъ шесть дней достигли они Томаковки. Гетманъ послалъ въ Таванскъ на подмогу осажденнымъ 760 лубенцевъ, а бояринъ—300 ратныхъ царскихъ людей. 3-го сентября добралось войско до береговъ Орели, гдѣ считалась тогда граница гетманщины. Войско малороссійское было сильно изнурено и истомлено 16-ти недѣльнымъ труднымъ походомъ и многіе стали уходить. «Ужъ такое у городовыхъ козаковъ моего регименту худое обыкновеніе,—писалъ гетманъ:—какъ только региментарь ворочается изъ похода, такъ они, несмотря на запрещенія отъ старшинъ и не дождавшись указа о роспускѣ, самовольно бѣгутъ въ свои домы» [25]). Дошедши до Ворсклы, гетманъ отправилъ въ Таванскъ 1.500 полтавцевъ и 300 лубенцевъ подъ командою полтавскаго полковаго судіи Буцкаго и приказалъ, дошедши до Сѣчи, побросать лошадей, сѣсть въ оставленныя тамъ суда и плыть до Таванска [26]). 24 сентября

---

[22]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 39.
[23]) Арх. Юст. кн. 81, л. 701—708.
[24]) Ibid., л. 47.
[25]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлинники, сентябрь.
[26]) Арх. Юст. кн. 81, л. 107.

съѣхался гетманъ съ бояриномъ Я. Ѳ. Долгорукимъ въ Опошнѣ *) на Ворсклѣ. Тамъ состоялся военный совѣтъ и рѣшено послать на выручку осажденныхъ въ Таванскѣ войско тысячъ въ двадцать и даже болѣе. Съ великороссійской стороны снаряжены были туда князь Лука Ѳед. Долгорукій и генералъ Патрикъ Гордонъ, а гетманъ назначилъ туда наказнымъ полтавскаго полковника Искру со всѣмъ Полтавскимъ полкомъ, изъ котораго значительная часть была уже прежде отправлена; къ полтавцамъ присоединено нѣсколько сотенъ полковъ Нѣжинскаго, Гадяцкаго и Лубенскаго, да пѣхотный полкъ сердюковъ. Гетманъ по прежнимъ образцамъ приказывалъ имъ сѣсть на суда въ Сѣчѣ и плыть по Днѣпру до Таванска, а тѣмъ, которые не могли помѣститься въ судахъ, идти берегомъ. Отправивши Искру, гетманъ 8-го октября прибылъ въ Батуринъ [27]).

По отходѣ гетмана и князя Долгорукаго отъ Таванска, бусурманскія силы увеличились прибытіемъ сераскира-паши съ десятью тысячами [28]). Но и къ осажденнымъ прибыли на помощь ночью 4-го сентября посланные бояриномъ и гетманомъ люди; проводилъ ихъ запорожскій кошевой атаманъ уже не Яковенко, котораго смѣнили, а другой [29]). Русскіе, частью плывя на челнахъ по протоку Космахѣ и частью идя пѣшимъ строемъ по берегу и отстрѣливаясь отъ турокъ и татаръ, добрались сначала до Кизикерменя, вошли туда, а на другой день въ обѣденную пору вступили въ Таванскъ при восклицаніяхъ и выстрѣлахъ въ знакъ радости осажденнаго войска [30]). Съ тѣхъ поръ въ продолженіи двухъ недѣль «денно и нощно» непріятели безпокоили осажденныхъ пальбою съ берега и изъ 36 фуркатовъ, которые рѣкою Конскою вошли въ Днѣпръ и стали выше Таванска. Осажденные въ Таванскѣ сдѣлали себѣ внутри города другой валъ для защиты отъ пушечныхъ выстрѣловъ; за двумя валами сидѣвшихъ нельзя было видѣть непріятелямъ; многія турецкія гранаты и ядра переносило черезъ городъ, а попадавшія въ средину города падали въ нарочно выкопанныя ямы и тамъ разрывались. Бусурманы сдѣлали подкопы подъ четырьмя раскатами или башнями, но прежде взрыва послали къ кошевому, стоявшему на

*) Мѣст. Зеньков. уѣзда, при р. Ташани, у впаденія въ р. Ворсклу.

[27]) Ibid., л. 172 и 219.—*Gordon*: „Tagebuch", т. III, стр. 143.

[28]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 30.

[29]) Ibid., №№ 31 и 37.—Арх. Юст. кн. 81, л. 318.

[30]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г. Подлин., октябрь.—Арх. Юст. кн. 81, л. 348.

одномъ изъ раскатовъ съ запорожцами, приглашеніе сдаться. Запорожцы убили посыльнаго. Тогда непріятели произвели взрывъ, но повредили самимъ себѣ болѣе, чѣмъ осажденнымъ, потому что козаки успѣли перекопать подкопъ.

Послѣ такой неудачи бусурманы обратились на Кизикермень. Какой-то перебѣжчикъ увѣрилъ ихъ, будто тамъ нѣтъ вовсе ратной силы. Но тамъ, какъ мы сказали, оставлено было 500 ратныхъ царскихъ людей, да еще нѣсколько черниговцевъ, а назначенный тогда въ Таванскъ воеводою Бухвостовъ успѣлъ заранѣе прислать къ нимъ 1.000 человѣкъ Нѣжинскаго полка, которыхъ прислалъ гетманъ по возвращеніи въ Малороссію [31]).

14-го сентября бусурманы взорвали устроенный подъ Кизикермень подкопъ и повредили переднюю стѣну; одни бросились въ прорывъ, другіе стали приставлять къ стѣнѣ лѣстницы. Тѣхъ, которые бросались въ прорывъ, засыпало землею, а тѣхъ, которые стали всходить по лѣстницамъ, кизикерменцы побивали каменьями. Послѣ такой неудачи татары ушли къ судамъ, а пойманный въ плѣнъ турокъ показалъ съ пытки, что султанъ далъ имъ указъ покинуть осаду, если не будутъ удаваться приступы, и они рѣшились попытаться еще одинъ разъ; если же въ этотъ разъ неудастся, тогда уйдутъ. Плѣнникъ объявилъ, что на всѣхъ непріятельскихъ судахъ будетъ войска 33.000, а невольниковъ тысячъ шесть [32]).

Послѣ неудачи подъ Кизикерменемъ бусурманы сосредоточили свою дѣятельность надъ Таванскомъ, устроили вновь подкопы съ раскатами и еще разъ прежде взрыва попытались склонить къ измѣнѣ козаковъ, зная, что они москалей недолюбливаютъ. Въ этотъ разъ они уже для такой цѣли не посылали своихъ людей, чтобы запорожцы ихъ не побили, а бросили въ городъ, прикрѣпивши къ стрѣламъ, два письма—одно отъ татаръ, другое отъ турокъ.

Письмо отъ татаръ гласило такъ:

«Черкасамъ, атаманамъ, сотникамъ и всей козацкой черни многое поздравленіе. Мы съ вами старые друзья. За что же вы противъ насъ бьетесь? Зачѣмъ за Москву умираете? Вѣдь Москва съ вами не очень добрыя дѣла творитъ. Нашъ государь васъ къ себѣ приглашаетъ. Не бойтесь ничего дурного. На той сторонѣ, гдѣ стоятъ каторги, тамъ увидите ханское желтое знамя. Пусть

[31]) Арх. Юст. кн. 81, л. 145.
[32]) Ibid., л. 268.

кто-нибудь изъ вашихъ приходитъ къ этому знамени. Мы ханскому величеству донесемъ и все станется, дастъ Богъ, по вашему желанію. Если же это слово не пригодно вамъ,—какъ себѣ знаете, а ваши грѣхи на вашихъ шеяхъ. Я здѣсь такой человѣкъ, что меня послушаютъ».

Другое письмо гласило такъ:

«Отъ войска турецкаго и отъ хана крымскаго слово старшинамъ и всему козацкому войску, находящемуся въ городѣ. Нашъ падишахъ—старѣйшій надъ всѣми землями. Городъ, который вы заняли—его городъ. Сдайте его намъ добровольно, если хотите себѣ здоровья, а не сдадите, такъ мы его возьмемъ съ помощью Бога и Мугамета пророка его, и тогда васъ мечемъ истребятъ наши рыцари. Одиножды и дважды вамъ говоримъ: сдайте городъ. Сегодня же отпишите намъ отвѣтъ».

На эти письма данъ былъ одинъ отвѣтъ тѣмъ же способомъ—пущенною изъ города стрѣлою:

«Не вѣримъ вашимъ лживымъ пророкамъ, надѣемся на Всемогущаго Бога и на Пречистую Его Матерь, твердо уповаемъ, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавѣли наши сабли и не ослабѣли руки, а хлѣбныхъ и боевыхъ запасовъ у насъ много. Не устрашайте насъ угрозами и не прельщайте обманами. Дѣлайте что хотите, а мы не подумаемъ отдавать этого города въ вашу область, но всякій часъ ожидаемъ къ себѣ войскъ и готовы мужественно стоять, пока силъ нашихъ станетъ, за вѣру православную, за честь и за имя нашего государя. Надѣемся при помощи Божіей нанести вамъ великое пораженіе и будетъ вамъ вѣчный срамъ».

На другой день, 25 сентября, въ седьмомъ часу утра, бусурманы зажгли приготовленные ими подкопы подъ раскаты. Одни съ неистовствомъ бросились въ проломъ, другіе полѣзли по лѣстницамъ на городовую стѣну. Приступъ продолжался пять часовъ, а съ турецкихъ каторгъ и фуркатовъ посылался въ крѣпость сильный огонь. Ничто не помогло бусурманамъ. Они были отбиты; осажденные стали исправлять разрушенныя мѣста.

Послѣ того еще нѣсколько дней бусурманы продолжали повышать свои шанцы, приближаясь тѣснѣе къ городу, и устроили новый подкопъ подъ раскатъ, уже прежде поврежденный. Осажденные съ своей стороны повышали свой внутренній валъ. 1-го октября бусурманы зажгли свой подкопъ, но онъ не произвелъ никакого вреда осажденнымъ.

Готовились бусурманы снова идти на приступъ, между тѣмъ разставленная по берегу Днѣпра татарская сторожа принесла извѣстіе, что къ Таванску на выручку идутъ свѣжія русскія силы. Это извѣстіе сдѣлало такой переполохъ, что ночью съ 9-го на 10-е октября бусурманы собрались отступать. Суда, поставленныя выше Таванска, примкнули къ тѣмъ, которыя стояли ниже, а затѣмъ турки и бывшіе съ ними татары перебрались съ кизикерменской стороны на крымскую и разошлись: турки на своихъ судахъ—къ устью лимана, а татары степью—въ Крымъ [33]).

Изъ русскихъ силъ, шедшихъ на выручку Таванска, скорѣе другихъ дошелъ полтавскій полковникъ съ своимъ отрядомъ и не увидалъ уже тамъ непріятелей [34]). Вернувшись обратно, онъ доложилъ гетману, что хотя Таванскъ остался невзятымъ, но приведенъ въ крайнее разрушеніе. Проломы въ стѣнахъ, происшедшіе отъ взрывовъ, такъ широки, что въ нихъ можно въѣзжать на лошадяхъ; пушки у турокъ были такой величины, что козаки подобныхъ и не видывали, а бомбы, пущенныя въ городъ, вѣсили отъ трехъ до пяти пудовъ каждая. Всѣхъ убитыхъ и раненыхъ въ Таванскѣ и Кизикерменѣ было 205 человѣкъ, а бусурманы, по тому же докладу полтавскаго полковника, потеряли около семи тысячъ [35]).

Походъ подъ Таванскъ гетмана и князя Долгорукаго никакъ не можетъ быть признанъ славнымъ подвигомъ. Правительство, однако, не поставило гетману на видъ неудачи этого похода, особенно когда она была исправлена послѣдующею высылкою войскъ, заставившихъ бусурманъ отступить, чѣмъ достигалась главная цѣль похода. Гетманъ, старшины и полковники получили въ награду подарки, состоявшіе, по обыкновенію, въ матеріяхъ и соболяхъ; запорожцамъ, бывшимъ на войнѣ, прислано 1.500 рублей деньгами и 1.100 портищъ суконъ, а кошевому атаману, писарю и асаулу дано еще особо ефимками [36]).

Новые слухи о томъ, что бусурманы готовятся на слѣдующій годъ опять нападать на русскія владѣнія, побудили къ мысли о новомъ плавномъ походѣ [37]). Въ январѣ 1698 года былъ объ этомъ у гетмана съѣздъ, послѣ чего всѣ полковники, каждый въ

---

[33]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 39.—Арх. Юст. кн. 81, л. 231, 268 и 323.
[34]) Арх. Ин. Дѣлъ 1697 г., № 35.
[35]) Арх. Юст. кн. 81, л. 323.
[36]) Ibid., л. 644.
[37]) Ibid., л. 527.

своемъ полку, принялись за постройку челновъ. Это не обходилось безъ затрудненія и ропота, потому что тогда накладывали съ козаковъ сборъ по ефимку и по полтинѣ; судовъ строить не умѣли, недоставало ни мастеровъ, ни работниковъ, ни гребцовъ [38]). Однако, по распоряженію гетмана, городовые козаки въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ построили 430 челновъ, за что царь похвалилъ гетмана [39]). Въ концѣ мая гетманъ приказалъ городовымъ козакамъ подниматься въ походъ, четыре полка отправилъ впередъ въ Таванскъ, а шесть оставилъ при себѣ и двинулся на Коломакъ для соединенія съ княземъ Долгорукимъ [40]). У князя положено быть 83.280 человѣкъ войска пѣшаго и коннаго [41]).

Въ іюлѣ оба войска отправились сначала безводною степью, направляясь къ Перекопу, но потомъ, опасаясь безводья и безкормицы въ вытравленныхъ и выжженныхъ степяхъ, повернули къ Таванску, сдѣлали распоряженіе о скорѣйшемъ исправленіи Таванска и Кизикерменя и послали десятитысячный отрядъ великороссіянъ и малороссіянъ къ Очакову плавнымъ путемъ; но такъ какъ русскія суда были малы, а люди мало искусны, притомъ пушекъ съ ними было немного, и тѣ небольшаго размѣра, то они не рѣшались проплывать между двумя турецкими крѣпостями, Очаковомъ и Кинбурномъ, съ которыхъ поражали бы ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Простоявши двое сутокъ въ пустынѣ, гдѣ не было ни хатъ, ни шалашей, они отступили. Тогда предводители нашли, что взять Очаковъ, какъ намѣревались, трудно. «Намъ,—говорили они въ свое собственное извиненіе,—не образецъ запорожцы, которые въ малолюдствѣ ночью воровски проплываютъ, или сухопутьемъ пробираются къ морю. У насъ большіе обозы. Какъ только мы туда дойдемъ, въ Царьградѣ узнаютъ и пришлютъ противъ насъ на каторгахъ войско. И теперь стоять намъ подъ Кизикерменемъ и Таванскомъ невозможно: люди отъ недостатка продовольствія разбѣгаются; запасовъ на пять мѣсяцевъ на подводахъ привезти сюда трудно, а тѣ, что отправлены были на судахъ, пропали на порогахъ, и здѣсь ни за деньги купить, ни саблею достать—ничего нельзя. Поэтому лучше намъ воротиться» [42]). По такимъ соображеніямъ оба войска отступили назадъ.

---

[38]) Арх. Ин. Дѣлъ 1698 г., № 18.
[39]) Арх. Юст. кн. 79, л. 387.
[40]) Ibid., л. 350 и 480.
[41]) Ibid., кн. 81, л. 913.
[42]) Ibid., кн. 68, л. 59 и далѣе.

Если первый походъ князя Долгорукаго съ гетманомъ нельзя было назвать блестящимъ, то этотъ второй, по своему окончанію, можно было назвать постыднымъ, подъ-стать походу князя Вас. Вас. Голицына съ Самойловичемъ. Но гетманъ, сколько намъ извѣстно, не испыталъ отъ царя никакого знака неудовольства, хотя и не получилъ награжденія.

Завоеваніе турецкихъ городковъ не приносило малороссійскому краю ни малѣйшей пользы, а только прибавляло народу большія тягости. Нужно было починять разоренные городки, содержать тамъ гарнизоны, а для нихъ доставлять хлѣбные и боевые запасы. Такая доставка ложилась бременемъ на народъ. Терпѣлъ нужду преимущественно Полтавскій полкъ, расположенный на перепутьи Москвы и Украины съ низовьевъ Днѣпра. Весною 1698 года полковникъ полтавскій доносилъ, что послѣ праздника Рождества Христова пять разъ была посылка съ запасами къ Таванску и городки Полтавскаго полка давали каждый по нѣсколько десятковъ подводъ на весь тотъ неближній путь. Гетманъ, передавая въ Приказъ этотъ докладъ полтавскаго полковника, съ своей стороны замѣчалъ: «Вотъ уже одиннадцать лѣтъ вершится война съ Крымомъ и всѣ военныя силы идутъ черезъ Полтавскій полкъ. Люди терпятъ убытки черезъ топтаніе и вытравленіе травъ и хлѣбовъ, черезъ опустошенія рощъ въ ихъ старинныхъ займищахъ. Гонцы безпрестанно ѣздятъ не только по царскимъ грамотамъ, но и по воеводскимъ памятямъ, требуютъ отъ жителей себѣ корма и питья, а иные осмѣливаются бить и безчестить городовыхъ старшинъ. Хотя и есть царскій указъ начальнымъ людямъ безъ царскихъ грамотъ и безъ гетманскихъ проѣзжихъ листовъ никому ничего не брать, но многіе на то не смотрятъ и знать этого не хотятъ»[43]). Въ подобныхъ выраженіяхъ отзывался гетманъ и послѣ похода съ княземъ Долгорукимъ: «Вотъ уже въ продолженіи 12-ти лѣтъ, съ начала своего гетманства, я совершилъ 11 лѣтнихъ и 10 зимнихъ походовъ, и не трудно всякому разсудить, какія трудности, убытки, разоренія отъ этихъ безпрестанныхъ походовъ терпитъ Войско Запорожское и вся Малая Россія»[44]).

Къ довершенію тягостей въ 1698 году постигъ Малороссію хлѣбный недородъ. Край былъ такъ несчастливъ, что это явленіе безпрестанно повторялось въ послѣднія лѣта, почти каждый

[43]) Арх. Ин. Дѣлъ 1698 г., № 78.
[44]) Арх. Юст. кн. 68, л. 62.

годъ, то въ большей, то въ меньшей степени. Отсюда—скудость и дороговизна. Въ январѣ 1699 года гетманъ, въ своемъ донесеніи въ Приказъ, рѣзкими чертами изображаетъ это народное бѣдствіе, увеличивавшееся отъ военныхъ обстоятельствъ*).

Такое печальное положеніе усиливало у малороссовъ охоту къ шатанію и исканію новыхъ мѣстъ жительства. Переселившіеся съ праваго берега Днѣпра на лѣвый опять порывались въ отечество своихъ предковъ. Такъ прилуцкій полковникъ Горленко доносилъ гетману, что въ его полку козаки и поселяне (мужики) распродаютъ свои грунты и поля и спѣшатъ переселяться за Днѣпръ[45]). Въ Черниговщинѣ толпа организовалась самовольно въ полкъ подъ начальствомъ какого-то бродяги, поляка Кулаковскаго, и ушла за Днѣпръ въ Полѣсье, собираясь на службу польскому королю; но Палей не пустилъ ихъ и заворотилъ подъ гетманскій региментъ[46]). Переяславскій полковникъ Мировичъ доносилъ, что въ городкахъ, мѣстечкахъ и селахъ, прилежащихъ къ Днѣпру, натолпились люди, пришедшіе изъ разныхъ полковъ гетманскаго регимента; у всѣхъ у нихъ на умѣ — какимъ нибудь способомъ перебраться на противную сторону Днѣпра и тамъ поселиться[47]).

Поляки старались тогда заселить и упрочить за собою украинскія пустыни и, провѣдавши о настроеніи народа лѣвой сто-

---

*) По прежнихъ кильках неурожайныхъ на хлѣбъ годѣхъ нынѣшній годъ наступилъ зѣло голодный, якого многіе народу малороссійскаго не помнятъ, за оскудѣніемъ хлѣба то лободою, то з половою, то лѣсными нѣякими брунками, приправуючи ихъ тежъ з половою и з мякинами з великимъ своимъ стогнаніемъ себе живятъ, а чистый хлѣбъ ни у кого не сыщется. Якого тугого часу и въ иншихъ передъ тымъ пожитокъ приносячихъ речахъ теперь жадного не маютъ пожитку. А и окроме того помянутаго неурожаю уставичне лѣто и зиму чрезъ кильконадцять лѣтъ отправуючи военные походы не малый в хлѣбахъ всѣмъ малороссійскимъ людемъ якъ на нивахъ, такъ и въ гуменныхъ зложеніяхъ чинился убытокъ. Въ малороссійскихъ городѣхъ отнюдь жита не можемъ и переплачуючи зыскати и купити, понеже за явнымъ неурожаемъ нѣчего з сеголѣтнѣго присѣвку у людей нѣтъ, — хоча бы прошлорочное у якого господарного и то развѣ сотаго в спрятахъ зыскалося, то за уставичными дожчами и безпрестанными черезъ усю осень и уже половину зимы трудными бездорожами не бываетъ на торги провожено. А если где осмачка якая оного на рынку появится, то кильо албо и кильконадцять чоловѣка осмакъ маючихъ, албо ремесленныхъ людей обще всѣ на роздѣлъ свой оное купити хватаютъ, где не безъ сварокъ бываетъ, бо такою малою продажою не могутъ себе бѣдныи уловолити (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1699 г., январь 19).

[45]) Арх. Юст. кн. 81, л. 895.

[46]) Ibid., л. 877.

[47]) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., № 14.

роны Днѣпра, наслали «осадчихъ», которыхъ должность состояла въ томъ, чтобы зазывать людей въ новоосновываемыя слободы, опредѣлять имъ именемъ своихъ пановъ льготы на извѣстное число лѣтъ отъ всякихъ повинностей, или подманивать обѣщаніями всегдашнихъ выгодъ на новосельѣ. Такимъ способомъ завелись немалыя слободы въ Корсунѣ, Богуславѣ, Драбовцѣ и Мошнахъ. Изъ этихъ слободъ осадчіе отправляли посыльныхъ на лѣвую сторону Днѣпра завлекать жителей разсказами о привольномъ житьѣ-бытьѣ за Днѣпромъ. Такъ, отъ нѣкоей княгини Анны Вишневецкой (имѣвшей впослѣдствіи важное значеніе въ жизни Мазепы) и отъ ея сына былъ отправленъ въ Переяславскій полкъ какой-то Могильницкій съ двумя товарищами—однимъ мазуромъ, другимъ русиномъ — подущать малороссіянъ къ переселенію въ слободу Мошны: двое попались сторожѣ, поставленной на берегу Днѣпра, а Могильницкій едва ушелъ [48]). Мировичъ указывалъ на другаго такого же подговорщика, Ѳеофана Воронича, именовавшаго себя корсунскимъ игуменомъ [49]). Нѣкоторые изъ зажиточныхъ лѣвобережныхъ жителей, не переходя совсѣмъ на жительство въ правобережныя слободы, заводили на правой сторонѣ въ пустыхъ лѣсахъ и поляхъ пасѣки и хутора, сами оставались на прежнемъ своемъ жительствѣ, а въ заведенныхъ правобережныхъ поселкахъ держали своихъ подручныхъ. Зѣмли, на которыхъ основались эти поселки, никому передъ тѣмъ не принадлежали и хозяева, живя сами на лѣвой сторонѣ Днѣпра, считали ихъ своею собственностью по праву займанщины и притомъ тянувшею къ гетманскому регименту. Тамъ между выселенными людьми и польскими осадчими возникали ссоры [50]). Такіе случаи не отбивали, однако, въ народѣ охоты къ бѣгству и къ поселеніямъ на правой сторонѣ Днѣпра подъ разными видами: не удерживали ихъ ни угрозы, ни кары за побѣги, а сторожи, располагаемыя по днѣпровскому побережью, не въ силахъ были останавливать перехожихъ,—черезчуръ длинно это побережье и не было возможности заставить его караулами на всемъ его протяженіи; зимою по льду, а лѣтомъ на челнахъ легко было пробираться на правый берегъ. Гетманъ жаловался царю, что нѣтъ мѣръ удержать народнаго стремленія къ переселеніямъ на слободы; онъ просилъ царя войдти въ сношенія съ польскимъ коро-

[48]) Арх. Юст. кн. 68, л. 92.
[49]) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., № 14.
[50]) Ibid., май, № 9.

лемъ и привести дѣло такъ, чтобы гетманъ могъ послать своихъ вооруженныхъ людей разорить эти слободы и убѣжавшихъ туда для поселенія перевести на прежнія мѣста, на томъ основаніи, что по мирному договору Россіи съ Польшею отнюдь не слѣдовало возобновлять запустѣлыхъ городовъ въ правобережной Украинѣ.

На неоднократныя донесенія о томъ гетмана царь Петръ въ мартѣ 1699 года относился къ польскому королю съ просьбою — не дозволять ни коронному гетману, ни кому нибудь другому изъ польскихъ пановъ заселять оставленную впустѣ Украину. Тогда же царь поручалъ гетману удвоить строгость надзора, чтобы жители не бѣгали въ слободы на правую сторону Днѣпра[51]). Но побѣги не прекращались и спустя почти годъ послѣ того царскій указъ всѣмъ пограничнымъ воеводамъ предписывалъ ловить малороссійскихъ бѣглецовъ и отправлять къ гетману, который долженъ чинить имъ жестокое наказаніе и потомъ водворять на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства[52]).

Прежде, недавно еще, обѣтованною страною для переселенцевъ была Слободская Украина. Въ настоящее время она не привлекала бѣглецовъ въ прежней степени. Теперь малороссіяне, тамъ поселившіеся, узнали на опытѣ великороссійскіе пріемы воеводскаго управленія; они часто имъ приходились не по вкусу и нѣкоторыхъ даже заставляли убѣгать съ новоселья. Кромѣ того Слободская Украина въ послѣдніе годы стала часто подвергаться разореніямъ отъ татаръ. Такъ и въ 1698 году, когда гетманъ и князь Долгорукій ходили походомъ на Низовье, сильная орда съ двумя салтанами ворвалась въ Слободскую Украину, раздѣлилась загонами, разорила многія слободы по Донцу, городокъ Салтовъ, и едва успѣли спасти отъ нихъ полковой городъ Харьковъ[53]).

Тѣмъ не менѣе переселенія на востокъ изъ гетманщины не прекращались и въ это время многіе водворялись не только въ Слободской Украинѣ, гдѣ все сплошное народонаселеніе тогда состояло изъ малороссіянъ, но и въ чисто великорусскомъ краѣ на земляхъ великорусскихъ владѣльцевъ Рыльскаго и Путивльскаго уѣздовъ, гдѣ малороссійскимъ новопоселенцамъ приходилось жить въ перемежку съ великороссіянами. На переселенія

[51]) Ibid., мартъ, № 10.
[52]) Ibid., л. 1700, № 4.
[53]) Арх. Юст. кн. 81, л. 815 и 818.

лялись на полки, но не имѣли отведенныхъ имъ земель и дворовъ и располагались «на лежахъ», то-есть на квартирахъ во дворахъ посполитыхъ, по распоряженіямъ гетмана. Они составляли для народа истинную тягость и возбуждали къ себѣ расположеніе не только въ посполитыхъ, но и въ козакахъ городовыхъ и даже въ запорожцахъ *).

Зимою 1698—1699 годовъ Мазепа былъ позванъ для свиданія съ царемъ въ Воронежъ [58]) и по возвращеніи, по царскому указу, отправилъ туда 3.000 козаковъ беречь строившіеся корабли [59]). Послѣ того гетманъ собралъ на съѣздъ всѣхъ полковниковъ въ Гадячъ. Тамъ долго разсуждали о новыхъ средствахъ войны противъ бусурманъ и порѣшили, что каждому полку лучше оставаться въ своей области наблюдать за непріятельскими оборотами и сообразно съ тѣмъ устраивать свои воинскія движенія [60]).

Весною 1699 года въ Малороссіи сдѣлался переполохъ отъ новыхъ вѣстей, принесенныхъ татарскими перебѣжчиками—*тумами* (т. е. рожденными отъ татарина и русской плѣнницы), что бусурманы заключаютъ миръ съ нѣмцами и хотятъ обратить всѣ силы на царскія области [61]). Это была первая вѣсть, принесенная объ этомъ въ Украину и тотчасъ сообщенная гетманомъ въ Москву. Вскорѣ затѣмъ господарь молдавскій, съ которымъ малороссійскій гетманъ велъ постоянно тайныя сношенія, сообщалъ о томъ же и представлялъ гетману, что молдаване и валахи боятся нѣмцевъ больше чѣмъ турокъ, потому что нѣмцы думаютъ имъ навязать папизмъ и хотятъ подчинить цезарю нѣмецкому. Господарь повторялъ то, что сообщалось уже прежде изъ христіанскаго Востока, что и онъ самъ и всѣ молдаване и валахи поголовно желаютъ свергнуть съ себя бусурманскую не-

*) Въ Таванскѣ, куда посланы были сердюки—отдѣлъ охотныхъ козаковъ, произошла большая смута, начавшаяся ссорою между сердюцкимъ полковникомъ Покотиломъ и запорожскимъ полковникомъ Костенкомъ и разразившаяся свалкою между сердюками и запорожцами, причемъ злоба противъ сердюковъ распространилась на царскихъ ратныхъ людей. Тогда въ свалкѣ многихъ убили до-смерти, другимъ переломали ноги и ребра, у купецкихъ людей разбили бочки съ виномъ и медомъ, разсыпали соляные запасы и самую церковь Великомуч. Георгія осквернили кровью. Производился розыскъ и кончился тѣмъ, что обѣ стороны помирились и за убитыхъ отправили сорокоустъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1700 г.).

[58]) Арх. Юст. кн. 68, л. 411.

[59]) Ibid., л. 339 и 342.

[60]) Ibid., л. 401.

[61]) Ibid., л. 403.

волю и поддаться православному русскому государю. Онъ указывалъ способы вести успѣшнѣе войну противъ турокъ. Важнѣйшій пунктъ веденія этой войны былъ, по его мнѣнію, на устьѣ Днѣпра и больше всего надлежало ожидать успѣха отъ козаковъ, которые могутъ вторгнуться въ Буджакъ (нынѣшняя Бессарабія) и дѣйствовать разомъ съ возставшими молдаванами и валахами. Мазепа, повидимому, сочувствовалъ такимъ заявленіямъ и посылалъ довѣренныхъ лицъ составить описаніе путей и становищъ отъ устьевъ Днѣпра, Буга и Днѣстра до устьевъ Дуная [62]).

Но царь Петръ уже иначе смотрѣлъ на эти дѣла: въ его голову уже вступилъ проектъ войны со Швеціей и онъ нуждался въ мирѣ съ другими сосѣдями своей державы. Притомъ ему было извѣстно, что его союзники — императоръ и польскій король — готовы заключить съ Турціей миръ и заключатъ его «сепаратно» отъ Россіи, если Россія не пристанетъ къ миру вмѣстѣ съ ними. Собирался конгрессъ въ Карловицѣ съ цѣлью переговоровъ о мирѣ съ турками. Царь послалъ туда своего посла, дьяка Возницына. На этомъ конгрессѣ цесарскіе уполномоченные отъ имени своего императора постановили сепаратный миръ съ Турціей и такимъ образомъ оставили союзниковъ самихъ расправляться съ турками. Турецкіе уполномоченные въ переговорахъ съ Возницынымъ, представителемъ Россіи, потребовали возвращенія всего завоеваннаго русскими въ послѣднюю войну. Поэтому оказалось невозможнымъ Россіи совершенно помириться съ Турціей подобно нѣмецкому императору. Дьякъ Возницынъ ограничился только заключеніемъ перемирія на два года, а въ продолженіи этого срока положено было вести переговоры для постановленія мира или перемирія на болѣе продолжительный срокъ [63]).

Вслѣдъ затѣмъ турки заключили сепаратный миръ съ Польшею. Турки возвратили Польшѣ Каменецъ совершенно опустѣлый и обѣщали свободу римско-католическаго исповѣданія въ областяхъ, принадлежавшихъ Оттоманской Портѣ. Поляки съ своей стороны возвратили Турціи отнятые ими во время прошлой войны молдавскіе города [64]).

Царь Петръ остался безъ союзниковъ. Тогда онъ отправилъ своего уполномоченнаго дьяка Емельяна Украинцева въ Констан-

[62]) *Устр.*: „Ист. Петра В.“, т. III, Прилож. 7, стр. 472 и 478.
[63]) Ibid., т. III, стр. 256.
[64]) *Szujski*: „Dzieje Polskie“, IV, 166.

тинополь въ сопровожденіи цѣлаго своего новопостроеннаго флота для внушенія туркамъ уваженія къ силѣ Русской державы. Переговоры длились съ ноября 1699 года по іюль 1700-го. Много разъ собирались на конференціи и расходились, не договорившись до окончанія. Подробности ихъ не относятся къ нашему предмету. Скажемъ только мимоходомъ, что главнымъ спорнымъ пунктомъ, на которомъ никакъ не могли сойтись обѣ стороны, были приднѣпровскіе городки: турки домогались ихъ возвращенія; русская сторона пыталась ихъ удержать въ обладаніи Русской державы. Наконецъ 3 іюля 1700 года было постановлено и подписано съ обѣихъ сторонъ перемиріе на 30 лѣтъ. Турція уступала Россіи Азовъ со всѣми тянувшими къ нему городками. Россія приняла на себя обязательство разорить въ теченіи тридцати дней послѣ окончательнаго подтвержденія мирнаго договора приднѣпровскіе городки, отнятые у турокъ, а впередъ по всему днѣпровскому берегу, начиная отъ Сѣчи до устья Днѣпра, не быть никакому поселенію, кромѣ небольшаго укрѣпленія для переправы проѣзжихъ людей черезъ Днѣпръ. Пространство отъ Перекопа до ближайшаго къ нему изъ азовскихъ городковъ, Міусскаго городка, положено оставить впустѣ [65]). По принятому на себя Россіей обязательству разорить городки въ низовьяхъ Днѣпра, завоеванные въ прошлую войну, порученіе это возложено было на генерала Кольцо-Масальскаго и исполнено имъ въ 1701 году. 8 октября этого года гетманъ получилъ вѣдомость и сообщилъ ее въ Москву, что Тавансъ и Кизикерменъ разбиты и всѣ боевыя принадлежности оттуда вывезены [66]).

ГЛАВА VII.

Преслѣдованіе стрѣльцовъ.—Донось Забѣлы и Солонины на гетмана.—Судъ надъ доносчиками.—Благосклонность царя къ гетману.—Пожалованіе гетмана кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго.—Торговля селитрою.—Корчемство.—Разореніе турецкихъ крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра.—Постройка крѣпости близъ Сѣчи.—Своевольство запорожцевъ.—Греческій караванъ.—Неудачныя попытки запорожцевъ склонить хана.—Водворенія въ Малороссіи.—Оскорбленія малороссіянамъ отъ великороссіянъ.—Попытки примиренія съ запорожцами.—Безчинства и разбои.

Въ 1698 году совершалась въ Москвѣ страшная царская расправа надъ стрѣльцами. Случайно спасавшіеся отъ погрома убѣгали въ украинныя области и въ гетманщину. Царь послалъ указъ

[65]) *Устр.*: „Ист. Петра В.“, т. III, Прилож. 7, стр. 550.
[66]) Арх. Юст. кн. 83, л. 992.

гетману приказать ловить их по всѣмъ полкамъ. Но стрѣльцовъ, находившихся при гетманѣ въ Батуринѣ, не тронули, а только велѣли имъ именоваться солдатами [1]). Ихъ начальникъ, полковникъ Анненковъ, пріобрѣлъ большое благорасположеніе гетмана и когда въ 1699 году Анненковъ былъ переведенъ воеводою въ Путивль [2]), Мазепа испросилъ у царя дозволеніе оставить Анненкова при себѣ въ Батуринѣ и по прежнему командовать полкомъ, назначеннымъ изъ великороссіянъ для охраненія гетманской особы [3]).

Пользуясь наступившимъ мирнымъ временемъ, гетманъ продолжалъ заниматься сооруженіемъ храмовъ на собственный счетъ. Такъ, около этого времени построена была каменная ограда Печерской лавры на протяженіи 320 саженъ (въ два сажня высоты и четыре толщины) съ четырьмя башнями и боковые придѣлы съ сѣверной и южной стороны великой лаврской церкви съ надстроенными надъ ними пятью куполами и церковь надъ экономскими воротами лавры, гдѣ съ наружной стороны былъ выставленъ и лѣпной работы гербъ Мазепы. Около того же времени, вѣроятно, начата по желанію гетмана и на его счетъ надстройка боковыхъ придѣловъ на нижнихъ папертяхъ Кіево-Софійскаго собора съ шестью куполами надъ ними, что дало этому зданію тотъ видъ, въ какомъ находится оно и теперь [4]). Вознесенская соборная церковь въ Переяславѣ, созданная также гетманомъ, относится вѣроятно къ тому же времени. Такъ видимое всѣми благочестіе и усердіе къ православнымъ храмамъ уничтожало силу враговъ Мазепы, выставлявшихъ его въ своихъ доносахъ ляхомъ, тайно сочувствовавшимъ польскимъ завѣтнымъ видамъ и только притворно казавшимся русскимъ православнымъ. Но недовѣріе къ его искренности не испарялось въ Украинѣ и въ 1699 году гетмана потревожило повтореніе прежнихъ исторій съ доносами. Былъ въ гетманщинѣ нѣкто Данило

---

[1]) Арх. Юст. кн. 68, л. 389.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1699 г., іюнь.

[3]) Ibid., декабрь, № 31.

[4]) О постройкахъ въ Лаврѣ см. въ „Опис. Кіево-Печерской Лавры митрополита Евгенія", стр. 32. О постройкахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ—Грамота митрополита Варлаама Ясинскаго въ Актахъ Выдубицкаго монастыря, кн. IX, стр. 26. *Епарх. Вѣдом.* Кіев. 1870 г., стр. 65: „По милости В. Ц-го В-ства и призрѣніемъ патронскимъ региментарскимъ его м-сти гетмана и кавалера Свято-Софійская обитель есть значне обновлена въ своемъ украшеніи сими часы такъ церковномъ яко и въ господарскомъ".

Васильевичъ Забѣла, носившій званіе бунчуковаго товарища. Это званіе недавно было учреждено гетманомъ Мазепою, который, по своему усмотрѣнію, давалъ его дѣтямъ, принадлежавшимъ къ чиновнымъ фамиліямъ. Забѣла былъ человѣкъ нрава безпокойнаго, склоннаго къ каверзамъ, что въ тѣ времена было многимъ свойственно. Онъ за что-то не взлюбилъ гетмана и сошелся съ Андреемъ Солониною, который находился на службѣ при гетманскомъ дворѣ и неугодилъ своему пану гетману. Они вмѣстѣ уѣхали въ Москву, начали искать тамъ покровительства боярина Бориса Петровича Шереметева и подали ему доносъ на гетмана. Но Мазепа узналъ объ этомъ ранѣе, чѣмъ еще доносъ дошелъ до царя, и самъ написалъ царю, что «эти два человѣка на гетманскую честь небыльныя слова износятъ и плевелы сѣютъ». Гетманъ въ Москву извѣщалъ, что одинъ изъ доносчиковъ, Забѣла, по челобитію своего дяди, былъ уже привлеченъ къ войсковому суду, а другой доносчикъ, Солонина, служивши у гетмана во дворѣ, укралъ у него деньги. Государь, оказывая довѣріе къ гетману, приказалъ, не разбирая доноса, обоихъ доносчиковъ и съ ними еще какого-то попа Леонтія *) послать въ Батуринъ, но сказать имъ напередъ, чтобъ они ѣхали безъ опасенія, потому что государь писалъ къ гетману, чтобъ имъ не было никакого зла.

Царскій гонецъ привезъ колодниковъ въ Батуринъ скованными «въ черкаскихъ телегахъ». Когда подъѣхали къ гетманскому двору, стащили колодниковъ съ телегъ и повели пѣшкомъ въ гетманскій дворъ, въ сопровожденіи караульныхъ. Гетманъ былъ тогда у обѣдни, и колодники въ цѣпяхъ дожидали, стоя у дверей его свѣтлицы. Вышедши изъ церкви, гетманъ принялъ изъ рукъ гонца царскую грамоту и поклонился до земли.

Колодниковъ предали войсковому суду.

Изъ дошедшаго до насъ дѣла мы узнаемъ, что нѣкто Якимъ Самойленко, дядя Данилы Забѣлы, показывалъ, что этотъ Данила, живя у себя въ домѣ въ селѣ Реутинцахъ, еще въ прошлый предрождественскій постъ, когда гетманъ ѣздилъ къ царю въ Воронежъ, говорилъ: «гетманъ отъ царя не воротится,—онъ съ поляками дружитъ и царю хочетъ измѣнить». Кромѣ того, Данило произносилъ о матери гетмана «лживыя, поклепныя и безчестныя слова», называя ее «чаровницею». Потомъ позван-

*) Въ дошедшемъ до насъ судномъ дѣлѣ о немъ нѣтъ ничего.

ные въ судъ двое челядниковъ Данилы Забѣлы, которыхъ онъ, будучи въ Москвѣ, посылалъ къ себѣ домой въ Малороссію, показали, что Данило говорилъ, будто гетманъ самъ «тайно послалъ къ бусурманамъ вора Петрика и былъ желателенъ прихода бусурманскаго въ Украину». Въ подтвержденіе такихъ показаній, одинъ малороссіянинъ, бывшій недавно въ Москвѣ, Онисимъ Воронченко, объявлялъ, что онъ собственными ушами слышалъ, какъ Забѣла «на почтенную родительницу гетмана честную игуменью прикладалъ наносы».

Забѣла запирался. Но когда его стали стращать пыткою, то онъ сказалъ: «я убѣжалъ въ Москву отъ страха, —на меня сотникъ кролевецкій подалъ гетману челобитную; а если я что говорилъ въ Москвѣ, то говорилъ будучи пьянъ: мнѣ казалось, что по такимъ словамъ меня удержатъ въ Москвѣ и не пошлютъ въ Батуринъ».

Судьи, выслушавшіе такія рѣчи отъ подсудимаго, произнесли: «невозможно, чтобъ Данилка такіе великіе страшные поклепы и потворы на честь ясневельможнаго гетмана вымыслилъ самъ собою; надобно подъ пыткою допросить его, кто ему въ семъ дѣлѣ былъ совѣтникомъ и наставникомъ».

Забѣла, не допуская себя до пытки, сказалъ:

«Вотъ какъ дѣло было. Черезъ село Реутинцы ѣхали люди боярина Шереметева. Я имъ разсказалъ о своихъ нуждахъ и о своемъ страхѣ. Они посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Москву къ ихъ боярину и увѣрили меня, что бояринъ будетъ мнѣ заступникомъ. Я послушался ихъ и поѣхалъ. Когда я разсказалъ боярину о своихъ дѣлахъ, бояринъ сперва сказалъ, что напишетъ обо мнѣ ходатайственный листъ къ гетману. Я отвѣчалъ, что боюсь ѣхать къ гетману. Тогда мнѣ бояринъ сказалъ: правда, и мнѣ гетманъ добра не желаетъ. Поживи, коли такъ, въ Москвѣ, пока великій государь не воротится изъ подъ Азова, и никуда не ходи, ни въ Приказъ, ни къ боярамъ, а какъ царь воротится въ Москву, тогда подашь на гетмана челобитную въ мои руки, а я самъ представлю ее великому государю и буду ходатайствовать объ оказаніи тебѣ милости. По какому боярскому обнадеживанію я и остался въ Москвѣ. Винюсь въ томъ, что злорѣчилъ, наводилъ измѣнническую потвору на гетмана и на мать его, говорилъ, будучи пьянымъ безъ разума и памяти. Впрочемъ, не было у меня наставника и совѣтника ни здѣсь въ малороссійскихъ городахъ, ни въ Москвѣ».

Дѣло показалось важнѣе. Данило притягивалъ къ нему первѣйшаго царскаго боярина. Даніла подвергли пыткѣ, взяли на встряску, продержали полчаса въ висячемъ положеніи. Онъ говорилъ то же, что и передъ пыткою, и только «поносилъ» себя самого за то, что понадѣялся на слова, сказанныя ему боярскими людьми, поѣхалъ въ Москву и черезъ то пришелъ «вотъ въ какую муку!»

Его спустили на землю, допрашивали, кто былъ ему наставникомъ и совѣтникомъ, и, ничего не допросившись, подняли опять на дыбу и онъ, «вопія крикомъ великимъ», твердилъ все одно и то же: «я лаялъ по своему безумному обычаю, будучи пьянъ и безъ памяти, ни отъ кого къ тому не было у меня подущенія и ни отъ кого о томъ ни единаго слова не слыхалъ».

Судьи прекратили пытки и допросы и положили такой приговоръ:

«Данилка Забѣла, отъ своей злости и безумія, наводя на высокую честь гетманскую и на всечестную его матерь тяжкіе поклепные потворы, хотѣлъ тутъ же и войсковые и народные малороссійскіе порядки развратить, а того ради такой безумный лживецъ и зломысленный навѣтникъ за ту свою вину подлежитъ смертной казни, имущество же его взять въ войсковой скарбъ, ибо и прежніе гетманы такъ поступали съ подобными».

Не знаемъ, былъ ли пытанъ товарищъ Данила, Андрей Солонина, но его подвергли допросу, изъ котораго видно, что онъ былъ родомъ изъ Волыни, по смерти отца съ матерью переѣхалъ въ Козелецъ, служилъ двѣнадцать лѣтъ у кіевскаго полковника Солонины, потомъ три года у генеральнаго судьи Вуеховича, а наконецъ у гетмана. Ему отказали отъ службы на томъ основаніи, что у гетмана и безъ него много челяди, и онъ уѣхалъ въ польскія владѣнія; тамъ увидалъ его боярин Шереметевъ, пригласилъ въ Москву и жилъ онъ у него на боярскомъ иждивеніи, а когда бояринъ уѣхалъ въ свои вотчины, то присталъ къ Забѣлѣ. Денегъ гетманскихъ онъ не бралъ.

И этого Андрея Солонину судъ приговорилъ, какъ соумышленника, къ одинакой карѣ съ Даніломъ Забѣлою.

Гетманъ, представляя въ Приказъ приговоръ войскового суда, приложилъ къ нему собственное милостивое смягченіе наказанія [1]) [*]).

[1]) Ibid., 1699 г., № 89.

[*]) „Какъ и прежде сего плутамъ и врагамъ моимъ въ такихъ случаяхъ я

Ничто не подрывало царской благосклонности къ гетману. Въ 1700 году, въ январѣ, гетманъ отправился въ Москву, по царскому приглашенію, съ 48-ю особами. Въ этотъ разъ ему оказали пріемъ, превосходившій ласковостію прежде бывшіе пріемы. Гетману заявили признаніе за нимъ важности заслугъ, оказанныхъ въ теченіи тринадцати лѣтъ сряду, и его успѣшныхъ дѣйствій въ войнѣ противъ турецкаго султана и крымскаго хана, въ особенности же его подвиговъ надъ Днѣпромъ, когда были покорены пять турецкихъ городковъ и взято множество плѣнныхъ. За это, за все государь возложилъ на гетмана только-что установленный орденъ св. Андрея Первозваннаго. Мазепа былъ вторымъ, получившимъ этотъ орденъ, послѣ Головина. Сверхъ того, на отпускѣ, пожаловали ему венгерскій золотой кафтанъ съ алмазными запонками, подбитый соболями [5]). Бывшій въ Москвѣ разомъ съ гетманомъ генеральный писарь Кочубей получилъ почетное званіе стольника [6]). Тогда же, по ходатайству гетмана, оказано было вниманіе хвастовскому полковнику Палѣю, главному въ то время воскресителю козачества въ правобережной Украинѣ: къ нему отправили въ подарокъ денегъ, суконъ, камокъ, соболей, а на полчанъ его 1.000 ефимковъ. Но подъячему, который повезъ царскіе подарки, приказано было передать ихъ Палѣю секретно, чтобы не дать повода полякамъ подозрѣвать какого нибудь противъ нихъ подущенія, потому что поляки очень неблагосклонно относились къ возстановленію ненавистнаго для ихъ памяти козачества во владѣніяхъ, на которыя простирали свои виды [7]). Гетманъ испросилъ у царя отдать подъ его гетманскій регименть городъ Новобогородскъ со всѣми жителями, исключая служилыхъ царскихъ людей, которыхъ положено было вывести въ другіе города. Гетманъ обѣщалъ правительству принять для упрощенія запорожскихъ своевольствъ и побѣговъ украинскихъ бѣглецовъ въ запорожскія степи мѣры, болѣе дѣятельныя, чѣмъ были тѣ, какія употреблялись прежде воеводами, управлявшими Новобогородскомъ.

показывалъ милосердіе, такъ и сихъ Данилку Забѣленка и Андрюшку Солонину учинилемъ свободными отъ смертной казни, только до времени приказалемъ ихъ подъ карауломъ держати".—Что поводомъ къ доносу былъ „безпокойный" нравъ Забѣлы, показываетъ то, что и послѣ Мазепы на преемника его, гетмана Скоропадскаго, тотъ же Забѣла подавалъ лживый доносъ.

[5]) Ibid., 1700 г., № 19.

[6]) Ibid., № 30.

[7]) Ibid., № 40.

Но тогда же послѣдовали распоряженія верховнаго правительства, которыя вообще не совсѣмъ нравились малороссіянамъ. Въ послѣднее время въ Малороссіи распространилось селитренное производство. По царскому указу предписывалось продавать селитру не иначе, какъ въ казну. Цѣна на селитру была указана по два рубля съ полтиною за пудъ [8]). Но послѣ заключенія мира съ Турціей царскій указъ вдругъ сбавилъ цѣну селитры на полтора рубля за пудъ на томъ основаніи, что селитренные майданы теперь не будутъ разоряемы непріятелями и будто производство селитры будетъ требовать менѣе расходовъ и хлѣбъ сталъ дешевле, хотя гетманъ, въ видахъ охранить выгоды мѣстныхъ производителей, докладывалъ, что если, по замиреніи съ турками и татарами, не нужно беречь майдановъ отъ непріятелей, то необходимо держать караулы для охраненія ихъ отъ разбойниковъ, и расходы на производство вовсе не уменьшились [9]) *). Не могло быть малороссіянамъ пріятнымъ строгое запрещеніе возить на продажу въ Великороссію горячее вино и табакъ, который сдѣланъ былъ въ то время предметомъ казенной монополіи и отданъ на откупъ англичанамъ. Гетманъ публиковалъ, что корчемные продавцы вина и табаку, кромѣ наказанія, которое постигнетъ ихъ на мѣстѣ преступленія, не уйдутъ отъ вторичнаго наказанія войсковымъ судомъ, когда возвратятся домой [10]). Однако торговля виномъ и табакомъ была до того выгодна, что, несмотря на такія угрозы, «огурливые и легкомысленные люди все таки дерзали возить табакъ на продажу въ великороссійскіе городы», какъ выражался гетманъ въ своемъ донесеніи.

По возвращеніи гетмана въ Украину отъ царя, вскорѣ началась у него хлопотливая возня съ запорожскимъ своевольствомъ, которое часъ отъ часу все болѣе разгоралось. Когда въ началѣ 1701 года прибылъ въ Сѣчу генералъ Кольцо-Мосальскій, съ тѣмъ чтобы разорить турецкіе городки, запорожцы заартачились. Гетманъ приказалъ имъ содѣйствовать доставленію орудій и бое-

[8]) Ibid., 1699 г., № 31; 1700 г., № 4.

[9]) Арх. Юст. кн. 83, л. 128.

*) *Примѣч.* Гетманъ сообщалъ, что хотя хлѣбъ сталъ дешевле (за осьмачку отъ 6 до 8 зл., съ провозомъ до 10-ти), за то возвысилась цѣна на солонину, составлявшую обычную пищу рабочихъ на майданахъ, и волы, необходимые при работахъ, прежде стоившіе по два рубля съ полтиною за штуку, поднялись въ цѣнѣ отъ 4 до 5 руб. за штуку.

[10]) Арх. Ин. Дѣлъ 1700 года, №№ 4 и 31.

выхъ припасовъ изъ Таванова и устроить у себя въ Сѣчѣ складъ для ихъ храненія. Запорожцы съ безчестіемъ встрѣтили гетманскихъ посланныхъ [11]), посылали гетману ворчливые отвѣты, и хотя не отказывались по приказанію царскаго генерала беречь царскую казну, но не хотѣли допустить въ Сѣчу ни единаго изъ царскихъ ратныхъ людей, показывая къ нимъ недоброжелательство и нерасположеніе [12]). Всего болѣе пришлось запорожцамъ не по нраву то, что генералу князю Кольцо-Мосальскому данъ былъ указъ строить новые городки близъ Сѣчи вмѣсто прежнихъ разоренныхъ городковъ въ низовьяхъ Днѣпра. Мѣсто для постройки ближайшаго городка было избрано у Микитина-Рога (гдѣ нынѣ Никополь). Гетману указано было содѣйствовать этой постройкѣ и онъ послалъ 6.000 козаковъ своего регимента на работы въ прибавку къ 3.500 ратнымъ, бывшимъ у князя Кольцо-Мосальскаго [13]).

Запорожцы около того же времени надѣлали новыхъ хлопотъ своими своевольствами. Толпа сѣчевиковъ напала на греческій караванъ. Турецкіе подданные греки, торговцы, прибыли изъ своей страны въ Очаковъ съ товарами, оттуда поплыли вверхъ по Бугу, а потомъ, приставши къ берегу, наняли у малороссіянъ, занимавшихся рыболовствомъ, подводы и двинулись степью на Чигиринъ. За ними слѣдила ватага запорожцевъ съ атаманомъ Щербиною и асауломъ Тонконогомъ. Они пригласили изъ ватажниковъ, ловившихъ рыбу на рѣкѣ Бугѣ, нѣсколько «легкомысленныхъ» молодцовъ и напали на греческихъ торговцевъ, когда тѣ, на пути своемъ къ Чигирину, достигали до рѣки Ингула. Запорожцы ограбили весь караванъ, отвезли награбленные товары въ Сѣчь, разрѣзали тюки и кипы (называемыя гарары) и подѣлили товары, въ числѣ которыхъ находились драгоцѣнные камни и жемчугъ цѣною въ нѣсколько тысячъ талеровъ [14]). Изъ Сѣчи получались вѣсти, что запорожцы, подѣливши по курѣнямъ награбленные товары, похвалялись поступать такъ же и съ другими торговыми караванами, когда тѣ будутъ проходить [15]). Силистрійскій сераскиръ-паша прислалъ къ гетману жалобу и требовалъ вознагражденія за разграбленіе грековъ, турецкихъ подданныхъ [16]).

---

[11]) Арх. Юст. кн. 83, л. 696.
[12]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1700 г., № 4.—Арх. Юст. кн. 83, л. 40.
[13]) Арх. Юст. кн. 83, л. 650, 951 и 971.
[14]) Ibid., л. 158.
[15]) Ibid., кн. 86, л. 844.
[16]) Ibid., л. 259.

Около того же времени другая ватага запорожцевъ напала на селитренные майданы, заведенные изъ гетманщины старшинами на берегахъ Самары, и разорили ихъ, забирая волевъ, казаны и всякую рухлядь [17]). Запорожцы претендовали, что берега Самары, покрытые лѣсомъ (такъ называемая Товща Самарская), составляютъ давнее достояніе Запорожской Сѣчи и заводчики не иначе могутъ держать тамъ селитренные майданы, какъ платя въ войсковой сѣчевой скарбъ по 100 злотыхъ отъ котла [18]).

Гетманъ сообщилъ обо всемъ этомъ въ Москву, а на то время туда пріѣхали запорожскіе посланцы—бывшій кошевой Ерыса съ товарищами. Въ Москвѣ ихъ задержали и стали допрашивать о греческихъ караванахъ и о селитренныхъ майданахъ. Они отозвались незнаніемъ дѣла. Московское правительство разослало запорожскихъ посланцевъ по великороссійскимъ городамъ и написало въ Сѣчь, что если не будутъ возвращены награбленные товары и виновные не подвергнутся жестокому войсковому наказанію, то задержанные товарищи будутъ казнены смертію [19]). Запорожцы отъ такой угрозы пришли въ изступленіе, отрѣшили своего кошевого Петра Сороминскаго и выбрали Кость Гордѣенка, человѣка крайне задорнаго, ярого ненавистника московской власти. Этотъ новый кошевой писалъ гетману такого рода объясненіе: греки, слѣдовавшіе въ караванѣ, сами были виноваты; вопреки прежнимъ обычаямъ ѣхать въ Сѣчу, они хотѣли миновать ее и пойхали дикою степью. Сѣчевики, ѣздившіе на промыслы, узнавши о томъ, хотѣли только загородить караванѣ неправильный путь, но греки стали въ нихъ стрѣлять; тогда сѣчевики позвали другихъ товарищей, бывшихъ на рыбныхъ промыслахъ, и «большимъ собраніемъ» заворотили караванъ къ Сѣчѣ. Атаманія и все сѣчевое товарищество подѣлили между собою изъ греческихъ товаровъ только красные кумачи, а дорогія вещи: камки, жемчугъ и деньги возвратили торговцамъ и сами проводили ихъ до великороссійскихъ городовъ [20]). Въ этихъ оправданіяхъ была чистая ложь; ни гетманъ, ни московское правительство не могли повѣрить этому, да и самъ сообщавшій такое оправданіе, конечно, зналъ, что ему не повѣрятъ. Не теряя времени, запорожцы, подущаемые притомъ пріѣзжавшими въ Сѣчу

---

[17]) Ibid., кн. 83, л. 1037.
[18]) Ibid., л. 158.
[19]) Ibid., кн. 86, л. 360.
[20]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.

татарами [21]), послали въ Крымъ посольство къ хану просить возобновленія прежняго союза, старинаго «братерства», и помощи противъ москалей, а тѣмъ временемъ самые отважные составили ватагу въ числѣ шестисотъ—настоящую разбойничью шайку: въ верховьяхъ рѣки Вовчей не было отъ нихъ ни прохода, ни проѣзда людямъ Запорожскаго войска, ѣздившимъ на пасѣки и на рыбныя ловли [22]).

Болѣе всего раздражало запорожцевъ въ то время построеніе города недалеко отъ Сѣчи. Отважнѣйшіе грозили выйти съ оружіемъ на строителей [23]). Гетманъ посылалъ въ Сѣчу требовать, чтобы запорожцы не мѣшали царскимъ ратнымъ ломать камня у Каменнаго-Затона для постройки крѣпости, а кошевой атаманъ отъ имени всего товарищества написалъ такой отвѣтъ, обращенный къ лицу царя: «Объявляемъ вашему царскому величеству всѣ мы единогласно, что совершенно не хотимъ онаго города близъ насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня на строеніе брать не дозволимъ. Еще и города не выстроили, а мы уже терпимъ убытки и неправды въ вольностяхъ нашихъ, чего напредь сего ни отъ кого не видали по данныхъ намъ монархами грамотамъ, теперь же дознались напустнаго утѣсненія товариству нашему, ходящему для своихъ добычъ и промысловъ. Мы на бой противъ бусурманъ по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволимъ» [24]).

Однако попытка запорожцевъ сойтись съ татарами во вредъ Россіи не удалась. Запорожскіе послы, отправленные въ Крымъ, встрѣтили хана недалеко отъ Карасубазара и предлагали прежнее «братерство», какъ было при Хмельницкомъ. Ханъ призвалъ какого-то стараго татарина, помнившаго времена Исламъ-Гирея, дѣлалъ ему распросы и потомъ сталъ держать совѣтъ съ своими мурзами. Нѣкоторые заявляли охоту открыто подать помощь запорожцамъ, другіе же опасались, что запорожцы, надѣясь на однихъ охотниковъ пристать къ ихъ замыслу, которыхъ въ Украинѣ найдется не много, снять подведутъ татаръ, какъ уже было недавно съ Петрикомъ и еще ранѣе съ Суховѣенкомъ. Ханъ рѣшилъ спросить объ этомъ своего верховнаго повелителя, турец-

---

[21]) Арх. Юст. кн. 83, л. 831.
[22]) Ibid., кн. 86, л. 291.
[23]) Ibid., л. 618.
[24]) Ibid., л. 796.

каго падишаха, а до полученія отвѣта мурзы убѣждали запорожцевъ не сноситься съ Москвою.

Но въ самомъ запорожскомъ товариствѣ возникло раздвоеніе. Самые задорные ненавистники Москвы кричали: «лучше на вѣки поддадимся турку, а не останемся въ московской неволѣ». Другіе представляли такое хитрое соображеніе: «если орда съ нами теперь не пойдетъ воевать Москвы, а на насъ опалъ царскій станется за сношенія съ татарами, то мы отпишемся, что ничего о томъ не знали, что намъ приказалъ такъ чинить съ ордою гетманъ. Вотъ его гетмана возьмутъ въ Москву, а намъ будетъ милость монаршая» [25]) *). Гетманъ заранѣе обо всемъ этомъ узналъ и отправилъ къ хану за объясненіями посла своего Завидовскаго. Ханъ принялъ гетманскаго посла ласково и объявилъ, что ни за что не станетъ нарушать мира съ московскимъ царемъ. Гетманскій посланецъ отъ имени гетмана жаловался на грабежи, учиненные татарами надъ русскими торговцами въ Кубанской и Ногайской ордѣ. Ханъ приказалъ тотчасъ учинить розыскъ и воротить награбленные товары; сверхъ того онъ далъ строгій приказъ не поступать впередъ такимъ образомъ. Тогда же ханъ хотѣлъ окончить размѣнъ полоненниковъ такъ, чтобы уже ни русскихъ въ Крыму, ни татаръ въ Россіи въ плѣну не оставалось. Это не такъ скоро могло окончиться, такъ какъ русскихъ полоненниковъ отпускали не иначе, какъ въ обмѣнъ за татарскихъ или за выкупъ деньгами. Нѣкоторые русскіе въ это время получили свободу и въ числѣ ихъ былъ князь Юрій Четвертинскій, взятый въ плѣнъ во время нашествія Петрика съ Бѣлогородскою ордою [26]) **). Силистрійскій Юсуфъ-паша продол-

[25]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 77.

*) А мы будемо оплывати въ ласцѣ монаршей.

[26]) Арх. Ин. Дѣлъ 1700 г., 6 апрѣля. Подлинники.

**) Въ реляціи поданной имъ разсказываются приключенія его во время плѣна. Салтанъ Казы-Гирей купилъ его у взявшихъ его въ плѣнъ татаръ за 500 левковъ и послалъ къ хану въ качествѣ „языка“. Распросивши его о числѣ и объ оборотахъ русскихъ войскъ, ханъ воротилъ его къ салтану. Салтанъ Казы-Гирей предложилъ князю взнести за себя окупъ (откупиться). Князь Четвертинскій предложилъ 200 левковъ. Салтанъ не согласился и отослалъ его на каторгу въ работу, чтобы заставить предложить большую сумму. Князь пробылъ на каторгѣ два мѣсяца, но большей суммы не обѣщалъ. Его отослали въ Очаковъ, засадили въ яму, продержали съ мѣсяцъ, потомъ отослали въ ханскій фольварокъ (усадьбу) Яниклый; тамъ пробылъ онъ 17 сутокъ, какъ вдругъ пріѣхалъ отъ салтана Казы-Гирея „билибаши“ и приказалъ дать князю 150 ударовъ по подошвамъ, вымучивая большій окупъ. Потомъ его заковали въ двойныя кандалы и желѣзныя путы и отправили въ Килію: тамъ у него хотѣли

жалъ требовать вознагражденія за ограбленный караванъ и гетманъ не безъ труда упросилъ присланнаго отъ паши «агу» взять вознагражденіе жалованіемъ, которое по обычаю каждый годъ присылалось отъ царя запорожцамъ сукнами, камками, атласами и соболями. Такія вещи приняты были по оцѣнкѣ въ десять тысячъ левковъ; гетманъ прибавилъ еще 640 рублей деньгами и сверхъ того отдалъ греческимъ купцамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ запорожцевъ, 400 рублей, собранныхъ съ переволоченскаго перевоза на Днѣпрѣ, составлявшаго собственность Запорожской Сѣчи [27]).

Казалось, у запорожцевъ отнималась надежда на помощь мусульманскаго міра противъ московской власти, но пріѣзжавшіе въ Сѣчь татары разжигали ихъ и твердили, что если Москва не покинетъ строить городовъ при Днѣпрѣ, то бусурманы пойдутъ войною на московскіе городы и пригласятъ запорожцевъ [28]). Даже силистрійскій паша заявлялъ гетману, что туркамъ вообще не мило построеніе городовъ, что оно означаетъ приготовленіе къ войнѣ. Такія заявленія распаляли у запорожцевъ задоръ ко враждѣ съ Москвою. «Но не такъ страшны запорожцы и татары,—писалъ Мазепа въ Приказъ [29]),—страшнѣе намъ малороссійскій посполитый народъ: весь онъ своевольнымъ духомъ дышетъ; никто не хочетъ быть подъ тою властію, подъ которою пребываетъ, а полтавскій полковникъ пишетъ мнѣ, что всѣ его полчане тотчасъ начнутъ запорожцамъ помогать въ ихъ зломъ намѣреніи». Осенью 1702 года запорожцы напали на царскую казну, которую везъ капитанъ Суходольскій, убили капитана и двухъ солдатъ, ограбили казну, а бывшаго при капитанѣ священника, исколовъ копьями, замертво покинули въ терновникѣ [30]); они, кромѣ того, уводили у великороссійскихъ ратныхъ людей почто-

---

рвать зубы, вымогая бо́льшій окупъ. Князь Юрій, видя себя уже близкимъ къ смерти, поступился дать 5.000 левковъ, да еще сверхъ того представить въ размѣнъ за себя десять татаръ. Казы-Гирей согласился и ждалъ этого окупа два года, но не дождался, потому что князь не въ силахъ былъ добыть ихъ. Князя отправили къ хану въ Крымъ. Нѣсколько разъ по ханскому приказанію находился онъ при ханскомъ войскѣ въ походахъ и снова возвращался въ Крымъ. Наконецъ пріѣхалъ братъ князя и сталъ на его мѣсто въ плѣну, а князь Юрій освободился.

[27]) Арх. Юст. кн. 86, л. 713 и 960.

[28]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., ноябрь, № 77.

[29]) Арх. Юст. кн. 86, л. 824.

[30]) Ibid., кн. 89, л. 163.

выхъ лошадей [31]) и задержали царскую грамоту, въ которой уговаривали ихъ не препятствовать постройкѣ крѣпости [32]).

Такія безчинства сами по себѣ хотя еще не возбуждали политическихъ опасностей, но волненія въ Запорожьѣ отзывались въ Украинѣ и слухи о сборѣ запорожцевъ на войну противъ мусульманъ, разносясь по гетманщинѣ, находили въ народѣ сочувствіе. Въ Сѣчу стремились всякіе бездомные бродяги. Гетманъ приказывалъ командирамъ стеречь переходы, не пускать бѣглецовъ черезъ Днѣпръ, а полковникамъ заблаговременно предупреждать въ своихъ полкахъ побѣги и сажать въ тюрьмы своевольныхъ *). Въ одномъ изъ тогдашнихъ доношеній гетманъ огуломъ всѣхъ малороссійскій народъ обвинялъ въ легкомысленности и склонности къ шатанію **).

Въ Малороссіи отношенія народа къ великороссійскимъ ратнымъ людямъ становились все хуже и хуже. Уже и при прежнихъ гетманахъ видно было, что малороссіяне не долюбливаютъ великороссіянъ и хотя послѣ возмущенія при Бруховецкомъ народъ по внѣшности оставался вѣрнымъ и покорнымъ, но доволенъ своимъ положеніемъ онъ не былъ и никогда, казалось, не представлялось ему такихъ рѣзкихъ поводовъ роптать на гнетъ, ложившійся на него отъ московской власти, какъ въ описываемое время. Съ начатіемъ шведской войны во всѣхъ владѣніяхъ царя Петра почувствовалась невыносимая тягость народу отъ службъ и поборовъ. Не миновала и Малороссію та же участь, хотя въ меньшей степени, чѣмъ прочія царскія области. Царь началъ требовать высылки козаковъ въ сѣверныя страны государства, гдѣ главнымъ образомъ происходилъ театръ военныхъ дѣйствій; а этого прежде не бывало и козаки знали только свою Украину, да прилегавшія къ ней южныя степи. Народъ былъ недоволенъ и внутри своего края грубостію обращенія съ нимъ царскихъ ратныхъ людей и всякаго рода должностныхъ лицъ, ѣздившихъ

[31]) Ibid., кн. 86, л. 959.

[32]) Ibid., л. 779.

*) Зъ городовъ многіе легкомысленные люди особливо гультаи домовъ своихъ неимущіе, чуючи о запорожскомъ зломъ передсязятіи до Сѣчи бѣгутъ, а любо компаніямъ приказалемъ на таковыхъ сторожу пилную имѣть, оно также городовымъ полковникамъ велѣлемъ престерегати и ловячи до туремнаго давати вязеня, однакъ же прокрадуются оны.

**) На жителей тутейшихъ малороссійскихъ яко легкомыслныхъ и непостоянныхъ людей мѣлъ чулость и неусыпное око, а нынѣ подъ сей часъ изъ оны со всѣхъ сторонъ мѣютъ похопъ до нестатечности всеусерднѣйшее прилагаю стараніе жебы оный народъ задержать (Арх. Ин. Дѣлъ, Подлинники, 1702 г.).

по дѣламъ службы. «И козаки и посполите, — писалъ въ Приказъ гетманъ, — всѣ злобятся на меня, всѣ причитаютъ въ одно: пропадать намъ до конца и сгубятъ насъ москали! У всѣхъ одна мысль уходить за Днѣпръ и можетъ произойти внезапное зло»[33]). Не мало сохранилось извѣстій того времени о столкновеніяхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ между малороссійскими жителями и великороссійскими царскими служилыми. Для примѣра приведемъ нѣкоторые случаи, показывающіе, какъ нагло и презрительно обходились царскіе служилые съ туземцами.

Въ 1702 году полуполковникъ Левашовъ, идучи съ отрядомъ мимо городка Кишенки, послалъ туда приказаніе, чтобъ его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и съ дарами, и онъ за то не станетъ трогать ихъ города. Кишенцы послушались, вышли къ нему съ возами, наполненными хлѣбомъ, гусьми, курами, напитками и еще поднесли ему «въ почесть» 15 талеровъ деньгами. Левашовъ все это принялъ, но противно своему обѣщанію пошелъ въ городъ и расположилъ тамъ свой отрядъ: его ратные люди объѣдали жителей, обожгли у нихъ подворки, овины, разорили огороды. Такъ прошло нѣсколько дней. Выходя изъ Кишенки, Левашовъ кишенцамъ «далъ руку» (т. е. обѣщалъ), что уже теперь не будетъ имъ разоренія. Однако, доѣхавши до Переволочны, онъ послалъ назадъ въ Кишенку взять у тамошнихъ жителей плуговъ и воловъ и не пригналъ ихъ назадъ, а бѣдные кишенцы принуждены были сами ѣхать за Днѣпръ и выкупать за чистые талеры своихъ воловъ. При этомъ, когда одинъ кишенецъ напомнилъ полуполковнику, что великій государь такъ дѣлать не велитъ, Левашовъ чуть не прокололъ его копьемъ и кричалъ: «полно вамъ, б..... дѣти, хохлы свои вверхъ поднимать! Ужъ вы у насъ въ мѣшкѣ!» — Другой начальникъ Скотникъ, шелъ черезъ порубежные днѣпровскіе города и бывшіе въ его отрядѣ ратные люди въ городахъ и за городами людей били, съ пожаромъ на нихъ бросались, иныхъ какъ татары въ неволю брали (въ вязеню держали), а когда козацкіе начальные люди пошли къ нему съ поклономъ, то онъ велѣлъ ударить въ барабаны, чтобъ ихъ не слышать, и затѣмъ приказалъ прогнать ихъ бердышами. Въ Кребердѣ во время ярмарки на день св. Онуфрія московскіе служилые люди, плывя по Днѣпру, пристали къ берегу и стали съ своихъ судовъ торговать виномъ, а такъ какъ продажа вина тамъ была на откупѣ, то жители, по настоянію арен-

[33]) Арх. Юст. кн. 83, л. 540.

царей, ходили просить «москалей», чтобъ они перестали торговать и понесли къ нимъ хлѣбъ-соль, но «москали» бросились на нихъ съ дубинами и копьями, а нѣкоторыхъ, схвативъ, увели къ себѣ на суда какъ плѣнныхъ и потомъ пустили, обобравъ, чуть не голыми, да еще обрѣзали имъ волосы въ знакъ безчестія. Въ томъ же 1702 году гетманъ писалъ въ Приказъ, жалуясь огуломъ на ратныхъ людей, которые, проходя черезъ города и села Полтавскаго полка, безчинствовали, забирали въ качествѣ подводъ лошадей и не ворочали иначе, какъ взявши съ хозяевъ взятку; а становясь во дворахъ, совершали надъ малороссіянами всякія неправды, поруганія, грабежи и даже убійства. «Что между нашими людьми и пріѣзжими москалями дракъ бываетъ, того и описать невозможно!»—выражается въ донесеніи гетману одинъ козацкій чиновникъ [34]).

Не только въ гетманщинѣ, но и за ея предѣлами, какъ уже мы видѣли, прорывались такія же грубыя выходки великороссіянъ надъ малороссіянами. Въ Путивльскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ великороссійскіе помѣщики заманивали на свои земли малороссіянъ, искавшихъ селитьбы, а потомъ домогались, чтобы тѣ поступали въ число ихъ крѣпостныхъ, и «побивали ихъ жестокимъ мучительствомъ» [35]). По жалобамъ, которыя безпрестанно присылались отъ гетмана въ Приказъ, царь въ 1701 году далъ подтвердительный указъ воеводамъ «съ великимъ подкрѣпленіемъ, буде впередъ малороссійскимъ людямъ отъ кого нибудь станется обида отъ воеводскаго или полковничьяго недосмотра и за то начальнымъ людямъ быть въ казни и въ вотчинахъ отписаны будутъ» [36]). Но и послѣ такого строгаго царскаго указа въ январѣ слѣдующаго 1702 года въ Комарницкой волости (Орловской губ.) крестьяне били и безчестили посланца самого гетмана, отправленнаго къ царю, и ѣхавшихъ съ нимъ малороссіянъ: по жалобѣ на то, царь приказалъ произвести розыскъ, и тѣхъ, которые признаны будутъ виновными, сослать въ Сибирь съ женами и дѣтьми [37]).

Такія-то явленія располагали опасаться народнаго волненія въ Украинѣ, если запорожцы задумаютъ повторить Петриково дѣло. Были признаки, заставлявшіе гетмана и старшинъ полагать, что

---

[34]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.
[35]) Ibid., д. 1701, мартъ. Подлинники.
[36]) Ibid., д. 1701, № 5.
[37]) Арх. Юст. кн. 89.

теперь поспольство отзовется на подобному событію иначе, какъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ концѣ 1702 года гетманъ созвалъ полковниковъ и сдѣлалъ имъ такой вопросъ: слѣдуетъ ли совокуплять полки съ тѣмъ, чтобы не допускать запорожцевъ до вторженія. Всѣ полковники дали такой отвѣтъ: «Если совокуплять полки, то на оставленныхъ козаками мѣстахъ скорѣе могутъ вспыхнуть бунты между поспольствомъ, потому что тамъ не будетъ начальства. Лучше разставить на приличныхъ мѣстахъ два или три полка, а остальные полковники пусть остаются съ своими полковыми старшинами въ своихъ полкахъ и пусть наблюдаютъ, какое вліяніе на поспольство будутъ производить вѣсти о запорожскихъ злоумышленіяхъ; самъ же гетманъ съ компанейцами и съ охотными козаками будетъ стоять въ Гадячѣ и смотрѣть на непріятельскіе обороты, чтобы чинить военный промыселъ по мѣрѣ надобности» [38]). Гетманъ побудилъ и кіевскаго митрополита съ своей стороны послать къ запорожцамъ пастырское увѣщаніе не вступать въ связи съ невѣрными и не поднимать оружія на единовѣрныхъ братій, жительствующихъ въ гетманщинѣ и въ слободскихъ полкахъ [39]). Самъ гетманъ отправилъ запорожцамъ посланіе, увѣрялъ, что никто не думаетъ нарушать ихъ вольностей, указывалъ на печальныя послѣдствія междоусобій въ правобережной Украинѣ, гдѣ столько городовъ, селъ обращено въ пепелъ и гдѣ столько жителей погибло отъ меча или взято въ неволю,—убѣждалъ запорожцевъ жить въ союзѣ и дружбѣ, покоряться властямъ и обѣщалъ ходатайствовать за нихъ передъ царемъ [40]). На такое посланіе кошевой Гордѣенко снова отвѣчалъ гетману рѣзкою и грубою выходкой [41]) *).

Нужно было во что бы то ни стало умиротворить Украину, тѣмъ болѣе, что событія на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ русскій народъ вступилъ въ открытую борьбу противъ польскаго панства, волновали лѣвобережныхъ малороссіянъ и возбуждали ихъ къ побѣгамъ за Днѣпръ съ намѣреніемъ биться тамъ противъ извѣчныхъ враговъ всего малороссійскаго народа. Одобрять такую борьбу не было тогда въ видахъ русскаго государя, который съ тогдашнимъ польскимъ королемъ и Рѣчью Посполи-

[38]) Ibid., кн. 86, л. 875.
[39]) Ibid., л. 952.
[40]) Ibid., л. 960.
[41]) Арх. Ин. Дѣлъ, 1702 г. Подлинники, ноябрь.
*) Еще такого нежелательного гетмана у насъ не було. Вувъ еси намъ перше батькомъ, а теперь ставъ витчимомъ. Знайшлисьмо уже собѣ иншого пана.

тою вступилъ въ союзъ противъ шведовъ [42]). Нельзя было притомъ не имѣть въ виду и того обстоятельства, что соперникъ и врагъ царя Петра, шведскій король, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ успѣхъ въ Польшѣ, отторгалъ отъ польскаго короля на свою сторону польскихъ пановъ, манилъ ихъ обѣщаніями усмирить правобережныхъ украинцевъ, бунтовавшихъ противъ панства, перенести войну на лѣвую сторону Днѣпра и привести весь малороссійскій народъ въ прежнюю покорность польской Рѣчи Посполитой. При такихъ угрожающихъ слухахъ неблагоразумно было оставлять запорожцевъ въ раздраженіи противъ московской власти. Гетманъ получалъ свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ уже не отъ вѣстовщиковъ, которые выбирались изъ людей всякаго званія, а прямо отъ польскаго короннаго гетмана черезъ нарочно присланнаго посланца. Тогда московское правительство рѣшило отправить въ Сѣчу стольника Протасьева съ выговоромъ запорожцамъ за ихъ безчинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявить имъ прощеніе отъ царя по ходатайству за нихъ гетмана и кіевскаго митрополита. Задержанныхъ по поводу разбойническаго нападенія на греческій караванъ указано было освободить и отпустить [43]).

Царскій посланникъ Протасьевъ прибылъ въ Батуринъ въ апрѣлѣ 1703 года, а 1-го мая прибыли туда же отпущенные изъ Москвы запорожцы, атаманъ Герасимъ Крыса съ товарищами. Этотъ Крыса, отбывшій нѣсколько лѣтъ въ заточеніи за безчинства съ запорожской братіею, былъ тогда въ большомъ уваженіи у запорожцевъ и гетмана извѣщали, что его думаютъ избрать кошевымъ атаманомъ [44]).

Вмѣстѣ съ Протасьевымъ отправилъ гетманъ въ Сѣчу своего генеральнаго асаула Скоропадскаго. Они прибыли въ Сѣчу 5-го мая. Протасьевъ роздалъ привезенное обычное царское жалованье. Запорожцы поблагодарили и назначили раду 7-го мая на праздникъ Вознесенія. Тогда на радѣ запорожцы объявили, что не хотятъ присягать государю, пока не будутъ снесены городки построенные на Самарѣ и на Днѣпрѣ. Какъ ни убѣждалъ ихъ царскій посолъ «отложить новоизмышленныя противныя слова» и произнести присягу, какъ ни увѣрялъ, что городки построены для охраненія малороссійскаго края и отъ нихъ Запорожской Сѣчѣ никакой трудности не будетъ, запорожцы твердили все одно и то же:

[42]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 39.
[43]) Арх. Юст. кн. 89, л. 165.
[44]) Ibid, кн. 94, іюнь.

«когда городки снесутъ, тогда мы и присягу принесемъ». 8 мая послы уѣхали, не окончивши дѣла [45]), а по отъѣздѣ ихъ въ Сѣчѣ кричали, что надобно идти на Украину и убить гетмана [46]).

Но запорожская удаль, такъ сказать, размѣнялась на мелочь и, не въ силахъ будучи затѣвать важное дѣло—идти въ Украину и поднимать народъ противъ властей, ограничилась частными разбоями, вспышками неповиновенія и дерзкими похвалками противъ правительства. Такъ, разбойническая ватага сѣчевиковъ, подъ начальствомъ Карнауха, безчинствовала надъ проѣзжими торговыми людьми и чуть не убила гетманскаго посланца, грека Згуру, ѣхавшаго въ Молдавію, а перешедши на лѣвую сторону Днѣпра, разбила валку чумаковъ, ѣхавшихъ изъ Лубенскаго полка на Берды за солью. Курѣнные атаманы Корсунъ и Андрюшка Москаль напали на отрядъ царскихъ служилыхъ и перекололи [47]). Гордѣенко показывалъ видъ, будто не одобряетъ такихъ разбойническихъ нападеній, а между тѣмъ въ числѣ разбойниковъ былъ его племянникъ. Тѣмъ временемъ въ Сѣчу пріѣзжали какіе-то татары, наговорили запорожцамъ, что если Москва не разоритъ крѣпости у Каменнаго-Затона, то силистрійскій паша придетъ самъ разорять ее, и по этому поводу Гордѣенко убѣждалъ запорожцевъ держаться турокъ и татаръ противъ москалей. «Вся бѣда,—писалъ гетманъ въ Приказъ,—отъ этого пса Гордѣенка. Онъ подстрекалъ запорожцевъ, чтобъ не присягали. Пока этого проклятаго пса не уничтожатъ, до тѣхъ поръ нельзя отъ запорожцевъ надѣяться покорности» [48]). Но черезъ нѣсколько времени Гордѣенка отставили сами запорожцы и избрали кошевымъ Герасима Крысу. Тогда запорожцы стали ловить своихъ разбойниковъ и въ августѣ истреблена была ватага Андрюшки Москаля, Ропухи и трехъ ихъ товарищей. Но, къ сожалѣнію, исправленіе запорожцевъ было недолговременно. Скоро смѣнили Крысу и избрали Гордѣенка снова. Онъ увѣрялъ гетмана, что будетъ вѣренъ царю, однако удальцы опять дѣлали разбои; но такъ какъ эти разбои совершались надъ малороссіянами, ѣздившими по торговымъ дѣламъ, то это отвращало многихъ отъ запорожцевъ и народъ терялъ къ нимъ довѣріе.

[45]) Ibid., кн. 89, л. 419.
[46]) Ibid., л. 482.
[47]) Арх. Ин. Дѣлъ № 2.—Арх. Юст. кн. 94, іюнь 1703 г.
[48]) Арх. Юст. кн. 94, іюнь.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. П. Голицыну.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

IV *).

— Аня, что это съ нашимъ отцомъ-то дѣлается?—со вздохомъ говорила однажды Марья Ѳедоровна, сидя вечеромъ съ дочерью за работой.

— Я ничего не замѣчаю такого особеннаго,—отвѣтила Анна Андреевна, низко наклоняя слегка зарумянившееся лицо къ шитью.

Она давно уже замѣчала, что дѣлается съ отцомъ; но она старалась это скрыть, старалась не думать объ этомъ. Андрей Ивановичъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ будто совершенно стушевался въ домѣ. Его почти не видала семья, о немъ почти не говорили, его точно не было.

— Какъ не замѣтить-то, какъ не замѣтить! — произнесла Марья Ѳедоровна.—Посторонніе люди—и тѣ, чай, видятъ. Сегодня навеселѣ, завтра въ куражѣ... Этого, мать моя, не скроешь. Нѣтъ, это всѣ видятъ. И съ чего это онъ началъ, съ чего?

— Можетъ-быть такъ... въ компаніи вчера былъ, — тихо отвѣтила дочь.

— Вчера, вчера! Да развѣ я о вчерашнемъ днѣ говорю? Ну, вчера на именинахъ былъ, третьяго дня обрученье было у знакомыхъ. А четвертаго дня, а на прошлой недѣлѣ?... Да ты вспомни, когда мы его въ своемъ видѣ-то видѣли?

Дочь тоскливо молчала. Она знала лучше матери, что это горе началось не сегодня, не вчера. Она не знала, какъ и когда

*) *Русская Мысль*, кн. II.

это началось; но она знала, что отецъ давно уже началъ попивать, быть-можетъ, съ самаго пожара или со смерти дѣдки, или со смерти тетки Дарьи, или съ того времени, когда въ ихъ домъ начали такъ часто заглядывать разные бирскіе горничныя и лавеи.

— И не поймешь, съ чего это на него такая полоса нашла: не то съ горя, не то съ радости,—продолжала Марья Ѳедоровна, какъ бы думая вслухъ.— Ну, точно, много мы горя пережили, много. Теперь и не вѣрится, что все это перенести хватило силъ. Съ этого, пожалуй, и запить было можно. Ну, а теперь?—Теперь радоваться только надо, что все впередъ идетъ, все не изъ дому, а въ домъ несется. Теперь надо бы только думать, какъ бы на старость лѣтъ, на черный день, лишнее сберечь, а не пропивать денегъ-то. Кабаки-то да трактиры—это бездонная пропасть, ее не забучишь: сколько ни клади въ нее денегъ, она все высосетъ, все!

Аннѣ Андреевнѣ щемило сердце. Она тихо, молящимъ голосомъ, возразила матери:

— Мама, да вѣдь отецъ же не такой пьяница. Если онъ...

— Не пьяница,—перебила ее Марья Ѳедоровна раздражительно,—не пьяница!... Да чего же еще нужно: чтобъ онъ по улицамъ сталъ валяться, по участкамъ ночевалъ, съ будочниками домой приходилъ?... Нѣтъ, ужь если еще этого дожидаться надо, такъ пусть лучше Господь заранѣе приберетъ, чтобы глаза мои не видали этого, чтобы передъ людьми не краснѣть... Вотъ, намедни, со стыда я сгорѣла, когда мнѣ сосѣдка со смѣхомъ сказала: «а вашъ Андрей Ивановичъ-то на именинахъ былъ, подкутили, вѣрно... Двери домой сыскать не могъ,—сосѣди помогли войти!» Да вѣдь такъ вся улица скоро намъ бока будетъ мыть...

— Ну да, другіе-то развѣ не пьютъ? Всѣ пьютъ!—отрывисто сказала Анна Андреевна.

— Всѣ, всѣ... Такъ что мнѣ ихъ и говорить?—замѣтила Марья Ѳедоровна.—Что-жь, дождаться, чтобъ и намъ такъ же бока стали перемывать? Хорошая-то слава лежитъ, а дурная бѣжитъ. Сегодня скажутъ, что пьянымъ его видѣли, завтра будутъ говорить, что дома скандалъ поднялъ, придумаютъ еще, что драться началъ...

— Мама,—молящимъ голосомъ сказала Анна Андреевна,—вѣдь онъ же мухи не обидитъ въ пьяномъ видѣ.

Марья Ѳедоровна вдругъ расплакалась.

— Знаю я, знаю я, матечка ты моя, каковъ онъ съ пьяной видѣ!—заговорила она.—Дитя точно малое, плачетъ, прощенья проситъ, сердце надрываетъ... Да это-то меня и терзаетъ, это-то мнѣ и душу выматываетъ. Ну, какъ я пьянаго вразумлю, какъ я ему все выскажу? Вѣдь все равно не пойметъ. А посмотри, каковъ онъ трезвый-то сталъ: ночь, ночь темная! Не подступись къ нему, не заговори съ нимъ. Нахмуритъ брови, глядитъ изъ подлобья, точно всѣхъ съѣсть хочетъ. Разъ я стала наставлять, а онъ какъ взглянетъ на меня звѣремъ да и буркнулъ: «что, я глупѣе тебя, что ли, что не понимаю, что хорошо, что худо». Я его стала распрашивать, съ чего это онъ, какое такое горе его грызетъ, а онъ такъ-то ехидно усмѣхнулся да и говоритъ: «а ты вотъ недѣльку послужи на моемъ мѣстѣ да потомъ и спрашивай!» Такъ каково мнѣ, Аня? Пьянаго усовѣщивать—воду въ ступѣ толочь, трезвому выговаривать—на брань да на ссору лѣзть. Вотъ ты тутъ и дѣлай, что хочешь. Я вѣдь его знаю, хорошо знаю: ужъ онъ если что заберетъ въ голову, такъ не скоро вышибешь. Такой ужъ нравъ у него,—полосами на него все находитъ...

Марья Ѳедоровна смолкла на нѣсколько минутъ, утирая слезы и сморкаясь. Наконецъ она вздохнула и снова принялась за работу. Но у нея на душѣ было слишкомъ тяжело, чтобы молчать, чтобы не высказать всего дочери.

— Знаешь что, Аня,—сказала она,—я къ гадалкѣ ходила.

— Маменька, не грѣхъ ли!—начала Анна Андреевна.

Мать ее перебила:

— Знаю, сама знаю, что грѣхъ, да что мнѣ въ томъ? Душу бы я продала, чтобъ этого не было, чтобъ и въ семьѣ миръ былъ, и въ людяхъ толковъ не было... Ну, пошла я, узнать хотѣла, не испортили ли его... «Нѣтъ,—говоритъ гадалка,—а что горе на сердцѣ и печаль великая у самого этого короля». Стала я распрашивать, нельзя ли его вылѣчить.—Дала она совѣтъ, не одинъ дала...

Марья Ѳедоровна оборвала рѣчь и задумалась.

— Ну, и что же?—спросила Анна Андреевна.

— Мошенницы всѣ эти гадалки!—рѣзко сказала мать.—Идешь, чтобы душу только отвести, чтобы хоть обмануть себя, а ждать отъ нихъ нечего,—вздоръ мелютъ, вздоръ... «Возьмите, говоритъ, земли съ могилы раба божія Андрея и положите въ вино, а не то, говоритъ, девятью клюпами настойте водку, а то...

Такихъ гадостей насовѣтовала, что и говорить-то тошно... Да ничего изъ этого не вышло и не выйдетъ... Тоже не дура же я, понимаю же я это...

Она задумалась и начала говорить совсѣмъ тихо:

— Господи, Господи! давно ли было время, когда всѣ только и говорили: «вотъ примѣрные люди, вотъ почтенная семья, сейчасъ видно, что благородные». Благородные... Хамамъ кланяемся, по кабакамъ шляемся, дома другъ съ другомъ какъ кошка съ собакой живемъ... Что мудренаго, что Настя ушла. Не сладко ей, чай, было ласковаго слова не слыхать, добраго взгляда не видать. А до ласковыхъ ли словъ, до привѣта ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ?... Вонъ и Митя тоже все наровитъ изъ дому, да изъ дому... Отъ радостей не бѣгутъ, отъ доброй семьи не уходятъ...

— Митя насъ всѣхъ любитъ,—вступилась Анна Андреевна за брата.

— Знаю, знаю, что любитъ! Потому и тяжело ему на все это смотрѣть. Мальчикъ-то умный, все видитъ, все понимаетъ...

Въ комнатѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, когда присутствующіе вполнѣ понимаютъ, что они молчатъ не потому, что имъ нечего сказать, а потому, что имъ ужъ слишкомъ тягостно говорить. Это молчаніе является безмолвнымъ продолженіемъ начатаго разговора: оно сопровождается то выкатившеюся изъ глазъ слезою, то подавленнымъ вздохомъ, то скорбнымъ покачиваніемъ головой. Въ сущности оно тяжелѣе, мучительнѣе громкихъ рыданій, ропота и жалобъ. Мать и дочь въ этотъ вечеръ коснулись какъ разъ самыхъ больныхъ своихъ мѣстъ: загулы отца семьи, пребываніе Насти въ магазинѣ, почти постоянное отсутствіе изъ дому Мити—все это мучило и грызло ихъ, хотя онѣ покуда молчали объ этомъ, хранили это одна отъ другой въ тайнѣ. Мать, когда ей становилось не по силамъ тяжело, бѣгала тайкомъ къ ворожеямъ, къ гадальщицамъ, къ юродивымъ; она разыскала и отставнаго солдатика-еврея, гадавшаго подъ Смольнымъ по какой-то таинственной старой книгѣ, и Корабельщикову, гадавшую на картахъ въ Колокольной улицѣ, и юродивую Мареушу, жившую на Пряжкѣ и говорившую всякія несообразности. На время ей дѣлалось легче, а тамъ тоска опять подступала къ сердцу, давила его, сосала, какъ какой-то червь, высасывающій, не отдыхая ни на минуту, кровь. Дочь, когда горе душило ее, молилась по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ—на колѣняхъ, съ

земными поклонами, со слезами, до устали, до изнеможенія— и тяжелый сонъ, сонъ усталаго человѣка, смежалъ ея вѣжды, а потомъ... потомъ опять поутру являлись тѣ же думы, тѣ же сомнѣнія, тѣ же печали. Обмануть себя въ горѣ можно только на время. Не тѣ ли же попытки дѣлалъ и Андрей Ивановичъ Орловъ, заливая виномъ и водкой обиды, вынесенныя отъ просителей, рѣзкіе выговоры, услышанные отъ начальства, упреки самолюбія, смутно терзавшіе его душу, когда ему приходилось холопствовать передъ холопами, вымогать грошевыя взятки у нищихъ, сознавать, что онъ уже не прежній скромный, простой, но честный служака, а прощыра, пролазъ, лихоимецъ, грязная и продажная душа? Всѣ эти люди, по своему положенію, по своему воспитанію, по своей прошлой жизни, вышли давно изъ того состоянія дикарей, въ которомъ добро и зло, пороки и добродѣтели, низость и гордость—все это различается очень смутно или даже не различается вовсе; но въ то же время они не доросли до того умственнаго и нравственнаго развитія, когда люди умѣютъ уже ясно и отчетливо высказать то, что ихъ волнуетъ, къ чему они стремятся, что нужно устранить въ ихъ жизни. Они мучились, что имъ живется не такъ, какъ бы имъ хотѣлось; но въ то же время они не могли ясно и точно опредѣлить, какъ бы имъ хотѣлось жить. Вслѣдствіе этого въ домѣ царствовало какое-то неопредѣленное раздраженіе, какая-то безпредметная тоска, какія-то смутныя жалобы. Митя какъ-то разъ сказалъ Лампадову, что у нихъ въ домѣ точно кого-то постоянно отпѣваютъ и хоронятъ, и онъ былъ правъ. Въ домѣ, казалось, былъ какой-то невѣдомый покойникъ, котораго никто не видѣлъ, но всѣ оплакивали. Отъ этого настроенія бѣжала Настя, отъ этого же настроеія старался скрыться Митя. Дома его точно что-то угнетало и давило. Ему вспоминались слова молодаго Русова о томъ, что онъ, князь Русовъ, позавидовалъ семейной жизни Мити, гдѣ такъ уютно, гдѣ всѣ вмѣстѣ, тогда какъ онъ, князь Русовъ, готовъ бы бѣжать изъ своихъ золоченыхъ, вѣчно пустыхъ хоромъ. «А вотъ теперь и мнѣ хочется бѣжать изъ моего уютнаго гнѣзда, гдѣ всѣ вмѣстѣ гнетутъ другъ друга», думалось Митѣ. Онъ еще не зналъ, что такихъ бѣглецовъ, какъ онъ и князь Русовъ, можно встрѣтить у насъ на каждомъ шагу. Одинъ бѣжитъ отъ грубаго самодура-отца, другой скрывается отъ пустой гуляки-матери, третьяго гонитъ изъ дому нищенская обстановка, четвертый чувствуетъ себя забытымъ и заброшеннымъ дома.

Этимъ отщепенцамъ семейнаго очага нѣтъ конца, нѣтъ счету. Они бѣгутъ искать утѣшенія, отдыха, простора внѣ своего семейнаго дома и имъ открываетъ свои объятія товарищество. Оно знакомитъ ихъ съ иною жизнью, пробуждаетъ ихъ умъ къ новымъ интересамъ, зарождаетъ въ ихъ душѣ невѣдомые еще ей проклятые вопросы, заводитъ ихъ въ притоны разврата, научаетъ ихъ кутежу, даетъ тотъ или другой исходъ, то или другое направленіе кипучимъ молодымъ силамъ. Менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ находится у насъ подъ контролемъ старшихъ это товарищество молодежи; и это товарищество, и эта молодежь являются у насъ какъ-то особнякомъ отъ взрослыхъ, какимъ-то тайнымъ сообществомъ, какимъ-то обществомъ заговорщиковъ. Никто изъ взрослыхъ не знаетъ, въ какомъ направленіи работаютъ умы этой молодежи, къ чему она стремится, гдѣ очутится; узнаются только послѣдствія: одинъ кружокъ вдругъ дѣлается шайкой безшабашныхъ кутилъ, другой организуется въ какую-нибудь банду червонныхъ валетовъ, третій вдругъ является кружкомъ недовольныхъ, заговорщиковъ, политическихъ агитаторовъ. Начинается разборъ, кто «совратилъ съ пути» эти юные умы, кто далъ имъ то или другое направленіе, кто довелъ ихъ до той или другой цѣли. Отвѣтъ одинъ: товарищи, но не отцы и не матери,—отцы и матери даже не подозрѣвали того, что дѣлали товарищи. Разверните хронику разныхъ процессовъ, въ которыхъ фигурировала молодежь, и вы найдете въ нихъ именно этотъ отвѣтъ. Митя тоже примкнулъ къ товариществу, началъ мало-помалу вращаться въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ молодежи. Онъ читалъ книги, предпринималъ экскурсіи, отправлялся на прогулки съ этою молодежью. Онъ былъ уже не ребенокъ по лѣтамъ и еще менѣе ребенокъ по развитію. Его умъ уже занимали не дѣтскіе вопросы, и онъ искалъ на нихъ отвѣта вездѣ—въ книгахъ, у взрослыхъ, у молодежи, у товарищей. Хороша или дурна была эта окружавшая его молодежь — рѣшить огуломъ трудно; тутъ были, какъ и вездѣ, и дрянненькія личности, и серьезные работники, и богатые, и бѣдные. Но дѣло было не въ характерахъ этихъ личностей, а въ томъ, что ихъ занимало, о чемъ больше всего говорилось въ ихъ кружкахъ.

Если бы присмотрѣться, не зная текущихъ событій, къ этимъ подросткамъ и юношамъ, то мы были бы странно поражены: дѣти играли въ солдатъ, юношей учили маршировать, разговоры вертѣлись на побѣдахъ и пораженіяхъ, изъ рукъ въ руки перехо-

дили картинки военнаго содержанія, всѣми наизусть выучивались вызывающіе на бой стихи и среди всего этого слышалось чаще всего одно грозное слово: «война». Не было положительно ни одной школы, ни одной улицы, ни одного двора, гдѣ мелкота не изображала бы солдатъ, не маршировала бы, не вела бы сраженій. Это была своего рода эпидемія: даже захолустенскіе ребята дѣлились на турокъ, англичанъ, французовъ и русскихъ; даже они возвращались по вечерамъ домой раненными съ полей битвъ, то съ синякомъ подъ глазомъ, то съ шишкой на лбу. Это была та страшная эпоха, когда всѣ неожиданно узнали, что Россія очутилась вдругъ одна передъ лицомъ нѣсколькихъ націй, грозившихъ ей разгромомъ, уничтоженіемъ. Всѣ спрашивали, изъ-за чего началась война? Почему всѣ противъ насъ? Отчего у насъ нѣтъ союзниковъ? А что же нѣмцы,—мы вѣдь нѣмцамъ всегда помогали? Возьмутъ ли Одессу, Севастополь, Кронштадтъ, Петербургъ? Что тогда будетъ? Вопросамъ не было конца и съ каждымъ новымъ пораженіемъ настроеніе дѣлалось все печальнѣе и мрачнѣе. Люди приходили въ уныніе и въ ужасъ, видя, какъ строятся ни на что ненужныя и негодныя, но тѣмъ не менѣе напоминающія о возможности взятія Петербурга баттареи и укрѣпленія гдѣ-нибудь на «Стрѣлкѣ» Елагинскаго острова. На эти баттареи и укрѣпленія тратились тысячи: значитъ, Петербургъ въ опасности,—вѣдь не стали же бы даромъ бросать деньги. Куда же бѣжать, если возьмутъ Петербургъ? Правда, вездѣ и всюду нестрѣли лубочныя картины, изображавшія наши подвиги, нашихъ героевъ, карикатуры враговъ. Правда, ежедневно появлялись новыя стихотворенія съ сильной патріотической окраской, написанныя институтками, непризнанными поэтами, ловкими аферистами. Но странно, что все это—и картины, и стихи—было безвкусно и бездарно, суздальски-ярко и грубо-риторично, и на всѣ эти похвальбы и угрозы какъ бы страшнымъ отвѣтомъ служили смутные слухи о пораженіяхъ, о неудачахъ, объ опасностяхъ. Всѣ повторяли стихи Каратыгина: «Вотъ, въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ»; всѣ смѣялись, когда Самойловъ, балаганничая, распѣвалъ ломаннымъ чухонскимъ языкомъ: «Лайба была моя не пустъ»; и у всѣхъ вдругъ сжималось сердце, когда доносилось: «столько-то раненыхъ, столько-то убитыхъ».

— Десять убитыхъ и двадцать раненыхъ—это только такъ кажутъ. Вырѣзали цѣлый полкъ, убили однихъ офицеровъ до сотни!—говорилось въ обществѣ.

Никто не вѣрилъ ни во что утѣшительное, всѣ преувеличивали потери еще сильнѣе, чѣмъ ихъ уменьшали въ реляціяхъ. И опять, и опять повторялся вопросъ:

— Да изъ-за чего все началось?

Въ Захолустной улицѣ, да и во многихъ другихъ подобныхъ улицахъ, все досконально знали изъ самыхъ наивѣрнѣйшихъ источниковъ и разсказывали въ лавкахъ и у воротъ, что «все началось съ того, что нашъ князь Меншиковъ пришелъ къ Дивану и заспорилъ съ самимъ Салтаномъ. Извѣстно, князь Меншиковъ—первѣющее лицо еще при Петрѣ былъ; ну, и Салтанъ тоже свой чинъ знаетъ. Заспорили они, заспорили, а князь-то и хлысть его по лицу хлыстомъ; съ этого все и началось». Въ гимназіи слухи были нѣсколько иного рода и говорилось, что «все началось ради того, что Наполеонъ III былъ обиженъ, получивъ изъ Россіи письмо, гдѣ его не называли братомъ, и что вся эта война его дѣло съ Пальмерстономъ, съ которымъ Наполеонъ уже давно находится въ дружбѣ». Въ домѣ князя Русова Митя во время обѣдовъ уловилъ только отрывочныя фразы: «Это просто безуміе!... Мы уронимъ себя этою войной на сотни лѣтъ въ глазахъ Европы... И что тамъ дѣлается: бездарности и воры, воры и бездарности...»

И съ каждымъ днемъ уныніе становилось сильнѣе, а ложные, пугающіе общество слухи все чудовищнѣе и чудовищнѣе: уже говорилось о томъ, что корпію нашу продаютъ непріятелямъ, что гдѣ-то нашли глиняныя пушки, что вмѣсто пороху открыли гдѣ-то песокъ, что нашъ коммиссаріатъ состоитъ изъ настоящихъ грабителей, предателей и измѣнниковъ, что нѣсколько человѣкъ уже повѣшено за измѣну. Нѣтъ ничего опаснѣе подпольныхъ извѣстій, шепотомъ передаваемыхъ новостей, таинственныхъ намековъ, когда все прикрывается канцелярскою тайной и для успокоенія общества печатаются прикрашенныя реляціи сомнительныхъ побѣдъ. А тогда канцелярскою тайной прикрывалось все: и будочникъ, отрабившій прохожаго, и пораженіе, постигнувшее насъ на полѣ сраженія. Вслѣдствіе этого въ обществѣ говорили, что всѣ будочники по ночамъ спеціально занимаются грабежомъ, а на войнѣ каждая битва кончается тѣмъ, что насъ разбиваютъ на-голову. Какъ являются эти смутные слухи, какъ они растутъ до чудовищныхъ, до невѣроятныхъ размѣровъ.— этого никто не знаетъ, но всѣ слышатъ эти вѣсти, всѣ ихъ повторяютъ. Стоитъ какому-нибудь праздному болтуну для развлеченія общества

выдумать какую угодно нелѣпицу, ее тотчасъ же подхватываютъ, прикрашиваютъ и разносятъ по городу. Черезъ день, черезъ два самъ создатель этой новости не узнаетъ ее и повѣритъ ей, какъ ей вѣрятъ другіе. И чѣмъ страшнѣе вѣсть, тѣмъ упорнѣе держится она въ обществѣ. Запуганное воображеніе всегда преувеличиваетъ въ дурную сторону, создаетъ новые страхи. А тутъ еще въ каждомъ домѣ готовятся бинты, щиплется корпія, собирается хлѣбъ и среди всего этого, напоминающаго о голодныхъ раненыхъ и убитыхъ, являются женщины въ черномъ, въ крепѣ, въ плерезахъ. Призракъ смерти, кажется, носится въ воздухѣ.

Именно въ это время, когда послѣдній захолустенецъ узналъ, что у него есть отечество, молчавшее до этой поры общество заговорило, и заговорило крайне рѣзко, смѣло, озлобленно. Общественная бѣда была такъ близка, что никто, кажется, не думалъ о томъ, что за какую-нибудь рѣзкую фразу можно дорого поплатиться. Недовольство было всеобщее, гдѣ безсознательное, гдѣ сознательное, и никто не скрывалъ этого недовольства. Въ народѣ стали поговаривать объ освобожденіи тѣхъ, кто вступитъ въ ополченіе. Въ другихъ кружкахъ стали говорить, что надъ массою лицъ будутъ назначены слѣдствія за злоупотребленія. Разговоры вездѣ и всюду вертѣлись около общественныхъ дѣлъ, точно частная жизнь ни для кого не имѣла значенія. Въ домѣ князя Русова толки объ общественныхъ дѣлахъ приняли особенно мрачный отпечатокъ. Князь Русовъ былъ давно не у дѣлъ, давно засѣдалъ въ какихъ-то ни на что ненужныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, давно считался человѣкомъ въ опалѣ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ и потому бездѣятельность раздражала, оскорбляла его. Теперь онъ негодовалъ на эту бездѣятельность еще болѣе, видя, кого предпочитали ему. Не разъ Митя слышалъ желчныя выходки князя противъ существовавшихъ тогда порядковъ, но особенно сильно поразилъ его одинъ разговоръ.

Разъ Митя былъ на обѣдѣ у князя Русова. За столомъ собрался небольшой интимный кружокъ. Митю прежде всего удивило, что всѣ говорили исключительно по-русски, а не по-французски. Двѣ дѣвочки, дочери хозяевъ, были одѣты въ сарафанчики. Разговоръ за столомъ вертѣлся около злобы дня, войны.

— Вы видѣли государя?—спросила одна изъ обѣдавшихъ у Русовыхъ барынь, дальняя родственница князя. — Онъ на себя не похожъ. На десять лѣтъ состарѣлся.

— А кто же помолодѣлъ? — спросилъ желчнымъ тономъ князь. — Вы думаете, помолодѣли тѣ матери, у которыхъ тамъ рибнутъ послѣдніе польцы и борильцы?... Страдаютъ тысячи людей, страдаютъ всѣ, у кого еще бьется въ груди сердце!

— Но правда ли, что мы въ такомъ безнадежномъ положеніи?—спросила дама, сдѣлавшая замѣчаніе о государѣ.—Въ городѣ ходятъ такіе тревожные слухи, такія преувеличенія!

— Преувеличенія?—рѣзко сказалъ князь.—Да развѣ можно преувеличить бѣдствія, переживаемыя нами? Мы не преувеличиваемъ, а только съ ужасомъ убѣждаемся, надъ какою пропастью мы стоимъ. У насъ все сгнило, все разграблено, все запущено и нѣтъ людей, на которыхъ можно бы было положиться.

— Но неужели же точно возьмутъ Севастополь?—нервно передергивая плечами, сказала дама.

— Что значитъ Севастополь!?... У насъ Москву брали, такъ ужъ объ Севастополѣ нечего тужить, — сказалъ князь.—Дѣло вовсе не въ Севастополѣ, а во внутреннемъ положеніи Россіи, въ томъ, что будетъ послѣ войны. Мало того, что мы потеряемъ значеніе въ глазахъ Европы, мы очутимся сами, у себя дома, лицомъ къ лицу съ такими вопросами, которые рѣшимъ не скоро и не легко. Теперь уже нельзя себя обманывать и восхищаться, что у насъ все идетъ отлично, что мы можемъ жить спустя рукава. Мы остригли, когда носились слухи о затратахъ на Исаіевскій соборъ, когда толковали о постройкѣ Московской желѣзной дороги, когда открылась растрата инвалиднаго капитала. Теперь мы должны съ ужасомъ сознаться, что грабежъ шелъ повальный, вездѣ и всюду, начиная съ мелкихъ чиновниковъ и кончая высшими лицами.

Лицо князя передернулось желчной усмѣшкой.

— И все это скрывалось подъ спудомъ, все это было канцелярскою тайной, семейнымъ дѣломъ, о которомъ не смѣли толковать посторонніе,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на нѣсколько испуганное выраженіе лица своей собесѣдницы.—Посторонніе... Но развѣ есть посторонніе, когда дѣло идетъ объ обществѣ, объ отечествѣ? Я думаю, это касается насъ всѣхъ, когда кругомъ идетъ общественная неурядица, когда вездѣ существуетъ повальный грабежъ. А между тѣмъ кто говорилъ объ этомъ, тотъ былъ опаснымъ человѣкомъ, вредною личностью: ему надо было зажать ротъ, его нужно было устранить, чтобъ онъ не мѣшалъ другимъ грабить родину. Ну, вотъ мы и дождались того, что у

насъ нѣтъ ни хорошаго вооруженія, ни хорошаго продовольствія, ни талантливыхъ людей,—дождались того, что объ этомъ говорятъ не вредные, не опасные люди, а всѣ, всѣ. Ловите ихъ, зажимайте имъ рты, высылайте ихъ—эту тысячеустую толпу, эту несмѣтную массу... Въ Сибири мѣста не достанетъ.

Онъ отодвинулъ отъ себя приборъ нервнымъ движеніемъ руки.

— Что же тутъ удивляться, что государь постарѣлъ на десять лѣтъ?—проговорилъ онъ.—Вѣдь онъ все это видитъ, понимаетъ.

— Несчастный человѣкъ!—вздохнула родственница князя.

— Россія несчастная, Россія! Вотъ кто вынесъ все это и вынесетъ на своихъ плечахъ!—глухо произнесъ князь, вставая изъ-за стола, и по его серьезному лицу тихо скатилась слеза.

Митя никогда не могъ забыть этой минуты. Въ большой столовой княжескаго дома царила мрачная, гробовая тишина, всѣ точно чего-то испугались и смолкли и въ этой тишинѣ такой глубокой скорбью прозвучали слова хозяина, что они у всѣхъ отозвались болью въ сердцѣ. Митя видѣлъ много горькихъ сценъ, онъ слышалъ много горькихъ жалобъ, но никогда еще его не бросало такъ въ дрожь и въ холодъ, какъ въ эту минуту, точно предъ нимъ дѣйствительно промелькнула картина цѣлыхъ милліоновъ страдающихъ людей. Митя впервые понялъ вполнѣ ясно, что у него есть отечество—необъятное, великое, страдающее, находящееся въ опасности отечество, что это же отечество есть и у всѣхъ окружающихъ его людей, и что эти люди такъ или иначе сознаютъ свою связь съ этимъ отечествомъ. Онъ вдругъ позабылъ, что гдѣ-то въ Захолустной улицѣ у него есть ноющая семья; онъ позабылъ, что здѣсь сидитъ княгиня, страдающая отъ измѣны мужа; онъ позабылъ, что этотъ вставшій передъ нимъ баринъ, имѣя добрую жену, содержитъ любовницу, и смотрѣлъ чуть не съ благоговѣніемъ на князя,—такъ его поразилъ этотъ глубоко прочувствованный тонъ его рѣчи, вдругъ уяснившій юношѣ все, что смутно волновало его душу. Онъ порывисто всталъ изъ-за стола и, когда всѣ благодарили князя, горячо поцѣловалъ его руку. Князь удивленными глазами взглянулъ на него и увидалъ передъ собою нервное, поблѣднѣвшее лицо, съ глазами полными слезъ. Князь какъ будто угадалъ безъ словъ все, что происходило въ этой молодой, впечатлительной душѣ, взялъ за голову юношу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Вамъ, молодежи, придется много поработать и дай Богъ, чтобы вы лучше работали, чѣмъ мы,—тихо и серьезно сказалъ

князь.—Учиться надо больше, читать больше, честно относиться къ дѣлу.

Онъ взялъ одною рукою за талію юношу и, тихо распрашивая его о гимназіи, объ учителяхъ, о ходѣ его ученья, направился съ нимъ черезъ круглую и бѣлую залы въ гостиную, гдѣ обыкновенно пили послѣобѣденный кофе, когда обѣдъ происходилъ въ интимномъ кружкѣ. Княгиня не безъ удивленія взглянула на мужа и Митю, когда они вошли въ гостиную. Князь до сихъ поръ былъ привѣтливъ съ Митей, какъ отецъ со своимъ ребенкомъ, но и только. Теперь онъ шелъ съ нимъ и говорилъ серьезно, внимательно, какъ съ большимъ, повидимому, заинтересовавшись его отвѣтами.

— Какъ выросъ, какъ выросъ!—проговорилъ князь, садясь въ кресло и указывая на Митю.—Все казался мнѣ такимъ ребенкомъ, а теперь совсѣмъ взрослый...

Онъ ласково улыбался юношѣ.

— И есть огонекъ, хорошій огонекъ!—сказалъ онъ и шутливо обратился къ сконфуженному, но сіяющему отъ счастія юношѣ.—Вотъ кончишь курсъ, возьму тебя себѣ въ помощники управлять государствомъ...

Княгиня засмѣялась.

— Будущій министръ и его товарищъ!—проговорила она также шутливо.

— Кто знаетъ, кто знаетъ, до чего дойдутъ они, эти подростки!—сказалъ задумчиво князь.—Это только для насъ все кончено, только наша пѣсенка спѣта...

Онъ замолчалъ, сдвинувъ брови.

— А впрочемъ, кто знаетъ,—вдругъ произнесъ онъ, передернувъ плечами и какъ будто заканчивая вслухъ свои думы.

Въ десять часовъ вечера Митя, возбужденный, сіяющій, не слышавшій подъ собой ногъ, возвращался домой. Еще никогда въ немъ не было такого подъема духа, какъ теперь. Онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила его семья, и увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ. Онъ всмотрѣлся въ окна и увидалъ гостей, игравшихъ въ карты. Ему вдругъ представилось, какъ его встрѣтятъ: «А, нашъ князь пришелъ! Будущій генералъ пожаловалъ! О чемъ изволилъ философствовать?»... Потомъ опять послышатся: «А мы вотъ вашу даму королемъ прикроемъ, такъ тутъ ей и капутъ,—не суйся подъ короля. Съ горя развѣ хватить ерофеичу да по селедочкѣ пройтись». Онъ вдругъ быстро повернулъ назадъ. «Можетъ-быть

дядя дома», мелькнуло въ его головѣ. Онъ направился къ Лампадову, все съ тѣмъ же сіяющимъ лицомъ, все той же легкою поступью, точно онъ не шелъ, а летѣлъ надъ землею. Старикъ былъ дома и удивился позднему визиту Мити.

— Да что съ тобой?—вдругъ спросилъ онъ, взглянувъ на него.

— О, дядя, что за человѣкъ князь Русовъ!—воскликнулъ Митя восторженно.

— Ты про старика это?—спросилъ Лампадовъ.

— Да, да!... Но какой же онъ старикъ!... Развѣ такіе старики бываютъ?—сказалъ съ воодушевленіемъ Митя.

Лампадовъ усмѣхнулся.

— И то правда, гдѣ намъ такими быть?

Митя разсмѣялся и обнялъ старика.

— Ты не въ счетъ! Ты не въ счетъ!—сказалъ онъ.—Ты вѣчный ребенокъ! Но князь, князь!... Сколько въ немъ молодости, горячности, благородной жолчи!... Еслибы ты слышалъ сегодня, какъ онъ говорилъ, что говорилъ!...

Юноша съ увлеченіемъ началъ передавать все слышанное имъ сейчасъ за обѣдомъ. Лампадовъ слушалъ молча, но на его лицѣ выражалось удовольствіе. Онъ любилъ, когда хвалили князя, когда видѣли и признавали его хорошія стороны. Старику все казалось, что тутъ есть и его капля меду. Онъ, двадцатипятилѣтнимъ юношей, училъ князя, тогда еще мальчика пятнадцати лѣтъ.

— У него всегда была благородная душа и горячее сердце,—сказалъ старикъ, дослушавъ до конца восторженный разсказъ.—Еслибъ онъ захотѣлъ идти въ сдѣлки съ своею совѣстью, еслибъ онъ захотѣлъ кривить душой, онъ игралъ бы одну изъ первыхъ ролей въ государствѣ, а теперь... князь въ опалѣ, въ загонѣ... Онъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ и это едва не обошлось ему слишкомъ дорого. Его чуть не выслали изъ столицы, чуть не отдали подъ опеку!...

Старикъ началъ разсказывать юношѣ о князѣ. Это былъ благородный и умный человѣкъ; онъ много учился, много читалъ, много путешествовалъ; онъ искренне любилъ родину и желалъ ей служить; онъ ненавидѣлъ крѣпостничество и видѣлъ въ этомъ одно изъ главныхъ золъ Россіи; въ юности онъ спасся отъ каторги послѣ четырнадцаго декабря только случайно, только какимъ-то чудомъ, хотя онъ всею душой былъ преданъ тѣмъ людямъ, которые такъ дорого заплатили за свои убѣжденія. Долгіе годы опалы, службы на Кавказѣ, быть-можетъ, успѣли охладить

многіе порывы молодости въ этомъ горячемъ сердцѣ, но они не очерствили этого сердца, не истребили въ немъ любви къ человѣчеству, къ родинѣ. Старикъ Лампадовъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ горячностью о князѣ, какъ говорятъ о любимомъ и достойномъ любви сынѣ, которымъ гордятся, имѣютъ право гордиться. Старикъ не могъ удержаться даже отъ замѣчанія о томъ, что когда онъ, Лампадовъ, встрѣтился послѣ долгой разлуки съ княземъ и сказалъ ему «вы», то князь обнялъ его и спросилъ: «Развѣ ты меня уже совсѣмъ разлюбилъ?»

При воспоминаніи объ этомъ эпизодѣ у Лампадова навернулись слезы.

— Кто умѣетъ такъ любить до старости, тотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ.

Митя сіялъ, вспоминая, какъ приласкалъ и его этотъ человѣкъ. Но въ его душѣ какъ-то болѣзненно шевелился одинъ вопросъ. Онъ не выдержалъ и спросилъ старика:

— Дядя, ты знаешь, что у князя есть... содержанка?

Старикъ удивленно взглянулъ на юношу и отвѣтилъ:

— Знаю.

Отвѣтъ былъ сдѣланъ спокойно и равнодушно.

— Дядя, но какъ же,—началъ юноша.—У князя жена... Она такая милая, добрая, красавица такая...

Лампадовъ положилъ руку на его плечо и серьезно сказалъ ему:

— Ты слишкомъ молодъ, я слишкомъ старъ, не будемъ же говорить объ этомъ. Скажу тебѣ одно: не суди за это князя, не думай объ этомъ дурно, не думай объ этомъ лучше вовсе до той поры, когда тебѣ все вдругъ станетъ ясно само собой.

Лицо Мити сдѣлалось грустно. Ему такъ хотѣлось разрѣшить этотъ вопросъ, разогнать это единственное облачко, омрачавшее передъ нимъ лучезарный образъ. Лампадовъ, кажется, угадалъ это.

— Видишь ли, что,—сказалъ онъ: — у тебя нѣтъ еще ни жены, ни любовницы,—какъ же я объясню тебѣ то, что только тогда и можно понять, когда переживешь, испытаешь все это самъ?

Онъ ласково улыбнулся и замѣтилъ шутливо:

— Вонъ объясни кому-нибудь изъ постороннихъ людей, почему это молодой человѣкъ, имѣющій и сестру, и мать, и отца, идетъ чуть не ночью въ чужой домъ къ семидесятилѣтнему ста-

рику, чтобы подѣлиться съ нимъ своими радостями и сомнѣніями. Не поймутъ, голубчикъ, они этого, не поймутъ. Скажутъ, что дѣлиться радостями и сомнѣніями можно бы и дома съ кѣмъ-нибудь, а старику бы нужно и покой дать.

Митя звонко засмѣялся и обнялъ дядю.

— Ну, уйду, уйду,—сказалъ онъ.—Ловко выпроваживаешь!

— Ужь чего: уйду, уйду! Ложись здѣсь спать,—у васъ, чай, и двери на замокъ заперли...

Старикъ и юноша улеглись, но Митя еще долго не давалъ Лампадову уснуть. Наконецъ дядя замѣтилъ ему:

— Митя, попробуй, голубчикъ, минутъ пять помолчать...

— А что, дядя?

— Да я, можетъ-быть, въ это время усну, такъ тебѣ тогда будетъ удобнѣе ораторствовать...

Митя засмѣялся, перебѣжалъ босикомъ черезъ комнату, поцѣловалъ старика и быстро снова юркнулъ подъ шелковое одѣяло.

— Я, дядя, уснулъ!—крикнулъ онъ.

— Слава тебѣ Господи, завтра свѣчку въ церкви за это поставлю,—отвѣтилъ старикъ.

V.

— Ты любишь читать?—спросилъ однажды между прочимъ у Мити князь.

— О, очень!—отвѣтилъ Митя.

— И что же читалъ?

Митя перечислилъ цѣлый рядъ книгъ.

— Ого, цѣлая библіотека... романовъ! А я думалъ, что ты еще книги для дѣтей читаешь,—сказалъ князь.

— Я ихъ и прежде не читалъ никогда,—отвѣтилъ Митя.— Я больше все съ дядей читаю; споримъ, толкуемъ о прочитанномъ...

— Ну да, это его метода. Онъ такъ и меня училъ,—съ улыбкой сказалъ князь.

Митя дѣйствительно почти никогда не читалъ книгъ для дѣтей, какъ это бываетъ съ большею частью русскихъ дѣтей.

Потому ли русскія дѣти почти не читаютъ дѣтскихъ книгъ, что хорошихъ дѣтскихъ книгъ у насъ почти нѣтъ, или потому у насъ вовсе не появляются хорошія дѣтскія книги, что наши дѣти не заявляютъ на нихъ спроса—это вопросъ открытый. Но въ дѣйствительности вѣрно то, что нигдѣ не начинаютъ дѣти

такъ рано читать книги для взрослыхъ, какъ у насъ. Мы въ дѣтствѣ или не читаемъ вовсе, или читаемъ все то, что читаютъ большіе, безъ контроля, безъ разбора, безъ системы. Хорошо ли это, дурно ли, но это существуетъ. Еще менѣе дѣтскихъ книгъ было въ тѣ времена, когда пришлось расти и развиваться Митѣ; тогда не было ни Брема, ни Жюля Верна, ни Кота-Мурлыки, а существовали скучные розсказы Фурмана, Бабушкины сказки, безцвѣтные розсказни Чистякова и среди всей этой массы крайне незанимательныхъ вещей одиноко стояли Робинзонъ Крузе, да путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля. Дѣти увлекались не этими книгами: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Ложечниковъ, Загоскинъ, романы Дюма, Бальзака, Евгенія Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Теккерея—вотъ тѣ книги, которыми зачитывались дѣти. Среди этой массы романовъ прочитывались дѣтьми и серьезныя статьи въ журналахъ: Сенковскій и Бѣлинскій тѣми или другими сторонами своихъ статей увлекали дѣтей, переходившихъ въ юношество. Митя прошелъ тотъ же путь литературнаго развитія. Онъ читалъ много и прежде, но съ той поры, когда онъ тѣснѣе сошелся съ товарищами по гимназіи, страсть къ чтенію развилась въ немъ еще сильнѣе. Пылкій и увлекающійся, онъ забывалъ за книгами все окружающее и жилъ радостями и страданіями описываемыхъ героевъ. Онъ толковалъ о нихъ и спорилъ съ друзьями, съ Лампадовымъ, высказывалъ иногда по поводу книгъ оригинальныя мнѣнія. Но книгъ подъ руками, къ несчастію, было мало. Только послѣ памятнаго для него разговора съ княземъ для его любознательности открылась богатая сокровищница литературы. Князь предложилъ ему пользоваться своей библіотекой. Митя со всѣмъ увлеченіемъ страстнаго чтеца воспользовался этимъ предложеніемъ и поглощалъ одну книгу за другой, чуть не забывая изъ-за нихъ своихъ учебныхъ занятій. Его умственный ростъ пошелъ быстро. Иногда онъ бралъ книги на домъ, иногда, начавъ выбирать книгу, перелистывая ея страницы, онъ забывался и засиживался въ библіотекѣ князя по цѣлымъ часамъ. Въ этой огромной комнатѣ, примыкавшей къ кабинету князя, царила всегда невозмутимая тишина и Митя полюбилъ это затишье. Князь нерѣдко заставалъ его здѣсь и, тихо, стараясь не развлекать его, бралъ какую-нибудь газету или журналъ и выходилъ изъ комнаты. Разъ какъ-то, замѣченный Митей, онъ разговорился съ нимъ о книгахъ и спросилъ, какого автора особенно любитъ юноша.

— Диккенса,—отвѣчалъ Митя.

— Да?... Но почему же именно его?—спросилъ князь.

— Онъ болѣе всего волнуетъ меня. Онъ такъ горячо, съ такою любовью описываетъ сцены изъ жизни бѣдныхъ и несчастныхъ людей, что я какъ будто страдаю и плачу вмѣстѣ съ ними.

— А ты читалъ «Шинель» Гоголя и «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго?—спросилъ князь.

— Читалъ,—отвѣтилъ Митя.

— Ну, и что же? — спросилъ князь. — Тутъ тоже много искренней и горячей любви къ бѣднякамъ.

— О, да! Но у Диккенса шире захватъ. Тамъ—не изображеніе отдѣльныхъ забитыхъ личностей, вырванныхъ изъ жизни, а вся сложная путаница жизни.

— А, ты вотъ какъ смотришь!—сказалъ князь, внимательно всматриваясь въ него.

— Я жизнь бѣдняковъ знаю хорошо, по опыту,—продолжалъ юноша, увлекаясь своей мыслью,—но, только читая Диккенса, я понялъ вполнѣ всѣ отношенія другихъ людей къ бѣднякамъ, всѣ условія, окружающія бѣдняковъ... Скажите, Александръ Владиміровичъ,—вдругъ спросилъ онъ, перемѣняя тонъ,—меня давно мучитъ этотъ вопросъ: есть ли такія книги, гдѣ бы указывались средства для избавленія людей отъ нищеты, отъ всѣхъ этихъ страданій? Вѣдь не вѣчно же это должно быть?

Князь улыбнулся.

— А, ты вотъ что хочешь знать!—сказалъ онъ.—Къ несчастію, такихъ книгъ нѣтъ. Правда, есть книги,—у меня въ библіотекѣ ты ихъ найдешь, хотя многихъ изъ нихъ и нѣтъ въ продажѣ,—есть книги, говорю я, гдѣ болѣе или менѣе научно указывается на причины бѣдности, несчастій, страданій людей, но и только...

— О, этого же вполнѣ достаточно!—воскликнулъ Орловъ.—Если знаешь причины, то ихъ можно удалить.

— Какими средствами?—спросилъ князь.—Причины гораздо легче найти, чѣмъ средства для удаленія этихъ причинъ. Правда, разныхъ теорій и утопій для спасенія людей создавалось много, но всѣ онѣ разлетались въ прахъ, какъ только ихъ примѣняли къ дѣйствительности...

— Такъ неужели же это такъ и будетъ вѣчно, вѣчно?—воскликнулъ Орловъ.

— Вѣчно? Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ, — въ раздумьи сказалъ князь.—Прогрессъ къ лучшему во всякомъ случаѣ существуетъ, мы должны по крайней мѣрѣ вѣрить въ него, въ противномъ случаѣ оставалось бы только пустить пулю въ лобъ или сдѣлаться тунеядцами, такъ какъ если его нѣтъ и не можетъ быть, то стоитъ ли жить и стоитъ ли работать, когда эта работа—вертенье бѣлки въ колесѣ?... Нѣтъ, прогрессъ есть, долженъ быть. Но гдѣ его границы, до какой степени онъ можетъ улучшить положеніе людей—это все открытые вопросы.

— Вы много, много, должно-быть, читали! — въ наивномъ увлеченіи воскликнулъ Митя.

Князь усмѣхнулся.

— Далеко не столько, сколько бы нужно. Служба, практическая дѣятельность отнимаютъ всегда слишкомъ много времени у чтенія. Вотъ почему нужно въ юности запасаться этимъ сокровищемъ, пока еще можно забываться надъ книгой, вотъ такъ, какъ ты. Къ несчастію, не всѣ юноши это понимаютъ,—есть и такіе, которые и одного пустенькаго романа въ годъ не осилятъ...

Въ голосѣ князя Митѣ послышалась грустная нота. Митя не могъ понять причины этой грусти.

— Однако, мы заболтались съ тобой,—съ улыбкой сказалъ князь и направился къ выходу; но, дойдя до дверей, онъ что-то вспомнилъ и обернулся:—Вотъ ты хотѣлъ съ серьезными книгами познакомиться. Возьмись за исторію. Тамъ есть исторія Франціи Мишле, Тьера, Луи Блана; найдешь Руссо, Вольтера и Гельвеція изъ старыхъ авторовъ. Сначала, можетъ-быть, покажется трудно, но попробуй...

Онъ назвалъ Орлову еще нѣсколько громкихъ именъ и знаменитыхъ произведеній западноевропейскихъ литературъ и ушелъ. Дней черезъ пять онъ мелькомъ спросилъ у Мити, взялъ ли онъ что-нибудь изъ серьезныхъ книгъ. Орловъ сказалъ, что онъ взялъ «Essais sur les moeurs» Вольтера.

— Понимаешь?—спросилъ князь.

— Да, это такъ ясно написано,—сказалъ Орловъ.

— И не скучно?

— О, напротивъ, напротивъ!

Князь привѣтливо улыбнулся ему.

Между ними незамѣтно установился мало-по-малу обмѣнъ мыслей. Юноша спрашивалъ у князя совѣтовъ, разъясненій; князь

очень охотно удовлетворялъ его желанія. Митя ясно видѣлъ, что это была не простая, свойственная князю, любезность, а искреннее сочувствіе и любовь къ нему. Князь нерѣдко замѣчалъ, что онъ выше всего цѣнитъ въ человѣкѣ стремленіе къ развитію, къ самообразованію, къ знанію.

— Добрыхъ и честныхъ людей на свѣтѣ не мало, но иногда добрый и честный человѣкъ остается совершенно безполезнымъ или дѣлается даже вреднымъ только потому, что его умъ неразвитъ,—говорилъ онъ между прочимъ.—Чѣмъ полнѣе и разностороннѣе умственное развитіе человѣка, тѣмъ плодотворнѣе могутъ быть его доброта и честность. Однихъ добрыхъ инстинктовъ и добрыхъ намѣреній недостаточно,—не даромъ же говорится, что добрыми намѣреніями адъ вымощенъ...

Митя всегда засматривался на князя. Князь говорилъ плавно, ровно, спокойно, не торопясь и не повышая голоса, какъ человѣкъ, привывшій къ тому, что его не перебьютъ и что ему не нужно прибѣгать ни къ какимъ внѣшнимъ эффектамъ, чтобы выразить свои ясные и опредѣленные взгляды или даже заставить себя слушать. Тутъ были замѣтны тактъ и самообладаніе опытнаго свѣтскаго человѣка, крупнаго барина, вѣчнаго члена комитетовъ и разныхъ коммиссій. Только иногда въ его рѣчахъ звучали нотки скрытой желчи и горькой иронiи. Митя съ нѣкоторыхъ поръ хорошо узналъ эти нотки. Какъ-то при немъ княгиня явилась къ обѣду изъ засѣданія благотворительнаго дамскаго общества, гдѣ она была предсѣдательницей. Князь спросилъ:

— Ну, окончили ваши занятія? Много ли украдено изъ кассы?

— Ничего не украдено,— отвѣтила княгиня. — Почему это тебѣ кажется, что наши кассы всегда должны обворовываться?

Князь усмѣхнулся.

— Для чего же онѣ и существуютъ, какъ не для того, чтобы могли грабить ловкіе люди?— отвѣтилъ онъ. — Вѣдь не для спасенія же бѣдняковъ отъ нищеты грошовыми подачками.

— Князь, вы неисправимы!—со смѣхомъ замѣтила одна изъ присутствовавшихъ за обѣдомъ барынь. — Вѣчно остаетесь непримиримымъ врагомъ филантропіи.

— Вы думаете? — вопросительно сказалъ князь и пожалъ плечами.—Впрочемъ, можетъ-быть, оно и такъ, можетъ-быть, я и врагъ филантропіи. Это, вѣроятно, потому, что мнѣ приходится слишкомъ часто читать письма моихъ управляющихъ.

— А при чемъ же тутъ управляющіе?—спросила барыня съ улыбкой.

— Все вотъ пишутъ то о неурожаяхъ, то о пожарахъ, то о рекрутчинѣ,—сказалъ князь и что-то ѣдкое зазвучало въ его голосѣ,—а мы вотъ тутъ требуемъ съ этихъ нищихъ и голодныхъ побольше оброка, чтобъ имѣть возможность спасти тремя рублями отъ бѣдности какую-нибудь черносалопницу...

Барыня презрительно передернула плечиками.

— Я думаю, и безъ филантропіи они должны были бы платить оброки,—проговорила она.

— О, конечно, конечно,—согласился князь:—у насъ столько своихъ собственныхъ потребностей и нуждъ!...

Въ другой разъ Митя подмѣтилъ въ голосѣ князя какую-то горечь, какую-то грусть. Князь распрашивалъ сына объ училищѣ, о занятіяхъ. Молодой князь Русовъ, сильно выросшій и пополнѣвшій за послѣднее время,—отвѣчалъ лѣниво и нѣсколько апатично на вопросы отца, какъ отвѣчаютъ люди, когда съ ними говорятъ о надоѣвшемъ имъ предметѣ. Изъ его отвѣтовъ трудно было уловить, что его занимаетъ, что его интересуетъ.

— Баклуши вы тамъ бьете больше, какъ кажется,—замѣтилъ старикъ.

— У насъ очень много занятій, — отвѣтилъ коротко сынъ.

— Которыя исполняются спустя рукава,—замѣтилъ отецъ.

— Я иду однимъ изъ первыхъ,—такъ же коротко отвѣтилъ сынъ.

Отецъ усмѣхнулся.

— Еще бы! Надо же поскорѣе дотянуть скучную лямку,—сказалъ онъ.

— Я и не спорю, что это скучно,—сухо отвѣтилъ сынъ.

Орловъ вдругъ вспомнилъ слова молодаго князя Русова о томъ, что отецъ не любитъ его. Митѣ показалось теперь, что это было дѣйствительно такъ.

Въ этотъ же день князь долго говорилъ съ Орловымъ о его занятіяхъ и не безъ удивленія замѣтилъ ему:

— Но ты же утомляешься должно-быть очень сильно: учишься, даешь уроки и еще столько читаешь,—это не легко.

— Я здоровъ,—отвѣтилъ Митя.—Да иначе и нельзя мнѣ. Учиться надо; уроки даю потому, что деньги нужны; ну, а чтеніе — это ужь отдыхъ. До прошлаго года денегъ меньше было

нужно, а теперь самъ не знаю, куда уходятъ, а все-таки уходятъ. Еще скверная привычка привилась — курить сталъ.

— А за уши за это не дерутъ дома?—разсмѣялся князь.

— Нѣтъ, я вѣдь потихоньку, — сказалъ Митя шутливо. — Вѣдь все дурное потихоньку дѣлается...

— Ну, вотъ подожди, я когда-нибудь выведу тебя на свѣжую воду,— пошутилъ князь.

Онъ говорилъ съ нимъ какъ съ сыномъ, тогда какъ съ сыномъ онъ говорилъ какъ съ чужимъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Мити. Не ускользнуло отъ его вниманія и то, какъ холодно относился молодой Русовъ къ отцу. Между ними, казалось, не было ничего общаго: старикъ былъ оживленъ, дѣятеленъ и мужественно твердъ и стоекъ, а юноша былъ нѣсколько рыхлъ, апатиченъ и женственно изнѣженъ. Отецъ былъ добръ и снисходителенъ къ людямъ, какъ человѣкъ много вынесшій, много видѣвшій, много думавшій и читавшій,— онъ былъ безпредѣльно добръ и снисходителенъ, зная, что люди нуждаются въ его добротѣ и снисходительности; сынъ, казалось, былъ мягокъ и добродушенъ по слабости, по безхарактерности,—ему какъ будто было лѣнь быть злымъ, онъ какъ будто брезгливо относился къ злобѣ. Они походили на дубъ, выросшій и окрѣпшій на чистомъ воздухѣ, согрѣтый солнцемъ и поборовшійся съ бурями, и на тропическое растеніе, выхоленное и изнѣженное въ теплицѣ, слишкомъ сочное и слишкомъ хрупкое для борьбы со стихіями, съ морозами и бурями не тепличной жизни. Митя начиналъ понимать именно такъ различіе между отцомъ и сыномъ и совершенно иначе относился къ тому и другому: онъ благоговѣлъ передъ старикомъ, онъ дорожилъ каждымъ его совѣтомъ, каждымъ замѣчаніемъ; на своего юнаго друга онъ смотрѣлъ какъ на ласковаго ребенка, съ которымъ было бы жалко быть рѣзкимъ, котораго нужно было приголубливать, которому нужно было прощать многое, чтобы не огорчать его слишкомъ чувствительнаго сердца.

Распрашивая Митю о занятіяхъ, старый князь между прочимъ спросилъ его:

— Ты хорошо пишешь?

— Такъ себѣ, почеркъ не дуренъ,— отвѣтилъ Митя.

— Нѣтъ, я не о почеркѣ, а объ слогѣ?—спросилъ князь.

Митя немного покраснѣлъ.

— Меня сочинителемъ зовутъ въ гимназіи,— отвѣтилъ онъ.

— Вѣрно стишки пописываешь?— улыбнулся князь.

— Грѣшу и стихами,—весело сказалъ Митя.—Но и прозой начинаю порядочно владѣть.

— Ну, и отлично,— сказалъ князь. — Вотъ выйдешь изъ гимназіи, поступай ко мнѣ въ домашніе секретари. Это будетъ лучше, чѣмъ бѣганье по урокамъ. У меня много дѣловой переписки съ моими управляющими, по разнымъ коммиссіямъ и комитетамъ. Мнѣ нуженъ толковый и неглупый помощникъ.

Лицо Мити засіяло отъ радости и гордости: ему было очень пріятно, что князь признаетъ его толковымъ и неглупымъ человѣкомъ. Онъ теперь еще упорнѣе готовъ былъ приняться за ученье, чтобы только не прорваться на экзаменахъ и начать новую жизнь. Будущее ему улыбалось, и онъ часто задумывался о томъ, какой онъ счастливчикъ, какой онъ удачникъ.

Осенній день вечерѣлъ, когда юноша вышелъ изъ княжескаго дома. Багровые лучи заходящаго солнца гасли, отражаясь на куполахъ церквей, въ окнахъ верхнихъ этажей высокихъ каменныхъ домовъ. По улицамъ гремѣли экипажи, толкался народъ. Митя шелъ не спѣша; ему дышалось легко, его душа была въ праздничномъ настроеніи. Ему не хотѣлось идти домой, ему хотѣлось подольше подышать свѣжимъ воздухомъ, помечтать одному, на свободѣ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ тише и тише дѣлалось вокругъ него. Громъ колесъ, говоръ народа оставались гдѣ-то позади, доносились какъ рокотъ стихавшаго моря. Каменные дома стали смѣняться деревянными, потянулись, наконецъ, заборы, тротуары смѣнялись мостками, каменная и торцовая мостовыя—пыльною мягкою дорогой и кое-гдѣ начали раздаваться звуки гармоникъ. Онъ дошелъ до родного захолустья. Изъ домовъ слышались визгливые звуки пилъ, мѣрные удары кузнечныхъ молотовъ, гдѣ-то пощелкивалъ ткацкій станокъ. На встрѣчу стали попадаться закопченые, вымазанные сажей фабричные и мастеровые, на пыльныхъ улицахъ играли полуголые ребятишки, въ трактирахъ играла машина, въ кабакахъ слышалось пѣніе, раздавалась брань. Въ умѣ Мити вдругъ промелькнула мысль: «вотъ моя колыбель, вотъ моя родина». И цѣлая вереница образовъ, событій, сценъ пронеслась въ его воображеніи. Чего онъ здѣсь ни насмотрѣлся, чего онъ здѣсь ни пережилъ! Сколько чужихъ мукъ видѣлъ онъ, сколько слезъ пролилъ онъ самъ!... Вотъ встала передъ нимъ картина пожара: плачъ матери, болѣзнь дѣда, тихая скорбь сестры, молчаливый загулъ отца, лишенія и тоска подвальной жизни. «Каторжная жизнь, каторжная жизнь!»—звучали

въ его ушахъ слова его близкихъ. Но вотъ другая картина смѣняетъ въ его воображеніи картину этой каторжной жизни: онъ видитъ темный уголъ, на полу, на какомъ-то ворохѣ тряпья умираетъ полунагая женщина и точно волчата жмутся въ углу пятеро ребятъ: это тетка Дарья умираетъ, это ея дѣти, босыя и нагія, жмутся въ углу. Какъ же назвать эту жизнь? Каторжникамъ, должно-быть, легче живется, чѣмъ жилось этой несчастной мученицѣ. У нихъ хотя есть вѣрный уголъ, вѣрный кусокъ хлѣба. Среди такой жизни люди совершаютъ преступленія, чтобы попасть на каторгу. Что будетъ съ ея дѣтьми—злыми, дикими, испорченными? Настю берутъ въ домъ тетки, потому что она можетъ уже быть помощницей, а остальныхъ разсовываютъ по пріютамъ,—пусть хоть сыты да въ теплѣ будутъ, пока не будутъ въ состояніи добывать хлѣбъ. Чѣмъ они будутъ добывать хлѣбъ, какимъ трудомъ? Ихъ ничему почти не учатъ, ихъ только поятъ и кормятъ до поры до времени—вотъ и все, и никто не задумывается надъ вопросомъ: а что будетъ дальше? И до того ли этому голодному трудовому люду... Ну, подрастутъ, пойдутъ въ услуженіе, пристроятся въ мастерскія, въ чернорабочіе на фабрику или на заводъ, станутъ заработывать гроши, нить съ горя, а тамъ и смерть придетъ. «Братецъ, а я съ вами!... Я безъ васъ, братецъ не останусь»—раздался въ ушахъ Мити знакомый голосъ бѣднаго идіота Лёши и въ головѣ юноши зароились мысли о томъ, что будетъ съ этимъ несчастнымъ созданіемъ, гдѣ преклонитъ оно въ будущемъ голову, какъ будетъ жить среди чужихъ, грубыхъ и озлобленныхъ людей. «Голь, голь перекатная, съ проклятьемъ рожденная, съ проклятьемъ умирающая», мелькало въ головѣ Мити, и онъ чувствовалъ, что его сердце полно глубокой, безграничной жалости къ этой голи, изъ которой онъ вышелъ самъ, съ которой онъ еще не утратилъ связи, которая еще любитъ его, Орлихинскаго Митю. Ему вдругъ вспомнился «Ершъ» — пятнадцатилѣтній мальчуганъ-сапожникъ, съ волосами стоявшими щетиной, съ запачканнымъ лицомъ, съ грубыми руками, съ вѣчнымъ запахомъ кожи и вара; этотъ «Ершъ» ублажалъ разъ, какъ добрая нянька, расквасившаго себѣ лобъ Митю, взявъ его на руки и гладя его мозолистою рукой по головѣ; а этотъ «Ершъ» считался уже и развратнымъ, и пьянюшкой, и всѣ говорили про него, что не было такой колодки, которую не обколотили бы объ его голову. Потомъ ему вспомнился другой образъ привезеннаго изъ деревни мальчугана, отданнаго

въ ученье къ мѣднику. Мать этого мальчугана говорила, что тамъ, въ деревнѣ, у нихъ и холодно, и голодно, и управитель—живодеръ. Этотъ мальчуганъ, тихій и робкій, поучился годъ-два у мѣдника, все блѣднѣя, все хирѣя, и вдругъ его нашли повѣсившимся въ чуланѣ. Видно, хорошо тоже жилось!... Передъ Митей воскресли внезапно его младенческія грезы: «Когда я буду генераломъ, я всѣхъ, всѣхъ бѣдныхъ сдѣлаю счастливыми!» Эти планы могли зародиться только въ головѣ ребенка, много вынесшаго горя, много видѣвшаго страданій. «О, еслибъ я хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь могъ сдѣлать для нихъ!»—думалъ теперь юноша. И все выше, все выше дѣлалось его душевное настроеніе, все горячѣе становились его честныя стремленія и желанія. Ему хотѣлось теперь дать громко торжественную клятву передъ людьми и передъ Богомъ, что онъ вѣчно, вѣчно будетъ слугой и защитникомъ этой голи.

— Накажи меня,—накажи, какъ хочешь,—Господи, если я когда-нибудь забуду свое обѣщаніе!—шепталъ онъ.—Эти люди дали мнѣ все, любили меня, учили меня, жалѣли меня. Не будь ихъ, не понялъ бы я, что значитъ любовь къ ближнимъ, страдающимъ и голоднымъ ближнимъ!...

И ему, восторженному и страстному, казалось, что Богъ именно для того и спасъ его, чтобъ онъ могъ быть защитникомъ и ходатаемъ этихъ страждущихъ людей. Да, онъ былъ избранникъ Божій,—Богъ не даромъ спасъ его, научилъ его, открывалъ ему широкій путь. Онъ, этотъ всемогущій Богъ, отмѣтилъ его среди тысячей погибшихъ людей, сдѣлалъ своимъ избранникомъ и возложилъ на него великую миссію служить этой голи, быть ея Моисеемъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

На дворѣ стоялъ холодный, но ясный февральскій день. Весь Петербургъ былъ уже съ утра на ногахъ. Сотни каретъ неслись по улицамъ, увозя нарядныхъ дамъ въ дорогихъ русскихъ костюмахъ и мужчинъ въ блестящихъ военныхъ и статскихъ мундирахъ. По тротуарамъ и по срединѣ улицъ шли массы простаго народа съ возбужденными лицами, съ смутнымъ говоромъ о со-

бытіи дня. Все это стремилось по одному направленію, точно гонимыя вѣтромъ волны. Около Зимняго дворца стеченіе народа и экипажей было страшное, необычайное. Въ толпѣ толковали, что наканунѣ хотѣли разорвать и убить какого-то хромоногаго господина, принятаго чернью за доктора Мандта; въ другихъ группахъ повѣствовали, что за нѣсколько дней во дворцѣ къ Государю являлся неизвѣстно откуда пришедшій монахъ, въ которомъ царь узналъ преподобнаго Сергія; далѣе разсказывали, что въ послѣднее время надъ дворцомъ появился громадныхъ размѣровъ филинъ и было небесное знаменіе, не предвѣщавшее добра. Народъ тѣснился на площади, смотря на окна нижняго этажа дворца, гдѣ царствовала полнѣйшая тишина, тогда какъ въ окнахъ средняго этажа мелькали нарядныя одежды знати, камергеровъ, генералитета, придворныхъ слугъ въ чулкахъ и башмакахъ. Тамъ тоже люди сходились въ группы, толковали, задавали вопросы о будущемъ. Возбужденіе было всеобщее: одни ждали себѣ повышеній, другіе видѣли свое близкое паденіе; всѣ сознавали, что будетъ во всякомъ случаѣ что-нибудь новое. Волненія и ожиданія были не только здѣсь, но и во всемъ городѣ, во всѣхъ уголкахъ Россіи, куда только дошла вѣсть о совершившемся событіи. Орловъ, узнавъ облетѣвшую весь городъ новость, зашелъ къ Русовымъ и засталъ у княгини, чувствовавшей себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровой, цѣлую группу дамъ, окружившихъ князя Александра Владиміровича. Князь, только-что возвратившійся домой, былъ въ полной парадной формѣ. Выраженіе его лица было какое-то свѣтлое, сіяющее, возбужденное; онъ точно помолодѣлъ на десять лѣтъ.

— Ты уже изъ дворца?—спросила поспѣшно княгиня и поднялась съ мѣста, идя къ нему на встрѣчу.

Бывшія у нея въ гостяхъ дамы тоже сразу поднялись со своихъ мѣстъ и торопливо окружили князя.

— Ну, что, видѣли государя?—раздались вопросы.—Разсказывайте, разсказывайте!

— Видѣлъ, имѣлъ счастіе говорить,—проговорилъ князь.— Все тотъ же очаровательный, мягкій и добрый человѣкъ! Всѣ обворожены имъ, всѣ надѣются на лучшій исходъ дѣлъ. Я давно не былъ свидѣтелемъ такого праздничнаго настроенія. Главное— важно то, что въ него всѣ вѣрятъ, не могутъ не вѣрить. Это великое предзнаменованіе.

Князь былъ взволнованъ и говорилъ быстро, отрывисто.

— Вы думаете, что мы прекратимъ войну? — послышались вопросы.

— Россія нуждается въ мирѣ и миръ недалекъ,—отвѣтилъ князь. — Это сознаніе носится въ воздухѣ, это слышится изъ всѣхъ устъ. Конечно, сразу этого нельзя сдѣлать.

— Но какихъ уступокъ, какихъ жертвъ это будетъ стоить!— воскликнулъ кто-то.

— Никакія жертвы не будутъ велики въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть выиграно прекращеніемъ этой несчастной войны,—сказалъ князь.

— Ахъ, именно несчастной! — послышалось чье-то восклицаніе.

— И для чего ее начали!—замѣтилъ кто-то.

— Ну, да теперь, слава Богу, все кончится, все затихнетъ... Но разскажите же про пріемъ... Кто былъ, что говорили...

Князь началъ передавать мелкія подробности, мелкія замѣчанія насчетъ всего того, чего онъ былъ свидѣтелемъ во дворцѣ въ это памятное утро.

Это было 19-го февраля 1855 года.

Всѣ усѣлись, но князь не садился и, несмотря на присутствіе дамъ, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, не имѣя силъ и не стараясь подавить свое волненіе. Иногда онъ останавливался на минуту, передавалъ какую-нибудь подробность, высказывалъ какое-нибудь замѣчаніе и потомъ снова начиналъ ходить изъ угла въ уголъ. Въ немъ словно все перевернулось внутри, все давно улегшееся пробудилось, забродило снова. На его лицо не набѣгало ни одной тѣни; въ его рѣчахъ не звучало ни одной нотки сомнѣнія или опасеній.

— Видѣли вы графа Клейнмихеля?—спросила его одна изъ дамъ.

— Царство Клейнмихелей прошло,—къ чему же отыскивать ихъ?—съ усмѣшкой отвѣтилъ князь.

— Вы думаете, будутъ большія перемѣны въ личномъ составѣ управленія?—спросили его.

— Да развѣ въ этомъ можно сомнѣваться?... Перемѣны будутъ во всемъ—и въ лицахъ, и въ формахъ, а главное, главное—то, что мы будемъ разбирать не чужія дѣла, а свои, свою крышу станемъ чинить...

Онъ опять заговорилъ о необходимости преобразованій, нововведеній, перестройки.

Орловъ любовался имъ, видя его впервые въ такомъ возбужденномъ состояніи, съ такимъ приливомъ бодрыхъ силъ и смѣлыхъ надеждъ. Князь, разсказывая и разсуждая, не скоро замѣтилъ юношу. Наконецъ, онъ какъ-то случайно взглянулъ на него и привѣтливо кивнулъ ему головой съ ласковой улыбкой.

— Вотъ счастливцы—эта молодежь. Имъ придется больше увидѣть, чѣмъ намъ, старикамъ,—сказалъ онъ весело, указывая головой на Митю.

Всѣ обернулись въ сторону Орлова, какъ будто до этой минуты его никто и не замѣчалъ. Одна изъ дамъ даже поднесла къ глазамъ лорнетъ, разсматривая этого неизвѣстнаго ей молодого человѣка, какъ какую-то интересную букашку.

— Да, мы наканунѣ великихъ событій. Иначе не можетъ быть, иначе нельзя,—продолжалъ князь.—Эта молодежь переживетъ великую эпоху. Дай Богъ, чтобы только изъ нея вышло побольше честныхъ работниковъ. Государю нужны помощники, нужны умы и руки. Одинъ онъ ничего не можетъ. Дѣло слишкомъ сложно и велико, чтобы справиться съ нимъ безъ помощниковъ. Въ послѣдніе годы мы увидали, убѣдились на опытѣ, какъ мало у насъ было надежныхъ людей. Нужно побольше патріотизма, побольше гражданскихъ чувствъ, чтобы спасти Россію отъ старыхъ язвъ.

И опять князь заговорилъ о томъ, что впереди все свѣтло, что всѣ глядятъ на будущее съ упованіемъ, что у всѣхъ замѣчается какой-то особенный подъемъ духа.

Онъ былъ правъ. Общество, утомленное неудачною, несчастною, непопулярною войной, жаждало мира, жаждало обновленія. Уже лѣтъ семь настроеніе общества все болѣе и болѣе омрачалось, принижалось, дѣлалось нестерпимымъ. Всѣмъ какъ будто было душно, всѣ какъ будто стремились куда-то вырваться на свѣжій воздухъ. По рукамъ въ извѣстныхъ кружкахъ ходило болѣзненно-страстное, похожее на раздирающій вопль, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; тайкомъ переходила изъ рукъ въ руки первая изданная за границей книга Герцена, полная отчаянья и пессимизма; шепотомъ всюду передавались разсказы о какихъ-то таинственныхъ явленіяхъ и пророчествахъ, предрекавшихъ близость переворота; крупныя дѣла по расхищеніямъ казенныхъ суммъ, дѣла Политковскаго, Тришатнаго, Костылева занимали всѣхъ и всѣ знали, что въ эти дѣла замѣшаны сотни лицъ; толки о затратахъ на постройку Московской желѣзной дороги, Исакія, Благовѣщенскаго

моста принимали размѣры фантастическихъ басенъ; каждое пораженіе на поляхъ битвъ вызывало смутные слухи объ измѣнѣ, предательствѣ, подкупѣ; въ народѣ то и дѣло возникали слухи объ освобожденіи на волю крестьянъ,—слухи, пугавшіе многихъ,— и рядомъ со всѣмъ этимъ бдительность третьяго отдѣленія и строгость цензуры доходили до послѣдней степени напряженія, такъ что вездѣ и всюду ходили анекдоты то о цензорѣ, запретившемъ въ поваренной книгѣ фразу «вольный духъ», то о приказаніи скрѣплять цензорскою подписью «транспаранты», то о какой-нибудь гувернанткѣ господъ Моисеевыхъ, высѣченной въ третьемъ отдѣленіи за то, что она разсказывала, какъ къ одной высокопоставленной личности голубь носитъ любовныя письма. Все это разсказывалось таинственно и потому все это преувеличивалось. Толкамъ не было конца. Напряженное ожиданіе чего-то новаго, какой-то перемѣны носилось въ воздухѣ, когда наступило начало новаго царствованія. Теперь вдругъ у всѣхъ на языкѣ зазвучало слово: «миръ, миръ», какъ будто всѣ сознавали, что надо пожертвовать всѣмъ, только бы отдаться заботамъ о внутреннемъ устройствѣ Россіи, а не какимъ-то мечтамъ о первенствующемъ политическомъ значеніи ея въ Европѣ. Правда, миръ былъ вовсе не такъ близокъ, какъ многіе думали; но всѣ понимали, всѣ знали, что онъ неизбѣженъ, что онъ необходимъ. Ни для кого не было тайной, что у насъ въ застоѣ торговля, что у насъ разстроены финансы, что у насъ нѣтъ людей. Никогда еще не проявлялось въ такой силѣ самобичеваніе и самообличеніе, въ какой оно сказывалось теперь: въ арміи среди офицерства слагались не пѣсни о томъ, какъ «Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки», а «какъ восьмаго сентября мы за батюшку-царя отъ французъ ушли». Въ обществѣ уже говорили не о томъ, что «мы ихъ шапками закидаемъ», но о томъ, что «отчего это у нихъ, у враговъ, и желѣзная дорога тотчасъ появилась, и ружья лучше, и продовольствія больше». Все, что черезъ два года начало появляться въ литературѣ, теперь носилось въ воздухѣ, передавалось изъ устъ въ уста. Общество жило наканунѣ появленія «Искры», стиховъ Розенгейма, Курочкина, лучшихъ произведеній Некрасова, «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, обличительной литературы, статей объ откупѣ, критики Добролюбова и Чернышевскаго. Рядомъ съ этимъ шли исканія человѣка,—исканія, выразившіяся потомъ въ литературѣ статьями Пирогова о томъ, что надо прежде всего воспитать изъ ребенка че-

ловѣка, комедіями Львова и графа Соллогуба съ добродѣтельными чиновниками, исправниками и становыми, страстными стихами Некрасова о поэтѣ-гражданинѣ, стихами Никитина о томъ, что «мертвые въ гробѣ почили—дѣло настало живымъ». Казалось, на общество подулъ предъ разсвѣтомъ освѣжающій вѣтеръ давно ожидаемаго дня. Сумерки еще не разсѣялись, но всѣ чувствовали, что утро близко. Тутъ были и послѣднія опасенія, и первыя надежды; одни и тѣ же люди, подобно человѣку народа, Никитину, и высказывали боязнь передъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ людей, и восторженно пророчили, что мы двинемся бодро впередъ. Впереди всѣхъ другихъ вопросовъ стояли два главные вопроса: вопросъ о мирѣ и вопросъ о крестьянахъ. Ни тотъ, ни другой не были еще затронуты правительствомъ, не обсуждались гласно; но всѣ ясно или смутно предчувствовали, что ихъ вотъ-вотъ затронутъ не сегодня, такъ завтра. Этого завтра ждали лихорадочно, иногда раздражаясь, что этотъ день не наступалъ сразу. Войну продолжать было невозможно; вопросъ о крестьянахъ обойти было трудно. Правда, Севастополь еще держался, а новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ къ губернскимъ дворянскимъ предводителямъ писалъ, что повелѣно ненарушимо хранить права, дарованныя дворянству. Но всѣ знали, что Севастополь долженъ пасть и что затягивать войну далѣе нелѣпо; ни для кого не было тайной и то, что уже въ 1854 году и въ январѣ 1855 года въ народѣ по поводу ополченій стали ходить упорные слухи, что помѣщичьи крестьяне, идущіе добровольно въ ополченіе, получатъ непремѣнно свободу. Впрочемъ, положительнаго не было сдѣлано еще ничего, если не считать смѣны нѣкоторыхъ непопулярныхъ лицъ и замѣны ихъ новыми; въ обществѣ были только радостныя ожиданія и пугливыя тревоги. Это томительное состояніе ожиданія чего-то неизвѣстнаго усиливалось еще болѣе всеобщимъ трауромъ, отсутствіемъ развлеченій, прекращеніемъ театральныхъ представленій, музыки, баловъ.

— Мы постимся, говѣемъ и каемся въ старыхъ грѣхахъ передъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ,—говорилъ князь Русовъ, когда его спрашивали о новостяхъ.

Но онъ былъ бодръ и веселъ. Онъ получилъ новое, довольно видное, назначеніе и чувствовалъ, что для него снова наступаетъ пора дѣятельности, что его не обойдутъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, а можетъ-быть и при разрѣшеніи многихъ другихъ вопросовъ. Онъ работалъ теперь много. Кромѣ служебныхъ

занятій у него была большая переписка по дѣламъ, касавшимся его помѣстій.

Орловъ, кончившій гимназическое ученье и поступившій уже въ университетъ, мало-по-малу сдѣлался правою рукой князя. Онъ теперь ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ князя, работая съ нимъ, перечитывая приходившія къ нему отъ управляющихъ и старостъ письма и отвѣчая на нихъ согласно инструкціямъ князя. Князь былъ имъ доволенъ. Иногда, уставъ работать, князь закуривалъ сигару и начиналъ бесѣду съ юношей. Онъ говорилъ съ нимъ какъ съ сыномъ, какъ съ молодымъ любимчикомъ, отъ котораго ожидаютъ многаго, котораго хотятъ поставить на хорошую дорогу. Ему нравилась воспріимчивость этого молодаго ума, преданность этого пылкаго сердца. Князю хотѣлось сдѣлать изъ юноши выдающагося человѣка, полезнаго дѣятеля. Орлову иногда казалось даже странно, почему князь всегда такъ сдержанъ съ женою, всегда такъ холоденъ съ сыномъ, а съ нимъ нѣженъ, мягокъ и ласковъ, точно онъ, Орловъ, ему и ближе, и дороже ихъ. Орлову иногда смутно казалось, что тутъ кроется какая-то глубокая семейная драма. Но, бесѣдуя съ юношей обо всемъ, князь почти никогда не занимался ни о женѣ, ни о сынѣ, точно ихъ не существовало на свѣтѣ, точно онъ не былъ ничѣмъ съ ними связанъ. Орловъ, наблюдательный отъ природы, видѣвшій не мало людей, очень ясно понималъ, что это происходитъ вовсе не потому, что князь не желаетъ и не считаетъ возможнымъ говорить съ нимъ, съ юношей, о своей семьѣ, о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Нѣтъ, князь какъ будто избѣгалъ всякаго напоминанія о женѣ и сынѣ, какъ будто хотѣлъ совсѣмъ забыть въ своемъ кабинетѣ о ихъ существованіи. Разъ какъ-то Орлова поразила горячность, съ которою князь коснулся вопроса о семейномъ разладѣ вообще. Это было въ минуту отдыха между работою. Князь мелькомъ замѣтилъ Орлову, что тому не приходится почти сидѣть дома и что, вѣроятно, его родителямъ это тяжело. Орловъ отвѣтилъ откровенно, что онъ очень горячо любитъ отца и мать, что они тоже готовы для него жизнью пожертвовать, но что онъ сознаетъ, что между ними и имъ точно что-то порвано, точно лежитъ какая-то пропасть.

— Я другимъ языкомъ говорю, чѣмъ они,—сказалъ онъ немного грустнымъ тономъ.—Они не интересуются тѣмъ, что интересуетъ меня; я бѣгу отъ того круга людей, который собирается

около нихъ. Между нами нѣтъ ни ссоръ, ни раздоровъ, но мы не понимаемъ другъ друга.

Онъ улыбнулся невеселой улыбкой.

— Я вотъ не понимаю, какъ они могутъ сидѣть за картами цѣлые вечера, прикладываясь къ закускѣ и обсуждая семейныя дрязги своего муравейника,—сказалъ онъ,—а они еще менѣе могутъ понять, какъ можно придавать серьезное значеніе такимъ пустякамъ, какъ книги, гдѣ мало ли что разные сочинители пишутъ. Я зѣваю въ ихъ присутствіи, они зѣваютъ въ моемъ, если мы начинаемъ говорить...

Князь ходилъ по кабинету, куря сигару.

— Вѣчно старая, вѣчно новая исторія,—сказалъ онъ.—Семейная рознь, непониманіе однихъ членовъ семьи другими, распаденіе семейныхъ узъ... Это ужасно тяжело, потому что, несмотря на внутренній разладъ, люди остаются внѣшнимъ образомъ связанными, прикованными къ одной цѣпи. И еще слава Богу, если тутъ уцѣлѣетъ хоть животная, кровная привязанность, если тутъ еще не примѣшается сознаніе, что съ этими людьми не связанъ даже и узами крови, а живешь только потому, что когда-то въ минуту увлеченія связалъ себя съ ними брачными узами, а потомъ, по слабости характера, по ложнымъ соображеніямъ, далъ свое имя чьимъ-то чужимъ дѣтямъ.

Орловъ нѣсколько удивленными глазами смотрѣлъ на князя. Князь вдругъ какъ будто очнулся отъ тяжелыхъ думъ, какъ будто спохватился, что онъ думаетъ вслухъ, и, перемѣнивъ тонъ, равнодушно и сухо замѣтилъ:

— Впрочемъ, если перечислять всевозможныя комбинаціи, дѣлающія для иныхъ людей семейную жизнь адомъ, такъ и въ вѣкъ не кончишь. Это—такой сложный и спутанный вопросъ. Одна Жоржъ Зандъ цѣлую библіотеку романовъ написала по поводу этого вопроса...

Онъ вдругъ дѣловымъ тономъ перешелъ къ вопросамъ о продолженіи работы, о письмахъ, ожидавшихъ отвѣта. Отъ вниманія Орлова не ускользнуло, что въ душѣ старика происходило что-то неладное.

Въ другой разъ Орлова опять поразило нѣсколько выраженій князя. Правда, эти выраженія были вызваны довольно щекотливымъ обстоятельствомъ, совершенно неожиданно поставившимъ въ неловкое положеніе какъ Орлова, такъ и стараго князя. Разъ Орловъ пришелъ къ князю и встрѣтилъ въ гостиной юнаго

Александра Русова. Тотъ, весь красный, въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— А, наконецъ-то!—нетерпѣливо и нѣсколько раздражительно сказалъ онъ, увидавъ Митю. — Я думалъ, что ты уже не придешь сегодня.

— Что, ужь не соскучился ли по мнѣ?—спросилъ шутливо Орловъ.

Они теперь видѣлись очень рѣдко и то на нѣсколько минутъ. Молодой князь весь отдался училищу, училищной жизни, училищнымъ товарищамъ. Иногда Орлову казалось, что молодой князь какъ будто охладѣлъ къ нему. Иногда онъ говорилъ съ нимъ, съ Орловымъ, какъ-то небрежно, съ ироніей, точно свысока.

— Дѣло, дѣло есть до тебя важное!—заторопился Русовъ.— Пойдемъ ко мнѣ.

Они прошли на половину молодаго князя.

— Я сдѣлалъ большой долгъ,—сказалъ князь торопливо, безъ всякихъ приступовъ.

— Ну, братъ, это ужь совсѣмъ глупо,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, это я и безъ тебя знаю,—нетерпѣливо отвѣтилъ Русовъ. — Но дѣло вовсе не въ томъ, чтобы ты мнѣ читалъ наставленія...

— Да я и не думаю тебѣ ихъ читать.

— Ну, и прекрасно, и прекрасно.

Князь нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, позвякивая шпорами, и смотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Я обратился къ maman,—продолжалъ онъ отрывисто.—У нея нѣтъ свободныхъ денегъ. Вѣчно все раздастъ своимъ черносалопницамъ, всей этой канальѣ. Она посовѣтовала обратиться къ рара. Легко совѣтовать!... Я недавно бралъ у него деньги и онъ устроилъ цѣлую сцену.

— Ну, ужь и сцену... Просто намылилъ голову молодому повѣсѣ!

— Нѣтъ, именно сцену,—грубую и пошлую сцену упрековъ. Я его вовсе не понимаю. У насъ тысячи крестьянъ, а мы вмѣсто доходовъ съ нихъ чуть не разоряемся на нихъ же, строимъ какія-то образцовыя избы, заводимъ какія-то богадѣльни и школы по деревнямъ. Мнѣ нужны деньги, а онъ дѣлаетъ сцены. «Ты кутишь, ты развратничаешь!»—говоритъ мнѣ. Но позволь спросить, кто же подалъ первый примѣръ? Не онъ ли содержитъ Андронову? Наконецъ, я молодъ, я еще только начинаю жить;

я не могу жить по-нищенски, пробавляясь даровыми амурами съ горничными. Притомъ у меня товарищи...

Орловъ слушалъ эту отрывистую исповѣдь и удивлялся: онъ вовсе не зналъ въ послѣднее время интимной жизни своего друга.

— Но при чемъ же я во всей этой исторіи?—спросилъ онъ наконецъ.

— О, ты можешь многое сдѣлать. У васъ какія-то интимныя отношенія съ отцомъ,—сказалъ онъ не то презрительно, не то ироническн. —Maman говоритъ, что отецъ тебя чуть ли не геніемъ считаетъ и, кажется, сожалѣетъ только объ одномъ, что не онъ былъ виновникомъ твоего явленія на свѣтъ.

— Что за глупыя шутки!...

— Нѣтъ, я серьезно говорю. Maman мнѣ дала совѣтъ поговорить съ тобой: она убѣждена, что отецъ тебѣ не откажетъ ни въ чемъ и послушаетъ тебя.

— Это тебѣ сказала мать?

— Ну, да, она!

Орловъ пожалъ плечами.

— Убѣди отца, что мнѣ нужны деньги,—продолжалъ князь,—что въ наши годы есть потребности, требующія расходовъ, что я стою въ такомъ положеніи, что... Ну, да ты самъ знаешь, что нужно сказать... Я, право, не такъ уменъ, чтобъ учить тебя...

— Признаюсь тебѣ, мнѣ очень тяжело исполнить твое порученіе,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, мнѣ, можетъ-быть, еще тяжелѣе просить объ этомъ тебя!—сорвалось съ языка князя.

— Твой отецъ не изъ тѣхъ людей, которые допускаютъ вмѣшательство постороннихъ въ свои семейныя дѣла,—продолжалъ Орловъ.—Онъ разсердится не только на меня, но и на тебя за то, что ты обратился къ посредниву... Это совсѣмъ безтактно... Неужели твоя мать не могла этого сдѣлать сама?

— О, развѣ ты не знаешь положенія maman!—воскликнулъ князь.—Отецъ такъ холоденъ съ ней, она такъ несчастна, что ей было бы страшно-тяжело хлопотать обо мнѣ въ этомъ дѣлѣ... Они совсѣмъ чужіе другъ другу...

Орловъ колебался.

— Да ну же, рѣшайся скорѣе!—вдругъ съ лаской и чуть не со слезами сказалъ князь. — Вѣдь тутъ замѣшана моя честь. Пойми ты это! Это—не прихоть, клянусь тебѣ. Ну, я зарвался,

дѣйствовалъ очертя голову. Но нельзя же позорить меня ради этого. Конечно, ему все равно, опозорю я себя или нѣтъ, но вѣдь тутъ все же наша фамилія будетъ замѣшана... Мнѣ нужны деньги сегодня же, или завтра утромъ, нужны до-зарѣзу! Вѣдь ты выхлопочешь, да?

Онъ вдругъ бросился Орлову на шею.

— Я, знаю, что я дурно дѣлаю, я знаю!—говорилъ онъ, обнимая его.—Но нельзя же меня губить за это... Ну, ты поругай меня, поругай, какъ хочешь, а все же сдѣлай, во имя нашей дружбы. Или ты сердишься на меня? Я въ послѣднее время какъ будто отстранился отъ тебя, но не думай, чтобъ я разлюбилъ или забылъ тебя. Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ... У меня на душѣ...

Онъ неожиданно оборвалъ рѣчь и вдругъ расхохотался громкимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Теперь чередъ любви и потому дружба немного отодвинута на второй планъ. Это чисто физіологическія причины. Ничего не подѣлаешь... Я же такой пустой человѣкъ.

Орловъ пожалъ плечами и коротко отвѣтилъ:

— Я попытаюсь.

— Смотри, теперь же,—дѣло не терпитъ отлагательства.

— Хорошо, хорошо.

Орловъ оставилъ своего друга и направился въ кабинетъ стараго князя, сознавая, на какой рискованный шагъ онъ рѣшается. Его лицо было блѣдно, глаза немного потемнѣли, выраженіе лица было тревожное. Онъ не зналъ, какъ деликатнѣе приступить къ дѣлу. Впервые онъ почувствовалъ то разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ князя. При первомъ его словѣ князь могъ указать ему на его настоящее мѣсто. Князь, сидѣвшій у письменнаго стола, ласково протянулъ ему руку и по обыкновенію взглянулъ на него.

— Что-нибудь случилось?—спросилъ онъ тревожно, пораженный выраженіемъ его лица.

Орловъ не вдругъ собрался съ духомъ, зная, что его слова будутъ прежде всего тяжелы для старика, огорчатъ его. Наконецъ онъ отвѣтилъ:

— У Александра случилась маленькая непріятность, Александръ Владиміровичъ,—онъ немного запутался въ денежныхъ дѣлахъ.

Князь нахмурилъ брови и ничего не отвѣтилъ. Орлову стало еще тяжелѣе продолжать начатый разговоръ.

— Ему надо помочь, если возможно. Это, кажется, слишкомъ тяжело отзовется на немъ, если его не выручить, такъ какъ тутъ идетъ вопросъ о чести,—продолжалъ онъ.

Орловъ говорилъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, хотя онъ со своей точки зрѣнія далеко не вполнѣ сознавалъ все значеніе своего вмѣшательства въ дѣла этихъ отца и сына. Въ его кругу подобное вмѣшательство имѣло бы далеко не такое значеніе, какъ тутъ. Князь всталъ и заходилъ по комнатѣ. Выраженіе его лица сразу измѣнилось, сдѣлалось невообразимо холоднымъ и надменнымъ, почти отталкивающимъ.

— Это онъ прислалъ тебя посредникомъ?—спросилъ онъ отрывисто.

Орловъ не хотѣлъ ни изворачиваться, ни лгать, и отвѣтилъ прямо:

— Да.

Князь передернулъ съ негодованіемъ плечами.

— Громоотводъ выставляетъ, прячется за чужую спину, чтобы первый гнѣвъ отразился на другомъ,—сказалъ онъ желчно.

— Ну, послѣдняго я не думаю,—сказалъ Орловъ.—Онъ просто труситъ, какъ ребенокъ.

— Не ребенокъ, а натура трусливаго зайца,—сказалъ князь съ презрѣніемъ и наставительнымъ, почти суровымъ тономъ прибавилъ:—Но, признаюсь, я не понимаю и тебя, какъ ты взялся, какъ ты могъ взяться за это порученіе. Ты—не ребенокъ, ты не глупъ и долженъ понимать все значеніе подобнаго вмѣшательства въ чужія дѣла. Или ты думаешь, что я не откажу тебѣ, если ты станешь просить за него,—откажу ему, но не откажу *тебѣ?*

Князь произнесъ послѣднія слова съ сильнымъ удареніемъ.

— Что за мысль! Онъ мнѣ сынъ, а ты...

Князь не кончилъ и оборвалъ начатую фразу.

— О, я вовсе этого не думалъ!—горячо воскликнулъ Орловъ.—Не можете же вы любить меня больше сына. Я просто являюсь изъ двухъ школьниковъ болѣе храбрымъ: одинъ напалилъ, а другой идетъ выгораживать его—вотъ и все. Я самъ вызвался, когда онъ сказалъ мнѣ...

— Не лги на себя и не выгораживай его. Ты самъ сказалъ, что онъ просилъ!—перебилъ его князь.

— Ну да, онъ просилъ, я предложилъ услуги, не думая о дурныхъ послѣдствіяхъ. Еслибы вы были менѣе добры ко мнѣ, еслибы вы меня не пріучили съ дѣтства смотрѣть на васъ какъ на родного, какъ на отца,—повѣрьте мнѣ, я никогда не осмѣлился бы явиться къ вамъ, князь, съ такимъ порученіемъ. Если я ошибся въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ, простите мнѣ эту ошибку и не считайте моей выходки за дерзость. Это—только опрометчивость, не болѣе.

Въ голосѣ Орлова прозвучали какія-то новыя нотки вѣжливой холодности, сдержанной гордости. Онъ взялъ принесенный имъ портфель, вынулъ изъ него бумаги и письма, переписанныя и составленныя имъ дома, и, подавляя волненіе, сухимъ, немного невѣрнымъ тономъ сказалъ:

— Я, князь, написалъ все, что было нужно. Вы желали дать мнѣ на сегодня для провѣрки два отчета вашего управляющаго изъ Осиновки и Льговки. Могу я ихъ взять?

Князь посмотрѣлъ на него пристально.

— Ты это, что же, хочешь разыграть роль обиженнаго и оскорбленнаго?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Орловъ сдѣлался еще блѣднѣе. Насмѣшка стараго барина кольнула его въ самое сердце.

— Я, князь, не желаю играть никакой роли,—съ достоинствомъ отвѣтилъ онъ.—Я всегда былъ и буду тѣмъ, что я есть! Я немножко взволнованъ, но ужь, конечно, въ этомъ виноваты не вы, а я самъ. Вы совершенно правы, что я не имѣлъ никакого права брать на себя неподходящихъ порученій и фамильярничать тамъ, гдѣ...

Онъ не кончилъ фразы.

— Гдѣ что?—сухо спросилъ князь.

— Гдѣ будутъ меня терпѣть, конечно, только до тѣхъ поръ, покамѣстъ я буду умѣть держать себя въ указанныхъ мнѣ моимъ положеніемъ границахъ,—ровнымъ голосомъ сказалъ Орловъ.

Князь не спускалъ съ него глазъ и его лицо теперь слегка озарялось усмѣшкой взрослаго человѣка, смотрящаго на разсердившагося ребенка.

— А мы съ душкомъ!—проговорилъ онъ.—Съ норовомъ...

— Это понемногу Богъ дастъ удастся вырвать съ корнемъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я извиняюсь еще и еще разъ и прошу васъ не вспоминать объ этомъ печальномъ для меня обстоятельствѣ.

Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто и, не поднимая глазъ отъ бумагъ, принялся за дѣло. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ; онъ чувствовалъ, что въ эту минуту онъ какъ будто поставилъ на карту свои будущія отношенія къ князю. Или онъ сдѣлается простымъ работникомъ у князя, или онъ завоюетъ себѣ право быть вполнѣ своимъ человѣкомъ у старика. Онъ самъ не понималъ, какъ все это приняло такой оборотъ, какъ онъ вспылилъ, сказалъ больше, чѣмъ слѣдовало. Но онъ не раскаивался. Въ его душѣ была только горечь и ему вдругъ вспомнилось, что вотъ съ Лампадовымъ у него не вышло бы никогда такой сцены; съ тѣмъ онъ имѣлъ больше правъ быть вполнѣ самимъ собою, тогда какъ здѣсь нужно быть на-сторожѣ, носить маску, глубже обдумывать каждый свой шагъ. А что если порвутся навсегда его прежнія отношенія къ князю? «Ну, и пусть, и пусть порвутся! Не пропаду я и безъ него», — думалъ онъ и въ то же время ему думалось, что можетъ-быть эти отношенія станутъ теперь еще прочнѣе. Онъ работалъ, хотя его чуть не била лихорадка. Князь продолжалъ ходить по кабинету. Его шаги становились все медленнѣе и ровнѣе. На его лицѣ разглаживались морщины. Наконецъ онъ подошелъ къ Орлову и, закрывъ рукою лежавшія передъ нимъ бумаги, сказалъ:

— Брось,—ты все равно ничего не поймешь въ нихъ теперь.

Эта фраза была произнесена спокойнымъ, добродушнымъ тономъ.

Орловъ поднялся съ мѣста.

— Ты правъ, я тебя обидѣлъ,—продолжалъ князь и, обнявъ его за талію одною рукой, снова началъ ходить по кабинету уже вмѣстѣ съ нимъ.—Ты имѣлъ полное право не считать себя чужимъ и не подозрѣвать такихъ глупостей, какъ неприличіе вмѣшательства въ дѣла мои и Александра. Да, ты у насъ свой...

Онъ вдругъ улыбнулся и шутливо спросилъ:

— Прикажешь еще извиниться?

Орловъ только прижалъ локтемъ руку князя, охватившую его талію.

Князь ласково улыбнулся.

— Сколько у него долгу?—спросилъ онъ.

Орловъ сказалъ, что онъ справится.

— Хорошо, послѣ! Я, конечно, заплачу,—сказалъ князь.— Но скажи ему, что я очень, очень недоволенъ имъ. Что онъ кутитъ—это еще не бѣда. Кутятъ, къ несчастію, всѣ подобные ему. Но скверно то, что онъ только кутитъ. Кутили и мы, но

мы и людьми были, у насъ было и что-нибудь святое, завѣтное, ради чего эти кутежи часто отходили на послѣдній планъ, когда было нужно. А они....

Князь безнадежно махнулъ рукой.

— Мнѣ съ нимъ объясняться нечего,—продолжалъ онъ.—Я уже мѣсяцъ тому назадъ говорилъ съ нимъ, но мы говоримъ на разныхъ языкахъ и не понимаемъ другъ друга..., вотъ какъ ты у себя въ семьѣ... Впрочемъ, онъ, я думаю, и никого не понимаетъ, кромѣ своихъ милыхъ пріятелей. Онъ, кажется, даже съ тобою совершенно разошелся?

— О, онъ вполнѣ искренно любитъ меня,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, онъ любитъ тебя; онъ вѣдь весь міръ любитъ!—сказалъ съ горечью князь.—А любить весь міръ значитъ не любить никого.

— Право, Александръ Владиміровичъ, онъ добрый,—вступился Орловъ за друга.

— Ему лѣнь быть злымъ,—отвѣтилъ князь.—Это еще далеко не доброта... Ну, да что-жъ тутъ толковать! Натуры человѣка не передѣлаешь: родился горбатымъ, горбатымъ и умретъ. Для такихъ, какъ онъ, только и есть одно средство: надѣть на нихъ узду и сдерживать ихъ хотя отъ нѣкоторыхъ глупостей, если нельзя ихъ сдѣлать умными.

Орлова страшно поражало одно обстоятельство: князь говорилъ о сынѣ, какъ о чужомъ, равнодушно, спокойно, холодно. Онъ скоро перешелъ къ другой темѣ, какъ будто спѣша покончить неинтересный разговоръ, и сталъ говорить о дѣлахъ.

Орлова изумляли эти отношенія старика Русова къ его женѣ и къ сыну. Княгиня была, несмотря на свои годы, хороша собою, она была добра и привѣтлива, она была такимъ живымъ и веселымъ существомъ, а между тѣмъ князь измѣнялъ ей, содержалъ любовницу, былъ холоденъ и даже невнимателенъ съ женою. Князь такъ же холодно относился и къ сыну, мало обращая на него вниманія, иногда раздражаясь слабыми сторонами юноши, порой относясь къ нему почти несправедливо и придирчиво. И между тѣмъ этотъ же князь былъ безупречно честнымъ человѣкомъ, былъ снисходителенъ и добръ съ посторонними и былъ способенъ на такую искреннюю привязанность и нѣжность, какую онъ оказывалъ Орлову. Орловъ сознавалъ, что только любящій отецъ могъ няньчиться такъ со своимъ сыномъ, какъ няньчился съ нимъ этотъ важный старикъ. Какъ объяснить эти

противорѣчія? Гдѣ найти ключь къ разгадкѣ этой тайны человѣческаго сердца? Орловъ не могъ рѣшить этого вопроса и чувствовалъ только глубокое сожалѣніе и къ княгинѣ, и къ Александру Русову, видя, какъ холодно относится къ нимъ этотъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасный, человѣкъ.

Но останавливаться на этихъ вопросахъ не было ни охоты, ни времени. Всѣ эти мелкія огорченія и радости частной жизни уходили какъ-то сами собою на послѣдній планъ, заслоняемыя иными интересами, иными событіями. Послѣдняя книжка журнала, новая, ходившая по рукамъ, записка о положеніи крестьянъ, первая напечатанная за границей статья Герцена о Россіи, Богъ знаетъ кѣмъ и какъ завезенная въ Россію, собраніе товарищей у кого-нибудь изъ студентовъ, страстные споры вкривь и вкось объ общественныхъ дѣлахъ, все еще хранившихся покуда по большей части въ глубокой тайнѣ, толки о женскомъ вопросѣ, о равноправности женщинъ съ мужчинами—все это занимало гораздо больше молодой умъ, волновало сильнѣе молодую кровь, чѣмъ размышленія о томъ, почему въ той или другой семьѣ идетъ разладъ, почему на ту или другую личность обрушились будничныя невзгоды. Орлова не особенно взволновало даже событіе, касавшееся прямо его семьи. Это событіе—отставка его отца.

Въ одинъ прекрасный день молодой человѣкъ засталъ всю семью въ слезахъ.

Лёша отозвалъ его въ сторону и таинственно сообщилъ ему:

— Дядю по шапкѣ... По шапкѣ дядю, а тетя плачетъ, горько плачетъ... Аннушка тоже плачетъ.

— Какъ по шапкѣ?—спросилъ Митя, ничего не понимая.

— Такъ по шапкѣ... погнали со службы. Ѳедоръ Гавриловъ пришелъ и далъ ему по шапкѣ. «Убирайся, говоритъ, старый хрѣнъ...» Дядя и убѣжалъ, а тетя—ну, плакать... ну, плакать...

Орловъ началъ распрашивать мать и она, рыдая, отвѣтила ему:

— За штатомъ, за штатомъ отца оставили!... Вотъ служилъ, служилъ и выслужилъ... Новое начальство назначили, такъ старыхъ служакъ и погнали... это за службу-то, въ благодарность-то...

Молодой человѣкъ сталъ утѣшать старушку.

— Что-жь, отцу пора и отдохнуть,—сказалъ онъ.—Довольно послужилъ. Нельзя же вѣчно тянуть лямку.

— Да чѣмъ мы жить-то будемъ, чѣмъ жить будемъ?—воскликала Марья Ѳедоровна.

— Ну, мама, вѣдь кое-что скоплено, пенсія небольшая будетъ... Наконецъ я теперь въ состояніи поддерживать васъ. Вы знаете, какъ князь щедро платитъ...

— Да это такъ, такъ, голубчикъ, а только за что же, за что обидѣли-то?

— Теперь нужны молодые чиновники,—сорвалось съ языка сына.

— Молодые!—съ негодованіемъ повторила мать.—Что-жь, молодые-то лучше будутъ? Звѣздъ съ неба нахватали? Такъ ужь лучше бы старыхъ-то прямо въ мѣшокъ да въ воду! Легче бы было, легче бы! А то теперь осрамили. Безъ прошенія такъ прямо взяли да вышвырнули. Да что люди-то будутъ говорить? Кто повѣритъ, что стараго человѣка, служившаго вѣрой и правдой, безъ вины отставили? Вонъ и то ужь толкуютъ, что за взятки...

— Ну, что вамъ за дѣло, что будутъ говорить, — сказалъ нетерпѣливо Орловъ. — И говорить-то никто ничего не будетъ, потому не одного отца за штатомъ оставили, а вездѣ сокращаютъ штаты и старыхъ чиновниковъ новыми замѣняютъ.

— Ахъ, Митя, Митя, отца-то видно тебѣ не жаль! Или чужой онъ тебѣ?—не воздержалась и упрекнула сына Марья Ѳедоровна.—Онъ вотъ съ горя-то не въ своемъ видѣ пришелъ, разливается, плачетъ, такъ въ слезахъ и заснулъ. Конечно, тебѣ что? Ты—отрѣзанный ломоть!

Орловъ поблѣднѣлъ и сдержанно проговорилъ:

— Еслибъ отрѣзанный ломоть былъ, такъ не былъ бы здѣсь. Грѣхъ вамъ, мама, это говорить! И говорите вы это потому, что надо же на комъ-нибудь сорвать сердце. Одного вы только, мама, не разсчитываете, что не весело вашимъ близкимъ, когда вы сегодня на мнѣ, завтра на сестрѣ, послѣ-завтра на отцѣ срываете свое сердце. Тутъ по неволѣ убѣжишь изъ дому, станешь отрѣзаннымъ ломтемъ...

Марья Ѳедоровна вдругъ притихла, вдругъ приниизилась.

— Знаю, знаю, голубчикъ, все знаю!—тихо заплакала она.—Сама не рада, сама не рада, что характеръ такой проклятый сталъ... Иногда, кажется, на свѣтъ не смотрѣла бы, въ могилу бы легла... Да, живется-то не легко,—охъ, какъ не легко! Тоже не отъ радости состарилась...

Она дѣйствительно была неузнаваема: похудѣла, пожелтѣла, сморщилась. Она все чаще и чаще жаловалась на біеніе сердца и одышку.

— А кому же легко-то?—тихо проговорилъ Орловъ со вздохомъ.

— Знаю, что всѣмъ не легко, всѣмъ жизнь-то каторга, да отъ знатья-то этого не легче,—продолжала плакать Орлова.

— Полноте, родная!... Не думайте вы, кто что говорить будетъ; живите себѣ, какъ самимъ хочется, и все будетъ хорошо... Денегъ хватитъ,—ну, и слава Богу!...

— Да на шеѣ-то твоей не хочется сидѣть, твой-то вѣкъ заѣдать не сладко...

— Полноте! Считаться, что ли, еще грошами начнемъ?

Молодой человѣкъ поцѣловалъ мать, сказалъ еще какую-то успокоивающую фразу и ушелъ въ свою комнату. Ему было тяжело. Онъ долго въ волненіи ходилъ у себя и странныя чувства поднимались въ его душѣ. Ему было вовсе не жаль отца за то, что тотъ потерялъ мѣсто; онъ даже почти радовался, что начали наконецъ хотя выметать всѣ эти старые канцелярскіе притоны,—можетъ-быть, новая метла будетъ лучше мести. Но среди этихъ размышленій его точно грызла мысль о томъ, что онъ какъ-будто охладѣлъ къ семьѣ, сдѣлавшей для него все, что она могла сдѣлать. Однако онъ помогалъ теперь этой семьѣ, онъ готовъ былъ отдать ей послѣдній грошъ,—значитъ, все-таки онъ любилъ ее?—Да. Но не была ли эта готовность помогать семьѣ просто слѣдствіемъ сознанія своего долга, слѣдствіемъ разсудочной благодарности, наконецъ слѣдствіемъ гордаго желанія, чтобъ его близкіе не нуждались въ чужой помощи?... Безпредѣльной любви тутъ уже не было, не было той любви, которая рыдаетъ надъ страдающимъ человѣкомъ, хотя бы его страданіемъ былъ спасенъ весь міръ. Но вѣдь именно эта-то любовь—слѣпая, животная, безумная—и приводила къ тысячамъ бѣдствій общество: отецъ семейста грабилъ чужихъ людей ради своихъ любимыхъ дѣтей; мать готова была заморить голодомъ, обобрать постороннихъ дѣтей ради спасенія своего дѣтища; дѣти дѣлали всякія безобразія, если эти безобразія были угодны ихъ родителямъ. Не нужно ли освобождаться отъ этой любви, какъ отъ порока? И все-таки какая-то тупая боль была въ его сердцѣ. Въ немъ какъ будто боролись два чувства, два существа; внутри происходила какая-то мучительная ломка, точно разсудокъ и сердце вступили въ борьбу между собою и не могли одержать другъ надъ другомъ побѣды. Ему вдругъ вспомнились тѣ римскія и греческія матери-патріотки, которыя отправляли, какъ на пиръ, на борьбу за родину своихъ

сыновей и плакали не тогда, когда ихъ дѣти падали за родину, а тогда, когда ихъ дѣти убѣгали живыми съ поля сраженія, не рѣшившись биться до конца. Ему вспомнилось стихотвореніе Гейне: «Что мнѣ жена, что дѣти мнѣ, когда императоръ въ плѣну!» Еще одинъ образъ промелькнулъ передъ нимъ, чистый образъ Христа, говорившаго, что Ему мать, сестры и братья только тѣ, кто идетъ по Его стопамъ, раздѣляетъ Его убѣжденія. Орловъ точно хотѣлъ оправдаться въ чемъ-то передъ самимъ собою, передъ тѣми воззрѣніями, которыя прививали ему съ дѣтства. Эта ломка происходила въ его душѣ въ эти памятные дни уже не въ первый и, можетъ-быть, не въ послѣдній разъ.

Но волны житейскаго моря шумѣли кругомъ все сильнѣе и сильнѣе и рыться много въ своей душѣ было некогда. Изъ дома опять тянуло къ товарищамъ или къ работѣ, отъ размышленій о своей семьѣ тянуло къ вопросамъ дня.

II.

— Чего они ждутъ? Чего они секретничаютъ?

Эту фразу все чаще и чаще повторялъ князь Русовъ, все болѣе и болѣе рѣзко говорившій объ общественныхъ дѣлахъ. Слѣдя изо дня въ день за его настроеніемъ, не трудно было замѣтить, какъ онъ отъ самыхъ яркихъ и смѣлыхъ надеждъ постепенно дошелъ до самыхъ мрачныхъ и боязливыхъ опасеній.

Это настроеніе начинало охватывать уже не одного его.

— Засѣдаютъ, толкуютъ, ничего не рѣшаютъ и все ограничивается покуда замѣной стараго титулярнаго совѣтника новымъ титулярнымъ совѣтникомъ,—говорилъ онъ какъ-то сидѣвшему въ его кабинетѣ Лампадову.—Хотятъ, вѣрно, чтобы снизу началось? Броженія теперь не остановишь, не подавишь. О крестьянскомъ вопросѣ говорятъ всѣ и никакими канцелярскими усиліями не сдѣлаешь его секретнымъ. Устроили секретный комитетъ, а о немъ чуть не на площадяхъ толкуютъ.

— Еще бы!—съ усмѣшкой замѣтилъ старикъ.—Достаточно, чтобы двѣ-три барыни знали, что ихъ мужья ѣздятъ въ этотъ секретный комитетъ, и объ этомъ заговоритъ весь городъ. Да, наконецъ, этого и отъ какихъ-нибудь лакеевъ и камердинеровъ не скроешь, а они секретничать не станутъ.

— И кто въ комитетѣ засѣдаетъ, — сказалъ князь. —Вѣдь повѣрить трудно, что туда избраны такіе люди! Одинъ непопулярнѣе другого.

Онъ съ иронической улыбкой перечислилъ нѣсколько именъ.

— Почти все люди враждебные дѣлу,—сказалъ Ламинадовъ.

— Да, къ несчастію!... И знаешь ли, кого эти господа боятся? Вотъ ихъ,—князь указалъ головой на Орлова,—профессоровъ и студентовъ. Это—фактъ!

Князь презрительно передернулъ плечами и передалъ ходившіе тогда въ городѣ слухи о томъ, что одинъ изъ членовъ секретнаго комитета, занимавшагося крестьянскимъ вопросомъ, говоря о недопущеніи въ печать статей о крѣпостномъ состояніи, замѣтилъ, что писать будутъ не помѣщики, а профессора и студенты.

— Да, они тамъ почти всѣ противъ гласности въ этомъ дѣлѣ,—замѣтилъ князь.—Ну, что-жь, и дождутся того, что уже не гласность, а воззванія будутъ появляться въ вольной русской типографіи. Вонъ починъ сдѣланъ.

Онъ указалъ на одну изъ брошюръ Герцена, пророча, что это дѣло разрастется, что нужно скорѣе начать все сверху, чтобы не дать ничему возможности начаться снизу.

— Обществу, чтобъ оно успокоилось, прежде всего нужна теперь ясная и опредѣленная програма будущей дѣятельности,—продолжалъ Русовъ.—Оно должно теперь твердо убѣдиться, что все пойдетъ не по-старому, а по-новому, и должно знать, какъ пойдетъ по-новому. Безъ этого, безъ ясной и опредѣленной программы, будетъ только рости смута, а горючаго матеріала накопилось уже довольно.

Князь въ послѣднее время часто раздражался и дѣлался все болѣе и болѣе желчнымъ. Орловъ очень хорошо понималъ его настроеніе, потому что и въ его товарищескомъ кругу начинали смутно бродить тѣ же тревожные толки о проволочкахъ, о замедленіяхъ, объ откладываньяхъ по дѣлу одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ. Недовольные этою нерѣшительностью не хотѣли и не могли принимать во вниманіе того, какая масса враговъ была противъ освобожденія крестьянъ, какъ трудно было совершить это дѣло разомъ, какая подпольная борьба велась противъ приверженцевъ предстоящей реформы.

Но недовольные проволочками составляли все-таки относительно небольшія группы людей среди безпечно ликующихъ и веселящихся гражданъ, вздохнувшихъ свободнѣе при вѣстяхъ о мирѣ, отпраздновавшихъ шумно дни коронаціи, отдавшихся снова театрамъ, клубамъ, баламъ, благотворительнымъ концертамъ и

лотереямъ. Всѣ эти развлеченія и увеселенія теперь точно съ неба посыпались послѣ долгаго траура и продолжительной скуки. Люди съ жадностью проголодавшихся отдались возможности повеселиться, поразнообразить свою жизнь. Въ числѣ этихъ ликующихъ была и княгиня Русова.

Никогда еще не занималась княгиня такъ дѣятельно и оживленно благотворительностью съ музыкой, какъ теперь. Она, подобно сотнямъ другихъ такихъ же барынь, порхала и носилась вездѣ и всюду со своими аллегри, со своими концертами, со своими домашними спектаклями, сдѣлавшимися самыми модными развлеченіями. Присматриваясь теперь поближе къ ней, можно было замѣтить, что она точно ловитъ послѣдніе свѣтлые дни своей молодости и красоты, стоя на рубежѣ сорокалѣтняго возраста, этого страшнаго бабьяго вѣка. Живая по натурѣ, кокетливая, потому что ей вѣчно пѣли дифирамбы, легкомысленная, потому что ей всегда жилось легко, она была добра и привѣтлива. Ея подвижная натура не давала ей покоя, требовала дѣятельности, но этой дѣятельности не было: не за хозяйствомъ же смотрѣть женщинѣ, имѣющей сотни тысячъ годоваго дохода, не дѣтей же воспитывать, когда на это есть гувернеры и гувернантки. Она отдалась благотворительности, какъ дѣти отдаются игрушкамъ и играмъ. Ее занимали засѣданія комитетовъ, разъѣзды по бѣднымъ, безконечная дѣловая переписка, благотворительные концерты, елки, балы, аллегри. Она очень любила говорить о своей усталости отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и сознавать, что она точно устаетъ. А тысячи мелкихъ столкновеній, мелкихъ интригъ, мелкихъ романовъ и похожденій, все это таинственное и запретное такъ сладко волновало и возбуждало ее. Но годы брали свое, ее начинали заслонять новыя красавицы, новыя звѣзды первой величины и она какъ-то лихорадочно старалась отогнать отъ себя мысль, что она скоро должна сойдти со сцены и начать вывозить въ свѣтъ своихъ дочерей: княжны Ольга и Софья Русовы были уже не дѣвочками. Правда, княгиню еще окружали поклонники, но эти поклонники были теперь все больше юноши, едва начинающіе жить и увлекающіеся нерѣдко женщинами именно тѣхъ лѣтъ, какихъ была княгиня. Среди этихъ поклонниковъ былъ одинъ, пробуждавшій въ ней странное чувство, — пробуждавшій уже давно, чуть не съ дѣтства. Это былъ Митя Орловъ. Онъ все по-прежнему благоговѣлъ передъ нею, но годы и опытность научили его быть сдержаннѣе, рѣже

высказываться, рѣже смущать ее страстными взглядами. Онъ даже и встрѣчался съ нею рѣже и она шутливо замѣчала, что мужъ похитилъ его у нея. Но это не мѣшало ей иногда давать ему порученія по части благотворительности, приглашать его въ распорядители на великосвѣтскихъ концертахъ и въ домашнихъ спектакляхъ наравнѣ съ цѣлой массой правовѣдовъ, лицеистовъ и тому подобной молодежи, толкавшейся въ кругу дамъ-благотворительницъ.

— Ты, Митя, ужасный дикарь!—говорила она ему, смѣясь.— Нельзя же вѣчно возиться съ этими скучными бумагами и не пользоваться молодостью.

Она спрашивала, сколько ему лѣтъ. «Двадцать первый годъ? Боже мой, какъ время летитъ! Давно ли онъ былъ ребенкомъ девяти лѣтъ? А теперь... теперь онъ такъ выросъ, возмужалъ». Она всматривалась въ него и снова не могла дать себѣ отчета: дуренъ ли онъ или поразительно хорошъ собою. «Нѣтъ, онъ просто красавецъ!»—рѣшила она, всматриваясь въ эти выразительные, измѣнчивые и глубокіе глаза, въ это нервное и подвижное лицо съ темными бровями, съ мягкими свѣтлыми волосами, съ капризнымъ вихромъ на лбу. Казалось, въ каждой чертѣ этого лица дышала нервность, страстность, возбужденность.

— Ты, Митя, могъ бы быть превосходнымъ актеромъ,—сказала она ему разъ.—Твое лицо говоритъ безъ словъ.

— Не думаю. Я притворяться не умѣю и сыгралъ бы только самого себя,—отвѣтилъ онъ.

— А Чацкаго?—спросила она мелькомъ.

— Чацкаго?... Да, можетъ-быть, Чацкаго сыгралъ бы,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, и прекрасно, и прекрасно! — обрадовалась она.—Я ловлю тебя на словѣ и ты будешь играть.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!—воскликнулъ онъ.—Я струшу, растеряюсь и убѣгу со сцены. Я вовсе не желаю потѣшать вашихъ дамъ своимъ бѣгствомъ.

— Не принимаю никакихъ отговорокъ, не слушаю ничего и ты будешь играть для моихъ бѣдныхъ! — сказала она. — А мы впередъ разгласимъ, что у насъ будетъ лучшій Чацкій, какого когда-нибудь видѣлъ Петербургъ, что мы открыли генія!

— И этого Чацкаго ошикаютъ и освищутъ.

— Пожалуйста, не выдумывай! Во-первыхъ, шикать и свистать у насъ не принято, а во-вторыхъ—ты будешь восхитителенъ...

Она смѣялась и радовалась новой затѣѣ. Ей предстояло еще одно развлеченіе: устроить новый спектакль и вывести на сцену новаго артиста. У княгини все дѣлалось быстро, по щучьему велѣнью, безъ отлагательствъ и безъ оттоворокъ. Орловъ былъ смущенъ, узнавъ, что княгиня серьезно хочетъ устроить спектакль съ нимъ, и даже не могъ удержаться, чтобы не пожаловаться шутливо князю.

— Помилуйте, вѣдь я ступить не умѣю на сценѣ! — говорилъ онъ.

— Ну да, а онѣ, барыни эти, понимаютъ что-нибудь?—съ улыбкой сказалъ князь.—Смазливое личико, горячая рѣчь, красивая фигура,—ну, и будутъ аплодировать.

— Нѣтъ, это предательство со стороны Маріи Львовны,— говорилъ Орловъ.

— Ну, да ужь теперь поздно отказываться!—сказалъ князь.— Надо было прежде спасаться отъ этихъ барынь. Впрочемъ, что-жь, нынче вошло въ моду комедіи разыгрывать,—и на сценѣ, и въ жизни только и дѣлаютъ, что комедію разыгрываютъ...

Орлову волей-неволей приходилось принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ. Это его не мало смущало. Въ домѣ княгини между тѣмъ пошли репетиціи, въ рижиссеры былъ приглашенъ одинъ изъ выдающихся артистовъ императорскихъ театровъ, роль Софьи взяла на себя одна изъ знаменитостей, сошедшихъ со сцены, Фамусова игралъ одинъ изъ важныхъ любителей сценическаго искусства. Отъ спектакля ждали очень многаго и приготовлялись къ нему тщательно. Собственно составъ актеровъ очень мало интересовалъ публику, но всѣхъ занималъ составъ зрителей, блестящій балъ послѣ спектакля, выписываемые изъза границы наряды. Княгиня же заботилась главнымъ образомъ о спектаклѣ. Она впередъ разсказывала всѣмъ, что ничего подобнаго никто не видалъ, что одни танцы въ третьемъ дѣйствіи приведутъ всѣхъ въ восторгъ, такъ какъ танцевать будутъ первыя великосвѣтскія красавицы и танцы будутъ аранжированы извѣстнымъ балетмейстеромъ. Всѣ волновались и ждали съ нетерпѣніемъ назначеннаго вечера. Орловъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, серьезно опасаясь, что онъ сбѣжитъ со сцены, и мысленно ругалъ себя за то, что онъ согласился играть. Репетиціи шли довольно плохо. Софья и Лиза капризничали нестерпимо. Артистка, игравшая Софью, читала небрежно давно знакомую ей роль. Лиза будировала за то, что ей нужно явиться

съ гладко-причесанной головой и въ простенькомъ платьѣ. Фамусовъ, пожилой и чванный баринъ, не обращалъ никакого вниманія на режиссера и относился къ Орлову свысока, едва дѣлая реплики. Орловъ конфузился и отличался только знаніемъ роли, читая ее, какъ урокъ. Режиссеръ, повидимому, вовсе не заботился о немъ и увивался около остальныхъ артистовъ, хорошо знакомыхъ ему въ качествѣ меценатовъ.

Наконецъ назначенный день насталъ. Въ домѣ князя съѣхались сливки петербургскаго общества. Самъ этотъ домъ былъ неузнаваемъ: онъ точно обновился, точно въ немъ прибавилось цвѣтовъ и зеркалъ. Онъ весь сіялъ и блестѣлъ. Наконецъ, движеніе зрителей начало стихать, на хорахъ послышались звуки музыки, потомъ она стихла и передъ публикой поднялся занавѣсъ; раздались за сценой звуки флейты и фортепіано; красивая плутовка Лиза, заснувшая въ креслѣ, очнулась... Пьеса началась.

— Вамъ, вамъ выходить!—послышался шепотъ надъ ухомъ Орлова и онъ быстрою, неровною походкой вышелъ на сцену.

Его сразу ослѣпилъ блескъ зрительной залы; передъ глазами мелькнули сотни незнакомыхъ и знакомыхъ лицъ, блестящихъ дамскихъ туалетовъ, военныхъ и статскихъ мундировъ; потомъ все точно исчезло въ туманѣ: ему казалось, что съ нимъ дѣлается дурно; въ его умѣ мелькнула мысль о томъ, какъ расхохочутся всѣ эти господа, если онъ вдругъ упадетъ въ обморокъ,—онъ, какой-то студентъ Орловъ, сконфузившійся передъ ихъ сіятельствами. Все это какъ-то моментально пронеслось въ его головѣ, когда онъ началъ нервно, неумѣло свой монологъ. Но это замѣшательство продолжалось двѣ-три минуты и первая желчная фраза Чацкаго вдругъ зазвучала какой-то ѣдкой иронической ноткой, точно зловѣщее шипѣнье. Съ лицъ зрителей сбѣжали улыбки, невольно набѣжавшія на нихъ при первыхъ, едва слышныхъ фразахъ Чацкаго. Всѣ вслушивались теперь въ каждое его слово, въ каждый его звукъ и не спускали съ него глазъ, какъ будто стараясь убѣдиться, точно ли потемнѣли его глаза, дѣйствительно ли блѣднѣло и краснѣло его лицо, или это оптическій обманъ. Его голосъ становился все свободнѣе и свободнѣе, все громче и громче. И вдругъ, когда Софья проговорила про него: «не человѣкъ, змѣя!»—въ первомъ ряду креслъ тихо, но отчетливо раздалось:

— Браво, бра-во!

Всѣ слегка обернули въ этомъ направленіи головы и увидали старика-генерала, съ серьезнымъ лицомъ знатока слѣдившаго за артистомъ. Тихій шепотъ одобренія вдругъ сталъ перебѣгать по залѣ, какъ будто всѣ только и ждали этого сигнала одобренія. Какая-то старуха въ первомъ ряду креслъ спрашивала уже свою сосѣдку:

— Кто это?

— Орловъ.

— Графъ Орловъ?

— Нѣтъ.

— Я его никогда не встрѣчала.

— Онъ въ первый разъ появился здѣсь...

— Но онъ поразительно хорошъ собою и совсѣмъ gentilhomme. Манеры хорошія...

Занавѣсъ не успѣлъ опуститься, какъ всѣ разомъ зааплодировали и пронеслись крики:

— Орлова, Орлова!

Все общество забыло на мигъ обычай вызывать всѣхъ, не отдавая на пободныхъ спектаклихъ никому предпочтенія, такъ какъ тутъ важны не таланты, а благія намѣренія, благотворительныя цѣли. Занавѣсъ поднялся, вышли всѣ артисты-любители. Орловъ стоялъ сзади всѣхъ и, смотря какъ-то угрюмо, сухо, едва склонилъ голову, точно онъ еще не успѣлъ сообразить, что онъ теперь уже не Чацкій, а Орловъ.

Его успѣхъ росъ съ каждымъ дѣйствіемъ. Игры, чтенія роли не было и слѣда. На сценѣ былъ, казалось, живой человѣкъ, переживавшій всѣ ощущенія героя комедіи. Когда онъ говорилъ: «иду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», всѣмъ показалось, что къ его горлу подступили слезы, что его дѣйствительно душатъ и желчь, и злоба, и горечь.

Успѣхъ былъ полный, небывалый въ этомъ сдержанномъ обществѣ. Вызовамъ не было конца и всѣхъ дамъ, помимо страстной игры, поражала красота этого лица, гордость его выраженія, благородство манеръ этого человѣка.

— Ну, и обругалъ же ты ихъ всѣхъ за благодарность, — сказалъ, смѣясь, князь, входя въ уборную къ Орлову и пожимая ему руку.

Орловъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Да ужь такъ, не оправдывайся! Ты не игралъ, а выска-

залъ имъ словами Грибоѣдова все, что не могъ бы сказать своими словами не со сцены...

— Такъ вы находите, что я былъ дуренъ?—спросилъ Орловъ.

— Превосходенъ, превосходенъ! Но не какъ актеръ, — сказалъ князь.—Ты больше никогда и ничего не играй. Ты актеромъ никогда не будешь. А Чацкаго... да его хоть каждый день изображай, если нервовъ хватитъ.

Князь былъ очень веселъ и радовался успѣху своего любимца.

— Вотъ что умъ-то значитъ. Вездѣ спасетъ человѣка,—говорилъ онъ Лампадову.—Никакого сценическаго таланта нѣтъ у человѣка, никакой подготовки, а умъ вывезъ.

— Ну, и горячности-то у него много,—сказалъ Лампадовъ.

— Да вонъ у Лизы еще болѣе горячности, а что вышло? Только съ ногъ чуть не сбила всѣхъ, — съ улыбкой замѣтилъ князь.

— Да, ужь нечего сказать, набѣгалась сердечная!—засмѣялся старикъ, вспомнивъ о Лизѣ, едва не уронившей даже Фамусова въ порывѣ суетливости.

Когда Орловъ вышелъ изъ уборной въ залъ, гдѣ уже начались танцы, его привѣтствовали, какъ возникающую знаменитость, въ него всматривались, обращая въ его сторону лорнеты, съ нимъ старались обмѣняться нѣсколькими любезными словами. Имъ интересовались теперь люди, никогда не обращавшіе на него вниманія, какъ они не обращали вниманія на сотни другихъ дѣтей и юношей изъ бѣдныхъ и изъ крѣпостныхъ, воспитывавшихся тогда въ разныхъ барскихъ домахъ для развлеченія барскихъ дѣтей.

Въ числѣ первыхъ подошла къ нему княгиня Марья Львовна и горячо сжала ему руку.

— Я никогда не могла себѣ представить ничего подобнаго,—сказала она.—Вы были удивительны, неподражаемы!

Его поразило, что она ему говоритъ «вы».

— Я только теперь поняла, сколько вы пережили и перестрадали!—тихо сказала она, снова сжимая ему руку.

Ея лицо сильно горѣло.

Онъ поклонился ей, отвѣчая на рукопожатіе. У него на языкѣ вертѣлся вопросъ, зачѣмъ она говоритъ ему «вы».

— Я рада была, я восхищалась, что они поняли васъ, что они не устояли передъ этой бурей страстнаго чувства и неподдѣльной горечи,—продолжала она.—Сначала я струсила за васъ,

а потомъ вдругъ увидала, что вы побѣдите, непремѣнно побѣдите! И вы сами довольны, рады, не правда ли? Вѣдь это такъ отрадно, успѣхъ!

Онъ также тихо отвѣчалъ ей.

— Да. Но этотъ успѣхъ, кажется, заставилъ васъ забыть, что вы мнѣ говорили всегда «ты», а не «вы».

Она вскинула на него глаза, какъ сконфуженная институтка семнадцати лѣтъ.

— О, вы уже не мальчикъ! — прошептала она какимъ-то страстнымъ, дрогнувшимъ голосомъ.

Орловъ уловилъ едва слышный вздохъ.

Къ нимъ подошелъ кто-то. Черезъ минуту княгиня была уже оттѣснена отъ Орлова. Ей всѣ говорили о немъ. Какъ онъ ловокъ и изященъ. Какъ онъ хорошъ собою. Это не та правильная и нѣсколько мертвая красота, которая встрѣчается на картинахъ и въ статуяхъ. Нѣтъ, тутъ все неправильно: и черты лица, и цвѣтъ лица, и краска на лицѣ; но все это сливается въ такую гармонію при помощи внутренней жизни, отражающейся въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этого человѣка. Кто онъ? Студентъ Петербургскаго университета?—Да. Но онъ правая рука князя. Князь его зоветъ геніальнымъ мальчикомъ. Да развѣ онъ мальчикъ? Помилуйте! Мальчики такъ не чувствуютъ. Надо было много пожить, чтобы такъ чувствовать. О, у него вѣрно были даже сердечные романы, несчастная любовь. Говорятъ, онъ пишетъ стихи? Ахъ, такъ это, можетъ-быть, нашъ будущій Пушкинъ, Лермонтовъ?...

Старая барыня, распрашивавшая объ Орловѣ во время спектакля, говорила теперь своей сосѣдкѣ:

— Ничему я не вѣрю изъ того, что они разсказываютъ про его происхожденіе.

— Да у него же живы еще отецъ и мать!

— Такъ что-жь изъ этого? Мало ли кого люди называютъ отцомъ и матерью только потому, что имъ сказали: «вотъ ваши отецъ и мать». Сынъ какого-то канцеляриста! Статочное ли это дѣло? Вы взгляните на эту фигуру, на эти руки, на это блѣдное лицо!... Тутъ благородная раса видна.

— Но что же вы предполагаете?

— Что?—А то, что у князя тоже были свои романы. И съ чего бы князю няньчиться съ нимъ. Что умнъ?...—Ахъ, что вы мнѣ говорите! Да мало ли умныхъ людей на свѣтѣ, однако князь

не няньчится ни съ кѣмъ изъ нихъ! Да, наконецъ, я помню князя молодымъ и, право, мнѣ кажется, что онъ стоитъ снова предо мною въ лицѣ этого юноши.

— Вы находите между ними сходство?

— Какъ двѣ капли воды. Конечно, я давно знала князя молодымъ. Но вѣдь еще, слава Богу, память-то у меня свѣжа... Во всякомъ случаѣ тутъ есть тайна. Иначе не можетъ быть и, конечно, какой-нибудь сынъ канцеляриста не попалъ бы сюда. Помилуйте, да тутъ мои дочери...

Отрывки подобныхъ разсужденій долетали и до Орлова. Молодой Русовъ спрашивалъ у него:

— Этотъ Грибоѣдовъ еще писалъ что-нибудь? Онъ хорошо написалъ это! Мнѣ нравится, какъ этотъ Чацкій всѣмъ правду въ глаза высказалъ. Только напрасно онъ влюбился въ эту лицемѣрку. Право же, всѣ наши барышни—такія и изъ-за нихъ не стоитъ такъ мучиться. Конечно, приходится на нихъ жениться, такъ какъ нельзя же дѣлать разныхъ messaillances. Но обмануть — онѣ всегда обманутъ. Ахъ, я теперь все это понимаю, понимаю, какъ я часто несправедливо обвинялъ рара и другихъ.

— Отца?... За что ты обвинялъ отца?—спросилъ Орловъ.— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ,—небрежно отвѣтилъ князь.—Я только говорю, что все это въ порядкѣ вещей, что мы, nous autres, поневолѣ иногда ищемъ на сторонѣ привязанностей, обманутые дома, у себя...

Князь вздохнулъ.

— Кстати о женщинахъ. Ты имѣешь свѣдѣнія о своей сестрѣ?—спросилъ онъ.

— Я же съ ней живу въ одной квартирѣ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, я не о той, не о родной твоей сестрѣ спрашиваю, а объ этой... Ну, какъ ее звали... красавица такая?

— О Настѣ?—спросилъ Орловъ.

— Настя ее звали?—сказалъ князь и задумался.—Настя... Нѣтъ, значитъ это не она... Та—Натали... Но какое сходство, какое сходство!...

— Да что ты хочешь сказать?—уже раздражительно спросилъ Орловъ.

— Такъ какъ это не она, то я могу тебѣ сказать, — проговорилъ князь.—Видишь ли, недавно появилась одна дѣвушка... изъ простыхъ... Съ ней познакомился одинъ изъ нашихъ, Ми-

хайловскій-Несмѣльскій, и показывалъ намъ ее... Она такъ похожа, такъ похожа...

— Что за пошлости ты выдумываешь! — злобно сказалъ Орловъ.—Моя сестра живетъ работой, а не...

— Но я же не объ ней говорю! — перебилъ его князь.—Я говорю о сходствѣ... Это—поразительное сходство, увѣряю тебя... Та же красота... Но я былъ бы даже опечаленъ, голубчикъ, еслибъ это была твоя сестра,—очень опечаленъ, потому что я во что бы то ни стало рѣшился отбить эту дѣвочку... Что бы это мнѣ ни стоило, а отобью... Да, впрочемъ, и самъ Михайловскій-Несмѣльскій ее броситъ.

Орловъ пожалъ плечами.

— Вы только этимъ и занимаетесь тамъ! — проговорилъ онъ.—Есть деньги—покупаете любовь, не будетъ денегъ—сами продаваться станете.

— Мы только откровенно говоримъ о томъ, что мы дѣлаемъ, а такіе господа, какъ ты...—князь иронически засмѣялся и не кончилъ фразы. — Вѣдь не повѣрю же я, чтобы ты въ твои годы уже принялъ великое постриженіе, какъ выражается Поль Зуровъ.

Онъ слегка похлопалъ по плечу Орлова и прибавилъ, понизивъ тонъ:

— Впрочемъ, если у тебя интрижка съ одной изъ свѣтскихъ дамъ, то ты благородно дѣлаешь, скрывая это. Этого правила держимся и мы.

Онъ отошелъ отъ Орлова, чтобы вмѣшаться въ группы танцующихъ.

У Орлова вдругъ сдѣлалось какъ-то скверно на душѣ. Впервые послѣ долгихъ лѣтъ онъ опять почувствовалъ себя въ этомъ домѣ точно не на своемъ мѣстѣ, хотя именно въ этотъ вечеръ онъ былъ героемъ минуты, за нимъ всѣ ухаживали. Ему вдругъ вспомнились слова князя о томъ, что онъ обругалъ эту публику, играя Чацкаго. Онъ самъ не сознавалъ этого раньше, во время игры, но теперь ему было ясно, что это было такъ; онъ точно сердился на этихъ людей, не обращавшихъ прежде на него никакого вниманія. Потомъ въ его умѣ промелькнуло воспоминаніе о странномъ обращеніи съ нимъ княгини. Почему она стала ему говорить «вы», почему она такъ странно смотрѣла на него? Что съ ней сдѣлалось?... Это была для него необъяснимая загадка. А Александръ? Какъ онъ спросилъ его о Настѣ? Какой пошлый

тонъ! Содержанку отбиваетъ у товарища. Только этимъ и занятъ. Смотритъ на хорошенькую дѣвушку—какъ на продажную тварь. Да развѣ онъ и можетъ иначе смотрѣть на какую-нибудь Настю? Вѣдь всѣ эти Насти—голь перекатная! Стоитъ ли съ ней церемониться?... Будь Настя дочь какой-нибудь графини, княгини, финансовой знаменитости,— Александру и въ голову не пришла бы мысль о любовной интрижкѣ, о любовной связи: на тѣхъ дѣвушекъ смотрятъ какъ на невѣстъ, а на этихъ нищихъ смотрятъ какъ на продажныхъ и покупныхъ любовницъ. Ихъ не любятъ,—съ ними только тѣшутъ свои животныя страсти. За это никогда не придется отвѣчать, никогда не придется краснѣть: бѣдной дѣвушкѣ бросаютъ плату за ея ласки и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность. Если она или ея близкіе вздумаютъ протестовать, имъ зажмутъ рты силою, угрозами. Здѣсь полный произволъ однихъ и полное безправіе другимъ. Въ душѣ Орлова поднималась желчь. Онъ сознавалъ ясно, что онъ въ сущности ненавидитъ этихъ людей,—сознавалъ это именно въ тотъ день, когда эти люди впервые обратили на него вниманіе. За что они сегодня, такъ сказать, носили его на рукахъ?—Потому что онъ съумѣлъ расшевелить ихъ вялые нервы, потому что они увидали въ немъ талантъ, могущій доставить имъ лишнюю минуту удовольствія, потому что они разсмотрѣли его красоту, могущую служить украшеніемъ въ ихъ салонахъ, какъ служатъ въ нихъ украшеніемъ блестящіе мундиры, дорогія статуи, эффектныя картины. Да, онъ своими ушами слышалъ, какъ какая-то барыня такъ прямо и замѣтила: «онъ дѣйствительно можетъ служить украшеніемъ любого бала!» Человѣкъ, внутренній человѣкъ для нихъ не существовалъ: честенъ ли, добръ ли, уменъ ли онъ,—до этого имъ не было дѣла. Имъ также не было до него дѣла, когда онъ былъ не болѣе какъ пригрѣтый князьями Русовыми бѣднякъ. Никто изъ этихъ людей не обращалъ на него вниманія, никто не интересовался, какъ ему живется. Еслибъ онъ вдругъ исчезъ изъ дома Русовыхъ, никто не спросилъ бы: а что сдѣлалось съ этимъ юношей?... Да, эти люди—ему чужіе; болѣе чѣмъ чужіе,—они его враги. Они, именно они, давятъ и презираютъ всѣхъ, кто бѣденъ, кто незнатенъ, кто гибнетъ подъ ярмомъ труда, въ борьбѣ съ судьбою. Но развѣ онъ не обязанъ многимъ князьямъ Русовымъ, принадлежащимъ къ этому же кругу людей? Можетъ-быть и обязанъ; но вѣдь и князья Русовы приласкали его чисто случайно: они не искали его, они не спасли

его ни отъ чего,—они просто сначала терпѣли его въ своемъ домѣ, какъ родственника уважаемаго ими Лампадова, потомъ заинтересовались имъ, какъ интересуются маленькой умной собачонкой, ученой обезьянкой, болтливымъ попугаемъ. И только, и только. «Неблагодаренъ, какъ рабъ», вдругъ промелькнула въ головѣ Орлова гдѣ-то прочитанная имъ фраза, и на его щекахъ выступилъ даже румянецъ. О, нѣтъ, это не неблагодарность раба. Это—сознаніе независимаго человѣка, знающаго, что онъ ничѣмъ не обязанъ другому человѣку. Онъ выросъ бы и безъ князей Русовыхъ такимъ же человѣкомъ, можетъ-быть даже лучшимъ человѣкомъ; никогда никакихъ благодѣяній не принималъ онъ отъ нихъ. Онъ вспомнилъ даже, какъ онъ еще давно, не желая быть имъ обязаннымъ, отказался разъ ѣхать съ ними на лѣто въ деревню, сказавъ, что у него есть въ Петербургѣ уроки. Но онъ получаетъ отъ князя жалованье?—Да; но вѣдь онъ работаетъ за двоихъ и притомъ самъ князь сознаетъ и говоритъ всѣмъ и каждому, что Орловъ дѣлаетъ въ пять минутъ то, чего другой не сдѣлаетъ и въ часъ. Онъ не та бездарность, которая краснѣетъ за свою работу и стыдливо беретъ плату за трудъ, какъ милостыню. Но князья Русовы любятъ его теперь, какъ родного?—Что жъ изъ этого? Развѣ онъ не заслужилъ этой любви? Онъ ее заслужилъ и нужно бы быть совсѣмъ тупыми и безсердечными людьми, чтобы не привязаться къ человѣку, который въ столько лѣтъ успѣлъ заслужить, завоевать эту любовь. Нѣтъ, и у князей Русовыхъ онъ самъ завоевалъ все и ничего не дали ему здѣсь только во имя того, что онъ человѣкъ, и притомъ страдающій, нуждающійся въ любви и въ ласкѣ человѣкъ. И вновь ему вспомнился Ершъ,—грязный, грубый Ершъ,—поднявшій его на руки и утѣшавшій его, когда онъ въ дѣтствѣ разбилъ себѣ голову. Онъ плакалъ и этого было достаточно, чтобы Ершъ приголубилъ его. О, сколько плачущихъ дѣтей видятъ князья Русовы и проходятъ мимо ихъ! Имъ, князьямъ Русовымъ, нужно отрекомендовать, представить несчастнаго ребенка, тогда они займутся имъ,—займутся не потому, что онъ несчастенъ, а потому, что это—protégé такого-то... А сколько добра могли бы они дѣлать! Но ихъ надо наталкивать на это добро, нужно указывать имъ на людскія несчастія, иначе они будутъ и глухи, и слѣпы. Да, ловкій руководитель, можетъ забрать ихъ въ руки, направить ихъ по-своему, добиться при помощи ихъ извѣстныхъ цѣлей. Сила покуда всецѣло въ ихъ рукахъ: при помощи ихъ можно

сдѣлать все, безъ ихъ помощи нельзя ничего добиться. И именно этихъ-то людей можно держать въ рукахъ, какъ держатъ ихъ въ рукахъ ихъ лакеи, камердинеры, горничныя, ключницы, старосты, управляющіе. О, никто лучше Орлова не знаетъ, что значитъ какой-нибудь барскій слуга въ дѣлѣ протекцій, доставленій мѣстъ, устройства подрядовъ. «Только наша братья, голь,—думалось Орлову,—знаетъ вполнѣ всѣ эти тайны лакейскихъ». Въ его горячей молодой головѣ зароились тысячи плановъ широкой плодотворной дѣятельности. Въ его умѣ слагался невольно одинъ девизъ всей будущей жизни: «все черезъ нихъ, все не для нихъ». Да, дѣлать дѣло можно покуда только при помощи этихъ людей—сильныхъ и богатыхъ, дѣлать должно все только на пользу другихъ людей—угнетенныхъ и нищихъ. И снова въ этой страстной душѣ чувствовался необычайный подъемъ духа. Какой-то внутренній голосъ, надменный и самолюбивый, шепталъ ему: «дерзай,—ты можешь!» Не даромъ же, еще въ годы далекаго дѣтства, его, маленькаго Митю, посѣщали великіе замыслы о его могуществѣ и силѣ, о его благодѣяніяхъ бѣднымъ и слабымъ. Въ этомъ было какое-то предзнаменованіе, какое-то пророчество. Вѣдь сотни дѣтей росли вокругъ него и никто изъ этихъ дѣтей не предавался такимъ мечтамъ, не предавался имъ такъ упорно. Это не даромъ. Какую-то безграничную самоувѣренность внушали эти мысли Орлову. Ему казалось, что онъ пойдетъ къ своей цѣли, какимъ бы то ни было путемъ, и добьется своего, какой бы то ни было цѣной. Въ его головѣ созрѣлъ одинъ планъ и онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію.

— А знаете ли, я хочу вступить членомъ въ ваше общество,—сказалъ Орловъ княгинѣ Русовой въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, сидя у нея за завтракомъ.—Конечно, если меня примутъ безъ особенныхъ гримасъ.

— О, наши дамы будутъ очень рады,— сказала княгиня.

— Что это, ты въ кого-нибудь изъ благотворительницъ влюбился?—спросилъ шутливо князь.

— Мнѣ хочется изучить дѣло нашей филантроніи,—отвѣтилъ коротко Орловъ.

— То-есть посмотрѣть, какъ люди въ бѣличьемъ колесѣ вертятся?—сказалъ князь.—Это и изучать не стóитъ.

— Мы васъ тотчасъ же выберемъ въ секретари,—замѣтила княгиня, не обращая вниманія на слова мужа,— чтобы вы не думали, что это такое легкое дѣло.

— О, я буду очень радъ!—отвѣтилъ Орловъ.—Я вѣдь очень серьезно хочу заняться этимъ дѣломъ.

Княгиня не ошиблась: Орлова не только съ радостью приняли въ члены благотворительнаго общества, какъ принимали всѣхъ вносившихъ годовой членскій вносъ, но тотчасъ же предложили ему исправлять должность секретаря, такъ какъ въ этой должности никто не оставался подолгу, тяготясь ею. Про него, когда вопросъ шелъ о его вступленіи въ члены, иначе не говорили въ комитетѣ, какъ «это тотъ интересный молодой человѣкъ».

Въ первое же засѣданіе комитета Орловъ явился на своемъ мѣстѣ около княгини Русовой и любезно поблагодарилъ комитетъ за возложенную на него обязанность. Въ комитетѣ шли обычные доклады о посѣщеніи бѣдныхъ, о необходимости дать тому-то и тому-то три или четыре рубля пособія, о возложеніи на кого-нибудь изъ членовъ хлопотъ по помѣщенію какой-нибудь дѣвочки или какого-нибудь мальчика въ пріютъ. Все это было незанимательно и скучно, и большинство членовъ, состоявшее изъ дамъ, шепотомъ болтало о театрахъ, балахъ, тряпкамъ. Нѣсколько оживленнѣе прошелъ вопросъ о лотереѣ, немного поспорили при вопросѣ о будущемъ домашнемъ спектаклѣ и кто-то даже замѣтилъ любезно, что спектакль, конечно, можетъ быть удаченъ, если будутъ такіе актеры, какъ «нашъ любезный секретарь». Орлову оставалось только поблагодарить за любезность. Наконецъ комитетъ кончился, всѣ стали разъѣзжаться. Остались только Орловъ да одна изъ родственницъ княгини Русовой. Орловъ укладывалъ на столъ въ кабинетѣ княгини бумаги.

— Ну, что вы скажете о нашемъ засѣданіи?—спросила его княгиня.

— Скучно, княгиня!—отвѣтилъ Орловъ.

— Ахъ, какъ не стыдно: былъ на одномъ засѣданіи и уже соскучился!—шутливо замѣтила хозяйка.

— Да, вѣдь точно скучно! — недовольнымъ тономъ сказала родственница княгини. — Это совершенная правда и monsieur Orloff только громко высказалъ то, что мы всѣ испытываемъ тайно.

— Но что же дѣлать, что же дѣлать? Это жертва!—сказала княгиня.

— Я это понимаю и, ты видишь, ѣзжу на наши засѣданія,— отвѣтила родственница хозяйки. — Но не скучать на этихъ засѣданіяхъ, право, не могу.

— О, еслибы только захотѣть, не было бы ни скучно, ни тяжело,— сказалъ Орловъ, стоя въ отдаленіи отъ дамъ и прислонясь къ маленькой этажеркѣ.—Скучно потому, что никто не видитъ пользы въ этой трехрублевой помощи, въ этомъ толченіи воды въ ступѣ, въ одномъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее.

— Ахъ, не говорите съ такимъ пренебреженіемъ о нашихъ пособіяхъ!— замѣтила княгиня.— Бѣдняки нуждаются иногда въ рублѣ...

— Я знаю, что они иногда и въ грошѣ нуждаются, — сказалъ Орловъ.—Но эти рубли никого ни отъ чего не спасаютъ. Взгляните на дѣло шире, создайте систему, которая прямо давала бы осязательные результаты, спасала бы бѣдняковъ отъ нищеты, породила бы между вами и ими нравственную связь, и тогда оживутъ не только они, но и вы оживитесь, будете волноваться, будете жить этимъ дѣломъ. Вы бросаете теперь подачки... кому?—Какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, можетъ-быть обманывающимъ васъ, можетъ-быть пропивающимъ ваши деньги.

— Что-жь дѣлать, если насъ обманываютъ! — сказала родственница княгини. — Это неизбѣжно.

— Не думаю, — возразилъ Орловъ. — Не нужно только разбрасываться и бросать деньги первому встрѣчному попрошайкѣ. Изберите нѣсколько человѣкъ, напримѣръ, женщинъ-работницъ, дайте имъ жилища, дайте имъ работу, устройте тутъ же школу для ихъ дѣтей,—слѣдите за тѣмъ, какъ онѣ мало-по-малу воскреснутъ, какъ онѣ ободрятся, какъ станутъ развиваться эти дѣти. Это, быть-можетъ, будутъ будущіе полезные граждане, великіе люди, крупные таланты. Кто знаетъ? Когда мы ласкаемъ ребенка, когда мы пригрѣваемъ его, у насъ есть свѣтлая надежда увидѣть его честнымъ, умнымъ, здоровымъ человѣкомъ, и намъ сладки эти мечты, мы еще болѣе привязываемся къ этому существу за эти золотыя грёзы. Вы знаете по опыту, княгиня, что иногда изъ облагодѣтельствованныхъ дѣтей выходятъ довольно порядочные люди, — съ улыбкой замѣтилъ Орловъ.

Княгиня разсмѣялась, понявъ его намекъ.

— Воспитывая дѣтей, можно по крайней мѣрѣ надѣяться на что-нибудь,—продолжалъ онъ.—А вамъ, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ въ вашемъ обществѣ, и мечтать даже не о чемъ. Вы можете только сомнѣваться въ томъ, что ваши деньги пошли дѣйствительно на хлѣбъ, а не въ кабаки.

Онъ говорилъ оживленно, особымъ, свойственнымъ ему, тономъ—то горячимъ, то холодно-ироническимъ, приковывая и поддерживая вниманіе слушательницъ этими переходами.

— Мнѣ часто грезится картина такого благотворительнаго общества, основаннаго на широкихъ началахъ, съ тѣсною связью благодѣтелей и бѣдняковъ,— продолжалъ онъ.—Я вижу большой домъ со свѣтлыми и просторными комнатами, съ широкими коридорами, со свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ. Сюда стекаются изъ подвальныхъ угловъ, съ темныхъ чердаковъ изстрадавшіяся, полуголодныя женщины, обремененныя дѣтьми. Онѣ находятъ здѣсь и теплый уголъ, и работу. За дешевую плату имъ готовятъ въ просторной кухнѣ обѣдъ, такъ что имъ не нужно отрываться отъ труда для кухонной стряпни. Ихъ дѣти бѣгутъ въ общій залъ—въ школу, гдѣ ихъ учатъ, развиваютъ, спасая отъ уличной грязи, отъ уличнаго разврата. Вы вѣдь не можете и представить себѣ, какое благо можетъ принести одна эта сторона дѣла. Надо вырости въ этой средѣ, среди голи, чтобы знать, чего насмотрится, чего наслушается ребенокъ въ подвальномъ углу, на улицѣ, среди всякаго сброда и отребья человѣчества. Я росъ въ этой средѣ, я это знаю по личному опыту. Когда кругомъ васъ царятъ развратъ и пьянство, когда кругомъ васъ одни пресмыкаются, другіе проклинаютъ,— тутъ нечего думать о дѣтской чистотѣ, о невинности, о цѣльности натуры; тутъ люди выростаютъ искалѣченными, изломанными, испорченными; спасается изъ тысячъ одинъ, да и у этого случайно спасеннаго остается слишкомъ много горечи въ душѣ, чтобъ онъ могъ назвать себя вполнѣ счастливымъ. Я по крайней мѣрѣ сознаю, что, что бы ни случилось со мною, какіе бы успѣхи ни ожидали меня,—въ моей душѣ навсегда останутся слѣды прошлаго, какъ у раненнаго остаются рубцы зажившихъ ранъ, и, повѣрьте, у него вѣчно будутъ ныть эти раненныя мѣста передъ погодой... Отъ этого-то вы можете спасти десятки дѣтей, десятки будущихъ гражданъ.

Орловъ увлекся и увлекъ своихъ слушательницъ. Княгиня опять какъ-то странно смотрѣла на него съ разгорѣвшимся лицомъ, съ затаеннымъ дыханіемъ. Орловъ ничего не замѣчалъ и продолжалъ развивать свой планъ, увлекаясь своимъ вдохновеніемъ.

— Все это не будетъ стоить вамъ больше, чѣмъ стоятъ ваши подачки, никого не спасающія отъ голода,—продолжалъ онъ съ

жаромъ.— Вы будете давать работу женщинамъ, удерживая часть платы за квартиру и столъ, откладывая часть на школу. Бѣдняки только потому и бѣдны, что ихъ эксплуатируютъ всѣ, а они не умѣютъ соединиться вмѣстѣ, чтобы дать отпоръ эксплуататорамъ при помощи стачки. Большое помѣщеніе обойдется дешевле, чѣмъ обошлись бы сотни нанятыхъ въ разныхъ мѣстахъ угловъ; работу можно достать всегда выгодную по подрядамъ на разныя учрежденія; обѣдъ будетъ стоить дешевле, когда провизія будетъ закупаться оптомъ, а не по мелочамъ. Люди вообще слабы только потому, что они идутъ всѣ врознь и вразбродъ. Войско не потому всегда побѣдитъ массу мужиковъ, что мужики слабѣе солдатъ, но потому уже, что солдаты идутъ плотно, сомкнутымъ строемъ, тогда какъ тѣ нападаютъ какъ попало, разъединенною толпой. Сомкните въ одинъ строй работниковъ и это будетъ непобѣдимая сила.

Слушательницы были въ восторгѣ отъ этихъ новыхъ для нихъ плановъ, даже и не подозрѣвая, сколько тутъ было ребяческой неопытности и молодаго увлеченія несбыточными мечтами. Орловъ рисовалъ передъ ними широкими штрихами картину ихъ дѣятельности: устроить большую квартиру, мастерскую, школу, ѣздить хлопотать о заказахъ, устраивать въ пользу общества балы, спектакли и аллегри, устраивать въ самой мастерской балы, чтенія, елки—все это было такъ разнообразно! Орловъ говорилъ, что нужно будетъ наблюдать за мастерской, за обѣдами, за ученьемъ самимъ попечительницамъ, что онѣ должны будутъ все направлять, за всѣмъ смотрѣть. Это было что-то необычайное для нихъ. Передъ ними открывался какой-то новый міръ кипучей работы, обѣщавшій имъ спасеніе отъ скуки, выдвигавшій ихъ на сцену общественной дѣятельности.

Когда Орловъ удалился, родственница княгини воскликнула:

— Это просто геніальная идея!

— Онъ вообще необыкновенный человѣкъ! — сказала княгиня.—Онъ еще ребенкомъ изумлялъ меня своею страстностью...

— Онъ, вѣрно, много выстрадалъ...

— О, конечно, конечно!... Онъ не любитъ говорить о себѣ, но я знаю отчасти его прошлое...

Княгиня задумалась.

— Ты, конечно, станешь его продюизировать?— сказала ея родственница.

— Да, да!—живо отвѣтила княгиня.

Разсказъ о планахъ Орлова разнесся на другой же день по десятку салоновъ, гдѣ успѣли побывать двѣ первыя поклонницы, двѣ первыя ученицы Орлова, уже просто на-просто называвшія его геніемъ. Геній... Эта кличка нерѣдко такъ же легко дается людямъ, какъ названіе дурака, какъ всякое другое названіе, срывающееся съ языка у двухъ-трехъ лицъ въ минуту увлеченія или раздраженія. Когда князь Русовъ внезапно услышалъ, что его любимца называютъ геніемъ, онъ добродушно улыбнулся и замѣтилъ, что онъ, князь Русовъ, хотя и не считаетъ Орлова геніемъ, но признаетъ его очень неглупымъ человѣкомъ, а главное — видитъ въ немъ массу благородныхъ порывовъ и страстной впечатлительности. Всѣ знали, что князь остороженъ въ своихъ приговорахъ и потому его отзывъ объ Орловѣ не охладилъ всеобщаго уваженія, а напротивъ того—какъ будто оправдалъ это увлеченіе.

Барыни только и толковали, что про Орлова.

— Самъ князь признаетъ его необыкновеннымъ человѣкомъ, а вы знаете, какой скептикъ князь.

— И что выстрадалъ этотъ молодой человѣкъ!... Онъ выросъ среди нищеты и разврата. Необразованная мать, пьяница-отецъ, голодные братья и сестры,—о, это ужасно! Онъ чуть не съ колыбели долженъ былъ зарабатывать каждый кусокъ хлѣба, учась самоучкой всему...

— Да вѣдь стоитъ взглянуть на него, чтобы понять, сколько онъ пережилъ... На его лицѣ лежитъ печать горечи и печали.

Этимъ толкамъ не было конца. Орловъ былъ въ модѣ. Это былъ мученикъ и пророкъ.

Орловъ между тѣмъ уже выработалъ планъ новаго устройства благотворительнаго общества княгини, принявшись за дѣло со всѣмъ задоромъ увлекающейся юности, думающей пересоздать все человѣчество при помощи какой-нибудь увлекшей ее теоріи или системы. Эти увлеченія по большей части не переживаютъ свѣтлой поры нашей молодости; но кто не увлекался такъ, тотъ не знаетъ цѣлаго ряда наслажденій, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ молодость. Орловъ работалъ надъ развитіемъ своего плана, забывая объ отдыхѣ и снѣ, рисуя грандіозную картину будущаго, надѣясь быть создателемъ какой-то новой общины, разростающейся, развѣтвляющейся все шире и шире, образующей своего рода государство въ государствѣ. Здѣсь, воспитываясь вмѣстѣ, дѣти

выйдутъ хорошими людьми, полными чувства равенства и братства, готовыми дальше развивать ту общину, которая воспитала ихъ, которая спасла ихъ отъ гибели. Имъ уже не нужно будетъ руководителей и надзирателей; они сами пойдутъ своею дорогой, они будутъ сами знать, что имъ нужно. Иногда у Орлова духъ захватывало отъ восторга, когда онъ заглядывалъ въ лучезарную даль грядущаго.

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими» классами и «народомъ».

„.... Старая Европа влачитъ за собою тысячелѣтнюю исторію. Стараніе отрубить этотъ хвостъ ни къ чему не поведетъ: онъ все-таки будетъ вліять на настоящее".

Константинъ Франц.

Въ первой половинѣ нашего очерка *) мы, если припомнитъ читатель, старались установить—и, смѣемъ думать, сдѣлали это—тотъ несомнѣнный фактъ, что рознь между такъ-называемыми «командующими» классами и народомъ есть исконное историческое явленіе нашего—да, прибавимъ, и всякаго другаго—общественно-историческаго строя. Къ такому заключенію мы пришли, отвѣчая на вопросъ: «когда возникла» указанная рознь въ Россіи. Въ настоящей статьѣ мы обратимся къ посильному разрѣшенію другаго вопроса: «почему возникла» эта рознь,—другими словами, постараемся указать, оставаясь на той же исторической почвѣ, гдѣ, въ чемъ лежатъ *причины* этой розни или, лучше сказать, *лежали* въ нашемъ прошломъ.

Публицисты-патріоты говорятъ намъ, что съ XVIII столѣтія причины эти лежатъ въ существованіи интеллигенціи или, лучше, того яда, который эта послѣдняя вынесла изъ отравленной уже имъ Европы и, отравившись сама, отравила имъ все и вся вокругъ себя. Эта отрава одурманила отравившіеся ею цѣлые классы, которые, въ силу этого, перестали понимать интересы народа, интересы отечества и, закусивъ удила, понеслись по скользкому пути, пройденному гораздо ранѣе отравленною Европой,—понеслись, оставивъ за собою народъ, какъ оставляетъ за собой экипажъ рьяный форейторъ, оборвавшій постромки, говоря картиннымъ языкомъ покойнаго Достоевскаго. Такимъ отравленнымъ отравителемъ-форейторомъ вначалѣ былъ Петръ съ его подвижниками,

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. XI.

вообще правительство, а потомъ, главнымъ образомъ, литература опредѣленнаго пошиба. Допустимъ, что это такъ; но въ такомъ случаѣ мы получимъ объясненіе розни и такихъ ея послѣдствій, какъ «крамолы, измѣны и хищенія», лишь за XVIII-й и нашъ вѣкъ. А чѣмъ же мы объяснимъ эти же самыя явленія въ предшествовавшія времена, когда указанной отравы *несомнѣнно*, какъ увидимъ, не существовало?

Да нечего грѣха таить, «патріоты своего отечества» никогда и нигдѣ не дали объясненія, почему форейторъ оборвалъ постромки, именно лизнулъ европейскаго яда, а не россійско-колупаевской сивухи или другой какой-либо отравы отечественнаго производства. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, почему Колупаевъ съ Разуваевымъ, коихъ никакой «патріотъ» не заподозритъ въ знакомствѣ съ западно-евронейской отравой и сосудомъ ея, книгой,—почему сіи столпы, превосходно знающіе и понимающіе народъ своего отечества и такъ прочно, такими солидными постромками связанные съ тѣмъ и другимъ, такъ плохо блюдутъ интересы отечества, «смѣшивая его съ начальствомъ», и интересы народа, отождествляя его съ дойною коровой или нагуливающею шерсть овцой? Далѣе, въ-третьихъ, не объясняютъ намъ патріоты и того, почему урядникъ и становой, люди вполнѣ благонадежные, какъ совершенно свободные отъ всякаго общенія съ интеллигенціей и присными ей, свою задачу охраненія и водворенія добрыхъ нравовъ, спокойствія и порядка въ большинствѣ случаевъ свели на раззореніе и искорененіе сихъ послѣднихъ? Почему всякій волостной старшина, сельскій староста и иные, изъ народа вышедшіе, администраторы, лишь только «оболокутся» властью своей малою и придутъ въ ближайшее соприкосновеніе съ только-что упомянутыми стражами нравовъ и порядка, ни мало не медля, превращаются въ хищниковъ? Наконецъ, гдѣ и когда дали намъ патріоты-публицисты хоть какое-нибудь объясненіе, почему народъ, и доселѣ отождествляющій Европу съ Бѣлой Арапіей и, стало-быть, неповинный въ знакомствѣ ни съ какими ея произведеніями «умственнаго» свойства,—почему, спрашиваемъ, народъ этотъ, по утвержденію тѣхъ же «патріотовъ своего отечества», съ-кругу спился?... Намъ, пожалуй, скажутъ, что онъ спился лишь *въ наше время*,—ergo, благодаря опять-таки тому, что одурѣвшій форейторъ умчался за тридевять земель, оставивъ его, этотъ народъ, топтаться на одномъ мѣстѣ—у кабака. Мы дерзаемъ не повѣрить ни утвержденіямъ о *нашемъ* времени, ибо,

знаемы будучи съ исторіей, знаемъ, что кабакъ царилъ и въ періодъ пресловутаго Московскаго государства (и какъ царилъ!), — ни заключенію, изъ сего утвержденія выведенному, ибо знаемъ, что никто, ни даже свѣдущіе люди, о водвореніи умчавшагося форейтора на мѣстѣ, болѣе его обязанностямъ соотвѣтствующемъ, путемъ хотя бы починки постромокъ, не заботится: все сводится къ реформѣ самого кабака, можетъ-быть и дѣйствительно къ реформамъ воспріимчиваго.

Мы обращаемся къ исторіи, руководясь азбучною истиной, высказанной прусскимъ ученымъ публицистомъ и приведенной въ эпиграфѣ. Кто знаетъ, быть-можетъ, опираясь на эту истину, получится нѣкоторая возможность перенести кое-что, по занимающему насъ вопросу, изъ прошлаго въ настоящее. Мы тѣмъ болѣе питаемъ эту надежду, что никто никогда и не стремился отрубить это прошлое отъ настоящаго. Обвиняемый въ этомъ грѣшномъ дѣяніи, Петръ Великій, въ сущности, вовсе въ немъ неповиненъ.

II.

„Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ".

«Слово о Даніилѣ Заточникѣ».

„.... А нищимъ такожде, и въ милость и во благодареніе; а *себѣ отъ Бога мзда, а отъ людей добрая слава*".

«Домострой», гл. XI.

Несмотря на всю ту страшную рознь, которая, какъ мы видѣли, разъѣдала древнюю Русь, *духовной* розни въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ей въ наше время публицисты указаннаго лагеря, *не существовало* въ этой Руси. «Командующіе» классы не были оторваны *духовно* отъ «почвы» народной и ихъ «корни» въ этомъ отношеніи нисколько не нуждались въ «оздоровленіи», ибо питались соками, одинаковыми съ тѣми, которыми утучнялась и самая «почва». И «почва», и «корни» питались изъ одного источника — «церковно-лѣтописной литературы» и духовныхъ проповѣдей. Всѣ слои населенія, имѣвшіе возможность *устроить* свою жизнь, устроивали ее на однихъ и тѣхъ же нравственно-религіозныхъ началахъ: и царь московскій, и зажиточный посад-

ский, и не нищій крестьянинъ, и холопъ не звѣря боярина—всѣ строили свой обиходъ, свою «порядню» по одному и тому же образцу—«Домострою». Единство полное: всѣ молятся одному Богу, хоть и молятся ему не одинаково, какъ увидимъ, всѣ—рабы однихъ и тѣхъ же суевѣрій, однихъ и тѣхъ же развлеченій, однихъ и тѣхъ же пороковъ и грѣховъ. Это — полное *единство* крайняго, безпросвѣтнаго *невѣжества*. Не будемъ забѣгать впередъ.

На этотъ разъ, по данному вопросу, мы не поведемъ за собою читателя слишкомъ далеко, «въ глубь вѣковъ». Мы не поведемъ его дальше второй половины XV столѣтія, такъ какъ нѣтъ нужды доказывать, что чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ глубь историческую, тѣмъ меньше рискуемъ встрѣтиться съ тою духовною рознью, которую имѣемъ здѣсь въ виду. Съ указаннаго времени мы начинаемъ какъ со времени перехода отъ княжеско-вѣчеваго періода нашей исторіи къ московско-царскому. Это—время, въ которое остатки прошлаго, уже искаженные новыми началами, доживаютъ свой вѣкъ въ лицѣ Новгорода, Пскова, на которыхъ уже затягивается мертвая петля силами этихъ новыхъ началъ. Такимъ образомъ, устанавливая фактъ духовнаго единства, мы будемъ имѣть въ виду періодъ времени въ два съ половиною столѣтія, въ теченіе которыхъ была сколочена и успѣла начать развиваться великая «храмина» Московскаго государства.

Чтобъ установить по возможности прочнѣе только-что высказанное положеніе о духовномъ единствѣ, обратимся къ обыденной, домашней «порядне» различныхъ слоевъ населенія Московскаго государства. Начнемъ съ главы его—царя и великаго государя.

«Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра *). Умывшись, онъ тотчасъ же выходилъ въ *крестовую*, въ которой молебный иконостасъ давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей». Помолившись съ четверть часа, царь прикладывался къ иконѣ того святаго, память котораго праздновалась въ тотъ день. Вслѣдъ за этимъ онъ выслушивалъ «духовное *слово*»—поученіе кого-либо изъ отцовъ церкви. По окончаніи чтенія, царь вмѣстѣ съ царицей «слушали заутреню, а иногда

*) Весь „обрядъ комнатной" царской жизни мы разсказываемъ по извѣстному сочиненію *И. Забѣлина*—„Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст."

ти раннюю обѣдню». Послѣ этой службы царь, «поздоровавшись съ боярами», давно ждавшими его выхода, «поговоривъ о дѣлахъ», шелъ уже въ сопровожденіи всѣхъ ихъ «къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей». Обѣдня продолжалась часа два и царь всю ее выстаивалъ. Занявшись послѣ этого съ часъ дѣлами, царь шелъ, иногда съ нѣкоторыми изъ бояръ, къ «столовому кушанью». Это было въ двѣнадцать часовъ утра. Послѣ обѣда царь спалъ «до вечеренъ», часа три. Отстоявъ «вечерни», онъ или занимался нѣсколько времени еще дѣлами, или, что чаще, все время, вплоть до ужина, предавался различнаго рода развлеченіямъ, а послѣ ужина, помолившись еще разъ съ четверть часа въ крестовой, шелъ почивать.

Такъ проходилъ *обыкновенный* царскій день. Какая солидная часть его посвящалась исполненію религіозныхъ обрядовъ! Въ посты имъ посвящалось еще больше времени. Одинъ англичанинъ, жившій въ Россіи, разсказываетъ, что царь Алексѣй постомъ проводилъ въ церкви по пяти-шести часовъ сряду и клалъ иногда по тысячѣ и больше земныхъ поклоновъ. А сколько времени проводилъ въ церкви царь Ѳедоръ Ивановичъ? А какая масса времени и съ какимъ благочестіемъ посвящалась царями московскими торжественнымъ «богомольнымъ выходамъ» въ дни различныхъ церковныхъ праздествъ, путешествіямъ по различнымъ монастырямъ на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ!

Благочестіе и религіозное настроеніе московскихъ царей выражались не въ однѣхъ молитвахъ всякаго рода. Они необычайно строго блюли посты и постные дни недѣли—среду, пятницу, часто даже и понедѣльникъ. «А готовятся про царскій обиходъ, — разсказываетъ Котошихинъ,—мясные ѣствы въ недѣлю (воскресенье), во вторникъ, въ четвергъ, въ суботу. А въ постные дни: въ понедѣльникъ, и въ среду, и въ пятокъ, и въ посты—ѣствы рыбные и пирожные..., а въ Великій и въ Успеньевъ посты—капуста сырая и грѣтая», грибы всякаго рода и все это—«*безъ масла*». Притомъ «ѣстъ царь въ тѣ посты—въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ суботу *по одиножды на день*, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ, и въ середу, и въ пятницу во всѣ посты *не ѣстъ и не пьетъ ничего*... Такимъ же обычаемъ и про царицу, и про царевичей, и про царевенъ большихъ, въ посты и въ постные дни, ѣствы готовятъ противъ тогожъ, что и царю». Тотъ же, упомянутый выше, англичанинъ, подтверждая все это относительно Алексѣя Михайловича, прибав-

лиетъ, что этотъ царь «постился восемъ мѣсяцевъ въ годъ» и что «ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества».

Жизнь царицы, царевенъ и вообще женской половины московскаго двора текла, пожалуй, еще благочестивѣе. Здѣсь всякія богомолья и всякія дѣла благочестія вообще должны были заполнять всю жизнь. «*Молитва и милостыня*—исключительная, единственная стихія монастырской жизни»,—говоритъ г. Забѣлинъ,—наполняли почти всю жизнь на половинѣ царицы и царевенъ.

Такъ жилъ благочестивый дворъ московскій, такъ жилъ и каждый бояринъ, всякій служилый человѣкъ, такъ жилъ богатый купецъ и сколько-нибудь состоятельный посадскій. Такъ жили «командующіе» классы Московскаго государства, такъ жили они въ Москвѣ и во всей Великой, Бѣлой и Малой Россіи. Такая жизнь была *идеальною* жизнью, къ которой стремился каждый. Это была жизнь, построенная на началахъ жизни монастырской.

«*По вся дни* *),—поучаетъ пресловутый «Домострой», эта настольная книга каждаго зажиточнаго человѣка Московскаго государства,—мужъ съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница». Послѣ этой службы до отхода ко сну рекомендуется «отнюдь ни нити, ни ѣсти». А въ полночь по крайней мѣрѣ глава дома долженъ, «тайно вставъ, со слезами, прилежно Богу молитися..., а утре, возставая, такоже... отпѣти заутреня и часы, а въ недѣлю (воскресенье) и въ праздникъ молебенъ съ молитвою и молчаніемъ и съ кротко-стояніемъ единогласно пѣти и со вниманіемъ слушати и святымъ каженіе. А гдѣ некому пѣти—ино молитися довольно вечере и утре». Мужчинамъ указывается на необходимость «*по вся дни*» неупустительно посѣщать «вечерни, заутрени, обѣдни». Женщины и домочадцы обязываются къ этому лишь «въ недѣлю, и въ праздники, и во святые дни». По нѣкоторымъ праздникамъ «Домострой», не удовлетворяясь соблюденіемъ всѣхъ моленій и службъ, указанныхъ до сихъ поръ, совѣтуетъ приглашать на домъ «священническій чинъ» и «молебная совершать о всякомъ прошеніи: и молить за царя..., за его царицу, за ихъ благородныя чада и за братью его, и за бояре... Всякій чело-

*) Мы пользуемся для цитатъ „Домостроемъ“ въ изданіи г. Голохвастова, напечатанномъ въ „Чт. Общ. ист. и древн. росс.“ за 1849 годъ.

вѣкъ—«государь или государыня» (господинъ или госпожа), сынъ или дочь, слуга, всякій старый и малый—«въ домовнемъ обиходѣ», приступая къ какому бы то ни было дѣлу, «устроивъ себя, очистивъ отъ всякія скверны и руки умывъ чисто», долженъ, по «Домострою», «прежде святымъ поклонятися трижды въ землю, а по нужи—до пояса». Дѣлать же самое дѣло предписывается «съ молитвою и съ доброю бесѣдою или съ молчаніемъ» *).

Вся эта монастырская «порядня» въ каждомъ домѣ сколько-нибудь достаточномъ строго наблюдалась. Богатые люди строили у себя въ домахъ церкви, содержали священниковъ, цѣлые причты, для отправленія въ семьѣ всѣхъ требуемыхъ «Домостроемъ» службъ и молитвъ. Они строили церкви и на общую, такъ-сказать, потребу изъ религіознаго рвенія угодить Богу, заслужить Его милости. Москва, это средоточіе всего «служилаго» класса и богатаго купечества, переполнялась храмами, поражая ими всѣхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Извѣстный секретарь голштинскаго посольства, жившій въ Россіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, увѣряетъ, что въ Москвѣ того времени было до *двухъ тысячъ* церквей, монастырей и часовень. Объясненіе этого явленія Олеарій видитъ «отчасти въ томъ, что каждый вельможа, хотя и съ небольшимъ состояніемъ, устраиваетъ себѣ собственную свою часовню». Двое другихъ иностранцевъ того же времени утверждаютъ, что высочайшимъ богоугоднымъ дѣломъ считалось выстроить церковь; этимъ измѣрялось самое благочестіе человѣка**). Еще одинъ чужеземецъ, сиріецъ Павелъ дьяконъ, авторъ извѣстнаго путешествія антіохійскаго патріарха въ Россію, пораженный благочестіемъ Москвы, насчиталъ въ ней, во второй половинѣ XVII ст., болѣе *четырехъ тысячъ* церквей! Отъ Москвы не отставали и другіе города. По свидѣтельству того же Павла дьякона, въ Кіевѣ было около ста церквей и монастырей; много ихъ было и во всѣхъ городахъ русскихъ того времени: стоитъ вспомнить, что во всѣхъ нашихъ городахъ настоящаго времени,—городахъ старыхъ, въ родѣ Нижняго, Ярославля, Костромы, Владиміра и т. д.,—огромное большинство церквей—старыя, по крайней мѣрѣ XVII столѣтія; и какое количество ихъ!

---

*) „...Крестятся русскіе при начинаніи ими всякаго дѣла, какъ мірскаго, такъ и духовнаго; безъ креста они не станутъ ни пить, ни ѣсть и не приступятъ ни къ какой работѣ", говоритъ *Олеарій* („Путешествіе", русск. пер. 1870 года, стр. 330).

**) *Рущинскій*: „Религіозный бытъ русскихъ XVI и XVII ст.", стр. 61.

Однихъ монастырей въ Россіи второй половины XVII столѣтія, притомъ исключая только-что присоединенной Малороссіи, по увѣренію самого патріарха Никона, было болѣе *трехъ тысячъ* *).

«Усердію русскихъ, — говоритъ Рущинскій, авторъ только-что цитированнаго сочиненія о русскихъ въ сущности правящихъ классахъ XVI и XVII столѣтій, — къ *постройкѣ храмовъ* равнялась ихъ *любовь къ украшенію* этихъ храмовъ». Въ томъ и другомъ названный авторъ видитъ «несомнѣнное доказательство набожности и искренняго религіознаго чувства» русскихъ того времени. Доказательство наличности тѣхъ же качествъ въ русскомъ человѣкѣ Московскаго государства видятъ въ обиліи церквей и монастырей по градамъ и весямъ и тѣ «иностранные писатели», на свѣдѣнія которыхъ опирается Рущинскій. Они поражены обиліемъ храмовъ, богатствомъ и великолѣпіемъ многихъ изъ нихъ.

Не меньше, чѣмъ обиліе церквей, поражало иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, также и такое проявленіе «набожности и религіозности», какъ необычайное почитаніе иконъ, обиліе ихъ въ домахъ москвичей. По единогласному ихъ увѣренію, въ каждомъ домѣ можно было найти много иконъ, болѣе или менѣе богато, смотря по состоянію хозяина, украшенныхъ; обиліемъ и богатствомъ ихъ измѣрялась самая религіозность хозяевъ. Ставились иконы и снаружи домовъ и иныхъ построекъ — надъ каждою дверью, надъ каждыми воротами; въ путешествіяхъ, походахъ — вездѣ русскаго человѣка того времени сопровождала икона, передъ которою онъ молился по нѣсколько разъ въ день **). Учительная книга московскаго человѣка, «Домострой», предписываетъ «всякому христіанину», т. е. православному, «въ дому своемъ, *во всякой храминѣ*» образа ставить на стѣнахъ, «устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники». Входя къ кому-либо въ домъ православный, москвичъ прежде всего обращался въ тотъ уголъ, гдѣ, по обычаю, стояла икона, крестился нѣсколько разъ и только послѣ этого привѣтствовалъ присутствующихъ въ комнатѣ ***). Онъ и домомъ не считалъ того дома, въ которомъ не было иконы, не хотѣлъ имѣть никакихъ дѣлъ съ иноземцемъ въ его домѣ, если въ этомъ домѣ не было иконы. Кончилось тѣмъ, что, по свидѣтельству одного иностранца,

*) „Павелъ дьяконъ". У *Рущинскаго* стр. 65.

**) *Рущинскій*, стр. 72 и 73.

***) *Олеарій*, стр. 333.

нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, чтобъ угодить благочестивымъ москвичамъ, съ которыми они имѣли дѣловыя сношенія, держали у себя въ домахъ образа *).

Повторяемъ, всѣ эти виды проявленія благочестія и набожности одинаково свойственны людямъ всѣхъ слоевъ, классовъ, положеній московскаго народа, начиная съ главы его—царя и кончая послѣднимъ изъ черныхъ людей **). Здѣсь — отсутствіе всякой розни, полное единство. И въ палатахъ кремлевскаго дворца, и въ курной избѣ убогой деревни, заброшенной гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ, весь религіозный культъ совершается съ одинаковыми чувствами, съ одними и тѣми же убѣжденіями и взглядами. И тамъ, и здѣсь одинаково вся набожность, все благочестіе сводятся къ чисто *внѣшнимъ* формамъ, къ простой, рутинной обрядности, совершеніе и исполненіе которой отъ «младыхъ лѣтъ» внѣдряется въ человѣка путемъ чисто-механическимъ, безъ всякаго участія сознанія или мысли съ его стороны. Олеарій съ удивленіемъ разсказываетъ намъ, когда, проѣздомъ черезъ Ладогу, ему пришлось видѣть, какъ хозяйка дома, гдѣ онъ остановился, «не давала ѣсть своему ребенку, едва еще говорившему и ходившему, пока онъ девять разъ» не перекрестится и не поклонится передъ иконами ***). Этому удивлялся Олеарій, но не удивлялись православные Московскаго государства, усвоя себѣ такимъ путемъ не только обычай креститься на каждомъ шагу, но и читать молитвы, которыхъ смысла и содержанія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, они не понимали. Какъ механически, безсознательно *усвоивался* весь религіозный культъ, такъ онъ и *отправлялся всю жизнь* каждымъ благочестивымъ человѣкомъ того времени, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ. Всякій, истинно-православный, строго исполняя все описанное выше, требуемое «Домостроемъ», исполнялъ его только, если можно такъ выразиться, тѣломъ, ни мало не участвуя духомъ. Цари во время обѣдни, за которой они, какъ мы видѣли, присутствовали ежедневно и которая продолжалась часа два, «принимали отъ думныхъ людей доклады, разговаривали о дѣлахъ съ боярами, отдавали прика-

*) Тамъ же, стр. 332. Только патріархъ Никонъ запретилъ это, находя иновѣрцевъ недостойными имѣть иконы въ ихъ квартирахъ.

**) *Рущинскій*: „Благочестіе русскихъ *вездѣ* сохраняло одинаковый духъ и свойство, и то, что мы находимъ замѣчательнаго въ этомъ *отношеніи* въ Москвѣ, то же самое... и вездѣ“ (стр. 63).

***) *Олеарій*, стр. 335.

занія; бояре тоже разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ думѣ» [1]). По свидѣтельству иностранцевъ, присутствовавшіе на богослуженіи въ приходскихъ церквахъ Москвы шутили и разговаривали во время той по крайней мѣрѣ части богослуженія, которая состояла изъ чтенія [2]). Подтвержденіе этого наблюденія иноземцевъ мы находимъ въ постановленіяхъ такъ-называемаго Стоглаваго духовнаго собора, имѣвшаго мѣсто въ половинѣ XVI столѣтія [3]). Иванъ Грозный, самъ такъ грѣшившій въ этомъ отношеніи, заявилъ на соборѣ, что «въ церквахъ божіихъ *соборныхъ* и приходныхъ стоятъ... яко же на торжищи или на позорищи, или на пиру, или яко въ корчемницы: и говоръ, и ропотъ..., и бесѣды срамные словеса» [4]). Несмотря на соборныя постановленія, съ тѣмъ же самымъ встрѣчаемся мы и гораздо позже, въ XVII столѣтіи. Такъ, патріархъ Гермогенъ, въ своемъ извѣстномъ посланіи «ко всѣмъ людемъ», говоритъ: «вѣмъ многихъ, собирающихся (въ церковь) не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ; овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ» [5]). Отъ лицъ отправляющихъ богослуженіе требовалась такая манера чтенія и пѣнія, которая устраняла всякую возможность пониманія, сознательнаго отношенія какъ со стороны священнодѣйствующаго, такъ и со стороны молящагося. Иностранцы изумлялись той небрежности, съ которой, по ихъ мнѣнію, отправлялось богослуженіе. Они были поражены, узнавъ, что эта небрежность есть дѣло какъ бы особаго вкуса, требованія благочестиваго москвича, который считалъ особенно эффектнымъ и, должно-быть, богоугоднымъ, когда «священникъ прочитывалъ нѣсколько молитвъ не переводя духа», когда онъ читалъ эти молитвы возможно быстрѣе и громогласнѣе [6]).

Нужно ли приводить лучшія доказательства, что вся набожность и религіозность сводились къ соблюденію, притомъ въ боль-

---

[1]) *И. Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царей", гл. IV.—Особенно странно велъ себя въ церкви Иванъ Грозный. *Макарій*: „Ист. церкви", т. VIII, стр. 318.

[2]) *Рущинскій*, стр. 42.

[3]) Глава 38 „Стоглава" предписываетъ „поучать" христіанъ, „чтобы они присутствовали при богослуженіи со страхомъ и трепетомъ", а „*шептанія*... и непотребнаго *разсужденія*..., неподобныхъ рѣчей и словесъ... никогда же бы не именовалося".

[4]) „Стоглавъ", гл. 5, вопр. 22.

[5]) *Макарій*: „Ист. церкви", т. X, стр. 230.

[6]) *Рущинскій*, стр. 41 и слѣд.

шинствѣ случаевъ небрежному, обрядности. Сошлемся, въ подтвержденіе нашего положенія, на авторитетъ неоспоримый, особенно убѣдительный по своему положенію. Высокопреосвященный Макарій, на капитальный трудъ котораго намъ приходилось ссылаться уже не разъ, говоритъ: «малознакомые... съ возвышенными догматами православной вѣры, русскіе знали ее *преимущественно въ обрядахъ*, во всемъ томъ, что составляетъ ея *внѣшнюю*, видимую *сторону*..., и на этой-то сторонѣ вѣры и сосредоточивали... горячую къ ней привязанность». Въ этой «слѣпой» привязанности къ обряду высокопреосвященный видитъ причину «гибельныхъ послѣдствій въ области нравственности»*). То же всеобщее недомысліе, непониманіе существа дѣла, лежало и въ поклоненіи русскимъ иконамъ, во взглядѣ на значеніе ихъ, а вмѣстѣ и во взглядѣ на значеніе постовъ, которые, какъ мы видѣли, составляли чуть не большую часть года. Иконамъ всѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ образованныхъ представителей духовенства, покланялись какъ таковымъ, видя въ нихъ объектъ поклоненія, забывая о томъ, что онѣ собою изображали. Понятіе поста сведено было исключительно къ понятію о воздержаніи отъ извѣстныхъ родовъ пищи.

Формы, въ которыхъ выражалось почитаніе иконъ, были таковы, что дали возможность иностранцамъ, особенно усердно наблюдавшимъ эту сторону жизни, увѣрять, что русскіе дошли по отношенію къ иконамъ до убѣжденія, будто онѣ «живутъ и чувствуютъ»**). Иностранцы приводятъ нѣсколько случаевъ такого грубо-реальнаго отношенія къ иконамъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: въ началѣ XVII ст., во время пребыванія въ Новгородѣ шведовъ съ Делагарди во главѣ, городъ былъ преданъ огню. Одинъ изъ новгородцевъ возложилъ надежду спасенія своего жилища на икону Николая Угодника***), которую держалъ противъ огня, умоляя Чудотворца о спасеніи его дома; но когда мольба его не была услышана и огонь началъ охватывать и его домъ, молящійся «вышелъ изъ терпѣнія и бросилъ образъ въ огонь съ словами: «если ты насъ не хочешь спасти, такъ спасай самъ себя и погаси огонь». И однако, одновременно съ этимъ случаемъ, тѣ же новгородцы, видя, что шведы тащутъ изъ

*) „Исторія церкви", т. VIII, стр. 317 и 331.

**) *Рущинскій*, стр. 78.

***) Убѣжденіе и теперь существующее въ народѣ. Выносятъ обыкновенно образъ „Неопалимыя Купины".

домовъ, ими разграбленныхъ, образа, умоляли ихъ возвратить имъ святыню, предлагая за это высокую цѣну *). Въ данномъ случаѣ новгородцы руководились, несомнѣнно, тою мыслью, что Господь или тѣ святые, которые изображались на иконахъ, накажутъ ихъ за непочтеніе къ послѣднимъ. Другой иностранецъ (Сам. Мацѣевичъ, бывшій въ Россіи съ первымъ Лжедимитріемъ) разсказываетъ, что когда, во время осады Сигизмундомъ Смоленска, окрестные жители города разбѣжались по лѣсу и были тамъ настигнуты поляками, то «разгнѣвавшись на свои образа (на помощь которыхъ они надѣялись), повѣсили ихъ для позора на деревьяхъ вверхъ ногами, приговаривая: «мы вамъ молимся, а вы отъ литвы насъ не оборонили» **). Подобное же отношеніе къ дѣлу авторъ констатируетъ и со стороны Ивана Грознаго, приводя разсказъ,—очевидно, нѣсколько преувеличенный,—о томъ, какъ этотъ царь, разгнѣвавшись «на церковь» Михаила Архангела въ Смоленскѣ, которому онъ молился о побѣдѣ надъ Баторіемъ и который не даровалъ этой побѣды, «велѣлъ ободрать всѣ украшенія церкви и богатства, а куполъ сбить изъ пушекъ, и наложилъ на нее опалу» ***).

Правда, случаи, здѣсь приведенные—рѣзкіе и исключительные, но во всякомъ разѣ характеризующіе общій, преобладающій, взглядъ того времени****),—взглядъ, который затиралъ собой всякій другой. Еще разъ обратимся къ непреложному авторитету, чтобы защитить приводимые иностранцами того времени факты по занимающему насъ предмету, а вмѣстѣ и сдѣланное нами, на основаніи ихъ, заключеніе. Митрополитъ Макарій, согласившись съ мнѣніемъ иностранцевъ о томъ, что русскіе «приписывали обрядамъ слишкомъ большую важность...» и въ нихъ какъ бы полагали самую сущность своей вѣры, заявляетъ: «къ сожалѣнію, изучая исторію этого періода, мы не разъ встрѣчались

*) *Олеарій*, стр. 334.

**) *Устряловъ*: „Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ“, ч. II, стр. 27 и 28. Тутъ же разсказанъ и еще случай: у одного крестьянина украли вола; обворованный сорвалъ образъ со стѣны и выбросилъ его въ окно со словами: „я тебѣ молился, а ты меня отъ воровъ не охраняешь“.

***) Тамъ же, стр. 27.

****) Устряловъ считаетъ (тамъ же, прим. 22 и 23) эти случаи „сказками“ и „нелѣпыми толками“, ничѣмъ этого не доказывая, кромѣ ссылки на другаго иностранца, который „отдавалъ полную справедливость набожности и благочестію русскихъ того времени“. Относительно поступка Грознаго Устряловъ замѣчаетъ, что этотъ царь „до того былъ набоженъ..., что смиренно слушалъ укоризны юродивыхъ“.

съ разительными фактами, подтверждающими это». Затѣмъ высокопреосвященный приводитъ этого рода факты, притомъ изъ жизни высшихъ представителей одного изъ «командующихъ» классовъ — духовенства [1]). Такъ относясь къ авторитетности показаній иностранцевъ по данному вопросу, высокопреосвященный, превосходно знакомый съ ихъ сочиненіями, не считаетъ нужнымъ опровергать вышеприведенные нами факты, очевидно, не находя ихъ ни «сказками», ни «нелѣпыми толками», какъ это дѣлаетъ Устряловъ, яко бы идущими въ разрѣзъ съ общимъ міровоззрѣніемъ русскихъ того времени.

Относительно постовъ иностранцы, хорошо знакомые съ бытовою стороной московской жизни, пришли къ заключенію, что «постъ былъ какъ бы составною частью самой религіозной жизни русскаго народа» [2]). Мы видѣли, какъ постился царь; такъ же постились и всѣ «командующіе классы», такъ постился и весь «народъ». Многіе несомнѣнно видѣли въ постѣ средство «умертвить плоть»; но огромное большинство относилось къ постамъ вполнѣ безсознательно и полагало суть поста въ воздержаніи отъ спеціальныхъ яствъ, которыя въ дни постовъ считались чѣмъ-то такимъ, что *поганило* человѣка, почему этихъ яствъ въ такъ-называемые «постные» дни и не должны были принимать ни малолѣтнія дѣти, ни больные. Но при этомъ огромное большинство смотрѣло на дѣло такъ, что, воздерживаясь отъ извѣстныхъ родовъ пищи, постящійся нисколько не стѣсненъ никакими требованіями умѣренности относительно дозволенныхъ видовъ пищи. Такъ Олеарій и Петрей Эрлезундъ разсказываютъ, что на масляницѣ, которую они справедливо считаютъ началомъ поста на томъ основаніи, что всю эту недѣлю русскіе вполнѣ воздерживались отъ всего мяснаго, царятъ обжорство и пьянство [3]). Петрей разсказываетъ, что въ праздничные дни, случающіеся въ посты, когда ни одинъ русскій «не осквернитъ себя мясомъ», учиняются «*рыбныя* пирушки», на которыхъ напиваются до-пьяна... Духовные и міряне, мужчины и женщины, часто напиваются до того, что падаютъ и валяются на улицѣ [4]). Вотъ въ немногихъ словахъ религіозныя міровоззрѣнія царя, правящихъ классовъ и всего народа Московскаго государства.

---

[1]) „Исторія церкви", т. VIII, стр. 328 и слѣд.

[2]) *Рушинскій*, стр. 85.

[3]) *Олеарій*, стр. 356.—*Петрей*, стр. 437.

[4]) *Петрей*, стр. 438.

Но не всю же жизнь русскій человѣкъ проводилъ въ постѣ и молитвахъ, въ исполненіи вообще религіознаго культа,—не всю ее посвящалъ онъ этому культу и своимъ дѣламъ, хотя это и составляло идеалъ того времени; въ свободное время онъ развлекался, веселился. И въ развлеченіяхъ, и веселья мы встрѣчаемся съ тѣмъ же *единствомъ*, относительно ихъ сущности, во всѣхъ слояхъ народа и «правящихъ классовъ» съ царемъ во главѣ, съ какимъ встрѣтились относительно религіознаго культа.

Опять познакомимся прежде всего съ этою стороной московской жизни въ царскихъ палатахъ и боярскихъ хоромахъ, а потомъ на улицахъ и площадяхъ.

Мы уже видѣли, что время «послѣ вечерни до ужина» царь проводилъ почти всегда въ семьѣ или въ обществѣ самыхъ близкихъ людей; онъ проводилъ это время въ отдыхѣ, посвящалъ его, по выраженію Забѣлина, автора «Домашняго быта царей и царицъ» Московскаго государства, «домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія».

Среди развлеченій нѣкоторую роль у царей играло чтеніе. Предметомъ чтенія были книги «духовно-назидательнаго и церковно-историческаго» содержанія. Это были книги, содержавшія въ себѣ «духовно-назидательныя слова или поученія отцовъ церкви, житія святыхъ, разныя историческія и полемическія церковныя сочиненія». Только со времени царствованія Алексѣя Михайловича къ этой литературѣ присоединились «куранты»—европейскіе журналы, которые переводились спеціально для царя *). Но книга была, думать надо, очень рѣдкимъ гостемъ въ царской семьѣ, обрѣтаясь больше на покоѣ въ царскомъ книгохранилищѣ. Она замѣнялась «живою бесѣдою... бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ». Эти бывалые люди, подъ именемъ «*верховыхъ* (придворныхъ) *богомольцевъ*», жили въ самомъ дворцѣ на полномъ иждивеніи царскомъ; ихъ же называли и «*верховыми нищими*». Это были старики, имѣвшіе лѣтъ по сту отъ роду. Они-то и забавляли царя съ его семействомъ, въ длинные зимніе вечера, разсказами о всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ на бѣломъ свѣтѣ за ихъ долгую жизнь. Среди ихъ были и *юродивые*. Не одною «былью» потѣшали и развлекали они царя-батюшку. «Они же» пѣли

*) „Домашній бытъ русск. царей", гл. IV.

ему *Лазаря* и всѣ тѣ *духовные стихи*, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ нищихъ-слѣпцовъ. Жили во дворцѣ и «слѣпцы-домрачеи» съ «бахарями»: они пѣли (съ акомпаниментомъ *домры*) и разсказывали царю пѣсни и сказки съ былинами. Царь не могъ засыпать безъ *бахарей*. Такъ, Грозный засыпалъ всегда подъ разсказы сказокъ и небылицъ троихъ слѣпцовъ-бахарей, смѣнявшихъ одинъ другаго. Во дворцѣ была даже спеціальная палата — *Потѣшная*, въ которой цѣлая серія особаго рода людей—потѣшниковъ—забавляли царя и дворъ пѣснями, музыкой и всякими «дѣйствами» *). Среди всей толпы «потѣшниковъ» чуть ли не наиболѣе выдающуюся роль играли *шутъ* и *дуракъ*, эти «глумотворцы» и «сквернословы», по выраженію всяческихъ поученій и проповѣдей. Они забавляли царя и царицу или своимъ умственнымъ и физическимъ уродствомъ, или притворными шутовствомъ и дурачествами, въ которыхъ иногда проскакивали умныя и порой очень ѣдкія остроты. Характеръ шутовъ и дураковъ обусловливался характеромъ царя: при Иванѣ Грозномъ преобладали умные и злые шуты, а главное—хитрые, умѣвшіе и съострить, и уязвить кого-либо, и развеселить царя-батюшку въ минуты его мрачнаго настроенія передъ какой-либо кровавою расправой или послѣ нея. Сына его, пресловутаго звонаря-Ѳедора, забавляли всякіе карлики и карлицы, дураки и дурки—главнымъ образомъ тѣмъ, что кувыркались и кружились, дрались и безобразничали передъ его свѣтлыми очами. Шуты и дураки Михаила Ѳедоровича принадлежали къ разряду идіотовъ **). Такіе дураки и дурки особенно важное значеніе имѣли въ теремахъ царицъ и царевенъ.

Въ Потѣшную палату или потѣшныя хоромы собирался дворъ слушать органъ и цымбалы, смотрѣть всякое «скоморашное дѣло», въ родѣ кукольныхъ комедій, гимнастическихъ представленій, арлекинадъ и, въ концѣ XVII ст., театральныхъ представленій, которыя, какъ и куранты, увы, пришли съ Запада, и тогда уже гнилаго ***).

Помимо Потѣшной палаты не малую роль въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ царскихъ игралъ и «Псаренный дворъ», на ко-

*) Тамъ же.

**) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ рус. царицъ", стр. 414.

***) *Нѣмецкія* потѣхи, въ видѣ гимнастическихъ упражненій и т. п., имѣютъ мѣсто и въ началѣ XVII ст., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. — *Забѣлинъ*, тамъ же, стр. 436 и 438.

торомъ вмѣстѣ съ собаками содержались и всякіе ученые звѣри, въ родѣ, напримѣръ, медвѣдей. Эти ученые обитатели московскихъ лѣсовъ, а потомъ Псареннаго двора, служили одной изъ любимѣйшихъ забавъ нашихъ царскихъ палатъ; ихъ обитатели забавлялись медвѣжьей травлей и медвѣжьими представленіями, лицедѣйствами.

Почти всѣ эти немудрые виды забавы царской были и забавами всего народа русскаго, всѣхъ отдѣльныхъ слоевъ его, начиная съ большаго боярина и кончая гулящимъ, бездомнымъ человѣкомъ.

Каждый достаточный бояринъ окружалъ себя дураками, шутами и бахарями. Народъ, масса, увеселялся тѣми же лицедѣями, только не на частномъ иждивеніи живущими, а такъ-сказать на общественномъ. *Сущность* этихъ увеселеній и въ царскихъ теремахъ, и боярскихъ хоромахъ, и въ кабакахъ, и на площадяхъ, какъ мы уже сказали, одна и та же.

Съ народными увеселеніями мы знакомимся главнымъ образомъ изъ всякаго рода поученій и посланій представителей церкви и изъ царскихъ указовъ, которыми воспрещались и преслѣдовались эти увеселенія *). Обратимся ли мы къ «Домострою», проповѣдямъ, или царскимъ указамъ, мы встрѣтимся съ одними и тѣми же родами увеселеній, почти тождественными съ тѣми, съ которыми мы только-что познакомились. «Домострой» преслѣдуетъ, какъ «скаредіе и богомерзскіе дѣла», всякія «пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли», также «медвѣди и птицы и собаки ловчія, всяко бѣсовское угодіе и всякое безчиніе и безстрашіе... и скоморохи и ихъ дѣла,—плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія, зернь, шахматы и тавлеи». За все это авторъ грозитъ за гробомъ адомъ, а здѣсь—проклятіемъ. «Стоглавъ» вопіетъ противъ такихъ увеселеній на свадьбахъ, какъ «органники, гусельники и смѣхотворцы», а также и всякія «бѣсовскія пѣсни»; онъ громитъ «пляски и скаканіе, бубны и всякія скоморошества». Царскіе указы подъ страхомъ битья «батогами», а митрополичьи грамоты подъ страхомъ отлученія

*) Всѣ увеселенія съ точки зрѣнія монастырской жизни, бывшей, какъ мы видѣли, идеаломъ жизни вообще, были, разумѣется, великимъ грѣховнымъ дѣломъ; отсюда—преслѣдованіе ихъ со стороны церкви, а подъ ея вліяніемъ и государства. Но „такое преслѣдованіе,—говоритъ Забѣлинъ,—осталось въ Русской землѣ безъ послѣдствій, ибо совсѣмъ уже разрушало нашъ старый бытовой строй, вынимало самую душу народныхъ обычаевъ".

отъ церкви—запрещаютъ «скомороховъ съ домрами (домрачеи въ царскихъ палатахъ) и съ гусляими и съ волынками и со всякими играми»,—требуютъ, чтобы «зернью и карты, и шахматы, и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили и съ сучками не плясали и никакихъ бѣсовскихъ дѣлъ не творили... и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и на качеляхъ ни на какихъ не качалися *), и на доскахъ мужской и женской полъ не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ не наряжали, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали». Церковь—а за ней и правительство—запрещала всѣ эти «скоморошества» не только потому, что они ведутъ за собою, по ея мнѣнію, «забвеніе Бога и православныя христіанскія вѣры, отъ правовѣрія православныхъ хрестьянъ отлучаютъ», но и потому, что всѣ эти бубны, гусли и другія невинныя орудія увеселенія, по самому существу своему, суть орудія «сатанинскія», и самыя игры на нихъ, какъ бы онѣ невинны ни были,—игры «бѣсовскія»; отсюда преслѣдуются даже неодушевленные предметы, служащіе орудіями увеселеній. «А гдѣ объявятся,—говоритъ цитированный выше царскій указъ,—домры и сурны, и гудки, и гусли и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды..., то все велѣть выимать и, изломавъ, тѣ бѣсовскія игры велѣть сжечь». Въ этомъ случаѣ церковь опирается на то же начало, исходя изъ котораго, она запрещала въ посты мясо, какъ нѣчто по самому существу своему скверное и поганое въ данное время. Посланія и царскіе указы зашли слишкомъ далеко: всѣ эти забавы и утѣхи, составлявшія, по выраженію Забѣлина, «обычный репертуаръ *царскаго* и *народнаго* увеселенія», *сами по себѣ* не носили ничего зловреднаго; онѣ были, пожалуй, и не безполезными даже, по скольку вызывали собою добродушное, мирное настроеніе веселости въ забавлявшихся, по скольку не развращали человѣка, ожесточая его, какъ всякаго рода травли, бой звѣрей или людей. Но *въ дѣйствительности*, *подъ вліяніемъ условій времени*, онѣ обратились въ нѣчто очень неприглядное, прямо содѣйствовавшее дальнѣйшему нравственному огрубѣнію народа. Подъ вліяніемъ этихъ «условій времени» (о нихъ потомъ) народныя увеселенія и забавы получили въ большинствѣ случаевъ характеръ «дѣйствительнаго разврата», по вы-

*) Качели—любимое развлеченіе и на царскомъ дворѣ.

раженію того же автора «Домашняго быта русскихъ царей и царицъ» [1]). Пѣсни стали, пожалуй, дѣйствительно бѣсовскими, сатанинскими, проникаясь грязнымъ и грубымъ цинизмомъ, и дѣйствительно могли вести вмѣстѣ съ «плясаніемъ и скаканіемъ», уснащенными самыми недвусмысленными тѣлодвиженіями и мимикой, къ «осквернению и растлѣнію», говоря языкомъ «Стоглава». Полякъ Мацѣевичъ, на котораго мы уже ссылались, разсказывая о русскихъ свадьбахъ, говоритъ, что европейскіе танцы [2]) у нихъ замѣняются шутами и забавниками, «которые тѣшатъ ихъ плясками и пѣснями, большею частію *весьма безстыдными*»; женщинъ на этихъ свадьбахъ забавляютъ женщины же — служанки—пѣніемъ пѣсенъ «такихъ срамныхъ и безстыдныхъ, что уши вянутъ» [3]). Другой иностранецъ, англичанинъ Коллинсъ, сообщаетъ о характерѣ свадебныхъ увеселеній то же самое, говоря, что отъ пѣсенъ, которыя здѣсь поются женщинами, покраснѣлъ бы самъ Аретино. Олеарій говоритъ, что у русскихъ на пирахъ вообще «разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождаетъ ихъ непристойными тѣлодвиженіями, считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ; къ тому же направлены и ихъ пляски», достигающія, по его словамъ, цинизма невѣроятнаго [4]).

Все это говорится объ увеселеніяхъ «командующихъ» классовъ; то же самое разсказываютъ иностранцы и о характерѣ чисто народныхъ увеселеній. Тотъ же, напримѣръ, Олеарій пишетъ, что всякія «срамныя дѣла» разсказываются и воспѣваются «всенародно на улицахъ» бродячими скоморохами, которые «даже показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ представленіяхъ» и «дѣйствахъ», устраиваемыхъ учеными медвѣдями. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣтившій Россію въ XVII столѣтіи, разсказывая о забавахъ народныхъ до-петровскаго времени, замѣчаетъ, что «русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и разныхъ калѣкъ и уродовъ, осо-

---

[1]) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 399.

[2]) „О танцахъ они (русскіе) говорятъ: что за охота ходить по избѣ и скакать скоморохомъ? Человѣкъ честный долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и забавляться шутомъ". — *Устрялов*: „Сказ. соврем. о самозванцахъ", т. II, стр. 52.

[3]) Тамъ же, стр. 51 и 52.

[4]) *Олеарій*, стр. 178.

бенно когда оные находятся въ опьянѣломъ положеніи» *). Эти печальные отзывы иностранцевъ о характерѣ забавъ и увеселеній нашихъ предковъ признаются, мы видѣли, всѣми нашими авторитетнѣйшими изслѣдователями и знатоками старины, въ родѣ Соловьева или Забѣлина, которые лишь стараются отыскать въ условіяхъ времени объясненіе такого характера ихъ. Среди этихъ условій они придаютъ не малое значеніе такому, какъ развитіе пьянства въ народѣ, во *всѣхъ* слояхъ его,—пьянства, которымъ сопровождались у всѣхъ и каждаго всякія развлеченія и увеселенія и которое само по себѣ составляло самостоятельное и едва ли не главное увеселеніе народное.

Учительный и благочестивый «Домострой», преслѣдующій съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, всякія, какъ мы видѣли, формы веселья, какъ бы онѣ по существу своему невинны ни были, уже потому только, что «онѣ удовлетворяли человѣческой потребности веселиться послѣ работы», выражаясь языкомъ г. Забѣлина, потому только, что онѣ давали человѣку возможность нѣсколько отрѣшиться отъ суровой жизненной обстановки, забыть ея мрачный, монастырскій колоритъ,—этотъ самый «Домострой» ничего не имѣетъ противъ «дара Божія»—вина, ничего не имѣетъ противъ того «веселія», которое достигается посредствомъ него. Церковь, а съ нею и правительство, считавшіе разные бубны, сурны, гусли и домры дьявольскими предметами, *какъ таковые*, и требовавшіе, какъ мы видѣли, ихъ истребленія путемъ сожженія, вмѣстѣ съ «Домостроемъ» вина «не похуляли» только въ силу того, что оно—вино. Они преслѣдовали только излишества относительно употребленія этого напитка. Они укоряли лишь тѣхъ, «которые пьютъ безъ воздержанія»,—словомъ, они возставали не противъ самаго явленія вообще, а противъ извѣстныхъ формъ его. Вооружаясь противъ пьянства, «Домострой» говоритъ: «не реку не пити, не буди то; но реку не упиватися въ пьянство злое. Сказано: *пейте* мало *веселія ради*, а не пьянства ради, ибо піяницы царствія Божія не наслѣдятъ». Знаменитый проповѣдникъ первой половины XVI столѣтія, митрополитъ Даніилъ, бичуя пьянство, «нисколько не думалъ,—говоритъ г. Жмакинъ, авторъ новѣйшаго сочиненія о митрополитѣ **),—изгонять вино изъ употребленія... Умѣренное употребленіе его даже полезно» ***).

*) *Забѣлинъ*, стр. 409.

**) „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“ въ „Чтеніяхъ Общ. исторіи и древн. росс.“, книги I и II за 1881 годъ.

***) „Чт. Общ. ист. и древн. росс.“ за 1881 г., кн. II, стр. 552.

«Питіе твое да будетъ *мѣрно и разумно*». «Митрополитъ очень снисходительно,—продолжаетъ авторъ, — относится къ употребленію вина. Онъ, какъ видно, хорошо зналъ характеръ и недостатки русскаго народа для того, чтобы требовать отъ него больше, чѣмъ онъ могъ выполнить» [1]). Авторъ даже увѣряетъ, что снисходительность этого учителя церкви къ «питію» доходила до того, что онъ допускалъ его въ случаяхъ «скорби» и радости. Но тотъ же самый проповѣдникъ «вполнѣ и *безусловно отрицаетъ всякія* мірскія удовольствія», въ родѣ музыки, плясокъ, сказокъ и всякихъ дѣйствъ, являясь здѣсь полнымъ аскетомъ [2]), утверждая, что «скомрахи и плясцы, и шахматы отрѣкоша святіи апостоли и святіи отцы», и что въ силу этого они суть слуги и проводники темной дьявольской силы [3]).

Несомнѣнно, г. Забѣлинъ въ значительной степени правъ, утверждая, что въ значительной степени, въ силу такого отношенія «учительной философіи», какъ онъ выражается, къ «нитію» и забавамъ, первое приняло тѣ размѣры, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ Московскомъ государствѣ. «Отвергая всѣ формы мірской веселости,—говоритъ названный авторъ, — пѣсню, музыку, пляску, учительная философія должна была особенно *помогать* распространенію въ обществѣ именно одной только пьянственной напасти... Если человѣческое удовольствіе,—продолжаетъ г. Забѣлинъ,—и слѣдовательно въ обширномъ понятіи вся область поэзіи находились подъ осужденіемъ и проклятіемъ, человѣку ничего другаго не оставалось, какъ предаваться веселью пьянства», которое «по необходимости становилось единственнымъ, исключительнымъ удовольствіемъ и весельемъ». Все это привело общество «къ еще большему огрубѣнію, низвело его до степени прямого животнаго...» [4]) Подъ вліяніемъ этой и другихъ, болѣе сильныхъ, причинъ, «питіе», эта единственная утѣха, допускаемая, хотя и въ извѣстныхъ размѣрахъ, самими представителями церкви, вошло въ плоть и кровь нашихъ предковъ, сдѣлавшись утѣхой всѣхъ безъ различія классовъ, пола и чуть ли даже не всякаго возраста. «Пили всѣ почти одинаково,—говоритъ Жмакинъ,—князья и бояре..., представители церкви... Низшее духовенство даже перещеголяло другія сословія въ этомъ от-

[1]) Тамъ же, стр. 553.
[2]) Тамъ же, стр. 560.
[3]) Тамъ же, стр. 562 и 565.
[4]) „Домаш. бытъ русс. царицъ", стр. 404 и слѣд.

ношеніи... Женщины мало отставали отъ мужчинъ въ пьянствѣ; даже малолѣтнія дѣти—и тѣ рано пріучались къ вину» [1]). «Пьянство господствовало въ древней Руси»,—говоритъ покойный историкъ Соловьевъ [2]),—и господствовало въ значительной мѣрѣ потому, что «для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами... производить веселое, праздничное настроеніе духа..., *забываться*». Виномъ забывались всѣ. «Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ», говоритъ историкъ и приводитъ объ одномъ такомъ случаѣ разсказъ, заимствуя его изъ оффиціальныхъ актовъ Московскаго государства, такъ-называемыхъ «Разрядныхъ книгъ». «Въ 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье въ Потѣшныхъ хоромахъ; ѣли бояре всѣ, думные дьяки и духовникъ». Послѣ ужина общество тѣшилось «всякими играми: игралъ въ органы нѣмчинъ и въ сурну и въ трубы трубили...; жаловалъ царь духовника, бояръ и дьяковъ думныхъ—*напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ*; поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи» [3]).

Въ семьѣ каждаго достаточнаго человѣка «питіе служило,—говоря языкомъ Забѣлина,—лучшимъ украшеніемъ всякой трапезы, особенно праздничной... Начинаясь степеннымъ питіемъ, трапеза эта «кончалась всегда неистовымъ пьянствомъ» [4]). Всѣ иностранцы, жившіе въ Россіи, единогласно подтверждаютъ, приводя рядъ фактовъ, это положеніе нашего ученаго историка. Такъ, напримѣръ, Петрей въ нѣсколькихъ мѣстахъ той главы своего сочиненія, въ которой знакомитъ читателя съ нравами и обычаями русскихъ, говоритъ о такъ-называемомъ высшемъ обществѣ и о командующихъ классахъ, что «какъ женщины, такъ и мущины пьютъ до неумѣренности и излишества, такъ что не въ состояніи ни ходить, ни стоять...» [5]). Олеарій, заявивъ, что «порокъ пьянство распространенъ въ русскомъ народѣ *во всѣхъ*

[1]) „Чт. Общ. ист. и древн. росс." 1881 г., кн. II, стр. 548. Въ Императ. Публ. библіотекѣ есть рукопись, озаглавленная такъ: „Поученіе къ царемъ, княземъ, епископомъ и попомъ, и всѣмъ христіаномъ, еже не упиватися".

[2]) „Ист. Россіи", т. XIII, стр. 160.

[3]) Тамъ же, стр. 161.

[4]) „Дом. бытъ русскихъ царицъ", стр. 404.

[5]) „Исторія о велик. княжествѣ Московскомъ", стр. 388 и слѣд. Онъ разсказываетъ тамъ же случай смерти русскаго посланника въ Стокгольмѣ наканунѣ представленія королю, отъ того, что онъ цѣлую ночь „пилъ по-скотски", напустившись на иностранныя вина.

состояніяхъ одинаково, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми», приводитъ нѣсколько фактовъ изъ жизни высшаго общества и духовенства въ подтвержденіе своего общаго положенія. Отзывы иностранцевъ въ изобиліи подтверждаются въ этомъ отношеніи свидѣтельствами чисто-національныхъ источниковъ, показаніями представителей церкви, правительственной власти и т. п. Стоитъ обратиться къ проповѣднической литературѣ, къ «Стоглаву», «Домострою», пастырскимъ посланіямъ и т. д., чтобъ убѣдиться въ этомъ. Духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, страдало порокомъ, о которомъ идетъ рѣчь, чуть ли не больше, чѣмъ остальные слои его православнаго стада. Грозный въ своихъ вопросахъ Стоглавому собору ставитъ вопросъ такого рода: «во всѣхъ монастыряхъ игуменомъ и чернецомъ и мірскимъ попомъ о пьянственномъ питіи безмѣрномъ...» «Бога ради о семъ разсудите довольно, *чтобы во пьянствѣ пастыри не погибли*, а мы на нихъ зря также». Опираясь на всѣ такого рода свидѣтельства, высокопреосвященный Макарій, авторъ «Исторіи русской церкви», съ болью въ сердцѣ заявляетъ, что главнѣйшимъ изъ пороковъ духовенства «слѣдуетъ назвать пьянство, упиваніе безмѣрное, которому предавались какъ причетники, такъ дьяконы и священники; въ пьяномъ видѣ они являлись повсюду — на приходы и даже въ церкви» *).

«Каковы духовные пастыри, такова и паства!» — восклицаетъ тотъ же авторъ. «Паства» предавалась «неумѣренному питію» не меньше своихъ пастырей и управителей, предавалась ему «въ *общественныхъ* кружалахъ и кабакахъ», содержимыхъ правительствомъ «во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и большихъ деревняхъ»**). Въ этихъ кабакахъ, продолжаетъ Петрей, «видно бываетъ *такъ много пьянства* и ликованья, *что нельзя и повѣрить*... Пропивъ деньги, закладываютъ кафтаны, даже шапки, сапоги, рубахи,—все, что ни есть за душой,—да и бѣгутъ нагишомъ домой». Такого рода картины, заключаетъ разсказчикъ, «ни для кого не диво»***).

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго нельзя не заключить объ отсутствіи всякой духовной розни въ опредѣленномъ смыслѣ

*) Томъ VIII, стр. 338 и слѣд.

**) *Петрей*, назван. сочин., стр. 389. Замѣтимъ, что въ этихъ царскихъ кабакахъ у сборовъ стояли выборные земскіе люди—цѣловальники.

***) Гораздо подробнѣе, пожалуй и картиннѣе, этого рода сцены разсказаны у Олеарія, стр. 180—183.

между народомъ съ одной стороны и правящими классами, съ царемъ во главѣ, съ другой. Ужь одного этого достаточно вполнѣ, думается намъ, чтобы рѣшить, что въ обоихъ лагеряхъ должны господствовать одни и тѣ же нравственныя воззрѣнія, убѣжденія, взгляды на все окружающее. Какъ *всѣ* одному Богу молились, какъ всѣ въ однѣхъ формахъ молились Ему, какъ всѣ одинаково грѣшили передъ Нимъ, уклоняясь отъ общаго монастырскаго идеала; такъ *всѣ* исходили изъ однихъ и тѣхъ же началъ въ житейскихъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ обществу, къ государству. Отщепенцы встрѣчались лишь среди аскетовъ, отрицавшихся отъ земной жизни, игнорировавшихъ ее, призывавшихъ и другихъ къ тому же *). Всѣ одинаково не знали ни человѣка, ни общества, ни государства. И первый, и второе, и третье одинако въ глазахъ всѣхъ поглощались «домовладыкой», главой семьи, земнымъ богомъ—главой Московскаго государства. «Мужъ, господарь дома, оставался единымъ лицомъ, самостоятельность котораго была носомнѣнна и ничѣмъ не пререкаема. *Въ этой одной только* формѣ личность признавалась самостоятельною» **). По общему взгляду, государство—большая семья—построено по образцу ея; отецъ ея—царь, этотъ земной Богъ—высшая и въ сущности единственная въ концѣ концовъ форма проявленія самостоятельной личности, по скольку эта послѣдняя могла быть самостоятельной при полномъ господствѣ во всемъ церковнаго міровоззрѣнія. *Никто*, кромѣ «гулящаго» человѣка, не дерзалъ отрицать такого порядка вещей, такого всеобщаго подчиненія той исключительной личности, на которую только-что указано. Ея опека надъ всѣмъ и всѣми—теоретически-твердое начало, на которомъ покоится весь строй и изъ котораго вытекаетъ всеобщее подчиненіе, всеобщія покорность и смиреніе. Все низшее подчинялось высшему, чтило его, било ему челомъ. Били челомъ родителю, смирялись передъ нимъ; били челомъ передъ всякою властью: властью помѣщика, властью воеводы, волостеля и всякаго служилаго человѣка; а всѣ эти «властные» люди въ свою очередь били челомъ передъ властью царя, намѣстника Бога, всеобщаго отца.

*) Аскеты—отщепенцы лишь въ томъ смыслѣ, что *уходили* изъ жизни, *отрицались ея;* но они не отрицали началъ, на которыхъ она покоилась,—наоборотъ, своими ученіями укрѣпляли ихъ. Отщепенцы самыхъ началъ этихъ—*гулящіе* люди или бѣжавшіе „за рубежъ“ московской жизни, или разъѣдавшіе ее, сами того не сознавая, пренебрегаемые и преслѣдуемые ею.

**) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, стр. 48.

И все-таки рознь, рознь глубокая, рознь все разъѣдающая, проникаетъ народъ Московскаго государства, разъѣдаетъ его въ самыхъ глубокихъ фибрахъ его, разъѣдаетъ его, какъ мы видѣли, куда даже раньше, чѣмъ онъ сложился въ это государство.

Гдѣ же причины?

До сихъ поръ мы лишь установили, гдѣ не было и не могло быть этихъ причинъ, а теперь приходится отъ этого отрицательнаго пути обратиться къ положительному. Намъ хотѣлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ серіей такихъ жизненныхъ явленій, изъ ознакомленія и сопоставленія которыхъ читатель могъ бы самъ уже сдѣлать выводъ, заключенія, могущія служить категорическимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Если намъ не удастся этого достигнуть, если читатель не сможетъ сдѣлать этого вывода, то причиной тому, по нашему искреннему убѣжденію, будетъ не избранный нами способъ доказательства, ни тѣмъ менѣе самыя тѣ явленія, на которыхъ здѣсь указывается, а исключительно только наша собственная несостоятельность въ данномъ случаѣ, все равно, чѣмъ бы она ни обусловливалась.

Въ началѣ настоящей главы мимоходомъ было замѣчено, что наши предки хотя и всѣ молились одному Богу, но молились *не одинаково*. Эта вскользь брошенная мысль, смѣемъ думать, богата содержаніемъ и имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу, на который мы силимся отвѣчать. Пояснимъ ее замѣчаніемъ митрополита Макарія по поводу посѣщенія церквей нашими предками: «*люди простые*, бѣдные,—говоритъ онъ,—*постоянно занятые работами*, рѣдко посѣщали церкви, *но люди достаточные*..., свободно располагавшіе своимъ временемъ, никогда не опускали церковныхъ службъ» *). Да развѣ такъ разнились эти двѣ половины населенія только относительно посѣщенія церквей? Развѣ «простой, занятый работой», человѣкъ могъ ежедневно практиковать всѣ требованія относительно религіознаго культа, которыя предъявляются къ православнымъ христіанамъ «Домостроемъ»? Развѣ могъ онъ, этотъ «занятый работой» человѣкъ, посвящать ежедневно столько времени домашнимъ молитвамъ, пѣнію и чтенію, сколько посвящалъ его человѣкъ «достаточный»? Идемъ дальше. Развѣ могъ «простой», худой, человѣкъ посвятить дѣлу спасенія столько «отъ имѣнія» своего,

*) „Исторія руск. церкви", т. VIII, стр. 317.

«животишекъ» своихъ, сколько посвящалъ отъ него «человѣкъ достаточный»? Развѣ могъ онъ свои «святыя и честныя образы» украсити «благолѣпно..., свѣчи вжигати, кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміаномъ»? Какъ могъ удовлетворить онъ требованію насыщать заключенныхъ въ монастыряхъ, больницахъ и темницахъ и подавать имъ «*елико требуютъ*»? Развѣ могъ онъ «устроить душу» свою такъ, какъ устраивалъ ее человѣкъ достаточный: гдѣ взялъ бы онъ тѣ «вотчины, села и купли», которыя давались «святымъ церквамъ и монастырямъ на память своимъ душамъ» и за которыя эти церкви и монастыри должны были «уставити кормы, пѣти панихиды, обѣдни служити, братію кормити»?. Мало того, сплошь и къ ряду «простому» сельскому человѣку и помолиться было негдѣ: существовали въ Московскомъ государствѣ мѣста, «гдѣ *церквей* было весьма мало или даже *и вовсе не было*», гдѣ церкви стояли «безъ пѣнья», т.-е. безъ службы, за неимѣніемъ священниковъ, «скудости ради іереевъ». И это имѣло мѣсто не на однѣхъ только сѣверныхъ окраинахъ, напр., но и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, на помѣщичьихъ земляхъ. И объясняется все это опять-таки тою же скудостью сельскаго населенія, земледѣльческаго, и индифферентностью къ нему класса землевладѣльческаго, «заботившагося,—по выраженію автора «Исторіи раскола»,—больше объ оброкѣ и объ умноженіи народонаселенія»*). Разъ недоступно все это простому человѣку, его путь ко спасенію иной, чѣмъ путь того, кто все это въ силахъ исполнить,—его спасеніе менѣе обезпечено. Не забудемъ, что вѣдь все въ дѣлѣ религіи сводилось «почти исключительно къ обрядамъ, а благочестіе—къ исполненію ихъ» (Макарій). А если такъ, мы поймемъ, какое огромное значеніе должна имѣть въ глазахъ и тѣхъ и другихъ—и «простыхъ», и «достаточныхъ» людей—эта *разница* въ способѣ исполненія обрядовъ, къ какой «розни» она должна была повести между этими двумя категоріями одинаково вѣрующихъ христіанъ: одни ближе къ Богу, другіе дальше отъ Него—совершенно независимо отъ нихъ, въ силу самаго ихъ положенія. Эта рознь въ данной области доходила до того, что «многимъ изъ низшаго класса русскаго общества представлялось, что вѣнчаніе обязательно только для князей и бояръ, а не для простыхъ людей» **). Въ нашихъ памятникахъ встрѣчается мас-

*) *Щаповъ*: „Русскій расколъ", стр. 373. О неимѣніи церквей и причтовъ—тамъ же, стр. 365—381.

**) *Жмакинъ*: „Митропол. Даніилъ и его сочиненія", стр. 355.

са митрополичьихъ посланій, изъ коихъ видно, что, особенно на далекихъ окраинахъ, крестьяне, какъ выражается г. Жмакинъ, «женились безъ вѣнчанія»: фактъ, объясняющійся экономическою несостоятельностью крестьянъ.

Такая рознь—во всемъ, въ чемъ только можетъ проявиться между имущимъ и неимущимъ, занятымъ и свободнымъ. Мы видѣли, увеселенія и забавы правящихъ классовъ и народа по своему существу, характеру—одни и тѣ же; и тѣмъ не менѣе въ ихъ примѣненіи, проявленіи, пользованіи—рознь, и рознь глубокая. Нужно ли это доказывать? Въ правящихъ классахъ на увеселенія, пиры и «питіе хмѣльное» уходила большая часть времени и самыя увеселенія и питіе носили иную внѣшность, чѣмъ то и другое «человѣка простаго». Тотъ же митрополитъ Даніилъ въ своихъ проповѣдяхъ о праздности и лѣни, обращенныхъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Жмакинъ, «только къ высшему и богатому классу», укоряетъ эти классы въ томъ, что они «всуе дни своя ижидивали», что у нихъ «всегда наслаженія и упитѣнія..., всегда праздность и безумная тасканія...» *). Митрополитъ, преслѣдуя за это высшіе классы, говоритъ, что отсюда ихъ обжорство, пьянство «*многое и сладостное*..., ястіе и питіе выше мѣры». «Колико тщаніе и подвиги,—восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Даніилъ,—имать пища и питіе, *колико же сребра и злата на сіе изчезаетъ*, и колики подвиги и поты и труды, и болѣзни пріемлютъ чреворабо(та)ющи...» **). Таніе «всуе дни своя ижидивающіе» и отъ другихъ «червленіемъ ланитъ и многоплотіемъ» отличающіеся и тѣмъ производящіе на этихъ другихъ, по словамъ Жмакина, «подавляющее впечатлѣніе», съ великимъ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ, вокругъ нихъ копошащихся и въ потѣ лица свой скудный хлѣбъ добывающихъ. Отучнѣвъ отъ питій и яствъ, они гордились своею тучностью и неподвижностью, гордились тѣмъ, что не должны были трудиться. Тотъ же митрополитъ Даніилъ съ горечью укоряетъ ихъ въ томъ, что «всякъ лѣнится учитися художеству, вси бѣгаютъ рукодѣлія..., вси *поношаютъ земледѣлателемъ*» ***). Такое отношеніе одного слоя населенія къ другому ничего кромѣ розни поселить между ними не можетъ. Большинство представителей «командующихъ» классовъ долгое время было безграмотно и почти до конца XVII столѣтія поголов-

*) Тамъ же, стр. 543.
**) Тамъ же, стр. 547.
***) Тамъ же, стр. 543.

но такъ же невѣжественно, какъ и «масса», народъ. Но эти идеально-невѣжественные «командиры» обставляли себя византійско-азіятской помпой. Они не претыкали ноги своея о ту грѣшную землю, которую попирали грязные лапти народа. Прямо съ крыльца своего дома, долго не отличавшагося по виду и устройству отъ приличной избы, представитель командующаго класса садился на коня, увѣшаннаго попонами и всяческими украшеніями; его сопровождала челядь; встрѣчавшіеся людишки должны были сторониться передъ этимъ кортежемъ, низенько, если не въ землю, кланяясь. Онъ одѣвался въ одежды почти тождественныя по покрою съ тѣми, которыми укрывалъ свое грѣшное тѣло уничижавшійся передъ нимъ «простой» человѣкъ; но эти одежды ничего общаго съ «ризами» послѣдняго не имѣли по тому матеріалу, изъ котораго строились, и по тѣмъ украшеніямъ, коими унизывались. «Какая нужда есть,—восклицаетъ все тотъ же митрополитъ Даніилъ,—по вся дни свѣтлыми ризами украшатися, инѣмъ же и въ господскія дни ниже обычныхъ имущимъ довлѣтися»? Пастырь церкви громитъ роскошь и щегольство «правящихъ» классовъ, преслѣдуя «свѣтлыя ризы», «красоту сапожную», выражавшуюся въ атласѣ, бархатѣ, изъ которыхъ сапоги шились, въ золотѣ и жемчугѣ, которыми они украшались. Въ чѣмъ же различіе?—Въ томъ несомнѣнно, что одинъ—простой, постоянно занятъ работами, а другой—свободенъ, имѣетъ достатокъ. Говоря языкомъ высокопреосвященнаго Макарія, различіе или «рознь»—въ томъ, что одинъ имѣетъ возможность носить «свѣтлыя ризы», а у другаго нѣтъ и обыкновеннаго платья.

Словомъ, полное *духовное тождество* во всемъ при полной *розни матеріальной*, если можно такъ выразиться. *Эта* рознь проникаетъ жизнь Московскаго государства во всѣхъ ея изгибахъ и отражается во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Она ведетъ, какъ мы видѣли, къ розни передъ Богомъ, одного удаляя отъ Него, другаго приближая къ Нему.

Такой порядокъ вещей сложился не вдругъ и не въ періодъ только Московскаго государства, въ коемъ онъ, быть-можетъ, лишь отлился въ болѣе прочныя, несокрушимыя формы. Онъ слагался вѣками, принимая лишь въ тотъ или иной моментъ исторической жизни тѣ или иныя формы, благодаря вліянію тѣхъ или иныхъ происходящихъ явленій. Чѣмъ дальше пойдемъ мы въ глубь исторіи, тамъ большимъ и большимъ становится вліяніе матеріальной состоятельности, какъ основы всяческой розни.

На матеріальной, экономической розни покоится рознь людей глубочайшей древности, раздѣленіе ихъ на двѣ половины — на свободныхъ и рабовъ, на людей и полу-людей, полуживотныхъ. Первичнымъ источникомъ рабства обыкновенно считаютъ войну, завоеваніе. Это такъ, но лишь въ извѣстной мѣрѣ: если завоевателю не нужны рабочія руки, если взятый имъ въ плѣнъ ни на что вообще не нуженъ, если онъ не представляетъ никакой цѣнности ни на внутреннемъ, ни на внѣшнемъ рынкѣ и будетъ лишь ртомъ, пожирающимъ скудные запасы завоевателя,—онъ убивается, или пожирается, если завоеватель—антропофагъ. Если же рабочія руки нужны или самому завоевателю дома или болѣе ушедшему впередъ сосѣду его, который готовъ купить ихъ или обмѣнять на что-либо,—взятые въ плѣнъ обращаются въ рабовъ завоевателя, въ его движимую собственность. Такъ что въ концѣ концовъ завоеваніе является лишь средствомъ пріобрѣсти эту движимую собственность. Это — живое орудіе, а самымъ стимуломъ, источникомъ института рабства, какъ выразился бы юристъ, будетъ извѣстная экономическая потребность,—потребность одного, болѣе сильнаго, жить трудомъ другаго. Эта экономическая основа рабства рельефнѣе выступаетъ въ тѣ времена исторической жизни народа, когда средствомъ обращенія свободнаго человѣка въ раба становится не одно завоеваніе орудіемъ, а прямо экономическая или, какъ выражается извѣстный нѣмецкій политико-экономъ Рошеръ, «хозяйственная зависимость» одного человѣка отъ другаго. А эта зависимость обусловливается, говоря языкомъ этого же авторитета, «вслѣдствіе бѣдности, чрезмѣрныхъ долговъ» *) и т. п. однихъ и—прибавимъ—богатства другихъ.

Мы, понятно, не будемъ забираться въ дебри объясненій происхожденія первыхъ экономически-сильныхъ людей, поставившихъ отъ себя въ рабскую зависимость слабыхъ, — намъ это вовсе и не нужно. Для нашей цѣли будетъ вполнѣ достаточно установить путемъ указанія историческихъ фактовъ ту истину, что *полная* зависимость одного человѣка отъ другаго сначала обусловливалась только экономическою зависимостью. Изъ нея—рабство, изъ нея — наше «закупничество», эта переходная ступень къ рабству, изъ нея — крѣпостное право. Отъ распредѣленія экономическихъ благъ зависитъ всѣ отношенія отдѣльныхъ лицъ, классовъ, сословій другъ къ другу.

*) „Начала народнаго хозяйства“, перев. *Бабста*, т. I, ч. I, стр. 142 и сл.

Обратимся къ фактамъ.

Въ X вѣкѣ Русь торговала рабами, продавая ихъ на Востокъ и Западъ, и нуждалась уже въ нихъ дома въ лицѣ богатыхъ людей. Святославъ, князь-дружинникъ, плѣнившись, по словамъ лѣтописца, Переяславлемъ дунайскимъ, ставилъ въ заслугу ему то, что, какъ «въ середу земли» его, туда сходились всякіе товары отовсюду, а изъ Руси спеціально «окора и воскъ, медъ *и челядь*». Въ пресловутыхъ договорахъ (Олега и Игоря) русскихъ съ греками, написанныхъ въ началѣ этого столѣтія, встрѣчаются категорическія указанія на рабство у Руси дома. А въ нашемъ первомъ сборникѣ юридическихъ нормъ—«Русской Правдѣ», составленномъ въ XI столѣтіи, мы уже встрѣчаемся и съ ясными указаніями *на пути развитія* несвободнаго состоянія—рабства и полусвободнаго—закупничества. Средствами пріобрѣтенія раба «Русская Правда» прежде всего считаетъ, разумѣется, рожденіе отъ рабовъ. На этомъ мы останавливаться не будемъ, какъ не будемъ останавливаться и на такомъ средствѣ, какъ покупка его у другаго рабовладѣльца; мы остановимся лишь на тѣхъ, посредствомъ которыхъ *свободный человѣкъ* обращается въ раба. Эти послѣднія средства слѣдующія: 1) если *свободный* человѣкъ «*поиметъ рабу*» чью-либо за себя замужъ, то самъ обращается въ раба того, кто владѣетъ его женой, если не заключилъ съ нимъ спеціальнаго по этому предмету договора; 2) если свободный человѣкъ «тіуньство безъ ряда или ключъ къ себѣ привяжетъ», т. е. если безъ всякаго договора приметъ на себя обязанности чьего-либо *тіуна* (ключника, дворецкаго), повѣситъ ключъ на себя, какъ эмблему тіунскаго званія, то обращается въ раба этого лица. Эти средства обращенія свободнаго человѣка въ раба прямо указываютъ на истинный источникъ рабства — экономическую несостоятельность опредѣленнаго слоя людей. Если женится на рабѣ «безъ ряду», который можетъ состоять въ данномъ случаѣ въ одномъ выкупѣ жены, значитъ—ему не къ чему рядиться, ему нечѣмъ выкупить жену, значитъ—ему и самому-то нечѣмъ существовать: онъ этимъ путемъ обезпечиваетъ свое существованіе. Если *свободный человѣкъ* знаетъ, что тіунъ всегда изъ рабовъ и что не договорившись объ условіяхъ принять эту должность значитъ обратиться въ раба, и тѣмъ не менѣе вѣшаетъ ключъ, ему нѣтъ спасенія, ему одинъ, стало-быть, исходъ, чтобъ остаться живу, именно рабство. Если эти постановленія вошли въ «Русскую Правду»,

значитъ такіи средства обращенія въ рабство—обычное явленіе въ жизни; къ нему прибѣгаютъ люди слабые, беззащитные, во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельные. Эти два средства вмѣстѣ съ двумя другими, только-что названными нами, сама «Правда» прямо перечисляетъ какъ источники рабства.

Но среди юридическихъ опредѣленій, содержащихся въ «Русской Правдѣ», мы наталкиваемся и на другія средства, коими свободный обращался въ раба, и притомъ на такія, которыя рѣзко, категорически, прямо указываютъ на настоящую причину происхожденія такой розни между людьми, какъ рознь, устанавливаемая рабствомъ. Это—*неоплатный долгъ*: задолжавшій и не могущій уплатить своего долга обращается въ раба своего кредитора. «Русская Правда» приводитъ такіе примѣры: если кто-либо «многимъ долженъ будетъ и не въ силахъ уплатить имъ, то вести я (его) на торгъ и продати», а изъ вырученнаго уплатить кредиторамъ; или если купецъ, забравшій у другихъ товары или деньги, «прошется или пробьется» (проиграется) или вообще «въ безуміи потравитъ» (растратитъ) занятые товаръ или деньги, то кредиторы могутъ продать его. Экономическая несостоятельность могла повести и не такъ внезапно къ обращенію человѣка въ вещь или скота: какъ постепенно могъ бѣднѣть человѣкъ, такъ постепенно могъ обращаться и въ раба. Недостаточный занималъ у богатаго человѣка деньгами, товаромъ, земледѣльческими орудіями и, не будучи въ состояніи уплатить долга тѣмъ же, чѣмъ взялъ его, берется сначала *отработать* его личнымъ трудомъ, обращается въ «закупа»,—человѣка, который самого себя отдаетъ въ закладъ: это—вѣрный шагъ къ рабству; самыя условія закупничества—въ сущности въ рукахъ кредитора: въ его исключительно волѣ, благодаря положенію занимающаго, опредѣленіе тяжести этихъ условій, которыя всѣ сводятся къ оцѣнкѣ въ данномъ случаѣ своего капитала и чужаго труда. «Законныя ограниченія были,—говоритъ Чичеринъ *),—слишкомъ недостаточны для обезпеченія свободы закупа. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая *неопредѣленность*, разумѣется, *всегда обращается въ пользу сильнаго*». Всѣ опредѣленія «Русской Правды», наприм., по этому предмету сводятся къ слѣдующему: если закупъ испортилъ хозяйскую соху или борону или, по его

*) „Опыты по исторіи русск. права", стр. 155.

оплошности, украдутъ у хозяина скотину, то его долгъ кредитору увеличивается въ объемѣ стоимости попорченнаго или украденнаго,—въ объемѣ, который, понятно, опредѣляется самимъ кредиторомъ. Долгъ можетъ быть доведенъ этимъ путемъ до неоплатнаго. Разъ закупъ, увидя свое трудное положеніе, вздумалъ бѣжать, онъ, будучи пойманъ, уже ео ipso обращался въ раба. А проценты?—Они достигали въ древней Руси гигантскихъ размѣровъ, что и отдавало должника въ руки кредитора. Первые проповѣдники нашей церкви уже поднимаютъ свой голосъ противъ «рѣзоиманія» и «прикладовъ» (Препод. *Ѳеодосій**). И съ того времени этотъ «голосъ» постоянно раздается изъ устъ того или другаго изъ пастырей-идеалистовъ. Уже въ XII-мъ вѣкѣ вмѣшивается въ дѣло власть: такъ велика «рознь» между «имущими» и «неимущими», такъ безъисходно было положеніе первыхъ, такъ страшно тѣснили ихъ послѣдніе. Въ «Русской Правдѣ» появляются княжескія постановленія «о рѣзѣ» (о процентахъ): Владиміръ Мономахъ съ совѣта дружины и представителей городовъ постановилъ, что такъ-называемые *третные* (по третямъ года устанавливаемые) проценты могутъ быть взысканы кредиторомъ лишь *два раза*; если же они будутъ взысканы три раза, то кредиторъ теряетъ право на полученіе самаго долга**). Очевидно, третные проценты были такъ велики, что, трижды уплаченные, значительно превышали занятую сумму. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчается попытка опредѣлить величину процента: устанавливается такое правило—«аже кто емлеть по 10 кунъ отъ лѣта (на годъ) на гривну, то того не отметати» (т. е. не запрещать). Этимъ постановленіемъ опредѣлается minimum годовыхъ процентовъ—отъ 11 до 20 ***), смотря по тому, какъ велика гривна. Проценты третные и мѣсячные, самые высокіе, не опредѣлялись вовсе и достигали необычайныхъ размѣровъ. При этомъ нужно принять къ свѣдѣнію, что въ ростъ отдавались не деньги только, а и хлѣбъ («въ присопъ»), медъ, сѣно, всякаго рода домашнія животныя, а какъ таковыя и рабы.

Разумѣется, въ закупы и рабы, благодаря такому положенію, попадало меньшинство изъ массы, но за то вся масса въ кон-

---

*) *Макарій*: „Исторія церкви", т. II, стр. 114.

**) „...и уставили и до третьяго рѣзу, аже (если) емлеть куны (деньги) въ рѣзъ въ треть: аже кто взметь *два рѣзу*, то тоему взяти *истое* (долговую сумму, капиталъ); паки ли взметь третій рѣзъ, то *истого* ему не взяти».

***) *Владимірскій-Будановъ*: „Христом. по исторіи русск. права", вып. I (изд 2), стр. 56, пр. 86.

цѣ концовъ обрѣталась въ полной зависимости отъ меньшинства имущихъ. И рознь между этою массой и меньшинствомъ была великая. Рознь эта достигала такихъ размѣровъ, что вела уже «на зарѣ нашей исторіи», говоря штилемъ высокимъ, къ кровавымъ расправамъ. Вспомнимъ извѣстный лѣтописный разсказъ, какъ по смерти Святополка въ 1113 году «кыяне, разграбиша дворъ тысячьского, *идоша на жиды* и разграбиша я», и грозили разграбить самые монастыри, куда вдова-княгиня отдала многое изъ богатствъ покойнаго князя, скопленныхъ именно путями родственными съ ростовщичествомъ *). И это не единичный фактъ,—много можно указать однородныхъ съ нимъ, была бы охота **).

Генри Мэнъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи—«Древнѣйшая исторія учрежденій»—высказываетъ, въ видѣ несомнѣнной истины, слѣдующее положеніе: «въ древнѣйшія эпохи, о которыхъ до насъ дошли какія-либо свѣдѣнія, мы постоянно застаемъ низшіе классы въ неоплатномъ долгу у высшаго сословія». Въ подтвержденіе этого положенія англійскій ученый ссылается на исторію Аѳинъ и Рима ***); подтвержденіемъ ему можетъ служить несомнѣнно и наша первоначальная исторія. Авторъ объясняетъ это общее явленіе тѣмъ, что въ древній періодъ исторіи каждаго народа «относительное значеніе земли и капитала» было совершенно инымъ, чѣмъ въ настоящее время: тогда земля «не имѣла цѣнности, а капиталъ возрасталъ съ величайшимъ трудомъ и помѣщался въ рукахъ только немногихъ лицъ»; отсюда въ древнѣйшихъ земледѣльческихъ общинахъ огромное значеніе должно было имѣть «обладаніе орудіями для обработки земли». А такъ какъ въ началѣ капиталъ,—продолжаетъ авторъ,—«свыше обыкновеннаго уровня» добывался, по всей вѣроятности, «посредствомъ грабежа», то понятно, что онъ долженъ былъ въ то время «сосредоточиваться въ рукахъ высшаго сословія, главнымъ занятіемъ котораго была война». Непосредственнымъ результатомъ «такого экономическаго состоянія было *увеличеніе капи-*

*) *Карамзинъ*, т. II, гл. VI.—*Соловьевъ*, т. II, изд. 2, стр. 81 и слѣд.

**) Въ каждомъ грошовомъ учебникѣ *всеобщей* исторіи останавливается вниманіе ученика на состояніи греческаго общества въ эпоху Солонова законодательства, на мѣрахъ этого законодателя именно по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ. И странно, ни одинъ даже изъ лучшихъ учебниковъ отечественной исторіи не заикается о родственныхъ мѣрахъ „Рус. Правды“ и положеніи вещей, ихъ вызвавшихъ.

***) *Генри Мэнъ:* „Древнѣйшая исторія учрежденій“, стр. 133 русск. перев.

тала посредствомъ взиманія лихвенныхъ процентовъ и крайне безпомощное положеніе заемщиковъ»*). Въ такомъ безпомощномъ положеніи должно было прежде всего сказаться земледѣльческое населеніе, а поэтому у насъ очень рано появляются обезземеленные крестьяне, жившіе на чужихъ земляхъ на извѣстныхъ условіяхъ. Ролейные (земледѣльческіе) закупы «Русской Правды»—такіе земледѣльцы, «безпомощные заемщики», говоря языкомъ Мэна. Во весь періодъ нашей исторіи до Московскаго государства огромная масса безземельнаго крестьянства, обрабатывая чужія, владѣльческія, земли, *юридически* пользовалась полною свободой перехода съ земель одного владѣльца—физическаго или юридическаго лица—на земли другаго; но фактически эта свобода значительно затруднялась, и затруднялась прежде всего именно экономическою зависимостью крестьянина-земледѣльца, который почти всегда, садясь на владѣльческую землю, получалъ отъ ея владѣльца подмогу, такъ-назыв. «покруту», деньгами, земледѣльческими орудіями и т. п. Самымъ правомъ перехода крестьянинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ могъ воспользоваться лишь съ помощью землевладѣльца же: забравъ у владѣльца «покруту», крестьянинъ могъ покинуть его землю—лишь отбывъ условія, на которыхъ занималъ землю, уплативъ все, что взялъ въ видѣ покруты. Сдѣлать это онъ не всегда былъ въ силахъ, а потому, задумавъ покинуть землю одного владѣльца, онъ обращался за помощью къ другому, который, такъ-сказать, выкупалъ его изъ кабалы бывшаго владѣльца и закабаливалъ себѣ. Чаще крестьянинъ *былъ передаваемъ* съ земли одного владѣльца на землю другаго, тѣмъ переходилъ самъ: его «перезывали», заманивая болѣе выгоднымъ положеніемъ. Но и такой порядокъ вещей могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока Русь представляла собою конгломератъ многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжествъ и пока князья съ своими дружинниками бродили изъ конца въ конецъ Руси, переходя съ одного «стола» на другой, постоянно ища лучшаго. Но когда князья, а съ ними и дружинники, осѣли въ своихъ княжествахъ-вотчинахъ, такое положеніе вещей стало невыгодно прежде всего имъ и крестьяне начинаютъ постепенно лишаться своего права перехода уже и *юридически*, обращаясь, благодаря этому, постепенно

*) Тамъ же, стр. 134. Въ сущности эту же самую мысль, гораздо раньше, развивалъ покойный *Бѣляевъ* въ своемъ сочиненіи—„Крестьяне на Руси“ (стр. 19—23, изд. 1).

въ такую же почти собственность владѣльцевъ, какою была и земля, къ которой они, лишившись права перехода, становятся крѣпкими, прикрѣпляются.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на постепенномъ развитіи этого закрѣпленія крестьянъ землевладѣльцу, а потомъ и лицу его, т. е., другими словами, на развитіи *земельнаго*, если можно такъ выразиться, и *личнаго* крѣпостнаго права. Мы ограничимся лишь указаніемъ, что масса свободнаго населенія обращается въ пресловутое крѣпостное подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя создали въ древней Руси рабство, холопство, и которыя и есть, еще разъ повторяемъ, истинныя причины всяческой «розни».

Разъ «обладаніе богатствомъ сообщало привилегированнымъ лицамъ,—какъ выражается тотъ же Мэнъ,—власть надъ остальными членами общества»; разъ «каковъ бы ни былъ начальникъ въ другомъ отношеніи, онъ прежде всего является человѣкомъ богатымъ»*),—понятно стремленіе каждаго стать таковымъ; понятно, что каждый «имѣлъ своею цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, пріобрѣсти собственность... и тѣмъ пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и могущество, разширить свою власть... Чѣмъ больше у отдѣльнаго лица было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе...»**). А это послѣднее достигалось, какъ говорено, путемъ достиженія перваго. «Этотъ характеръ (стремленіе къ богатству) сообщился всему гражданскому быту того времени», говоритъ Чичеринъ***).

И дѣйствительно, все сколько-нибудь сильное, все выдѣляющееся изъ массы стремится къ большему усиленію и выдѣленію изъ этой послѣдней. Все борется ради «стяжанія», все къ нему стремится, такъ какъ въ немъ—власть, и стремится всякими путями. Князья борятся *другъ съ другомъ* за *лучшіе столы*, какъ дающіе болѣе доходовъ, слѣдовательно—силы, а стало-быть и власти. Мы знаемъ, что этою борьбой заполненъ весь первый періодъ нашей исторіи,—борьбой, которая, какъ мы видѣли, «выкупалась потомъ и кровью» крестьянскаго населенія, какъ выражается одинъ изъ нашихъ изслѣдователей. Если международная такъ сказать борьба или междоусобная, какъ ее обыкновенно называютъ, отзывалась на благосостояніи сельскаго населенія,

*) *Генри Мэнъ*, стр. 107 и 133.

**) *Чичеринъ*: „Опыты по исторіи русск. права", стр. 163.

***) Тамъ же.

то на немъ не отзывалась и борьба внутренняя, имѣвшая мѣсто въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго княжества-государства, и если, выражаясь языкомъ Соловьева, въ средѣ этого населенія нѣтъ «движенія», царитъ тишина, то это тишина—развореннаго, ослабѣвшаго, безпомощнаго,—развореннаго движеніемъ господствующихъ классовъ, движеніемъ къ одной опредѣленной, уже указанной выше, цѣли. Все движеніе самой исторіи въ первый періодъ есть, въ сущности, движеніе именно этихъ классовъ, вызываемое борьбою ихъ интересовъ, въ ущербъ интересамъ сельскаго населенія, которое захватывается движеніемъ, какъ движеніемъ посторонняго тѣла, хотя съ нимъ и плотно связаннаго, но движущагося независимо отъ него и тѣмъ мучительно раздражающаго его.

Съ интересами массъ не сообразуются движущіеся классы; они даже и не подозрѣваютъ, что можно или должно сообразоваться съ ними. На нихъ, пожалуй, даже смотрятъ какъ на нѣчто существующее ради движущихся, ради удовлетворенія ихъ потребностей. Князь, стоящій во главѣ движенія и: движущихся, тѣсно съ ними связанный въ собственномъ движеніи, главное вниманіе, если не все, сосредоточиваетъ только на нихъ. Не даромъ Мономахъ, шедшій нѣсколько дальше этихъ предѣловъ, окружается въ народномъ представленіи ореоломъ *идеальнаго* князя.

Одинъ изъ святителей церкви XIII столѣтія, котораго лѣтописецъ характеризуетъ такъ: «бяше учителенъ и силенъ книгами, *князя* не стыдяшеся пряся, ни вельможъ..., нищая же и сироты жаловаще», слѣдующимъ образомъ изображаетъ отношеніе князя къ движущимся, т.-е правящимъ, классамъ и массамъ. Епископу какой-то князь задаетъ вопросъ: гдѣ «быти тіуномъ нашимъ на ономъ (томъ) свѣтѣ?»—Епископъ отвѣчаетъ: «Гдѣ и князь». Смущенный князь указываетъ не «стыдящемуся» его епископу, что «тіунъ неправо судитъ, мзду емлетъ, зло дѣетъ», а онъ, князь, ни въ чемъ подобномъ невиновенъ. На это епископъ отвѣчаетъ, что если князь «жалуетъ люди», то всегда будетъ выбирать хорошаго тіуна, и оба будутъ въ раю, а если онъ «безъ страха божіа, и христіанъ не имать жаловати, то онъ и властелина будетъ назначать такого же, напуститъ его «аки гладна пса на стерво, люди губити», за что оба и будутъ въ аду. Давъ такой отвѣтъ, епископъ вслѣдъ за этимъ обращается, въ лицѣ спросившаго его, ко всѣмъ князьямъ съ поученіемъ такого рода: «глаголю вамъ...., утѣшайте скорбящихъ, избавляйте многихъ

отъ рукъ сильныхъ: *сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и притекаютъ къ вамъ яко защитникомъ благимъ; но вы*, цари и князи и намѣстницы, *подобни есте тучи дождевней, иже истечетъ надъ моремъ* во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды: *вы тѣмъ вредъ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра*, а не тѣмъ, иже не имутъ ни пенязи; *бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете*»[1]).

Еще въ періоды княжеско-вечевой юридическая свобода крестьянскихъ переходовъ ограничивается въ договорахъ князей между собою,—ограничивается въ ихъ княжескихъ интересахъ: «ограниченія того времени,—говоритъ Чичеринъ,—возникли *изъ позвельнаго значенія князей*, «крестьяне» платили князю-вотчиннику подати, оброки, *несли повинности за владѣніе землей, а въ этомъ состояла его сила*»; въ силу этого «князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ»; эти условія договоровъ въ особенности касались «людей тяглыхъ..., поселившихъ на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несшихъ разныя подати и повинности въ его пользу»[2]). Такого же рода ограниченія имѣли мѣсто и между частными землевладѣльцами[3]). Въ XV столѣтіи уже появляются ограниченія *общаго* характера, въ видѣ опредѣленія сроковъ, въ которые могутъ крестьяне переходить съ земель одного владѣльца на земли другаго; причемъ опять въ виду имѣются исключительно интересы землевладѣльца, который вооружается правомъ *не выпускать* крестьянъ съ своей земли, хотя бы они выполнили всѣ тѣ условія, на коихъ они занимали землю. Мало того, встрѣчаются княжескія грамоты, которыми землевладѣльцы вооружаются правомъ возвращать перешедшихъ «назадъ, хотя бы они перешли въ заженный срокъ и исполнили всѣ условія, необходимыя для перехода»[4]). Перешедшихъ съ земель такихъ привилегированныхъ владѣльцевъ возвращали силою, съ помощью

[1]) *Карамзинъ*, т. IV, гл. V, прим. 178.

[2]) „Опыты по исторіи русск. права", стр. 176.

[3]) Чичеринъ говоритъ, что такого рода ограниченія были „дѣломъ совершенно частнымъ" нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ и „свобода крестьянина черезъ это не нарушалась" (стр. 182). Это такъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія чисто юридической: прямаго запрещенія крестьянамъ перехода здѣсь нѣтъ; но каковы слѣдствія этихъ частныхъ договоровъ? Крестьяне *не могли* переселяться на земли договорившихся; чѣмъ больше договорившихся, тѣмъ права перехода въ дѣйствительности уже. Не согласенъ съ г. Чичеринымъ *Бѣляевъ*—«Крестьяне на Руси», стр. 53.

[4]) *Бѣляевъ*: „Крестьяне на Руси", стр. 53.

княжескихъ «приставовъ». Сплошь и рядомъ князья такимъ же своимъ вмѣшательствомъ содѣйствовали лишенію крестьянъ ихъ общинныхъ земель; мы знаемъ, напр., такіе случаи, въ которыхъ общинныя пустыя земли занимались частными лицами, и когда крестьяне хотѣли согнать такихъ претендентовъ на ихъ земли, князь посылалъ кого-либо изъ своихъ служилыхъ людей, который смирялъ крестьянъ, вздумавшихъ отстаивать свои владѣнія, и водворялъ въ этихъ послѣднихъ пришлыхъ владѣльцевъ [1]). Крестьянство теряло свои общественныя земли какъ благодаря тому, что князья награждали ими своихъ служилыхъ людей, такъ и благодаря заботамъ ихъ *о своей душѣ*, — эти земли жаловались въ монастыри «по душахъ» [2]).

Мы видѣли, по мнѣнію авторитетныхъ наслѣдователей нашей старины, «безпомощное» положеніе крестьянства. Самое холопство получилось въ первый періодъ нашей исторіи въ силу всеобщаго стремленія богатыхъ и сильныхъ къ большему богатству и усиленію на счетъ слабыхъ и беззащитныхъ. Этому стремленію въ названный періодъ, по мнѣнію тѣхъ же авторитетовъ, не было никакихъ преградъ по той простой причинѣ, что къ этотъ періодъ не существовало «никакой другой общественной связи, кромѣ той, которая основывалась *на договорѣ* свободныхъ лицъ», — другими словами, на началахъ частнаго права [3]). Иначе, все дѣло въ томъ, что не было «рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ силъ, произволъ *личности*» (?), — силы государственной, не было самого государства, которое наложило бы узду на эти «силы», на эту «личность» [4]).

Но вотъ создалось это «государство», государство Московское, явилась «сила», способная наложить узду на «анархическое броженіе», получилось государство, созидавшееся «вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти»; получилось государство, гдѣ все созидалось правительствомъ, все установлялось сверху [5]). Наступило, стало-быть, время иного, новаго, строя, — строя, въ которомъ

---

[1]) *Павловъ:* „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи", стр. 20 и слѣд.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Чичеринъ:* „Опыты по исторіи русск. права", стр 163 и 16 *Его же:* „Областн. учрежд.", стр. 21.

[4]) Тамъ же, стр. 68 и слѣд.

[5]) *Чичеринъ:* „Областн. учр.", стр. 589.

невозможно положеніе вещей, нами указанное,—невозможна, стало-быть, та «рознь» экономическая, которая, какъ мы не разъ говорили, корень всякой иной розни,—невозможно положеніе, при которомъ, говоря языкомъ того же г. Чичерина, «все стремилось къ пріобрѣтенію», при которомъ неопредѣленность отношеній «всегда обращалась въ пользу сильнаго». Настало время установленія «опредѣленности» отношеній, устраненія господства сильнаго, а стало-быть и всякой розни или лучше—корня ея.

Посмотримъ.

«... Изъ потребности обезпечить отбываніе государственныхъ податей и повинностей съ одной стороны и службы съ другой возникло въ концѣ XVI вѣка явленіе, извѣстное въ нашей исторіи подъ именемъ *«крѣпостнаго права»*, говоритъ авторъ «Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи» *). А это «явленіе»—прямой результатъ *прикрѣпленія* крестьянъ къ землѣ, т.-е. окончательнаго лишенія ихъ «права перехода»,—прикрѣпленія, состоявшагося подъ вліяніемъ тѣхъ же *государственныхъ* потребностей: московскій служилый человѣкъ несъ свою службу *съ земли;* земля могла прокормить его лишь тогда, «когда приносила доходъ, а доходъ она могла приносить только тогда, *когда не была пуста»* (курсивъ у автора), то-есть когда заселена была крестьянами. «Для того, чтобы дворянамъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ было съ чего служить государеву службу, необходимо было поддержать доходность ихъ помѣстій и вотчинъ, а *для этого необходимо было обезпечить за ними трудъ крестьянства»* **). А достичь этой цѣли можно было однимъ путемъ—лишить крестьянство права перехода, прикрѣпить его землѣ или лучше закрѣпить отдѣльныхъ членовъ его въ тѣхъ пунктахъ земли, въ которыхъ ихъ захватитъ правительственное распоряженіе. Что же получилось для крестьянства?—Во времена «анархическаго броженія буйныхъ силъ», во времена господства «личности» крестьянство лишалось земли и постепенно, какъ мы видѣли, лишалось права перехода; во времена господства «государственныхъ началъ», оно, лишенное уже своей земли, окончательно прикрѣплено къ владѣльческой, т. е. лишено *юридически* уже, по закону, того, чего лишено было въ извѣстной степени въ дѣйствительности раньше. Другими словами, Московское государство додѣлало то, чего не успѣла

*) Стр. 136.

**) *Градовскій:* „Исторія мѣстн. упр. въ Россіи", стр. 134 и слѣд.—То же самое у *Чичерина*: „Опыты по исторіи русск. права", стр. 227 и слѣд.

сдѣлать «средневѣковую анархію», что она лишь подготовила. Крестьянство, уже состоявшее въ кабалѣ экономической, попадаетъ теперь и въ кабалу юридическую. Обыкновенно принято смотрѣть на дѣло, что прикрѣпленные къ землѣ крестьяне «не утратили вполнѣ не только своей человѣческой личности, но даже своихъ гражданскихъ правъ, ибо связь ихъ съ государствомъ не была порвана..., они знали одного общаго господина всей Русской земли—царя»*), а поэтому «власть ихъ владѣльцевъ не была безусловною властью господина надъ вещью». Теоретически оно такъ. Но есть и иного нѣсколько рода теоретическія положенія, отчасти уже приведенныя нами нѣсколько выше и высказанныя на основаніи изученія исторіи другой страны. Уже не разъ цитированный нами Мэнъ говоритъ по данному вопросу слѣдующее: «*Какъ только земли были обращавмы въ домены землевладѣльца или начальника, поселяне подпадали подъ его личную власть въ силу естественнаго хода событій*» **). Сами «поселяне», само наше крестьянство превосходно понимало эту непреложную истину и, разумѣется, уже не теоретически, а непосредственнымъ жизненнымъ опытомъ, вынесеннымъ имъ, если позволено будетъ тамъ выразиться, на «собственной шкурѣ». Чтобы не быть обвиненными въ голословности, приведемъ историческіе факты. Профессоръ Павловъ, въ названномъ уже нами сочиненіи, приводитъ, изъ рукописей бывшей Соловецкой библіотеки, любопытнѣйшія для насъ данныя по настоящему вопросу. Профессоръ дѣлаетъ выписки изъ нѣсколькихъ «житій» святыхъ, въ коихъ разсказывается, какъ святые, полагавшіе основанія монастырямъ на незаселенныхъ общинныхъ земляхъ, встрѣчали своему дѣлу препятствіе со стороны крестьянъ и почему: оказывается, едва пустынникъ успѣвалъ замѣнить «хижицу малу» кельями монастырскими, какъ, по словамъ автора «житій», «ненавидяй добра роду человѣчю діаволъ подстрекаетъ люди... отъ прилежащія тамо веси» противъ «велія старца», котораго они и начинаютъ изгонять, «смертію претяще» ему. Тотъ же благочестивый авторъ объясняетъ намъ этотъ, по-истинѣ съ перваго взгляда непонятный, фактъ: онъ приводитъ намъ мотивы, руководившіе — несомнѣнно уже помимо діавола — поведеніемъ крестьянъ. Въ данномъ случаѣ мотивы эти выражаются въ слѣдующихъ словахъ, съ которыми обращаются крестьяне къ из-

*) Тамъ же, стр. 138.

**) „Древнѣйшая исторія учрежденій", стр. 133.

гонкеному основателю монастыря: «почто на нашей земле построилъ еси монастырь, или хощеши... *нами и селитвы нашими обладати*» *). Ясно, что въ головѣ крестьянина обладанія его землею и имъ самимъ совершенно сливаются,—они нераздѣльны. Онъ убѣдился въ этомъ горькимъ опытомъ. Самъ авторъ житій, приведя только-что указанный мотивъ поведенія крестьянъ въ данномъ случаѣ, тутъ же сообщаетъ, что опасенія ихъ, послѣ того, какъ попытка ихъ не удалась и пустынникъ съ монастыремъ остались на мѣстѣ, оправдались: «еже (овладѣніе землею и людьми) и сбыться послѣди», заключаетъ онъ разсказъ о столкновеніи **).

При такомъ взглядѣ на дѣло, крестьянство, очевидно, не понимало тѣхъ *государственныхъ* интересовъ, ради которыхъ ихъ превращали въ собственность владѣльца земли, какъ не понимало оно и тѣхъ, по ученію каноническаго права, высоко-христіанскихъ интересовъ, коими оправдывалось владѣніе монастырями—ихъ, крестьянскими, «семействами» и ими самими. Трудно было понять имъ, да и жизнь не давала объясненій, почему, ради исполненія *служилымъ* человѣкомъ *его* государственныхъ обязанностей, они, крестьяне, должны работать на него, принадлежать ему и въ то же время нести свою тяжкую службу тому же государству, ради исправнаго отправленія службы которому слугою царскимъ они, крестьяне, обращаются въ собственность послѣдняго. Если несомнѣнно, что крестьяне знали, кромѣ своего владѣльца, еще господина всей земли, господина «*общаго*» имъ съ ихъ владѣльцами; если несомнѣнно, что это сознаніе объединяло всѣхъ въ Московскомъ государствѣ, владѣльцевъ и владѣемыхъ,—то несомнѣнно также и то, что «обезземеленіе крестьянства», этотъ, по выраженію профессора Градовскаго ***), «печальный, но всеобщій фактъ» періода Московскаго государства, и необходимость со стороны этого крестьянства признавать своимъ владѣльцемъ еще другаго, *кромѣ общаго*, владѣльца *частнаго*, — несомнѣнно, говоримъ, что эти два обстоятельства не могли установить между *земледѣльческимъ* и *землевладѣльческимъ* классами или, другими словами, народомъ и командующими классами «единенія»,—еди-

*) „Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель", стр. 20, прим. 1.

**) На царское пожалованье населенныхъ земель монастырю крестьяне также смотрѣли какъ на необходимость „*покориться монастырю*" и возставали противъ настоятеля послѣдняго (тамъ же, стр. 21).

***) „Исторія мѣстн. упр. въ Россіи", стр. 137.

нения, на которомъ, какъ на господствующемъ явленіи Московскаго государства, его характеристической чертѣ, настаиваютъ наши «публицисты патріоты» и котораго въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, и не было. Этого «единенія» между ними не могло быть потому же, почему его не можетъ быть между сытымъ и голоднымъ, притомъ такими, изъ которыхъ первый сытъ не только въ ущербъ, но и на счетъ другаго; его не могло быть между ними потому же, почему не можетъ быть его между сильнымъ и слабымъ, беззащитнымъ и насильникомъ; его не могло быть, наконецъ, какъ не можетъ быть его между двоими, изъ которыхъ одинъ не признаетъ за другимъ самыхъ правъ на человѣческое достоинство, или лучше — на званіе человѣка, такъ какъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ даже и самихъ «сильныхъ» за данное время едва ли возможно.

Нужно ли останавливаться на доказательствахъ, что въ періодъ Московскаго государства положеніе массы и командующихъ классовъ можно назвать положеніемъ голодныхъ и сытыхъ? Мы въ нѣсколькихъ словахъ указали на такое положеніе этихъ двухъ сторонъ до Московскаго государства. Послѣднее не измѣнило положенія дѣлъ: «созданіе единаго государства» стоило страшныхъ усилій «массамъ». Поддержаніе его стоило имъ чуть ли еще не большихъ: на нихъ лежала обуза содержанія своимъ трудомъ, какъ мы видѣли, служилаго класса; на нихъ легала вся тягость государственнаго тягла — всякаго рода податей и повинностей: на нихъ же — и тяжесть административнаго «кормленья», отъ котораго крестьянство «бѣжало въ розни».

«Если мы возьмемъ въ разсчетъ всю совокупность податей и повинностей, — говоритъ г. Чичеринъ, — какъ *владѣльческихъ*, такъ и *княжескихъ* (*государственныхъ*) и то безчисленное множество пошлинъ и поборовъ, которые взимались всякими властями, то мы убѣдимся, что положеніе земледѣльца было весьма неотрадно. Чтобы нѣсколько пособить ему, онъ долженъ былъ *прибѣгать къ постояннымъ займамъ*, но это ставило его еще въ большую зависимость отъ помѣщика»*).

Теперь «закупа» смѣнилъ «кабальный» или «закладникъ»; различіе только въ именахъ, — «закладывались», «шли въ кабалу» въ видѣ уплаты процентовъ: «кабалы за росты служити», выражается «Судебникъ» Ивана Грознаго. Всеобщая кабала недостаточ-

*) „Опыты по исторіи русск. права", стр. 220.

наго люда — результатъ тѣхъ страшныхъ процентовъ, которые берутъ и теперь—въ XVI и XVII столѣтіяхъ.*). Мы видѣли въ первой главѣ настоящей статьи указаніе одного изъ иностранцевъ на то, что проценты въ началѣ XVII столѣтія русскими взимались хуже (выше) «жидовскихъ». Ихъ взимали достаточные люди всѣхъ сословій и землевладѣльцы даже духовнаго званія. Еще въ началѣ XVI столѣтія знаменитый Вассіанъ укоряетъ духовенство (монастырское) въ томъ, что оно обижаетъ крестьянъ поборами, налагаетъ на нихъ «лихву на лихву», лишаетъ ихъ имущества, доводитъ «до конечнаго разворенія..., если они не имѣютъ силъ «отдать лихвы»**). «Стоглавъ» нашелъ нужнымъ посвятить особую главу, которая «всему священническому чину и иноческому *возбраняетъ*», а «простымъ людемъ *не повелѣваетъ* дерзати рѣзы и лихоимства истязати», предписывая «святителемъ, архимандритомъ и игуменомъ деньги давати по своимъ селамъ, своимъ крестьяномъ безъ росту..., токмо съ поруками...», чтобы села не были пусты***). Въ «Судебникѣ» XVI ст., цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ къ нему указовъ, въ «Уложеніи» царя Алексѣя и въ массѣ отдѣльныхъ указовъ мы встрѣчаемся съ попытками такъ или иначе урегулировать «ростъ», «кабалу»,—съ попытками, изъ которыхъ ясно какъ день тяжкое положеніе неимущихъ. Мы отказываемся, опасаясь утомить читателя, приводить указанія по данному вопросу изъ всякаго рода поученій, посланій, словъ и т. п. пастырей церкви.

Въ первой половинѣ настоящей статьи мы привели, думается, достаточное количество, хотя и съ иными цѣлями, фактовъ, чтобы не приводить здѣсь другихъ, въ доказательство того, что и землевладѣлецъ, и администраторъ, и вообще всякій власть имущій относился къ неимущему или малоимущему и вообще отъ него въ томъ или иномъ отношеніи зависящему—именно какъ насильникъ къ беззащитному.

Было бы удивительно, еслибы въ такомъ общественно-государственномъ строѣ создалось представленіе о человѣческой личности. Его и не создалось за неимѣніемъ путей и средствъ къ этому. А тольно, по нашему глубокому убѣжденію, развитіе въ обществѣ понятія о человѣческой личности, ея достоинствѣ и правахъ ведетъ обыкновенно къ созданію иныхъ, сравнительно съ

*) Закономъ признаются 20% годовыхъ.

**) *Павловъ*: „Историч. очеркъ секуляриз. церков. земель", стр. 68.

***) Гл. 36, изд. *Кажанчикова*, стр. 233.

указанными выше, порядковъ въ обществѣ и государствѣ. Откуда же было выйти въ Московскомъ государствѣ тѣмъ токамъ, которые могли внести въ общество «душу живу», искру Божію, которая создала бы изъ всѣхъ этихъ холопей, личинокъ—человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣка, который сознавалъ бы въ *себѣ и другихъ* «образъ и подобіе Божіе» и относился бы къ себѣ и этимъ другимъ именно какъ къ такому «подобію», а не какъ къ какой-то силѣ, мощи, для которой законъ не писанъ и относительно которой все, ее окружающее, есть нѣчто или должно быть чѣмъ-то, ей поклоняющимся, ей подчиненнымъ, ея вожделѣніямъ удовлетворять обязаннымъ, своихъ цѣлей и интересовъ имѣть не могущимъ? Единственнымъ источникомъ свѣта, могшаго освѣтить темныя стороны того времени и создать изъ человѣка-животнаго, ничего, кромѣ «мамоны», не признающаго, человѣка-лице, способнаго ставить въ себѣ и другихъ это «лице» выше всего остальнаго, уважать его,—могла и должна была быть церковь, а проводниками ея—служители. Мы сказали «могла и должна была». Въ томъ, что церковь должна была пролить этотъ свѣтъ, сомнѣнія быть не можетъ; но въ томъ, что она «могла» пролить его, мы позволимъ себѣ сомнѣваться, опираясь на тѣ же данныя жизни, на которыхъ мы такъ долго останавливались.

Мы въ извѣстной степени познакомили читателя съ характеромъ религіозныхъ воззрѣній Московскаго государства и думаемъ, что этого достаточно, чтобы придти къ заключенію, что это міровоззрѣніе, выражающееся въ рутинной обрядности, пролить свѣта, о которомъ мы говоримъ, не могло. Высокій авторитетъ, на который мы такъ часто ссылались, не только думаетъ то же самое, но даже, какъ это было нами уже указано, полагаетъ, что эта «слѣпая привязанность къ обряду сопровождалась... *гибельными послѣдствіями въ области нравственности*»; другими словами, это міровоззрѣніе вносило, по его мнѣнію, еще большую темноту туда, гдѣ ея и такъ было слишкомъ много. А такой характеръ міросозерцанія—въ сильной зависимости отъ церкви и ея служителей: они должны вносить свѣтъ въ эту сферу человѣческой жизни. Должны!... Но *могли* ли?—Опять-таки нѣтъ и нѣтъ: они не могли этого сдѣлать,—не могли изъ мертвой, леденящей душу обрядности создать оживотряющее ученіе, и не могли потому, что не имѣли, въ массѣ, средствъ къ тому, не могли потому, что сами не понимали, не сознавали необходимости въ такомъ превращеніи, и не сознавали ея потому, что составляли

«*едину душу* и едино тѣло» въ слишкомъ уже буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ со своею паствою; потому что между ними и паствою, куда нужно было пролить свѣтъ, *слишкомъ мало было духовной розни*», слишкомъ много «единенія», потому что если теперь и возставала порой паства противъ пастыря, то, какъ мы видѣли, потому, что этотъ пастырь грозилъ *завладѣть* своею паствою, а не потому, что, какъ въ первое время *), хотѣлъ просвѣтить ее. Что могли сдѣлать пастыри, заслужившіе такую укоризну, какая звучитъ въ слѣдующихъ словахъ митрополита Даніила: «худіи и лѣнивіи пастыріе... себе упасоша и разшириша чрева своя брашны и піанствы, *заблудьшихъ не возведоша*, погибшихъ не взыскаша, *прельщенныхъ не обратиша*, сокрушенныхъ не врачеваша... и *вся дѣла пастырская презрѣша*, но точію на славу и честь, и на упокоеніе еже ясти и пити сладостная... и на тщеславіе, и презорство и на воспріятіе мзды уклонишася» **). Мы, видѣли, что пастыри сами страдали тѣми же грѣхами, что и пасомые: и жаждой «стяжанія», ради удовлетворенія которой не останавливались ни передъ «рѣзоиманіемъ», ни передъ лихоимствомъ, ни передъ раззореніемъ крестьянъ какъ въ качествѣ землевладѣльцевъ, такъ и въ качествѣ духовныхъ, какъ таковыхъ,—и жаждой къ «питію», каковымъ отличались едва ли даже не больше своей паствы; вообще, они, за немногими исключеніями, не стояли ни на йоту выше тѣхъ, учить которыхъ были призваны. Не стояли они выше ихъ, говоря вообще, и по знанію, образованію, по пониманію тѣхъ религіозныхъ истинъ, проповѣдываніе которыхъ было ихъ задачей.

На Стоглавомъ соборѣ отцы церкви заявили торжественно о почти всеобщемъ невѣжествѣ бѣлаго духовенства, констатировавъ слѣдующій фактъ: претендующіе на санъ діакона и священника не могутъ быть посвящены въ него, ибо «грамотѣ мало умѣютъ» и постригать ихъ было бы «сопротивно священнымъ правиломъ», а избѣгать такихъ претендентовъ, не постригать ихъ, тогда «святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные христіаны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастія» ***). Положеніе безвыходное въ сущности; и если изъ него «святители» выходили, то вовсе не къ славѣ церкви и не къ спасенію

*) См. стр. 325 и слѣд. первой главы настоящей статьи (*Русская Мысль* за 1881 г., кн. XI).

**) *Жмакинъ*, назв. сочин.., стр. 619.

***) „Стоглавъ", гл. 25.

погибающихъ овецъ: они ставили въ діаконы и священники этихъ мало умѣющихъ грамотѣ и требовали отъ нихъ лишь, «чтобъ могли церковь Божію держати и дѣтей своихъ духовныхъ *учити* по священнымъ правиломъ» *). Взгляните на требованія того же собора, предъявляемыя имъ такъ-сказать къ идеальному, относительно, образованію священника, и вы поймете уровень этого образованія въ средѣ бѣлаго духовенства вообще: въ школахъ, учреждать которыя отцы «соборне уложили» въ Москвѣ и другихъ городахъ для приготовленія дѣтей духовныхъ въ духовное званіе, отъ самихъ учителей требовалась лишь «горазливость въ грамотѣ и письмѣ»; что-жъ мудренаго, что и обучать они должны были будущихъ пастырей и учителей церкви только «грамотѣ книжному письму и церковному пѣнію, и чтенію налойному» **). При этомъ не слѣдуетъ забывать, что и эти школы оставались въ сущности въ области благихъ пожеланій, какъ это видно изъ свидѣтельства нашихъ памятниковъ старины и показаній иностранцевъ. Что же послѣ этого удивительнаго, что образованнѣйшій изъ священниковъ своего времени, знаменитый попъ Сильверстъ, все христіанское ученіе въ своемъ «Домостроѣ» почти исключительно свелъ на мертвящую обрядность! Что удивительнаго, если его преемникъ, попъ Семенъ, священникъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, нашелъ, что извѣстный «еретикъ» Матвѣй Башкинъ, ставя такія задачи духовенству, какъ, напр., «положити душу свою за други своя»—заботиться о душахъ овецъ своихъ, поучать ихъ дѣломъ и словомъ,—*толковалъ «развратно»* и «необычайно»! Что мудренаго и удивительнаго, что этотъ соборный пастырь на такія «развратныя» рѣчи съ легкимъ сердцемъ отвѣчалъ: «и азъ того не знаю, не коли тебѣ вѣдати: *въ сует мірской ни въ день, ни въ нощи покоя не знаешь*» ***). Таково богословское образованіе соборныхъ московскихъ священниковъ. Каково же оно въ средѣ духовенства другихъ городовъ и въ особенности сельскаго?!... Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что ни высшее московское общество, ни массы народныя не слыхали ничего въ церкви кромѣ того чтенія и пѣнія, которое, какъ мы видѣли, такъ удивляло своимъ неблагообразіемъ иностранцевъ. Нечего удивляться, что церковная каѳедра молчала, проповѣдничество не имѣло мѣста. Кому было проповѣдовать и что?... «Всѣ наши пастыри, не только сель-

*) Тамъ же.
**) Тамъ же, гл. 26.
***) Дѣло о Матвѣѣ Башкинѣ—Ак. Арх. Экс., т. I, № 238, стр. 249.

ские, но и городские, — говорить высокопреосвященный Макарій, — были едва грамотные, мало образованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; *они не понимали*, какъ слѣдуетъ, *ни той вѣры*, которой должны были учить народъ, *ни священнодѣйствій*, которыя должны были совершать..., *ни самой* важности своего пастырскаго служенія» *).

Черное, монастырское, духовенство не стояло выше бѣлаго, церковнаго, по образованію **). Если среди высшихъ представителей этого духовенства и встрѣчались свѣтлые умы и образованные люди, то они были рѣзкимъ исключеніемъ и ихъ учительная дѣятельность лишь возбуждала противъ себя прежде всего ту среду, представителями которой они являлись. Вспомнимъ Вассіана Косаго, вздумавшаго проповѣдывать евангельскія истины въ XVI столѣтіи; вспомнимъ его учителя, великаго подвижника и идеалиста своего времени, Нила Сорскаго, отрицавшаго право монастырей на владѣніе вотчинами и крестьянами. Послѣдній обвинялся преподобнымъ Іосифомъ Волоцкимъ «въ хулахъ на русскихъ чудотворцевъ» ***); первый «умеръ въ заточеніи», которое раздѣлялъ съ нимъ и другой представитель чернаго духовенства — извѣстный Максимъ Грекъ, не мало раздражавшій темную среду русскаго духовенства своими писаніями. Оба эти монаха-писателя не мало поработали для развитія нотинъ евангельскихъ; но труды ихъ едва ли оставили въ свое время какіе-либо слѣды, кромѣ тѣхъ, на которые мы указали — раздраженіе и озлобленіе въ монастырскомъ мірѣ.

Можетъ-быть семья, которую обыкновенно кладутъ въ основаніе государства, считаютъ краеугольнымъ камнемъ его, — можетъ-быть она въ Московскомъ государствѣ могла помочь созданію человѣка-лица? Можетъ-быть она полагала или могла положить хоть какое-нибудь основаніе для развитія изъ ея членовъ людей?

На этотъ вопросъ смѣло можно и должно отвѣчать отрицательно уже на основаніи того, что мы знаемъ объ обществѣ Московскаго государства. Но мы не рѣшаемся остановиться на такомъ рѣшеніи вопроса путемъ логическаго только заключенія;

*) „Исторія церкви", т. VIII, стр. 337.

**) По словамъ нѣкоего старца, Арсенія Глухаго, между архимандритами въ XVII ст. было много такихъ, „кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина". *Щаповъ*: „Русскій расколъ", стр. 68.

***) *Павловъ*: „Историч. очеркъ секуляр. церк. земель", стр. 64.

мы еще разъ обратимся къ терпѣнію читателя и попробуемъ отвѣтить на поставленный вопросъ опять-таки фактами и ссылками на мнѣнія и мысли по этому поводу нашихъ авторитетныхъ изслѣдователей старины.

Припомнимъ, какъ проводится въ семьѣ день по «Домострою», какую роль въ ней играетъ элементъ религіозно-монастырскій; припомнимъ вообще значеніе религіозной *обрядности* въ жизни русскаго человѣка того времени—и мы будемъ въ состояніи такъ сказать предугадать, что могла семья дать своимъ младшимъ членамъ, будущимъ членамъ общества, государства. «Домострой», впрочемъ, даетъ намъ самыя ясныя указанія не только на тѣ начала, на которыхъ покоилась семья вообще, но и на тѣ, на которыхъ строилось *воспитаніе* молодаго поколѣнія. Мы остановимся нѣсколько на тѣхъ и другихъ, такъ какъ первыя въ дѣлѣ воспитанія играли не меньшую роль, чѣмъ и вторыя, и такъ какъ и тѣ и другія по существу своему одинаковы.

Семья—монастырь въ миніатюрѣ; ея глава—настоятель его: «Домострой» обращается къ нему какъ къ «государю, *игумену* дома». *Воля* этого игумена—законъ для *всѣхъ* членовъ семьи, поглощающій вполнѣ волю этихъ послѣднихъ, устраняющій всякое проявленіе ихъ самостоятельности. Повиновеніе волѣ этого игумена-мужа и отца возведено на степень повиновенія заповѣдямъ Бога: «*Со страхомъ, рабольпно* служите имъ (родителямъ), да и сами отъ Бога изду пріимите и жизнь вѣчную наслѣдите, *яко совершители Его заповѣди*», говоритъ «Домострой», обращаясь къ дѣтямъ. Существо этой воли «Домострой» не опредѣляетъ, предѣловъ ей никакихъ не полагаетъ; «*она сама себѣ образецъ*,—какъ выражается г. Забѣлинъ,—и сама себѣ наука»; для членовъ семьи она, по вѣрной характеристикѣ того же ученаго, «не могла имѣть никакого другаго смысла, какъ *смыслъ произвола*, смыслъ простой *грубой силы или насилія*..., стихіи» *). А поддерживался такой характеръ власти родительской, ея авторитета — *страхомъ* передъ битьемъ по преимуществу **). *На страхѣ* въ концѣ концовъ держалась вся семья: жена мужу во всемъ, по выраженію самого «Домостроя», «*со страхомъ* внимала»,—съ тѣмъ страхомъ, который внѣдрялся въ нее классической учебною плеткой... На такомъ же страхѣ покоились и отношенія, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты о рабо-

*) „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 47 и 56.
**) Тамъ же.

лѣпномъ повиновеніи дѣтей, и этихъ послѣднихъ. И страхъ этотъ вкоренялся въ юныя души тѣмъ же *битьемъ*, на которомъ покоились отношенія жены къ мужу, т. е. матери къ отцу.

Уже однихъ этихъ отношеній матери къ отцу было совершенно достаточно, чтобы растлить въ дѣтяхъ человѣка, истребить въ нихъ все нравственное; но мы должны прибавить сюда и безнравственность отношеній родителя къ нимъ самимъ и, наконецъ, самую систему ихъ воспитанія, которое все сводилось, опять-таки говоря словами Забѣлина, «къ битью по преимуществу». Задача *нравственнаго* воспитанія — «учити *страху* Божію, и вѣчеству, и всякому *благочинію*»; а средства достиженія этой задачи — «*страхомъ спасати*; *раны возлагати*: *наказуй* дѣти во юности, покоятъ тя на старость твою;... не ослабляй, *бія* младенца: аще бо жезломъ (лозою, переводитъ Забѣлинъ) біеши..., здравіе будетъ; ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти... Не дашь ему власти.... Сокруши ему ребра*» *). Воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ.

Что же могъ внести *такъ* воспитанный человѣкъ въ общество, въ государство, куда онъ вступаетъ непосредственно изъ такой школы? Предоставимъ отвѣтить знатокамъ нашего стараго быта. «Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, въ произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская опека, есть священная воля самой нравственности, непоколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волей держится не только связь семьи..., но и связь всего общества, всей земли, — старый *предокъ нашъ*, *вступая въ жизнь* уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣятелемъ, *ничего не могъ принести въ нее другаго*, *какъ тѣ же самыя понятія и убѣжденія*, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, *тотъ же произволъ*, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій» **).

Воспитавшись на томъ, что воля есть только у *старшаго* — родителя и вообще у всякаго власть имущаго, «предокъ нашъ,— продолжаетъ тотъ же г. Забѣлинъ, — *не могъ* въ собственномъ сознаніи *отдѣлить законное отъ беззаконнаго* въ этомъ отношеніи»; для него ясенъ былъ только одинъ законъ — «произволъ старшаго..., стало-быть *своя воля*, когда онъ *самъ* сдѣлался стар-

*) „Домострой", изд. *Голохвастова*, гл. XV и XVII.

**) *Забѣлинъ*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 57.

шимъ, *властнымъ*, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ, по его понятіямъ и представленіямъ» [1])

Предоставляемъ самому читателю рѣшить, что могло внести въ темную жизнь Московскаго государства семейное воспитаніе, насколько оно могло содѣйствовать развитію въ ней представленія о человѣческой личности, ея достоинства. Въ помощь ему, пожалуй, приведемъ здѣсь слѣдующія слова все того же авторитета: «истинныхъ понятій о *нравственной свободѣ* лица не *могло существовать въ обществѣ, гдѣ родовой* (семейный) *духъ* съ такою силою *пригналъ*, *давилъ личность*, т. е. всякую человѣческую индивидуальность». Другой нашъ историкъ, покойный Соловьевъ, не меньшій, если не большій авторитетъ, категорически заявляетъ, что «плеть и палка не могли устроить и направить дѣятельности воспитаннаго ими въ семьѣ человѣка»; онъ этого человѣка прямо называетъ «нравственнымъ недоноскомъ», который, долго находясь подъ гнетомъ чужой силы, по общему правилу, дастъ особенно сильно почувствовать *свою* силу, выйдя изъ-подъ опеки чужой [2]).

Гдѣ же искать еще, наконецъ, свѣта въ московской жизни, такъ необходимаго для ея обновленія? Въ *образованіи?*—Но его не было. Соловьевъ корень зла именно въ томъ и полагаетъ, что человѣкъ того времени, какъ онъ выражается, «вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской», что его «развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному... Онъ являлся передъ обществомъ преимущественно физическимъ существомъ» [3]). И являлся таковымъ потому, что для него не было, какъ выражается историкъ, «того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что такъ превосходно выражаетъ слово *образованіе*» [4]). А это явленіе не имѣло мѣста въ московской Руси потому, что въ ней не было школы: тѣ училища, которыя предписалъ завести Стоглавый соборъ, остались, какъ мы видѣли, почти исключительно въ области желаній, а если и учреждены были кое-гдѣ, то обучали лишь грамотѣ, какъ ей же только учили и въ тѣхъ школахъ, которыя иногда существовали при томъ или иномъ монастырѣ. Притомъ грамотѣ обучались исклю-

[1]) Тамъ же.
[2]) „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 161, 163 и 206.
[3]) Тамъ же, стр. 661.
[4]) Тамъ же.

чительно по Часослову и Псалтырю, которыхъ содержаніе на половину при этомъ не понималось; иногда, уже въ видѣ роскоши, ученики ознакомлялись съ содержаніемъ такъ-назыв. «Азбуковниковъ», въ которыхъ излагались правила, какъ держать себя въ школѣ, а «также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ или мудростей»; иногда преподавались грамматика, реторика*), которыя опять-таки читались безъ пониманія, выучивались наизусть. Поэтому если на Руси того времени и встрѣчались, какъ крайне рѣдкое исключеніе, люди сколько-нибудь образованные, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго князя Курбскаго и другихъ, то это были люди *случайно* получившіе образованіе и притомъ, увы, опять-таки при посредствѣ гнилаго Запада, хотя бы въ лицѣ «какого-нибудь западно-русскаго шляхтича». Самая необходимость образованія только и сознавалась этими отдѣльными единицами, по счастливой случайности, въ извѣстной степени получившими его. Масса же, даже грамотѣ обученныхъ, не только къ образованію, но даже къ книгѣ вообще относилась враждебно, если только она не была Псалтырь, Часословъ или «Житіе» какого-либо святаго; въ ней видѣли какое-то страшное зло, отъ котораго у человѣка умъ за разумъ заходилъ или онъ впадалъ въ ересь, и котораго, поэтому, всякому православному христіанину слѣдовало бы бѣжать, какъ и всякаго зла. Мы имѣемъ отъ XVI вѣка два яркія указанія на такой взглядъ на книгу и образованіе со стороны ревнителей благочестія и охранителей основъ того времени. Одно такое свидѣтельство даетъ намъ князь Курбскій. Онъ говоритъ, что въ его время «мнящіеся быти учители» всякими правдами и неправдами стараются удержать отъ книгъ юношей, «тщаливыхъ къ наукѣ», запугивая ихъ тѣмъ, что отъ чтенія «книгъ многихъ», будто бы, кто «ума изступилъ», кто «зашелся», а кто «въ ересь впалъ» **). На такое же точно отношеніе къ книгѣ, притомъ такой, какъ Евангеліе, напримѣръ, указываетъ и еще одинъ современникъ—нѣкій старецъ Артемій, жившій въ XVI столѣтіи. Онъ утверждаетъ также, что сумасшествіе грамотнаго человѣка, много читавшаго, прямо приписывали книгамъ: «аще кому прилучится недугъ, отъ него же человѣкъ естественнаго смысла не падетъ, прельщающе глаголютъ: зашелся есть въ книгахъ»; грозили за чтеніе и такимъ результатомъ,

*) Тамъ же, стр. 162.

**) *И. Преображенскій*: „Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ“, стр. 20.

какъ внаденіе въ ересь: «не чти много книгъ, да не во ересь внадеши». А заглядывать въ такія книги, какъ Апостолъ или Евангеліе, прямо называли грѣхомъ: «грѣхъ *простымъ* чести Апостолъ и Евангеліе», говорили патріоты того времени. Въ результатѣ, по увѣренію Артемія, получалось, что «мнози отъ ненаказанныхъ (необученныхъ) боятся и въ руки взяти» названныя книги *). Старецъ объясняетъ, какъ и Курбскій, это печальное явленіе скудоуміемъ и невѣжествомъ самихъ учителей этихъ: «сицеван глаголющи, сами не наказани,—говоритъ онъ,—*хотятъ да и прочіи по нихъ безъ наказанія* (образованія) *будутъ, да не обличенна будетъ злоба*». Въ послѣднихъ словахъ звучитъ уже нѣчто хуже, чѣмъ просто указаніе на невѣжество: старецъ обличаетъ мнимыхъ учителей уже въ злостномъ желаніи охранить злобу дня отъ обличеній просвѣщеннаго человѣка. Это видно особенно изъ слѣдующихъ словъ старца: «еже, егда благодати божественной поспѣшествующи *отъ прочитанія книжнаго*, уразумѣвъ кто истину, дѣйствовати начнетъ по заповѣди Господни и... *отъ сего бываетъ ему по нужи отлучитися мыслію отъ молвы мірскія*..., и о таковыхъ неискусне тоже глаголютъ..., рече: многія тѣ книги въ неистовство прелагаютъ».

Итакъ, человѣкъ Московскаго государства ни въ чемъ не могъ, еслибы даже и захотѣлъ, найти средствъ къ обновленію: не получая ихъ отъ церкви и семьи, нашъ предокъ не могъ найти ихъ въ жизни, которая не только не могла дать ихъ, но, наоборотъ, вся строилась такъ, что преграждала всякіе пути имъ. И не былъ этотъ человѣкъ въ сущности человѣкомъ: онъ былъ только или холопомъ, вещью другаго человѣка, или кабальнымъ его, или служилымъ человѣкомъ общаго господина всѣхъ и каждаго — царя московскаго, или его богомольцемъ; а всѣ вмѣстѣ: и холопъ, и служилый человѣкъ, и богомолецъ—не людьми, а людишками и холопями царя и великаго государя московскаго. И всѣ виды этихъ «людишекъ» и «холопей», какъ они сами себя величали, были едины *духомъ*... невѣжества, безличности. А сидѣвшій въ нихъ звѣрь «стяжанія» и «властности», не находившій ни въ чемъ узды, поощряемый всеобщимъ царствомъ «произвола и самовластія»,—говоря языкомъ Забѣлина,—поселялъ въ нихъ такую «розпь», которая сдѣлала, какъ мы старались доказать это

*) Тамъ же.

въ предыдущей статьѣ, изъ Московскаго государства нѣчто такое, чему ни XVIII-му, ни нашему столѣтію завидовать не приходится. Тамъ идеалъ человѣка, незнакомаго даже съ Евангеліемъ, основывался не на любви къ ближнему, не на благѣ его, а на голомъ, страшномъ эгоизмѣ и разореніи ближняго. Тамъ не было иныхъ заботъ у человѣка, кромѣ заботъ о своемъ личномъ благѣ; тамъ онъ изъ-за «суеты мірской» забывалъ великую обязанность любви къ ближнему, какъ забывалъ ее (см. выше) благовѣщенскій попъ Семенъ, и, забывъ, не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобъ осилить этого ближняго, овладѣть имъ, кориться трудами его, убить въ немъ человѣка, хотя бы и убивая его въ себѣ самомъ. Тамъ все дѣлалось ради своего *я* и только его одного: тамъ отецъ долженъ былъ блюсти «тѣлесная и духовная» дѣтей своихъ только потому, что онъ долженъ былъ (по «Домострою») за несоблюденіе ими таковыхъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда». Тамъ вся нравственность покоилась лишь на страхѣ: здѣсь, на землѣ — передъ наказаніемъ, тамъ, на небѣ—передъ вѣчными муками ада; избавленіе отъ этихъ послѣднихъ, и только оно одно, тамъ, на небѣ—награда за всѣ добрыя дѣла, а здѣсь, на землѣ—слава среди людей. «Домострой» и то, и другое обѣщаетъ за исполненіе всѣхъ его требованій: *«а себѣ отъ Бога мзда, а отъ людей—добрая слава»*. Тамъ даже эта «мзда» небесная покупалась на счетъ своего ближняго, плодовъ труда его.

И разбрелось тамъ все «розно».

Мы были бы не мало смущены, еслибы читатель, одолѣвшій нашу статью, добросовѣстно пришелъ къ заключенію, что въ ней унижается Московское государство съ цѣлью возвеличенія XVIII столѣтія и нашего времени: это значило бы, что намъ не удалось заставить понять себя. Мы въ нашей статьѣ имѣли сказать только то, о чемъ говоритъ ея заглавіе,—ничего больше. Было бы дерзостью и свидѣтельствомъ полнаго незнанія исторіи, еслибы мы вздумали убѣждать читателя, что земля Русская съ XVIII столѣтія зацвѣла «аки кринъ», и зацвѣла потому, что ее поставили подъ вліяніе гнилаго Запада. Кто же не знаетъ, что нецвѣла она въ XVIII столѣтіи, не цвѣтетъ, увы, и въ наше время.

Та «рознь», о которой мы до сихъ поръ говорили, существовала, и не въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ раньше, и въ XVIII столѣтіи, существуетъ и теперь; и причины ея тѣ же. Въ этомъ

отношеніи XVIII столѣтіе не внесло ничего новаго; оно лишь возвело «въ перлъ созданія», если позволено будетъ такъ выразиться, то, что создано было предшествовавшими вѣками и главнымъ образомъ XVI и XVII. Въ положеніи крестьянъ, уже обезземеленныхъ и крѣпостныхъ, оно не произвело *по существу* никакихъ измѣненій: оно въ этомъ отношеніи лишь развивало дальше то, что завѣщало ему Московское государство; и если крѣпостное право, распространяясь *количественно*, охватывало все большій и большій районъ, то и это совершалось подъ вліяніемъ того же рода *государственныхъ* потребностей, которыя вызвали прикрѣпленіе къ землѣ въ XVI столѣтіи. До второй половины XVIII вѣка землевладѣльцы все еще несутъ обязательную государственную службу и ради нея владѣютъ крестьянами; со второй половины этого вѣка они свободны отъ обязательной, но несутъ добровольную службу и въ награду за нее получаютъ крестьянскія души сотнями, тысячами. Европа съ ея плетворными ученіями здѣсь не при чемъ; не при чемъ она и относительно того, что положеніе дѣлъ вообще въ государствѣ не улучшилось, а чуть ли не ухудшилось; не при чемъ она въ «кожедирательствѣ», какъ выражалась Екатерина, чиновниковъ и администраторовъ; не при чемъ она и въ ихъ кругломъ невѣжествѣ относительно управляемой ими страны,—невѣжествѣ, констатированномъ самой императрицей*).

«Рознь» развивается своимъ порядкомъ; живетъ своимъ чередомъ и пресловутое московское «*духовное единство*», живетъ въ массѣ «командующихъ» классовъ,—живетъ, *несмотря* на гнилой Западъ, вопреки западавшимъ оттуда искрамъ просвѣщенія и гуманизма и зажигавшимъ отдѣльныя, рѣдкія единицы. Напрасно плачутъ и вопіютъ *о духовной* розни наши публицисты-патріоты,—ея слишкомъ мало даже и въ наше время, а XVIII вѣкъ и подавно ею не изобиловалъ. Кто же серьезно будетъ видѣть духовную рознь между даже большимъ бариномъ XVIII вѣка, хотя бы и болтавшимъ по-французски и бывавшимъ за границей, гдѣ на него смотрѣли какъ теперь уже едва ли смотрятъ на китайца или японца, и его крѣпостнымъ? Французскій языкъ, французскій покрой платья также мало вносили розни между «духовно» едиными бариномъ и крѣпостнымъ, какъ quasi-

*) Положеніе дѣлъ въ первыя три четверти XVIII столѣтія см. въ нашей статьѣ: „Екатерин. коммиссія 1767 г." и соч. проекта Нов. Уложенія—*Юрид. Вѣстн.* за 1879 г., кн. 3, 4 и 5.

народный языкъ и покрой кафтана могутъ внести *единство* въ среду *жизненно* разрозненныхъ крестьянина и кулака или урядника. О «духовной розни» правящихъ классовъ и народа въ XVIII вѣкѣ также слишкомъ ужь много напѣли, какъ и о всеобщемъ единеніи въ Московскомъ государствѣ. Стоитъ порыться *въ бытовой* исторіи этого вѣка, стоитъ поближе ознакомиться со всяческими записками, мемуарами и т. п., чтобъ убѣдиться въ этомъ. Единство невѣжества въ этомъ столѣтіи еще до того преобладало надъ «рознью духовною», что приходится оплакивать не послѣднюю, а первое. Вся эта рознь въ сущности сводилась къ розни кафтановъ. А на міровомъ значеніи *этой* розни можно бы спокойно предоставить настаивать нашимъ патріотамъ, еслибъ ихъ взгляды не грозили реализироваться.

Если гнилой Западъ нельзя винить въ тѣхъ невзгодахъ, которыя переживали наши предки въ XVIII столѣтіи и переживаемъ мы теперь, то его несомнѣнно можно и *должно* обвинить въ томъ, что съ этого Запада сталъ проникать къ намъ, и именно по преимуществу съ XVIII в., тотъ свѣтъ, котораго, какъ мы видѣли, недоставало въ Московскомъ государствѣ и который внесъ въ каверны московской жизни, нѣчто новое, вступившее въ борьбу съ такими основами ея, какъ «плеть и палка» и внушаемый ими *страхъ*; оттуда пришелъ свѣтъ, заставившій еще въ XVIII столѣтіи заговорить, что рабство—гнуснѣйшее явленіе человѣческой жизни, что рабъ-человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; оттуда пришелъ свѣтъ, *освѣтившій человѣка*, напередній и показавшій его всему міру—*въ холопѣ*. Подъ вліяніемъ этого свѣта начинаютъ измѣняться задачи государства.

Постепенное развитіе этого свѣта, усиленіе его яркости, увеличеніе пространства, имъ освѣщаемаго, хотя медленно, быть можетъ слишкомъ медленно, но все-таки ведетъ и, наконецъ, приводитъ къ 19 февраля 1861 года.

Мы отказываемся отъ *обвиненія* Европы *въ этой бѣдѣ*.

И. Дитятинъ.

НА РУБЕЖѢ.

Зеленая степь изъ тумана встаетъ,
Едва голубѣютъ озёра
И первою вспышкою утра горятъ
Далекія, темныя горы.

А сердце больное и говоръ родной,
И пѣсня родная ласкаютъ,—
Изъ солнечной дали забытые сны,
Забытыя грёзы всплываютъ...

Лишь только коснулся я почвы родной,
Стихійно-могучая сила
Нахлынула въ душу, какъ вешній потокъ,
И разомъ ее охватила.

И ярко сверкаютъ подъ солнцемъ любви
Ея многошумныя волны,
То горькаго смѣха, то радостныхъ слёзъ,
Какъ сказки старинныя, полны....

И снова мучительно жизнь хороша,
Мучительно-сладостны грёзы,
Какъ первыя муки безумной любви,
Какъ перваго счастія слёзы...

Мартовъ.

Апостолъ Зосима.

(Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ.)

I.

Разсказъ слѣдователя.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года,—въ самую, стало-быть, тревожную, тяжелую пору,—одинъ изъ урядниковъ Самарскаго уѣзда донесъ мѣстному становому приставу, что крестьянинъ деревни Щигровки, Петропавловской волости, Самарскаго уѣзда, Зосима Семеновъ Шировъ, непочтительно и дерзко отзывается о правительствѣ и называетъ Государя идолопоклонникомъ. Этого было, разумѣется, совершенно достаточно для становаго пристава, чтобы немедленно же дать дальнѣйшій ходъ доносу, и вотъ загорѣлось «политическое дѣло».

Въ мирную, захолустную Щигровку наѣхали небывалые, никогда не виданные тамъ гости: пріѣхалъ товарищъ прокурора, пріѣхалъ жандармскій офицеръ и началось дознаніе. Говорили, что дознаніе подтвердило, будто-бы, доносъ урядника. Какъ бы то ни было, но Зосиму арестовали и увезли изъ Щигровки. Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что Зосима сидитъ въ самарскомъ тюремномъ замкѣ. Къ счастію, прокуроръ самарскаго окружнаго суда, которому поступило это дѣло, съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ нему и, благодаря этому, дальнѣйшее направленіе дѣла получило уже вполнѣ правильное теченіе. Дѣло объ оскорбленіи «величества» было прекращено за недостаткомъ уликъ и Зосима былъ освобожденъ изъ тюрьмы; но въ то же время возбуждено было дѣло по обвиненію Зосимы уже не въ политическомъ, а въ общемъ преступленіи, а именно—въ порицаніи иконъ св. угодниковъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 177 ст. Уложе-

нія о наказаніяхъ. Это новое дѣло было передано судебному слѣдователю для производства слѣдствія.

Освобожденный изъ тюрьмы, Зосима поселился въ селѣ Владиміровкѣ, Петропавловской волости. Въ концѣ апрѣля туда пріѣхалъ судебный слѣдователь, г. Т. По обыкновенію всѣхъ чиновниковъ, онъ остановился на «въѣзжей», т. е. въ домѣ, спеціально назначенномъ для пріѣздовъ должностныхъ лицъ. По пріѣздѣ, слѣдователь потребовалъ къ себѣ Зосиму, который немедленно же явился къ нему, ведя за руку своего сына, трехлѣтняго ребенка.

— Не успѣлъ явиться ко мнѣ Зосима,—разсказывалъ намъ г. Т.,—какъ во въѣзжую одинъ за другимъ стали набираться крестьяне, мужики и бабы, и вскорѣ едва ли не все село столпилось вокругъ въѣзжей. Вся эта толпа имѣла крайне возбужденный видъ: шумѣла, кричала, негодовала.

— Уберите его отъ насъ!—слышались голоса.

— Онъ—еретикъ!

— Онъ совращаетъ нашихъ дѣтей!

— Ишь какой пророкъ явился!

— До того дожили, что нельзя стало мальчонка выпустить на улицу: онъ всѣмъ толкуетъ, что святыхъ нѣтъ, что церквей ненадо!...

— Онъ въ Бога не вѣритъ!... и т. д.

Зосима стоялъ тутъ же; онъ казался совершенно спокойнымъ,—враждебное настроеніе толпы, повидимому, ни мало не смущало его. Трудно, конечно, сказать, что въ самомъ дѣлѣ происходило у него на душѣ; но мнѣ казалось, что это спокойствіе было чисто внѣшнимъ, наружнымъ. Губы его были блѣдны, а лихорадочный блескъ искрившихся глазъ выдавалъ сильное внутреннее возбужденіе. Когда какая-нибудь отдѣльная фраза наиболѣе отчетливо вырывалась изъ общаго гула, стоявшаго надъ толпой, Зосима подхватывалъ ее, повторялъ и иронизировалъ.

— Въ Бога не вѣритъ... Вѣдь ишь что скажутъ!... Сказали бы лучше: въ идоловъ не вѣритъ, въ доски да въ камни не вѣритъ, а то—въ Бога... а?

— Правда ли то, что они говорятъ о тебѣ?—спросилъ я его.

Глаза его заискрились еще болѣе; онъ пытливо, гнѣвно посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, какъ бы желая заглянуть ко мнѣ въ душу. Упрекъ, предубѣжденіе, почти ненависть выражалъ этотъ взглядъ.

— Правда!—отрывисто, неохотно кинулъ онъ и отвернулся.

Я подумалъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ объясненій. Но чрезъ минуту, обращаясь ко мнѣ и глядя на меня прямо, въ упоръ, онъ громко, съ необыкновенной энергіей, силой и ожесточеніемъ, заговорилъ страстнымъ, вызывающимъ тономъ:

— Ничего я не боюсь!... Сажай меня куда хошь!... Хоть голову руби!... Не боюсь я васъ!...

Ребенокъ его вдругъ зарыдалъ въ испугѣ. Зосима схватилъ его и посадилъ къ себѣ на руки, точно боясь, что его отнимутъ отъ него. Онъ началъ нѣжно успокоивать ребенка и уже болѣе спокойнымъ тономъ, хотя по-прежнему убѣжденно, проговорилъ:

— Што говорилъ, отпираться не стану... Дѣлай со мной што хошь!...

Я понялъ, что передо мной стоялъ прямой потомокъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти тѣхъ желѣзныхъ людей, что нѣкогда, не колеблясь, твердою ногой, всходили на костры и, погибая въ пламени, заклинали своихъ приверженцевъ твердо стоять за вѣру, всѣмъ жертвовать во имя идеи. Я пытался, какъ могъ, успокоить его. Прежде всего, мягко и осторожно, я старался объяснить ему, что теперь уже не преслѣдуютъ людей за религіозныя вѣрованія и потому онъ можетъ быть вполнѣ покоенъ за то, что никто не рѣшится насиловать его совѣсти, никто не будетъ заставлять его вѣрить такъ, а не иначе. Но правительство,—говорилъ я,—предоставляя каждому полную свободу вѣровать согласно своему внутреннему убѣжденію, въ то же время считаетъ своею обязанностію оградить послѣдователей господствующей церкви отъ соблазновъ, которые легко могутъ возникнуть въ случаѣ, еслибы разные иновѣрцы и религіозные отщепенцы начали открыто проповѣдывать и навязывать свои вѣрованія другимъ лицамъ, порицая при этомъ основные догматы господствующей церкви.

Зосима перебилъ меня. Онъ высказываетъ свои вѣрованія потому, что считаетъ большимъ грѣхомъ скрывать ихъ. Всѣ должны «познать истину». «Истина то же, что солнце, — ее нельзя скрывать, она должна свѣтить всѣмъ людямъ». Онъ глубоко убѣжденъ, что долженъ говорить то, что онъ говоритъ.

На это я возражалъ, что религіозныя вѣрованія — дѣло совѣсти: каждый вѣруетъ такъ, какъ подсказываетъ ему его совѣсть; но что никто не въ правѣ оскорблять религіозное чувство другаго человѣка. Вѣдь живутъ же у нихъ люди другихъ вѣръ:

евреи, менониты, татары—и ничего, живутъ мирно, никакой вражды къ нимъ не замѣтно,—почему же къ нему, Зосимѣ, относятся всѣ съ такимъ негодованіемъ?

— Они сами вызываютъ меня,—какъ бы оправдывался Зосима.—Я сижу въ избѣ и читаю Евангеліе. Они приходятъ ко мнѣ и дразнятъ меня: у тебя, говорятъ, вѣры нѣтъ, ты въ церковь не ходишь,—стало быть, говорятъ, ты въ язычество пошелъ, коли святыхъ не почитаешь... Тогда я начинаю доказывать имъ, что не я сбился съ пути, а они сами заблудились, идоловъ надѣлали, многобожіе установили, капища соорудили, а Христа-то и позабыли!..

Далѣе Зосима настаивалъ на томъ, что его преслѣдуетъ не народъ, а лишь отдѣльныя лица, «негодные люди», въ родѣ бывшаго сидѣльца въ кабакѣ и отставнаго солдата К. Дѣйствительно, обѣ эти личности рѣзко выдѣлялись изъ толпы и, очевидно, заправляли ею: толпа только вторила имъ, крича: «уберите его отъ насъ!» и т. п.—исходили главнымъ образомъ отъ этихъ лицъ.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ съ Зосимой, онъ постепенно становился все мягче и терпимѣе. Явное предубѣжденіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ меня, мало-по-малу исчезло; вмѣсто ожесточеннаго, озлобленнаго человѣка, какимъ вначалѣ явился Зосима, передо мной стоялъ кроткій, даже, если хотите, добродушный мужикъ, хотя и съ очень твердыми, устойчивыми взглядами, отъ которыхъ онъ ни на волосъ не отставалъ. Изъ разговора съ нимъ я понялъ, что предварительное дознаніе съ его допросами и тюремнымъ заключеніемъ оставило въ Зосимѣ тяжелое воспоминаніе и сильно вооружило его противъ чиновнаго люда.

Слѣдствіемъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на выясненіе нравственной личности подсудимаго. Оказалось, что прежде онъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, посѣщалъ церковь, принималъ священниковъ, исполнялъ всѣ обряды и установленія церкви; грамотѣ онъ въ то время не зналъ, любилъ выпить и зачастую его видѣли на-веселѣ. Жилъ онъ очень скудно и бѣдно, и вотъ это-то обстоятельство заставило его бросить домъ, хозяйство и родину и отправиться на Кавказъ искать «новую землю». Около десяти лѣтъ провелъ Зосима въ отлучкѣ; когда же онъ вернулся на родину, всѣ сразу замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ пересталъ ходить въ церковь, пересталъ молиться, о священникахъ началъ отзываться очень рѣзко и неодобрительно. Въ то же время

онъ совсѣмъ пересталъ пить, пересталъ ругаться и на брань никогда не отвѣчаетъ бранью. Все свободное отъ работы время онъ началъ проводить за книгою; во время отлучки онъ выучился грамотѣ и привезъ съ собою Евангеліе и Ветхій Завѣтъ, которые онъ постоянно носитъ съ собою и цитируетъ въ спорахъ о вѣрѣ. Во время своихъ скитаній, Зосима овдовѣлъ и вернулся на родину безъ жены, съ однимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, котораго страстно любитъ и съ которымъ ни на минуту не разстается.

Свидѣтели по дѣлу Зосимы показали, что Шировъ иконы называетъ идолами, про Св. Николая Угодника говоритъ, что онъ укралъ кочанъ капусты и пропилъ его за шкаликъ водки; священниковъ называетъ «халденки»; говоритъ, что крестъ не слѣдуетъ носить на шеѣ, такъ какъ крестъ противенъ Богу; въ Бога онъ вѣруетъ, но всѣ таинства, въ томъ числѣ и крещеніе, отвергаетъ. Ребенокъ его до сихъ поръ не крещенъ. Но при этомъ всѣ, до одного, свидѣтели подтвердили, что Зосима — человѣкъ хорошій, честный и добрый, что онъ прекрасный работникъ, много трудится, каждому, чѣмъ можетъ, готовъ помочь, водки не пьетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, — словомъ, человѣкъ высокой нравственности; своихъ религіозныхъ воззрѣній онъ никому не навязываетъ, если же завести бесѣду о религіи, то охотно вступаетъ въ разговоръ объ этомъ.

Во время производства слѣдствія Зосима, въ теченіе нѣсколькихъ дней, жилъ у меня на кухнѣ, пользуясь моимъ столомъ. По окончаніи слѣдствія, передъ тѣмъ, какъ отправиться домой, онъ пришелъ ко мнѣ попрощаться; у него былъ очень серьезный, торжественный видъ. Поставивъ рядомъ съ собой сынишку, онъ прочелъ что-то изъ Евангелія, а затѣмъ произнесъ не то рѣчь, не то молитву, въ которой благодарилъ меня за доброе отношеніе къ нему и гостепріимство и молилъ, чтобы жизнь моя «преисполнилась радостью». Говорилъ онъ не особенно складно, но каждое слово его, каждое пожеланіе дышало такою задушевностью, такой сердечностью, что, признаюсь, вся эта сцена глубоко тронула меня.

Закончивъ слѣдствіе, я принужденъ былъ, на основаніи закона, отдать Зосиму подъ надзоръ полиціи, съ обязательствомъ жить въ извѣстномъ пунктѣ и ни съ кѣмъ не вступать въ религіозные споры. Съ тѣхъ поръ Зосима поселился въ деревнѣ Троицкой, Петропавловской волости, у одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ.

II.

„Законъ Христовъ".

Разсказъ г. Т. о Зосимѣ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ его религіознаго міровоззрѣнія заинтересовалъ меня. Я выразилъ желаніе повидать «апостола». Г. Т. любезно предложилъ свои услуги познакомить меня съ нимъ.

Въ жаркій іюльскій день тройка изможденныхъ, ободранныхъ земскихъ клячъ привезла насъ въ деревню Троицкую. Остановившись около въѣзжей, мы вышли изъ тарантаса и направились вдоль улицы, залитой лучами яркаго, знойнаго полуденнаго солнца.

— Гдѣ здѣсь живетъ Зосима Шировъ?—спросилъ мой спутникъ первую встрѣчную старуху, которая, держа на дрожавшихъ рукахъ груднаго, совершенно голаго, какъ амуръ, ребенка, осторожно перебиралась черезъ дорогу.

Старуха съ недоумѣніемъ уставилась на насъ. Раза три заставила она насъ повторить свой вопросъ, причемъ каждый разъ, съ видомъ необыкновеннаго изумленія, переспрашивала: «кого такого?»,—наконецъ, отрицательно покачала головой и тономъ, полнымъ соболѣзнованія, объявила: «нѣтъ, касатики, нѣтъ,—такого у насъ не слыхать... Не слыхать, родимые!»

— Да это они никакъ Зосиму-апостола спрашиваютъ?—догадалась какая-то баба, проходившая мимо съ граблями на плечѣ и остановившаяся, чтобы поглазѣть на пріѣзжихъ.

— Желанные!— воскликнула старуха,— да штобы вамъ прямо-то сказать: гдѣ, молъ, тутотка апостолъ живетъ, а то вишь...

Почти у самаго края деревни пріютилась маленькая, убогая, вросшая въ землю, хата съ крохотными, чуть замѣтными окнами, съ растрепанной соломенною крышей, съ покосившимися плетнями. При нашемъ приближеніи на порогѣ хаты показался человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока пяти, держа за руку ребенка, маленькаго мальчугана, съ босыми ногами, съ широкимъ, грязнымъ лицомъ и испуганными глазенками. Это былъ Зосима съ своимъ сынишкой. Смуглое, худое, нервно-подвижное лицо «апостола» носило отпечатокъ нужды и лишеній и въ то же время не то усталость, не то изнуреніе можно было прочесть въ отдѣльныхъ чертахъ этого лица; но каріе, глубоко сидящіе въ орбитахъ, воспаленные, жгучіе глаза свѣтились бодро, увѣренно.

Весь костюмъ «апостола» состоялъ изъ очень ветхой, грязной рубахи, рваннаго, дыряваго жилета, чуть-чуть державшагося на двухъ мѣдныхъ пуговицахъ, и казинетовыхъ, тоже весьма ветхихъ и достаточно рваныхъ, штановъ.

Онъ встрѣтился со слѣдователемъ, сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго предубѣжденія и поздоровался съ нимъ какъ съ давнишнимъ хорошимъ знакомымъ. Мой спутникъ представилъ меня Зосимѣ какъ своего знакомаго, совершенно частнаго, отнюдь не чиновнаго, человѣка.

— Онъ ѣздитъ по разнымъ мѣстамъ, разныя вѣры узнаетъ,— хочетъ дознать: чья вѣра самая лучшая и самая справедливая,—сказалъ г. Т.—Услышалъ онъ о тебѣ и вотъ захотѣлъ потолковать съ тобой насчетъ твоей вѣры.

Зосима, слушая рекомендацію, добродушно улыбался, кивалъ головой и повторялъ: «Ну, што-жь, ладно, ладно... Пойдемъ въ избу,—што-жь мы здѣсь на солнцепёкѣ-то!...»

Г-ну Т. нужно было сдѣлать какія-то распоряженія по службѣ; онъ ушелъ и я остался tête-à-tête съ «апостоломъ».

Изба, въ которой жилъ Зосима, оказалась курною, черною мазанкою, съ земляннымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, съ тяжелымъ, сырымъ, удушливымъ воздухомъ. Вся обстановка громко говорила о крайней бѣдности, о нищетѣ обитателей этой мазанки... Мы усѣлись на какое-то подобіе лавки и мало-по-малу разговорились. Я не буду передавать здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ разговоръ, который продолжался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; но я приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ своей бесѣды съ этимъ доморощеннымъ богословомъ-философомъ.

Зосима вѣруетъ въ Бога, вѣруетъ, что Онъ вездѣсущъ, но въ то же время у него существуетъ особое, отличное отъ православнаго, представленіе о Богѣ. По его мнѣнію, Богъ не составляетъ собою чего-нибудь особаго, существующаго отдѣльно отъ природы и видимаго міра. На мой вопросъ: что такое Богъ?— Зосима отвѣчалъ:

— Богъ?... Вездѣ Богъ, во всемъ... и въ деревѣ Богъ, и въ землѣ Богъ, и въ водѣ Богъ, и во всякой, во всякой вещи все Богъ... Что ты ни возьми, вездѣ Онъ... Богъ—міръ... И въ каждомъ человѣкѣ Богъ... Стало-быть каждый можетъ быть сыномъ Божіимъ. И ты можешь, и я могу... Въ комъ есть добро, въ томъ и Богъ...

Мнѣ невольно вспомнилось ученіе «богочеловѣковъ», возникшее въ интеллигентной средѣ лѣтъ десять тому назадъ и увлекшее за собою не мало честныхъ, даровитыхъ и искреннихъ головъ изъ среды молодежи.

Другой разъ Зосима говорилъ:

— Богъ—правосудіе... Богъ не есть неустройство. Богъ есть добро и любовь... Богъ прославляется въ словѣ, въ поученіи одного другимъ... Каждый можетъ имѣть въ себѣ Бога, но никто не можетъ видѣть Бога и никто Его никогда не видалъ...

— А Моисей?

— И Моисей не видалъ, только гласъ Его слышалъ...

Св. Троицы Зосима не признаетъ. Іисусъ Христосъ, по его мнѣнію, не былъ Богомъ. Онъ родился «по плоти», т. е. какъ обыкновенный человѣкъ, но «явилъ себя въ духѣ»; то же самое можетъ сдѣлать всякій,—для этого нужно только «правильно поступать», т. е. жить по Евангелію.

— И ты можешь быть Спасителемъ,—замѣтилъ онъ,—только живи по-евангельски!»

Всѣ таинства Зосима категорически отрицаетъ,—онъ не видитъ въ нихъ ни пользы, ни смысла. Крещеніе, по его понятію, равносильно простому омовенію: «отъ воды не окрестишься», говоритъ онъ. Исповѣдь передъ священникомъ безцѣльна, такъ какъ священникъ ничѣмъ не можетъ помочь мнѣ, простить, если я самъ не заслужу этого прощенія добрыми дѣлами. Причащаться виномъ и хлѣбомъ также не слѣдуетъ, а нужно стараться, чтобы между нами были «миръ и любовь», тогда мы будемъ «причастниками божественнаго естества».

Зосима энергически отрицаетъ принадлежность къ какой бы то ни было сектѣ.

— Но вѣдь ты же не православный?

— Избави Богъ!—чуть не съ ужасомъ произноситъ онъ.— Ваша православная вѣра порченая,—поясняетъ онъ.

— Въ чемъ и кѣмъ она испорчена?

— Законъ перемѣненъ въ вашей вѣрѣ.

— Кто же перемѣнилъ законъ по-твоему?

— Хто?... Извѣстно хто! Вселенскіе соборы—вотъ кто!... Они перемѣнили законъ Божій, то-есть вотъ какъ... до тла перемѣнили! Спорили, спорили о законѣ, а потомъ давай драться... Да, затѣяли промежъ себя драку. Николай отколотилъ Арію... Ну, стало-быть, какой же онъ святой?... По-моему такъ онъ дра-

чунъ!... По нонѣшнему времени за этакую грубость его бы не то што во святые, а прямо сказать на съѣзжую бы, али въ участокъ... А вы ему и молитесь!... Ну, и выходитъ, что вы законъ потеряли...

Я все-таки требовалъ, чтобъ онъ опредѣленнѣе указалъ, въ чемъ именно состоитъ та «перемѣна» или «потеря» закона, о которой онъ толкуетъ.

— Почали церкви строить, поповъ наставили, почали иконамъ молиться, почали креститься, руками мотаться... Бьютъ себя по лбу, да по пузѣ, руками мотаютъ, точно воронъ пугаютъ. Да вѣдь ишо какъ!... Одинъ говоритъ: надо тремя перстами, а другой говоритъ: нѣтъ, врешь, двумя, — тремя никакъ невозможно, грѣхъ, говоритъ, смертный; третій говоритъ — пятью... И все это зря!... Въ Евангеліи сказано, *какъ* надо молиться.

И Зосима читаетъ 5-й и 6 стихи 6-й главы Евангелія отъ Матѳея: «И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми... Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно».

Вотъ какъ Христосъ велѣлъ молиться! А не то, чтобы съ попами да архіереями, со звономъ да съ колоколами...

Зосима сильно не долюбливаетъ духовенство, и чѣмъ выше стоитъ въ духовной іерархіи извѣстное лицо, тѣмъ съ большей антипатіей и рѣзкостью относится къ нему Зосима. Особенно часто нападаетъ онъ на архіереевъ, которыхъ обвиняетъ въ томъ, что они «не поучаютъ народъ» и «не живутъ по-евангельски». По его мнѣнію, священниковъ вовсе не должно существовать,— каждый долженъ молиться самъ за себя. Точно также не должно быть ни церквей, ни храмовъ, такъ какъ молиться можно вездѣ, а Христосъ заповѣдалъ втайнѣ, въ душѣ.

На мой вопросъ: признаетъ ли онъ святыхъ, Зосима отвѣчалъ, что считаетъ святыми только пророковъ и апостоловъ.

— Почему же ты не признаешь другихъ святыхъ?

— Не почему признать ихъ... Какіе они святые! Они сами себя описывали, а коли не сами, то сыновья, братья, дружки... Пока законъ не былъ перемѣненъ, были святые, пророки, апостолы; а какъ законъ нарушили,—какіе ужь тутъ святые! Вотъ и при Навуходоносорѣ царѣ тоже, говорятъ, были святые, а по-

томъ какъ разсмотрѣли, — ну, и увидали, что никакой святости въ нихъ нѣтъ. Такъ и ваши святые. Какъ же они могутъ быть святы, коли они идоламъ (иконамъ) поклонялись, крестамъ молились?.. Христосъ этому не училъ. Надо духомъ молиться, надо поучать другъ друга, штобы одинъ отъ другаго закону обучались. Што намъ Христосъ заповѣдалъ? — Христосъ велѣлъ о сиротахъ заботиться, о бѣдныхъ... Штобы нисшета не ходила по дворамъ, не морозила лица, не дразнила собакъ. Самый первый завѣтъ — штобы всякихъ сирыхъ, вдовыхъ, бѣдныхъ, нисшихъ пріютить, обогрѣть, накормить...

— Но какъ же это сдѣлать, вѣдь бѣдныхъ-то и неимущихъ очень много?

— Такіе дома сдѣлать — сиротскіе... и штобы въ этихъ домахъ вся нисшета, да бѣднота покой себѣ находила... Самое это благоугодное дѣло. Главнѣе его нѣтъ!... А вы замѣсто того храмы строите, капища дорогія воздвигаете, ризы позлащенныя.. Стало-быть, вы Христовъ законъ забыли.

Рая съ его блаженствомъ и ада съ его мученіями, по мнѣнію Зосимы, въ дѣйствительности нѣтъ и никогда не будетъ, но рай и адъ находятся въ самомъ человѣкѣ. Ни въ страшный судъ, ни въ воскресеніе мертвыхъ Зосима не вѣритъ; но у него существуетъ весьма оригинальная теорія относительно загробной жизни.

— Послѣ смерти, — говоритъ онъ, — тѣло истлѣваетъ и обращается въ прахъ, душа нѣкоторое время носится въ воздухѣ, а затѣмъ переходитъ въ другое существо.

— Въ какое, — спрашивалъ я, — въ человѣческое?

— Можетъ-быть въ человѣческое, а можетъ и въ животное, — отвѣчалъ Зосима *).

Вознагражденіе за добрыя дѣла и наказаніе за злыя человѣкъ получаетъ здѣсь же, на землѣ. Вознагражденіе это, насколько я могъ понять изъ словъ Зосимы, заключается въ томъ нравственномъ удовлетвореніи, которое испытываетъ человѣкъ, сознающій, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ людямъ. Прежде всего «надо познать истину»; разъ человѣкъ познаетъ истину, онъ будетъ жить «по-евангельски», а живя такимъ образомъ,

*) Подобное мнѣніе напоминаетъ вѣрованіе духоборцевъ, которые учили, что душа человѣка благочестиваго послѣ смерти его переходитъ въ другаго человѣка, а душа беззаконнаго человѣка переходитъ въ животное.

А. П.

онъ будетъ испытывать рай въ своей душѣ, ибо совѣсть его будетъ покойна. Главныя же условія жизни «по-евангельски» заключаются въ «любви къ ближнимъ и въ смиреніи». За дурныя же дѣла человѣкъ несетъ наказаніе отъ земнаго суда.

На мое возраженіе, что весьма часто ловкіе люди, несмотря на всю свою порочность и преступность, въ теченіе всей своей жизни искусно избѣгаютъ суда и всякаго рода наказанія, Зосима выдвигалъ свою теорію о переселеніи душъ. Положимъ,—говорилъ онъ,—извѣстный человѣкъ, грѣшившій и поступавшій противъ совѣсти и Евангелія, въ теченіе своей жизни на землѣ избѣжитъ наказанія и умретъ; но вѣдь душа его останется жива, она перейдетъ въ другое существо, которое точно также будетъ жить на землѣ, и вотъ это-то существо уже непремѣнно понесетъ наказаніе за все зло, причиненное человѣкомъ, въ которомъ ранѣе жила эта душа.

Не признавая рая въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаетъ его православная церковь, Зосима въ то же время вѣритъ, что рано или поздно на землѣ должно настать «царство небесное».

— Какъ же это на землѣ *небесное* царство?—спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Да што такое небеса-то?—въ свою очередь спрашиваетъ Зосима.—Ты думаешь, во-о... эти, што на верху-то,—продолжалъ онъ, указывая на небо.—Нѣтъ, братъ, небеса значитъ — праведность. Праведное царство будетъ на землѣ, справедливое...

— Что же это за царство такое и когда оно наступитъ?

— А когда всѣ познаютъ истину, когда законъ Христовъ познаютъ, тогда и царство небесное наступитъ... Будетъ у всѣхъ единомыслiе, миръ, добро. Будетъ тогда промежъ людей дружелюбiе, благо, любовь...

III.

Что его ждетъ?

При дознаніи, на вопросъ слѣдователя о царѣ и властяхъ, Зосима отвѣчалъ, что царь—это земной Богъ; чиновники—это ангелы. Но ангелы бываютъ добрые и злые. Царь самъ по себѣ не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго, такъ какъ онъ не видитъ и не слышитъ того, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ, а дѣйствуетъ сообразно тому, что ему говорятъ ангелы: добрые—добро, злые—зло. Такъ онъ и поступаетъ. Но царь—идолопо-

ключникъ, его прельстили архіереи и священники; они ввели его въ идолопоклонство....

Почти то же самое говорилъ онъ и мнѣ:

— Священники да архіереи могутъ прельстить хоть кого. Они и царя прельстили. Вѣдь царь не все же сидитъ надъ книгой. Ему некогда въ законъ вникать. Онъ о черни думаетъ...

Далѣе онъ продолжалъ:

— Богъ — правосудіе и власть — правосудіе. Начальники — Божьи служители. Начальство дадено затѣмъ, чтобы правосудіе на землѣ было. Но теперь многіе начальники измѣну дѣлаютъ, за это они будутъ наказаны.

— Какъ же они будутъ наказаны?

— Коли начальникъ начнетъ неправильно судить, неправильно поступать, то Богъ отступится отъ него и дьяволъ станетъ одесную его (у Давида сказано). Такой начальникъ будетъ хуже дьявола. Тогда ужь ты его не слушай... Противъ такого начальника встать можно. Прими смерть, а не покорись! Меня теперь хоть повѣсь, да я въ жисть не поклонюсь ни передъ какими изображеніями.

Всѣ свидѣтели, допрошенные слѣдователемъ, показали, что Зосима—прилежный, рачительный работникъ. Трудолюбіе Зосимы не является случайною чертой его характера или личныхъ субъективныхъ свойствъ его, но оно вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ всего его міровоззрѣнія. Трудъ — главная основа жизни, по мнѣнію Зосимы. Онъ очень любитъ повторять извѣстный текстъ Св. Писанія: «Въ потѣ лица снеси хлѣбъ свой». Трудъ долженъ служить единственнымъ мѣриломъ права на пользованіе благами жизни. Зосима не отрицаетъ частной собственности, но онъ говоритъ, что человѣкъ только то можетъ считать *своимъ*, что онъ самъ заработалъ своимъ собственнымъ, личнымъ трудомъ. «Што выработалъ, то мое», говоритъ онъ.

Свой взглядъ на землю Зосима высказалъ передо мною въ слѣдующихъ словахъ:

— Земля—Божіе созданіе, поэтому продавать ее никакъ нельзя; владѣть можно, а продавать — грѣхъ. Земля должна быть общая...

— Почему же общая?

— Потому что она на всѣхъ людей дадена, а не то штобы тебѣ есть, а мнѣ и нѣтъ ничего. У Бога всѣ равны. Земли у Бога много, про всѣхъ хватитъ.

На распросы о его личной жизни Зосима разсказалъ мнѣ, что въ 1868 году онъ передалъ свой участокъ роднымъ и пошелъ въ заработокъ, искать «вольныхъ земель».

— Ужь такъ видно Богу угодно было, — замѣтилъ онъ. — Какъ Авраамъ оставилъ отчій домъ, такъ и я все равно.

Около двѣнадцати лѣтъ онъ прожилъ на Кавказѣ: сначала восемь лѣтъ онъ прожилъ въ Петропавловской станицѣ Кубанской области, затѣмъ около четырехъ лѣтъ въ Михайловской станицѣ, Ставропольской губерніи.

— Народъ тамъ все больше грамотный,—разсказывалъ онъ,— по праздникамъ книги читаютъ, о законѣ толкуютъ... Промежъ нихъ мнѣ какъ будто совѣстно стало. Думаю: всякому надо познать слово Божіе. Сталъ учиться, читать самъ—одинъ, азбуку купилъ. Уйду бывало въ камыши, сяду тамъ и ну твердить буквы. Дни деньскіе бывало твержу. Началъ разбирать кое-што... Прочиталъ священную исторію. Очень понравилось мнѣ, какъ это евреи обѣтованную землю искали. Началъ читать Евангеліе — сразу увидѣлъ, што нѣтъ у насъ закона Христова, потеряли мы его, нарушили... Сталъ я думать: какъ бы мнѣ не остаться потеряннымъ, должонъ я поучать другихъ; коли самъ спасся, пусть и другой черезъ меня спасеніе получитъ. И началъ я поучать, сталъ ходить по людямъ и всѣмъ предъявлять... Извѣстно, хто слушалъ, а хто на смѣхъ поднималъ. «Апостоломъ» стали звать. Станичный узналъ, началъ налегать на меня... Жестоко налегалъ!... Однако, я на это не взиралъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Поиски «новыхъ» земель не привели ни къ чему; никакихъ «вольныхъ земель» въ наличности не оказалось. Между тѣмъ мѣстныя власти все сильнѣе и сильнѣе «налегали» на «апостола» за его пропаганду «Христова закона». Въ довершеніе всего, у него умираетъ жена. Опечаленный горемъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ относительно «вольной» земли, онъ рѣшаетъ вернуться на родину. Но и здѣсь его встрѣчаютъ нерадостныя вѣсти. Оказалось, что въ его отсутствіе перемерли лица, которымъ онъ сдалъ свой участокъ, и такъ какъ за все это время о Зосимѣ не было никакого слуху, то земля его была подѣлена между односельцами. Такимъ образомъ Зосима очутился нищимъ, пролетаріемъ, безъ клочка земли, безъ хаты, безъ лошади, безъ гроша денегъ,—словомъ, онъ очутился въ томъ положеніи, которое характеризуется

народною поговоркою: «платья—что на себѣ, а хлѣба—что въ животѣ».

— Какъ же ты думаешь жить? — спросилъ я.

— Какъ Богъ велитъ.

Теперь онъ, какъ состоящій подъ надзоромъ полиціи, прикрѣпленъ къ деревнѣ Троицкой; здѣсь онъ живетъ въ семьѣ одного своего дальняго родственника, на котораго онъ работаетъ и который его за это кормитъ. Сегодня онъ не могъ пойти на работу въ поле, такъ какъ изъ волости была получена повѣстка о томъ, чтобъ онъ никуда не отлучался изъ дому. Оказалось, что такимъ образомъ распорядился волостной писарь, который зналъ, что въ этотъ день г. Т. будетъ въ д. Троицкой и что онъ желаетъ видѣть Зосиму.

— Итакъ, Зосима, — сказалъ я, — ты сегодня потерялъ изъ-за насъ цѣлый день; ты не могъ идти на работу, потому что ждалъ насъ; я отнялъ у тебя цѣлый день и потому я долженъ вознаградить тебя за это... — И я протянулъ къ нему бумажку.

Зосима вспыхнулъ и рѣзко, категорически, отказался отъ денегъ. Во-первыхъ, онъ не считаетъ пропащимъ или потеряннымъ тотъ день, который онъ проводитъ въ бесѣдахъ о законѣ Христовѣ, а во-вторыхъ...

— Пусть я голъ и нагъ останусь, но все же денегъ за законъ Христовъ брать не буду! Лучше помереть... Пока живъ, все буду о дружелюбіи говорить.

— Ты бы хоть для сына взялъ, на пряники, — попытался еще я.

— Безъ пряниковъ выростетъ! — сурово бросилъ Зосима и сухо добавилъ: — Нѣтъ, нѣтъ, ненадобно.

Чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе, навѣянное этою сценой, я заговорилъ о сынѣ Зосимы.

— Когда меня въ тюрьму взяли, — началъ Зосима, лаская сынишку, который, грызя большую корку хлѣба, подпрыгивалъ у него на колѣняхъ, — я думалъ, што по немъ умомъ рѣшусь: такъ мнѣ было жалко его! Спать не могу, сна лишился, все думаю: остался онъ сиротой, безъ отца, безъ матери, безъ призору, — долго ли до бѣды. Все можетъ случиться: малый — глупый, и въ колодецъ можетъ упасть, и собаки могутъ разорвать... Прошу начальство: дайте мнѣ его сюды въ острогъ, дозвольте ему сидѣть вмѣстѣ со мной!... Такъ вѣдь нѣтъ, не дозволяютъ. —

«Нельзя», говорятъ, и шабашъ... И слушать-то тебя не хотятъ... Заперли въ острогъ, точно я укралъ што, али убилъ кого.

Спустивши съ колѣнъ ребенка, Зосима продолжалъ:

— Потомъ выпустили... А теперь опять здѣсь держатъ, никуда ходу не даютъ... Што хошь дѣлай!... Хоть бы дозволили въ заработокъ на сторону идтить,—такъ вѣдь нѣтъ, не пущаютъ!...

Зосима вдругъ пріостановился. Съ улицы донесился какой-то шумъ и говоръ; мы заглянули въ окно. Не далеко отъ нашей избы, среди улицы, толпилась небольшая группа, состоявшая главнымъ образомъ изъ старухъ и дѣтей. Онѣ обступили тарантасъ, который, въ ожиданіи насъ, стоялъ совсѣмъ готовый двинуться въ путь.

Изъ этой группы рѣзко выдѣлялась высокая, здоровая фигура мужика съ рыжей подстриженной бородой, въ суконной поддёвкѣ, сильно жестикулируя. Онъ что-то съ жаромъ разсказывалъ слѣдователю, который, стоя около тарантаса, разбиралъ свой портфель.

— Это онъ безпремѣнно на меня жалится,— замѣтилъ Зосима.

— Кто это?

— Сидѣлецъ... Пойдемъ, послушаемъ, што онъ опять предъявляетъ...

Мы вышли на улицу и присоединились къ толпѣ. Зосима, держа за руку ребенка, старался подойти поближе къ Т.

— Собрались мы это какъ-то насчетъ церкви,—громко разсказывалъ рыжій,—толкуемъ промежъ себя: какъ бы то-есть поправку произвесть,—церковь наша ветхая, безпремѣнно поправки требуетъ... Ладно, хорошо, толкуемъ... Вдругъ — Зосима.—«О чемъ, говоритъ, братцы, толкуете?» — А мы ему, какъ доброму человѣку, и отвѣчаемъ: такъ-молъ и такъ, церковь—самъ видишь—въ ветхость большую пришла, надыть поправить... Онъ все это слушаетъ, слушаетъ, а самъ молчитъ. — «Чаво-жь ты молчишь-то?» — «Да што, говоритъ, братцы, одно я скажу: кабы у васъ, говоритъ, умъ былъ, вы бы, говоритъ, церквей не строили»,—а!?...

Разскащикъ на минуту пріостановился.

— Да, такъ вотъ и отрѣзалъ: кабы умъ, говоритъ, былъ, не строили бы вы церквей!... Грѣшенъ я, зло меня взяло, ругнулъ я его, извините, ваше вскородіе,—по-матушкѣ по Волгѣ...

— Что-жь онъ?—спросилъ слѣдователь.

— Што же ему дѣется!... Съ позволенія сказать, ему хоть плюй въ глаза, а онъ все говоритъ: «Божья роса», — на своемъ стоитъ... «Луччо бы вы,—говоритъ,—церковь-то на училищо повернули, дѣло-то было бы складнѣе...» Вотъ онъ какой антихристъ есть!—съ негодованіемъ закончилъ сидѣлецъ и съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на Зосиму.

— Што-жь, я и теперь скажу,—отозвался «апостолъ»,—къ чему она, церковь? Изъ камней да брёвенъ развѣ можно што сдѣлать? Тамъ всего только и есть, што книги: вынеси книги,—тамъ ничего не останется... Одно каменьё!...

Зосима говорилъ горячо, убѣжденно, страстно, и это особенно усиливало впечатлѣніе его рѣчи.

— Ахъ, отчаянный!—съ ужасомъ воскликнула какая-то старуха.

— Какъ есть отпѣтый!—вторилъ сидѣлецъ.—То-есть никого, никого не боится. Все для него—трынь трава!...

— Коли правду-истину говоришь, такъ кого же бояться?... Развѣ...—началъ было Зосима, но его прервалъ слѣдователь.

— Шировъ!—сказалъ онъ,—ты далъ подписку, что ни съ кѣмъ не будешь вступать въ религіозные споры, и все-таки вступаешь! Значитъ, ты не держишь своего слова. Это нехорошо, это нечестно... Слышишь?... Смотри же, помни!

— А што Христосъ сказалъ: «идите и научите всѣ на...»—раздался было громкій голосъ Зосимы, но ему не дали говорить.

Какая-то баба толкала его въ спину и кричала: «Полно тебѣ, окаянный! Замолчи ты, глотка!»

— Нѣтъ, видно, онъ опять въ тюрьму захотѣлъ!—кричалъ сидѣлецъ.

Бабы галдѣли, ребенокъ Зосимы громко рыдалъ, а ямщикъ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса, хихикалъ и говорилъ:

— Вотъ такъ апостолъ!...

Слѣдователь снова читалъ нотацію Зосимѣ и въ то же время усаживался въ экипажъ.

— Смотри же, Шировъ, помни, что я тебѣ говорилъ... Трогай!—добавивъ онъ ямщику.

Тотъ гикнулъ, взмахнулъ кнутомъ, застоявшіяся лошади рванули и мы понеслись... Я видѣлъ, какъ Зосима устремился къ тарантасу, что-то объясняя и жестикулируя, но колокольчикъ и и крики толпы заглушили его слова...

Долгое время мы ѣхали молча. Дорога шла полями, широко раскинувшимися во всѣ стороны. Зной терялъ свою силу, въ воздухѣ слышалась прохлада; изъ сосѣдней барской рощи несся лѣсной ароматъ.

— Что его ожидаетъ?—спросилъ я.

Слѣдователь пожалъ плечами.

— Скверно,—сказалъ онъ, хмуря брови, и затѣмъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— Сибирь.

Снова наступило молчаніе... Лошади бѣжали бодрою рысью; ходко катились колеса по ровнымъ, укатаннымъ колеямъ; колокольчикъ весело выбивалъ свои трели. Теплый, душистый вечеръ тихо спускался надъ полями. Хорошо было тутъ и покойно, но мысль неудержимо забѣгала впередъ и воображеніе отчетливо рисовало большой, душный городъ; въ каменной массивной стѣнѣ крохотное окно съ желѣзными рѣшетками; изъ-за нихъ выглядываетъ худое, смуглое лицо съ впалыми щеками, съ добрыми, горящими глазами... Ѣдемъ дальше и вотъ встаетъ новая картина: по городскимъ улицамъ движется партія сѣрыхъ, странныхъ фигуръ, чѣмъ-то механически соединенныхъ между собою; за ними громыхаетъ тяжелая «подвода», неуклюжая телѣга, нагруженная котомками, «пайками» и узлами. Среди этихъ узловъ и котомокъ одиноко, неуютно, сидитъ ребенокъ, съ заплаканнымъ лицомъ, съ недоумѣвающимъ, испуганнымъ видомъ; онъ силится заглянуть впередъ, туда, гдѣ, среди другихъ сѣрыхъ фигуръ, шагаетъ знакомая ему дорогая фигура съ блѣднымъ, худымъ лицомъ и умными, воспаленными глазами. Глубокая, тяжелая дума лежитъ въ этихъ добрыхъ, карихъ глазахъ... О чемъ онъ думаетъ?—Онъ думаетъ о ребенкѣ, который цѣлые дни остается одинъ среди чужихъ людей, безъ ласки, безъ призора,—онъ думаетъ о людяхъ, что забыли завѣты Христа о «дружелюбіи», о любви, о братствѣ...*).

А. Пругавинъ.

С.-Петербургъ,
8 февраля 1882 г.

---

*) Гдѣ и учители и апостолы, которые преслѣдуемаго закономъ за заблужденіе, но беззавѣтно стремящагося къ правдѣ, мощнаго духомъ Зосиму озарятъ свѣтомъ вѣдомой имъ истины? *Ред.*

Зазноба.

(Изъ волжскихъ пѣсенъ.)

По посаду городскому,
Мимо рубленыхъ хоромъ,
Ходитъ Стенька каждый вечеръ,
Переряженный купцомъ.

* *
*

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алёна,
Чужемужняя жена.

* *
*

Мужъ сидитъ въ ряду гостиномъ
Да алтынамъ счетъ ведетъ,
А жена одна скучаетъ,
Тонко кружево плететъ.

* *
*

Стенька ходитъ, рѣчь заводитъ,
Не скупится на слова;
У Алёны сердце бьется,
Не плетутся кружева.

* *
*

—«Полюбилась мнѣ ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
А тебя добуду я!

* *
*

«Не удержать ретиваго
Ни запоры, ни замки...
Любъ тебѣ я, али нелюбъ?
Говори мнѣ на-прямки!»

* *
*

На груди ея высокой
Такъ и ходятъ ходенёмъ
Перекатный крупный жемчугъ
Съ золотистымъ янтаремъ.

* *
*

Что ей молвить?... Совѣсть зазритъ
Слушать льстивыя слова,
Страхомъ за сердце хватаетъ,
Какъ въ туманѣ голова...

* *
*

—«Уходи скорѣй отсюда!—
Шепчетъ молодцу она,—
Неравно старикъ вернется...
Чай я—мужняя жена...

* *
*

«Нешто можно?»—«Эхъ, голубка,
Чѣмъ пугать меня нашла!...
Мнѣ своей башки не жалко,
А его—куда ни шла!

* *
*

«Коль отъ дома прочь гоняешь,
Забѣги черезъ зады
Въ переулокъ, гдѣ разбиты
Виноградные сады...

* *
*

Выйдешь, что ли?» — «Неуёмный!
Говорю тебѣ—уйди!
Не гляди такъ смѣло въ очи,
Въ грѣхъ великій не вводи...»

* *
*

—«Ну, коль этакъ,—молвитъ Стенька,—
Такъ, на чью-нибудь бѣду,
Я непрошеный сегодня
Ночью самъ къ тебѣ приду».

* *
*

Отошелъ, остановился,
Глянулъ разъ, пообождалъ,
Шапку на ухѣ поправилъ,
Поклонился и пропалъ...

* *
*

Плохо спится молодицѣ
Полночь близка... Чу!... Сквозь сонъ
Половица заскрипѣла...
Неужли же это онъ?

* *
*

Не успѣла «ахъ» промолвить,
Кто-то за́ руки беретъ;
Горячо въ уста цѣлуетъ,
Къ ретивому крѣпко жметъ...

* *
*

—«Что ты дѣлаешь, разбойникъ?
Ну, проснется, закричитъ?...»—
—«Закричитъ, такъ живъ не будетъ...
Пусть-ка лучше помолчитъ.

* *
*

«Не ошиблась ты словечкомъ,—
Что̀ вводить тебя въ обманъ:
Не купецъ—козакъ я вольный,
Стенька Разинъ—атаманъ!

* *
*

«Городъ Астрахань провѣдать
Завернулъ я по пути,
Чтобъ съ тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

* *
*

«Ловко Стеньку ты поймала!
Такъ держи его, смотри,
Бѣлыхъ рукъ не разнимая,
Вплоть до утренней зари!...»

Д. Садовниковъ.

Государственная роспись на 1882 годъ.

II.

Доходы.

Въ февральской книгѣ *Русской Мысли* я коснулся лишь общихъ итоговъ нашей росписи и теперь перехожу къ ея разсмотрѣнію по отдѣльнымъ статьямъ, начиная съ росписи доходовъ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ сумму предположенныхъ доходовъ по каждому отдѣльному ихъ виду и то значеніе, которое каждый изъ нихъ имѣетъ въ общей суммѣ доходнаго бюджета.

	Рубли.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ дохода.
А. *Прямые налоги.*		
1. Подати, поземельный и лѣсной налоги	118.834.300	18,16
2. За право торговли	19.457.400	2,97
	138.281.700	
Б. *Косвенные налоги.*		
3. Питейный доходъ	226.721.080	34,65
4. Акцизъ съ табаку	13.052.000	2 —
5. Акцизъ съ свеклосахарнаго производства	7.908.000	1,20
6. Таможенный доходъ	100.555.500	15,37
	348.236.580	
В. *Пошлины.*		
7. Гербовыя	14.935.000	2,28
8. Крѣпостныя судебныя и канцелярскія	9.692.000	1,48

9. Съ паспортовъ	3.342.000	0,51
10. Съ судоходства	775.592	0,11
11. Съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и грузовъ большой скорости	8.100.000	1,23
12. Съ застрахованныхъ имуществъ	2.800.000	0,42
13. Сборъ при увеличеніи оклада служащихъ и при поступленіи на службу	927.000	0,14
14. Пошлины разныхъ наименованій . . .	1.882.770	0,29
	42.451.362	
Г. *Правительственныя регаліи.*		
15. Горныя подати	2.470.165	0,37
16. Монетный доходъ	861.400	0,13
17. Почтовый доходъ	14.406.263	2,20
18. Телеграфный	8.445.500	1,29
	26.183.328	
Д. *Отъ казенныхъ имуществъ.*		
19. Отъ государственныхъ крестьянъ Прибалтійскихъ губерній .	672.060	0,10
20. Съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей	6.912.513	1 —
21. Отъ продажи казенныхъ имуществъ	5.249.813	0,80
22. Отъ лѣсовъ	15.669.447	2,49
23. Съ горныхъ заводовъ и промысловъ	5.704.328	0,87
24. Отъ желѣзныхъ дорогъ	8.354.076	1,28
	42.562.237	
К. *Поступленія разнаго рода.*		
25. Отъ техническихъ заведеній и издѣлій правительства	1.395.836	0,21
26. Отъ продажи предметовъ казеннаго хозяйства	2.479.798	0,38
27. Поступленіе на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ .	10.931.124	1,67
28. Прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ бумагъ и банковыхъ операцій	2.123.456	0,32

29.	Отъ частныхъ воспитанниковъ казенныхъ учебныхъ заведеній.	870.303	0,13
30.	Возвратъ ссудъ.	5.456.786	0,83
31.	Взысканія и штрафы	1.147.885	0,20
32.	Пособіе государственному казначейству изъ городскихъ доходовъ и другихъ источниковъ.	11.949.369	1,82
33.	Доходы разнаго рода.	12.803.560	1,95
		49.158.117	
34.	Доходы Закавказскаго края. .	7.334.548	1,12
	Всего.	654.217.870	

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на эти цифры оказывается, что четыре статьи дохода, а именно: питейный доходъ, подати, таможенный доходъ и за право торговли—составляютъ болѣе 71% всѣхъ доходовъ, остальныя же тридцать статей представляютъ сумму не достигающую и 29%, а нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ только одну десятую долю процента общей суммы дохода. Изъ этихъ 30 статей шестнадцать, т. е. болѣе половины, представляютъ менѣе одного процента, десять—менѣе двухъ процентовъ и только четыре—отъ 2—3 процентовъ. Одно подобное сопоставленіе отдѣльныхъ статей съ ихъ внѣшней стороны уже указываетъ на нерациональность основаній нашей бюджетной системы и на ея шаткость, такъ какъ ставитъ судьбу государственныхъ финансовъ въ полнѣйшую зависимость только отъ успѣшнаго поступленія по тремъ или четыремъ статьямъ дохода. Но этимъ не исчерпываются внѣшніе недостатки нашего бюджета. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ общимъ сводомъ нашей государственной росписи, въ которомъ государственные доходы сгруппированы въ общія рубрики. Въ дѣйствительности же они исчисляются по 694 отдѣльнымъ статьямъ (см. отчетъ госуд. контроля за 1880 годъ). Такая сложная система по необходимости порождаетъ огромную массу труда при веденіи счетоводства во всѣхъ казначействахъ, казенныхъ и контрольныхъ палатахъ и въ центральныхъ учрежденіяхъ и увеличиваетъ совершенно напрасно расходы правительства по содержанію всѣхъ этихъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что всѣ они обязаны срочными вѣдомостями, на составленіе которыхъ употребляется болѣе половины времени служащихъ лицъ. Эти вѣдомости представляютъ собою цѣлые томы, большая часть которыхъ никѣмъ не разсматривается и напрасно

обременяетъ собою архивы присутственныхъ мѣстъ. Сюда относится значительная часть мѣсячныхъ и третныхъ вѣдомостей. Я могу это говорить съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ по государственному контролю установленныя сначала мѣсячныя, а затѣмъ третныя табели о поступленіи государственнаго дохода впослѣдствіи были замѣнены полугодовыми и отъ подобнаго облегченія не возникло никакого неудобства для центральнаго учрежденія.

Независимо отъ этого неудобства, дробность статей государственнаго дохода влечетъ за собою огромную массу формальностей во всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни и служитъ страшнымъ тормозомъ для развитія промышленной жизни. Съ рѣдкимъ дѣйствіемъ человѣка въ этой области не связанъ какой-либо незначительный доходъ государственнаго казначейства, обременительный не суммою платежа, а соблюденіемъ тѣхъ формальностей, которыя необходимы при его взиманіи. Жители столицы и большихъ городовъ не могутъ составить себѣ и понятія о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя зачастую встрѣчаются въ этомъ отношеніи лицами, живущими въ деревняхъ. Для примѣра стоитъ только вспомнить о затрудненіяхъ, которыя создаются шоссейнымъ сборомъ въ особенности для лицъ, живущихъ въ окрестностяхъ заставныхъ домовъ, чтобы понять, насколько стѣсняется наша промышленная дѣятельность въ мелкихъ ея проявленіяхъ, а между тѣмъ валовой доходъ отъ этой статьи не приноситъ даже 0,03% нашего бюджета и изъ него еще должны быть исключены издержки взиманія. Доходъ съ паспортовъ также можетъ служить доказательствомъ моей мысли, тѣмъ болѣе, что наши правила о паспортахъ такъ неопредѣленны, что даютъ поводъ къ массѣ злоупотребленій для полицейскихъ чиновъ, а награды за поимку безпаспортныхъ поощряютъ эти злоупотребленія: бывали случаи арестовъ и содержанія подъ стражей лицъ, пріѣхавшихъ въ ближайшій городъ на базаръ для покупки или продажи чего-либо изъ сосѣдняго уѣзда или селенія, отстоящаго отъ города далѣе 30 верстъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и взиманіе гербоваго сбора со всякаго письменнаго обращенія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Несмотря, однако-жь, на эту дробность казенныхъ сборовъ въ существующихъ отчетахъ и смѣтамъ, мы не находимъ иногда очень существенныхъ подраздѣленій. Такъ сборъ съ торговли вездѣ показывается подъ одною рубрикой, тогда какъ здѣсь необходимо имѣть въ виду отдѣльно сборъ съ гильдейскихъ и про-

мысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ на торговыя заведенія, а также сборъ съ прикащичьихъ свидѣтельствъ и на мѣщанскіе промыслы. Въ числѣ патентнаго сбора также смѣшаны всѣ роды патентовъ, тогда какъ сборы съ винокуренныхъ заводовъ, складовъ и питейныхъ заведеній очень полезно было бы показывать отдѣльно.

Сказанное мною относится къ внѣшней сторонѣ нашего бюджета; но если обратить вниманіе на существо сборовъ, то шаткость нашего финансоваго положенія выкажется еще болѣе. Достаточно сказать, что двѣ статьи бюджета, подати и питейный налогъ, упадающія почти исключительно на многочисленный и бѣднѣйшій классъ народа, составляютъ 52,8% общей суммы бюджета, т.-е. болѣе половины его зависитъ отъ положенія наиболѣе несостоятельнаго класса общества. Если при этомъ принять въ соображеніе, что значительная часть другихъ налоговъ также упадаетъ на эти классы и что многіе налоги, упадающіе, повидимому, на достаточные классы, въ значительной своей части оплачиваются лицами, принадлежащими только по своему общественному положенію къ достаточнымъ классамъ и не имѣющими никакого имущества, т.-е. оплачиваются также трудомъ, то придется согласиться, что основныя начала нашей бюджетной системы носятъ на себѣ до сихъ поръ остатки крѣпостныхъ порядковъ, при которыхъ всѣ матеріальныя тягости должны были лежать на низшихъ классахъ общества, тогда какъ высшіе несли личную государственную службу. Но съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права много воды утекло: государственная служба сдѣлалась уже не обязательствомъ и не тягостію, а скорѣе привилегіей образованныхъ классовъ и вознаграждается едва ли не болѣе, чѣмъ частная дѣятельность. Между лицами состоящими на государственной службѣ и рабочимъ людомъ образовался значительный классъ капиталистовъ, торговцевъ-собственниковъ и людей свободныхъ профессій, живущихъ въ довольствѣ и часто въ роскоши. Государство несетъ огромныя жертвы въ интересахъ этого класса людей: можно даже сказать, что вся государственная дѣятельность преимущественно клонится къ огражденію интересовъ этихъ людей, а между тѣмъ, въ силу установившейся финансовой системы, эти люди остаются внѣ всякаго обложенія на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Въ предыдущей статьѣ моей указано было, что со времени освобожденія крестьянъ нашъ бюджетъ возросъ съ 300 до 700 милл. рублей и весь

этотъ надбавокъ пошелъ почти исключительно на удовлетвореніе потребностей высшихъ классовъ населенія, что потребности низшихъ классовъ въ бюджетѣ положительно игнорируются и удовлетворяются только частію изъ особаго земскаго сбора, между тѣмъ какъ самая большая часть бюджета оплачивается по-прежнему низшимъ классомъ населенія. На этомъ основаніи вопросъ: какую именно часть нашего бюджета оплачиваютъ достаточные классы — представляется весьма любопытнымъ. Конечно, я не имѣю для этого точныхъ данныхъ, но постараюсь опредѣлить эту цифру приблизительно.

Въ сумму податей достаточными классами вносится только половина поземельнаго налога и значительная часть налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ: въ общей сложности обѣ эти цифры не могутъ составлять болѣе 7 милл. рублей. Въ счетъ налога на право торговли трудно предположить, чтобы капиталисты платили болѣе $^3/_4$ всей суммы, такъ какъ значительная ея часть оплачивается мелкою торговлей, барышъ отъ которой составляетъ только заработную плату торговца; относительно же свидѣтельствъ за мѣщанскіе промыслы нельзя сомнѣваться, что это налогъ на право труда. Изъ суммъ питейнаго сбора достаточные классы оплачиваютъ не болѣе 10%. Акцизъ съ табаку, свеклосахарнаго производства и таможенный доходъ, конечно, въ большей своей части падаетъ на достаточные классы; но въ виду незначительнаго процента этихъ классовъ въ массѣ населенія трудно предположить, чтобы на нихъ падало болѣе $^2/_3$ этихъ доходовъ. Паспортный сборъ оплачивается исключительно рабочимъ классомъ, относительно же сбора съ пассажировъ необходимо предположить, что три его четверти оплачиваются рабочимъ людомъ, въ виду того обстоятельства, что 3-й классъ доставляетъ 85 процентовъ всего пассажирскаго сбора. Что касается всѣхъ остальныхъ доходовъ, которые составляютъ около 160 милл. рублей, то я не сдѣлаю значительной ошибки, если предположу, что четвертая часть ихъ падаетъ также на неимущіе классы. На этихъ основаніяхъ налоги, падающіе на достаточные классы по росписи на 1882 годъ, выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ:

1. Подати	7.000.000 р.
2. За право торговли	14.593.050 »
3. Питейный доходъ	22.672.108 »

4. Акцизъ съ табаку, свекло-сахарный и таможенный доходъ . . . . . 81.010.334 »
5. Всѣ остальные доходы въ размѣрѣ 120.000.000 »

Итого 245.275.492 р.

Такимъ образомъ, вычитая эту цифру изъ суммы общаго дохода, исчисленнаго по росписи, оказывается, что 408.942.378 рублей, или 62% общей суммы, оплачиваются наименѣе состоятельными классами общества, и это не считая выкупныхъ платежей и оброковъ помѣщикамъ. Если же къ этой суммѣ мы прибавимъ выкупные платежи по окладу 1880 года въ суммѣ 44.142.428 рублей, да оброка крестьянъ, не выкупившихъ свои надѣлы, всего 1.750.000 душъ, т.-е. 15.750.000 рублей, то необходимая для платежа сумма съ рабочаго сословія, помимо земскихъ и мірскихъ сборовъ, опредѣлится въ 468.834.806 рублей. Если мы изъ общей массы населенія въ 80 милл. отнимемъ 10 милл. къ классамъ достаточнымъ и примемъ, что взрослыхъ работниковъ оказывается 40%, то получимъ, что изъ 35 милл. душъ мужскаго населенія дѣйствительныхъ работниковъ будетъ 14 милл.; а раздѣляя вышеприведенную сумму на число работниковъ, получимъ болѣе 33 руб. на каждаго работника. Теперь я позволяю себѣ предложить вопросъ: съ какого дохода можетъ быть взимаемъ подобный налогъ? — Налогъ въ 10% съ дохода долженъ считаться чрезвычайно обременительнымъ и подобнаго налога, конечно, не согласились бы платить никогда ни наши поземельные собственники, ни наши капиталисты. Между тѣмъ даже и при такой высотѣ обложенія платежъ нашего рабочаго человѣка заставляетъ предполагать, что средній доходъ каждаго работника не менѣе 330 рублей въ годъ. Но кому же неизвѣстно, что подобный заработокъ имѣетъ ничтожное меньшинство нашихъ работниковъ, главная же ихъ масса получаетъ отъ 60 до 100 р. въ годъ; слѣдовательно, необходимо допустить, что нашъ рабочій несетъ налогъ отъ 30—50% съ своего дохода. Что бы заговорили наши капиталисты и собственники, еслибы государство потребовало отъ нихъ не только подобной, но сколько-нибудь подходящей жертвы? А между тѣмъ нашъ крестьянинъ безропотно платитъ этотъ налогъ и остается въ недоимкѣ лишь тогда, когда дѣйствительно кусать нечего. Принимая же въ соображеніе ту неравномѣрность распредѣленія подушныхъ и земельныхъ налоговъ, которая существуетъ между бывшими государственными,

удѣльными и помѣщичьими крестьянами, рѣшительно не понимаешь, какимъ образомъ могутъ существовать люди при подобныхъ порядкахъ. Въ первой статьѣ моей я говорилъ о томъ скрытомъ дефицитѣ, который оказывается часто въ дѣйствительности, несмотря на отсутствіе въ государственномъ бюджетѣ. Теперь, въ виду приведенныхъ мною данныхъ, для читателя будетъ понятенъ процессъ образованія подобнаго дефицита въ народномъ хозяйствѣ. Очевидно, что выдерживать бремя податей и налоговъ въ подобныхъ размѣрахъ нашъ крестьянинъ безъ разстройства своей хозяйственной самостоятельности не можетъ. Сначала является задавленность; затѣмъ его прежнія сбереженія, состоявшія въ его хозяйственномъ инвентарѣ, постепенно переходятъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ, а стоимость ихъ идетъ на пополненіе бюджета. Такимъ образомъ въ бюджетѣ можетъ все обстоять благополучно, а самый источникъ государственнаго дохода, т.-е. народный доходъ, можетъ постоянно падать. Такое явленіе есть обыкновенное слѣдствіе сильнаго возрастанія бюджета не въ силу естественныхъ условій развитія производительности, но въ силу увеличенія нормъ обложенія, какъ это и было въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ статьямъ бюджета 1882 года, оказывается, что (первая статья) «подати, поземельный и лѣсной налоги» исчислены въ суммѣ 118.834.300 руб., составляющей 18,16% общей суммы дохода. Представляю читателю вѣдомость о поступленіи этихъ доходовъ за послѣднее десятилѣтіе.

ГОДЫ.	СУММА.	Въ % къ общей суммѣ доходовъ.
1871	121.533.330	23,9
1872	112.967.718	21,6
1873	115.827.357	21,7
1874	117.124.504	21—
1875	117.360.845	20,3
1876	118.440.727	21,1
1877	116.998.379	21,3
1878	120.066.101	19,2
1879	117.467.458	17,7
1880	110.597.339	17—

Изъ этой вѣдомости оказывается, что наибольшая цифра этого дохода была въ 1871 году, но неурожай этого года заставилъ ее упасть въ слѣдующемъ году на 8.500.000 рублей и затѣмъ

во все десятилѣтіе доходъ этотъ никогда уже не достигалъ цифры 1871 года. Даже громадный выпускъ ассигнацій 1877 и 1878 годовъ, переполнившій всѣ каналы денежнаго обращенія, могъ повысить эту цифру лишь до 120 милл., а затѣмъ она стала вновь понижаться и въ 1880 году понизилась до 110 милл.; ниже этой цифры доходъ по этой статьѣ никогда не падалъ. Подобные результаты прямо указываютъ на несостоятельность нашей податной системы, — несостоятельность, сознанную уже 20 лѣтъ тому назадъ, но по какимъ-то непонятнымъ для каждаго мыслящаго человѣка причинамъ до сихъ поръ остающуюся въ нашемъ бюджетѣ. Мнѣ можетъ-быть возразятъ, что значительное паденіе цифры этого дохода въ 1880 году было слѣдствіемъ неурожая этого года, а вовсе не указываетъ на несостоятельность податной системы, что это налогъ очень старый, что народъ къ нему привыкъ и что всякій старый налогъ лучше новаго, вслѣдствіе сдѣланной народомъ привычки. Но все это будутъ слова, противъ которыхъ можно сказать очень много. Прежде всего я позволю себѣ спросить, почему же вопросъ о замѣнѣ этого налога другимъ, болѣе раціональнымъ, возникъ даже въ оффиціальныхъ сферахъ болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ и съ того времени только тормозился, но никогда не былъ оставляемъ совсѣмъ, и мы знаемъ не одинъ проектъ о его замѣнѣ—то подворнымъ, то подоходнымъ налогомъ? Затѣмъ ничто не можетъ такъ ясно указывать на оскудѣніе народнаго кармана, какъ приведенное колебаніе цифры поступленія прямыхъ податей, въ особенности при нашихъ порядкахъ и наградахъ за успѣшное ихъ взысканіе. Несмотря однако-жь на то, что употреблялись всѣ возможныя мѣры при *выбиваніи* (какъ выражаются наши крестьяне) податей, несмотря на значительные урожаи 1874 и 1876 годовъ, сумма поступленій все-таки не повышается до бывшей въ 1871 году и даже переполненіе рынка бумажными деньгами не повліяло на положеніе плательщиковъ, чтобы цифра поступленія могла сравняться съ бывшей въ 1871 году, а затѣмъ въ слѣдующемъ году, несмотря на значительный урожай этого года, упадаетъ на $2^1/_2$ милл. рублей. Наконецъ, неурожай 1880 года хотя и не остался безъ вліянія на платежи податей во второй половинѣ года, но онъ не могъ еще вполнѣ отразиться на ихъ поступленіи. Недоимки, какъ показываетъ опытъ, всегда накопляются въ слѣдующемъ году, въ самый же неурожайный годъ подати оплачиваются прежде добытыми средствами. Изъ вѣдомости о поступленіи окладныхъ

сборовъ, приложенной къ отчету государственнаго контроля, видно, что недоимки возросли сильно въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, въ общемъ итогѣ на 3½ милл. рублей (см. прилож., стран. 121 и слѣд.). На этомъ основаніи паденіе этой статьи дохода въ 1880 году на семь милл. руб. въ сравненіи съ 1879 годомъ не можетъ быть объясняемо вполнѣ неурожаемъ этого года, а напротивъ должно быть отнесено въ значительной мѣрѣ къ общему оскудѣнію крестьянскаго кармана. Поэтому надо полагать, что въ теченіе 1881 года будетъ значительный недоборъ по этой статьѣ, такъ какъ потерпѣвшему крестьянству отъ неурожая 1880 года придется расплачиваться съ долгами частныхъ лицъ, которыя, конечно, не упустятъ первой возможности крестьянъ удовлетворить ихъ претензіи. Кромѣ того, крестьянамъ необходимо будетъ возобновить инвентарь своего хозяйства, который они проѣли во время голоднаго года. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя предполагать, чтобы цифра поступленія этого дохода въ 1881 году превысила цифру поступленія предыдущаго года,—напротивъ, скорѣе можно ожидать ея пониженія. Изъ помѣщенной же выше вѣдомости можно видѣть, какъ туго возстановляются платежныя средства крестьянскаго населенія. Упадокъ платежныхъ средствъ этого населенія въ 1872 году не могъ быть возстановленъ въ теченіе восьми лѣтъ, даже при обиліи денежныхъ знаковъ 1878 года и громадномъ возвышеніи цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства. И это очень понятно почему. Крестьянинъ производитъ эти продукты не для продажи, а для собственнаго потребленія; а такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ производимаго имъ хлѣба недостаточно для собственнаго потребленія и онъ долженъ его прикупать, то очевидно, что его платежная способность уменьшается при дороговизнѣ хлѣба.

Теперь спрашивается, какія основанія имѣлись въ виду при назначеніи въ смѣтѣ цифры поступленія этого дохода въ 118.834.300 рублей? Вѣдь такой суммы, за исключеніемъ 1878 года, не представляетъ ни одинъ годъ за цѣлое десятилѣтіе и ожидать, чтобы платежная способность населенія, при существующемъ застоѣ промышленности и заграничнаго отпуска, въ одинъ годъ могла подняться болѣе чѣмъ на восемь милліоновъ рублей, представляется мнѣ большой неосторожностью. Я рѣшительно не понимаю, съ какою цѣлью можно допускать подобныя неосторожныя предположенія и тѣмъ ронять авторитетъ такого документа, какъ «Го-

сударственная роспись». Вѣдь нельзя же думать, что въ основаніе смѣтныхъ назначеній взяты просто предположенія предыдущаго года: отчетъ государственнаго контроля за 1880 годъ прямо указываетъ, насколько сдѣланныя предположенія могутъ быть ошибочны,—предыдущій опытъ научаетъ, что улучшеніе платежныхъ средствъ нашего крестьянства идетъ чрезвычайно медленно. На этомъ основаніи фиктивное увеличеніе податныхъ сборовъ въ росписи текущаго года я могу объяснить только желаніемъ уменьшить цифру дефицита. Но такая фикція, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть полезною ни для государственнаго, ни для народнаго хозяйства, а можетъ значительно повредить и тому, и другому. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что подобнымъ искуственнымъ уменьшеніемъ дефицита никого нельзя ввести въ заблужденіе. Въ государственной жизни не встрѣчается еще примѣра, чтобы государство, безъ особыхъ радикальныхъ мѣропріятій, могло въ одинъ годъ переходить отъ 100 милл. дефицита къ дефициту въ 4½ милл. рублей, и если не у насъ, то на заграничныхъ рынкахъ понимается это очень хорошо. Стало-быть искуственнымъ уменьшеніемъ дефицита нашъ кредитъ поднять нельзя, но уронить его очень можно, такъ какъ подобная тенденція заставляетъ предполагать болѣе печальное положеніе государственнаго хозяйства въ сравненіи съ дѣйствительностью. Факты подтверждаютъ мое мнѣніе: и наша, и заграничная биржи на опубликованіе нашей росписи отвѣчали пониженіемъ курса нашей валюты, и притомъ прежде, чѣмъ сдѣлался парижскій крахъ, который, какъ мнѣ кажется, не могъ имѣть никакого вліянія на нашъ рынокъ, хотя нѣкоторые финансисты и стараются связать съ нимъ послѣднее пониженіе цѣнности кредитнаго рубля. Съ другой стороны нельзя отрицать, что искуственное уменьшеніе дефицита уменьшаетъ до извѣстной степени осторожность въ распоряженіи государственными средствами и даетъ основаніе распорядительнымъ управленіямъ предполагать возможнымъ удовлетвореніе такихъ потребностей, о которыхъ они и не подумали бы, еслибы дѣйствительное положеніе государственнаго казначейства имъ было извѣстно. Положимъ, на это могутъ мнѣ замѣтить, что лицамъ, стоящимъ во главѣ управленій, оно извѣстно; но вѣдь не всѣ же распорядители кредитовъ находятся въ такомъ положеніи, а мотивировка требованій завитъ прямо отъ распорядителей и можетъ быть представлена въ такомъ видѣ, что удовлетвореніе потребности можетъ показаться дѣйствительно неотложнымъ. На-

конецъ, нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что если дѣйствительное исполненіе росписи будетъ значительно расходиться съ сдѣланными предположеніями, то это будетъ имѣть вліяніе на степень довѣрія общества къ лицамъ, стоящимъ во главѣ финансоваго управленія, точно также какъ и къ лицамъ, обсуждавшимъ сдѣланныя предположенія. При настоящемъ положеніи дѣлъ, при томъ вниманіи, которое начинаетъ развиваться въ обществѣ ко всѣмъ вопросамъ государственнаго значенія, нельзя не принимать въ соображеніе и этого обстоятельства. У насъ часто говорится о томъ единеніи, которое должно существовать между обществомъ и лицами, стоящими во главѣ управленій, и о томъ содѣйствіи, къ которому обязывается общество въ видахъ облегченія правительственнымъ лицамъ исполненія задачъ, на нихъ возложенныхъ. Вполнѣ понимая необходимость и этого содѣйствія, и этого единенія дѣятельности въ видахъ достиженія общаго блага, я позволяю себѣ замѣтить, что стряхнуть апатію, въ которой находится еще значительная часть нашего общества, и возбудить въ немъ энергію для подобнаго содѣйствія можетъ прежде всего то довѣріе, съ которымъ отнесутся правительственныя лица къ обществу и своимъ искреннимъ отношеніемъ къ дѣлу съумѣютъ внушить обществу уваженіе къ своей дѣятельности. Безъ этого *взаимнаго* довѣрія всѣ возгласы о необходимомъ единеніи и содѣйствіи будутъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и главная масса общества останется въ своемъ бездѣйствіи, руководствуясь пословицей: «моя хата съ краю, я ничего не знаю». Конечно, въ каждомъ обществѣ найдутся люди, которые изъ личныхъ интересовъ будутъ восторгаться всякимъ вниманіемъ, имъ оказаннымъ, и будутъ говорить рѣчи и писать заявленія въ томъ направленіи, которое требуется; но это не будетъ голосъ общества и очень ошибутся тѣ, которые добродушно примутъ ихъ за таковой. Подобная обоюдная мистификація можетъ породить только новыя недоразумѣнія, но ни къ чему хорошему привести не можетъ. Все это я говорю въ тѣхъ видахъ, чтобы показать всю необходимость полнаго и безусловнаго довѣрія общества къ дѣйствіямъ и предположеніямъ администраціи, въ особенности въ дѣлахъ денежныхъ, такъ какъ отъ административной дѣятельности въ этомъ отношеніи зависятъ насущные интересы всего общества. Но возможно ли это безусловное довѣріе общества, когда при первомъ же взглядѣ на бюджетъ невольно замѣчаешь, что администрація от-

носится къ этому государственному акту слегка, дѣлаетъ въ немъ невозможныя предположенія, какъ бы не выказать дѣйствительнаго дефицита, и, повидимому, считаетъ утвержденіе его исполненіемъ простой формальности, ни для кого необязательной въ дѣйствительности.

Конечно, подобное отношеніе къ государственному бюджету установилось у насъ не со вчерашняго дня и мы уже давно знакомы съ тѣмъ явленіемъ, что бюджетныя предположенія значительно разнятся съ исполнительными отчетами государственнаго контроля; но, признаюсь, послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ нашемъ финансовомъ управленіи, мнѣ не думалось, что мы будемъ идти по старой, избитой, дорожкѣ, а для подобныхъ надеждъ можно было имѣть серьезныя основанія. Къ сожалѣнію, эти надежды не сбылись и въ настоящемъ бюджетѣ замѣчается то же формальное отношеніе къ дѣлу. Факты, подтверждающіе эту мысль, можно будетъ встрѣтить и при разсмотрѣніи другихъ статей росписи.

Еслибъ это было иначе, еслибы государственный бюджетъ считался законодательнымъ актомъ, рамки котораго обязательны къ исполненію для всѣхъ распорядителей, то мы встрѣтились бы съ болѣе осторожнымъ исчисленіемъ доходовъ, такъ какъ при подобномъ условіи на покрытіе предусмотрѣнныхъ расходовъ могутъ идти доходы государства только въ тѣхъ размѣрахъ, которые предусмотрѣны смѣтою, всякій же излишекъ въ доходахъ противъ смѣты не можетъ состоять въ распоряженіи администраціи и употребленіе его требуетъ особаго законодательнаго распоряженія. Стало-быть всякій недоборъ въ доходахъ можетъ поставить финансовую администрацію въ затрудненіе, для устраненія котораго нѣтъ никакого другаго средства кромѣ сбереженія расходовъ или новаго ассигнованія суммъ, что можетъ компрометировать предусмотрительность финансоваго управленія. На этомъ основаніи, гдѣ государственный бюджетъ представляетъ серьезный государственный актъ, тамъ доходы исчисляются съ большой осторожностію и никогда не встрѣчаются подобныя явленія, съ какими мы встрѣтились, напримѣръ, въ отчетѣ государственнаго контроля за 1880 годъ, а именно: прямыя подати поступили на 8.275.148 руб. менѣе противъ ожиданія, т. е. недоборъ составлялъ почти 8% съ суммы поступившаго дохода; напротивъ того мы постоянно встрѣчаемся съ такими фактами, что министры обращаются съ представленіями къ законодательной власти о томъ назначе-

ніи, которое предполагаютъ дать излишкамъ, полученнымъ противъ смѣты.

Вмѣсто подобныхъ предположеній, какъ мнѣ кажется, гораздо бы вѣрнѣе было сократить ожидаемую въ 1882 году сумму податей даже противъ суммы дѣйствительно поступившей въ 1880 году, и это на томъ основаніи, что промышленный застой въ нашемъ отечествѣ не составляетъ ни для кого секрета и нѣтъ никакихъ признаковъ, которые свидѣтельствовали бы объ оживленіи нашего рынка и о возвышеніи заработной платы, а только одно это обстоятельство и можетъ повліять на возвышеніе дохода по этой статьѣ. Къ тому же увеличеніе акциза на вино съ 7 на 8 коп. не можетъ не повліять на уменьшеніе цифры дохода въ податяхъ, такъ какъ здѣсь налогъ обращается на того же плательщика. Во всякомъ случаѣ, подобнаго дохода болѣе 110 милліоновъ рублей ожидать трудно, что въ общей суммѣ самаго бюджета составляетъ не болѣе 16,8%.

Теперь, когда выяснено дѣйствительное значеніе этого дохода въ общей системѣ нашего обложенія, я предложу читателю взглянуть на приведенную выше таблицу поступленія этого дохода, причемъ онъ замѣтитъ, что статья эта въ бюджетѣ 1871 года составляла 23,9%, между тѣмъ въ бюджетѣ 1882 года она составляетъ только 16,8%, т. е. значеніе этой статьи дохода въ системѣ нашихъ налоговъ упало на 7,1%, а вслѣдствіе этого и реформа всей нашей системы податей повидимому значительно облегчилась. Между тѣмъ эта реформа вновь отсрочена на неопредѣленное время и всѣ слухи, ходившіе о ней въ прошломъ году, опять замолкли. Подобное явленіе тѣмъ болѣе непонятно, что реформа требуется настоятельно только по отношенію къ подушной подати, которая въ общей суммѣ податей составляетъ меньшую часть. По отчету государственнаго контроля за 1880 годъ она поступила въ размѣрѣ 50.740.452 руб. 91 коп., что составляетъ менѣе 8% всего дохода, а между тѣмъ она служитъ сильнымъ тормозомъ для всѣхъ другихъ реформъ, задерживающихъ развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Къ тому же налогъ этотъ считался неудобнымъ даже во времена крѣпостнаго права и реформа предположена еще въ то время. Какія же причины задерживаютъ ея осуществленіе?—Вотъ вопросъ, который ставитъ положительно въ тупикъ всякаго мыслящаго человѣка. Прежде думали, что такъ-называемые дирижирующіе классы будутъ недовольны переложеніемъ подушной подати на имущества

и доходы; но вотъ въ 1870 году правительство обратилось къ земству съ вопросомъ, и губернскія земскія собранія почти единогласно высказались за введеніе подоходнаго налога. Такимъ образомъ, вотъ уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не существуетъ и этого воображаемаго затрудненія. Что же теперь мѣшаетъ уничтоженію этого остатка крѣпостныхъ отношеній? Неужели можно вѣрить тѣмъ слухамъ, которые ходятъ въ обществѣ, что высшая администрація останавливается введеніемъ подоходнаго налога по соображеніямъ чисто-политическимъ, опасаясь, какъ бы высшія соловія, принявъ участіе въ податныхъ тягостяхъ, не потребовали контроля надъ административною дѣятельностію. Что до меня касается, то я считаю подобные слухи чистѣйшею нелѣпостію. Кому же не извѣстно, что всякое требованіе можетъ быть предъявлено только извѣстною силой, а у насъ единственную общественную силу представляетъ правительство. Всѣ наши общественныя группы и ихъ собранія существуютъ только по соизволенію правительства и не имѣютъ не только никакой силы, но не пользуются даже никакою властью. На этомъ основаніи, еслибъ и возникли въ средѣ нашихъ общественныхъ группъ какія-либо желанія, то они въ самомъ крайнемъ случаѣ могутъ выразиться развѣ въ формѣ прошеній и ходатайствъ совершенно безобидныхъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть предъявлены въ видѣ требованій. Подобное положеніе дѣлъ извѣстно въ правительственныхъ сферахъ лучше, нежели гдѣ-нибудь, и на этомъ основаніи, не считая возможнымъ вѣрить распускаемымъ слухамъ, я тѣмъ болѣе не могу понять причинъ, по которымъ откладывается необходимая реформа. Говорю «необходимая»—даже въ финансовомъ отношеніи, въ виду того обстоятельства, что подобный налогъ на трудъ лишаетъ нашъ бюджетъ необходимой устойчивости: недоимки возрастаютъ съ каждымъ годомъ, несмотря на то, что значительная ихъ часть слагается ежегодно по безнадежности взысканія: такъ къ 1875 году недоимокъ въ податяхъ оставалось около 23 милл. рублей, а къ 1881 году ихъ накопилось болѣе 31 милл. рублей, и это при сложеніи со счетовъ въ теченіе одного 1880 года на сумму около 7 милл. рублей. Еслибы послѣдняго сложенія недоимки не послѣдовало, то ихъ накопилось бы въ теченіе только пяти лѣтъ до 15 милл. рублей. При этомъ необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что у насъ нѣтъ недостатка въ энергическихъ мѣрахъ взысканія. По странному взгляду нашей администраціи, успѣшное

взысканіе государственныхъ податей считается лучшимъ аттестатомъ полицейскаго чиновника, и послѣдній, если дѣйствуетъ энергично, можетъ конечно ожидать вѣрнаго отличія по службѣ. Само собою разумѣется, что результаты подобной политики приносятъ свои печальные плоды. Полицейскій чиновникъ не можетъ да и не желаетъ обсуждать причины невзноса податей въ назначенные сроки, хотя бы эти сроки и не совпадали съ возможностію крестьянъ получить средства для уплаты, и вотъ является продажа скота или отдача крестьянъ въ заработокъ за дешевую цѣну. Та и другая мѣра подрываютъ въ корнѣ крестьянское хозяйство, а съ нимъ вмѣстѣ и самый источникъ государственнаго дохода. Неравномѣрность и обременительность подушной подати увеличивается въ значительной степени именно вслѣдствіе строгихъ мѣръ взысканія, употребляемыхъ часто безъ всякаго разбора. При той ограниченной степени умственнаго и нравственнаго развитія, на которой находится огромное большинство нашихъ полицейскихъ чиновъ, завѣдывающихъ взысканіемъ недоимокъ, и въ виду наградъ и поощреній за успѣшное ихъ взысканіе, нельзя и требовать отъ нихъ внимательнаго разбора причинъ неплатежа: эти люди исполняютъ только волю пославшаго ихъ.

На этомъ неразсчетливомъ отношеніи къ дѣлу построена цѣлая масса злоупотребленій, которыми эксплуатируется трудъ людей наиболѣе нуждающихся. Ко времени взысканія податей всегда является нужный для полиціи или волостнаго начальства человѣкъ, предлагающій крестьянамъ деньги подъ ихъ будущую работу и конечно не безъ выгоды для себя. Само собою разумѣется, что крестьяне, поставленные въ необходимость выбирать между продажей имущества или будущаго труда, скорѣе идутъ на послѣднее и закабаляютъ себя за дешевую цѣну. Такимъ образомъ является задолженность, т. е. первый шагъ къ окончательному разоренію. Само собою разумѣется, что заключенный такимъ образомъ по необходимости договоръ о наймѣ крестьянинъ не можетъ считать ненарушимымъ и старается по возможности уклониться отъ его исполненія. Вотъ источникъ всѣхъ жалобъ на недобросовѣстность рабочихъ, не исполняющихъ принятыхъ ими на себя обязательствъ. Но мнѣ кажется, что человѣкъ поставленный въ подобное положеніе иначе дѣйствовать не можетъ и что прежде, чѣмъ упрекать человѣка въ недобросовѣстности, необходимо избавить его отъ налога на его личный трудъ и измѣнить способъ

взысканія прямыхъ податей, т. е. прежде, чѣмъ требовать добросовѣстности отъ рабочаго человѣка, надо уничтожить всякое несправедливое къ нему отношеніе. Нынѣшніе же порядки порождаютъ стачки полицейскихъ чиновъ и волостныхъ старшинъ съ нанимателями и надувательство со стороны рабочихъ, т. е. вызываютъ деморализацію всего населенія. Да, вопросъ о замѣнѣ подушной подати подоходнымъ налогомъ созрѣлъ совершенно, а между тѣмъ продолжаетъ тормозить другія неотложныя реформы. Вопросы о паспортахъ, о наймѣ рабочихъ, о переселеніяхъ тѣсно связаны съ податнымъ вопросомъ и не могутъ сдѣлать шагу, не встрѣтивъ затрудненія въ податной системѣ, а вслѣдствіе этого у насъ есть руки и онѣ дешевы тамъ, гдѣ нѣтъ работъ, и лежатъ непочатыя богатства тамъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ рукъ. О какомъ же развитіи производства можно думать при такихъ условіяхъ? Желѣзное и каменно-угольное производства на югѣ Россіи рѣшительно парализуются недостаткомъ рабочихъ рукъ, тогда какъ въ средней полосѣ Россіи избытокъ ихъ поднялъ до баснословныхъ цифръ арендную плату за землю, оставляя ее свободною отъ податной тягости, которая лежитъ всецѣло на рабочихъ классахъ. Такимъ образомъ трудъ земледѣльца съ одной стороны эксплуатируется капиталистами и землевладѣльцами, съ другой—поглощается налогами, тогда какъ лучшій объектъ обложенія—арендная плата за землю, доставляющая владѣльцу доходъ, безъ всякаго труда остается почти свободною. Вся цѣль жизни нашего народа состоитъ только въ томъ, чтобы прокормиться отъ жатвы до жатвы, другихъ же потребностей въ этой средѣ не возникаетъ и возникнуть не можетъ. Если и существуютъ въ этомъ отношеніи исключенія, то ихъ можно перечесть по пальцамъ, и всѣ эти лица принадлежатъ къ классу кулаковъ, обирающихъ послѣднія средства у остальнаго населенія. Возможно ли думать о дѣйствительномъ, а не призрачномъ только улучшеніи нашихъ финансовъ, когда главная масса плательщиковъ находится въ подобномъ положеніи?

Прошу читателя извинить меня за это невольное отступленіе и возвращаюсь къ разбору доходной росписи. Другая статья нашихъ прямыхъ налоговъ есть сборъ за право торговли. Дохода этого предположено по росписи 19.457.400 руб. Я не имѣю въ виду данныхъ, чтобы сказать что-либо о правильности этого предположенія, такъ какъ дополнительные сборы съ торговыхъ документовъ установлены только въ 1881 году; въ прежніе же

годы безъ этихъ сборовъ эта статья дохода давала отъ 14 до 15 милл. руб., а въ 1879 году—даже сумму въ 15.840.812 руб. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что, судя по размѣрамъ внутреннихъ и внѣшнихъ оборотовъ, наша торговля обложена самымъ ничтожнымъ сборомъ даже при настоящемъ его возвышеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы припомнимъ, что сдѣлано въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтняго періода времени для развитія торговли и обработывающей промышленности и на сколько русскіе капиталисты воспользовались всѣми мѣропріятіями правительства, то дѣйствительно должно казаться страннымъ, что наша торговля такъ плохо оплачиваетъ всѣ заботы объ ея процвѣтаніи. Достаточно указать, что обороты наши по одной заграничной торговлѣ доходятъ до милліарда руб. Сумма основныхъ капиталовъ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ достигаетъ 460.910.000 руб. (см. «Ежегод. мин. фин.» выпускъ XI, стр. 456), не считая ни банковъ, ни желѣзнодорожныхъ обществъ. Количество фабрикъ и заводовъ въ 1879 году достигло числомъ до 23.600, съ производствомъ на 819 милл. руб. Если же къ этимъ фабрикамъ и заводамъ присоединить горные заводы и производства, состоящія въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ и составляющія предметъ ремесленныхъ занятій и кустарныхъ промысловъ, то производительность всѣхъ отраслей нашей обработывающей промышленности можетъ быть оцѣнена приблизительно въ 1.200 милл. руб *). Чтобы передвинуть эту массу продуктовъ и сблизить продуктъ съ потребителемъ, нужна громадная масса капиталовъ. Независимо отъ капиталовъ частныхъ лицъ, обращающихся въ торговлѣ,—капиталовъ, приведеніе въ извѣстность которыхъ конечно для частнаго человѣка невозможно,—къ услугамъ торговли обращена вся дѣятельность нашихъ банковъ коммерческаго кредита, балансы которыхъ къ 1-му января 1878 года составляли общую сумму 1.728.428.800 рублей **), въ настоящее же время, по всей вѣроятности, превосходитъ два милліарда рублей. Изъ этихъ отдѣльныхъ цифръ можно составить себѣ заключеніе, что капиталы, обращающіеся въ торговой и промышленной дѣятельности, должны въ нѣсколько разъ превышать сумму оказываемаго имъ кредита и по всей вѣроятности доходятъ до нѣсколькихъ

*) „Краткій обзоръ дѣятельности министерства финансовъ съ 1865 по 1880 г.“, приложенный къ XI выпуску „Ежегодника мин. фин.“, стр. 68.

**) „Ежегодникъ русскихъ кредитныхъ учрежденій“, выпускъ I, подъ ред. *Иващенко*, изд. 1880 года.

милліардовъ рублей,—слѣдовательно, безъ всякаго преувеличенія можно утверждать, что наша торговля платитъ государственному казначейству ничтожную долю процента съ своего дохода.

Нераціональность началъ, положенныхъ въ основаніе сбора съ торговли, доказывается тѣмъ, что, несмотря на развитіе торговой дѣятельности въ послѣднія десять лѣтъ въ громадныхъ размѣрахъ, доходъ государственнаго казначейства нисколько не увеличивался естественнымъ путемъ, т. е. увеличеніемъ продажи числа торговыхъ документовъ. Такъ въ 1870 году, до установленія добавочнаго платежа на квартирную повинность и дополнительнаго сбора со свидѣтельствъ 1-й и 2-й гильдіи, установленныхъ въ 1874 году, всего дохода было 11.956.142 руб., а въ 1880 году, тоже за исключеніемъ дополнительныхъ сборовъ, поступило 11.693.679 руб. 38 коп. *). Такимъ образомъ, если даже исключить изъ первой цифры, взятой мною изъ отчетовъ государственнаго контроля, нѣкоторые мелкіе доходы, составляющіе по смѣтѣ на 1882 годъ около 118.000 рублей, то и тогда доходъ 1880 года за продажу торговыхъ документовъ будетъ менѣе дохода 1870 года. Если же доходъ этотъ въ послѣдующіе годы поступалъ въ большей цифрѣ и въ настоящее время внесенъ въ смѣту въ размѣрѣ превышающемъ 19 милліон. рублей, то это происходитъ вслѣдствіе повышенія нормы обложенія, вслѣдствіе закона 8 іюня 1874 года о преобразованіи воинской квартирной повинности, увеличившей сумму сбора на 1.374.400 рублей, а также на основаніи мнѣній государственнаго совѣта: отъ 10 декабря 1874 года, когда повышенъ сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ на 810.000 руб., отъ и 16 декабря 1880 года, вслѣдствіе котораго смѣтное предположеніе на 1882 годъ съ различныхъ торговыхъ документовъ увеличено на сумму въ 3.500.000 рублей.

Если взять доходъ съ торговыхъ документовъ безъ дополнительныхъ къ нему платежей, т. е. тотъ доходъ, который предположенъ по смѣтѣ департамента торговли и мануфактуръ по 1 ст. § 1, то оказывается, что на 1882 годъ его предположено 13.573.000 рублей, между тѣмъ за 1880 годъ этого дохода поступило только 11.693.679 рублей 38 коп., т.-е. на 1.879.320 руб. 62 коп. менѣе, чѣмъ предположено. Въ объяснительной запискѣ къ смѣтѣ департаментъ мануфактуръ и торговли утверж-

*) „Вѣдомость о свидѣтельствахъ и билетахъ, выданныхъ на право торговли и промысловъ въ 1880 году", приложенная къ смѣтѣ департамента торговли и мануфактуръ на 1882 годъ.

дастъ, что это недопоступленіе зависѣло отъ остановки выдачи въ теченіе ноября и декабря 1880 года торговыхъ документовъ, по случаю ожидавшагося тогда установленія дополнительной пошлины, а также отъ неудовлетворительнаго положенія торговыхъ дѣлъ въ 1880 году, что въ виду урожая прошедшаго года должно измѣниться.—Съ подобнымъ объясненіемъ трудно согласиться, такъ какъ положеніе торговыхъ дѣлъ въ настоящее время едва ли не хуже, чѣмъ въ прошломъ году, и урожай настоящаго года далъ возможность только пополнить пробѣлы въ мѣстныхъ запасахъ, образовавшіеся вслѣдствіе неурожая предыдущаго года; но нѣтъ такихъ признаковъ, чтобъ онъ могъ сколько-нибудь улучшить положеніе главной массы населенія. Только серьезное улучшеніе этого положенія и можетъ повліять на болѣе успѣшный ходъ торговыхъ дѣлъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что основанія этого налога таковы, что развитіе и улучшеніе торговыхъ дѣлъ нисколько не вліяетъ на повышеніе дохода. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обороты нашей торговли послѣ выпуска кредитныхъ билетовъ на 417 милл. рублей сильно возросли,—мы это видимъ и въ увеличеніи нашего отпуска, и въ усиленіи валоваго сбора желѣзныхъ дорогъ, и въ усиленіи оборотовъ нашихъ банковъ; но это нисколько не повліяло на возвышеніе государственнаго сбора за право торговли и оно зависѣло исключительно отъ повышенія нормы обложенія.

Въ главныхъ своихъ чертахъ основанія для обложенія торговли установлены еще Петромъ I въ 1721 году и измѣненія, внесенныя въ нихъ законами 1 іюля 1863 года и исправленнымъ изданіемъ, утвержденнымъ 9 февраля 1865 года, коснулись только нѣкоторыхъ частностей, но основное дѣленіе торговли осталось прежнее. Первыя 2 гильдіи купечества остались по-прежнему, но только измѣнились ихъ платежи; вмѣсто третьей гильдіи установлены промысловыя свидѣтельства; введены особые сборы съ каждаго торговаго заведенія, въ видѣ билетнаго сбора, и плата за свидѣтельства и билеты 2-й гильдіи и промысловыя установлена различная, смотря по тому, къ которому изъ 5 классовъ мѣстности относится торговое заведеніе; установленъ также сборъ съ привилегированныхъ свидѣтельствъ 1 и 2 класса и свидѣтельствъ на мѣщанскіе промыслы для ремесленниковъ, работающихъ на дому съ своими семействами. Всѣ эти подробности, вновь установленныя, хотя и увеличили сумму по-

ступающаго дохода въ сравненіи съ прежними порядками, но нисколько не измѣнили существа дѣла, такъ какъ платимый въ казну налогъ нисколько не соразмѣряется съ количествомъ оборотовъ, а слѣдовательно—и съ получаемою отъ торговли выгодою. Вслѣдствіе этого нашъ торговый классъ, на пользу котораго въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ обращалось такъ много вниманія и который составляетъ нынѣ наиболѣе состоятельный въ имущественномъ отношеніи классъ общества, несетъ самые ничтожные налоги.

Говоря такъ, я нисколько не закрываю глаза на то обстоятельство, что нѣкоторыя составныя части этого налога, упадающія на мелкіе промыслы, обременительны въ высшей степени. Прежде всего въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы цѣною въ 2 руб. 50 коп. Эти свидѣтельства установлены для людей, занимающихся какою-либо работой у себя на дому самостоятельно и притомъ безъ найма рабочихъ. Такимъ образомъ этотъ налогъ составляетъ уже не налогъ на трудъ, а на самое право труда. Между тѣмъ человѣкъ имѣетъ естественное и неотъемлемое право трудиться и, безъ нарушенія основныхъ понятій о справедливости, нельзя заставлять его покупать это право: не имѣя готовыхъ средствъ къ жизни, онъ долженъ прежде всего заработать эти средства для того, чтобы жить, и только излишекъ его труда, за покрытіемъ первыхъ и необходимыхъ потребностей какъ его самого, такъ и его семейства, можетъ подлежать налогу, если только признается возможнымъ подвергать обложенію всякій избытокъ труда. Но здѣсь законъ является болѣе строгимъ къ бѣдному труженику. Игнорируя совершенно массу громадныхъ капиталовъ, не несущихъ никакого обложенія, законъ говоритъ этому труженику: *нѣтъ, ты прежде всего долженъ заплатить налогъ, затѣмъ ты получишь право работать и только тогда будешь имѣть возможность удовлетворять свои потребности.* Ясно, что исполненіе такого порядка на практикѣ невозможно и на этомъ основаніи человѣкъ, даже способный работать самостоятельно, долженъ продавать свой трудъ другому промышленнику. Такимъ образомъ, вмѣсто поощренія и покровительства самостоятельному труду въ средѣ своего семейства, законъ содѣйствуетъ расширенію наемнаго труда и, слѣдовательно, вліяетъ на увеличеніе его предложенія, т.-е. содѣйствуетъ пониженію заработной платы. Вотъ къ какимъ гибельнымъ резуль-

татамъ приводитъ кабинетная выработка законовъ, регулирующихъ трудъ и промышленность! Нельзя думать, чтобы составители такого узаконенія рѣшились его ввести, еслибъ они сколько-нибудь были знакомы съ дѣйствительною жизнію и съ тѣми послѣдствіями, которыя подобный законъ вызываетъ. Всякая попытка работать у себя на дому, въ своей семьѣ, но безъ взятія свидѣтельства, подвергаетъ штрафу втрое противъ цѣны, т.-е. 7 руб. 50 коп. Представьте себѣ, читатель, человѣка, работавшаго гдѣ-либо по найму и по какимъ-либо обстоятельствамъ потерявшаго мѣсто. До полученія новаго мѣста ему надо жить, а для этого надобно что-нибудь работать; но безъ свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы онъ не имѣетъ права взять никакой работы къ себѣ на домъ, а платить 2 рубля 50 коп. было бы слишкомъ дорого, если онъ беретъ работу только временно. Если подобный законъ не вызываетъ еще очень гибельныхъ послѣдствій, то это только потому, что наблюденіе за его исполненіемъ чрезвычайно затруднительно, въ особенности въ большихъ городахъ; но еслибъ исполненіе закона было вполнѣ обезпечено, то я не могу себѣ и представить всѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти для нашихъ мелкихъ ремесленниковъ.

Когда встрѣчаешься съ подобными аномаліями въ законодательствѣ, то невольно приходитъ въ голову мысль: для чего нашимъ городамъ дано представительство, а ихъ представителямъ право ходатайства, если никто изъ нихъ до сего времени не замѣтилъ всю несправедливость подобнаго налога и весь вредъ, который такимъ образомъ наносится тѣмъ изъ горожанъ, которые, повидимому, всего болѣе нуждаются въ заботѣ гг. представителей города? Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ объ этомъ налогѣ никогда не возникалъ ни въ одной думѣ, и я убѣжденъ, что одна постановка этого вопроса необходимо повела бы къ отмѣнѣ налога, такъ какъ сумма, приносимая имъ, не имѣетъ ровно никакого значенія и только напрасно затрудняетъ счеты казначействъ, казенныхъ и контрольныхъ палатъ, а также центральныхъ учрежденій правительства. Судя по вѣдомости, приложенной къ смѣтѣ департамента торговли и мануфактуръ на 1882 годъ, дохода съ этихъ свидѣтельствъ въ 1880 году поступило около 160.000 руб., изъ которыхъ нужно еще отнести сколько-нибудь на издержки взиманія, на счетоводство и на контроль. Такая мелочная сумма не можетъ считаться необходимой для го-

сударственнаго казначейства, въ особенности въ виду того обстоятельства, что существованіе подобнаго сбора есть нарушеніе основнаго принципа справедливости.

То же, или почти то же, слѣдуетъ сказать и о налогѣ на прикащичьи свидѣтельства. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ налогъ вовсе не есть налогъ на торговлю, а просто налогъ на право труда, конечно, менѣе обременительный, нежели налогъ на мѣщанскіе промыслы, но такъ же несправедливый, въ особенности если сравнить его съ тѣми платежами, которые возложены на свидѣтельства 1-й гильдіи. Передо мною упомянутая выше вѣдомость департамента торговли и мануфактуръ о выданныхъ свидѣтельствахъ и билетахъ на право торговли. Изъ нея оказывается, что всѣ капиталы, принадлежащіе лицамъ, торгующимъ по первой гильдіи, которые, конечно, можно считать милліардами, заплатили въ казну за торговыя свидѣтельства въ 1880 году 982.975 руб. и по новому закону 1880 года декабря 16 сборъ этотъ возвысился на 769.625 рублей, такъ что нынѣшніе платежи ихъ составятъ 1.752.604 рублей, тогда какъ прикащики этихъ капиталистовъ, т.-е. лица, не имѣющія никакихъ капиталовъ и служащія по найму, заплатили за свои свидѣтельства въ 1880 году 1.690.730 руб., да по новому закону 1880 года на нихъ возложенъ дополнительный сборъ въ 410.550 руб., такъ что съ 1881 года они несутъ налогъ въ 2.101.280 руб., т.-е. изъ группы людей, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, наемные люди, получающіе плату за свой трудъ, платятъ въ государственный доходъ на 20% болѣе, чѣмъ капиталисты, за которыми остаются всѣ барыши. Отсюда ясно, что въ нашей финансовой системѣ принципъ обложенія труда не только остается дѣйствующимъ, но вводится даже и въ новое законодательство. Само собою разумѣется, что капиталисты могутъ этому только радоваться; но насколько это выгодно для государственнаго хозяйства, пусть поразмыслитъ о томъ читатель.

До сихъ поръ я говорилъ о томъ, насколько торговые сборы падаютъ прямо на трудъ въ его чистомъ видѣ и насколько это обложеніе неравномѣрно съ обложеніемъ капиталовъ. Но если анализировать обложеніе самой торговли, то и здѣсь можно встрѣтить ту же неравномѣрность и гораздо большее обремененіе мелкой торговли въ сравненіи съ крупной. Дѣло въ томъ, что законъ дѣлитъ торговлю на оптовую, розничную и мелочную. Первая предоставляется по свидѣтельствамъ первой гильдіи, за ко-

торыя платится 265 рублей основнаго сбора и дополнительнаго 39 руб. по закону 1874 года, да 235 руб. по закону 1880 года. Розничная торговля предоставляется по свидѣтельствамъ второй гильдіи, за которыя плата установлена по мѣстностямъ—отъ 65 руб. въ мѣстности 1-го класса до 25 руб. въ мѣстности 5-го класса; дополнительный же сборъ съ этихъ свидѣтельствъ установленъ по закону 1874 года, смотря по мѣстности, отъ 14 руб. до 5 руб. 50 коп. и по закону 1880 года отъ 35 руб. до 5 р. Наконецъ, для мелочной торговли установлены промысловыя свидѣтельства съ платою отъ 20 руб. въ мѣстности 1-го класса до 8 руб. въ мѣстности 5-го класса. Независимо отъ сего каждое отдѣльное торговое заведеніе оплачивается билетнымъ сборомъ, который различается какъ по роду свидѣтельствъ, такъ и по мѣстности—отъ 30 руб. до 2 руб.; по закону 1880 года введенъ еще дополнительный сборъ съ билетовъ по второй гильдіи, смотря по мѣстности, отъ 20 до 5 руб.

Несмотря на всю сложность подобнаго обложенія и запутанность возникающаго отсюда счетоводства и отчетности, оно вовсе не ведетъ къ равномѣрности. Начать съ того, что провести правильное разграниченіе между оптовой, розничной и мелочной торговлей въ законѣ положительно невозможно и тѣмъ менѣе возможно наблюсти за исполненіемъ этого закона на практикѣ. Всякій торговецъ, по отношенію къ торговцу болѣе крупному, можетъ быть названъ розничнымъ, а по отношенію къ болѣе мелкому—оптовымъ. Кому же не извѣстно, что наши гостинодворскіе торговцы, занимаясь розничною торговлей изъ своихъ лавокъ, отпускаютъ значительныя партіи товара на города и что покупщики этихъ товаровъ въ свою очередь продаютъ оптомъ товаръ въ сельскія и деревенскія лавки. Указать, когда торговецъ долженъ имѣть свидѣтельство первой гильдіи, если онъ не входитъ въ подряды съ казною болѣе 15.000 руб., или не обязывается векселями на эту сумму, положительно нѣтъ никакихъ средствъ. Къ тому же свидѣтельство второй гильдіи нисколько не стѣсняетъ его права обязываться векселями, такъ какъ онъ вмѣсто одного можетъ всегда выдать нѣсколько векселей. Такимъ образомъ всякій оптовый торговецъ, если только онъ ведетъ свои дѣла въ одной мѣстности и продаетъ товаръ также и въ розницу, можетъ торговать по свидѣтельству второй гильдіи. Точно также трудно понять, на чемъ основано различіе розничной торговли отъ мелочной. Правда, для послѣдней существуетъ два различныхъ роспи-

санія, изъ которыхъ по первому можно торговать въ гостиныхъ дворахъ, а по другому только въ мелочныхъ лавочкахъ внѣ гостиныхъ дворовъ; но если вы начнете сравнивать товары, помѣщенные въ этихъ двухъ росписаніяхъ, какъ между собою, такъ и со всѣми другими товарами, то вамъ рѣшительно трудно будетъ понять то различіе, которое между ними сдѣлано, въ особенности при раздѣленіи торговли на оптовую, розничную и мелочную. Приводить эти росписанія въ настоящей статьѣ было бы утомительно для читателя, но я считаю нужнымъ замѣтить, что въ росписаніи товаровъ, которыми можно торговать по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ въ мелочныхъ лавочкахъ, внѣ гостиныхъ дворовъ, помѣщены всѣ товары, которыми торгуютъ наши колоніальные магазины и многіе другіе. Сравнивая эти товары съ другими предметами розничной торговли, нельзя понять, почему для этихъ товаровъ нужно только свидѣтельство на мелочной торгъ, а для всѣхъ другихъ—гильдейское свидѣтельство. Тѣми и другими товарами можно торговать и въ огромныхъ размѣрахъ, и въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ. Въ первомъ случаѣ налогъ выручается барышомъ отъ какой-нибудь одной значительной сдѣлки, тогда какъ во второмъ весь барышъ торговца заключается въ заработной платѣ, которую онъ получаетъ за свой трудъ, такъ какъ весь товаръ въ его лавкѣ представляетъ ничтожную цѣнность и часто взятъ имъ въ кредитъ. Для того, чтобы вполнѣ уяснить мою мысль, приведу въ примѣръ двѣ крайности. Возьмемъ обороты Волжско-Камскаго банка, въ балансахъ котораго значится, что онъ получилъ въ теченіе прошлаго года болѣе 3 милл. рублей прибыли, и табачную лавочку въ томъ же домѣ, которая приноситъ дохода своему владѣльцу 500 руб. За свое гильдейское свидѣтельство банкъ уплатилъ 539 руб., да за билеты для всѣхъ отдѣленій 200 руб., итого 739 руб., а табачный торговецъ долженъ заплатить двадцать рублей за свидѣтельство и 10 руб. за билетъ. Банкъ заплатитъ поэтому 0,024% съ своего дохода, а табачный торговецъ 6%; если же обложить Волжско-Камскій банкъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ обложенъ табачный торговецъ, то съ него слѣдуетъ взимать не 739 руб., а 180.000 руб., и сумму эту для банка будетъ заплатить гораздо легче, чѣмъ для торговца 30 руб., такъ какъ за вычетомъ налога банку все еще останется много чистаго барыша, тогда какъ 500 рублями прибыли табачный торговецъ оплачиваетъ свой трудъ. Кромѣ того наша биржа не несетъ никакого налога, хотя производитъ ежедневно милліонные обороты.

Изъ сопоставленныхъ цифръ я вполнѣ убѣждаюсь, что наша торговля могла бы безъ всякаго обремененія выдержать значительный налогъ, способный вполнѣ замѣнить собою подушную подать, но для этого нужно совершенное измѣненіе самыхъ основаній обложенія. Петровская система дѣленія торговли по гильдіямъ и родамъ торговли должна быть положительно брошена, такъ какъ это дѣленіе не даетъ никакого понятія о размѣрахъ торговли. Само собою разумѣется, что наиболѣе правильнымъ основаніемъ для обложенія можетъ быть только количество оборотовъ; но дѣло въ томъ, что найти такіе признаки, по которымъ можно было бы судить даже приблизительно о количествѣ оборотовъ, едва ли возможно. Совершенство не есть удѣлъ человѣческихъ учрежденій, и если при настоящихъ условіяхъ общественной жизни точный учетъ торговыхъ операцій не представляется возможнымъ, тѣмъ не менѣе могутъ быть найдены нѣкоторые признаки, по которымъ классификація торговой промышленности можетъ быть установлена на основаніяхъ менѣе произвольныхъ, чѣмъ тѣ, которыми опредѣляется различіе между розничною торговлей по гильдейскому и промысловому свидѣтельству.

Прежде всего я думаю, что предметомъ обложенія должно быть не право лица, какъ въ гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствахъ, а самое торговое заведеніе, сколько бы таковыхъ ни имѣло извѣстное лицо. Различіе же между торговыми заведеніями должно быть опредѣлено на основаніи нѣкоторыхъ характеристическихъ признаковъ. Одинъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ различія между торговыми заведеніями есть, какъ я думаю, предметъ торговли; но для упрощенія задачи въ этомъ отношеніи слѣдовало бы принять только три класса товаровъ: предметы роскоши, предметы обыкновенныхъ потребностей достаточнаго класса и, наконецъ, предметы первой необходимости человѣка. При этомъ разница въ платежѣ сборовъ по этимъ тремъ категоріямъ должна быть очень значительная. Провести границы между тремя этими родами торговли, конечно, будетъ затруднительно, но все же гораздо легче, чѣмъ между предметами торговли по промысловымъ свидѣтельствамъ въ гостиныхъ дворахъ и внѣ оныхъ. По отношенію къ первымъ все-таки существуетъ извѣстный критерій, тогда какъ по отношенію къ послѣднимъ не существуетъ никакого. Другимъ такимъ признакомъ можетъ быть принята мѣстность, гдѣ находится торговое заведеніе. Этимъ признакомъ руководится отчасти и наше законодательство настоя-

щаго времени; но мнѣ кажется, что, помимо указанія въ законѣ различія по мѣстностямъ, нашимъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ должно быть предоставлено право установлять различіе по мѣстностямъ города или уѣзда и назначать различную плату для различныхъ мѣстностей, не выходя, разумѣется, изъ предѣловъ общей суммы сбора, слѣдующаго по числу всѣхъ торговыхъ заведеній той мѣстности, къ которой отнесенъ городъ или уѣздъ. Кромѣ того слѣдовало бы установить гораздо большую разницу по различію мѣстностей, нежели какая нынѣ существуетъ, такъ какъ эта разница имѣетъ на практикѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ какое придаетъ ей наше теперешнее законодательство. Наконецъ, третьимъ признакомъ различія торговыхъ заведеній слѣдовало бы принять пространство, занимаемое торговымъ помѣщеніемъ, а единицей обложенія—кубическую сажень этого пространства, возвышая плату по роду торговли и мѣстности. Что же касается банковыхъ операцій всѣхъ видовъ акціонерныхъ обществъ, маклерскихъ, коммиссіонныхъ или нотаріальныхъ конторъ, по которымъ установлена публичная отчетность, или вообще такихъ значительныхъ торговыхъ фирмъ, по которымъ отчетность можетъ быть провѣрена, то обложеніе таковыхъ сверхъ означеннаго сбора можетъ быть сдѣлано по количеству приносимаго ими дохода. Относительно же цифры обложенія замѣчу, что она должна быть опредѣлена въ виду практическихъ цѣлей и не можетъ быть предметомъ теоретическаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что, смотря по нуждамъ государственнаго казначейства, цифра этого обложенія могла бы повышаться безъ всякаго опасенія обременить самые источники государственнаго дохода, такъ какъ подобный налогъ упадаетъ прямо на доходы наиболѣе состоятельнаго класса людей и въ виду существующей въ торговлѣ конкуренціи не можетъ перелагаться на потребителя товаровъ. Что же касается биржевыхъ сдѣлокъ, то онѣ должны быть подчинены особому налогу, учетъ котораго при посредствѣ биржевыхъ маклеровъ очень возможенъ. Конечно, противъ изложенной мною системы обложенія торговаго промысла можно возразить очень многое и я вовсе не думаю утверждать, что въ такой системѣ нѣтъ недостатковъ; но мнѣ кажется, что ревизія торговыхъ заведеній при этомъ порядкѣ значительно облегчается и сумма поступленія можетъ быть значительно возвышена, тѣмъ болѣе, что съ развитіемъ торговыхъ операцій она можетъ повышаться безъ возвышенія нормы обложенія. При этомъ практика и опытъ дадутъ

впослѣдствіи средства къ дальнѣйшему усовершенствованію условій взиманія и будутъ постепенно вырабатывать данныя для опредѣленія дѣйствительной доходности этой промышленности. Собственный интересъ торгующаго класса будетъ приводить къ указанію этихъ данныхъ, если цифра обложенія не будетъ слишкомъ низка; настоящій же порядокъ вещей не можетъ давать никакихъ указаній въ этомъ отношеніи.

Налогъ на подобныхъ основаніяхъ можетъ быть увеличенъ значительно и въ силу того обстоятельства, что онъ будетъ ближе подходить къ налогу подоходному и не можетъ повліять на поступленіе другихъ доходовъ, что всегда сопровождаетъ повышеніе нормы обложенія въ косвенныхъ налогахъ. Подобное обстоятельство важно и въ томъ отношеніи, что оно будетъ совершенно согласно съ справедливостію, и вотъ на какомъ основаніи. Во время господства крѣпостныхъ порядковъ нашъ торгующій классъ юридически не пользовался крѣпостнымъ правомъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ это право не доставляло ему значительныхъ выгодъ. Напротивъ, я убѣжденъ, что едва ли не большая часть тѣхъ выгодъ, которыхъ лишался крестьянинъ, переходила въ карманы торговцевъ безъ всякой съ ихъ стороны платы. Помѣщикъ, обезпеченный даровымъ трудомъ, цѣнилъ этотъ трудъ довольно дешево и наши торговцы пользовались очень широко этою неразсчетливостью нашихъ баръ. Кому не извѣстны такіе факты изъ нашего помѣщичьяго быта, что стоило покупщику хлѣба прибавить 10 или 20 коп. лишняго на четверть, и хлѣбъ перевозился за сотни верстъ даровымъ крестьянскимъ трудомъ. Точно такъ же дешево перевозились помѣщиками лѣсные матеріалы для фабрикъ или продукты этихъ фабрикъ. Даровымъ же трудомъ починивались плотины на мельницахъ, арендуемыхъ купцами за дешевую цѣну, и т. д. Подобная эксплуатація помѣщичьихъ правъ со стороны нашего торгующаго класса совершалась во всѣхъ возможныхъ видахъ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, въ особенности когда торговецъ открывалъ кредитъ помѣщику, который въ большинствѣ случаевъ всегда нуждался въ деньгахъ.

Между тѣмъ при уничтоженіи крѣпостнаго права вся тяжесть прекращенія крѣпостныхъ порядковъ упала на помѣщиковъ и въ особенности на крестьянъ. Торгующій же классъ не только не былъ привлеченъ къ какимъ-либо жертвамъ, для устраненія этой разъѣдающей язвы нашего общественнаго организма, завѣщенной намъ исторіей, но онъ успѣлъ воспользоваться вторично

всѣми выгодами новаго переходнаго времени и до сихъ поръ пользуется этими выгодами, платя самый ничтожный, почти незамѣтный въ его доходахъ, налогъ въ пользу государства. Пользуясь наличными капиталами, пріобрѣтенными при содѣйствіи крѣпостнаго права, наше купечество скупало по дешевымъ цѣнамъ выкупныя бумаги, которыя стояли въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ по 70%, затѣмъ стало покупать земли также по дешевымъ цѣнамъ. Конечно, въ этомъ случаѣ главною причиной была неразсчетливость помѣщиковъ, но тѣмъ не менѣе выгодами переходнаго времени воспользовался классъ людей, обладавшихъ капиталами. Наконецъ, съ прекращеніемъ крѣпостныхъ порядковъ, въ нашей финансовой администраціи установилось мнѣніе, что благосостояніе Россіи можетъ развиться только съ развитіемъ торговли, и потому вся финансовая политика была направлена къ этой цѣли. Учрежденіе государственнаго банка и постепенное разширеніе его операцій открытіемъ его конторъ и отдѣленій во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ центрахъ торговой дѣятельности создали широкій кредитъ нашему торговому классу, и притомъ *исключительно ему*. Производительная дѣятельность всѣхъ остальныхъ классовъ какъ бы не существовала для государственнаго банка. Подобная практика установилась вслѣдствіе того, что вначалѣ только одно купечество имѣло право обязываться векселями и потому въ члены учетныхъ комитетовъ приглашались лица исключительно изъ среды купечества. Когда же это право предоставлено было всѣмъ сословіямъ, рутина все-таки удержала прежній порядокъ. При томъ низкомъ уровнѣ образованія, на которомъ стоитъ нашъ торгующій классъ, въ средѣ учетныхъ комитетовъ не могъ установиться широкій взглядъ на задачи государственнаго банка, состоявшія въ томъ, чтобъ оказывать содѣйствіе всякой промышленности, а не одной только торговлѣ. Напротивъ того, недостатокъ пониманія дѣйствительныхъ государственныхъ интересовъ въ связи съ эгоистическимъ стремленіемъ удержать монополію государственнаго кредита въ пользу только одного торгующаго класса установили такую практику, вслѣдствіе которой какъ векселедатели, такъ и бланконадписатели должны были принадлежать къ тому же торгующему классу, чтобы вексель могъ быть принятъ къ учету. Дѣйствительные же производители цѣнностей, если они не принадлежали къ купеческому сословію, могли добиться кредита въ государственномъ банкѣ только при значительныхъ связяхъ, и притомъ очень рѣдко. Такимъ образомъ про-

изводители цѣнностей, не имѣя кредита въ государственномъ банкѣ ни какъ векселедатели, ни какъ бланконадписатели, должны были затрачивать постоянно наличныя деньги не только на рабочую силу, но и на всѣ другія потребности производства, и въ свою очередь не могли кредитовать своихъ покупателей, а должны были продавать свои продукты за наличный разсчетъ. Такой порядокъ вещей создавалъ громадныя выгоды для торгующаго класса и отдавалъ совершенно на его произволъ огромное большинство производителей. Послѣдніе, нуждаясь въ кредитѣ, должны были переплачивать при покупкѣ матеріаловъ и терять при продажѣ за наличный разсчетъ. Учрежденіе частныхъ и общественныхъ банковъ, а также обществъ взаимнаго кредита, размножившихся до излишества, очень мало поправило дѣло, такъ какъ эти кредитныя учрежденія придерживались той же практики, и не могли ея не придерживаться: всѣ ихъ обороты основаны на переучетѣ векселей въ томъ же государственномъ банкѣ. Мудрено ли, что у насъ торговая дѣятельность поглощала всѣ капиталы и ихъ вовсе не находилось для развитія производства, которое за отсутствіемъ кредита часто должно было нести значительныя потери, а нерѣдко и вовсе прекращаться. Такое положеніе нашей производительности очень понятно, если вспомнить, что торгующій классъ, накопляя въ своей средѣ капиталы, очень рѣдко рѣшается на затраты ихъ въ производство, которое требуетъ извѣстныхъ знаній и предпріимчивости, а при низкомъ уровнѣ образованія у него не оказывается ни того, ни другаго. При свободныхъ средствахъ люди этого сорта помѣщаютъ ихъ въ процентныхъ займахъ правительства и скорѣе идутъ на биржевую игру, чѣмъ затратятъ ихъ на какое-либо производительное употребленіе. Практика подтверждаетъ это мнѣніе ежедневными фактами. Въ государственномъ банкѣ находится на храненіи процентныхъ бумагъ на цѣлый милліардъ рублей; частные банки дѣлаютъ громадныя ссуды подъ залогъ разнаго рода бумагъ,—ссуды, которыя идутъ также на покупку бумагъ,—а наши производительныя силы лежатъ нетронутыми за отсутствіемъ капиталовъ.

Но государственный банкъ расширялъ кредитъ нашихъ торговцевъ не только путемъ обыкновенныхъ кредитныхъ операцій, но употреблялъ для этого такія средства, которыя, дѣйствуя раззорительно на все народное хозяйство, соотвѣтствовали только интересамъ гг. Колупаевыхъ и Разуваевыхъ: онъ выпускалъ не-

ріодически собственно для этой цѣли кредитные билеты, увеличивая количество ихъ въ обращеніи въ такое время, когда уборка хлѣба создавала новыя цѣнности, способныя сдѣлаться предметомъ торговли, и затѣмъ извлекалъ ихъ вновь изъ обращенія. Такимъ образомъ онъ производилъ періодическія колебанія цѣнъ на хлѣбъ. Такіе періодическіе выпуски и изъятія изъ обращенія денежныхъ знаковъ на банковскомъ языкѣ именуются регулированіемъ денежнаго обращенія, будто бы необходимымъ въ интересахъ всей вообще промышленности. Съ такимъ мнѣніемъ я согласиться не могу, такъ какъ такое регулированіе всегда зависитъ отъ произвола распорядителей кредитомъ, а они очень могутъ ошибиться въ размѣрахъ необходимости усиленія и сжатія денежнаго обращенія. Конечно, я не буду утверждать, что эти колебанія хлѣбныхъ цѣнъ создавались государственнымъ банкомъ сознательно; но что таковы были послѣдствія его системы, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Эти колебанія естественно должны были наступать всегда нѣсколькими мѣсяцами позднѣе выпуска и извлеченія кредитныхъ билетовъ, такъ что ко времени продажи собранной жатвы сдѣланное извлеченіе денежныхъ знаковъ оказывало свое дѣйствіе пониженіемъ цѣнъ; выпускъ же кредитныхъ билетовъ, совпадая съ уборкою хлѣба, могъ вліять на возвышеніе цѣнъ не ранѣе начала новаго года, т. е. когда большая часть продажъ уже совершилась. Такимъ образомъ на пониженіе цѣнъ осенняго времени вліяли два обстоятельства—и обиліе хлѣба вслѣдствіе новаго урожая, и сокращеніе денежнаго обращенія. Въ началѣ же новаго года на возвышеніе цѣнъ его имѣли вліяніе также два фактора: увеличеніе спроса со стороны того населенія, которое не имѣетъ достаточнаго количества хлѣба на свое продовольствіе, и обиліе денежныхъ знаковъ на рынкѣ. Изъ этого видно, что къ естественнымъ факторамъ колебанія цѣнъ присоединялся еще искуственный, въ видѣ такъ-называемаго регулированія денежнаго обращенія, который склонялъ установленіе цѣнъ въ пользу торговцевъ.

Наши желѣзныя дороги предоставили также громадныя выгоды торгующему классу. Можно сказать, что ни одинъ классъ нашего населенія не извлекъ изъ желѣзной дороги такой пользы, какъ купечество. При лихорадочной ихъ постройкѣ, подряды, поставки, даже наемъ рабочихъ людей доставили купечеству громадные капиталы. Затѣмъ какъ скоро линіи были окончены, то разница, существовавшая въ цѣнахъ товаровъ между вновь со-

единенными пунктами, дала возможность торгующему классу получать значительные барыши, до тѣхъ поръ, пока конкуренція понизила ихъ до существующихъ размѣровъ. Наша таможенная система даетъ также возможность торгующему классу наживаться на счетъ потребителей. Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ съ 1869 года, установленіе сбора ихъ въ металлической валютѣ съ 1877 года и послѣдняя прибавка 10% съ 1881 года дали поводъ лицамъ, торгующимъ заграничными товарами, получать громадные барыши. Цѣны заграничныхъ предметовъ повышаются въ цѣнѣ тотчасъ, какъ сдѣлается извѣстнымъ о возвышеніи пошлины, хотя бы товаръ былъ оплаченъ прежнею пошлиной. Къ тому же при всякомъ возвышеніи за нѣсколько времени впередъ объявляется, съ котораго дня начинается оплата по увеличенной цѣнѣ, такъ что торговыя фирмы всегда имѣютъ возможность оплатить по прежнимъ правиламъ значительное количество товаровъ, находящихся въ складахъ таможни, и даже выписать ихъ вновь. Потребители же всегда платятъ уже возвышенныя цѣны и это возвышеніе всегда бываетъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ увеличился налогъ.

Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія постояннаго возвышенія акциза съ вина и патентнаго сбора. Эти мѣропріятія періодически создавали для нашихъ винныхъ торговцевъ возможность эксплуатировать населеніе безпощаднымъ образомъ. За каждымъ повышеніемъ акциза немедленно слѣдовало возвышеніе цѣнъ на вино, хотя взиманіе акциза въ повышенномъ размѣрѣ всегда начиналось нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Вычислить тѣ милліоны, которые такимъ образомъ перешли изъ рукъ трудящагося населенія въ руки складчиковъ, конечно, нѣтъ никакой возможности. Что же касается увеличенія цѣны патентовъ до нынѣшнихъ размѣровъ, то оно создало монополію въ пользу складчиковъ, которые одни въ настоящее время могутъ держать кабаки и возвышать цѣну вина по произволу.

Всѣ эти обстоятельства создаютъ для нашего торгующаго класса богатую почву, изъ которой онъ можетъ черпать широкою рукой при самомъ ничтожномъ обложеніи. Имѣя же въ виду, во-первыхъ, что отъ этого класса общества не было потребовано никакихъ жертвъ въ видахъ устраненія завѣщаннаго намъ исторіей крѣпостнаго права, выгодами котораго онъ однако-жь пользовался, и, во-вторыхъ, что развитіе земскихъ расходовъ падало на другіе классы и не коснулось его кармановъ, такъ какъ

съ самаго введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ купечество вносило одинъ и тотъ же сборъ,—я думаю, что переложеніе подушной подати всецѣло на сборъ за право торговли было бы мѣрою совершенно справедливою и нисколько не обременительною, даже при томъ условіи, если мелкая торговля будетъ оставлена при прежнемъ обложеніи, а сборы, имѣющіе характеръ налога на право труда, будутъ совершенно уничтожены.

Сравнивая обѣ статьи нашихъ прямыхъ налоговъ, т. е. относительное значеніе цифръ ихъ поступленія и состоятельность плательщиковъ, невольно удивляешься, какъ непропорціонально распредѣляется бремя податной тягости. Наша торговля, владѣющая милліардами, оплачиваетъ не болѣе $^1/_7$ части изъ 138 мил. суммы этихъ налоговъ, а частное землевладѣніе, взятое во всей его совокупности, несетъ не болѣе $^1/_{40}$ части этихъ налоговъ, вся же остальная сумма падаетъ на самый несостоятельный классъ народа.

Въ виду этихъ фактовъ, нельзя не пожелать скорѣйшей реформы нашихъ прямыхъ налоговъ, такъ какъ безъ нея врядъ ли удастся улучшить наше финансовое положеніе.

А. Головачевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ разсказовъ Генрика Сенкевича.

(Переводъ съ польскаго.)

ЯНКО МУЗЫКАНТЪ.

Родился онъ на свѣтъ хилымъ, слабымъ. Сосѣдки, собравшіяся при ложѣ родильницы, кивали головами и надъ матерью, и надъ ребенкомъ. Кузнечиха Шиманова, самая мудрая изъ нихъ, начала утѣшать больную:

— Дай-ка,—сказала,—я запалю надъ тобой громницу *). Ужь изъ тебя, кума, ничего не будетъ; тебѣ на тотъ свѣтъ снаряжаться нужно и за батюшкой послать, чтобъ онъ грѣхи твои отпустилъ.

— А мальчишку-то,—сказала другая,—нужно сейчасъ окрестить. Онъ и батюшки не дождется. Хорошо, хоть нехристемъ не умретъ.

Сказавши это, она зажгла громницу, потомъ, взявши ребенка, покропила его водой, отчего онъ началъ зажмуривать глаза, и сказала наконецъ:

— Крещу тебя во имя Отца и Сына и Духа Святаго и даю тебѣ имя Яна, и теперь, душа христіанская, иди, откуда пришла. Аминь!

Но душа христіанская вовсе не имѣла охоты идти, откуда пришла, и оставить худенькое тѣльце,—напротивъ, начала дрыгать ногами этого тѣла, какъ могла, и плакать, хотя такъ слабо и жалостно, какъ будто хотѣла сказать кумамъ: «что это вы тутъ нагородили!»

Послали за ксендзомъ. Пріѣхалъ, сдѣлалъ что нужно и уѣхалъ. Больной сдѣлалось лучше. Черезъ недѣлю баба вышла на ра-

*) Освященная восковая свѣча.

боту. Мальчишка еле пищалъ, но все-таки пищалъ, и кое-какъ достигъ до десятаго года жизни.

Былъ онъ худой и загорѣлый, съ раздутымъ животомъ и ввалившимися щеками; волосы льняные, почти бѣлые, падали на свѣтлые, вытаращенные глаза, смотрѣвшіе на свѣтъ какъ будто куда-то въ неизмѣримое пространство. Зимою онъ сидѣлъ за печкой и тихонько плакалъ отъ холода, а часомъ и съ голода, когда у мамы нечего было ни въ печь поставить, ни въ горшокъ положить; лѣтомъ ходилъ въ рубашкѣ, подпоясанной какимъ-то обрывкомъ, и въ соломенной шляпѣ, изъ-за полей которой выглядывалъ, задирая, какъ птица, голову къ верху.

Мать, бѣдная работница, жившая со дня на день, какъ ласточка, подъ чужою крышей, можетъ-быть и любила его по-своему, но била часто и всегда называла «подкидышемъ». Въ восемь лѣтъ Янъ былъ уже подпаскомъ, или, когда въ избѣ ѣсть было нечего, ходилъ въ лѣсъ за грибами. Какъ его тамъ волки не съѣли, это Богу одному извѣстно.

Это былъ робкій мальчикъ и, какъ всѣ крестьянскія дѣти, вѣчно, при разговорѣ съ посторонними, засовывалъ кулакъ въ ротъ. Никто не разсчитывалъ, что онъ выростетъ, а еще меньше, что мать добьется отъ него какого-либо толку, — къ работѣ у него не было способностей.

Не извѣстно, какъ это вышло, только къ одному у него большая охота: это—къ музыкѣ. Вездѣ онъ слышалъ ее и какъ только чуть подросъ, такъ ужь о другомъ и не думалъ. Пойдетъ, бывало, въ лѣсъ за скотиной или съ корзиной за ягодами, но только вернется безъ ягодъ и скажетъ, картавя:

— Мамка, такъ въ лѣсу что-то «играло»—ой, ой!

А мамка ему:

— Я вотъ тебѣ поиграю! Узнаешь ты меня...—И задаетъ ему музыку уполовникомъ. Малый кричалъ, обѣщался, что больше не будетъ, а самъ все думалъ, что тамъ что-то въ лѣсу играло... Что? Развѣ онъ зналъ это?... Сосны, буки, березы, клены—все играло, цѣлый лѣсъ—и баста!...

И эхо тоже... Въ полѣ играла ему былинка, въ садикѣ близъ хижины чирикали воробьи, такъ, что вишни тряслись. Вечеромъ прислушивался онъ ко всѣмъ голосамъ, идущимъ изъ деревни, и думалъ, что вся деревня играетъ. Когда посылали его на работу, разметывать навозъ, то у него и вѣтеръ въ вилахъ игралъ.

Разъ его, когда онъ стоялъ съ растрепавшимися волосами и слушалъ, какъ играетъ вѣтеръ въ деревянныхъ вилахъ, замѣтилъ надсмотрщикъ,—замѣтилъ и, снявши свой поясъ, задалъ ему на память... И все это понапрасну. Люди его называли «Янко музыкантъ!» Весной убѣгалъ онъ изъ дому дѣлать дудки возлѣ ручья. Ночью, когда лягушки начинали квакать, дятелъ долбить, когда пѣтухи кричали, усѣвшись на плетняхъ, онъ спать не могъ, все слушалъ, и Богъ вѣсть, какую гармонію слышалъ онъ во всемъ этомъ. Мать его даже въ костелъ брать не могла, потому что, какъ бывало зазвучитъ органъ и раздастся хоръ сладостныхъ голосовъ, глаза ребенка покрывались мглой, какъ будто смотрѣли съ того свѣта...

Сторожъ, что ходилъ ночью по деревнѣ и, чтобы не заснуть, считалъ звѣзды въ небѣ, либо потихоньку разговаривалъ съ собаками, не разъ видалъ бѣлую рубаху Яна, въ темнотѣ пробиравшагося къ корчмѣ. Но мальчикъ ходилъ не въ корчму, а подъ корчму. Тамъ, притаившись подъ стѣною, онъ слушалъ. Люди танцевали «обертасъ» и иногда какой-нибудь парень выкрикивалъ: «У—га!»

Слышны были то топотъ обуви, то снова голоса дѣвушекъ: «Ну, что-жь!» Скрипки тихо пѣли: «Будемъ ѣсть, будемъ пить, будемъ веселиться», а контрбасъ низкимъ голосомъ вторилъ съ достоинствомъ: «Какъ Богъ далъ, какъ Богъ далъ!» Окна горѣли огнемъ; каждая балка въ корчмѣ, казалось, двигалась, пѣла и играла, а Янко все слушалъ...

Чего бы онъ не далъ за скрипку, что такъ тонко играла: «Будемъ ѣсть, будемъ пить, будемъ веселиться!» Такія дощечки поющія... Откуда ихъ достаютъ? Кто ихъ дѣлаетъ? Хоть бы ему по крайней мѣрѣ разъ дали въ руки взять что-нибудь такое!... Гдѣ тамъ! Ему можно было только слушать, да и слушать-то до тѣхъ поръ, пока не раздавался голосъ сторожа:

— Домой не пора ли, чертёнокъ?

Онъ тотчасъ же убѣгалъ на своихъ босыхъ ногахъ, а его настигалъ въ темнотѣ голосъ скрипокъ: «Будемъ ѣсть, будемъ пить, будемъ веселиться!»—и важный тонъ контрбаса: «Какъ Богъ далъ, какъ Богъ далъ, какъ Богъ далъ!»

Для него былъ большой праздникъ, когда онъ могъ слышать скрипку, будь это на свадьбѣ или на «дожинкахъ». Потомъ онъ залѣзалъ на печь и цѣлые дни молчалъ, какъ котъ, поглядывая блестящими въ темнотѣ глазами. Потомъ онъ самъ сдѣлалъ себѣ

скрипку изъ лубка и конскаго волоса, только она не хотѣла играть такъ хорошо, какъ въ корчмѣ: бренчала тихо, очень тихонько, почти какъ муха либо комаръ. Однако онъ игралъ на ней съ утра до вечера, хотя за это ему такъ доставалось, что въ концѣ концовъ онъ смахивалъ на обитое недозрѣлое яблоко. Но ужь это натура у него такая была. Мальчикъ худѣлъ все больше и больше, только животъ не измѣнялся, волосы дѣлались все гуще, а глаза болѣе открытыми, хотя чаще полными слезъ, щеки и грудь впадали все глубже и глубже...

Собственно онъ былъ похожъ не на другихъ дѣтей, а скорѣй на свою скрипку изъ лубка, что едва бренчала. Притомъ предъ новымъ хлѣбомъ онъ почти умиралъ съ голоду, такъ какъ питался сырой морковью да жаждой обладанія скрипкой.

Эта жажда не привела его къ добру.

Лакей въ панскомъ домѣ обладалъ скрипкой и иногда игралъ на ней вечернею порой, чтобы понравиться паннѣ горничной. Янко иногда пропелзалъ между лопухами къ самымъ открытымъ дверямъ буфетной, чтобы получше разглядѣть скрипку. Она висѣла на стѣнѣ, противъ двери, и туда мальчикъ жадно смотрѣлъ на недосягаемую для него святыню, до которой грѣхъ даже прикоснуться. Однако онъ страстно желалъ этого. Хоть бы разъ взять въ руки, по крайней мѣрѣ разсмотрѣть хорошенько.... Бѣдное маленькое сердце дрожало отъ радости при этой мысли.

Однажды буфетная была пуста. Господа давно жили за границей, домъ стоялъ необитаемымъ, а лакей сидѣлъ на другой сторонѣ дома у панны горничной. Янко, притаившійся въ лопухахъ, давно уже глядѣлъ черезъ открытую дверь на цѣль всѣхъ своихъ желаній. Полная луна искоса свѣтила въ окно буфетной, вырисовывая его на противоположной стѣнѣ въ видѣ большаго квадрата. Квадратъ этотъ потихоньку подползалъ къ скрипкѣ и, наконецъ, совершенно освѣтилъ ее. Теперь, казалось, отъ нея струится серебристый свѣтъ. Особенно сильно были освѣщены выпуклыя части, такъ сильно, что Янко смотрѣть не могъ на нее. Въ этомъ блескѣ все было отлично видно: вогнутые бока, струны и ручка. Колки на ней свѣтились какъ свѣтляки въ Иванову ночь, а вдоль свѣшивался, какъ серебряный прутъ, смычокъ. Ахъ, все это было такъ хорошо, почти фантастически! Янко смотрѣлъ все съ большею жадностью. Спрятавшись въ лопухахъ, съ локтями, опертыми на худыя колѣна, съ открытымъ ртомъ, онъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ... То страхъ удерживалъ его на мѣстѣ, то

какая-то необоримая сила толкала впередъ. Колдовство это, что ли?... Только освѣщенная скрипка, казалась, иногда приближалась, плыла къ ребенку... Иногда она померкала, чтобы снова разгорѣться еще сильнѣй. Колдовство, конечно, колдовство!... Въ это время подулъ вѣтеръ, тихо зашумѣли деревья, зашуршали лопухи и Янко ясно услышалъ:

— Иди Янко,—въ буфетной никого нѣтъ!... Иди, Янко!

Ночь была свѣтлая, свѣтлая. Въ саду, надъ прудомъ, запѣлъ соловей и щелкалъ то тише, то громче: «Иди, ступай, возьми!» Почтенная сова тихо пролетѣла надъ головой ребенка и крикнула: «Янко, нѣтъ, нѣтъ!» Но сова улетѣла, а соловей остался, да и лопухи все яснѣе шептали: «Тамъ никого нѣтъ»... Скрипка разгорѣлась снова.

Бѣдная, маленькая фигурка медленно и осторожно двинулась впередъ, а соловей тихонько свисталъ: Иди, ступай, возьми!»

Бѣлая рубашка подвигалась все ближе къ двери буфетной. Теперь ужь ее не скрываютъ черные лопухи. На порогѣ буфетной слышно учащенное дыханіе больной дѣтской груди. Еще минута, бѣлая рубашка исчезла и только босая нога остается за порогомъ. Напрасно, совушка, ты пролетаешь еще разъ и кричишь: «нѣтъ, нѣтъ»,—Янко уже въ буфетной.

Заквакали тотчасъ огромныя лягушки въ болотѣ, какъ будто испуганныя, но потомъ утихли. Соловей пересталъ щелкать, лопухи шептаться. Въ это время Янко тихо ползъ, а страхъ забиралъ его все больше и больше. Въ лопухахъ-то онъ чувствовалъ себя какъ дома, а теперь былъ какъ дикій звѣренокъ въ капканѣ. Движенія его стали рѣзки, дыханіе ускоренное и свистящее, притомъ его совершенно поглотила темнота. Тихая лѣтняя зарница, пролетѣвшая между восходомъ и закатомъ, разъ еще освѣтила внутренность буфетной и Янко на четверенькахъ передъ скрипкой, съ головою задранной кверху. Но молнія угасла, мѣсяцъ спрятался за облачко и ничего уже не было ни видать, ни слыхать.

Чрезъ минуту въ темнотѣ раздался звукъ тихій и грустный, какъ будто кто-то неосторожно дотронулся до струнъ, и вдругъ... какой-то грубый, заспанный голосъ, выходящій изъ угла, гнѣвно спросилъ:

— Кто тамъ?

Янко затаилъ дыханіе, но грубый голосъ спросилъ вторично:

— Кто тамъ?

Спичка начала зажигаться объ стѣну, сдѣлалось свѣтло, а потомъ... О, Боже! слышны ругательства, побои, дѣтскій плачъ, крики: «О, ради Бога!»,—лай псовъ, бѣготня свѣчекъ въ окнахъ, крикъ въ цѣломъ домѣ... На другой день бѣдный Янко стоялъ уже предъ судомъ у войта.

Должны были судить его тамъ какъ злодѣя?—Навѣрно. Посмотрѣли на него войтъ и судьи, какъ онъ стоялъ передъ ними съ пальцемъ во рту, съ вытаращенными, испуганными глазами, маленькій, худой, избитый, незнающій, гдѣ онъ и чего отъ него хотятъ... Какъ тутъ равсудишь, тѣмъ болѣе, что ему всего только десять лѣтъ и на ногахъ едва стоитъ... Въ тюрьму его упрятать, или еще что сдѣлать?... Все-таки нужно хоть капплю милосердія имѣть. Пусть его возьметъ сторожъ, пусть его высѣчетъ, дабы въ другой разъ не бралъ—и дѣло съ концомъ.

Позвали Стаха, что былъ сторожемъ:

— Возьми-ка его и дай ему на память.

Стахъ кивнулъ своею глуповатою, звѣрскою головой, взялъ Янка подъ мышку, какъ какого-нибудь котенка, и вынесъ къ сараю. Ребенокъ или не понималъ, что дѣлается, или былъ перепуганъ, только не отозвался ни словомъ, смотрѣлъ только, какъ смотритъ пойманная птица. Да развѣ онъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлаютъ? И какъ только взялъ Стахъ и растянулъ его въ сараѣ на землѣ и, заворотивши рубашку, махнулъ сплеча, такъ только Янко крикнулъ: «Мама!...» И что его сторожъ розгой, то онъ: «Мама, мама!»—но все тише и тише, слабѣй и слабѣй, и на какомъ-то ударѣ ребенокъ умолкъ и не звалъ уже мамы...

Бѣдная, разбитая скрипка!...

Эхъ ты, глупый, злой Стахъ! кто такъ дѣтей бьетъ? И такъ онъ былъ такой маленькій, слабый, всегда еле дышалъ...

Пришла мать взять мальчика и принуждена была отнести его на рукахъ... На другой день ужь не всталъ Янко, а на третій, вечеромъ, умиралъ спокойно на войлокѣ подъ одѣяломъ.

Ласточки щебетали въ черешнѣ, росшей близъ хижины, солнечный лучъ врывался въ окно и обливалъ золотистымъ свѣтомъ растрепанную дѣтскую головку и лицо безъ малѣйшей кровинки. Этотъ лучъ былъ какъ бы дорогой, по которой отойдетъ маленькая дѣтская душа. Хорошо, что хоть въ минуту смерти виднѣлась такая широкая, солнечная дорога,—жизнь была узенькой, тернистою тропинкой. Теперь ввалившаяся грудь еще колыхалась дыханіемъ, а дѣтское лицо какъ бы вслушивалось въ доходившіе чрезъ

открытое окно оттолоски деревни. Былъ вечеръ. Дѣвчины, возвращавшіяся съ сѣнокоса, пѣли: «Ой, на зеленой на лужайкѣ», а отъ ручья доносились звуки дудки. Янко вслушивался въ послѣдній разъ, какъ деревня играетъ.... На одѣялѣ передъ нимъ лежала его лубочная скрипка.

Вдругъ лицо умирающаго ребенка прояснилось и дрожавшія губы прошептали:

— Мама!...

— Что, сынокъ?—отозвалась мать, которую душили слезы...

— Мама! Богъ дастъ мнѣ въ небѣ настоящую скрипку?

— Дастъ, сынокъ, дастъ!—отвѣтила мать; но больше сказать ничего не могла: ея, твердая доселѣ, грудь разрывалась отъ увеличивающагося горя. Она могла только простонать: «О, Іисусъ, Іисусъ!»,—упала лицомъ на сундукъ и зарыдала, словно безумная, или какъ человѣкъ, видящій, что не отниметъ у неумолимой смерти дорогое существо...

Не отняла и она... Поднявши голову, она снова посмотрѣла на Янка; глаза маленькаго музыканта были открыты и неподвижны, лицо серьезно, грустно и вытянуто. Солнечный лучъ тоже исчезъ.

Миръ тебѣ, Янко!

На другой день пріѣхали господа изъ Италіи, пріѣхала панна и кавалеръ, который ухаживалъ за ней. Кавалеръ сказалъ:

— Quel beau pays que l'Italie!

— И что за музыкальный народъ! On est heureux de chercher la-bas des talents et de les protéger...—прибавила панна.

Надъ Янкомъ шумѣли березы...

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

Въ жизни литератора происходитъ много случаевъ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ, какъ смерть, отъ которой мы спѣшимъ себя застраховать въ нашихъ страховыхъ обществахъ.

Но еслибы кто-нибудь пришелъ ко мнѣ въ февралѣ и сказалъ мнѣ, что я въ концѣ марта проѣду Германію, Францію, все пространство Англіи, что я переплыву весной бурливый Атлантическій океанъ и, наконецъ, какъ птица на крыльяхъ перелечу громадное пространство великой дороги отъ Нью-Іорка до

С.-Франциско и отряхну прахъ моихъ подошвъ на берегахъ Тихаго океана,—я тому отвѣтилъ бы безъ сомнѣнія:

— Любезный! пишите статьи въ *Хронику*,—я все-таки вижу, что вашъ разсудокъ не отъ міра сего.

Очевидно, я сначала допустилъ бы, сначала повѣрилъ бы, что мнѣ дадутъ подписной обѣдъ, на которомъ l'abbé Вылязальскій скажетъ рѣчь въ мою честь и назоветъ меня благочестивѣйшей овцой изо всего своего стада; я повѣрилъ бы прежде, что антихристъ, какъ меня увѣряла одна изъ моихъ волынскихъ кузинъ, родился уже на свѣтъ; наконецъ, я повѣрилъ бы всему, только не моему путешествію въ Америку.

Но, однако, все это свершилось.

Однажды утромъ я пришелъ въ редакцію и, взявши въ руки одинъ изъ нашихъ журналовъ, сталъ читать его. Это было въ то время, когда мой очеркъ о матеряхъ-христіанкахъ снискалъ мнѣ такую симпатію въ нѣкоторыхъ сферахъ нашего общества, что я сталъ въ ихъ мнѣніи чѣмъ-то въ родѣ фельдмаршала всѣхъ адскихъ силъ. Отовсюду грозила мнѣ опасность: chevalièr Зеленогловскій, который уже не разъ взывалъ о карѣ для меня, о «шпагѣ своихъ отцовъ», чуть было не убилъ меня на дуэли, а не убилъ единственно потому, что не вызвалъ; графиня Пипи, какъ раненый голубь, издавала всегда un petit cri, какъ только видѣла мое имя въ какой-нибудь варшавской газетѣ; наконецъ, въ тиши ночной до меня каждый день достигали вопли благочестиваго негодованія «Kroniki Sobłonowskiéj».

Ахъ! не собачка пропала у нея, не зерно изъ чотокъ, ни одна овца не заблудилась въ лѣсу грѣховъ *Еженедѣльнаго Обозрѣнія*, а она все плакала, плакала, какъ та дѣвица, которая

Слушать вовсе не желала,
Лишь отчаянно рыдала:
Мой зеленый жбанъ
Вы разбили, панъ!

Увы! не могу сирыть, что причиной этого плача былъ я, или, лучше сказать, мой несчастный очеркъ о матеряхъ-христіанкахъ: это я разбилъ зеленый жбанъ, полный сладкой воды взаимнаго обожанія. Но, скажите, развѣ я зналъ, дѣлаютъ ли что матери-христіанки, или нѣтъ, все это для спасенія ихъ душъ? Не зналъ. Mea culpa, о которой я плачу даже въ Америкѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи вещей и въ томъ журналѣ, который я началъ читать вышеупомянутаго утра въ редакціи, я нашелъ статью, относящуюся ко мнѣ такъ же, какъ относилась извѣстная коза къ наклоненному дереву. Авторъ наибольшей (по размѣру) польской повѣсти взглянулъ à vol d'oiseau на общество и горько расплакался, потомъ, возсѣвши на свою пастырскую лодку, поплылъ по морю своихъ слезъ къ общественному мнѣнію и, взирая однимъ окомъ на Пруса *), другимъ на меня, взывалъ къ людямъ, что конецъ міру ужь близокъ, что апокалипсическіе змѣи не только стали пресмыкаться по свѣту, но и писать очерки, и что онъ (авторъ) первый сообщаетъ это въ своемъ журналѣ, подписка на который стóитъ въ Варшавѣ столько-то, въ провинціи столько-то, четверть столько, за мѣсяцъ столько, etc.

Я не настолько развратенъ, чтобы не сокрушаться о грѣхахъ,—меня объяло раскаяніе и я началъ считать грѣхи свои и своего коллеги Пруса.

Ахъ! реэстръ нашихъ грѣховъ былъ длиненъ, какъ «Баккалавры» Адама Плуга. Мы совращали людей организовывать пожарныя команды, школы, музеи, зоологическіе сады, общества, банки, регулированія береговъ Вислы—все, все, до ассенизаціи, канализаціи и сельско-хозяйственныхъ обществъ. Мы никому не давали покоя; мы разъѣзжали по комитетамъ, кричали о шоссейныхъ дорогахъ, нападали на невинныя пограничныя спекуляціи съ водкой, какъ будто фритредерская система не была выше протекціонизма; словомъ, мы обратили на себя вниманіе наиболѣе спокойныхъ жителей нашего края,—жителей, которые служатъ тормозомъ, недопускающимъ, чтобъ общественный возъ свалился въ пропасть,—тормозомъ настолько сильнымъ, что общественный возъ не только не разбивается на куски на неизвѣданныхъ путяхъ, но стоитъ на мѣстѣ, какъ будто для чести и славы шоссейнаго комитета увязъ въ грязи на шоссе подъ Варшавой.

Долго я размышлялъ такимъ образомъ, а горе и сокрушеніе все болѣе и болѣе овладѣвали моимъ сердцемъ, когда неожиданно я услышалъ свою фамилію, произнесенную въ редакціонной прихожей. Кто-то спрашивалъ швейцара, можно ли видѣться со мной.

— Великій Боже!—подумалъ я.—Навѣрно это какой-нибудь «chevalièr Зеленогловскій со шпагой своихъ отцовъ».

*) Извѣстный современный писатель польскій, Болеславъ Прусъ.

И объялъ меня страхъ передъ «шпагой отцовъ» кавалера Зеленогловскаго.

— Что-то будетъ, что-то будетъ?—повторялъ я.

Въ это время двери отворились. Въ редакцію вошелъ какой-то джентльменъ шести футовъ росту и съ великолѣпной свѣтлой бородой.

— Съ господиномъ Литвосомъ имѣю честь говорить?—спросилъ онъ у меня низкимъ басомъ, напоминающимъ львиное рычаніе.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ?—отвѣчалъ я съ любезною поспѣшностью, дѣлая сзади отчаянныя усилія руками, чтобы достать стоящую въ углу палку, которая какъ на грѣхъ тутъ же упала на полъ.

— Это вы пишете «нынѣшнее время?»

«Свершилось!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

— То-есть... собственно... Видите ли, иногда репортеры доставляютъ мнѣ ложныя свѣдѣнія... Но съ кѣмъ имѣю честь?...

— Я—Х., изъ Познани.

Я отдохнулъ, ибо никогда и ничего не писалъ о Познани.

— А! такъ вы изъ Познани?

— Совершенно вѣрно.

— Ахъ! Это меня невыразимо радуетъ.

— Видно, что вы не особенно долюбливаете варшавянъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Только безъ взаимности.

— Я пришелъ спросить у васъ, имѣете ли вы какія-нибудь сношенія съ Америкой?

— Не могу скрыть отъ васъ,—отвѣчалъ я, опустивъ глаза,—что наша газета насчитываетъ тамъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ.

— Даже тысячъ?

— О, да!... Между прочимъ и президентъ Грантъ внимательно слѣдитъ за нашей политикой.

— Я не интересуюсь такими важными особами. Я завтра выѣзжаю въ Соединенные Штаты и хотѣлъ бы попросить у васъ письмо къ г. Орэнъ. Вы, конечно, знаете г. Орэнъ?

— О, превосходно!... Вотъ ужь три года.

Собственно говоря, я читалъ всѣ письма Орэна, но его никогда въ жизни не видалъ.

— Вы говорите, что знаете его три года... Мнѣ кажется, что онъ какъ будто вотъ ужь четыре года какъ живетъ въ Америкѣ.

— Ахъ, да... Я ошибся... Я хотѣлъ сказать: шесть лѣтъ!

— Такъ, вотъ, я хотѣлъ просить васъ дать мнѣ письмо къ нему. Я имѣю намѣреніе купить тамъ кусокъ земли и поселиться. Моя жена слаба, ей нуженъ теплый климатъ, а тамъ, говорятъ, тепло.

— Какъ гдѣ... Вѣдь и въ Италіи тепло.

— Тепло, да дорого, въ то время какъ въ Америкѣ, говорятъ, землю даютъ даромъ, нужно только смотрѣть въ оба, какъ бы не одурачили,—народъ хитрый. Вотъ Орэнъ, какъ мѣстный житель, и скажетъ мнѣ, кому вѣрить и кому нѣтъ. При этомъ и говорить мнѣ съ нимъ легче будетъ, потому что по англійски-то я... не особенно.

— Хорошо, мы дадимъ вамъ письмо.

— А вы сами не собираетесь на выставку?

— Я? Постойте, постойте... Я еще не думалъ объ этомъ... Сейчасъ, сейчасъ... Поѣду, не поѣду,—не поѣду... поѣду... Такъ и есть, ѣду.

— Ну, въ такомъ случаѣ ѣдемте вмѣстѣ, — вдвоемъ все веселѣе.

— Который теперь часъ?

— Ровно полдень.

— Въ два я обѣдаю,—значитъ, у меня два часа для соображеній. Приходите обѣдать и найдете меня рѣшившимся на что-либо...

— Отлично!... До свиданія!

— До свиданія. Супругѣ вашей мое почтеніе!

Я остался одинъ.

Редакціонные часы хрипло пробили часъ, а я все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, раздумывая надъ своею поѣздкой, какъ Гамлетъ надъ своимъ «Быть или не быть». Но если я не поѣду, что я буду дѣлать здѣсь? Писать по ночамъ?... Вѣдь и въ Америкѣ можно писать также. Къ тому же докторъ запретилъ мнѣ ночныя занятія, а такъ какъ въ Америкѣ ночь тогда, когда у насъ день, то писать въ Америкѣ ночью — значитъ писать у насъ днемъ, или иначе: ѣхать въ Америку — значитъ исполнять предписанія своего доктора.

Дальше, если я поѣду, то не буду держать корректуръ своихъ произведеній или не буду ихъ читать. Это тоже что-нибудь да значитъ.

Наконецъ, что еще остается въ Варшавѣ? Жениться!... Ахъ, на пирамидахъ однажды я получилъ письмо, что *она* идетъ замужъ!... А потомъ этотъ «un petit cri» раненаго голубя, издаваемый графинею Пини при видѣ моей фамиліи, лишалъ меня всякой надежды. Наконецъ, я достаточно долго добивался высокаго положенія супруга, что же вышло?—Иногда мнѣ показывали легкіе знаки нѣкотораго расположенія, но не больше... Нѣтъ, вѣрно это не для меня, особенно благодаря этому проклятому очерку, послѣ котораго при воспоминаніи обо мнѣ всѣ благочестивыя матери-христіанки приходятъ въ такое негодованіе, какъ при воспоминаніи о змѣѣ, научившемъ Еву протянуть руку, сорвать яблоко, съѣсть самой и дать мужу своему.

Боже мой! училъ ли я когда-нибудь въ жизни хоть какую-нибудь Еву сорвать яблоко, съѣсть самой и въ особенности дать съѣсть мужу своему?... Однако, свершилось. «Совершившагося изъ вѣчности, — какъ говоритъ Деотима, — самъ Богъ не вызоветъ». Свершилось! Не женюсь никогда.

Ergo, что же мнѣ еще остается?... Имущество?—И его никогда не наживу. Долги?—Этихъ и такъ довольно... Послѣдній аргументъ окончательно убѣдилъ меня. Э, будь, что будетъ! Ѣду въ Америку.

Во всякомъ случаѣ я вѣдь не на вѣкъ уѣзжаю. Увижу моря, степи, города, новыхъ людей, мѣднокрасныхъ индѣйцевъ, стада дикихъ буйволовъ, медвѣдей, ягуаровъ, американскіе «humbug'и», притомъ, можетъ-быть, какая-нибудь миссъ ясновласая... Вопреки всеобщему мнѣнію, я всегда находилъ себя красивымъ.

Въ два часа я пошелъ обѣдать. Новый знакомецъ ждалъ уже меня.

— Ну, на чемъ вы остановились? — спросилъ онъ.

— Сначала съѣсть обѣдъ.

— Потомъ?

— Потомъ отправиться къ квартирному хозяину за полученіемъ свидѣтельства, что противъ моего отъѣзда ничего не имѣется. Наконецъ, выхлопотать паспортъ, представивъ удостовѣреніе, что всю жизнь былъ самымъ спокойнымъ человѣкомъ, который регулярнѣйшимъ образомъ платилъ бы повинности, еслибъ обладалъ недвижимостью, и который кромѣ нѣкоторыхъ стычекъ съ хозяиномъ не имѣлъ другихъ, можетъ-быть, потому, что не былъ женатъ.

— Вы скоро надѣетесь все это сдѣлать?

— Не знаю. Вы подождете меня?

— Хорошо. Только въ Бременѣ.

Послѣ этого разговора я дѣятельно началъ, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, хлопотать о паспортѣ. Человѣкъ выѣзжающій въ Америку считается у насъ рѣдкостью.

Да, я воображаю себѣ, что въ Луховскомъ уѣздѣ, съ которымъ я соединенъ многими связями, меня, по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца будутъ считать за уѣзднаго Фердинанда Кортеца. Мой покойный дѣдъ (упокой его, Боже, въ селеніяхъ праведныхъ!) одинъ разъ въ жизни былъ въ Пулавахъ и разъ въ Кролевцѣ и это послужило ему матеріаломъ для разсказовъ на всю жизнь. Теперь «прошли эти прекрасные дни въ Аранжуэцѣ» *); но Америка все-таки имѣетъ свою прелесть, поэтому на меня въ разныхъ учрежденіяхъ смотрѣли какъ на интересный зоологическій экземпляръ, мѣстами же предлагали вопросы, свидѣтельствующіе, что географія у насъ не принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ наукъ.

— Скажите, пожалуйста, вы моремъ намѣрены ѣхать въ Америку?

— По всей вѣроятности. Желѣзная дорога еще не кончена.

Благодаря Америкѣ и интересу, возбужденному ею въ нашихъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, я довольно скоро выхлопоталъ паспортъ. Осталось только визировать его у консула.

— Не нужно!—совѣтовалъ мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей.

Но я не оставилъ своего намѣренія. Какъ, неужели я лишу консульство удовольствія визировать первый, а можетъ-быть послѣдній паспортъ,—неужели я прегражу ему путь къ выполненію можетъ-быть единственнаго акта его общественной дѣятельности? Я отлично знаю, что за визу мнѣ придется платить, но знаю также, что еслибъ я уперся, то еще само консульство заплатило бы мнѣ за рѣдкую, предоставляемую ему мною, возможность. Я отправился къ консулу, котораго, къ счастью, нашелъ въ конторѣ.

— Моего секретаря нѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Потрудитесь придти въ три часа.

Я положилъ паспортъ въ карманъ.

— Очень жаль, — сказалъ я. — Я выѣзжаю въ два и долженъ буду обойтись безъ визы.

*) „Донъ-Карлосъ", Шиллера, актъ I, сцена I.

Прим. переводчика.

Мой собесѣдникъ поблѣднѣлъ.

Первая виза для консула это — первое длинное платье для подростка, первый пухъ на губахъ юноши, первая печатная статья для литературнаго эмбріона, первые эполеты для прапорщика, первый поцѣлуй и первое «люблю тебя» для пансіонерки.

А тутъ возможность этой визы была и — могла исчезнуть можетъ-быть навсегда.

— Милостивый государь, — сказалъ мнѣ консулъ, — я не буду ждать секретаря, — пусть его черти возьмутъ!... Дайте паспортъ, я визирую его самъ. Дайте скорѣе!

Я отдалъ паспортъ.

Мой собесѣдникъ вытащилъ изъ конторки громадный выдвижной ящикъ съ такимъ количествомъ печатей, штемпелей, облатокъ, сургучей, что всего этого достало бы на визированіе паспортовъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ.

Но, увы, каждый дебютъ, имѣя сладкіе моменты, имѣетъ и скверные! Не разъ, когда два мальчика играютъ въ лошадки, случается, что конь долженъ учить неопытнаго возницу. Послѣ нѣкотораго молчанія консулъ началъ раздумывать и чесать въ головѣ.

— Вамъ простую визу нужно? — спросилъ онъ.

— Да, только правильную.

— Гм... Черти надавали сколько печатей.

— Да вы налѣпите первую попавшуюся.

— Гдѣ это нужно... въ концѣ паспорта?

— Лучше держаться средины. Знаете, въ Соединенныхъ Штатахъ только двѣ партіи: республиканцы и демократы, а третьей нѣтъ, потому и скверно.

— Ахъ, да, да!

— А вы къ которой принадлежите? — спросилъ я внезапно.

— Я?... То-есть.... какъ это она?... У меня гдѣ-то записано... Но не помню...

— Что же, виза окончена?...

— Сейчасъ, сейчасъ.... Дьявъ... столько этихъ печатей!... Э, знаете, что?... Ляпните-ка ту, которая побольше, — это иногда не мѣшаетъ.

— Ляпнемъ ту, что побольше.

Консулъ вытащилъ изъ ящика что-то въ родѣ тарана, которымъ сваи забиваютъ на Вислѣ.

— А вѣдь этимъ простымъ можно было бы визировать, — сказалъ я.

— Это ничего... О, Господи, какъ это тяжело!

— Не помочь ли вамъ? Разъ, два, три... Гопъ, трахъ!

Раздался глухой трескъ стола подъ упавшею печатью. Казалось, паспортъ мой простоналъ: «о, Боже!» Я положилъ его въ карманъ и вышелъ.

Былъ полдень. Въ половинѣ третьяго нужно было отправляться, но предъ этимъ я долженъ былъ идти на прощальный обѣдъ, который мнѣ давала на свои вдовьи лепты литературная братія. Признаюсь, я побаивался этого обѣда. Дѣло шло о томъ, не будутъ ли добрыя товарищескія сердца канонизировать меня въ великіе люди и не будутъ ли произнесены рѣчи, въ родѣ той, которую я слышалъ на обѣдѣ въ честь одного, прибывшаго изъ Познани, литератора.

— Господа! не подумайте, что я здѣсь, въ кружкѣ товарищей, стану говорить о Платонѣ или Гераклитѣ. Я также ничего не скажу о Навуходоносорѣ, но... Что, бишь, я хотѣлъ сказать? (браво!) Но съ тѣхъ поръ, какъ эти вѣка покрылись плѣсенью вѣковъ....(голосъ съ правой стороны: довольно вѣковъ!) Ораторъ: Я вѣдь вамъ не мѣшаю, когда вы говорите! О чемъ я говорилъ? Да, о плѣсени вѣковъ!—Когда даже Платонъ сказалъ, что... Господа..., конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что я поднимаю бокалъ за здоровье Платона,—нѣтъ, я хотѣлъ сказать: коллеги нашего Теодора, который... господа, который... господа, который... Господа!... вотъ что я собственно хотѣлъ сказать»... (браво, браво!).

Ясное дѣло, еслибъ я былъ этимъ Теодоромъ, мой разумъ, устрашенный своею громадностью, не былъ бы въ состояніи отвѣтить такою же рѣчью, и мои коллеги убѣдились, что я можетъ-быть еще болѣе плохой ораторъ, чѣмъ литераторъ. Однако, на счастье, на обѣдѣ, о которомъ я вспомнилъ, было болѣе вина, чѣмъ рѣчей, вслѣдствіе чего, когда я ѣхалъ въ вокзалъ, весь міръ представлялся мнѣ въ радужномъ свѣтѣ. Варшава казалась самымъ чистымъ и приличнымъ городомъ въ Европѣ, женщины до сумасшествія красивыми, дороги удивительно ровными, и еслибы не маленькое приключеніе съ моею дорожною, висящею черезъ плечо, сумкой, я эту минуту счелъ бы за одну изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Это приключеніе слегка испортило мое расположеніе духа. Я очень хорошо зналъ, что сумка виситъ на мнѣ и что я ее не потерялъ; однако, когда нужно было достать изъ нея деньги и я

наклонился въ правую сторону, моя сумка отправилась въ лѣвую,—когда я въ лѣвую, она въ правую. Догонять кого-либо на своихъ собственныхъ плечахъ есть физическая несообразность, поэтому я опустилъ руки и подумалъ: конечно, не поѣду въ Америку! Но нашлись добрыя души и помогли мнѣ выйти изъ этого положенія.

Наконецъ, я сѣлъ въ вагонъ, локомотивъ свиснулъ и вскорѣ я сквозь мглу и дымъ видѣлъ только дорогія лица и руки, махающія платками.

Погода была отличная, какая можетъ быть лишь въ февралѣ. Въ воздухѣ чувствовалось дыханіе весны. Скоро въ вагонѣ сдѣлалось такъ жарко, что сидѣть не было возможности.

Наши вагоны, какъ извѣстно, отапливаются снизу, около сидѣній, и мнѣ иногда казалось, что я—чайникъ, помѣщающійся на самоварѣ.

— Что, тепло?—спросилъ у меня кругленькій старичокъ, единственный мой товарищъ въ вагонѣ. Онъ не могъ сидѣть и постоянно подпрыгивалъ на диванѣ.

— Охъ, тепло!

— Вѣроятно, у меня голова разболится.

— Голова?... Это ужь par esprit de contradiction,—отвѣчалъ я.

Въ Александровѣ на насъ спустилась ночь и вскорѣ стала такъ темна, какъ учрежденіе г. Лойко въ Варшавѣ или какъ стиль одного моего друга, котораго я не называю по имени потому, что не люблю никого хвалить въ глаза. Товарищъ мой заснулъ и храпѣлъ, точно надутая гуттаперчевая подушка, изъ которой выпускаютъ воздухъ. Я тоже уснулъ, думая о Варшавѣ и о тѣхъ, кого тамъ оставилъ,—уснулъ такъ хорошо, что не проснулся даже и въ Торунѣ, гдѣ ревизуютъ вагоны.

— У васъ пара новыхъ сапогъ,—сказалъ мнѣ прусскій таможенный чиновникъ.

— Что же, вы хотите, чтобъ у насъ всѣ въ дырявыхъ ходили?—спросилъ я.

Нѣмецъ немного подумалъ. Можетъ-быть онъ подумалъ: «будетъ когда-нибудь и это», и замкнулъ мой чемоданъ.

Я вернулся въ вагонъ и, уснувши, спалъ до утра, т. е. до прибытія въ Берлинъ.

Здѣсь и тамъ виднѣлись телѣжки, везомые собаками, вѣчно спотыкающимися и не пропускающими ни одного удобнаго слу-

чая, чтобы не погрузиться между собой. Огромный городъ, хорошо мнѣ знакомый, полусонный, мигалъ въ разныхъ краскахъ зари передъ моими глазами. Я проѣхалъ съ восточнаго вокзала на Lehrter Bahn. Оставалось около двухъ часовъ до отхода поѣзда; я прошелъ чрезъ станціонный дворъ и сталъ оглядываться на всѣ стороны. Издали виднѣлись снующіе здѣсь и тамъ маленькіе отряды солдатъ въ каскахъ съ золочеными остріями, спокойныхъ и суровыхъ, какъ старинные римскіе легіонеры. Смотря на мѣрные и однообразные шаги ихъ, на механическія движенія головы, рукъ и ногъ, можно было принять ихъ за машины, заводимыя однимъ ключомъ. И правда, они и есть машины, для которыхъ единственнымъ ключомъ и рычагомъ служитъ высшая воля, неразгаданная, грозная, мрачная, кроющаяся въ складкахъ тоги войны и пожара.

Направо блестѣлъ въ лучахъ восходящаго солнца памятникъ Побѣды, тяжелый, неуклюжій, тривіальный, похожій на ворону, что случайно сѣла на столбъ въ Берлинѣ и собирается улетѣть.

Отлетитъ ли, и куда отлетитъ?

Два часа прошли незамѣтно. Я снова сѣлъ въ вагонъ. Я ѣхалъ не въ Бременъ, а въ Кёльнъ. Оглядѣлся въ вагонѣ: ни одной красивой женщины; сидѣло нѣсколько нѣмцевъ съ болѣе или менѣе глупыми рожами, одутыми отъ пива, и еще какой-то чужестранецъ.

Поѣздъ, везшій насъ, не доходилъ до самаго Кёльна, но останавливался въ Дейцѣ съ правой стороны Рейна. Мы пріѣхали въ девять часовъ ночи. Немного утомленный, я отправился въ Hôtel Belle Vue и попросилъ отвести мнѣ нумеръ. Кельнеръ проводилъ меня во второй этажъ и указалъ помѣщеніе, въ которомъ мнѣ надлежало провести ночь. Затѣмъ онъ зажегъ огонь, а я подошелъ къ окну и поднялъ штору, чтобы посмотрѣть на лежащій на другой сторонѣ рѣки Кёльнъ.

Чудный видъ! Ночь была тихая, погожая. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, что можно было читать при потокахъ серебрянаго свѣта. У моихъ ногъ плылъ Рейнъ. Длинныя струи свѣта отражались въ прозрачной глубинѣ на противоположномъ берегу. Ближе, маленькій пароходъ сыпалъ дождемъ золотыхъ искръ. Весь Кёльнъ былъ виденъ какъ на ладони. Свѣтлыя группы домовъ, темные силуэты трубъ и надо всѣмъ этимъ великолѣпный каѳедральный соборъ, возвышающійся не только башнями, но и фун-

даментомъ надъ цѣлымъ городомъ, высокій, спокойный, торжественный и молчаливый.

Наибольшіе дома казались въ его сосѣдствѣ мазанками, какъ будто прячущимися подъ крылья могущественной матери. Мѣсяцъ ясно освѣщалъ изящную вязь этой дивной готической архитектуры; тѣни смѣшивались со свѣтомъ на выпуклостяхъ. Въ этомъ было что-то мистическое,—то, что проникаетъ въ душу таинственною дрожью и расправляетъ крылья воображенію. Религіозное чувство, всосанное съ молокомъ матери, какъ бы ни было растрачено въ шумномъ бѣгѣ жизни, опять отыщется при видѣ этой облитой мѣсячнымъ свѣтомъ громады, какъ утраченное сокровище. Это—не сладкое трепетаніе сердца, какъ ангельскіе голоса, будящіе дѣтскія воспоминанія, какое испытывается, напримѣръ, въ нашихъ костёлахъ, когда сѣдой священникъ въ вечерню читаетъ молитвы, крестьяне отвѣчаютъ ему хоромъ, ласточки чирикаютъ подъ деревянною крышей, а кладбищенская, колыхаемая вѣтромъ, береза шелеститъ у окна. Въ сосѣдствѣ этой мрачной постройки, въ сосѣдствѣ этихъ, какъ горы нагроможденныхъ сводовъ не чувствуешь себя блуднымъ сыномъ въ присутствіи отца, но скорѣе пылинкою въ присутствіи Всемогущаго. Противъ воли приходитъ на умъ, что здѣсь не мѣсто инымъ молитвамъ, кромѣ просьбы: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный». Храмъ стоитъ пѣсни, а пѣсня храма. Средніе вѣка съ ихъ мрачною вѣрою, этою пищей тогдашняго времени, ряды окованныхъ сталью рыцарей, грозныхъ грабителей изъ надрейнскихъ бурговъ, воскресаютъ передъ глазами. Слышится, какъ епископъ, во всемъ своемъ блескѣ, гласитъ gloria Dei, а надменныя желѣзныя головы тѣхъ самыхъ Арнсберговъ, что спятъ теперь каменнымъ сномъ посреди церкви, преклоняются передъ единымъ словомъ, какъ нива предъ вѣтромъ. Теперь это все уже минуло. Но погруженный въ думы путникъ, смотря на молчаливые памятники этихъ временъ, невольно спрашиваетъ себя: неужели все, что взростило цѣлые народы, создало всю цивилизацію, что было источникомъ и осью всей жизни,—неужели все это есть не что иное, какъ только гигантскій пуфъ, вторая грустная стадія иллюзіи, какъ говоритъ Гартманъ, — стадія, минувшая для того, чтобы дать начало третьей?

Не знаю, не подъ впечатлѣніемъ ли этихъ мыслей кто-то сказалъ, что еслибы Бога не было въ дѣйствительности, его нужно бы было выдумать для пользы людей.

Я провелъ цѣлый часъ въ подобныхъ размышленіяхъ. Ночь становилась все болѣе поэтичною. Пароходъ присталъ къ берегу тутъ же, подъ окнами моего отеля. Въ маленькомъ Дейцѣ было тихо; весь городъ спалъ. Только рулевой на носу парохода горланилъ: Wacht am Rhein, а со стороны Кёльна до моихъ ушей достигалъ свистъ локомотива. Отъ времени до времени легкій вѣтерокъ доносилъ едва слышные отголоски городскаго шума и говора. Мнѣ не хотѣлось отрываться отъ окна, но двери внезапно отворились и кто-то вошелъ въ мою комнату. Это былъ мой спутникъ.

— Добрый вечеръ!

— И добрый, и прекрасный.

— Я зашелъ спросить, не хотите ли прогуляться по городу.

— Нѣтъ, благодарю. Я опасаюсь, что въ любую минуту придетъ сюда кто-нибудь, съ кѣмъ я сейчасъ же поѣду далѣе. А наконецъ мнѣ такъ хорошо тутъ у окна.

— Ахъ, вы смотрите на соборъ!

Товарищъ мой подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ сторону города. Мѣсяцъ ярко освѣтилъ его лицо. Мнѣ казалось, что я читаю всѣ его мысли, какъ вдругъ онъ послѣ молчанія покивалъ головою и сказалъ:

— Знаете что?

— Что?—спросилъ я, желая ознакомиться съ его впечатлѣніемъ.

— Вотъ, я думаю, какъ бы лошадки не напились. Вечеръ холодный.

Я вспомнилъ стихи, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ повторялъ нашъ учитель латинскаго языка, когда мы, несмотря на его усилія, предпочитали запускать другъ другу гусара въ уши, чѣмъ восхищаться красотами Горація:

«Какая нужда глупымъ осламъ въ конюшнѣ!
Играй имъ хоть на лютнѣ,—не могутъ танцевать!»

Въ свою очередь трезвый, имѣющій большое родство съ конскимъ, взглядъ обуздалъ мою расходившуюся фантазію.

— Благодарю за лошадокъ,—вымолвилъ я.—Однако видно, что вы здраво смотрите на вещи, съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— А что-жъ,—отвѣчалъ онъ, указывая на облитый мѣсячнымъ свѣтомъ соборъ:—мертвый капиталъ и ничего болѣе.

— Свидѣтельствую вамъ мое почтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ желаю доброй ночи.

Я остался одинъ. Черезъ минуту вошелъ тотъ джентльменъ, съ которымъ я, согласно первоначальному плану, долженъ былъ съѣхаться въ Бременѣ.

Признаюсь, что я былъ немного утомленъ, проѣхавъ безъ отдыха отъ Варшавы до Кёльна, и весьма желалъ бы отдохнуть въ Дейцѣ. Я объявилъ бы объ этомъ моему товарищу, еслибъ онъ не догадался, о чемъ идетъ дѣло, и иронически не замѣтилъ бы мнѣ:

— Вы, кажется, ни рукою, ни ногою пошевелить не можете. Вотъ каково нынѣшнее поколѣніе! Я бы готовъ былъ ѣхать дальше.

Но я мгновенно почувствовалъ сожалѣніе къ самому себѣ.

— А до какихъ поръ вы хотѣли бы доѣхать?

— Гм... Хотя бы до Брюсселя.

— Я говорилъ же вамъ, что ѣду прямо въ Лондонъ.

Признаюсь, что, говоря это, я питалъ въ душѣ надежду, что мой джентльменъ не согласится на это предложеніе. Я думалъ, что поражу его, что онъ начнетъ толковать о дальности этого пути, но этотъ ужасный человѣкъ только усмѣхнулся и промолвилъ:

— Ну, превосходно. Ѣдемъ вмѣстѣ въ Лондонъ.

Больше ничего не оставалось дѣлать. Чемоданы мои были вынесены на центральный вокзалъ. Была полночь; мнѣ адски хотѣлось спать, но движеніе царствовавшее въ вокзалѣ отрезвило меня. Я люблю движеніе, говоръ и шумъ, присущіе большимъ желѣзнымъ дорогамъ. Залы горѣли огнями; столы были накрыты. Извнѣ достигалъ свистъ и сапъ локомотивовъ, смѣшанный съ отголоскомъ звонковъ и криками кондукторовъ. Повсюду бѣгали пассажиры съ сумками и саквояжами. Путешественники кричали гарсонамъ на всѣхъ языкахъ. Сидящій около насъ англичанинъ съ длиннымъ лицомъ и длинными ногами старательно изслѣдывовалъ пальцами внутренность собственнаго носа, поглядывая на людей такъ, какъ будто всѣ они были собраны, чтобы составить объектъ для его наблюденія. Мы приказали подать себѣ поужинать. Я въ первый разъ замѣтилъ, что наши мѣховыя шубы и бараньи шапки начинаютъ доставлять намъ популярность. Небольшія группы людей съ любопытствомъ глазѣли на насъ. Насъ, очевидно, принимали или за русскихъ князей, или за герцеговинскихъ пословъ, отправленныхъ просить помощи противъ турокъ. Вѣроятно, вслѣд-

ствіе сочувствія къ несчастнымъ мученикамъ турецкаго звѣрства, насъ заставили заплатить вдвое болѣе, чѣмъ надлежало. Наконецъ, когда мы сѣли въ вагонъ, какой-то ѣдущій съ нами до Брюсселя французъ началъ распрашивать о нашей національности.

— Мы поляки,—отвѣчали мы.

Здѣсь, извѣстное всѣмъ, французское знаніе географіи проявилось во всемъ своемъ блескѣ.

— Ахъ, вы живете близъ театра войны!—сказалъ онъ.

— Какой войны?

— Какъ это называется?... Герцеговины и Турціи.

— О, весьма близко, только черезъ заборъ. Когда они дерутся, то у насъ все слышно.

— Tiens!

Потомъ мы углубились въ океанъ политики и ушли такъ далеко, что никоимъ способомъ не могли достигнуть берега.

Идя своею дорогой, почти въ полчаса мы совершенно измѣнили карту Европы. Нашъ французъ такъ разрушилъ Пруссію, что мы принуждены были вступиться за бѣдныхъ нѣмцевъ, чтобъ имъ оставили по крайней мѣрѣ хоть Берлинъ.

— Non, messieurs, non,—отвѣчалъ онъ, не поддаваясь ни на какія убѣжденія.

Завоевавши Берлинъ, взявши въ плѣнъ Бисмарка и заключивъ его на вѣки на островъ Олеронъ, утомленный этими военными дѣйствіями французъ свернулся въ клубокъ, или, лучше сказать, сложился, какъ перочинный ножикъ о двухъ остріяхъ, какъ говоритъ Прусъ, и уснулъ. Мы послѣдовали его примѣру; но мой товарищъ, очевидно, открылъ новый способъ снисканія популярности, т. е. началъ храпѣть, по-мазовецки, такъ, что всѣ, проснувшись, съ испугомъ спрашивали, что это такое значитъ?

— Mon Dieu! qu'est ce que ca veut dire—спросилъ французъ, вытаращивъ громадные глаза.

— Это ничего,—отвѣчалъ я спокойно.—On dort chez nous comme cela.

Въ это время мой товарищъ съ отверстыми устами, со свалившеюся съ подушки головой, свисталъ, рычалъ, сопѣлъ, ржалъ,—однимъ словомъ, издавалъ такіе нечеловѣческіе, фантастическіе звуки, что даже и меня, не единократно слышавшаго храпъ нашей шляхты, начинало разбирать недоумѣніе.

Наконецъ, я замѣтилъ, что нашъ вагонъ все пустѣетъ и пустѣетъ. Что ни станція, кто-нибудь забиралъ свои вещи и удалялся въ сосѣднее отдѣленіе. На бельгійской границѣ мы остались только вдвоемъ. Поѣздъ остановился. Въ вагонъ вошелъ уже не ворчливый прусскій кондукторъ, а бельгіецъ, въ черномъ кепи, и попросилъ насъ по-французски отправиться для ревизіи вещей.

— Что это такое?—спросилъ, пробудившись, мой товарищъ, поводя глазами во всѣ стороны.

— Граница бельгійская, таможня.

— Мнѣ кажется, я немного задремалъ?

— Да... немного.

— А гдѣ же остальные пассажиры?

Я положилъ ему руки на плечи.

— Galilee, vicisti! Ни одинъ не остался на мѣстѣ,—всѣ бѣжали!

Ревизія заняла у насъ немного болѣе часа. Мы поужинали, выпили по полбутылкѣ вина и двинулись дальше. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы приближались къ Брюсселю. Это — прекрасный, лучшій послѣ Парижа, городъ, какой я когда-либо видѣлъ. Окруженный, покрытыми лѣсомъ, пригорками и чудными долинами, онъ отрясалъ съ себя бѣлесоватый ночной туманъ и выглядывалъ изъ-за мглы, купающійся въ розовомъ свѣтѣ, точно улыбающійся послѣ доброй ночи и хорошаго сна. Поѣздъ, наконецъ, остановился. Вновь у насъ было три часа времени. Я вышелъ въ городъ, чтобъ освѣжить воспоминанія послѣ двухъ лѣтъ, когда я былъ въ Остендэ. На улицахъ уже царствовало движеніе. Фламандки, сидящія на маленькихъ телѣжкахъ, везли въ городъ молоко, а ихъ спокойныя и симпатичныя лица казалось улыбались мнѣ. Въ домахъ было еще тихо, шторы въ окнахъ опущены, на домахъ позолоченные карнизы ласково блестѣли въ утреннемъ свѣтѣ. Все было какъ-то тихо, спокойно, счастливо, гармонично, и все-таки вѣяло исторіей и повзіей. Отъ каждой стѣны, изъ каждаго угла вѣяло поучительной традиціей. Думаешь, что это старинный сонъ, заклятый чародѣйскою силой, окаменѣлъ и смотритъ теперь на тебя и сѣрыми стѣнами Св. Гудулы, и каменными глазами памятника Этмоита, и башнями памятниковъ испанскихъ временъ. Но это и есть только сонъ. Времена Альбы прошли и никогда не возвратятся. Топоръ никогда уже глухо не ударится о плаху; не услышишь, какъ свищетъ пламя костра или какъ звучатъ военные возгласы; услышишь только отголосокъ труда и покоя, ибо эта святая пара издавна поселилась здѣсь.

Иногда въ ясный лѣтній вечеръ въ тихихъ фламандскихъ деревушкахъ дѣлается такъ тихо, что ни одинъ листокъ не шелохнется на деревьяхъ; въ это время старики обнажаютъ посеребренныя головы и говорятъ: «это Христосъ ходитъ по деревнѣ». И во всей Бельгіи такъ тихо и спокойно, что можно сказать: Христосъ ходитъ по всему краю. Безъ преувеличенія, это—самый счастливый край на свѣтѣ.

До сихъ поръ онъ и есть такой; но кто можетъ поручиться, какъ долго это будетъ? Можетъ-быть черезъ нѣсколько лѣтъ придетъ время, что отъ береговъ Рейна двинутся сюда остроконечныя каски, спокойные до сихъ поръ жители услышатъ ржаніе «коней Атиллы», по ночамъ грохотъ пушекъ изгонитъ соловьевъ изъ деревушекъ, кончатся прогулки Христа, а вмѣсто теперешнихъ пѣсенъ за работой загремитъ иная, которая хорошо была извѣстна когда-то также счастливому Эльзасу: «Was ist des Deutschen Vaterland?»

Три часа пролетѣли въ подобныхъ размышленіяхъ, по словамъ Скарги, «какъ стрѣла и какъ птица въ воздухѣ». Было время возвратиться на поѣздъ, но я не могъ удержаться, чтобы не поискать подъ стѣнами каѳедральнаго собора мѣста, гдѣ, какъ говоритъ Уйда въ своей прелестной повѣсти «Два деревянныхъ башмака», маленькая Бебе продавала свои моховыя розы. Немного грустный и мечтающій я вернулся въ вокзалъ. Товарищъ мой стоялъ уже на платформѣ и усердно хлопоталъ надъ засаживаніемъ въ ротъ огромнаго мяснаго пирога, который, благодаря своему размѣру, ни за что не хотѣлъ влѣзать.

Мы вошли въ вагонъ; вслѣдъ за нами вскочилъ, минуя лѣсенку, какой-то джентльменъ, необыкновенной толщины, представляющей странный контрастъ съ его движеніями.

— Не правда ли, я довольно легокъ?—спросилъ онъ у меня, прищуривая одинъ глазъ, какъ будто мы съ нимъ десять лѣтъ были знакомы.

— Какъ англійская коляска,—сказалъ я.

— Какъ это какъ коляска? — спросилъ онъ немного удивленный.

— Такъ,—легки и укладисты.

— О, прелестно, прелестно!—прикинулъ онъ, поглядывая съ неописанной симпатіей на свое величественное брюхо.—Я учитель танцованія. Двѣнадцать уроковъ у меня стоятъ 40 фран-

ковъ. Самыя прекрасныя дѣвицы всего Лилля учатся у меня: уроки общіе. Вы, господа, конечно, ѣдете въ Лилль? Вотъ моя карточка: M-r Dunois. Въ четвергъ и субботу, отъ шести до семи часовъ. Вѣроятно, это время у васъ свободно?

Товарищъ мой отвѣчалъ, что мы съ удовольствіемъ воспользовались бы любезностью M-r Dunois, еслибы не наша поѣздка въ Америку; но по возвращеніи мы не преминемъ нарочно заѣхать въ Лилль, чтобы взять нѣсколько уроковъ. M-r Dunois прибавилъ еще, что учитъ не только какъ танцевать кадриль, а и любезнымъ разговорамъ съ дамами во время этого танца. Послѣ этого мы въ пріятной компаніи двинулись.

Поѣздъ къ французской границѣ идетъ по гладкой мѣстности, не отличающейся живописными видами, но обработанной какъ садъ. Выѣхавъ изъ родины, мы оставили снѣгъ на поляхъ, тутъ же царствовала весна. На лугахъ зеленѣла трава, на поляхъ всякій хлѣбъ. На деревьяхъ, стоящихъ группами на равнинахъ или идущихъ аллеей вдоль рвовъ, дорогъ и каналовъ, надувались зеленыя почки. Рѣки были въ полномъ разливѣ; во рвахъ съ шумомъ протекала вода, воздухъ былъ чистъ, но пропитанъ весеннею влажностью, солнце же пригрѣвало чрезъ окна вагоновъ такъ сильно, что мы были принуждены снять шубы.

Еслибы не таможня, не осмотръ вещей и не долгая остановка поѣзда, никто бы не догадался, что изъ Бельгіи переѣхалъ во Францію. Окрестность нисколько не измѣнилась. Тѣ же самыя поля, разработанныя какъ огородъ, тѣ же домики, покрытые красными крышами, гонтомъ, соломой даже, что напоминало Польшу; та же самая Фландрія, тѣ же самые люди, тѣ же правдивыя фландрскія лица, тѣ же голубыя блузы,—словомъ, все то же самое. Когда двинулся поѣздъ, я обернулся послать послѣднее прощанье Бельгіи, странѣ, къ которой нельзя не питать симпатіи и при воспоминаніи о которой на память невольно приходятъ частью приведенныя мною слова Скарги: «Посѣвъ былъ грустенъ, но жатва радостна: несчастіе ихъ промчалось какъ стрѣла или птица въ воздухѣ и всюду разлилась радость необозримымъ моремъ».

Пикардія, по которой мы теперь летѣли какъ на крыльяхъ вѣтра, край богатый, земледѣльческій, но преимущественно фабричный. Смотря на всеобщее благосостояніе, никто не подумалъ

бы, что только шесть лѣтъ тому назадъ здѣсь шествовали шайки прусскихъ солдатъ.

Въ Кале мы прибыли около двѣнадцати часовъ утра. Кале порядочно бѣдный и гадкій городъ, какъ большая часть портовыхъ городовъ; однако торговое значеніе его громадно. Когда-то онъ игралъ значительную роль въ англо-французскихъ войнахъ. Еслибы вынули мое сердце и вскрыли бы его, то нашли бы тамъ написаннымъ: Кале. Теперь тамъ какая-то крѣпость. Виднѣлись французскіе солдаты въ сѣро-небесныхъ плащахъ, красныхъ шапкахъ и красныхъ (простите, чистыя души нашихъ дамъ!) штанахъ. Глядя на эти маленькія фигурки, сгорбленныя, еле двигающія свои шассо̀, легко понять, почему такіе солдаты не могли дать отпора рослымъ и сильнымъ брандендбургцамъ и почему, напримѣръ, познанскіе полки, бросившись въ штыки при Гравелотѣ на французскія позиціи, не нашли уже тамъ непріятеля. Дѣлается противно при взглядѣ на этихъ солдатъ, въ особенности намъ, питающимъ столько симпатій къ этому все-таки наисимпатичнѣйшему народу.

Зала желѣзной дороги кишѣла пассажирами, направляющимися въ Англію. Мы познакомились съ однимъ комми-вояжеромъ, который, какъ говорилъ, переплылъ каналъ болѣе разъ, чѣмъ всѣ присутствующіе имѣли волосъ на головѣ. Мы спросили его, разсчитываетъ ли онъ на хорошую погоду.

— Каналъ весною выпиваетъ всегда болѣе джину, чѣмъ нужно, и поэтому боксируетъ всякаго ѣдущаго по немъ,—отвѣчалъ этотъ джентльменъ, засунувши руки въ карманы.

— Но погода все-таки прекрасная,—сказалъ я,—стараясь извлечь изъ него какое-нибудь удобопонятное свѣдѣніе.

— Да; но волны коротки.

— Волны коротки? — спросилъ я тономъ человѣка, отлично знакомаго съ короткими волнами.

— Такъ и есть,—отвѣтилъ комми-вояжеръ и, углубивши по локоть руки въ карманы, занялся изученіемъ концовъ своихъ сапогъ, насвистывая при этомъ арію изъ «Балъ-маскарада»: «Ахъ! скажи, что меня ждутъ доброжелательныя волны».

Другой джентльменъ, прислушивающійся къ нашему разговору, всовывалъ и вынималъ изъ устъ набалдашникъ своей палки, какъ бы для того, чтобъ убѣдиться, что его ротъ обладаетъ размѣрами необходимыми для морскаго путешествія, обратился ко мнѣ и сказалъ догматическимъ тономъ:

— Нужно выпить бутылку портвейну и съѣсть какъ можно больше сгущеннаго молока.

— Гарсонъ!—крикнулъ я,—бутылку портвейну и какъ можно больше сгущеннаго молока.

Но прежде, чѣмъ мы успѣли съѣсть и выпить, что намъ было подано, въ залѣ возникъ страшный шумъ и движеніе. Одни торопливо хватали свои саквояжи; иные выливали горячій бульонъ на блюдца, чтобы поскорѣй принять его, и пили съ вытаращенными глазами; иные, наконецъ, наскоро поглощали горячее мясо кусками, которыми насытился бы самый жадный волкъ. Одна дама вмигъ поблѣднѣла и, оглядываясь вокругъ глуповатымъ взоромъ, точно ища помощи, повторяла: «О Боже, Боже!» Какой-то господинъ перекувырнулся черезъ собственный мѣшокъ. Наконецъ, мы вышли на свѣжій воздухъ. Пароходъ, отходящій въ Дувръ, стоялъ близъ пристани и пронзительно свисталъ, какъ бы желая нагнать бо́льшаго страха на пассажировъ; вѣтеръ дулъ, какъ будто исполняя свою обязанность; носильщики кричали и проклинали, сами не зная что; море рычало, точно ему кто-нибудь платилъ за это; однимъ словомъ, точно все совокупилось, чтобы совершенно огорошить путешественниковъ и безъ того не знающихъ, что съ ними дѣлается, а тѣмъ болѣе, что черезъ полчаса будетъ.

Наконецъ, по отлогимъ сходнямъ мы взошли на палубу судна. Паръ свистѣлъ, колеса начали вертѣться и пѣнить воду, но судно не двигалось. Я воспользовался этою минутой, чтобы посмотрѣть въ синѣющую даль, гдѣ, покуда глазъ могъ достигнуть, тянулись взбудораженныя волны. Вскорѣ мое вниманіе обратилъ нѣкій индивидуумъ въ гуттаперчевомъ плащѣ. Этотъ индивидуумъ, засунувши огромный кусокъ табаку въ ротъ, надвинулъ каучуковый капюшонъ на голову и влѣзъ по лѣстницѣ на высокій мостикъ парохода.

— Кто это?—спросилъ я комми-вояжера.

— Капитанъ. Вылѣзъ кверху и нарядился въ свой плащъ. Гмм... Дурной знакъ,—будетъ буря.

— О, чортъ васъ побери!... (Благодарю васъ, хотѣлъ было я сказать.) Увы, это не было послѣднимъ зловѣщимъ знакомъ. Скоро я увидалъ еще горшій: вотъ изъ-подъ палубы появился матросъ съ бѣлыми фаянсовыми мисками и началъ ихъ разстанавливать тутъ и здѣсь на палубѣ.

— О, Нептунъ!—подумалъ я,—сожгу тебѣ десять обѣдовъ, позволь мнѣ только сохранить мой!

Вдругъ судно заколыхалось вправо и влѣво; берегъ началъ исчезать изъ моихъ глазъ. Мы двинулись.

Что дѣялось послѣ, объ этомъ скажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я видѣлъ на океанѣ подобныя сцены, только возведенныя въ квадратную степень, поэтому и рѣчь о нихъ послѣ.

В. Л.

Памяти Ѳ. М. Достоевскаго.

Волковъ ли то воетъ голодная стая?
Шумитъ ли то моря прибой?
То встала пургà и отъ края до края
На степь полегла пеленой...

Рыдаетъ и стонетъ гнетущее горе
Въ порывахъ бурана степей,
И стонъ вѣковой по проклятой недолѣ,
И гнѣвъ на неправду людей...

Но, чу!... Грозный говоръ пурги́ заглушая,
Желѣза доносится звукъ,
Все сердце безсильной тоской надрывая,
Какъ отзвукъ страданья и мукъ.

То въ цѣпи звѣно о звѣно ударяетъ,
При каждомъ движеньи бренча,—
То волю колодникъ съ тоской вспоминаетъ,
Стальную змѣю волоча...

Не эти-ль, страдалецъ, унылые звуки
Носились звеня. надъ тобой,
И ихъ не забылъ ты въ минуту разлуки,
И къ намъ ихъ принесъ ты съ собой?...

Звукъ цѣпи въ глаголы любви безконечной
Ты, сильный душой, перелилъ;
Покорный велѣніямъ Истины Вѣчной,
Клеймо и желѣза простилъ.

Ты умеръ—и сѣверный вѣтеръ съ тоскою
Шумитъ надъ могилой твоей
И мчится, суровый, надъ Русской землею
Къ окраинѣ южныхъ морей,

Гдѣ волны рокочутъ, гдѣ небо синѣе,
Гдѣ лавръ зеленѣя растетъ,
Гдѣ, грёзы волшебныя въ сердцѣ лелѣя,
Поэтъ о блаженствѣ поетъ.

Н. Соколовъ.

28-го января
1882 года.

О, дайте свѣта мнѣ!

(Изъ Аккерманъ.)

Mehr Licht, mehr Licht!
(Послѣднія слова Гёте.)

Когда, вотще борясь съ внезапной темнотою,
Ты, Гёте, восклицалъ: «о, дайте свѣта мнѣ!» —
Твой взоръ померкъ и смерть надъ старческой главою
Парила въ тишинѣ...

Чтобъ то же прокричать безумное моленье,
Не дождались мы велѣнія судебъ;
Еще нашъ свѣтелъ взоръ, но — страшное мученье! —
Нашъ бѣдный разумъ слѣпъ!...

Онъ ощупью бредетъ безчисленные годы...
Что шагъ одинъ—предѣлъ и мракъ со всѣхъ сторонъ...
Безсильный приподнять завѣсу съ тайнъ природы,
Ее чуть движетъ онъ.

Средь неизвѣстнаго, блуждая черезъ силу,
Онъ мечется порой въ отчаяньи нѣмомъ,
Готовый броситься на первое свѣтило
Во мракѣ вѣковомъ.

И слышитъ голосъ онъ: «я свѣтъ тебѣ открою!
Приди,—во мнѣ конецъ страданій обрѣтешь...»
Но вѣру оттолкнулъ онъ дерзкою рукою
И ей сказалъ: «Ты лжешь!

«Обманчивъ свѣточъ твой. Довольно ты сгущала
Невѣжества туманъ надъ бѣдною землей;
Не тайной ли своей,—отвѣть ты мнѣ сначала,—
Ты путь освѣтишь мой?»

Но—чу!—иной призывъ, то—строгій зовъ науки:
«Трудися и ищи!—я дамъ тебѣ отвѣтъ».—
— «Трудись!?... Но гдѣ-жь вѣнецъ терпѣнія и муки?
Не твой ли блѣдный свѣтъ?

«Сомнѣнья нѣтъ, что тамъ, гдѣ пролеталъ твой геній,
Мерцалъ дрожащій свѣтъ и мракъ густой рѣдѣлъ;
Но ты изгнала рой заманчивыхъ видѣній
И сумракъ опустѣлъ...»

И гордый человѣкъ предъ мрачною пустыней
Безпомощенъ и слабъ, тоскуетъ, одинокъ,
Что зримымъ сдѣлать онъ, въ пылу своей гордыни,
Незримаго не могъ.

И тщетно ждетъ себѣ страдалецъ исцѣленья:
Недугъ въ его крови; до смертнаго конца
Волшебный, яркій свѣтъ — игра воображенья —
Преслѣдуетъ слѣпца...

Не убѣждай его забыть свои страданья...
Въ мученьяхъ—жизнь его: терзаясь онъ живетъ.
И не добьешься ты отъ бѣднаго созданья,
Чтобъ сбросилъ муки гнетъ.

О, дайте-жь свѣта мнѣ! Пусть это крикъ напрасный,
Лишь безнадежный бредъ, осмѣянный судьбой...
Все громче онъ звучитъ—и дикій, и прекрасный—
Отчаянной мольбой.

Когда въ послѣдній разъ, какъ страшный вопль сорвется
Съ устъ человѣка, онъ и смолкнетъ на землѣ,—
Свѣтило старое на тверди содрогнется
И скроется во мглѣ.

А. Аксаковъ.

Новое произведеніе графа Л. Н. Толстого: «Чѣмъ люди живы». Сказка для дѣтей. (*Дѣтскій Отдыхъ*, декабрь 1881 г.).

Русскія дѣти получили завидный подарокъ къ прошлымъ рождественскимъ праздникамъ: о нихъ вспомнилъ и для нихъ написалъ прекрасную сказку гр. Л. Н. Толстой. Содержаніе сказки, заглавіе которой мы выписали выше, заимствовано, повидимому, изъ народныхъ легендъ. Ангелъ, за ослушаніе, посланъ на землю, гдѣ онъ долженъ пребывать, пока не узнаетъ трехъ словъ Божіихъ, которыми держится міръ. Зимнею порой, раздѣтый и прозябшій, сидитъ онъ у часовни на дорогѣ, по которой возвращается домой бѣдный сапожникъ. Сжалился сапожникъ надъ несчастнымъ и привелъ его къ себѣ въ избу, чтобъ обогрѣть и поужинать вмѣстѣ послѣднею краюхою хлѣба. Погруженная въ заботу о завтрашнемъ днѣ, жена сапожника сердито встрѣтила своего мужа и гостя: «пропилъ трудовыя денежки»,—мелькнуло у ней въ головѣ. Узнавъ, однако, въ чемъ дѣло, крестьянка сама была тронута горькою участью незнакомаго человѣка: она любовно приняла его, напоила, накормила и одѣла. И просіяло лицо ангела, и позналъ онъ первое слово Божіе: ясно стало ему, что въ людяхъ есть любовь. Поселился ангелъ у сапожника, принялся за работу и вскорѣ сталъ искуснымъ работникомъ, молва о которомъ пошла по всей округѣ. Всегда искусный, серьезный и кроткій, онъ работалъ съ утра и до вечера. Сапожникъ съ женою не нарадовались, глядя на него; въ гостепріимной избѣ ихъ завелся достатокъ, довольство. Такъ прошло времени довольно, болѣе года. Вотъ, однажды, пріѣзжаетъ къ сапожнику здоровенный баринъ и заказываетъ ему сапоги изъ своего товару; бѣдой грозитъ, если сапоги будутъ плохо сшиты и не прослужатъ болѣе года. Работникъ, взглянувъ на барина, пристально уставился въ одну точку, какъ будто разсматривалъ кого-то за его спиной. И вновь просіяло лицо его во второй разъ: онъ увидѣлъ позади сердитаго заказчика ангела смерти и постигъ второе слово Божіе: не дано человѣку знать, что будетъ съ нимъ на утро. Сердитый баринъ уѣхалъ. Шить сапоги принялся работникъ, но, вмѣсто сапогъ, сдѣлалъ босовики для мертвыхъ. И только-что босовики были готовы, какъ при-

сказалъ посланный съ вѣстью, что баринъ отдалъ душу Богу и что теперь нужны не сапоги, а босовики для него. Подивился сапожникъ на своего работника, но ничего не сказалъ. По-прежнему скромно и тихо живетъ работникъ и усердно сидитъ за своею работой. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ поселился онъ у сапожника, а перемѣны въ немъ никакой не замѣтно. На шестомъ году приходитъ къ сапожнику женщина съ двумя дѣвочками-однолѣтками. Дѣвочки—не ея дѣти, но она безъ ума любитъ ихъ. Остались малютки круглыми сиротами послѣ отца и матери, которые умерли на одной недѣли: отца убило въ лѣсу деревомъ, а мать скончалась родами этихъ малютокъ. Добрая женщина взяла ихъ къ себѣ, выкормила своею грудью, выростила, и стали онѣ близки ей, какъ родныя дѣти, которыхъ у нея не было. Встрепенулся ангелъ-работникъ при видѣ женщины и дѣтей-пріемышей. Узналъ онъ въ нихъ именно тѣхъ дѣтей, за которыхъ Богъ наказалъ его: не исполнилъ онъ велѣнія Божія и не взялъ душу ихъ матери, за которою былъ посланъ на землю,—жалко было сиротокъ. Увидѣлъ ангелъ, что дѣтки нашли себѣ мать въ посторонней женщинѣ, и просіяло лицо его, ибо открылось ему третье и послѣднее слово Божіе, возвращавшее ему прощеніе. Узналъ ангелъ Божій, что люди живы не попеченіями о себѣ, не вѣдою, что они умѣютъ сами себя обдумать, а тѣмъ, что есть въ нихъ любовь другъ къ другу и забота другъ о другѣ. Разсказалъ ангелъ все это сапожнику и женѣ его, когда ушла женщина, преобразился и, свѣтлый и радостный, улетѣлъ на небо...

Таково несложное содержаніе дѣтской сказки гр. Л. Н. Толстого, которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, страдаетъ, по нашему мнѣнію, однимъ крупнымъ недостаткомъ. Она не по силамъ дѣтскому возрасту: многое въ ней будетъ непонятно дѣтямъ, несмотря на все мастерство разсказа. Основная идея сказки — слишкомъ глубокая идея, чтобы дѣтская головка могла усвоить ее во всемъ значеніи. Впрочемъ, и то уже хорошо, если сказка заставитъ остановиться маленькаго читателя на нравственныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ ею, и хотя немножко подумать о нихъ, — быть-можетъ, въ воспріимчивую душу вдумчиваго ребенка она заронитъ искорку любви къ ближнему, которая вспыхнетъ впослѣдствіи яркимъ пламенемъ.

Насъ, однако, сказка гр. Л. Н. Толстого интересуетъ съ другой стороны. Въ ней есть нѣкоторыя указанія на то, чего могло бы ожидать русское общество отъ своего любимаго писателя. Судя по новому разсказу, годы, прошедшіе со времени появленія «Анны Карениной», не пронеслись для ея автора даромъ. Начать съ внѣшней стороны. Языкъ писателя окрѣпъ еще болѣе, сталъ трезвѣе и мужественнѣе: онъ поражаетъ своею библейскою простотой. Кромѣ того, на немъ видны явные слѣды сильнаго вліянія народной рѣчи, у которой авторъ умѣетъ заимствовать мѣткость и выразительность ея оборотовъ. Но это не внѣшнее, подра-

жательное задмствованіе: во всей сказкѣ нѣтъ ни одной строки, которая звучала бы поддѣлкою подъ народный говоръ, что такъ непріятно оскорбляетъ слухъ въ работахъ иныхъ писателей. Вслушиваясь въ языкъ гр. Толстого, невольно чувствуешь, что народная рѣчь усвоена имъ и стала его личнымъ достояніемъ: онъ не копируетъ мужицкую фразу, но онъ проникнутъ ея духомъ и внутреннимъ складомъ, — не только говоритъ, но и думаетъ по-народному. Въ этомъ отношеніи гр. Толстой въ своей сказкѣ напомнилъ намъ Пушкина послѣднихъ лѣтъ творческой дѣятельности, когда народная струя забила живымъ, чарующимъ ключомъ въ созданіяхъ великаго поэта: словно въ древняго, миѳическаго, Антея прикосновеніе съ землею, съ народомъ, вливало въ него могучую силу.

Съ внутренней, художественной стороны новый разсказъ гр. Толстого обладаетъ тѣми достоинствами, съ которыми читатель уже привыкъ встрѣчаться въ прежнихъ произведеніяхъ писателя. Поэтому говорить объ этихъ достоинствахъ намъ представляется излишнимъ. Но мы не можемъ не отмѣтить одной стороны, заслуживающей вниманія. Сказка взята изъ народнаго быта, въ изображеніи котораго гр. Толстой уже давно пріобрѣлъ заслуженную славу неподражаемаго мастера. По нашему мнѣнію, теперь онъ дѣлаетъ новый шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Въ прежнихъ своихъ работахъ писатель поражалъ тою умѣлою и правдивою простотой, съ какою онъ подходилъ къ крестьянскому міру и освѣщалъ его въ самыхъ темныхъ сторонахъ. Видно было, что онъ прекрасно знаетъ и понимаетъ этотъ міръ и мастерски рисуетъ его въ плѣнительно-простыхъ разсказахъ; вспомните, напримѣръ, «Поликушку». Но при этомъ читатель всегда чувствовалъ, что разскащикъ — человѣкъ иной среды, что между нимъ и крестьяниномъ, котораго онъ такъ близко знаетъ, все же существуетъ большое разстояніе. Теперь это разстояніе значительно уменьшилось, если не исчезло совсѣмъ. Говоря о крестьянинѣ, гр. Толстой умѣетъ теперь проникнуться его положеніемъ и смотрѣть на вещи его глазами. Чуждый всякой сентиментальности и высокомѣрія, писатель какъ будто самъ чувствуетъ то же и такъ же, какъ чувствуетъ его мужикъ въ изображаемомъ положеніи: онъ переживаетъ съ нимъ его радость и горе не какъ посторонній сострадательный человѣкъ, но какъ человѣкъ той же среды, какъ родной и близкій. Между писателемъ и крестьяниномъ полное внутреннее согласіе: первый погружается всецѣло въ жизнь втораго и горячо ему сочувствуетъ. Эта нравственная близость писателя къ темному міру крестьянскому—новая черта въ немъ, которую мы отмѣчаемъ съ любовію. Посмотрите, напримѣръ, какъ онъ рисуетъ женщину-крестьянку, поджидающую своего мужа:

«Убралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась,—задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

«Если, думаетъ, Семенъ тамъ пообѣдаетъ, да много за ужиномъ не съѣстъ,—назавтра хватитъ хлѣба».

«Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ».

«Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

«Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей—деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму какъ бился безъ шубы: ни на рѣчку выйти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣть нечего... Не рано пошелъ... Пора бы ему... Ужь не загулялъ ли соколикъ-то мой».

Не правда ли: передъ вами живая Матрена, а вѣдь всего нѣсколько строкъ! И такими удивительными мѣстами богата дѣтская сказка. Въ немногихъ словахъ, въ нѣсколькихъ фразахъ, съ изумительною простотою, гр. Толстой умѣетъ сказать о народѣ болѣе, нежели другой многими эффектными страницами. И это не потому только, что гр. Толстой—яркій и крупный талантъ, а и потому еще, что онъ горячо любитъ темный народъ и сроднился съ его душою...

Х*.

По поводу докторской диссертаціи объ артеляхъ.

(«Артели въ Россіи». Андрей Исаевъ. Ярославль. 1881 г.).

Наша экономическая неурядица, запутанность, создававшаяся цѣлыя столѣтія, грозный призракъ государственнаго кризиса, полнаго банкротства, могущаго привести къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, заставляетъ все болѣе и болѣе задумываться людей мыслящихъ. И нѣкоторые государственные дѣятели, и ученые, и писатели, и земскіе люди, и вся живущая не одною только утробою часть общества, и особенно молодежь, какъ-то стихійно влечется къ этой безднѣ, старается заглянуть въ нее, понять, изучить тѣ силы, которыя неудержимо влекутъ къ ней, найти противоположныя имъ добрыя силы съ тѣмъ, чтобы противопоставить ихъ злымъ, и такимъ образомъ уйти отъ бездны, спастись отъ погибели. Медленъ, труденъ, тернистъ этотъ путь; дорогою цѣной покупается истина; много жертвъ часто безплодныхъ, но прекрасныхъ, чистыхъ требуетъ сознаніе ея; горе, несчастія, слезы несетъ она раньше ее сознавшимъ. Такъ было всегда. И чѣмъ выше истина, чѣмъ болѣе она даетъ народу, человѣчеству, тѣмъ разъяреннѣе, неумолимѣе становится Молохъ и тѣмъ болѣе нужно жертвъ для его умилостивленія... О, Молохъ христіанскій, Молохъ цивилизаціонный безчеловѣчнѣе, ужаснѣе языческаго, варварскаго!...

Стараясь понять настоящее, безпокойная мысль не останавливается только на немъ; она оборачивается назадъ, въ сознаніи, что настоящее— продуктъ, родное дѣтище прошлаго, внимательно всматривается въ далекое прожитое прошлое, изучаетъ общество, типы его, изучаетъ обычаи, понятія, убѣжденія, руководившія ими, и доходитъ до понятія той среды, обстановки, условій, которыя все создавали и въ которыхъ все жило и умирало. Кругозоръ мыслящаго человѣка расширяется, взгляды его становятся болѣе правильными, убѣжденія болѣе истинными, стремленія болѣе сознательными. Онъ уже не только видитъ зіяющія язвы современнаго строя, но и способенъ понять причины общаго худосочія его. Разъ это достигнуто, человѣкъ уже на *правильномъ пути*, чтобы знать цѣлительныя средства и умѣть толково ими пользоваться. Нечего и гово-

рить, что такой человѣкъ не станетъ сидѣть сложа руки, созерцая свое величіе. На этой ступени состоянія онъ достигаетъ высшаго возможнаго человѣческаго существованія и вполнѣ достоинъ высокаго названія—человѣкъ.

Въ сознаніе людей мыслящихъ все болѣе и болѣе проникаетъ убѣжденіе, что въ корнѣ всѣхъ нашихъ золъ и бѣдъ лежитъ въ сущности одна причина. Она настолько велика и важна, что затемняетъ всѣ остальныя; онѣ являются неважными, второстепенными, вытекающими изъ этой основной причины. Причина эта—вѣковое систематическое порабощеніе милліоннаго народа немногими сотнями; взглядъ на народъ—какъ на рабочій скотъ, созданный для удовлетворенія всякихъ прихотей этихъ сотенъ счастливцевъ: все—послѣднимъ, всѣ—съ народа, ничего—народу... Сознавая всю несправедливость, неразумность, негуманность такого положенія, лучшая часть общества не со вчерашняго дня протестовала противъ этого. Протестъ этотъ все росъ, росъ и, наконецъ, сдѣлалъ нѣкоторыя—правда, небольшія—завоеванія. Все болѣе росло и крѣпло убѣжденіе, что такой порядокъ ненормаленъ, что онъ намъ грозитъ въ недалекомъ будущемъ еще и не такими бѣдствіями, что необходимо стать на иной путь, необходимо смотрѣть на мужика какъ на человѣка. И публицистика, и журналистика, и даже беллетристика, вся вообще печать и, наконецъ, наука заговорили о народѣ, объ его бѣдственномъ экономическомъ положеніи, о его безправіи и притѣсненіяхъ кулакомъ, барикомъ, администраціей, объ его умственномъ убожествѣ... Явились, наконецъ, и такіе, которые нашли въ народѣ не одни только отрицательныя стороны, но и нѣкоторыя крайне симпатичныя и прекрасныя черты міросозерцанія, и чрезвычайно важныя основы экономической жизни, и характерно-гуманныя стороны въ отношеніяхъ народа, нравственно-общественныхъ и религіозныхъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время громко заявляетъ себя въ высшей степени важное стремленіе познать народъ, изучить его въ дѣйствительной жизни, а не по книжкамъ только, проникнуть такъ-сказать въ душу народа, освѣтить хотя нѣсколько свѣтомъ истины эти потемки для насъ, выйти изъ области вѣчныхъ мнѣній, догадокъ, предположеній о народѣ и стать на почву дѣйствительныхъ фактовъ, на почву истинной науки. Недавно началось это движеніе, но уже дало хорошіе результаты. Самое искреннее пожеланіе и возможное содѣйствіе долженъ оказать этому движенію каждый сознающій его. И нужно отдать честь журналистикѣ: въ послѣдніе годы она, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, чутко относится къ вопросамъ народовѣдѣнія и обязательно даетъ имъ мѣсто; съ удовольствіемъ замѣчу, что на этотъ путь въ самое послѣднее время становятся и нѣкоторые органы, не отличавшіеся серьезностію ранѣе. Настоящій мужикъ—грязный, нечесанный, грубый, въ истоптанныхъ лаптишкахъ, въ вонючихъ онучахъ, съ непріличными манерами и особенно рѣчью, истомленный, голодный, но часто съ чистой, глубокою душой, любящимъ сердцемъ, прекраснымъ

характеромъ и даже, представьте себѣ, съ значительнымъ умомъ,—словомъ, сѣрый мужикъ все чаще и чаще появляется въ печати, все больше и больше отвоевываетъ себѣ мѣсто, какъ бы говоря улыбкой: «довольно баръ вы тѣшили, потѣшьте мужика»,—несмотря на бѣснованія даже такихъ великихъ умонъ-самородковъ, какъ извѣстный курскій соловей Евгеній Марковъ. Вообще народъ завоевываетъ себѣ, какъ и подобаетъ, въ печати очень почетное мѣсто. Уже мало встрѣтишь теперь такихъ простяковъ, которые открыто высказывались бы противъ народа. Даже недруги народа стараются говорить о благѣ его или по крайней мѣрѣ открыто не выдаютъ себя за враговъ его.

Наконецъ и наука академическая, наша замкнутая, теоретическая, рабская подражательница Западу,—наука начинаетъ заниматься мужикомъ, интересуется имъ съ самыхъ важныхъ сторонъ. Не такъ давно вышли: «Общинное землевладѣніе», докторская диссертація г. Посникова, «Артели въ Россіи» г. Исаева, также докторская диссертація, «Крестьяне при Екатеринѣ II», диссертація г. Семевскаго. Искренно и сердечно радуясь этому явленію, привѣтствуя молодыхъ ученыхъ на этомъ прекрасномъ пути, я перейду къ разбору книги г. Исаева.

Начну съ историческаго очерка. Несомнѣнно огромное значеніе исторіи для уясненія, пониманія настоящаго. Исторія говоритъ, насколько извѣстная форма, извѣстное учрежденіе древне, самобытно ли оно, насколько оно было распространено, насколько полезно или вредно; какія именно формы преобладали; развивалось ли оно со временемъ, или же вымирало; какія причины содѣйствовали тому или иному исходу и т. д. Все это настолько существенно для пониманія настоящаго, что безъ внимательнаго изученія прошлаго едва ли поймешь настоящее, и во всякомъ случаѣ въ значительной степени лишишь свои доводы убѣдительности, истинности. Значеніе историческаго очерка въ такихъ вопросахъ, какъ артель, еще болѣе возрастаетъ, какъ вслѣдствіе особенной важности вопроса, такъ и вслѣдствіе незатронутости его: здѣсь все малоизвѣстно, все неясно, гадательно. Единственный доступный для неспеціалиста исторический очеркъ артели сдѣланъ г. Калачовымъ; да и этотъ трудъ, точнѣе говоря, недоступенъ, потому что давно сталъ библіографическою рѣдкостью. Такъ что настоятельность историческаго очерка усугубляется и просто тяготѣетъ надъ совѣстью ученаго изслѣдователя, нравственно угнетаетъ его. Я не говорю уже о томъ, что чрезвычайно добросовѣстный и солидный очеркъ г. Калачова въ свое время, особенно еще въ виду того, что это была первая попытка, теперь устарѣлъ: съ тѣхъ поръ много воды утекло, накопилось много матеріаловъ, незатронутыхъ г. Калачовымъ; да и кромѣ того, нужно сказать, многіе акты, взятые имъ на выборъ, приведены очень неудачно, освѣщеніе имъ дано невѣрное. Разумѣется, при появленіи книги г. Исаева, ожиданія не у одного меня были радостныя. Невольно думалось: «вотъ гдѣ, въ научномъ, солидномъ и довольно об-

мирномъ трудѣ, богатство и разнообразіе матеріаловъ, искусная группировка, умѣлая критика, истинно-научное освѣщеніе ихъ!» Къ сожалѣнію, разочарованіе не замедлило прійти. Такое впечатлѣніе этою частью труда автора произведено было не на одного меня, и этимъ только можно объяснить рѣзкое и сарказтическое отношеніе къ г. Исаеву на диспутѣ со стороны частныхъ оппонентовъ — гг. Ходскаго и В. Семевскаго, тяжело обрушившихся именно на историческую часть. Возраженія эти были настолько серьезны и справедливы и такъ близки къ тому, что и мнѣ думалось, что мнѣ придется прибавить къ нимъ немного.

На стр. VI предисловія г. Исаевъ говоритъ: «я старался извлечь изъ нашихъ историческихъ памятниковъ тѣ данныя объ артеляхъ, которыя не вошли въ книгу г. Калачова, собрать изъ разрозненныхъ изданій отдѣльные факты...» Въ виду вышесказанныхъ соображеній о книгѣ г. Калачова, конечно, понятныхъ г. Исаеву, думаю, едва ли удобно было вступать въ такой тѣсный союзъ съ г. Калачовымъ. Да и къ чему это? Что за скромность?... Вообще такая постановка вопроса странна. Нѣкоторые хорошіе матеріалы можно было бы извлечь и изъ г. Калачова и представить цѣльный, полный историческій очеркъ, не заставляя интересующагося читателя разыскивать, и часто тщетно, книгу г. Калачова.

Но пусть такъ. Посмотримъ, какъ авторъ отнесся къ поставленной имъ же задачѣ. Подъ «историческія свѣдѣнія объ артеляхъ въ Россіи» отведена въ книгѣ глава II, съ 30-й до 103 стран. Но на самомъ дѣлѣ «историческія свѣдѣнія» занимаютъ гораздо менѣе мѣста — съ 31 по 52 стр. (отдѣлъ I), т. е. всего 23 страницы... Отдѣлъ же II, составленный почти исключительно по Немирову *), уже нельзя отнести къ «историческимъ свѣдѣніямъ», такъ какъ въ немъ излагаются биржевыя и родственныя имъ артели и кстати сообщаются годы основанія этихъ артелей и утвержденія ихъ уставовъ. Въ отдѣлахъ же III и IV авторъ говоритъ о земскихъ, административныхъ и разныхъ другихъ артеляхъ, заявившихъ о себѣ въ послѣднее 20-лѣтіе. Все это едва ли подходитъ подъ понятіе «историческихъ свѣдѣній»: вѣдь поэтому на прошлой недѣлѣ, вчера, даже нѣсколько часовъ назадъ образовавшуюся артель нужно отнести сегодня въ область исторіи. Но и изъ 23 страницъ, дѣйствительно относящихся къ исторіи, нужно выкинуть нѣсколько страницъ. Такъ авторъ совсѣмъ не кстати нѣсколько разъ отвлекается къ современнымъ артелямъ; и начальныя 4 страницы какъ угодно можно назвать, только отнюдь не «историческими свѣдѣніями». Оканчиваетъ авторъ эти страницы такъ: «Таковъ, *вѣроятно*, былъ характеръ тѣхъ подвижныхъ группъ, которыя подъ именемъ «повольниковъ», «ушкуйниковъ».... ходили далеко на сѣверъ...» Г. профессоръ! наука, да еще экономическая, не имѣетъ дѣла съ измышляемыми вѣроятностями, хотя бы и остроумными; тѣмъ болѣе не слѣдуетъ разви-

*) *Немировъ*: „Биржевыя артели".

вать ихъ на цѣлыхъ страницахъ и въ явный ущербъ «историческимъ свѣдѣніямъ» и интересамъ истины... Такимъ образомъ если исключить эти не «историческія свѣдѣнія», то историческихъ останется не болѣе 16 страницъ, т. е. печатный листъ... Это ужъ очень скупо на докторскую диссертацію въ 336 страницъ! Впрочемъ и на 16 страницахъ можно много сказать. Полагаю, въ подобномъ вопросѣ много или мало зависитъ отъ количества матеріаловъ, фактовъ, отъ степени знакомства съ литературой, достоинство же ихъ, умѣнье же обращаться съ ними и цѣнить—само собою разумѣется. Всего историческихъ (не историческихъ не считаю) ссылокъ у г. Исаева на этихъ страницахъ 26; изъ нихъ: 16 на акты, 7 на Ефименко и только 3 на остальную литературу... Въ интересахъ истины нужно замѣтить, что большая часть актовъ взята изъ г. Калачова безъ всякой оговорки. И послѣ этого г. Исаевъ на 51 страницѣ заявляетъ: «Этими данными и исчерпываются свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ артеляхъ древней, до-петровской Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что среди неизданныхъ актовъ найдется еще не мало указаній на изслѣдуемые нами союзы». Къ счастію для науки, «этими данными исчерпываются свѣдѣнія, дошедшія» только до г. Исаева; а такъ какъ до него дошло ихъ очень мало, то дѣйствительно «найдется еще не мало указаній» для автора и среди изданныхъ матеріаловъ. Нѣтъ нужды приводить здѣсь списокъ матеріаловъ, изданныхъ, но неизвѣстныхъ г. Исаеву. Г. Семевскій на диспутѣ прочиталъ довольно большой списокъ матеріаловъ, обойденныхъ авторомъ, начиная съ самыхъ древнихъ и кончая историческою литературою новѣйшею, такъ что г. Исаеву списокъ этотъ извѣстенъ; простой же перечень десятковъ актовъ и книгъ для читателя едва ли представляетъ интересъ.

Но этого мало. Г. Ходскій (возражавшій «какъ профанъ») на диспутѣ взвелъ на г. Исаева тяжкое обвиненіе. Онъ утверждалъ, что авторъ «дѣлаетъ иногда ссылки на первоначальные матеріалы, которыми въ дѣйствительности не пользовался». Вотъ что высказалъ г. Ходскій:

«На стр. 48 диссертаціи говорится о порядной записи 6 извощиковъ съ архимандритомъ Тихвинскаго монастыря, относящейся къ 1655 году, при чемъ дѣлается ссылка на «Акты Юридическіе», № 294. Кто потрудится сличить эту страницу диссертаціи съ страницею 12-ою «Артелей въ древней и новой Россіи» г. Калачова, тотъ найдетъ слѣдующее: г. Калачовъ говоритъ здѣсь о двухъ артеляхъ: 1) объ артели, о которой идетъ рѣчь на стр. 48 у г. Исаева, и 2) объ артели для отправленія ямской гоньбы. Въ общей ссылкѣ относительно обѣихъ артелей у г. Калачова читаемъ: «Оба эти документа помѣщены въ Актахъ Юридич. подъ №№ 294 (1) и 198». Не имѣя подъ руками подлинныхъ «Актовъ Юридическихъ», Исаеву приходилось на-угадъ сдѣлать ссылку или на № 294, или на № 198. Остановившись на № 294, онъ промахнулся и сослался на тотъ документъ, въ которомъ говорится какъ разъ не о той артели, о которой помѣщены

свѣдѣнія на стран. 48 диссертаціи. Объ этой же артели рѣчь идетъ въ «Актахъ» подъ № 198, раздѣленнымъ десяткомъ страницъ отъ документа, помѣченнаго № 294. Я считаю подобную ошибку немыслимою, еслибы г. Исаевъ справился въ «Актахъ Юридическихъ» объ интересовавшей его артели «шести извощиковъ», которыхъ, къ слову сказать, было и не шесть, а семь...»

Далѣе, чтобы показать, какъ опасно для репутаціи ученаго прибѣгать къ указанному пріему, г. Ходскій сослался на страницу 51-ю, гдѣ читаемъ слѣдующее:

«Древней Россіи были, несомнѣнно, извѣстны и артели бурлаковъ. Хотя двѣ поручныя записи отъ 1642 и 1653 годовъ *) и не указываютъ прямо на круговую поруку, но характеръ договора между нанимателемъ и ярыжными до того напоминаетъ новѣйшія условія хозяевъ съ бурлаками, что даетъ намъ право предполагать примѣненіе артельной формы и среди этихъ рабочихъ. Въ запискахъ перечисляются обязанности ярыжныхъ: они должны тянуть канатъ, работать на судахъ; если судно станетъ на мель, они должны снимать его, лазить съ рычагами въ воду. Одной изъ этихъ группъ вмѣнено, сверхъ того, въ обязанность выстроить въ Астрахани амбаръ, разгрузить судно и сложить хозяйскіе товары **). Всѣмъ ярыжнымъ, которыхъ было по первой записи шестеро, а по второй—восьмеро, была опредѣлена *одинаковая плата*, часть которой была взята рабочими въ видѣ задатка впередъ».

«Послѣдняя фраза,—замѣтилъ г. Ходскій,—при внимательномъ чтеніи, невольно вызываетъ улыбку недоумѣнія. По ея буквальному смыслу выходитъ, что участники двухъ артелей, дѣйствовавшихъ одна въ 1642 г., а другая въ 1653 г., получили одинаковую плату. Такое странное совпаденіе ускользнуло отъ вниманія г. Исаева, иначе онъ не преминулъ бы сличить это мѣсто своей диссертаціи хотя бы съ Калачовымъ, при чемъ убѣдился бы, что, при первомъ чтеніи восьмой страницы у Калачова, онъ по разсѣянности просмотрѣлъ слѣдующую фразу: «о наемной платѣ вторыхъ (2 артели) свѣдѣній въ Актѣ не уцѣлѣло», и, конечно, не сталъ бы послѣ этого утверждать, что «всѣмъ ярыжнымъ была опредѣлена одинаковая плата». Но этого мало: г. Калачовъ не только не говоритъ объ одинаковой платѣ участниковъ обѣихъ артелей, но даже и по отношенію къ одной первой говоритъ какъ разъ обратное тому, что находимъ у г. Исаева. Правда, это мѣсто у г. Калачова невполнѣ ясно, но любопытно, что эта неясность въ перифразировкѣ Исаева обращается въ невѣрность. Именно у г. Калачова мы читаемъ: «Наемной платы дано первымъ по 4 рубля безъ 10 алтынъ и по 8 рубля на человѣка», а г. Исаевъ, какъ видно изъ диссертаціи, понялъ такъ, что каждый получилъ по

*) „Акты Юридич." № 311 (Калачовъ, ст. 7).

**) У Калачова: „о наемной платѣ вторыхъ свѣдѣній въ Актѣ не уцѣлѣло (стр. 8)". Прим. Ходскаго.

7 рублей 10 алтынъ, и замѣнилъ цифры Калачова словами: «всѣмъ... была опредѣлена одинаковая плата». Между тѣмъ въ подлинныхъ «Актахъ Юридическихъ» соотвѣтственное мѣсто читаемъ такъ: «А найму они ярыжные рядили у Василья въ готовый хлѣбъ и харчъ, Гаврило Артемьевъ, Семенъ Елисеевъ, да Тихонъ Ивановъ, да Григорій Галеченинъ (рядили) по 4 рубли безъ 10 алтынъ; а Харитонъ Яковлевъ да Моисей Харитоновъ рядили найму по три рубля денегъ на человѣка». Такимъ образомъ подлинный матеріалъ уже не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ первой артели изъ 6 человѣкъ четверо получили по 4 рубля безъ 10 алтынъ, а двое—по три рубля на человѣка. Изъ сдѣланныхъ сопоставленій легко убѣдиться, что перефразировкою Калачова г. Исаевъ совершенно исказилъ тотъ документъ, на который ссылается въ диссертаціи: неравенство вознагражденія отдѣльныхъ членовъ артели обратилось у него въ равенство».

Затѣмъ г. Ходскій, для доказательства излишняго подражанія автора г. Калачеву, указалъ на стр. 28-ю, на которой г. Исаевъ утверждаетъ, что кредитныя артели вовсе не были знакомы древней Россіи. Онъ это заключаетъ, вѣроятно, изъ того, что г. Калачовъ о нихъ ничего не говоритъ и потому не справился съ «Актами». Между тѣмъ г. Ходскій прочиталъ «Акты Юридическіе» подъ №№ 238 и 239, несомнѣнно указывающіе на кредитныя артели.

Иногда профессоръ прибѣгаетъ и къ подобнымъ пріемамъ. Онъ начинаетъ свою книгу такъ: «Русскія артели стали весьма недавно предметомъ серьезнаго изслѣдованія. Бѣглыя замѣтки объ этой формѣ общенія встрѣчаются уже въ путевыхъ запискахъ нашихъ ученыхъ прошлаго вѣка: Палласа, Лепехина, Георги; но эти замѣтки большею частью ограничиваются только указаніемъ на существованіе артелей въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества».

Внимательно читая книгу г. Исаева, нигдѣ не встрѣчаешь доказательствъ того, чтобъ авторъ пользовался этими записками. Хотя 2-й отдѣлъ «историческихъ свѣдѣній» яко бы посвященъ исторіи артели XVIII столѣтія; въ сущности же это десятокъ данныхъ, взятыхъ все у того же Немирова—«Биржевыя артели». Невозможно повѣрить, чтобы г. Исаевъ, прочитавъ путевыя записки ученыхъ прошлаго столѣтія, не постарался бы утилизировать ихъ. Вѣдь самъ же онъ говоритъ: «эти замѣтки ограничиваются большею частью только указаніемъ на существованіе артелей». Стало-быть есть замѣтки, которыя не ограничиваются только указаніемъ. Какъ же было не воспользоваться этими крохами? Вѣдь «курочка по зернышку собираетъ, да и то сыта бываетъ». А кто знакомъ съ этими записками, тотъ знаетъ, какъ много находится тамъ данныхъ—очень цѣнныхъ и иногда подробныхъ, обстоятельныхъ; напомню, напримѣръ, описаніе рыболовства и рыболовныхъ артелей на Каспійскомъ морѣ, уральское, на Сѣверномъ океанѣ, солепромышленныя артели на Эльтонѣ, артели для

добыванія смолы, дегтя, артели звѣроловныя и т. д. Эти свѣдѣнія тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они еще не проникли въ ученую литературу. Дѣло объясняется очень просто: чтобы прочитать книгу г. Немирова, нужно maximum шесть часовъ, а чтобы перечитать десятки фоліантовъ Палласа, Лепехина, Георги, Гмелина, Фалька, Рычкова, Озерецковскаго, Ношпана, Берга и пр., нужно быть-можетъ шесть мѣсяцевъ, которые авторъ затратить не пожелалъ. А потому въ вышеприведенномъ мѣстѣ онъ говоритъ съ чужихъ словъ, не оговариваясь при этомъ.

Послѣ всего этого что сказать объ историческомъ очеркѣ книги г. Исаева? Авторъ слишкомъ мало знакомъ (вѣрнѣе, онъ совсѣмъ не знакомъ) съ исторіей вопроса: цитируетъ только гг. Калачова и Ефименко, да и въ этомъ немногомъ вноситъ путаницу и, разумѣется, ничего не выясняетъ.

Приступая къ разбору книги г. Исаева, слѣдуетъ имѣть въ виду двѣ стороны: 1) насколько удовлетворительно авторъ излагаетъ строй артели, насколько полно, всесторонне овладѣлъ онъ имъ и 2) тѣ общія положенія, которыя онъ даетъ, насколько они справедливы—и насколько вѣрны, истинны тѣ идеи, общіе выводы, которые авторъ дѣлаетъ, какъ результатъ изученія. Но предварительно должно посмотрѣть, насколько авторъ добросовѣстно отнесся къ дѣлу, насколько глубоко изучилъ матеріалы, достаточно ли обнялъ литературу вопроса. Вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ публицистомъ, не съ журнальною статьей: передъ нами—докторская диссертація, докторъ политической экономіи и статистики. И мы въ правѣ требовать отъ него серьезнаго отношенія къ дѣлу, глубокаго знакомства съ литературой; наконецъ, въ правѣ ожидать общія положенія, выводы—не избитые литературой, не заѣзженные газетчиками, а нѣкоторымъ образомъ оригинальные, выработанные самимъ авторомъ, научнымъ образомъ обставленные, убѣдительно доказанные. А вѣдь то или иное, болѣе серьезное или легкое, отношеніе къ литературѣ, несомнѣнно, кладетъ печать на весь трудъ, а во второмъ случаѣ бросаетъ тѣнь на выводы, заставляетъ съ сомнѣніемъ относиться къ нимъ, недовѣрять... И понятно. Истина вырабатывается тяжелымъ, упорнымъ трудомъ,—ее приходится брать съ бою; и чѣмъ шире, глубже, всестороннѣе изучилъ авторъ вопросъ, тѣмъ болѣе гарантіи въ томъ, что его выводы, положенія болѣе истинны, а потому тѣмъ они убѣдительнѣе, и наоборотъ. Мы уже видѣли, насколько небрежно отнесся авторъ къ исторіи артели и, думаю, убѣдились изъ разбора этой исторіи, насколько она не похожа на исторію. Послѣдуемъ такому же порядку и здѣсь, начиная съ литературы.

Съ перваго же бѣглаго обзора, литература книги г. Исаева производитъ какое-то странное впечатлѣніе: хотя она и велика, и разнообразна, и почти каждая страница испещрена ссылками, но слишкомъ часто бросаются въ глаза: Немировъ—«Биржевыя артели», Ефименко—«Артели Архангельской губерніи» и «Постановленія» биржевыхъ и родственныхъ имъ артелей. Разсмотримъ болѣе внимательно.

Всѣхъ ссылокъ, считая съ 52 страницы, которою оканчивается историческій очеркъ, 610. Ихъ можно разбить на слѣдующія группы: Немировъ—«Биржевыя артели» — 95 ссылокъ, «Постановленія» биржевыхъ и разныхъ артелей—69, «Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ»—153. Прочихъ ссылокъ—293.

Складывая ссылки на Немирова и «Постановленія», взятыя тоже изъ Немирова, или Балачова, получимъ 164; а присоединяя сюда ссылки изъ «Сборника», получимъ 317 ссылокъ. То-есть ссылокъ на двѣ книжки, всѣмъ доступныя, гораздо болѣе, чѣмъ изъ всей остальной литературы. Попробуемъ, насколько возможно, выдѣлить ссылки на статьи объ артеляхъ новыхъ и родственныхъ имъ по духу биржевыхъ *); получимъ:

Немировъ съ «Постановленіями»	164 ссылки,
Статьи Ѳедорова и Огородникова изъ «Сборника»	38 ссылокъ.
Изъ отдѣла «прочія» minimum **)	93 ссылки.
Всего . .	295 ссылокъ.

Такимъ образомъ *около половины ссылокъ говорятъ о новыхъ и биржевыхъ артеляхъ*. Подъ эту группу нужно подвести 24 биржевыя артели петербургскія, нѣсколько московскихъ, нѣсколько артелей родственныхъ имъ, какъ артели: дрягильскія архангельская и петербургская, балластныя тамъ же, десятниковъ, вязчиковъ, купоровъ, штуровъ, заугорцевъ; сюда же нужно отнести монопольныя таможенныя артели, петербургскую столярную, павловскую слесарную, московскихъ половыхъ и, наконецъ, земскія артели—сыроваренныя, кузнечныя, сапожныя, смолокуренныя. Изъ нихъ тверскія земскія артели уже не существуютъ: земство давно тяготилось ими и въ прошломъ году покончило съ ними, передавъ уцѣлѣвшія немногія смолокуренныя артели весьегонскому земству. Павловская слесарная артель тоже не существуетъ. Остальныхъ артелей 50 — 60, правда, существуютъ, но дѣло вотъ въ чемъ: что это за артели? Онѣ тысячными вкупами дѣлаютъ невозможнымъ бѣдному труженику стать членомъ; онѣ въ огромныхъ размѣрахъ эксплуатируютъ наемный трудъ, оставляя за собою только наблюденіе и исполненіе работъ легкихъ; онѣ даютъ выборнымъ тысячные оклады; въ нихъ много злоупотребленій, мошенничествъ. На диспутѣ профессоръ Вреденъ обратилъ вниманіе на то, что биржевыя и подобныя имъ артели слишкомъ уклоняются отъ существа артели и потому не должны бы и называться артелями. Я вполнѣ присоединяюсь къ этому мнѣнію: и дѣйствительно, пора уже покончить съ биржевыми артелями, пора признать ихъ просто за компаніи эксплуататоровъ, дабы не вносить въ вопросъ путаницу. Г. Исаевъ хотя и не согласенъ съ этимъ, а между тѣмъ и самъ говоритъ: «дрягильская ком-

*) О различіи старыхъ и новыхъ артелей будетъ сказано ниже.

**) Беру эту цифру приблизительно, въ виду трудности опредѣлить точно. Кто прочиталъ книгу, тотъ согласится, что это дѣйствительно minimum.

панія начала приближаться къ капиталистическимъ предпріятіямъ» (271); а на 284 страницѣ: «въ Петербургскихъ (биржевыхъ) исчезаетъ духъ артели, но форма остается нетронутой; въ тѣхъ же московскихъ, гдѣ не запрещается пріобрѣтеніе артельнаго мѣста лицамъ уже участвующимъ въ другой артели, и самой формѣ скоро угрожаетъ полное измѣненіе». Къ этому вопросу мы еще возвратимся. А пока, если г. Исаевъ думаетъ такъ, то къ чему же было набивать помянути этимъ хламомъ? Вѣдь биржевыя артели имѣютъ огромную литературу, да и такой большой и прекрасный, въ смыслѣ научности, трудъ, какъ Немирова, занимается исключительно ими; о нихъ читатель много найдетъ у Калачова и у Тернера «О рабочемъ классѣ», не говоря уже о множествѣ статей. Не разумнѣе ли было бы интересующагося читателя отослать къ этимъ трудамъ, самому же ограничиться минимальнымъ количествомъ ссылокъ на нихъ и вмѣсто этого дать сколько-нибудь удовлетворительный очеркъ исторіи артели?...

Но, быть-можетъ, подумаютъ, что остающіяся 200 ссылокъ изъ отдѣла «прочія» богаты содержательностью, качественностью, разнообразіемъ?—Ничуть не бывало. Тутъ разныя газетныя статейки цитируются разъ по 5—6: напримѣръ, № 185 *Русскихъ Вѣдомостей* 1873 года цитируется 5 разъ, 1879 года № 218—тоже 5 разъ, 1880 года № 8-й—6 разъ и т. д.; небольшая статья г. Надеждина въ *Земледѣльческой Газетѣ* 1874 года, № 47, цитируется тоже 5 или 6 разъ; статья Вернадскаго о бурлакахъ (*Журн. Мин. Вн. Д.* 1857 г.) цитируется 10 разъ; цитируются нѣсколько разъ «Промышленныя товарищества» Исаева и т. д.

И этотъ отдѣлъ литературы очень несолиденъ, чтобы не сказать болѣе. Авторъ слишкомъ легко отнесся и далеко не исчерпалъ литературу. Бываетъ и такъ, что онъ цѣнные матеріалы цитируетъ недостаточно: напримѣръ, «Протоколы тверскаго губернскаго земскаго собранія» цитируетъ только съ 1875 года, т. е. когда пѣсенка артельная была уже почти спѣта; другіе земскіе матеріалы совсѣмъ не цитируетъ, или, напримѣръ, прекрасные и обширные матеріалы о столь распространенныхъ рыболовныхъ артеляхъ въ «Изслѣдованіи о состояніи рыболовства въ Россіи» Бера и Данилевскаго, 8 т., цитируются всего только 8, вѣрнѣе же 6 разъ. Какъ-то непріятно сопоставить тотъ фактъ, что петербургская столярная артель цитируется 16 разъ... Г. Исаевъ долженъ бы знать, что это за артель. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ нѣмцевъ и русскихъ богачей, изъ которыхъ каждый эксплоатируетъ артель рабочихъ, а всѣ вмѣстѣ эксплоатируютъ довѣрчивую публику и даже неразборчивыхъ ученыхъ, имѣя вывѣску «Столярная артель» на богатѣйшемъ магазинѣ на углу Невскаго и Литейной. Я говорю, авторъ долженъ бы знать, потому что лѣтъ десять назадъ, напримѣръ, въ «Ассоціаціяхъ» Михайлова, уже раздавались рѣзкія обвиненія противъ нея: она не исполняла устава—не печатала отчетовъ, не принимала новыхъ членовъ, эксплоатировала массу рабочихъ. Неужели-жь

эта чухонская ассоціація заслуживаетъ вдвое большаго вниманія, чѣмъ ученый трудъ академика Бера и Даниловскаго, и неужели только потому, что у нея есть печатный уставъ?

Указывать г. профессору подробно на обойденные имъ матеріалы невозможно, по огромной массѣ ихъ, да и не представляетъ общаго интереса. Укажу только кое-что болѣе важное, чего обойти ужь никакъ не слѣдовало. Особенно много можно бы указать матеріаловъ о рыболовныхъ артеляхъ. Затѣмъ, о бурлакахъ цитируется 10 разъ только статья Вернаденаго, да Небольсинъ разъ или два. Большой пробѣлъ и въ земледѣльческихъ артеляхъ. Особенно странно было опустить такія статьи, какъ, наприм., Потанина «Никольскій уѣздъ и его жители», статьи Энгельгардта о сыроваренныхъ артеляхъ и о грабаряхъ, статьи Немировича-Данченко «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ», затѣмъ статьи въ *Молвѣ* (недѣльной), въ *Земледѣльческой Газетѣ*, особенно за послѣднія пять лѣтъ, статьи въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества* (имѣется всего одна или двѣ ссылки). Изъ книгъ укажу только такія, гдѣ авторъ нашелъ бы не одинъ, а нѣсколько фактовъ: Тернеръ «О рабочемъ классѣ», Гакстгаузенъ «Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній», Максимовъ—«Годъ на сѣверѣ», Майновъ—«Поѣздка въ Обонежье и Корелу», «Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности». Но обойти такія капитальныя вещи, какъ «Матеріалы для изученія кустарной промышленности» и особенно «Докладъ сельско-хозяйственной коммиссіи», въ которыхъ разбросаны десятки фактовъ крайне важныхъ,—обойти при бѣдности литературы вопроса,—я затрудняюсь, какъ это назвать... При этомъ нужно еще имѣть въ виду заявленіе г. Исаева: «Е. И. Якушкинъ снабдилъ меня многими разбросанными по разнымъ повременнымъ изданіямъ матеріалами,—весьма трудно отыскать нѣкоторые изъ нихъ,—и тѣмъ облегчилъ мою работу»... Итакъ, трудъ автора оказывается еще болѣе облегченнымъ, легкимъ.

Но, скажутъ, автору можетъ и не требовалось такое тщательное изученіе литературы? Онъ, вѣроятно, пріобрѣлъ массу фактовъ изъ жизни, много наблюдалъ артелей, тщательно изучалъ ихъ и такимъ образомъ вооруженъ данными гораздо болѣе важными, болѣе современными, научно собранными?—Да, безспорно, изученіе артелей въ самой жизни, непосредственное наблюденіе ихъ на работѣ, дома, личное отношеніе къ нимъ, знакомство съ членами,—конечно, такое изученіе безмѣрно важнѣе и научнѣе матеріаловъ книжныхъ, газетныхъ статеекъ, часто пустыхъ, невѣжественныхъ.

Кромѣ того авторъ вполнѣ сознаетъ, какъ мало изучены у насъ артели. Изложивъ, насколько возможно по печатнымъ источникамъ, данныя объ артели, онъ на 93 страницѣ говоритъ: «Но *эти артели составляютъ незначительное, почти незамѣтное, меньшинство по сравненію съ тѣми, которыя не имѣютъ записанной исторіи*». Это—самое вѣрное,

справедливое положеніе автора изъ всей его книги; и вмѣстѣ съ тѣмъ вся его книга ни на іоту не измѣняетъ этого положенія, не умаляетъ его значенія. Въ данномъ случаѣ тѣмъ возможнѣе было ожидать такого изученія, что авторъ—человѣкъ обезпеченный и живетъ на главной артеріи артели—на Волгѣ.

Но, быть-можетъ, авторъ возразитъ, что бо́льшаго въ настоящее время онъ не могъ и сдѣлать, въ виду тѣхъ трудностей, которыя ожидали его на первыхъ же шагахъ практическаго изученія, что онъ опасался того боязливаго недовѣрія, которое такъ мѣшало ему при изслѣдованіи промысловъ Московской губерніи, когда «населеніе видѣло во мнѣ «чуднаго», таинственнаго и страшнаго барина, пріѣхавшаго невѣсть за чѣмъ и изучавшаго мѣстность, чтобы потомъ принести ей какія-нибудь платежныя тягости. Нерѣдко при моемъ въѣздѣ въ какое-либо селеніе всѣ безпаспортные, если таковые оказывались, бѣжали, не взирая на зимнее время, куда глаза глядятъ, чтобъ избѣгнуть, будто бы, угрожавшаго съ моей стороны ареста. Едва я входилъ въ столярную мастерскую, какъ изумленіе и нѣмая робость обнимали присутствовавшихъ: замирала на полудорогѣ пила, не окончивъ начатой работы; на воздухѣ останавливалась съ рубанкомъ поднятая рука столяра; спицы валились изъ рукъ вязавшей чулки оторопѣлой хозяйки и даже голосившіе ребятишки унимались и пристально, не моргая, смотрѣли на меня удивленными глазенками» *). О, въ такомъ случаѣ нечего винить автора! Если онъ производитъ такое страшное впечатлѣніе на народъ, то, конечно, изслѣдовать артели въ жизни было бы съ его стороны не только не умно, но даже не гуманно,—онъ только разогналъ бы всѣ артели.

Можно бы подумать, что авторъ занимался съ предвзятой идеей,—такъ много отведено мѣста новымъ артелямъ и биржевымъ, т. е. десяткамъ вымирающихъ артелей, искаженныхъ, и столько же мѣста остальнымъ чисто-народнымъ, стариннымъ артелямъ, которыя нужно считать буквально тысячами. Разумѣется, къ выводамъ ученаго, такъ ненаучно поставившаго вопросъ, слѣдуетъ относиться крайне осторожно. Литература несомнѣнно должна была вліять на складъ его идей, на сдѣланные выводы. Она должна была односторонне стимулировать его мысль, она должна была настроить, придавать большее значеніе и иной смыслъ вымирающимъ, искаженнымъ артелямъ.

Послѣ всего этого не стоитъ останавливаться на вопросѣ, насколько удовлетворительно излагаетъ авторъ строй артели. Перелистайте хотя страницы «Артелей въ Россіи», гдѣ излагается строй артели, и у васъ зарябитъ въ глазахъ отъ массы ссылокъ на Немирова и «Постановленія»; онѣ приводятся въ подавляющихъ размѣрахъ и даютъ ясное понятіе, какой строй артели рисуетъ авторъ,—во всякомъ случаѣ, не строй чистой народной артели.

*) *Исаевъ*: «Промыслы Московской губерніи».

Но прежде, чѣмъ перейти къ выводамъ автора, къ общей части его книги, считаю нужнымъ высказать слѣдующее. На всей книгѣ г. Исаева лежитъ печать спѣшности и небрежности. Къ сожалѣнію, живя теперь въ провинціи, я лишенъ возможности доказать это болѣе неопровержимо, — у меня нѣтъ подъ руками всѣхъ нужныхъ для этого матеріаловъ,—но и то, что случайно бросилось въ глаза, подтверждаетъ мою мысль. Такъ, на стран. 188, авторъ говоритъ: «Двѣ артели разносчиковъ газетъ въ Петербургѣ, во избѣжаніе соперничества, подѣлили между собою городъ на участки, и каждая продаетъ газеты только въ своемъ». При этомъ дѣлается ссылка на мою «Программу для собиранія свѣдѣній о русской народной артели» (*Русская Мысль* 1881 года, кн. I).

А между тѣмъ въ моей «Программѣ» ничего такого нѣтъ, и единственное мѣсто, которое могъ разумѣть здѣсь г. Исаевъ, слѣдующее: въ главѣ VIII—«междуартельныя отношенія»—на вопросъ 96: «нѣтъ ли какихъ отношеній между отдѣльными, особенно однородными артелями?»—привожу въ поясненіе примѣръ: «Въ Петербургѣ двѣ артели посыльныхъ, и такъ какъ число хорошихъ постовъ ограничено, то обѣ артели, для избѣжанія конкурренціи и для справедливаго, равномѣрнаго распредѣленія выгодъ, сообща рѣшаютъ: сколько человѣкъ отъ каждой артели должно быть на постахъ, большая артель выставляетъ и большее число посыльныхъ и затѣмъ уже, при требованіи услугъ ихъ, они очередуются между собою». Вотъ и все. Какъ произошла подобная небрежность, объяснить не умѣю, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ авторъ ссылается правильно, даже съ указаніемъ страницъ.

На страницѣ же 253 ариѳметическій разсчетъ сдѣланъ такъ сбивчиво и неясно, что трудно понять его. Къ тому же онъ совершенно излишенъ и весь разсчетъ его ни къ чему не ведетъ: высокій заработокъ биржевыхъ артельщиковъ вовсе не доказываетъ выгоду артельнаго соединенія, а лишь выгодное положеніе ихъ при монопольномъ господствѣ на трудовомъ рынкѣ, съ совершеннымъ отсутствіемъ конкурренціи однородныхъ артелей, или единичныхъ рабочихъ.

Сюда же можно отнести и замѣчаніе на главу VII. Авторъ разбираетъ въ этой главѣ—къ слову сказать, довольно хорошей—законодательство по артелямъ и, къ сожалѣнію, игнорируетъ законодательство новое по продолженію Свода Законовъ, вслѣдствіе чего очеркъ этотъ является неполнымъ и отсталымъ.

Любопытна еще одна сторона автора—это какой-то утрированный оптимизмъ, ликующее настроеніе, возвышенный слогъ. У него все прекрасно, все блеститъ, все такъ и должно быть, и если что ужь очень нехорошо, то это было и, вѣроятно, начальство уже позаботилось, чтобъ этого не было. Говоритъ ли онъ про докладъ г. Яковлева въ В. Э. Обществѣ,—докладъ непремѣнно *блестящій*, но такъ же *блестяща* и агитація Лассаля. Говоритъ ли о Шульцѣ-Деличѣ, непремѣнно такимъ слогомъ: «онъ за-

тронулъ тѣ стороны, которыя изстари звучатъ и у насъ». О трудѣ профес. Пахмана говоритъ: онъ «въ стройномъ порядкѣ и изящной формѣ излагаетъ тотъ матеріалъ, который ему даютъ артельные обычаи» (IV). Главное—стройный порядокъ и изящная форма, а остальное—пустяки... Говоритъ ли о земствѣ, непремѣнно—«*стройное и изящное* земское самоуправленіе» (66). Но вотъ авторъ наталкивается на отвратительныя, раздирающія душу картины насилія, грубаго безчеловѣчія надъ народнымъ духомъ, коверканія самыхъ излюбленныхъ коренныхъ основъ артели, какъ самоуправленіе, выборное начало, въ зависимыхъ отъ таможни архангельскихъ артеляхъ. «Но если это и *многое другое*,—говоритъ г. Исаевъ,—и съуживаетъ самоуправленіе артели, то съ такимъ съуженіемъ *нужно примириться* въ виду обязанности государства ограждать свои интересы» (249). Г. Исаевъ не задается вопросомъ: насколько это нужно, и нужно ли вообще? Или, описывая, какъ беззаконно мѣстная администрація тѣснитъ и извращаетъ артели лоцмановъ на р. Свири, авторъ обязательно дѣлаетъ слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Такъ было десять лѣтъ тому назадъ; *мы успокоиваемъ себя надеждой*, что подлежащія власти положили конецъ этимъ злоупотребленіямъ». Такіе ораторскіе обороты тѣмъ болѣе неумѣстны, что авторъ долженъ былъ знать корреспонденціи напр. въ *Голосѣ* изъ «Гакручей» за 1879 и 1880 гг.; въ концѣ этого іюня опять была корреспонденція о возмутительныхъ дѣйствіяхъ начальства, приставленнаго и якобы выборнаго. Это «мы успокоиваемъ себя надеждой»—въ своемъ родѣ перлъ. «Поменьше бы перловъ и алмазовъ,—сказалъ на деспутѣ одинъ оппонентъ г. Исаеву,—но побольше дѣла, изученія». Съ этимъ нельзя не согласиться.

Теперь нѣсколько остановимся на общихъ положеніяхъ, выводахъ автора. Тутъ такъ много затрогивается вопросовъ, вопросы настолько важны, несогласій у меня съ авторомъ такъ много, что, къ сожалѣнію, въ небольшой журнальной статьѣ могу остановиться только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Десятую главу (стр. 307) авторъ начинаетъ такъ: «Наши артели стариннаго типа не имѣютъ почти ничего подобнаго себѣ въ западной Европѣ». Но авторъ доказываетъ аналогію между артелями новаго происхожденія и западными ассоціаціями, а изъ страницъ 110 и 111 видно, что къ этимъ новымъ артелямъ онъ причисляетъ земскія артели, биржевыя и вообще артели, «возникающія при стороннемъ содѣйствіи», то-есть тѣ же излюбленныя авторомъ артели, которыми, какъ видѣли, онъ наполняетъ полкниги. Какія же черты характеризуютъ тѣ и другія артели? Артели новыя «были обязаны своимъ происхожденіемъ дѣятельности стороннихъ лицъ или учрежденій, были въ значительной степени *искуственно* насаждены»; «приложеніе артельнаго начала было явленіемъ совершенно новымъ... по отношенію къ тѣмъ промысламъ, въ которыхъ прилагалась артельная форма по почину отдѣльныхъ лицъ и учрежденій»; «строй новыхъ союзовъ, не имѣя руководящихъ началъ въ обычаѣ, нуждался въ искуствен-

ной организаціи» (стр. 308). Въ противоположность этимъ «новымъ» артелямъ, старинныя вполнѣ самобытны, крѣпнутъ на обычаѣ, существуютъ монополь-вѣка, какъ искусственнаго насажденія, такъ и искусныхъ организаторовъ не требуютъ. Авторъ находитъ возможность «съ полнымъ правомъ сдѣлать сравненіе между французскими и нѣмецкими товариществами и нашими артелями новаго наслоенія». Ранѣе добросовѣстно изучивши эти товарищества, проникнутый къ нимъ чувствомъ глубокаго уваженія, авторъ—кабинетный ученый, не видавшій въ глаза ни одной артели, очень спѣшно изучившій вопросъ—натолкнулся на огромную легко-доступную литературу именно артелей новыхъ (а эта литература дѣйствительно огромна). Все это, конечно, вмѣстѣ взятое должно было привести автора къ очень ошибочному, одностороннему взгляду на новыя артели, какъ на артели болѣе совершенныя, имѣющія будущность; онъ взялъ именно ихъ нормой артели и отсюда выводы, сдѣланные имъ, естественно стали ложны. Нѣсколько выше я уже указалъ на эту совершенно ненаучную постановку вопроса. Я указалъ на то, что эти образцовыя артели въ большинствѣ безвозвратно погибли, оставшіяся же слишкомъ ушли отъ чистыхъ началъ артели и не должны бы называться артелями,—это просто компаніи эксплоататоровъ. Вѣдь самъ г. Исаевъ на стр. 283—284 говоритъ: «Но тамъ, гдѣ обширность и разнообразіе оборотовъ побуждаютъ артель нанимать много рабочихъ, гдѣ или доходность промысла все болѣе и болѣе возвышается вкупѣ, или составленіе капитала вмѣняется въ обязанность сторонними учрежденіями, въ жизнь артели вкрадываются начала, способныя привести къ вырожденію союза не только по духу, но и по формѣ. Во-первыхъ, въ такихъ артеляхъ наемные рабочіе существенно отличаются отъ членовъ: высота имущественнаго взноса дѣлаетъ вступленіе въ артель для однихъ наемниковъ крайне труднымъ, для другихъ — даже невозможнымъ. Во-вторыхъ, члены артели, занимающей много рабочихъ, рѣзко отличаются отъ послѣднихъ по своему общественному положенію. Разнообразіе занятій побуждаетъ артельщиковъ удерживать для себя только тѣ, которыя сопряжены съ наименьшимъ ручнымъ трудомъ, которыя состоятъ въ завѣдываніи, наблюденіи, продажѣ, охраненіи и т. д.; постепенно артельщики выходятъ изъ области чисто тѣлеснаго труда. Затѣмъ увеличеніе доходовъ и накопленіе имущества отдѣльными членами даютъ имъ вкусить всю прелесть пользованія капиталомъ и побуждаютъ видѣть въ трудѣ второстепенный, низшій источникъ дохода. Сознаніе это ведетъ къ возможно-большему примѣненію наемныхъ рабочихъ, къ дальнѣйшему затрудненію желающихъ вступить въ артель, равно какъ и давленію на тѣхъ, которые, бывъ приняты союзомъ, не уплатили взноса сполна. Развитію во внутренней жизни капиталистическихъ интересовъ долго препятствуетъ сама артель: она своими постановленіями обязываетъ каждаго члена работать, караетъ за прогулъ и т. д. Долго повинуясь этимъ требованіямъ и сдерживая личныя побужденія, члены

стремятся измѣнить обременительныя для нихъ правила и, наконецъ, достигаютъ отмѣны обязательства участвовать личнымъ трудомъ въ дѣлахъ артели. Разъ вырвано это обязательство—одинъ существенный признакъ артели уничтоженъ—и она перестаетъ быть артелью даже по формѣ: она переходитъ въ рядъ капиталистическихъ предпріятій, наиболѣе приближаясь къ полному товариществу *). Среди нашихъ артелей всего ближе къ вырожденію стоятъ биржевыя. Въ петербургскихъ исчезаетъ духъ артели, но форма остается не тронутой; въ тѣхъ же московскихъ, гдѣ не запрещается пріобрѣтеніе артельнаго мѣста лицомъ, уже участвующимъ въ другой артели, и самой формѣ скоро угрожаетъ полное измѣненіе».

А на стр. 270 г. Исаевъ говоритъ: «если въ отношеніяхъ между членами (биржевыхъ артелей) по формѣ господствуетъ полная солидарность, то по духу эта солидарность не довольно сильна». На стр. 271 же говоритъ: «Подобныя же свѣдѣнія мы находимъ относительно петербургской дрягильской компаніи. Частыя злоупотребленія старостъ, притѣсненіе новиковъ стариками фактически повели въ ней къ раздѣленію членовъ на двѣ группы: одна исполняетъ самыя тяжелыя работы, другая — болѣе легкія; одна имѣетъ сторонніе доходы, другая не имѣетъ ихъ; высокое вознагражденіе должностныхъ лицъ (староста получаетъ 2.000 руб., десятники по 600 руб., съ правомъ ѣсть въ любомъ трактирѣ за счетъ артели) **)—все это естественно должно было вызывать непріязненныя отношенія между членами, разбивать участниковъ на двѣ взаимно-враждебныя группы. Многія изъ этихъ темныхъ сторонъ могутъ быть отнесены къ злоупотребленіямъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ,—злоупотребленіямъ, не связаннымъ съ существомъ артели, а встрѣчающимся иногда въ союзахъ любой формы; но причина извѣстной доли этого разъединенія лежитъ именно въ томъ, что *дрягильская компанія начала приближаться къ капиталистическимъ предпріятіямъ*—нанимать рабочихъ въ огромномъ количествѣ, освобождать членовъ отъ наиболѣе обременительныхъ работъ, ставить старѣйшихъ участниковъ на уровень людей хорошо обезпеченныхъ, которымъ гораздо ближе интересы капитала, чѣмъ труда. Едва ли можно оспа-

*) Если будетъ отмѣнена круговая порука для всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ, то артель можетъ перейдти въ неполное товарищество или акціонерное общество. Но родъ занятій биржевыхъ артелей, вѣроятно, сильно затруднилъ бы отмѣну круговаго ручательства. *Примѣч. г. Исаева.*

**) *Ѳедоровъ*: „Русскія артели и корпоративныя отношенія ихъ членовъ“, *Петерб. Листокъ* 1868 г., №№ 167 и 177. Г. Ѳедоровъ, негодуя на злоупотребленія въ дрягильской компаніи, говоритъ, что русская артель есть искаженіе, что „въ ней господствуетъ полнѣйшее разъединеніе“, что „сознаніе пользы отъ общаго единодушія еще не успѣло проникнуть въ умы членовъ нашихъ артелей“, и т. д. Всѣ эти замѣчанія рушатся, если противопоставить петербургской дрягильской компаніи артели охотниковъ, рыболововъ и многія другія.

Примѣч. г. Исаева.

ривать, что частные заработки членовъ, разъ они достигаютъ значительной высоты, ведутъ къ потерѣ артелью того духа солидарности, который вытекаетъ изъ самаго существа этой формы, изъ тѣсной связи между членами. Въ этомъ мы и видимъ главную причину разъединенія, знакомую многимъ биржевымъ артелямъ».

Все это говоритъ самъ г. Исаевъ, и говоритъ вполнѣ основательно. Мало того, авторъ вполнѣ справедливо говоритъ на стран. 269—270: «Можно подмѣтить, что артели городскія или же состоящія изъ людей, хорошо обезпеченныхъ, въ гораздо меньшей степени развиваютъ общественныя качества членовъ, чѣмъ артели сельскія и слагающіяся изъ людей менѣе обезпеченныхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ нуждой. Очень вѣроятно, что эта разница объясняется вліяніемъ города и деревни съ одной стороны и самою степенью состоятельности съ другой. Городъ въ сильной степени развиваетъ въ человѣкѣ начало индивидуалистическое. Такъ какъ въ составъ многочисленныхъ городскихъ артелей входятъ горожане или крестьяне различныхъ мѣстностей, то между членами не можетъ быть такъ сильно развито чувство солидарности, какъ между односельчанами, связанными общиннымъ строемъ. Во-вторыхъ, такая разница можетъ объясняться и тѣмъ, что члены артелей богатыхъ менѣе знакомы съ нуждой, а потому и менѣе способны понимать ее, неспособны такъ отзывчиво относиться къ бѣдствіямъ товарищей, какъ члены артелей, знакомые съ лишеніями».

Не менѣе правъ авторъ, утверждая о старинныхъ артеляхъ на стр. 272: «Но искренность и честность во внутренней жизни артели особенно развиты въ тѣхъ союзахъ этой группы, которые живутъ далеко отъ вліянія города и исключительно предоставлены собственнымъ силамъ. Стоитъ вспомнить, для характеристики артелей лѣсорубщиковъ, встрѣчу съ подобною артелью Потапа Максимовича въ Керженскихъ лѣсахъ. «Развѣ возможно артельному лѣснику съ чужанина хошь малость какую принять?... Развѣ артель спуститъ ему хошь одну копѣйку взять со стороны?...»

Все это должно бы въ значительной степени поколебать тенденціозные взгляды автора на новыя артели, какъ на болѣе совершенныя формы, заставило бы болѣе серьезно и внимательно отнестись именно къ старымъ артелямъ, глубже изучить ихъ, да не по однѣмъ книгамъ. Вѣдь авторъ знаетъ, насколько многочисленны онѣ въ жизни и какъ незначительно изучены: изученныя «составляютъ незначительное, *почти незамѣтное* меньшинство» по сравненію съ неизученными, говоритъ онъ (стр. 93).

Но не тутъ-то было. Авторъ смотритъ на новыя артели какъ на типичныя и вслѣдствіе этого дѣлаетъ много выводовъ, общихъ положеній, съ которыми никакъ нельзя согласиться. Таковы, напр., вопросы: о классификаціи, о причинахъ неудачи земскихъ артелей, о наемномъ трудѣ.

Авторъ классифицируетъ артели по аналогіи ихъ съ европейскими товариществами, распредѣляя на четыре группы: промышленныя, потреби-

тельныя, кредитныя и страховыя, подраздѣляя эти группы въ свою очередь. Я высказалъ кратко мои соображенія о несостоятельности этой классификаціи въ статьѣ: «Народныя артели» (*Рус. Мысль* 1881 г., кн. 4). Авторъ не согласился съ моими доводами. Объ этомъ придется еще говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Пока же скажу нѣсколько словъ. Авторъ классифицируетъ артели по аналогіи ихъ съ товариществами—и, между тѣмъ, отрицаетъ соотвѣтствіе, аналогію древнихъ артелей съ товариществами. Стало-быть та классификація негодна для нихъ, негодна для безчисленнаго множества чистыхъ народныхъ артелей, а годна только для полусотни новыхъ извращенныхъ, и потому едва ли она имѣетъ право на названіе классификаціи артелей.

Второй вопросъ—о причинахъ неудачи земскихъ и вообще пропагандированныхъ артелей—вопросъ любопытный и важный не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи. И только то обстоятельство, что этотъ вопросъ взятъ мною предметомъ ряда статей, уже начавшихся печататься (*Земство* №№ 4 и 28, статья «Земство и артель»), заставляетъ меня коснуться здѣсь его болѣе кратко.

При устройствѣ артелей представляются двѣ существенныя задачи — организованіе собственно и доставленіе капитала. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Исаевъ: «Кредитъ этого рода имѣетъ ту отличительную особенность, что заимодавецъ является plus royaliste que le roi. Заимодавецъ проникается сознаніемъ важности артельнаго общенія и стремится вызвать эту форму труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ она дотолѣ не была извѣстна. Онъ не щадитъ своихъ силъ для внушенія членамъ данной группы сознанія о превосходствѣ артели предъ другими формами предпріятій; но, не ограничиваясь словами, онъ показываетъ и на дѣлѣ готовность способствовать новосозданному союзу. Ссылаются данныя лица на невозможность устроить артель по неумѣнью организовать предпріятіе — и проповѣдникъ артельнаго труда принимаетъ на себя дѣло организованія; указывается на недостатокъ капиталовъ, какъ на помѣху для образованія артели—и проповѣдникъ открываетъ кредитъ. Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ заимодавцемъ руководитъ стремленіе къ общественной пользѣ безъ всякой примѣси эгоистическихъ побужденій, то открытый кредитъ удовлетворяетъ всѣ условія, которыя можно только требовать при пользованіи чужими капиталами: процентъ очень низокъ—3—5 годовыхъ, уплата ссуды разсрочивается на нѣсколько лѣтъ. Такой кредитъ нашли артели со стороны земствъ, которымъ и были всецѣло обязаны своимъ возникновеніемъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно Тверской губерніи, частію Ярославской, Вятской и др. Почтенную роль въ дѣлѣ открытія кредита артелямъ играли Вольное Экономическое Общество и, наконецъ, правительство при учрежденіи Павловской складочной артели» *)

*) *Исаевъ*: «Артели въ Россіи», изд. 1881 г., стр. 213.

Какъ видно, условія самыя благопріятныя для успѣшной прививки артели; но крайней мѣрѣ такъ представляется дѣло со стороны интеллигентнаго организатора. Онъ «проникается сознаніемъ важности артельнаго общенія»; имъ «руководитъ стремленіе къ общественной пользѣ безъ всякой примѣси эгоистическихъ стремленій». Проповѣдникъ артельнаго труда «не щадитъ своихъ силъ (какъ и подобаетъ проповѣднику) для внушенія членамъ данной группы сознанія о превосходствѣ артели предъ другими формами предпріятій». Онъ «принимаетъ на себя дѣло организованія». Итакъ, со стороны «проповѣдника артельнаго труда» здѣсь все есть: есть самыя высокія качества души, самыя беззавѣтныя стремленія сердца; бездна великодушія, самоотверженія, чистой, «безъ всякой примѣси эгоистическихъ побужденій», высокой любви къ ближнему. Большаго, болѣе возвышеннаго человѣкъ не можетъ дать. Прекрасно. Изъ-за чего же дѣло стало?—А дѣло стало изъ-за того, что кромѣ евангельскаго проповѣдника, къ сожалѣнію, еще приходится имѣть въ виду стадо, именуемое авторомъ «членами данной группы» (!), которому «проповѣдникъ не щадитъ своихъ силъ для внушенія»... И все сводится къ тому, способны ли «члены данной группы» проникнуться внушаемыми имъ возвышенными идеями. Можно же догадаться, что проповѣдь останется гласомъ вопіющаго въ пустыни. Гдѣ это видано и возможно ли, чтобы какіе-то «члены данной группы» проникались возвышенными идеями?! Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. «Члены данной группы» такъ и остались стадомъ безсмысленнымъ, а самоотверженные, безкорыстные, гуманные проповѣдники—разочарованные—съ грустью отошли, сожалѣя, что они, носители великихъ идеаловъ, такъ несвоевременно рано произведены на свѣтъ. Гдѣ же разгадка этой печальной трагикомедіи? Попросимъ почтеннаго автора разъяснить намъ это.

«Мы не видимъ и намека,—говоритъ г. Исаевъ (стр. 312),—на то воодушевленіе, которымъ были объяты французскіе рабочіе классы, ни той зрѣлой обдуманности, которую можно подмѣтить въ нѣмецкихъ ремесленникахъ, основывавшихъ артели. Полная неподготовленность, отсутствіе предварительнаго умственнаго движенія, которое *заставило бы нашихъ мелкихъ производителей уразумѣть или хотя полюбить артельную форму веденія промысла*, является весьма существенною чертой, отличающей наши попытки въ дѣлѣ *насажденія* артелей отъ однороднаго движенія въ западной Европѣ. Форма была дана нашимъ кустарямъ съ одного удара, была дана при условіяхъ, повидимому, благопріятныхъ, но *самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ не было вовсе*, и потому неудачный исходъ долженъ былъ повести къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ на Западѣ».

О той же неподготовленности говоритъ г. Исаевъ и на стр. 277.

Авторъ не видитъ у членовъ «и намека на воодушевленіе», «ни зрѣлой обдуманности»; «полная неподготовленность», непониманіе и нелюбовь артельной формы; «самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ не

было вовсе»;—вотъ причина неудачи, «неудачнаго исхода». Но, позвольте, точно ли вся вина неудачи въ одномъ *стадѣ*? Такъ ли это? Вѣдь и стадо можно пригнать пастись на прекрасное растительностію поле, а можно пасти и на полѣ лишенномъ достаточной растительности. А здѣсь все-таки какіе ни да есть—люди, не бараны же... Все же они лучше барановъ понимаютъ свои выгоды, да и желанія выбиться изъ бѣдственнаго положенія не можетъ не быть. Г. Исаевъ конечно очень хорошо сознаетъ это и самъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 303) онъ говоритъ: «Частію при основаніи названныхъ артелей, частію въ первое время ихъ дѣятельности были сдѣланы ошибки столь крупныя, что крушеніе артелей было неизбѣжно. Когда замышляется созданіе новаго учрежденія, то не слѣдуетъ ли изучить условія, при которыхъ оно будетъ дѣйствовать, и образовать ихъ только тогда, когда и внѣшняя обстановка, въ которой будетъ жить учрежденіе, и лица, предназначенныя стать его членами, обезпечиваютъ успѣхъ? Необходимость выполнить это требованіе стоитъ внѣ спора, а тверское земство забыло о важности этого основнаго условія. Оно создало въ короткое время 30 артелей гвоздарей, и этотъ промыселъ обратилъ на себя особенное вниманіе земства въ силу своей распространенности; но оно упустило изъ виду, что пробилъ часъ вытѣсненія ручныхъ гвоздей машинными». «Такая же ошибка была сдѣлана и при основаніи павловской артели», продолжаетъ онъ.

Итакъ, «*были сдѣланы ошибки столь крупныя, что крушеніе артелей было неизбѣжно*» *). И все послѣдующее у автора высказано сильно и справедливо; вполнѣ справедливо. Но, позвольте, къ кому обращены эти рѣзкіе укоры? Кто надѣлалъ крупныя ошибки, кто обвиняется въ неподготовленности? Кто погубилъ самое дѣло?... Иниціаторы организаторы?—А если это такъ, причемъ же здѣсь «полная неподготовленность», «отсутствіе самодѣятельности» и прочіе нелестные эпитеты, обращенные къ членамъ? Развѣ такъ, для компаніи только?... Только-что высказавшись такъ справедливо, авторъ уже на слѣдующей страницѣ спѣшитъ поправиться и смѣло увѣряетъ, что «и эти ошибки не помѣшали бы долгому существованію артелей, еслибы лица, способствовавшія ихъ возникновенію, установили надъ ними неослабно-строгій надзоръ и устранили все, что могло неблагопріятно дѣйствовать на развитіе союзовъ: настойчивое требованіе объ исключеніи каждаго члена, который заявилъ бы о себѣ какъ о негодномъ артельщикѣ, строгое отношеніе къ издѣліямъ участниковъ, тщательная и частая повѣрка должностныхъ лицъ—вотъ что было нужно для воспитанія членовъ къ новому дѣлу; и такой порядокъ долженъ былъ бы поддерживаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; только упрочив-

*) Я имѣлъ возможность лично убѣдиться, напримѣръ, въ Павловѣ, какія непозволительныя, прямо преступныя вещи выдѣлывали тамъ иниціаторы-организаторы.

шись, артель могла бы быть безъ вреда для дѣла предоставлена самой себѣ».—Какъ же это такъ? Если «были сдѣланы ошибки столь крупныя, что крушеніе артелей было неизбѣжно», то какъ же «и эти ошибки не помѣшали бы долгому существованію артелей?»... Вообще автора нельзя упрекнуть въ излишней послѣдовательности. Нѣтъ, г. Исаевъ, какія бы полицейскія мѣры вы ни предлагали, какой бы «неослабно-строгій надзоръ» ни установляли, хотя бы по интеллигентному уряднику поставили въ каждую артель,—крушеніе ихъ все-таки было бы неизбѣжно. Не урядниками, не кулаками, хотя бы и интеллигентными, крѣпнутъ эти вопросы, къ вашему сожалѣнію, а принципами нравственными; *артель крѣпнетъ обоюднымъ довѣріемъ, взаимною солидарностью, чувствомъ дружбы, уваженія;* разъ нѣтъ этого, не будетъ и артели. А вы тутъ съ «неослабно-строгими надзорами»... Хоть артель-то избавьте отъ урядниковъ!

Въ другихъ мѣстахъ авторъ еще болѣе уясняетъ то невыгодное, затруднительное положеніе, въ которомъ очутились артели, тѣ неблагопріятныя условія, съ которыми имъ пришлось бороться, тѣ затрудненія, которыя окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Такъ на страницѣ 300 онъ говоритъ: «торговцы, доставляющіе кустарямъ сырье и скупающіе ихъ издѣлія, употребляютъ всѣ усилія, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ столь выгодную добычу. Стоитъ только вспомнить, что многіе изъ кузнецовъ Тверской губерніи боялись преслѣдованія торговцевъ, а потому и уклонялись отъ вступленія въ артели, созданныя земствомъ; стоитъ вспомнить, что тѣхъ изъ нихъ, которые становились членами артели, не разсчитавшись со скупщиками, наказывали розгами въ волостныхъ правленіяхъ. Такимъ образомъ противодѣйствіе артелямъ извнѣ было сильно и тамъ, гдѣ артель пользовалась большою поддержкой общественныхъ учрежденій».

А на слѣдующей страницѣ читаемъ: «Было бы поучительно шагъ за шагомъ прослѣдить вліяніе, которое оказываетъ эта зависимость на характеръ кустарника: несомнѣнно, что 1) она развиваетъ въ немъ боязнь лишиться этого кредита, а слѣдовательно боязнь предъ скупщикомъ, и 2) ведетъ, въ силу зависимости почти всѣхъ кустарей отъ торговцевъ, къ развитію между первыми не чувства солидарности, а сознанія противоположности интересовъ: каждый хочетъ получить большія выгоды отъ хозяина, лучше сосѣдей угодить ему, а это достигается только соперничествомъ между кустарями».

На страницѣ же 268 онъ высказываетъ вѣрное и чрезвычайно важное положеніе: «Въ артели же обязанности ставятся самимъ союзомъ, который и строго блюдетъ за ихъ исполненіемъ. Первый шагъ, облегчающій для артели рѣшеніе этихъ задачъ, состоитъ въ томъ, что *она ставитъ вступающимъ строгія требованія* и отвергаетъ человѣка «не артельнаго». Совершается подборъ, и подборъ тщательный, посредствомъ котораго артель привлекаетъ къ себѣ лучшихъ людей даннаго общественнаго слоя. Принявъ члена, артель уже имѣетъ въ немъ человѣка, обладающаго об-

щественными качествами. Затѣмъ наблюденіе за каждымъ изъ участниковъ со стороны союза не ослабѣваетъ и, такимъ образомъ, въ членахъ поддерживаются и укрѣпляются тѣ свойства, которыя необходимы для широкаго развитія начала солидарности внутри артели».

Да, дѣйствительно, артель «ставитъ вступающимъ строгія требованія и отвергаетъ человѣка «не артельнаго». Совершаетъ подборъ, и подборъ тщательный, посредствомъ котораго артель привлекаетъ къ себѣ лучшихъ людей даннаго общественнаго слоя». Да, это святая истина; это одно изъ самыхъ важныхъ и основныхъ положеній артели. И еслибъ иниціаторы-организаторы сознавали это положеніе, были проникнуты имъ, они-бъ не насаждали *искуственно*, едва не насильственно, артелей, они-бъ не стремились во что бы то ни стало въ короткое время создать возможно болѣе артелей; они-бъ остановились передъ замѣчательнымъ выраженіемъ ремесленниковъ-*мѣщанъ*: «не довѣряемъ другъ другу»—и не лѣзли бы изъ кожи во что бы то ни стало устроить между ними артель. Они-бъ съ большимъ уваженіемъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ народу; они-бъ не организовывали, не насаждали искуственно, не изучивъ условій, того, чего они не понимали; *они бы только стимулировали проявленіе артельнаго духа, способствовали-бъ его укрѣпленію, помогали-бъ ему всѣми силами и главнымъ образомъ деньгами* — и артели явились бы, хотя, можетъ-быть, и не такъ быстро и не въ такомъ количествѣ, но онѣ были бы дѣйствительно артелями и изъ этого зерна теперь уже разрослось бы могучее дерево.

Перехожу къ крупному вопросу о наемномъ трудѣ. Авторъ, сознавая важность его, возвращается къ нему не разъ и говоритъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги. На страницѣ 178 авторъ высказываетъ слѣдующее: «Во многихъ артеляхъ мы встрѣчаемъ наемныхъ рабочихъ. Намъ неизвѣстны случаи, гдѣ бы артель по принципу не допускала у себя наемнаго труда. Единственное исключеніе представляли артели кузнецовъ и сапожниковъ, созданныя въ Тверской губерніи стараніями земства».

И далѣе: «Хотя земство и не безусловно запрещало артелямъ нанимать рабочихъ, однако обставило наемъ нѣкоторыми ограниченіями. Но если наемъ рабочихъ и былъ ограничиваемъ, если рабочіе находились въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ рабочими капиталистическихъ предпріятій, то артели здѣсь ни при чемъ: все это было дѣломъ земства, слѣдствіемъ благороднаго желанія съузить, насколько возможно, область примѣненія наемнаго труда,—желанія, вызваннаго примѣрами изъ исторіи артелей западной Европы. Со стороны же самихъ артелей, насколько позволяютъ судить находящіяся передъ нами данныя, принципіально не предпринимается ничего, исключающаго наемный трудъ; противъ него ничего не имѣютъ наши артели, какъ древнія, такъ и болѣе новаго происхожденія».

Затѣмъ авторъ перечисляетъ тѣ артели, въ которыхъ наемный трудъ не примѣняется и, къ общему удовольствію, оказывается (стр. 181), что

«къ пяти перечисленнымъ группамъ можно отнести множество артелей, пожалуй большинство. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и найдутся наемные рабочіе, то это будетъ исключеніемъ, объясняемымъ какими-либо индивидуальными особенностями данной артели».

На 182 страницѣ авторъ увѣряетъ: «факты же свидѣтельствуютъ, что артель всегда нанимаетъ рабочихъ, если находитъ это для себя выгоднымъ». А на 184 страницѣ вполнѣ основательно доказываетъ, что «положеніе рабочихъ, нанимаемыхъ артелями, много хуже, нежели положеніе членовъ; мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобъ оно, въ общемъ, было лучше, чѣмъ въ предпріятіяхъ иныхъ формъ. Положеніе человѣка, нанятаго артелью, хуже, чѣмъ положеніе члена, въ двухъ отношеніяхъ».

Г. Исаеву «неизвѣстны случаи, гдѣ бы артель, по принципу, не допускала у себя наемнаго труда». Артелью «принципіально не предпринимается ничего, исключающаго наемный трудъ». Какъ понимать это «принципіально»: «по принципу?» Если считать за принципъ только то, что написано на бумагѣ, занесено въ уставъ,—авторъ пожалуй правъ: въ уставъ этотъ принципъ не занесенъ. Но ему, конечно, извѣстно, что въ огромномъ большинствѣ артелей чисто-народныхъ никакихъ уставовъ, ни правилъ нѣтъ, а все крѣпнетъ, и крѣпнетъ болѣе крѣпко, на обычаѣ не писанномъ, не печатномъ. И этотъ обычай очень часто запрещаетъ артели эксплоатировать наемныхъ рабочихъ. «Факты же свидѣтельствуютъ,—говоритъ г. Исаевъ,—что артель всегда нанимаетъ рабочихъ, если находитъ это для себя выгоднымъ». Это—не вѣрно. Если нужно, я укажу автору не мало примѣровъ, какъ изъ литературы, такъ и изъ личныхъ наблюденій, гдѣ артели не эксплоатируютъ наемный трудъ, хотя и могли бы. Напримѣръ, многія рыболовныя артели человѣкъ въ 15—20 и болѣе не пользуются наемнымъ трудомъ. А вѣдь могли бы вмѣсто 20 сойтись въ артель 10 членовъ и эксплоатировать 10 рабочихъ. Иногда такъ и бываетъ. Вообще правильныя артели, чисто народныя, ихъ же множество, артели мѣстныя и многія отхожія, какъ крѣпнущія на самыхъ коренныхъ основахъ народной жизни, на чистыхъ принципахъ артельно-общинныхъ,—эти артели не знаютъ наемнаго труда; онѣ не понимаютъ тѣхъ культурныхъ, столь понятныхъ намъ, «принциповъ», кои заставляютъ жить на чужой счетъ хотя отчасти, подъ какимъ бы то ни было видомъ. Вотъ почему, напримѣръ, въ рыболовныхъ артеляхъ, столь распространенныхъ, существуютъ паи половинные, даже четвертные, чтобы дать возможность человѣку съ самымъ незначительнымъ достаткомъ быть участникомъ, а нѣтъ наемнаго труда, и не потому, чтобы было невыгодно. Да и самъ г. Исаевъ убѣдительно доказываетъ выгоды артельнаго труда сравнительно съ наемнымъ, и, конечно, это справедливо почти для всѣхъ артелей. Стало-быть почти въ каждой артели есть выгода пользоваться наемнымъ трудомъ, соединяясь въ артели въ меньшемъ числѣ членовъ. Г. Исаевъ, конечно, не согласится, что онѣ принципіально

отрицаютъ наемный трудъ. Иногда, впрочемъ, и прекрасныя артели бываютъ вынуждены пользоваться наемнымъ трудомъ: такъ артели петербургскихъ банщиковъ нанимаютъ рабочихъ передъ большими зимними праздниками, такъ какъ въ эти немногіе дни требуется отъ нихъ огромная масса труда, которую они не могутъ выполнить силами артели, вполнѣ достаточными во все остальное время. Такіе рабочіе становятся ближайшими кандидатами въ члены артели.

Какъ же относится къ этому явленію г. Исаевъ? Онъ, конечно, отрицаетъ наемный трудъ, назвитъ должнымъ образомъ эксплоататорскія, кулацкія поползновенія артелей, негодуетъ на попытки артели, нерѣдко удачныя, обратиться въ буржуазно-капиталистическія формы, дабы эксплоатировать слабаго наемнаго рабочаго?... Вотъ что говоритъ г. Исаевъ (стр. 280): «Правда, что въ большинствѣ артелей не примѣняется наемный трудъ; но намъ неизвѣстно, чтобы, въ представленіи народа объ артели, эта форма предпріятій не примирялась съ фактомъ найма рабочихъ артелью или ея отдѣльными членами: слово «артель» употребляется одинаково какъ въ примѣненіи къ тѣмъ союзамъ этой формы, которые вовсе не пользуются наемнымъ трудомъ, такъ и къ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ нему, и даже въ большихъ размѣрахъ. И такое отношеніе понятно: артель является союзомъ лицъ, несущихъ равныя обязанности, пользующихся одинаковыми правами, связанныхъ круговою порукой, участвующихъ, при общемъ веденіи промысла, и своимъ трудомъ; а всѣ эти черты, составляющія отличительныя особенности артели, *не всегда* нарушаются наймомъ рабочихъ. Послѣдніе—элементъ сторонній для артели. Какъ неудобно различать два типа общиннаго землевладѣнія: тотъ, гдѣ всѣ домохозяева имѣютъ наемныхъ работниковъ (въ отдѣльныхъ небольшихъ деревняхъ такіе случаи возможны), и тотъ, гдѣ общинники воздѣлываютъ землю только силами своей семьи,—такъ неудобно ставить и опредѣленіе артели въ зависимость отъ чуждыхъ ей элементовъ. Какъ строй общиннаго землевладѣнія можетъ сохраняться во всей чистотѣ при пользованіи домохозяевъ наемнымъ трудомъ, такъ и всѣ коренныя особенности артели могутъ поддерживаться въ ней при наличности наемныхъ рабочихъ».

«Намъ неизвѣстно, чтобы въ представленіи народа объ артели эта форма предпріятій не примирялась съ фактомъ найма рабочихъ артелью». Что это вамъ неизвѣстно, г. Исаевъ, ничего нѣтъ удивительнаго; но чтобы на основаніи только этого дѣлать выводъ, что народъ примиряется съ фактомъ найма рабочихъ въ понятіи объ артели, т. е. считаетъ нравственною эксплоатацій сильнымъ слабаго, это слишкомъ смѣло. Поставивъ послѣ вышеприведеннаго мнѣнія двоеточіе (:), авторъ для доказательства говоритъ, что народъ не различаетъ артели съ рабочими и безъ рабочихъ, одинаково называя ихъ артелями. И «такое отношеніе,—продолжаетъ авторъ,—понятно»: характерныя черты артели «*не всегда* нарушаются наймомъ рабочихъ». Ну, что-жъ съ того, что народъ не различаетъ артели?

Вѣдь дѣтишки купаются тоже «артелью», бабы выгоняютъ коровъ изъ села тоже «артелью», кулакъ нанимаетъ рабочихъ поштучно или на лѣто и группа ихъ тоже называется «артелью». Впрочемъ, что же вамъ объяснять,—вы, г. Исаевъ, сами отлично это понимаете и хорошо объясняете тѣ явленія, когда остается слово, названіе, а смысла, сути, которую оно выражаетъ, нѣтъ уже, называя имъ *переживаніемъ*. Любопытенъ также этотъ оборотъ: основныя черты артели «не всегда» (!) нарушаются наймомъ рабочихъ. А значитъ иногда, а можетъ и нерѣдко нарушаются?... А если такъ, то «такое отношеніе» народа едва ли понятно!..

Далѣе г. Исаевъ такъ аргументируетъ: рабочіе—«элементъ сторонній для артели»; нелѣпо «ставить опредѣленіе артели въ зависимость отъ *чуждыхъ ей элементовъ*». Доказываетъ, поясняетъ онъ это тѣмъ, что неудобно было бы различать два типа общины, смотря по тому, есть ли у всѣхъ домохозяевъ наемные работники, или нѣтъ. Аналогія натянутая и неподходящая. Ни авторъ, ни я, да едва ли и кто другой не видѣли, не слыхали объ общинѣ, въ которой *всѣ домохозяева* эксплуатировали бы наемный трудъ; но повѣримъ автору, что «такіе случаи возможны»,—ну, хоть въ его воображеніи. Что-жь изъ этого? Вѣдь община, г. профессоръ, только распредѣляетъ естественныя богатства между членами ея; артель же организуетъ трудъ, совокупляя отдѣльныхъ, раздробленныхъ рабочихъ въ компактную массу. Кажется, разница есть, и существенная,—да до такой степени существенная, что аналогія невозможна между ними. Что возможно, естественно въ общинѣ, то немыслимо въ артели. Въ общинѣ возможно члену, оставаясь общинникомъ, жить безпрепятственно на сторонѣ, занимаясь торговлей или чѣмъ инымъ, или просто жить дома, ничего не дѣлая, свой участокъ или обрабатывая наемнымъ трудомъ, или отдавая въ аренду. Не то въ артели. Здѣсь если и возможно поставить за себя въ работники, то какъ исключеніе, да и это часто бываетъ невозможно,—артель можетъ не принять незнакомаго или малоопытнаго. Отдать въ аренду свое право на членство въ артели совсѣмъ нельзя. И авторъ вѣрно говоритъ: «разъ вырвано это обязательство (участвовать личнымъ трудомъ)—одинъ существенный признакъ артели уничтоженъ и она перестаетъ быть артелью даже по формѣ: она переходитъ въ рядъ капиталистическихъ предпріятій». И къ чему эта софистика, къ чему эта столь неосновательная аргументація? Кого и въ чемъ она убѣдитъ?

Но пойдемъ далѣе (281 стр.). «Если артели работаютъ,—продолжаетъ г. Исаевъ,—при условіяхъ, препятствующихъ примѣненію наемнаго труда, то въ нихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не употребляются наемные рабочіе. Но если нѣтъ препятствующихъ условій, то что же мѣшаетъ артели нанимать рабочихъ?... Обычай, принципъ?—Но откуда могъ взяться такой принципъ у средняго человѣка, когда и школа, и жизнь, и положительное право на каждомъ шагу *признаютъ частную собственность священной и неприкосновенной*, когда наибольшее извлеченіе выгодъ изъ этого пра-

ва, умноженіе имущества даютъ лицу и почести, и власть, и завидное общественное положеніе? Воспоминаніе о пережитыхъ лишеніяхъ, нуждѣ?— Но эти воспоминанія сглаживаются очень быстро, по мѣрѣ улучшенія имущественной обстановки. Если отдѣльное лицо, родившееся въ нищетѣ, знакомое съ нею по опыту, начавшее свой жизненный путь тяжелымъ и худооплачиваемымъ трудомъ, становится во главѣ обширнаго предпріятія съ тысячами работниковъ, если этотъ переходъ признается всѣми, съ точки зрѣнія современнаго правоваго міросозерцанія, понятнымъ и естественнымъ, то почему же не признать этого естественнымъ и въ артели?».

Это замѣчательная страница, въ нѣкоторомъ родѣ profession de foi автора. Сколько здѣсь тонкой иронія и сарказма!...

Да, г. Исаевъ, вы правы. «Откуда въ самомъ дѣлѣ могъ взяться такой принципъ у средняго человѣка», когда противъ него еще такія соблазнительныя вещи, какъ «и почести, и власть, и завидное общественное положеніе»? Возможны ли «принципы», столь присущіе высоко-развитому уму культурнаго человѣка, у «средняго человѣка», сѣраго мужика? Вѣдь это просто смѣшно, не правда ли?... Къ счастію для человѣчества, умъ, чувство, нравственныя качества пріобрѣтаются людьми не посредствомъ университетскихъ дипломовъ, хотя бы даже докторскихъ,—особенно нравственныя качества. Вспомните-ка хоть изъ литературы свидѣтельства разныхъ ученыхъ и изслѣдователей, констатирующихъ въ артеляхъ высокую нравственность, замѣчательную честность,—оглянитесь на товарищей своихъ, слушателей и разныхъ культурныхъ дѣятелей, не мало вдолбившихъ «принциповъ» въ свою голову,—и вы должны будете признать, что «принципы»—сами по себѣ, а безнравственность, безчестность, часто старательно маскируемая, сама по себѣ... Итакъ, «принциповъ» *у мужика* конечно нѣтъ, но *въ немъ* есть нѣчто иное, быть-можетъ болѣе цѣнное. Это *нѣчто*—извѣстный складъ ума, общественныя привычки, человѣчные инстинкты. Эти качества заставляютъ смотрѣть на ближняго своего не какъ на предметъ, на которомъ можно упражнять свои хищническіе инстинкты, а какъ на человѣка, существо равноправное,—уважать въ собратѣ личность, признавать его право на жизнь и на удовлетвореніе естественныхъ и другихъ потребностей каждаго трудящагося. Это *нѣчто* ведетъ къ замѣчательному явленію, что даже фактъ рожденія даетъ право родившемуся въ извѣстной мѣстности не только на самостоятельный трудъ, но даже на равный съ прочими участокъ земли. Кромѣ того это *нѣчто* ведетъ народъ къ ясному сознанію, что излишнее богатство одного крѣпнетъ на бѣдности многихъ, что оно наживается нечестно, неправеднымъ трудомъ: «отъ трудовъ *праведныхъ*,—говоритъ народъ,— не наживешь палатъ каменныхъ». Создается въ народѣ много разсказовъ о богатомъ и бѣдномъ, частію религіозныхъ, въ которыхъ богатый представляется безбожнымъ, жестокосердымъ, жаднымъ. Изъ новѣйшихъ подобныхъ разсказовъ вотъ, напримѣръ, полный мысли и глубокаго трагизма разсказъ.

Голодныя дѣтишки плачутъ, просятъ хлѣба. Отецъ идетъ къ брату-богачу, у котораго амбары ломятся отъ хлѣба. Богачъ безсердечно выгоняетъ брата. Въ отчаяніи отецъ точитъ ножъ и рѣшаетъ лучше зарѣзать дѣтей, чѣмъ видѣть голодную смерть ихъ. Старшій мальчикъ упрашиваетъ не рѣзать, обѣщаетъ заснуть до новаго хлѣба. Дѣти засыпаютъ. Отецъ насобиралъ милостыни и принесъ дѣтямъ; сталъ ихъ будить,—напрасно: изъ мѣстъ, къ которымъ онъ прикасается, выступаетъ кровь. Сбѣгаются сосѣди, прибѣгаетъ богачъ-братъ; чувство совѣсти, расканіе заговорило въ немъ: побѣжалъ онъ за хлѣбомъ. Отворилъ амбаръ: вмѣсто хлѣба—камни; и пораженный богачъ упалъ мертвымъ. А дѣти спятъ доселѣ и при прикосновеніи къ нимъ выступаетъ кровь. Да, народъ правъ, называя этихъ выродковъ своихъ каштанами, міроѣдами, обиралами, а въ Украйнѣ—жидами; и вмѣстѣ съ тѣмъ правъ онъ, окружая уваженіемъ, любовью человѣка «мірскаго», общественнаго, стоящаго за интересы общіе, за міръ. Не будемъ же жалѣть, что въ народѣ нѣтъ «принциповъ»: Богъ съ ними, съ этими принципами,—лишь бы въ немъ человѣчности больше было.

Какъ же авторъ выпутывается изъ ряда противорѣчій? Вѣдь онъ противопоставляетъ артель капиталистическимъ формамъ предпріятія, но не находитъ противнымъ сущности вопроса наемный трудъ, утверждая, что наемные рабочіе — элементъ сторонній для артели; находитъ положеніе рабочихъ не лучшимъ, чѣмъ и въ капиталистическихъ формахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что многія артели, пользующіяся наемнымъ трудомъ, вырождаются и переходятъ въ капиталистическія формы. Авторъ блистательно проходитъ всѣ эти Сциллы и Харибды слѣдующими немногими, но замѣчательными, словами (стр. 285): «Не само примѣненіе наемнаго труда дѣлаетъ артель не артелью, а *примѣненіе его въ извѣстныхъ размѣрахъ*(!); и здѣсь, какъ во многихъ другихъ рядахъ хозяйственныхъ явленій, различія количественныя ведутъ къ качественнымъ различіямъ». Долженъ сказать, что не я одинъ смутился, прочитавъ это мѣсто. Дѣло состоитъ въ томъ, что если наемные рабочіе являются составною частью артели, то артель не будетъ союзомъ равноправныхъ лицъ, какъ гласитъ основное опредѣленіе г. Исаева; если же рабочіе—посторонній элементъ для артели, то почему же отъ увеличенія числа наемныхъ рабочихъ артель дѣлается не артелью? Да и вообще изъ словъ автора логически получается крайне странный выводъ, что при извѣстномъ количествѣ наемныхъ рабочихъ въ артели г. Исаевъ скажетъ намъ, что это вовсе не артель, хотя бы данный союзъ и вполнѣ подходилъ подъ опредѣленіе артели, сдѣланное г. Исаевымъ на стр. 21 его книги...

Вообще нельзя сказать, чтобы соотношеніе между артелью и капитализмомъ выяснено авторомъ. Путаница страшная. На стр. 11 г. Исаевъ противополагаетъ артель капиталистическимъ формамъ предпріятія и говоритъ: «Безправіе однихъ и многоправіе другихъ участниковъ, такъ рѣзко обнаруживающееся въ капиталистическихъ формахъ предпріятій,

не имѣетъ мѣста въ изслѣдуемыхъ союзахъ». Нельзя однако сказать, чтобы для того, кто прочелъ внимательно книгу г. Исаева, это положеніе представлялось доказаннымъ имъ. Но любопытнѣе всего попытка автора даже на примѣрѣ биржевыхъ артелей оправдать начало равноправности, господствующее въ артели. Такъ, высказавъ приведенное мною мнѣніе, г. Исаевъ на той же страницѣ говоритъ: «Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ, какъ, наприм., среди рыболововъ, члены дѣлаютъ неодинаковые имущественные взносы, общая добыча распредѣляется между участниками соразмѣрно съ долей каждаго въ артельномъ капиталѣ. Казалось бы, что раздѣлъ добытковъ на части неравныя нарушаетъ равноправность членовъ. Но и это отклоненіе не производитъ такого дѣйствія, — оно скользитъ по поверхности внутреннихъ отношеній артели и не затрогиваетъ ихъ существа. Сознаніе о правахъ собственника на принадлежащія ему блага, со всѣми послѣдствіями, проистекающими изъ этихъ правъ, проникаетъ и ту среду нашего народа, въ которой живетъ и развивается артельная форма; движимая этимъ сознаніемъ, артель освящаетъ за владѣльцемъ капитала право на полученіе извѣстной доли общаго заработка и выдѣляетъ капиталу часть своей добычи».

Но вѣдь если «артель освящаетъ за владѣльцемъ капитала право на полученіе извѣстной доли общаго заработка и выдѣляетъ капиталу часть своей добычи», то вѣдь то же самое дѣлается и въ другихъ родахъ предпріятій, именуемыхъ авторомъ капиталистическими.

Въ виду подобной путаницы понятій на одной и той же страницѣ, жаль, что авторъ не говоритъ опредѣленно, что онъ понимаетъ подъ словами капиталистическое предпріятіе. Полное товарищество авторъ, конечно, относитъ къ послѣдней формѣ, а между тѣмъ все отличіе товариществъ отъ артелей, по мнѣнію доктора (стр. 18), состоитъ только въ томъ, что «въ товариществѣ всѣ члены могутъ не участвовать въ предпріятіи трудомъ, тогда какъ въ производительныхъ артеляхъ участники содѣйствуютъ своими личными силами успѣху общаго дѣла».

Логическій выводъ изъ приведенныхъ мною словъ получится тотъ, что компанія изъ четырехъ-пяти желѣзнодорожныхъ концессіонеровъ, если они, не ограничиваясь только полученіемъ концессіи, всѣ будутъ «содѣйствовать своими личными силами успѣху общаго дѣла», будетъ, по мнѣнію доктора, промышленная артель, противополагаемая имъ капиталистической формѣ предпріятій?!

Нѣкоторымъ можетъ показаться мой примѣръ, пожалуй, нѣсколько рѣзкимъ, въ такомъ случаѣ я сошлюсь на помѣщенные въ диссертаціи и въ сущности не отличающіеся отъ моего. На стр. 46 докторъ причисляетъ къ артелямъ компанію изъ двухъ товарищей для торговли въ сибирскихъ городахъ, а на стр. 45 промышленную артель представляютъ изъ себя три товарища-откупщика, взявшихъ на три года на откупъ сборъ таможенныхъ пошлинъ въ Арзамасѣ и друг. мѣстахъ. Хороша также некапиталистическая артель содержателей трактира съ оборотомъ въ полтора милліона...

Затѣмъ, говоря о распредѣленіи дохода въ артели, г. Исаевъ приводитъ несомнѣнные факты въ пользу того, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ производство требуетъ значительнаго капитала, львиная доля дохода достается послѣднему и при веденіи дѣла артелью. Но мало того, что это фактъ,—авторъ и въ теоріи выставляетъ на стр. 221, какъ нѣчто характерное для артели, что «доли членовъ въ доходѣ пропорціональны выполненнымъ ими обязанностямъ въ хозяйственной жизни союза», между тѣмъ какъ о любомъ капиталистическомъ предпріятіи можно сказать, что, сообразно участію лицъ въ производствѣ трудомъ или капиталомъ, и самый доходъ отъ предпріятія распредѣляется пропорціонально выполненнымъ ими хозяйственнымъ обязанностямъ: одни получаютъ заработную плату, другіе—прибыль на капиталъ, третьи, наконецъ, прибыль и заработную плату, если участвовали трудомъ и капиталомъ.

О многомъ бы еще слѣдовало поговорить съ авторомъ, но предѣлы статьи не позволяютъ этого. Все-таки укажу хоть на нѣкоторыя мѣста. Вотъ любопытные образцы авторскаго «съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой должно признаться» (стр. 332):

«Хотя, въ виду тѣхъ обширныхъ льготъ, которыми часто пользуются капиталистическія предпріятія, и нельзя осудить выдачу безпроцентныхъ ссудъ мелкимъ группамъ неимущихъ, вступающихъ въ артель, однако безпроцентная ссуда является уже на половину подаркомъ, а потому и можетъ вызывать у участниковъ небрежное отношеніе къ дѣлу, особенно въ первые годы по основаніи артели». Эти «подарки», какъ извѣстно, не вызываютъ «небрежнаго отношенія къ дѣлу» у капиталистовъ; почему же такое отношеніе будетъ у «неимущихъ группъ»?

А на слѣдующей странницѣ авторъ заявляетъ: «Самоуправленіе въ артеляхъ, самоуправленіе наиболѣе широкое, есть желанная цѣль. Но такъ какъ способность къ самоуправленію дается не сразу, такъ какъ она нерѣдко требуетъ подготовки, то является цѣлесообразнымъ руководство каждой новой артелью въ первые годы ея существованія. Обстоятельства даннаго случая рѣшаютъ, когда можетъ безъ вреда для дѣла окончиться это руководство».

Если подумаешь, да пособразишь о всѣхъ этихъ—«не сразу», «подготовки», «руководство каждой новой артелью», то, пожалуй, откажешься отъ «желанной цѣли».

Область примѣненія промышленныхъ артелей авторъ опредѣляетъ довольно широко (стр. 289): «Въ тѣхъ отрасляхъ,—говоритъ онъ,—дѣятельности, гдѣ капиталъ незначителенъ, артельный трудъ можетъ имѣть почти безграничное приложеніе; нѣтъ такой формы предпріятій, которая могла бы быть въ этихъ отрасляхъ опаснымъ соперникомъ артелей. Не нуждаясь въ капиталѣ, артель облегчаетъ доступъ всѣмъ желающимъ, если не находитъ нужнымъ затруднять вступленіе высокими вступными суммами».

Но не то въ предпріятіяхъ, требующихъ значительныхъ капиталовъ (стр. 292): «Помимо недостатка капиталовъ, при современномъ уровнѣ развитія нашего крестьянскаго и мѣщанскаго населенія, въ массѣ нѣтъ тѣхъ свѣдѣній, навыка, которые необходимы для многихъ отраслей промышленности и торговли: обширныя личныя знакомства, постоянныя сношенія съ внутренними или иностранными рынками, возможность оцѣнить каждое нововведеніе, быстрота рѣшенія, когда производство требуетъ какихъ-нибудь существенныхъ измѣненій,—все это требуетъ такой купеческой умѣлости, какая въ настоящее время не по плечамъ тому слою нашего общества, который сроднился съ артельною формой труда. Возникла въ одной изъ подобныхъ отраслей дѣятельности артель — и она неминуемо падетъ подъ напоромъ капиталистическихъ предпріятій. Мы склонны думать, что въ отрасляхъ дѣятельности, гдѣ необходимый для веденія предпріятія капиталъ считается милліонами или даже сотнями тысячъ, артель, при господствѣ права частной собственности на орудія производства, не можетъ разсчитывать на успѣшное примѣненіе.

«Такимъ образомъ,—заканчиваетъ авторъ,—мы не видимъ для артели возможности строить желѣзныя дороги, вести обширные заводы и фабрики, иностранную торговлю». Противъ этого можно и слѣдовало бы многое сказать. На диспутѣ проф. Вредень энергично и убѣдительно доказывалъ автору возможность артели и въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, напр., въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Съ своей стороны, вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію проф. Вредена, я остановлюсь еще хоть на минуту. Авторъ основывается на томъ, что требуется въ такихъ дѣлахъ значительная «купеческая умѣлость», «большая гибкость». Но какая же это умѣлость? Во главѣ многихъ и многихъ милліонныхъ производствъ стоятъ или полуграмотные Китъ Китычи, или счастливые карманомъ, но несчастные головой ихъ наслѣдники. А дѣло идетъ заведеннымъ способомъ при извѣстныхъ условіяхъ. Необходимыя же знанія, умѣнье, вообще умственный трудъ—вещь продажная, она покупается купцами, *можетъ быть куплена и артелью*. А затѣмъ значительное преимущество артели въ томъ, что среди многихъ членовъ ея, равно заинтересованныхъ дѣломъ, всегда найдется разумная, дѣльная, талантливая голова, искренно, честно преданная дѣлу, которая и послужитъ дѣлу. Счастливыя же наслѣдства рѣдко совпадаютъ съ счастливыми способностями.

Авторъ хотя недостаточно полно, но довольно хорошо говоритъ о томъ частномъ капиталѣ, который все усиливается и тяготѣетъ надъ артелью (стр. 216, 219, 229, 261—265, 301 и пр.). И потому авторъ правъ и вполнѣ справедливъ, когда доказываетъ въ послѣдней главѣ необходимость правительственной поддержки артелей,—поддержки энергичной, рѣшительной. Это въ высшей степени важно для будущности артели. Безъ этого дѣйствительно капитализмъ будетъ все болѣе и болѣе душить артель.

Г. Сазоновъ.

Русская литература въ 1881 году.

Inter arma silent leges.
Древняя поговорка.
Inter arma silent musae.
Современная передѣлка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось мнѣ быть въ Берлинскомъ университетѣ на лекціи знаменитаго національ-либерала и въ то же время профессора всеобщей исторіи—Генриха Трейчке. Онъ читалъ о Наполеонѣ, о его борьбѣ съ Германіей. Если принять въ соображеніе, что дѣло происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т. е. послѣ достославной битвы при Седанѣ, то не трудно угадать, какого мнѣнія долженъ былъ быть о побѣдителѣ при Іенѣ Трейчке, этотъ прусскій «патріотъ своего отечества», видящій въ Бисмарковской политикѣ вершину германскаго національнаго генія, а за Пруссіей признающій спеціальную историческую «миссію» главенствовать надъ прочими нѣмцами. И дѣйствительно, онъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ металъ на Наполеона громы своего уничтожающаго краснорѣчія, выбирая самыя мрачныя краски, не слушаясь на самыя рѣзкія характеристики и смѣшивая съ грязью всѣхъ, кто иначе смотритъ на корсиканскаго злодѣя. Гейне, напр., за восхваленіе Наполеона въ Buch Legrand, Трейчке обозвалъ «genial-niederträchtig».

Въ концѣ концовъ, хотя негодованіе краснорѣчиваго профессора и не вытекало изъ стремленія къ правдѣ, а обусловливалось желаніемъ унизить врага, съ нимъ нельзя не согласиться. И кто въ самомъ дѣлѣ послѣ того, какъ трезвыя изслѣдованія разсѣяли поэтическій туманъ Наполеоновской легенды, станетъ преклоняться предъ узникомъ Св. Елены? Но въ своемъ обличительномъ усердіи Трейчке переусолилъ и сталъ доказывать совсѣмъ уже ни съ чѣмъ несообразную вещь — ничтожество Наполеоновской эпохи. Въ доказательство онъ приводилъ то, что Наполеоновская эпоха ничѣмъ выдающимся не проявилась въ искусствѣ, кромѣ шумныхъ оперъ Спонтини. Въ этомъ обстоятельствѣ Трейчке, очевидно, исходя изъ формулы «искусство есть отраженіе жизни», видѣлъ торжество своего взгляда на Наполеона, какъ на счастливое ничтожество. Ничтожная эпоха—ничтожное отраженіе.

Съ перваго взгляда Трейчке какъ будто и правъ выходитъ, такъ какъ нельзя же отрицать того, что искусство есть отраженіе жизни. Но дѣло въ томъ, что со всякою теоріей нужно обращаться осторожно и никогда не слѣдуетъ ее примѣнять непосредственно, безъ связи съ условіями даннаго историческаго момента. И дѣйствительно, стоило бы Трейчке оглянуться еще двумя десятками лѣтъ назадъ и онъ бы убѣдился въ полной несостоятельности своего метода. Вѣдь ему бы пришлось тогда признать ничтожной эпохой французскую революцію, на что у него едва ли бы хватило смѣлости. На Наполеона есть разные взгляды. Есть люди боготворящіе его и есть весьма серьезные историки, которые съ пьедестала славы и величія шлепаютъ его прямо въ грязь. Но самъ г. Варѳоломей Кочневъ изъ *Русскаго Вѣстника*, занявшій въ почтенномъ журналѣ амплуа Кифы Мокіевича и съ такимъ несравненнымъ глубокомысліемъ разсуждающій о томъ, что было бы, еслибы да кабы Людовикъ XVI-й не «уступилъ» демагогамъ,—самъ г. Кочневъ, говорю я, не станетъ отрицать, что французская революція 1789 года принадлежитъ къ величайшимъ эпохамъ всемірной исторіи. И что же?—Эта великая, эта грандіозная эпоха, заложившая фундаментъ ново-европейской жизни, вверхъ дномъ перевернувшая тысячелѣтній строй общества и государства, породила жалчайшее искусство, поражающее своимъ убожествомъ, скудостью мысли и содержанія. Кромѣ «Марсельезы» (какъ музыкальнаго произведенія) да двухъ-трехъ пьесъ Андрэ Шенье французская революція ничего не дала искусству. Да и что такое въ концѣ концовъ «Марсельеза и стихи Андрэ Шенье? — Не больше какъ хорошія вещи, во всякомъ случаѣ безконечно уступающія въ широтѣ размаха эпохѣ, ихъ произведшей.

Не трудно отыскать причину этого явленія. Какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ каждомъ народѣ есть извѣстная сумма творческихъ силъ, которыя онъ, конечно, проявляетъ и направляетъ сообразно обстоятельствамъ того или другаго историческаго момента. Но эта сумма творческихъ силъ имѣетъ свои болѣе или менѣе опредѣленныя границы, расширить которыя обстоятельства даннаго историческаго момента не въ состояніи. Правда, обстоятельства могутъ пробудить дремлющія силы, до того бывшія въ потенціи и для наблюдателя прежде неуловимыя, но все-таки не по всѣмъ направленіямъ, не во всѣхъ областяхъ человѣческаго духа, а только въ какой-нибудь одной и непремѣнно въ ущербъ другимъ. Это своего рода законъ круговорота силъ, примѣнимый не только къ явленіямъ міра матеріальнаго, но и къ явленіямъ міра духовнаго. Коллективная мысль того или другаго народа, устремляясь въ одну сторону, неизбѣжно ослабляетъ приливъ силъ къ другимъ. Вы не найдете въ исторіи такой эпохи, которая дала бы импульсъ всѣмъ творческимъ силамъ человѣка. Непремѣнно какая-нибудь одна человѣческая способность получитъ преобладаніе и наложитъ свою печать на эпоху. Есть свои особыя эпохи процвѣтанія наукъ, свои особыя эпохи высокаго развитія

литературы, разцвѣта искусствъ, блеска философіи, наконецъ свои эпохи преимущественнаго нравственнаго возбужденія, возникновенія новыхъ міросозерцаній, новыхъ религій. Въ Испаніи и Италіи вѣка невѣжества и обскурантизма шли рука объ руку съ высшимъ развитіемъ изящныхъ искусствъ, а съ другой стороны, ослѣпительный въ умственномъ отношеніи 18-й вѣкъ въ искусствѣ ничѣмъ соотвѣтствующимъ этому блеску себя не проявилъ. Есть цѣлые народы, которые, разъ устремивши всѣ свои творческія силы на одну область человѣческаго духа, совершенно теряютъ остальныя. Таковы сѣверо-американцы, идущіе во главѣ всѣхъ практическихъ изобрѣтеній и страшно отставшіе въ литературѣ и искусствѣ. Наконецъ, что болѣе всего можетъ насъ убѣдить въ существованіи извѣстнаго равновѣсія творческихъ силъ, это—полное несовпаденіе эпохъ нравственнаго возбужденія съ эпохами процвѣтанія литературы. Казалось бы, онѣ должны были находиться въ полной гармоніи; казалось бы, что литература — это проявленіе и воплощеніе души человѣческой—должна была достигнуть крайнихъ высотъ своихъ въ тѣ моменты жизни человѣчества, когда оно жаждетъ нравственнаго обновленія, когда оно желаетъ стряхнуть съ себя старую гниль и возродиться къ новой, лучшей жизни. И однако-жъ ничуть не бывало. Эти эпохи рождаютъ великіе характеры, но не рождаютъ великихъ писателей, которые, напротивъ того, живутъ и пишутъ свои безсмертныя произведенія при самыхъ растлѣвающихъ условіяхъ: «Золотой вѣкъ» римской литературы былъ при Августѣ; Данте пишетъ свое безсмертное произведеніе въ эпоху глубочайшаго упадка нравственности; Сервантесъ создаетъ «Донъ-Кихота» при заревѣ инквизиціонныхъ костровъ Филиппа II; Шекспиръ живетъ при мишурномъ дворѣ Елизаветы; Корнель, Мольеръ, Расинъ пресмыкаются предъ Людовикомъ XIV; гнусная эпоха регентства видитъ расцвѣтъ генія Монтескье и Вольтера. А эпоха возникновенія христіанства, непосредственная эпоха гуситско-таборитскаго движенія, наконецъ французская революція—ничѣмъ выдающимся въ литературѣ не ознаменованы. Отчего?—Оттого, конечно, что въ такія эпохи даровитые люди находятъ примѣненіе своихъ талантовъ къ жгучимъ интересамъ минуты и вмѣсто того, чтобы стать поэтами, ваятелями, живописцами, становятся агитаторами, проповѣдниками, «ложными пророками», трибунами, государственными дѣятелями. Возьмите, напримѣръ, Сенъ-Жюста. Какое можетъ быть сопоставленіе въ томъ, что родись этотъ небесной красоты юноша, съ вдумчивыми, обаятельно-прекрасными глазами, пятьюдесятью годами раньше—и изъ него вышелъ бы нѣжный пѣвецъ сладости любви и прелестей сельскаго уединенія. Что такое первые дѣятели христіанства, какъ не величайшіе поэты съ громадною силой воображенія, съ глубокимъ чувствомъ эстетической гармоніи, полные творческой, художественной фантазіи, но только не оставшіеся на почвѣ простаго искусства, а воплотившіе въ жизнь священный огонь поэзіи, пылавшій въ ихъ груди! Въ другое время они бы, конечно, не

вышли за предѣлы книжной поэзіи, но теперь ихъ захватываетъ теченіе вѣка и они вмѣсто пророковъ книги становятся пророками жизни. То же самое можно прослѣдить и въ таборитскомъ движеніи. Въ исторіи чешской литературы оно занимаетъ далеко не выдающееся мѣсто. Послѣдующій вѣкъ безконечно меньшаго нравственнаго воодушевленія обладаетъ гораздо болѣе совершенною литературой. Но за то сколько глубокой, потрясающей поэзіи, яркихъ художественныхъ образовъ, мѣткихъ, колоритныхъ выраженій, силы мысли было въ пламенныхъ рѣчахъ проповѣдниковъ Таборской горы! Эти рѣчи можно назвать потенціальной литературой: всѣ элементы ея на-лицо. Каждая рѣчь таборскихъ пророковъ есть живая поэма.

Такимъ образомъ и выходитъ, что хотя искусство и есть отраженіе жизни, но далеко не всегда отражаетъ оно всю полноту ея, далеко не всегда даетъ оно полное понятіе объ интеллектуальной и моральной силѣ того или другаго историческаго момента. Чтобы точно и правильно судить объ этой силѣ, нужно посмотрѣть, нѣтъ ли такихъ побочныхъ путей, въ которые устремился народный геній помимо искусства. Оттого и неправъ Трейчке, не принявшій во вниманіе, что въ Наполеоновскій періодъ національный геній Франціи ушелъ на выработку лучшихъ воиновъ новой исторіи и на кодификацію не только законодательную, но и житейскую новыхъ принциповъ, провозглашенныхъ революціей 1789 года.

У древнихъ римлянъ существовалъ афоризмъ: inter arma silent leges. Буквально это значитъ: во время войны безмолвствуютъ законы. Но тутъ кроется болѣе глубокій смыслъ. Leges значитъ не только законы, но вообще нормы. И можно, значитъ, такъ понимать приведенный афоризмъ: во время войны, т. е. въ экстраординарное время, обычныя нормы жизни теряютъ свое значеніе. Наступаетъ какое-то особое положеніе вещей, имѣющее свои спеціальныя особенности, которыя нужно тщательно проанализировать, чтобъ отдѣлить въ нихъ временное, преходящее отъ органическаго, коренящагося въ природѣ того или другаго явленія. Трейчке не хотѣлъ допустить мысли, что по обстоятельствамъ времени народная мысль могла кристаллизоваться въ необычныя формы, и потому пришелъ къ совершенно ложнымъ выводамъ. Онъ долженъ былъ понять, что inter arma silent не только leges, но и musae.

Тутъ я подкожу къ самой сказкѣ, ради которой говорилась вся эта присказка, т. е. къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, почему русская литература въ послѣдніе годы, а въ частности въ 1881 году, такъ мало соотвѣтствуетъ высотѣ переживаемаго Россіей историческаго момента. Нужно намъ теперь повести разговоръ съ нашими домашними Трейчке, которыхъ вы въ изобиліи найдете во всякомъ журналѣ и во всякой газетѣ. Кто въ самомъ дѣлѣ, коснувшись современныхъ русскихъ писателей и сравнивши ихъ «съ стаей славной орловъ» сороковыхъ годовъ или даже съ дѣятелями нашего «возрожденія»—людьми шестидесятыхъ годовъ, не

предается самымъ мрачнымъ мыслямъ по поводу ничтожества современной эпохи? Наши Трейчке съ большимъ удовольствіемъ любятъ говорить о мошкахъ и букашкахъ, вылѣзшихъ изъ озелей на смѣну богатырямъ. Послушать ихъ, такъ выходитъ, что таланты вырождаются, ремесленность смѣняетъ огонь Прометея, такъ ярко пылавшій въ груди прежнихъ, «настоящихъ», писателей, и литература теряетъ уваженіе общества, которому только и остается, что отвернуться отъ современной литературы и начать перечитывать старое. И замѣчательно, что подобный пессимизмъ вы встрѣтите далеко не у однихъ только «консерваторовъ», которые ex officio должны охуждать все современное. Нѣтъ, поговорите съ любымъ либераломъ шестидесятыхъ годовъ—и вы встрѣтите въ немъ такое же высокомѣрное отношеніе къ современности, такое же старческое брюзжаніе и благоговѣйное отношеніе къ «доброму старому времени», только съ тою разницею, что для «консерватора» это доброе старое время помѣщается примѣрно лѣтъ сорокъ тому назадъ и воплощается въ помѣщичьемъ быту, а у «либерала» оно находится всего лѣтъ двадцать тому назадъ и рисуется въ образѣ *Современника*, *Русскаго Слова*, воскресныхъ школъ и другихъ явленій «общественной иниціативы» шестидесятыхъ годовъ. И опираются наши Трейчке именно на то же самое, на что опирается ихъ германскій образецъ—на «ничтожество» современной литературы. Теперь, видите ли, сонная одурь въ литературѣ, а «тогда» въ ней жизнь ключомъ била, журналы ломились отъ хорошихъ статей и литература стояла во главѣ эпохи, а не въ хвостѣ ея. Ясно, слѣдовательно, что наше время—ничтожное, что теперь—«упадокъ», «вырожденіе» и т. д.

Смѣшно и жалко слушать всѣ эти рѣчи. Злость беретъ при видѣ этого близорукаго непониманія, что никакого «вырожденія» нѣтъ, что «упадокъ» мнимый, что просто творческія силы отвлечены въ другую сторону. Мы переживаемъ теперь такой своеобразный историческій моментъ, живемъ при такихъ необычныхъ условіяхъ, что прилагать къ нимъ обычныя мѣрки—значитъ придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Мнѣ уже приходилось высказываться въ другомъ мѣстѣ, что мы, современники послѣдняго фазиса русской жизни, сами еще не въ состояніи представить себѣ всю необычайность его, и когда пройдетъ много, много лѣтъ, иные моменты, иные факты, имѣвшіе мѣсто въ послѣдніе годы, покажутся намъ же самимъ легендарными. Дѣло въ томъ, что можно положительно утверждать, что ни одна эпоха русской исторіи не видѣла такого грандіознаго проявленія идеализма, какъ именно послѣднія 10 лѣтъ. Мы говоримъ, конечно, объ эпохахъ въ жизни русской интеллигенціи. Народъ уже переживалъ такія эпохи фанатическаго идеализма,—стоитъ только вспомнить эпоху первыхъ гоненій за «старую вѣру». Но такъ-называемое «общество» русское еще впервые переживало такой жгучій фазисъ. Самые отдаленные идеалы казались близко осуществимыми, для самыхъ отдаленныхъ мечтаній приносились самыя реальныя жертвы и твердая рѣшимость дѣйстви-

тельно положить душу свою за благо ближняго становится почти массовымъ свойствомъ.

Ни съ чѣмъ инымъ, писали мы, не можемъ мы сравнить эту знаменательную эпоху русской жизни, какъ съ эпохой возникновенія таборитства, т. е. съ Чехіей начала XV вѣка, когда, по словамъ хронистовъ, по всей странѣ широкою волной разлилось совершенно лихорадочное желаніе заботиться о благѣ ближняго, когда злобная формула «homo homini lupus» какъ бы потеряла свое вѣчное примѣненіе, когда дворяне и духовные, горожане и сельчане слились въ одномъ стремленіи къ нравственному совершенствованію, когда серьезно надѣялись возвратить первыя времена христіанства, когда сословный и личный эгоизмъ казался омерзительнымъ, когда полное подчиненіе единичныхъ интересовъ общественному благу стало обязательнымъ для всякаго нравственно-чуткаго человѣка.

Не все, конечно, русское «общество» и не вся даже русская молодежь въ одинаковой степени проникались такими чувствами и стремленіями,—ветхій Адамъ слишкомъ сильно сидитъ въ насъ. Но все, что было нравственно-свѣжаго за послѣдніе годы,—все, что не потеряло въ погонѣ за корыстью человѣческаго облика, пристало если не дѣлами, такъ, по крайней мѣрѣ, помыслами къ новому теченію русской общественной мысли, къ страстному желанію во что бы то ни стало сдѣлать правду и справедливость основою общественнаго строя.

Ни мѣсто, ни «независящія обстоятельства» не позволяютъ намъ иллюстрировать свои мысли фактами, почерпнутыми изъ жизни всѣхъ слоевъ русскаго общества. Намъ остается только надежда, что со временемъ отчетливое представленіе объ идеализмѣ послѣднихъ лѣтъ, подкрѣпленное длиннымъ рядомъ краснорѣчивыхъ цифръ, длиннымъ спискомъ почти фантастическихъ фактовъ, длинною вереницей именъ людей, мало чѣмъ уступающихъ нравственною силой первымъ христіанамъ,—что такое представленіе вырисуется подъ перомъ добросовѣстнаго изслѣдователя во всемъ своемъ строгомъ величіи, во всей своей нравственной чистотѣ *).

Спрашивается, можетъ ли подобная эпоха имѣть высоко-развитую литературу? Мыслимо ли, чтобы душа такого историческаго момента, который всего меньше можно назвать теоретическимъ, вошлотилась въ искусствѣ? Могутъ ли на него уйти лучшія умственныя и душевныя силы современнаго поколѣнія, когда уму и сердцу современнаго поколѣнія приходится думать и дѣйствовать совсѣмъ въ другомъ направленіи, когда оно поставило себѣ совсѣмъ другія задачи, которымъ и отдастъ всю полноту своего душевнаго настроенія? *Только по тому, въ чемъ выразилась эта*

*) „Откликъ"—литературный сборникъ въ пользу студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. С.-Пб. 1881 года. Статья наша: „Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы", стр. 289.

душевная полнота, можно судить современную эпоху. Въ литературу она, по основному характеру своему, не могла воплотиться,—значитъ, нечего нашимъ, доморощеннымъ, Трейчке витійствовать на эту тему.

Что удивительнаго, что тридцатые и сороковые годы имѣли блестящую литературу? Именно такъ и должно было быть, потому что душевныя потребности «хорошаго» человѣка сороковыхъ годовъ вполнѣ удовлетворялись литературой, потому что была возможность душевной полнотѣ человѣка сороковыхъ годовъ цѣликомъ отразиться въ искусствѣ. Какія, въ самомъ дѣлѣ, были потребности лучшихъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, чего они хотѣли, къ чему стремились?—Возьмемте кружокъ Станкевича, несомнѣнно центральный для своего времени во всѣхъ отношеніяхъ—и по умственнымъ качествамъ его членовъ, и по нравственному облику ихъ; возьмемте лучшаго и даровитѣйшаго человѣка этого кружка—Бѣлинскаго: гдѣ лежали его идеалы?—Въ искусствѣ, и только въ искусствѣ. Въ искусствѣ онъ видѣлъ центръ тяжести жизни человѣчества. Только въ самомъ концѣ дѣятельности Бѣлинскаго въ немъ пробудилась жилка общественная и тогда только ему стало тѣсно на литературной трибунѣ. А до того гдѣ же было лучшее мѣсто для призыва къ неопредѣленнымъ идеаламъ вѣчной красоты, къ погруженію себя въ бездны Гегелевской философіи, въ туманъ шеллингіонизма,—словомъ, къ витанію въ надзвѣздномъ эфирѣ знаменитой въ 40-е годы «Schönseeligkeit». «Schönseeligkeit»—вотъ она лучшая характеристика людей сороковыхъ годовъ, направившихъ всѣ свои духовныя силы на воспитаніе въ себѣ изящнаго «Gemüth'a» и только очень поздно, на рубежѣ уже слѣдующей эпохи, хватившихся, что какъ-то неловко развивать въ себѣ тонкость чувствъ и высоту интеллигенціи на счетъ крѣпостнаго крестьянина. Для такихъ людей литература и вообще искусство есть все, арена дѣятельности, выше которой они себѣ ничего представить не въ состояніи, къ которой они могутъ приложить всѣ свои душевныя силы и на которой они могутъ проявить все, что возникаетъ въ умѣ и сердцѣ. Не забудьте, что для человѣка тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, т. е., конечно, для такого, который составлялъ соль своего времени, вовсе не было никакой другой дѣятельности, кромѣ литературной. Не возражайте мнѣ, пожалуйста, указаніемъ на «независящія обстоятельства», которыя мѣшали человѣку сороковыхъ годовъ приложить свои силы къ чему-либо иному, кромѣ литературы. Это возраженіе неосновательно. Конечно, и «независящія обстоятельства» имѣли мѣсто, но вѣдь въ концѣ концовъ не могутъ же они убить *потребность*. А вотъ этой-то потребности общественной дѣятельности, практическаго осуществленія своихъ идеаловъ, проведенія въ жизнь дорогихъ сердцу принциповъ,—этой-то потребности, которую въ современномъ человѣкѣ не могутъ уничтожить никакія «независящія обстоятельства», и не было въ людяхъ сороковыхъ годовъ. Они культивировали свою душу, а объ остальномъ заботились мало. «Лишній человѣкъ» сороковыхъ годовъ

считалъ себя лишнимъ, потому что потерпѣлъ неудачу въ личныхъ дѣлахъ, потому что на «*пиру* природы» ему нѣтъ мѣста. А что можно искать мѣсто не на пиру только, ему и въ умъ не приходило.

Такъ вотъ отчего была блестяща литература сороковыхъ годовъ: это былъ единственный путь, единственный каналъ, чрезъ который устремлялись силы современнаго интеллигентнаго ума въ море русской жизни.

Литература шестидесятыхъ годовъ была уже менѣе блестяща, чѣмъ литература тридцатыхъ и сороковыхъ, потому что, какъ и наше время, шестидесятые годы — эпоха по преимуществу общественная и помыслы современниковъ только отчасти были направлены на литературу. Но все-таки литература шестидесятыхъ годовъ—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ русской письменности (именно оживленный и вовсе не излишне-талантливый), потому что воздѣйствіе на общество путемъ проведенія новыхъ идей въ литературѣ составляло одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы дѣятельности «хорошихъ» людей того времени.

Ничего такого теперь нѣтъ. Условія жизни иныя, взглядъ на силу воздѣйствія литературы измѣнился, не находитъ чуткая душа въ литературной дѣятельности успокоенія для запросовъ совѣсти, призывающей къ исполненію главнаго завѣта Евангелія,—ну, и уходятъ лучшія силы современнаго поколѣнія совсѣмъ въ иную сторону.

Такъ вотъ оно какъ дѣло-то въ самомъ дѣлѣ обстоитъ, господинъ тоскливый россійскій читатель! Не вѣрьте газетнымъ и журнальнымъ Трейчке, старающимся увѣрить васъ, что теперь—«упадокъ», «вырожденіе» и ничтожная эпоха. Все это—жестокая неправда. Время теперь героическое, на которое потомки будутъ взирать съ глубокимъ удивленіемъ; творческихъ силъ—и умственныхъ, и нравственныхъ—цѣлая бездна, а что онѣ не видны въ искусствѣ, такъ нужно ли изъ-за этого особенно огорчаться? Не все ли равно, въ чемъ сказывается искра Божія? Лишь бы только сказывалась, лишь бы видно было, что не утрачено стремленіе къ истинно-человѣческой жизни, стремленіе къ идеалу. О, этого стремленія теперь много, очень много! Поэтому тусклость современной литературы ни въ какомъ случаѣ не есть упадокъ, не есть вырожденіе, а простое отвлеченіе творческихъ силъ въ другую сторону. Будьте увѣрены, смущенный читатель, что пусть только придетъ въ нѣкоторый порядокъ хаосъ послѣдняго времени, пусть уляжется жгучесть современнаго момента, направляющаго всѣ помыслы въ одну точку, и мы будемъ свидѣтелями такого разцвѣта русской литературы, который всѣхъ ослѣпитъ своимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Не можетъ это иначе быть. Коллективная мысль 90-милліоннаго народа, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проникающагося знаніемъ и потребностью умственной жизни, не можетъ не выразиться въ грандіозныхъ созданіяхъ литературы и искусства. И теперь уже широта размаха русскихъ талантовъ поражаетъ западно-европейскихъ наблюдателей. Эта широта творческаго размаха есть

прямое слѣдствіе широты началъ, кроющихся въ русской жизни, гармоничный отзвукъ гигантской территоріи, гигантскихъ рѣкъ, непроходимыхъ лѣсовъ, безконечныхъ степей, а главнымъ образомъ—широты нравственныхъ стремленій, составляющей лучшее достояніе русскаго народа. Дайте только окрѣпнуть сліянію русской интеллигенціи съ роднымъ народомъ, съ каждымъ годомъ все прочнѣе и прочнѣе пускающему корни, дайте установиться этому единенію—и широта размаха русскихъ творческихъ силъ должна увеличиться вдесятеро, какъ увеличились силы Антея, когда онъ прикоснулся къ матери-землѣ. Итакъ, да здравствуетъ свѣтлое будущее русской литературы, выразительницы душевной жизни гигантскаго народа! Что же касается нынѣшняго непригляднаго вида ея, того, что истинные представители русскихъ творческихъ силъ устранились и молчатъ, а раздается только громкій лай представителей темныхъ началъ русской жизни, то будемъ утѣшаться словами молодаго поэта Минскаго, самаго талантливаго и отзывчиваго изъ поэтовъ новаго поколѣнія:

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что шипя
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди сладкимъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Изи злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это лай—предъ зарею...

I.

При печальныхъ ауспиціяхъ начался литературный 1881 годъ. Въ самомъ началѣ его изъ рядовъ литературной арміи выбыли два крупныхъ, передовыхъ бойца: сначала Писемскій, а черезъ нѣсколько дней Достоевскій. Знаменитая плеяда сороковыхъ годовъ, такимъ образомъ, получила огромную брешь. Два года тому назадъ она потеряла Некрасова, теперь еще двухъ нестало. А новые-то боги, по словамъ нашихъ Аристарховъ,

что-то не очень сѣшатъ на-смѣну... Не удивительно, что души ревнителей русской литературы сильно опечалились насчетъ будущаго ея. Такъ какъ относительно этого будущаго мы только-что бесѣдовали съ вами, читатель, то я и не стану повторять своихъ доводовъ. Ограничусь теперь только замѣчаніемъ, что Аристархи нѣсколько поспѣшили со своими кассандриными предсказаніями. Не сообразили они, что знаменитая-то плеяда писателей сороковыхъ годовъ тоже не сразу знаменитой стала, не въ сороковыхъ годахъ, а такъ, примѣрно, въ шестидесятыхъ. Тургеневъ, Островскій, Щедринъ, Некрасовъ, Толстой и Достоевскій настоящими литературными гранъ-сеньерами стали не сразу, а проведши таки изрядное количество лѣтъ въ маленькихъ литературныхъ чинахъ. Въ одномъ изъ выпусковъ «Дневника писателя» Достоевскій замѣтилъ, что вотъ уже тридцать лѣтъ читаетъ онъ литературные отчеты и всякій разъ натыкается на одну и ту же плачевную іереміаду: «въ наше время, когда такое оскудѣніе литературныхъ силъ, когда въ литературѣ хоть шаромъ покати». Замѣчаніе Достоевскаго безусловно вѣрно. Возьмите отчеты Бѣлинскаго, просмотрите критическія статьи шестидесятыхъ годовъ, наконецъ возьмите современныя намъ литературныя обозрѣнія, и вы подумаете, что всѣ они относятся къ одному и тому же времени,—до того имъ всѣмъ обща неудовлетворенность наличнымъ составомъ литературныхъ дѣятелей. А между тѣмъ за этотъ періодъ русская литература обогатилась цѣлымъ рядомъ первоклассныхъ произведеній, за этотъ періодъ окончательно сформировалась та блестящая «плеяда», которою тычутъ въ глаза современному поколѣнію наши Аристархи. Такова ужь человѣческая натура—не видѣть и не оцѣнивать того, что на глазахъ происходитъ. Требуется извѣстное разстояніе для правильнаго опредѣленія. И выходитъ поэтому такая путаница: въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда появлялись наиболѣе крупныя вещи теперешнихъ корифеевъ нашихъ, критики плакались на литературное безвременье, а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ критики, указывая на писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, говорили современнымъ: «богатыри не вы, а вотъ эти». Когда же эти «эти» успѣли стать «богатырями?» И думается мнѣ, что непремѣнно та же самая путаница приключится и съ нынѣшними писателями. Теперь имъ въ глаза самымъ неделикатнымъ образомъ говорятъ о вырожденіи русской литературы, о томъ, что со смертью старыхъ корифеевъ пусто станетъ, а лѣтъ чрезъ двадцать навѣрное съ большимъ уваженіемъ будутъ относиться къ «плеядѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ», къ «Глѣбамъ Успенскимъ, Златовратскимъ, Гаршинымъ», которые и будутъ ставиться въ примѣръ начинающимъ.

Тутъ мнѣ нужно нѣсколько оговориться, чтобы не подвергнуться упреку въ противорѣчіи самому себѣ. Выше я соглашался съ тѣмъ, что литература нашихъ дней не стоитъ на высотѣ современнаго момента, а теперь я говорю о несправедливомъ отношеніи къ нынѣшнимъ талантамъ.

Продолжаю, однако же, стоять на томъ и на другомъ и не вижу тутъ противорѣчія. Дѣйствительно, современная литература не стоитъ на высотѣ современнаго момента, но только оттого, что моментъ страшно крупный. Достойно отразить такой моментъ можетъ только геній, какъ отразилъ своею поэзіей конецъ прошлаго столѣтія Байронъ. Такого Байрона теперь нѣтъ въ нашей литературѣ ни между молодыми писателями, ни между старыми, хотя въ извѣстной степени и только-что умершій Достоевскій, и здравствующій гр. Толстой сильно захвачены теченіемъ эпохи. Нельзя дѣйствительно отрицать, что чувствуется нужда въ литературномъ пророкѣ, который бы «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой» и выяснилъ бы въ яснымъ созданіяхъ искусства то, что безсознательно накопилось въ душѣ современнаго поколѣнія. Все это такъ. Но все-таки наши Аристархи положительно слишкомъ пессимистски смотрятъ на современную литературу, которая имѣетъ много писателей, какъ гг. Глѣбъ Успенскій, Златовратскій изъ болѣе старшаго поколѣнія и гг. Гаршинъ, Альбовъ, Осиповичъ, Минскій и др. изъ болѣе младшаго, обладающихъ весьма недюжиннымъ дарованіемъ и имѣющихъ всѣ шансы стать со временемъ весьма солидными литературными дѣятелями.

Все это, однако же, не къ тому говорится, чтобъ ослабить впечатлѣніе отъ смерти Писемскаго и Достоевскаго. Нѣтъ, потеря огромная, незамѣнимая. Смерть Писемскаго еще не очень большая утрата, такъ какъ въ сущности въ этомъ году только похоронили его. А умеръ-то онъ уже давно. Въ послѣднихъ произведеніяхъ своихъ это уже не былъ тотъ Писемскій, котораго Писаревъ за могучій реализмъ ставилъ выше Гончарова. Только рѣдкими оазисами мелькали въ «Масонахъ» и другихъ вещахъ послѣдняго періода дѣятельности автора «Тысячи душъ» мѣста, отмѣченныя дѣйствительнымъ дарованіемъ.

Не то—Достоевскій. Онъ умеръ въ полномъ разцвѣтѣ таланта, въ апогеѣ громаднаго вліянія, въ полномъ обладаніи своего чуднаго дарованія, унося съ собою въ могилу массу величественныхъ плановъ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній, которыя, нѣтъ сомнѣнія, такъ же ослѣпили бы насъ своею внѣшнею и внутреннею красотою, какъ ослѣпляли всѣ другія его произведенія. Безъ него-таки пусто; чувствуется, что нѣтъ человѣка, который бы вамъ завинтилъ нервы до щемящей боли,—нѣтъ человѣка, который бы перевернулъ вамъ всю душу, легъ бы на нее кошмаромъ, но въ то же время указалъ бы вамъ ясный какъ день путь къ облегченію душевной тоски. Проникновенное слово Достоевскаго было благовѣстомъ, призывавшимъ чуткія души на подвиги добра и справедливости, отвлекавшимъ ихъ отъ тщеты мелкихъ интересовъ и переносившимъ помыслы въ свѣтлую область духа, гдѣ нѣтъ тѣхъ мерзостей и гадостей, совокупность которыхъ образуетъ такъ-называемую «жизнь». Кто-то займетъ его мѣсто? Кто изъ «солидныхъ» писателей не устыдится, въ вѣкъ банковъ и раціональнаго хозяйства, говорить о любви,

какъ о единственной основѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній? Толстой развѣ...

Поведши рѣчь о смерти Достоевскаго, я не могу обойти молчаніемъ его похоронъ, такъ какъ въ сущности это самый яркій фактъ въ литературной лѣтописи прошлаго года. Впрочемъ, не только въ лѣтописи прошлаго года,—похороны Достоевскаго составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ всей исторіи русской литературы, наглядное выраженіе того высокаго положенія, которое удалось занять литературѣ въ сознаніи русскаго общества. Нужно ли болѣе блистательное опроверженіе увѣреній пессимистовъ, кричащихъ о томъ, что общество охладѣло къ литературѣ! Хорошо охладѣло, когда писателю устраиваются въ буквальномъ смыслѣ царскія похороны, когда экспромптомъ, не сговорившись, безъ всякой газетной агитаціи, всѣ слои русской интеллигенціи спѣшатъ торжественно заявить свое горе по случаю утраты человѣка, сильнаго только полетомъ своего генія, только теплотою любящаго сердца, чуткаго къ страданіямъ ближняго. Кто-то, основываясь на многочисленности молодежи, пришедшей провести автора «Униженныхъ и оскорбленныхъ» въ его послѣднее жилище, назвалъ похороны Достоевскаго смотромъ «нигилистической» арміи. Не стану здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, много ли было «нигилистовъ» на похоронахъ Достоевскаго и можно ли ихъ поэтому назвать «нигилистическимъ» смотромъ. Но несомнѣнно, что это былъ смотръ,—смотръ мыслящихъ элементовъ русской столицы, смотръ русскихъ интеллигентныхъ силъ. И силъ этихъ оказалось очень много...

Вяло пошла безъ Достоевскаго дѣятельность «плеяды». Только одинъ Щедринъ неутомимо работалъ, не взирая ни на какія невзгоды. Остальные же орлы славной стаи сороковыхъ годовъ болѣе или менѣе отдыхали на лаврахъ или же если расправляли крылья, то не всегда по-орлиному. Гончаровъ совсѣмъ молчалъ и ничѣмъ не далъ знать о себѣ, если не считать отдѣльнаго изданія «Четырехъ очерковъ». Молчалъ также Толстой, но впрочемъ не такъ, какъ Гончаровъ, творчество котораго заснуло мертвымъ штилемъ. У Толстаго, если судить по радостнымъ ожиданіямъ литературныхъ кружковъ, затишье предъ бурей, сидѣнье Ильи Муромца передъ тѣмъ, какъ онъ расправилъ свои богатырскіе члены. Дай-то Богъ.

Островскій написалъ свою обычную ежегодную драму для январской книжки *Отечественныхъ Записокъ*, которая весьма мало прибавила къ «*тоталитету*» его извѣстности, говоря кудреватымъ выраженіемъ Бѣлинскаго.

Не много далъ и Тургеневъ—два маленькихъ разсказа. Одинъ («Изъ старыхъ воспоминаній») въ первыхъ нумерахъ новой газеты *Порядокъ*, второй—«Пѣснь торжествующей любви» въ ноябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Я сказалъ, что не много намъ далъ Иванъ Сергѣевичъ. И дѣйствительно an und für sich двѣ крошечныя повѣсти,—весьма немного

для цѣлаго года жизни писателя, еще вовсе не дряхлаго. Во Франціи и Германіи писатели въ возрастѣ Тургенева затѣваютъ самыя обширныя литературныя предпріятія и до конца дней своихъ продолжаютъ работать, такъ что смерть застаетъ ихъ на полѣ битвы съ перомъ въ рукахъ. Но у насъ, какъ извѣстно, «климатъ другой», смѣна поколѣній идетъ съ страшною быстротой и писатель весьма рано начинаетъ чувствовать, что онъ «отсталъ», не умѣетъ «уловить моментъ». А отсюда уже, конечно, не далеко до того, чтобъ у писателя и совсѣмъ руки опустились. Такъ оно и случилось съ большинствомъ писателей сороковыхъ годовъ, какъ только имъ пришлось столкнуться съ первыми проявленіями не безусловно-панегирическаго отношенія къ ихъ взглядамъ. Мягчайшій и впечатлительнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, какъ извѣстно, уже въ 40 лѣтъ, только-что написавши «Дворянское Гнѣздо» и «Отцовъ и дѣтей», просился самымъ настоятельнымъ образомъ на покой, находя, что съ него «довольно». И вотъ, принявши во вниманіе эту капризность музы Тургенева, мы должны быть рады и двумъ маленькимъ разсказамъ. Вѣдь сообщали же газеты, что Иванъ Сергѣевичъ обѣщалъ совсѣмъ «положить перо». Остряки по этому поводу говорили даже, что вѣроятно послѣдніе разсказы Тургенева «писаны крандашомъ».

Но перомъ ли, крандашомъ ли написаны разсказы «Изъ старыхъ воспоминаній» и «Пѣснь торжествующей любви», они написаны превосходно. Конечно, «тоталитетъ» знаменитости Тургенева настолько великъ, что лишній лавръ въ вѣнкѣ его славы не можетъ быть особенно замѣтенъ, но читающая-то публика во всякомъ случаѣ должна быть благодарна великому художнику за данную ей возможность еще лишній разъ испытать то высоко-эстетическое удовольствіе, которое получается при чтеніи произведеній автора «Записокъ охотника». Отрадно было убѣдиться изъ новыхъ разсказовъ, что талантъ великаго романиста ни на одну іоту не ослабѣлъ, что онъ по-прежнему блеститъ всѣми своими художественными красотами. Это впечатлѣніе тѣмъ болѣе отрадно было выносить, что въ произведеніяхъ Тургенева послѣднихъ пяти-шести лѣтъ нельзя было отрицать извѣстной тусклости исполненія и вялости замысла. Судя по нимъ, можно было подумать, что Ивану Сергѣевичу дѣйствительно лучше всего положить перо, чтобы не портить «тоталитета». Но послѣдніе разсказы говорятъ противное: они положительно даютъ право надѣяться, что Иванъ Сергѣевичъ еще послужитъ родному искусству. И съ большимъ интересомъ ожидаемъ мы «Самиста», о скоромъ появленіи котораго извѣщаютъ газеты.

Изъ двухъ новыхъ разсказовъ Тургенева болѣе значительная литературная величина—«Пѣснь торжествующей любви», которая поэтому и надѣлала гораздо бо́льшаго шума, чѣмъ «Изъ старыхъ воспоминаній». Послѣднее произведеніе притомъ было напечатано въ газетѣ и потому прочтено сравнительно немногими. А жаль, потому что разсказъ прекрасенъ.

Предъ вами необыкновенно яркая жанровая картинка изъ временъ крѣпостнаго права, когда даже въ самомъ «миломъ» и «добромъ» баринѣ сидѣла такая огромная доза азіятскаго самодурства. Въ общемъ «Изъ старыхъ воспоминаній» можетъ быть названо новою главою «Записокъ охотника», и притомъ одною изъ лучшихъ. Написанъ разсказъ необыкновенно колоритно и «сочно», какъ говорятъ художественные критики, детали отдѣланы замѣчательно тщательно. Если вы, читатель, еще не прочли «Изъ старыхъ воспоминаній», постарайтесь ихъ достать,—получите часъ истинно-художественнаго наслажденія.

Но «Пѣснь торжествующей любви» вы, читатель, конечно давно прочли. Передавать поэтому ея содержаніе мнѣ нѣтъ надобности. Да и можно ли передавать содержаніе такихъ вещей, гдѣ все—игра солнечныхъ лучей и переливы красокъ? Можно ли передавать словами ароматъ благоухающаго цвѣтка и блескъ алмаза? Все это нужно самому видѣть, самому вдыхать. «Пѣснь торжествующей любви» именно и есть литературный цвѣтокъ, блещущій всѣми цвѣтами радуги и полный чуднаго благоуханія. Нужно ее самому читать, нужно самому окунуться въ поэзію этой сказки, сотканной изъ мистическаго мрака индійскаго Востока, жгучести полуденнаго солнца и таинственнаго очарованія ночи.

Нашлись, однако, многіе, которымъ заоблачность Тургеневской сказки, ея полная отрѣшенность отъ современности крайне не понравились. Ни прелесть поэтическаго языка, ни яркость вымысла, ни блескъ красокъ не могли подкупить этихъ суровыхъ Катоновъ. Негодуя, они говорили: «Вотъ до какого барства можно дойти, живя за границей, вдали отъ родины, не волнуясь ея интересами, не радуясь ея радостями, не печалясь ея печалями! Вѣдь это насмѣшка: въ наше время, когда тревожная общественная мысль лихорадочно работаетъ надъ жгучими вопросами минуты, забавляться какими-то сказочками, какими-то малайцами съ вырѣзанными языками и сомнамбулистическими амурами!...»

Односторонніе, прямолинейные люди! отчего вы такъ мало обратили вниманія на эпиграфъ «Пѣсни торжествующей любви», на Шиллеровское «Wage du zu träumen und zu irren»? Не слышится ли вамъ изъ него глубокая скорбная нота, желаніе уйти далеко, далеко отъ этой милой современности, постояннымъ созерцаніемъ которой можно довести себя до полной меланхоліи? Будто потребность забыться чѣмъ-нибудь фантастическимъ, заняться рѣшеніемъ какого-нибудь вопроса, находящагося внѣ времени и пространства,—будто эта потребность не такая же настоятельная, какъ и всѣ другія душевныя потребности? И затѣмъ, въ концѣ концовъ, развѣ тэма «Пѣсни торжествующей любви» такая уже «несовременная», развѣ психологія страсти такъ уже до насъ никакого касательства не имѣетъ? *) Человѣческое-то сердце вѣдь одинаково волнуется и

*) Къ сожалѣнію, любви-то торжествующей мы и не видимъ въ художественно написанной сказкѣ И. С. Тургенева. *Ред.*

во времена renaissance, и въ эпоху торжествующей свиньи. И развѣ не поучительно въ эпоху торжествующей свиньи читать о «торжествующей любви» и видѣть, что сердце человѣческое есть величина себѣ самой равная во всѣ времена и у всѣхъ народовъ? Да, торжествующая свинья—явленіе временное, преходящее, а вотъ законы человѣческаго сердца—это явленіе вѣчное и никакія торжествующія свиньи не могутъ возымѣть надъ нимъ власти.

Перейдемъ теперь къ Щедрину, самому энергичному, самому «животрепещущему» изъ дѣятелей пленды, на котораго годы и «независящія обстоятельства» производятъ самое необычное дѣйствіе. На порогѣ глубокой старости его талантъ съ каждымъ годомъ становится все могучѣе и могучѣе, доходя по временамъ до Свифтовской силы; а что касается «независящихъ обстоятельствъ», то чѣмъ они круче, чѣмъ больше они гнетутъ, тѣмъ опредѣленнѣе становится міросозерцаніе сатирика и тѣмъ цѣльнѣе, значитъ, его творчество.

Пословица «нѣтъ худа безъ добра» ни на чемъ такъ блистательно не оправдалась, какъ на творчествѣ Щедрина. Крутыя времена дали Щедрину то, отсутствіе чего сильно вредило ансамблю его литературной физіономіи,—они дали ему строго-выдержанное міросозерцаніе. Было время, когда Писаревъ вполнѣ основательно называлъ сатиру Щедрина «цвѣтами невиннаго юмора». Дѣйствительно, невиннаго, потому что юморъ, направленный безразлично во всѣ стороны, всюду выискивая смѣшное, тѣсно соприкасается съ балагурствомъ и простымъ зубоскальствомъ, лишеннымъ какого бы то ни было общественнаго значенія. Идеалъ нуженъ, во имя котораго карающій,—только тогда и можно надѣяться на то, чтобы «ridendo castigare mores». А вотъ такого яснаго идеала и не было у Щедрина ни въ то время, когда о немъ писалъ Писаревъ, т.-е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, ни нѣсколько лѣтъ позже, когда «климатъ» продолжалъ еще быть довольно благодатнымъ. Надъ чѣмъ въ самомъ дѣлѣ не смѣялся нашъ сатирикъ?—Надъ земствомъ, надъ помпадурами, надъ реакціонерами, надъ либералами, надъ *Московскими Вѣдомостями*, надъ «старѣйшей россійской пѣнкоснимательницей», надъ подъячими, надъ гласнымъ судомъ,—словомъ, надъ всѣмъ, что имѣетъ смѣшныя стороны. А такъ какъ смѣшныя стороны есть во всякомъ самомъ возвышенномъ человѣческомъ дѣяніи и даже на солнцѣ пятна есть, то и получалась въ результатѣ сатира ради сатиры, безучастный смѣхъ, которому въ сущности ни до чего дѣла нѣтъ.

Но по мѣрѣ того, какъ благодатные зефиры стали превращаться въ удушливый самумъ, муза Щедрина все болѣе и болѣе теряетъ характеръ безразличнаго зубоскальства. Точно такъ какъ въ большинствѣ русскаго общества крутыя времена выработали ясныя желанія относительно будущаго и сплотили въ одно тѣ идеалы, которые болѣе или менѣе безформенно носились въ умахъ людей, не потерявшихъ человѣческаго образа,—

такъ и творчеству Щедрина они дали опредѣленное направленіе, подсказанное негодованіемъ на творящееся кругомъ безобразіе. Стрѣлы своихъ насмѣшекъ сатирикъ направляетъ теперь уже не во всѣ стороны, а бьетъ онъ ими въ одну точку, въ то больное мѣсто русской жизни, которое своимъ гніеніемъ заражаетъ весь народный организмъ. Уже не холодный поэтому юморъ «надсмѣшника», а злобная иронія, облитая желчью и кровью, слышится въ Щедринскихъ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ. И если не всегда ясенъ въ нихъ идеалъ автора, то во всякомъ случаѣ ясно, что ему особенно ненавистно: «He was a good hater», т. е. онъ умѣлъ хорошо ненавидѣть,—говоритъ.

Щедринъ тоже умѣетъ ненавидѣть. И чѣмъ сильнѣе врагъ, чѣмъ несокрушимѣе онъ, тѣмъ могучѣе размахъ его сатирическаго бича, тѣмъ крупнѣе полетъ его сатирическаго генія.

Въ прошедшемъ году злоба Щедрина имѣла, къ сожалѣнію, слишкомъ много поводовъ быть доведенной до крайности. Никогда еще реакціонная сволочь не поднимала такъ нагло безстыдной головы своей, никогда еще темныя силы Русской земли не преслѣдовали свои гнусныя цѣли съ такимъ безшабашнымъ цинизмомъ, какъ именно въ прошломъ году. И оттого такъ грозна была Щедринская сатира въ прошломъ году, оттого и достигла она Свифтовской силы. Діалогъ «торжествующей свиньи» съ «правдой» исполненъ такой страшной ироніи, столько въ немъ затаенной злобы человѣка, котораго стихійною силой пригнуло къ землѣ, но который тѣмъ не менѣе сохранилъ въ себѣ гордое стремленіе къ небу, что по-истинѣ жутко становится. Свифтъ едва ли злѣе былъ въ своихъ «сказкахъ». По-нѣмецки есть выраженіе «Galgen humor». Это означаетъ юморъ висѣльника надъ самимъ собой въ ту минуту, когда его ведутъ на казнь. Весело отъ него едва ли бываетъ. И вотъ въ діалогѣ правды съ чавкающимъ рыломъ торжествующей свиньи именно такой Galgen humor заключается,—юморъ карася, видящаго, что исполняется его любимое желаніе быть изжареннымъ въ сметанѣ.

Разговоръ торжествующей свиньи съ правдой, безъ сомнѣнія, одно изъ крупнѣйшихъ явленій литературной лѣтописи прошлаго года. По немъ будущій историкъ составитъ себѣ прекрасное понятіе о тѣхъ періодахъ русской жизни, когда вдругъ глухо-на-глухо завѣшивается окно прорубленное въ Европу.

Въ творчествѣ Щедрина «Разговоръ» также составляетъ одинъ изъ кульминаціонныхъ пунктовъ. По степени сатирической ѣдкости и безграничности отчаянія въ параллель къ «Разговору» могутъ идти только «Игрушечнаго дѣла людишки»—тоже чисто Свифтовская вещь, написанная въ одинъ изъ бухарскихъ интерваловъ русской жизни.

II.

Отъ «животрепещущей» сатиры Щедрина перейдемъ къ другой не менѣе «животрепещущей» литературной злобѣ дня—къ «мужицкимъ беллетристамъ» и ихъ дѣятельности въ прошломъ году. И въ самомъ дѣлѣ, что какъ не мужицкая беллетристика прежде всего бросается въ глаза, когда знакомишься съ современною литературой? До такой степени эта мужицкая беллетристика загромождаетъ всѣ наши лучшіе и не лучшіе журналы (эсъ-букетный *Русскій Вѣстникъ*, конечно, составляетъ исключеніе), до такой степени въ литературѣ только и разговора, что о мужикѣ да о мужикѣ, о кулакѣ да о міроѣдѣ, что любители изящнаго чтенія просто въ отчаяніе приходятъ. Это, впрочемъ, такіе, которые кроткимъ нравомъ отъ родителей своихъ одарены. Болѣе же строптивые — тѣ ужасно ругаются. Въ бѣшенствѣ одинъ такой любитель говорилъ мнѣ, что онъ бросилъ толстые журналы и перешелъ къ Ахматовскимъ переводамъ. «Что же подѣлаешь,—говоритъ:—читать хочется, а читать нечего. У Ахматовой, по крайней мѣрѣ, отъ мужика отдохнешь. Точно, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ мужика ничего уже на свѣтѣ и не существуетъ».

Удивительно, право, какъ разъ укоренившаяся аномалія дѣйствуетъ на людское міросозерцаніе. Въ литературѣ слишкомъ много говорятъ о мужикѣ, слишкомъ много ему посвящаютъ вниманія!... А вотъ замѣчательно, какъ никто не протестуетъ противъ того, что въ романахъ [все о любви говорятъ. Вѣдь, ей-богу, на свѣтѣ куда меньше любятъ, нежели обкрадываютъ и объѣгориваютъ мужика!...

Къ чести многогрѣшной «интеллигенціи», и именно той части ея, которая больше всего подвергается нападеніямъ народолюбцевъ Охотнаго ряда, она не считаетъ, что мужикъ можетъ занять слишкомъ много мѣста въ литературѣ такой страны, которая на $^4/_5$ изъ него же, мужика, состоитъ. Съ каждымъ годомъ мужицкая литература все больше и больше пріобрѣтаетъ права гражданства въ русской «словесности», все болѣе и болѣе выясняя потребности народной души, изучая все тщательнѣе и тщательнѣе народныя нужды и тяготы. Это изученіе, это проникновеніе въ народную сердцевину есть начало того великаго единенія интеллигенціи и народа, которая удесятеритъ силы интеллигентнаго русскаго духа и дастъ ему прочное содержаніе.

Въ нынѣшнемъ году количество мужицкой литературы, и не только беллетристики, а вообще литературы, трактующей о мужикѣ, было поистинѣ подавляющее. Точно сговорились всѣ. Въ такъ-называемыхъ «внутреннихъ обозрѣніяхъ», въ политико-экономическихъ этюдахъ, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ повѣстяхъ, романахъ и очеркахъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ разработывался «народный вопросъ». Видно, назрѣло это; видно, не можетъ дольше продолжаться порядокъ, при которомъ о всѣхъ въ домѣ заботятся, кромѣ хозяина, кромѣ того, кѣмъ держится и крѣпнетъ весь государственный организмъ.

Больше всѣхъ удѣлялъ мужицкой литературѣ мѣсто тотъ органъ печати, который чаще другихъ подвергается упрекамъ въ «оторванности» отъ народной почвы, въ «надруганіи» надъ народною «святыней» и т. д., то-есть *Отечественныя Записки*. Я не стану опровергать всѣхъ этихъ упрековъ, потому что въ нихъ есть извѣстная доля правды. Не знаю, какъ тамъ относительно «надруганія» надъ «народною святыней» (ибо въ томъ ли еще «народная-то святыня» сидитъ, въ чемъ ее г. Аксаковъ, наприм., полагаетъ); но что касается «оторванности», то, если хотите, *Отеч. Зап.* дѣйствительно въ извѣстной степени въ ней повинны. Все дѣло только въ томъ, что не такъ онѣ «оторваны», какъ это очень многіе себѣ представляютъ. Не отъ недостатка любви, а отъ избытка. Знаете, есть матери, которыя страстно, безумно любятъ своихъ дѣтей, жизнь готовы за нихъ отдать. И однако же эта безумная любовь не мѣшаетъ имъ не ставить ни въ грошъ душевныя потребности любимыхъ существъ. Поговорите съ такою матерью и вы отъ нея услышите, что нельзя «дитяти» дать дѣйствовать по своему «дѣтскому» разумѣнію, что это ему непремѣнно повредитъ и т. д. А между тѣмъ дитяти уже перевалило за двадцать, оно уже полный человѣкъ съ своимъ собственнымъ цѣльнымъ нравственнымъ міромъ, съ своими идеалами, цѣлями и стремленіями.

Въ отношеніи къ народу *Отеч. Зап.* представляютъ собою именно такого рода нѣжную мать, въ одно и то же время любящую и презирающую своего ребенка, устремляющую всѣ свои силы къ благу его и недовѣряющую его дѣеспособности. Основанныя въ нынѣшнемъ своемъ видѣ великимъ печальникомъ горя народнаго, *Отеч. Зап.* съ первыхъ же поръ высоко подняли знамя народолюбія, которому ни разу не измѣнили. Кто знакомъ съ поколѣніемъ современныхъ поборниковъ народнаго дѣла, тотъ согласится со мною, что оно выросло преимущественно на *Отеч. Запискахъ*. Никто не станетъ отрицать того, что огромная доля симпатій къ народу имѣетъ своимъ перво-источникомъ поэтическую проповѣдь Некрасова. На Некрасовѣ выросло цѣлое поколѣніе народолюбцевъ; Некрасовъ первый открылъ имъ глаза на окружающее,—показалъ, въ какомъ направленіи долженъ дѣйствовать человѣкъ, не потерявшій человѣческаго облика. Другой «столпъ» *Отеч. Записокъ*—г. Михайловскій—тоже не мало содѣйствовалъ насажденію народолюбія среди новаго поколѣнія, систематизируя его и придавая ему болѣе или менѣе стройный видъ.

Такимъ образомъ заслуги *Отеч. Записокъ* народному дѣлу несомнѣнно громадныя. И за всѣмъ тѣмъ онѣ, какъ та любяще-презирающая мать, никакъ не хотятъ признать, что совсѣмъ ужь не такая tabula rasa—народная душа, что совсѣмъ ужь не такъ крѣпко нуждается народъ въ томъ, чтобъ его «направляли», что есть, словомъ, у народа свои душевные устои, которыхъ обойти съ высоты своего интеллигентнаго величія никакъ невозможно.

Вотъ въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать «оторванность» *Отеч. Записокъ* отъ народной почвы. Еще разъ повторяю: не отъ недостатка любви она происходитъ, а отъ избытка, отъ боязни, что предоставленный себѣ самому народъ попадетъ въ безвыходную кабалу къ темнымъ силамъ Русской земли!

Я потому завелъ рѣчь объ «оторванности» *Отеч. Записокъ*, чтобы констатировать, что она теперь нѣсколько ослабѣваетъ и что въ нынѣшнемъ году почтенный журналъ сдѣлалъ не одну уступку тому теченію русскаго «народничества», которое полагаетъ, что у народа есть свои весьма крѣпкіе идеалы и что интеллигенція безусловно должна принять ихъ во вниманіе.

Ярче всего ослабленіе матерински-покровительственнаго народолюбія *Отеч. Записокъ* сказалось на лучшемъ современномъ бытописателѣ народной жизни—Глѣбѣ Успенскомъ. До сихъ поръ г. Успенскій былъ главнымъ представителемъ пессимистскаго взгляда на собственныя силы народа. Еще какихъ-нибудь два года тому назадъ онъ не видѣлъ въ народѣ рѣшительно ни одной такой черты, которую не слѣдовало бы кассировать при переустройствѣ народной жизни. Онъ говорилъ, что народъ такъ страшно бѣдствуетъ и потому долгъ всякаго порядочнаго человѣка помогать ему по мѣрѣ силъ, но что все-таки нельзя обойти того факта, что народъ страшно грубъ, жестокъ, корыстолюбивъ и т. д. По мнѣнію г. Успенскаго выходило, что чувство общинности, на которую такъ напираютъ «идеализаторы» народа, ведетъ не къ сворности, а къ тому только, что въ общинникахъ развивается страшная мелочность, шпіоничанье съ цѣлью предупредить, чтобы, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ общинниковъ какъ-нибудь не воспользовался бы чужимъ добромъ. Что же касается другаго столпа, на которомъ «идеализаторы» строятъ свое восторженное отношеніе къ народу, т. е. раскола, то г. Успенскій жестоко смѣялся надъ этимъ «увлеченіемъ» и находилъ, что расколъ есть не что иное, какъ старый, стоптанный, никуда негодный сапогъ.

Отъ этого пессимизма г. Успенскій теперь въ значительной степени излѣчился. Если онъ и продолжаетъ по-прежнему «трезво» изображать «неприглядныя» стороны народной жизни, то все-таки начинаетъ усматривать въ народѣ и кое-что достойное уваженія. Въ прошломъ году въ рядѣ превосходныхъ очерковъ подъ общимъ названіемъ «Безъ опредѣленныхъ занятій» и затѣмъ въ «Пришло на память» г. Успенскій уже совсѣмъ, совсѣмъ не тотъ угрюмый брюзга, который своимъ скептицизмомъ такъ злилъ «идеализаторовъ». Какъ пріятно было «идеализаторамъ» знакомиться съ слѣдующимъ наблюденіемъ г. Успенскаго. Описываетъ онъ, какъ къ нѣкоему арендатору Демьяну Ильичу нанялась артель косить сѣно, на его харчахъ. «Трудновато бывало Демьяну Ильичу въ непогоду, когда вдругъ зарядитъ дождь и когда волей-неволей приходится даромъ кормить. Еще день-два какъ-нибудь переждать можно, но бываетъ, что цѣлую не-

дѣлю нельзя ни за что взяться, и тогда между Демьяномъ Ильичемъ и рабочими происходитъ нѣчто въ высшей степени драматическое: *рабочимъ совѣстно пить задаромъ*, Демьяну Ильичу совѣстно сказать объ этомъ, да и отпустить хорошихъ рабочихъ не хочется; а кормить по-напрасну страсть какъ обидно. Въ такія минуты всѣ мучаются—и Демьянъ Ильичъ, и рабочіе, всѣ вздыхаютъ и ѣдятъ съ мученіями и терзаніями совѣсти» («Пришло на память», *Отеч. Зап.* № 2). Какъ не согласуется эта тонкая деликатность съ представленіемъ о страшной жадности и корыстолюбивой безсовѣстности, которую такъ любилъ выискивать г. Успенскій для «отрезвленія идеализаторовъ».

Въ томъ же очеркѣ «Пришло на память» есть фигура крестьянской дѣвушки Варвары. Помните стихи Некрасова:

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ
. . . . . .
Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.
И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ—то готова копна!
. . . . . .
Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь. «Утѣха»!—
Твердятъ мужики межъ собой.
Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ—спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Выбросьте только физическую красоту и вы получите образъ Варвары, удивительно цѣльный и обаятельный. Это одна изъ тѣхъ богатыхъ натуръ, которыя обдаютъ васъ лучезарнымъ свѣтомъ своего нравственнаго существа и заставляютъ увѣровать въ лучшія стороны человѣческой природы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Варвара—и типически-крестьянская натура; она крестьянка насквозь во всѣхъ своихъ качествахъ и симпатическихъ сторонахъ. И потому-то такъ знаменательно найти этотъ прелестный образъ

именно у г. Успенскаго, котораго уже никто не рѣшится упрекнуть въ идеализированіи.

Отдѣлавъ г. Успенскимъ образъ Варвары съ замѣчательною теплотой. Видно, самъ онъ отдыхаетъ на немъ; видно, самому ему пріятно показать этотъ перлъ, выловленный въ народномъ океанѣ. Однимъ отрицаніемъ и «отрезвленіемъ» не проживешь и ужасно радъ будешь, если послѣ длинной полосы скептицизма есть возможность остановиться на чемъ-нибудь бодрящемъ.

Чтобы покончить съ г. Успенскимъ, отмѣтимъ, что и на расколъ онъ теперь уже совсѣмъ иначе смотритъ. Восторженно говоритъ онъ въ одномъ изъ очерковъ «Безъ опредѣленныхъ занятій» о русскомъ сектантствѣ, видя въ этихъ «алчущихъ и жаждущихъ правды» залогъ свѣтлой будущности народа. О, это уже совсѣмъ не тотъ изношенный, стоптанный сапогъ, которымъ былъ расколъ для г. Успенскаго года три тому назадъ. Нѣтъ, это уже семимильные сапоги-скороходы, при помощи которыхъ далеко пойдетъ народъ нашъ по пути духовнаго развитія.

Столь же неутомимо, какъ и г. Успенскій, работалъ на пользу народному дѣлу и другой корифей мужицкой беллетристики—г. Златовратскій. Въ прошломъ году онъ далъ пять «Очерковъ деревенскаго настроенія», два очерка «На родинѣ» и «Пріѣздъ въ деревню», знакомый читателямъ *Русской Мысли*.

Еще до недавняго времени гг. Успенскій и Златовратскій считались главарями двухъ разныхъ направленій въ мужицкой литературѣ: г. Успенскій—«отрезвляющаго», г. Златовратскій—«идеализирующаго». Но теперь разница значительно изглаживается. Про г. Успенскаго намъ уже извѣстно, что онъ сдѣлалъ значительныя уступки «идеализаторамъ». Что же касается г. Златовратскаго, то онъ, въ свою очередь, тоже въ извѣстной степени измѣнился, утративъ ту сентиментальность, которая ослабляла жизненность его прежнихъ произведеній. Оба направленія, такимъ образомъ, сдѣлали другъ другу уступки и въ результатѣ получилось по-истинѣ трезвое изображеніе народной жизни, чуждое и сентиментальнаго преувеличенія, но и неповинное въ излишнемъ оплеваніи народныхъ «устоевъ».

Въ «Очеркахъ деревенскаго настроенія» г. Златовратскій старается уловить умственную и нравственную физіономію «новой деревни», съ ея потрясенными отъ напора Колупаева основами, съ ея «умственными» мужиками, изъ которыхъ неизвѣстно еще что вылупится: кулакъ чистѣйшей воды или же просто основательный земледѣлецъ, которому уже никакъ на шею не сядешь, какъ это бывало съ мужичками «добраго стараго времени».

Самымъ драгоцѣннымъ выводомъ г. Златовратскаго нельзя, конечно, не признать того, что «массовая душа—это тотъ ледъ, который можетъ быть внутренно воспламененъ до 180°, незримо и непонятно для сторон-

няго глаза выработавъ эту теплоту въ своей внутренней лабораторіи. Но одинъ моментъ, одинъ порывъ, одно, можетъ-быть, очень ничтожное обстоятельство—и внезапно вся эта, сконцентрированная годами незримой работы, сила неудержимо освободится изъ оковъ тайны и растопитъ мгновенно самый ледъ, озаривъ освободившимся свѣтомъ и тепломъ все, что въ безнадежномъ холодѣ жило вокругъ» («Очерки деревен. настроенія», *Отеч. Зап.*, февраль).

Тою же «новою деревнею» занимается и другой крупный дѣятель мужицкой литературы, г. Энгельгардтъ. Въ прошломъ году онъ помѣстилъ два письма изъ длинной серіи «Писемъ изъ деревни», тянущихся около десяти лѣтъ. Одно изъ нихъ, описывавшее нѣкій «Счастливый уголокъ», гдѣ крестьяне живутъ «припѣваючи», произвело большую сенсацію и послужило темой оживленныхъ печатныхъ и устныхъ толковъ.

Письма г. Энгельгардта представляютъ собою очень оригинальную смѣсь беллетристики и публицистики, написанную очень мѣткимъ и свободнымъ языкомъ. Благодаря этому, письма г. Энгельгардта очень много читаются и притомъ даже такими, которымъ сюжеты, трактуемые почтеннымъ профессоромъ, «скучны». Главное ихъ достоинство заключается въ томъ, что г. Энгельгардтъ всякій вопросъ ставитъ рѣзко и безъ всякихъ виляній. «Нельзя не признаться, хотя должно сознаться»—вы у него никогда не найдете. Ни предъ какими авторитетами и «вѣяніями», даже самыми «либеральными», онъ не останавливается и правду-матку такъ въ глаза и рѣжетъ. Извѣстна его рѣзкая выходка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, противъ кооперативнаго сыроваренія. Кооперативное сыровареніе считалось у насъ дѣломъ крайне «либеральнымъ», крайне передовымъ явленіемъ. А вотъ пришелъ г. Энгельгардтъ и безъ дальнихъ колебаній отрѣзалъ, что либеральное сыровареніе идетъ на счетъ жизни крестьянскихъ ребятишекъ: прежде молокомъ ихъ поили, а теперь это самое молоко на кооперативную сыроварню несутъ и ребятишки потому мрутъ какъ мухи.

Вотъ и въ разбираемыхъ двухъ письмахъ г. Энгельгардтъ самымъ рѣзкимъ образомъ ставитъ модный теперь вопросъ о соотношеніи помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго труда. Извѣстно, сколько есть проектовъ и плановъ примирить эти два интереса, устроить такъ, чтобъ и у помѣщика были рабочія руки, и чтобъ эти рабочія руки не бросали бы своей земли и не раззорялн такимъ путемъ свое хозяйство. Г. Энгельгардтъ необинуясь, прямо, заявляетъ, что помѣщичьи интересы и крестьянскія—вещи діаметрально противоположныя, что примирить ихъ нѣтъ никакой возможности и что какая-нибудь сторона должна уступить свои права на землю. А такъ какъ крестьянинъ не можетъ уйти отъ земли, то уйти долженъ помѣщикъ.

Съ такою же ясностью и рѣзкостью показываетъ г. Энгельгардтъ, какъ такъ-называемое «оживленіе» торговли есть непосредственная причина

крестьянской голодовки. Онять значитъ «натравливаніе» сословій... Однимъ словомъ, безпокойный человѣкъ!

И какъ же, однако, скроменъ этотъ «агитаторъ», когда, оставляя «критику», переходитъ къ положительнымъ требованіямъ. Вотъ, напримѣръ, описываетъ онъ нѣсколько деревень, которымъ даетъ названіе «Счастливаго уголка», потому что обитателямъ его живется «хорошо». И что же, однако: «если кто-нибудь, незнакомый съ мужикомъ и деревней, вдругъ будетъ перенесенъ изъ Петербурга въ избу крестьянина «Счастливаго уголка», и не то, чтобы въ избу средственнаго крестьянина, а даже въ избу «богача», то онъ будетъ пораженъ всею обстановкой и придетъ въ ужасъ отъ бѣдственнаго положенія этого «богача» (*Отеч. Зап.*, февраль, стр. 378). Не думайте, что г. Энгельгардтъ иронизируетъ,—нѣтъ, онъ отъ души доволенъ «благосостояніемъ» «Счастливаго уголка». «Въ одной изъ деревень послѣдніе два года уже *всѣ были богачи, то-есть никто хлѣба не покупалъ, у всѣхъ хватало хлѣба до нови*». И вотъ такой-то уголокъ г. Энгельгардтъ, желая быть вѣрнымъ дѣйствительности, долженъ назвать «Счастливымъ». Мало того, онъ «мечтаетъ» о томъ, чтобы вся Россія покрылась такими «Счастливыми уголками».

Главнымъ условіемъ образованія «Счастливыхъ уголковъ» г. Энгельгардтъ считаетъ освобожденіе крестьянина отъ необходимости продавать свой трудъ постороннему, что лишаетъ его возможности аккуратно вести свое хозяйство и приближаетъ его къ состоянію безземельнаго пролетаріата. Для этого нужно, чтобы помѣщикъ «ушелъ» отъ земли, пошелъ бы въ городъ, а землю отдалъ бы крестьянину (за деньги, конечно; не пугайтесь, пожалуйста, и не подумайте чего-либо зазорнаго. Сами, славу Богу, какъ и всѣ люди, въ участкѣ прописаны).

Но если совсѣмъ не нуженъ мужику помѣщикъ, то весьма ему нуженъ, по мнѣнію г. Энгельгардта, «хорошій» интеллигентъ. И вотъ г. Энгельгардтъ проектируетъ «интеллигентную деревню», чтобы собирались интеллигентные люди большими компаніями, пріобрѣтали бы землю съ тѣмъ, чтобы самимъ ее обрабатывать, вести хозяйство по правиламъ раціональнаго хозяйства и такимъ путемъ и самимъ кормиться, и мужикамъ примѣръ подавать. «Садитесь на землю и не опасайтесь, что вамъ нечего будетъ дѣлать среди мужиковъ. Дѣла не оберетесь, дѣла пропасть». Г. Энгельгардтъ не настолько, однако, наивенъ, чтобы рекомендовать образованіе интеллигентныхъ деревень «интеллигенту» вообще. Онъ достаточно пожилъ на свѣтѣ, чтобы знать, что интеллигенція и порядочность—вещи совсѣмъ не всегда совпадающія. И обращается онъ поэтому къ тѣмъ, которые не разрѣшили еще «проклятыхъ вопросовъ», еще «мечутся».

«Чего метаться! Идите на землю къ мужику! Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, нуженъ земледѣлецъ-врачъ на мѣсто земледѣльца-знахаря, земледѣлецъ-учитель, земледѣлецъ-

акушеръ. Мужику нуженъ интеллигентъ-землевладѣлецъ, самъ лично работающій землю. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей».

«Интеллигентный человѣкъ нуженъ землѣ, нуженъ мужику, — говоритъ еще разъ г. Энгельгардтъ въ заключеніе своего призыва.—Онъ нуженъ потому, что нуженъ свѣтъ для того, чтобы разогнать тьму. Великое дѣло предстоитъ интеллигентнымъ людямъ. Земля ждетъ ихъ и мѣсто найдется для всѣхъ».

Найдется ли? Вотъ въ тѣхъ же *Отеч. Запискахъ*, въ декабрьской книжкѣ, внутренній обозрѣтель разсказываетъ исторію одной попытки устроить «интеллигентную деревню». Грустная исторія!

Не много веселья и въ остальной части мужицкой беллетристики. Все то же «надоѣвшее» г. Буренину «нытье» о безысходной нуждѣ крестьянской, о кулакѣ, опутывающемъ мужика по рукамъ и ногамъ, объ урядникѣ и становомъ, мудрующихъ надъ деревней въ силу «данной имъ власти» тащить и не пущать, и тому подобные занятные сюжеты. Не только отъ одного пристрастія къ изящной словесности, иной разъ сбѣжишь отъ нихъ къ переводамъ съ гишпанскаго г-жи Ахматовой!

Чтобъ и читателю не очень надоѣсть своимъ «нытьемъ», ограничусь краткимъ перечнемъ остальныхъ выдающихся явленій мужицкой литературы прошлаго года. Новыхъ, болѣе утѣшительныхъ, свѣдѣній въ нихъ нѣтъ, а тоску лишнюю нагонять зачѣмъ же.

Кромѣ журнальныхъ очерковъ, г. Успенскій далъ въ нынѣшнемъ году отдѣльное изданіе всѣхъ своихъ деревенскихъ разсказовъ послѣдняго времени, подъ названіемъ «Деревенская неурядица». Такое же изданіе сдѣлалъ г. Наумовъ, извѣстный бытописатель житья-бытья сибирскаго крестьянства. Книга г. Наумова очень сочувственно была принята публикой и критикой, которая по достоинству оцѣнила симпатичное дарованіе автора характерныхъ разсказовъ изъ жизни нашего «золотаго дна», стараніями добрыхъ людей превращеннаго чуть ли не въ геену огненную. Новаго г. Наумовъ въ прошломъ году далъ нѣсколько очерковъ въ *Дѣлѣ*, написанныхъ со свойственной ему теплотой и выразительностью.

Г. Немировичъ-Данченко познакомилъ публику съ «Крестьянскимъ царствомъ» и бытомъ горнозаводскаго населенія Урала. О «Крестьянскомъ царствѣ» мнѣ въ *Русской Мысли* говорить не приходится. Что же касается уральскихъ очерковъ г. Немировича, то они написаны съ присущимъ ему талантомъ и яркостью колорита. Жаль только, что колоритность эта по временамъ очень ужь ярка, такъ что наводитъ на нѣкоторыя размышленія, не всегда выгодныя для автора.

Недурны были въ *Дѣлѣ* разсказы изъ «Жизни южно-русскаго села» г. Потапенко. Одинъ изъ нихъ—«Рѣдкій праздникъ»—рисуетъ очень любопытную картину деревенскаго «Strike'а». Хотѣли было «извлечь выгоду» изъ мужичковъ, да, славу Богу, ничего. Не дали себя въ обиду. Отстояли.

Также весьма недуренъ разсказъ г. Салова — «Николай Суетной» (*Отеч. Зап.*, № 10), описывающій одинъ совсѣмъ, совсѣмъ «удивительный» случай: мужику представился случай разбогатѣть путемъ сдѣлки съ совѣстью: его, набожнаго православнаго, совращали въ молоканство и отъ такого паденія въ ересь ему предстояло разбогатѣть, — и тѣмъ не менѣе мужикъ отъ такой сдѣлки отказался. Положимъ, что не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ, но вѣдь мужикъ-то и хлѣбомъ не очень сытъ.

Слѣдовало бы мнѣ, собственно, побесѣдовать о г. Эртелѣ, однимъ изъ весьма теперь замѣтныхъ писателей изъ народной жизни. Но въ его «Запискахъ степняка» такъ тѣсно переплетаются между собою изображенія народной жизни съ изображеніемъ жизни интеллигентной, что уже лучше отложу рѣчь о немъ на-дальше, при разсмотрѣніи «общей» литературы прошлаго года. По этой же причинѣ не скажу теперь ничего объ очеркахъ г. Тверскаго «Не къ полю ягоды» въ *Вѣст. Европы*.

Въ заключеніе отмѣчу еще два-три явленія мужицкой беллетристики. Г. Ѳедосѣевецъ напечаталъ въ *Словѣ* любопытные разсказы изъ жизни нашихъ сектантовъ, которые съ интересомъ прочтутся людьми, привыкшими смотрѣть на расколъ не какъ на догматическое только изувѣрство. Въ *Отеч. Зап.* г. Ѳедосѣевецъ помѣстилъ «Бабушку-генеральшу», написанную не то чтобъ очень хорошо, но любопытную тѣмъ, что характеризуетъ собою борьбу двухъ теченій народной жизни: стараго, патріархальнаго, когда все болѣе или менѣе совершалось по «простотѣ», и новаго, «культурнаго», на первыхъ же порахъ познакомившаго добродушныхъ козаковъ (изъ ихъ жизни разсказъ) съ «векселечками», «неустоечками», «процентиками» и тому подобными вѣстниками цивилизаціи.

Разъ зашла рѣчь о г. Ѳедосѣевцѣ, нельзя не упомянуть о его замѣчательной «программѣ для собиранія свѣдѣній о расколѣ» (*Отеч. Зап.*, №№ 3 и 4). Авторъ выказалъ въ ней блестящее знакомство съ предметомъ и вѣрное пониманіе движеній народной души. Совершенно справедливо упрекаетъ г. Ѳедосѣевецъ въ предисловіи къ своей «программѣ» русскую интеллигенцію за то, что она до сихъ поръ такъ мало обращала вниманія на самое крупное явленіе русской народной жизни и не овладѣла соціологическимъ факторомъ такого громаднаго значенія. И эти упреки дѣлаются въ *Отеч. Зап.*, которыя года три назадъ объявили расколъ стоптаннымъ сапогомъ. Ну, не знаменіе ли тутъ времени, не побѣда ли новаго народничества, преклоняющагося предъ народными идеалами, надъ старымъ, смотрящимъ на эти идеалы какъ на остатокъ стараго варварства?...

Этому же первостепенному соціологическому фактору русской жизни были посвящены замѣчательные очерки г. Пругавина: «Алчущіе и жаждущіе правды». Но объ этомъ мнѣ опять-таки не приходится распространяться на страницахъ *Русской Мысли*.

А теперь я могу закончить свой отчетъ о мужицкой беллетристикѣ прошлаго года. Упомяну еще развѣ о симпатичномъ разсказѣ г. Баранцевича «Они» въ «Откликѣ». Появилось-то въ прошломъ году, положимъ, гораздо больше мужицкой беллетристики, нежели я отмѣтилъ, да не о всемъ говорить стоитъ. О томъ, что хорошо, я сказалъ; а о томъ, что дурно, лучше умолчу. Вѣдь въ большинствѣ этого дурнаго нетрудно отыскать хорошее намѣреніе такъ или иначе содѣйствовать разрѣшенію «народнаго вопроса». Будемъ и за это благодарны.

С. Венгеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Письмо изъ Вѣны.

12-го февраля 1882 г.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ здѣшніе и пештскіе оффиціозы пѣли въ унисонъ, что въ занятыхъ Австріей провинціяхъ и въ Южной Далматіи все обстоитъ благополучно и что тамошнее населеніе вполнѣ довольно австро-венгерскимъ режимомъ. Если въ независимой, особенно славянской, печати по-временамъ являлись корреспонденціи и отчеты, рисовавшіе настроеніе тамошнихъ народовъ мрачными красками и выставлявшіе (насколько, понятно, здѣшняя «свобода» печати съ своимъ «объективнымъ» прокуроромъ позволяли) темныя стороны господствующихъ тамъ административныхъ, судебныхъ, учебныхъ, національныхъ, конфессіональныхъ, аграрныхъ, податныхъ и другихъ порядковъ, то любезнѣйшіе оффиціозы обвиняли эти газеты въ неблагонадежности, недостаткѣ патріотизма, пессимизмѣ или же тенденціозности. Когда изъ Которской Боки стали доходить тревожныя извѣстія, когда кривошіяне, зуппане и за ними всѣ которцы на-отрѣзъ отказались отъ принятія закона о ландверѣ и начали все чаще нападать на укрѣпленные австрійскіе посты, когда, наконецъ, Стоянъ Ковачевичъ прибылъ въ Кривошіе съ отрядомъ герцеговинскихъ инсургентовъ и возстаніе охватило южную часть Герцеговины, наши оффиціозы, съ свойственной имъ категоричностью, заявляли, что всѣ эти анти-австрійскія дѣйствія совершаются однѣми разбойничьими шайками, алчными къ чужой собственности и грабежамъ.

Эти пѣсни о разбойничьихъ шайкахъ не переставали раздаваться и тогда, когда генералъ Родичъ, бывшій управителемъ Южною Далматіей, прибылъ въ Вѣну съ краткой, но ясной программой, по принятіи которой кривошіянскіе главари обѣщались склонить своихъ единоплеменниковъ къ отбыванію воинской повинности. Условія, поставленныя инсургентами, были слѣдующія: языкомъ командованія долженъ быть одинъ только сербскій; вооруженіе и одежда солдата должны быть національныя; офицеры назначаются изъ однихъ мѣстныхъ жителей; ландверъ живетъ не въ казармахъ и правительство не имѣетъ права вывести его изъ-за предѣловъ

Которскаго округа; военныя упражненія совершаются одинъ мѣсяцъ въ годъ и въ той общинѣ, къ которой солдатъ принадлежитъ; во время упражненій солдаты получаютъ казенное содержаніе; двухгодичная отлучка солдата за границу не считается дезертирствомъ.

Вы видите, что подобныя требованія ужь никакъ не могутъ быть поставлены разбойниками, что они вполнѣ человѣчны и резонны; тѣмъ не менѣе оффиціозные оракулы продолжали трубить, что главную роль во всѣхъ этихъ «демонстраціяхъ» играетъ одна только страсть къ наживѣ и чужой собственности, причемъ были пущены цѣлыя вереницы утокъ о разныхъ стадахъ «овецъ и козлищъ», которыя, яко бы, составляютъ главную цѣль разбойничьей добычи.

Въ настоящее же время, когда для охраны этихъ «овецъ и козлищъ» потребовалось сорокатысячное войско и чрезвычайный кредитъ, когда цѣлый рядъ военныхъ и министерскихъ совѣтовъ, состоявшихся подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, рѣшилъ прибѣгнуть къ чрезвычайному созванію общихъ делегацій и военный министръ Биландъ вынужденъ обнародовать довольно крупные отчеты о числѣ раненыхъ и убитыхъ императорскихъ солдатъ и офицеровъ,—оффиціозныя клеврухи ужь больше не разглагольствуютъ о разбойничьихъ шайкахъ, придавая южно-австрійскому движенію серьезное значеніе и сваливая всю вину возстанія на голову вашей матушки—Бѣлокаменной.

Читая всѣ эти басни о московскомъ «золотѣ», наполняющемъ теперь инсургентскіе тайники Кривошія, Фочи, Невесинья, Сераева, Мостара и другихъ инсургентскихъ пунктовъ, можно, право, подумать, что у васъ, тамъ, въ Москвѣ улицы золотомъ вымощены и что Калифорнія предъ вашей второю столицей блѣднѣетъ. Даже ваше не совсѣмъ-то привлекательное Москворѣчье составляетъ любимое блюдо многихъ здѣшнихъ писакъ, не перестающихъ имъ кормить своихъ несчастныхъ читателей: нѣмцы и мадьяры, устроивъ прямое сообщеніе между Москвой-рѣкой и Адріатическимъ моремъ, живо себѣ представляютъ золотыя руды, плывущія цѣлыми «партіями» съ береговъ вашей рѣки до южно-австрійскаго прибрежья.

Мы, конечно, понимаемъ, что здѣшнимъ оффиціозамъ крайне непріятно и больно обвинять себя и своихъ патроновъ въ возстаніи и поэтому они такъ ревностно стараются сваливать вину на чужія головы. Въ этомъ отношеніи они обнаруживаютъ удивительную солидарность съ своими заграничными коллегами: вѣдь и оффиціозы другихъ странъ свѣта любятъ всегда, такъ-сказать, die Hände in Unschuld zu waschen и если случается какая-нибудь катастрофа, виноваты то поляки, то евреи, то вообще «разбойники пера и мошенники печати», только не они и ихъ кормители. Это такое общее явленіе, о которомъ и вы, быть-можетъ, въ состояніи разсказывать кое-какія жизненныя исторійки, такъ что маневръ нашихъ оффиціозовъ насъ нисколько не поражаетъ. Еслибы въ Босніи и Герцего-

винѣ господствовали народное представительство и конституціонный образъ правленія, оффиціозы, безъ сомнѣнія, свалили бы вину возстанія (еслибъ оно вообще тогда произошло) на либеральныя учрежденія и единогласно закричали бы: «Ага, мы всегда говорили, что эти «диніе» народы еще не «зрѣлы» для парламентскаго режима и что либеральныя учрежденія его и насъ погубятъ!» Но въ оккупированныхъ провинціяхъ господствуетъ, слава Богу, полный абсолютизмъ, судьбами босняковъ и герцеговинцевъ все время управляли одни бюрократическіе автоматы и кадарменныя добродѣтели, и если какой-нибудь депутатъ дерзалъ иногда сдѣлать запросъ въ рейхсратѣ о тамошнихъ порядкахъ или безпорядкахъ, ему съ зеленаго министерскаго стола отвѣчали: «Это уже наше дѣло и все обстоитъ благополучно». Кого же, послѣ этого, обвинять въ возстаніи, если не «чужіе элементы, русскіе рубли и славянофильскихъ агитаторовъ»?

Европейское общественное мнѣніе знаетъ, однако, очень хорошо, гдѣ кроются истинныя причины возстанія. Южная Далматія принадлежитъ Австріи съ 1815 года и австрійскія правительства, сколько ихъ за это время ни было, нисколько не заботились объ улучшеніи этой провинціи ни въ культурномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи: вся и все находится тамъ чуть ли не въ первобытномъ состояніи. Горные жители давнымъ-давно были бы похоронены въ ущельяхъ и трещинахъ своихъ горъ, еслибъ они ждали помощи и поддержки со стороны государства, берущаго съ нихъ налоги и обязаннаго, слѣдовательно, о нихъ заботиться. Благодаря одному только трудолюбію и выносливой натурѣ, которымъ кое-какъ удается доживать свой вѣкъ и не умирать съ голоду. Главнымъ источникомъ ихъ существованія служитъ «искательство заработковъ». Которецъ отправляется на заработки то въ Черногорію, то въ Сербію, то въ Италію, то въ Боснію и Герцеговину, то даже въ Турцію и другія не совсѣмъ отдаленныя мѣстности, и, отработавъ извѣстное время, онъ возвращается въ свою любимую родину и проживаетъ заработанныя деньги; по израсходованіи которыхъ ему опять приходится странствовать. Вы, быть-можетъ, обратили вниманіе на одно изъ условій, поставленныхъ кривошіянскими «кнезами» и приведенныхъ мною выше; оно гласитъ, что «двухгодичная отлучка солдата за границу не считается дезертирствомъ». Это условіе поставлено именно потому, что которецъ безъ заграничной отлучки не можетъ существовать и съ раннихъ лѣтъ ему приходится отправляться въ эти заграничныя путешествія, составляющія далеко не Vergnügungsreisen. Само собою понятно, что сумма денегъ, зарабатываемыхъ тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ, крайне ничтожна, такъ что житьё которца въ высшей степени скудное, полное страшныхъ лишеній и невзгодъ. Замѣтьте еще, что съѣстные припасы и другіе необходимые жизненные продукты горцамъ приходится покупать въ низменныхъ мѣстностяхъ, на такъ-называемыхъ ярмаркахъ, и затѣмъ таскать покупки въ свои «высокія» лачужки по разнымъ непроходимымъ дорогамъ,

объ исправленіи которыхъ правительство нисколько не заботилось. Нужно имѣть одну только желѣзную натуру этихъ «мирныхъ дѣтей труда», чтобы терпѣливо переносить такое горькое житье и при этомъ быть привязаннымъ всѣмъ тѣломъ и душой къ своей дорогой родинѣ.

Всѣ басни о разбойничьихъ замашкахъ которцевъ могутъ быть причислены къ лику тѣхъ памфлетовъ, которые очень часто пускаются въ ходъ изъ-за заднихъ цѣлей. Этотъ народъ, подобно своимъ черногорскимъ и сербскимъ братьямъ, отличается трудолюбіемъ, бережливостью и патріархальною привязанностью къ семьѣ и роднымъ. Замѣчательная вѣрность которца женѣ и семьѣ приводитъ въ изумленіе даже нѣмецкихъ безпристрастныхъ путешественниковъ. Въ культурномъ отношеніи далматинцы, правда, стоятъ на очень низкой ступени; но не знаемъ, какъ кому, а нѣмецкимъ и мадьярскимъ политикамъ ужъ навѣрное не слѣдовало бы упрекать далматинцевъ въ недостаткѣ образованности. Кто, кажется, могъ и долженъ былъ заботиться о просвѣщеніи этого народа, если не государство? Вотъ уже 66 лѣтъ, какъ эта провинція принадлежитъ Австріи, а развѣ такой періодъ времени недостаточенъ для учрежденія школъ и учебныхъ заведеній? Мы, пожалуй, готовы согласиться, что до 1861 года *вся* Австрія томилась подъ тяжелымъ гнетомъ меттерниховщины и его гнилыхъ остатковъ, такъ что далматинцы тогда не составляли исключенія и раздѣляли, такъ-сказать, участь всѣхъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ старались держать въ оковахъ мрака и невѣжества, чтобъ они могли «поменьше разсуждать и побольше повиноваться». Мы беремъ тотъ періодъ времени, когда австрійскіе политики, послѣ долгихъ и тяжелыхъ опытовъ, убѣдились во всей гнилости и безсодержательности системы мракобѣсія, когда народное просвѣщеніе перестало считаться подпанываньемъ священныхъ основъ и когда школы освободились (въ 1868 г.) изъ-подъ душеспасительной опеки ватиканскихъ и іезуитскихъ просвѣтителей. Почему за это время не заботились о распространеніи просвѣщенія среди далматинцевъ и не смѣшно ли, когда нѣмецкіе и мадьярскіе культуртрегеры, съ какимъ-то самодовольствомъ, называли которцевъ «дикарями и полуварварами»? Гдѣ же плоды «цивилизаторской миссіи», которую Австро-Венгрія призвана преслѣдовать на Востокѣ?...

При такомъ плачевномъ состояніи провинціи не удивительно, если которское населеніе имѣетъ мало симпатій къ монархіи Габсбурговъ. Недостатокъ этихъ симпатій обнаружился въ 1869 году, когда австрійское правительство рѣшило ввести въ Которскомъ округѣ общую воинскую повинность, отъ которой которцы до того времени были освобождены. Законъ о воинской повинности появился въ маѣ 1869 года, а осенью того же года правительство распорядилось объ организаціи ландвера. Старшины общинъ стали прогонять жандармовъ, приносившихъ повѣстки о призывѣ рекрутъ, и во всемъ округѣ обнаружилось сильное волненіе. Оффиціозы и тогда разсказывали легенды о разбойничьихъ шайкахъ и правительство

послало туда генерала Родича съ нѣкоторыми полками солдатъ. Родичъ—по происхожденію сербъ и ему, поэтому, послѣ долгихъ трудовъ, удалось подчинить большую часть Которскаго округа, исключая городъ Кривошіе, который ни за что не хотѣлъ принять военнаго закона. Кривошіяне вообще составляютъ самыхъ храбрыхъ и независимыхъ жителей Которской Боки. Кривошіе расположено на сѣверо-восточномъ углу округа и граничитъ съ Герцеговиной и Черногоріей. Эта мѣстность, равно какъ и Зупца, составляющая центральную часть Боки, отрѣзаны отъ прибрежья высокими горами, по которымъ идутъ крайне-затруднительные проходы, въ то время, какъ съ Герцеговиной и Черногоріей онѣ сообщаются гораздо лучше. Благодаря такому географическому положенію, жители этихъ двухъ мѣстностей, особенно же кривошіяне, отличаются чрезвычайною храбростью и наибольшимъ тяготѣніемъ къ Черногоріи, съ жителями которой они состояли въ близкомъ родствѣ, большею частью, даже семейномъ.

Генералъ Родичъ, понявъ безполезность насильственныхъ мѣръ и не пожелавъ даромъ проливать кровь своихъ солдатъ и повстанцевъ, совѣтовалъ тогда вѣнскому кабинету остановить военныя дѣйствія и отказаться отъ нѣкоторыхъ кривошіянскихъ рекрутъ. Но Австрія имѣла тогда извѣстное бюргерминистерство, которое было не особенно расположено къ славянамъ, и тогдашній министръ-президентъ Гискра отклонилъ совѣтъ Родича, приказавъ «во что бы то ни стало обуздать дикихъ варваровъ». Родичъ вынужденъ былъ повиноваться и война австрійской арміи противъ *трехъ сотъ* кривошіянъ возобновилась. Если веденіе такой неравной войны само по себѣ характерно, то окончаніе ея было даже поучительно: Родичъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ, отряды терялись и погибали въ трещинахъ горъ, немногочисленные горцы, прекрасно знакомые съ своею родиной, обнаруживали изумительную храбрость—и вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ, противъ всѣхъ своихъ желаній, убѣдиться, что продолжать военныя дѣйствія противъ кривошіянъ безполезно. Въ ноябрѣ 1869 года генералъ Родичъ заключилъ съ инсургентами въ Кнезлакѣ мирный договоръ и *которыя освободилисъ отъ воинской повинности на десять лѣтъ*. Вѣнскіе политики, признавъ храбрость кривошіянъ и увидѣвъ, что австрійская армія была ими побѣждена, перестали тогда, приличія ради, на время, называть горцевъ разбойниками.

По заключеніи Кнезлакскаго мира, управителемъ провинціи сдѣлался Родичъ, оставшійся на своемъ посту до октября минувшаго 1881 года. Не думайте, однако, что правительство старалось за это время объ улучшеніи бѣдственнаго состоянія этой въ высшей степени запущенной провинціи. Родичъ хотя сербъ и 80% которскаго населенія составляютъ также сербы, но Родичъ въ своихъ дѣйствіяхъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, такъ что если онъ и имѣлъ благія намѣренія, они всегда встрѣчали разнаго рода задержки въ вѣнскихъ правительственныхъ кружкахъ.

Не слѣдуетъ забывать, что Австрія въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ перешесла массу министерскихъ кризисовъ и до 1879 года находилась, несмотря на разныя перемѣны системъ, почти исключительно подъ вліяніемъ нѣмцевъ или, лучше сказать, нѣмецкихъ централистовъ, программа которыхъ состоитъ въ прижиманіи славянъ къ стѣнѣ, т. е., конечно, тамъ и до тѣхъ поръ, гдѣ и покуда славяне поддаются. Съ 1879 года мы живемъ тутъ подъ-такъ называемой примиряющей эрой Таафе, которую централисты такъ охотно называютъ «славянофильской», не переставая кричать объ «угнетеніи» нѣмецкой національности и о «гегемоніи» чеховъ и поляковъ. Но тотъ, кто живетъ въ этой странѣ и безпристрастно наблюдаетъ за внутренними австрійскими дѣлами, ясно видитъ, что нѣмцы не только не «угнетены», но и теперь они имѣютъ во многихъ отношеніяхъ преобладающее вліяніе и занимаютъ высшія государственныя и общественныя должности далеко не въ процентномъ отношеніи къ цифрѣ своего народонаселенія въ Австріи. Вообще объ угнетеніи нѣмцевъ и рѣчи быть не можетъ: сильная и неутомимая національная борьба славянъ происходитъ только ради достиженія національной равноправности съ нѣмцами. Говоря объ австрійскихъ славянахъ, я преимущественно подразумѣваю чешскую націю, составляющую въ данный моментъ главную ось, около которой и вращается вся теперешняя нѣмецкославянская борьба. О полякахъ я не говорю. Благодаря тому политическому такту, который выработался у австрійскихъ поляковъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ испытаній и, главное, въ виду живаго и дѣятельнаго участія въ *активной* политической жизни, благодаря также и тому относительно небольшому числу нѣмцевъ, живущихъ въ Галичинѣ, полякамъ ужъ давно удалось завербовать въ Австріи очень выгодное положеніе. Даже чисто-нѣмецкія министерства вынуждены были почти всегда идти рука объ руку съ поляками, безъ которыхъ первыя не имѣли большинства въ рейхсратѣ и, слѣдовательно, не могли существовать. Еще задолго до образованія министерства Таафе парламентскій польскій клубъ депутатовъ занималъ въ рейхсратѣ, такъ-сказать, золотую середину и имѣлъ рѣшающее вліяніе на австрійское законодательство. Имѣя огромное число талантливыхъ и вышколенныхъ парламентаристовъ и ораторовъ, какъ Смолка, Гауснеръ, Вольскій, Дунаевскій, Грохольскій, Смаржевскій, Сапѣга, Чарторыжскій и много другихъ, говорящихъ такъ же талантливо на нѣмецкомъ языкѣ, какъ и на своемъ родномъ польскомъ, поляки пользуются обширной автономіей и имѣютъ полную возможность свободно и всесторонне развивать матеріальныя и культурныя силы своей родины. Въ кабинетѣ министровъ они теперь имѣютъ двухъ своихъ министровъ, изъ которыхъ Дунаевскій состоитъ хотя министромъ финансовъ, но его прямо можно считать «шефомъ» кабинета, такъ какъ министръ-президентъ Таафе, не имѣя особенно выдающихся талантовъ, считаетъ главною своей опорой Дунаевскаго, котораго онъ, большею частью, и «высылаетъ» въ парламентъ сражаться съ нѣмцами,

составляющими огромную оппозиціонную партію (около 140 депутатовъ), среди которой находится такая масса выдающихся финансистовъ, юристовъ и бойкихъ адвокатовъ, какъ Гербстъ, Нейвиртъ, Плеперъ, Русъ, Зюсъ, Копъ, Куранда, Шмейкаль, Жакъ и др. Дунаевскому, состоящему, какъ мы замѣтили, почти исключительнымъ «ораторскимъ» членомъ кабинета, приходится подчасъ вести съ оппозиціей борьбу чуть не на жизнь и на смерть, такъ какъ противники неисчерпаемы въ своихъ нападкахъ и главная ихъ тактика состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно больше и дольше «растягивать» пренія, и если правой партіи иногда это надоѣдаетъ и она рѣшаетъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, то съ лѣвой стороны раздается крикъ: «Aha, schon wieder Mundsperre!».

Президентомъ рейхсрата состоитъ также полякъ Смолка, извѣстный дѣятель революціоннаго движенія 1848 г. и бывшій президентъ кремзирскаго рейхстага 1849 г. Словомъ, полякамъ теперь ужь нечего бояться нѣмецкаго преобладанія и они въ Австріи имѣютъ полный просторъ для своего національнаго развитія, на чемъ они и сосредоточиваютъ теперь всѣ свои силы. Жаль только, что они никакъ не могутъ ужиться съ своими русинами, относительно которыхъ они не рѣдко совершаютъ крайнія несправедливости. Это тѣмъ болѣе удивительно, что полякамъ, какъ народу, испытавшему на своемъ вѣку столько національнаго горя, слѣдовало бы презирать національныя стѣсненія и не дѣлать затрудненій свободному національному развитію русиновъ. Къ сожалѣнію, національныя распри между русинами и поляками продолжаются до сихъ поръ и послѣдніе массовые аресты въ Львовѣ, Черновичахъ, Коломеѣ и др. восточно-галичинскихъ городахъ и селахъ были со стороны поляковъ недостойнымъ образомъ эксплоатированы. Можно только пожелать, чтобъ обѣ національности, наконецъ, дошли до заключенія, что мирное сожитіе полезно и благотворно для общей ихъ родины и что національныя интриги никогда не приносили пользы. Пріятно ли было видѣть, что ярыми защитниками галичинскихъ русиновъ, во время послѣднихъ обысковъ и арестовъ, являлись вѣнскіе централисты, которые, пользуясь этимъ случаемъ, указывали, какъ сами славяне другъ друга пожираютъ и какъ поляки торжествуютъ по поводу арестовъ русинскихъ дѣятелей? Внутреннія распри приходятся на руку однимъ только нѣмцамъ, а это одно ужь должно бы было убѣдить поляковъ въ безполезности раздора и разногласія.

Но если полякамъ удалось окончательно освободиться изъ этой нѣмецкой опеки, то чехамъ приходится еще вести съ нѣмцами отчаянную борьбу, поглощающую въ настоящее время все вниманіе здѣшнихъ политиковъ. Если быть безпристрастнымъ, то слѣдуетъ признать, что сами чехи или, лучше сказать, чешскіе вожаки отчасти виновны въ томъ, что борьба еще до сихъ поръ не окончилась ихъ побѣдой, т.-е. что національная равноправность еще не осуществлена въ Богеміи. Вина эта состоитъ въ той безсмысленной *пассивной* политикѣ, которую чешскіе

патріоты преслѣдовали отъ 1863 до 1879 года, стоявши все это время вдали отъ рейхсрата и не принимавши, «демонстраціи» ради, участія въ политической жизни. Пассивная политика, большею частью, не только безполезна, но даже вредна, и Ригеръ самъ теперь признаетъ это. Мы далеко не увлекаемся австрійскимъ парламентаризмомъ; мы хорошо знаемъ, что здѣшняя конституція имѣетъ много недостатковъ, что здѣшняя свобода печати ужь черезчуръ связана прокуроромъ, который въ состояніи конфисковать любой нумеръ газеты, если прокурорское «объективное» око встрѣчаетъ тамъ что-нибудь «опасное для государства»; намъ также извѣстно, что здѣшняя избирательная система нисколько не соотвѣтствуетъ принципамъ справедливости, что избирательный цензъ слишкомъ высокъ и что въ рейхсратѣ засѣдаетъ очень мало истинно-народныхъ представителей. Австрійская конституція требуетъ измѣненій и въ національномъ отношеніи, такъ какъ главными составителями ея были нѣмцы. Но всѣ эти недостатки еще нисколько не оправдываютъ тѣхъ, которые рѣшаются вести пассивную политику, т.-е. ничего не дѣлать и къ этому еще думать, что этимъ ничегонедѣланіемъ спасаешь отечество или свою націю. Пятнадцатилѣтнимъ ничегонедѣланіемъ чеховъ пользовались одни только нѣмцы: они съ одной стороны почти все это время управляли рейхсратомъ и, слѣдовательно, государствомъ, съ другой же стороны нѣмецкій народъ, благодаря сильной политической агитаціи во время парламентскихъ выборовъ и активной политической жизни нѣмецкой интеллигенціи, имѣлъ за это время возможность умственно и политически развиваться. Чехи теперь понимаютъ свою ошибку и ясно видятъ, что за послѣдніе два года своего присутствія въ рейхсратѣ они гораздо больше успѣли, чѣмъ за все время пассивности. Вотъ только-что на дняхъ чехи одержали блестящую побѣду, отъ которой теперь вся чешская нація въ восхищеніи: верхняя палата приняла огромнѣйшимъ большинствомъ законопроектъ о раздѣленіи теперешняго нѣмецкаго Пражскаго университета на два отдѣленія, нѣмецкое и чешское (въ одномъ языкомъ преподаванія будетъ нѣмецкій, въ другомъ—чешскій), которыя будутъ носить общее названіе «Carolo-Ferdinanden». Преобразованіе Пражскаго университета въ два отдѣленія составляло одно изъ главныхъ желаній чешской интеллигенціи, которая теперь будетъ имѣть возможность совершенствоваться, въ своемъ собственномъ университетѣ, въ своемъ высшемъ національномъ и общемъ развитіи. Еще 10 апрѣля 1881 года послѣдовалъ циркуляръ императора о подобномъ преобразованіи и 31 мая этотъ законопроектъ былъ принятъ большинствомъ рейхсрата; но чехи все-таки сомнѣвались въ осуществленіи его, такъ какъ нѣмецкая партія была противъ такого преобразованія, утверждая, что она поведетъ къ «чехизированію» нѣмецкаго университета и нѣмцы «липнатся» въ Прагѣ высшаго учебнаго заведенія. Нѣмцы поэтому были за учрежденіе отдѣльнаго чешскаго университета съ оставленіемъ существующаго Пражскаго

университета въ своемъ теперешнемъ чисто-нѣмецкомъ видѣ. Нѣмцы, составляющіе въ рейхсратѣ меньшинство, имѣли до сихъ поръ въ верхней палатѣ большинство, такъ что очень часто случалось, что тѣ законопроекты, которые были приняты рейхсратомъ и не были благопріятны для нѣмцевъ, проваливались въ палатѣ господъ. Нѣкоторые законопроекты путешествовали такимъ образомъ много разъ изъ верхней палаты въ нижнюю, изъ нижней въ верхнюю и обратно. Чехи опасались, чтобы не провалился и университетскій законопроектъ въ верхней палатѣ. Этого тѣмъ болѣе можно было опасаться, что централисты, съ докторомъ Унгеромъ во главѣ, выработали законопроектъ объ учрежденіи особаго чешскаго университета, согласно желанію нѣмецкаго меньшинства въ рейхсратѣ. Централистская партія въ палатѣ господъ напрягала всѣ свои силы, чтобы провести свой законопроектъ: докторъ Унгеръ, этотъ знаменитый юристъ и замѣчательный ораторъ, потратилъ всю силу своего краснорѣчія, и рѣчь его въ защиту централистскаго законопроекта была дѣйствительно блестяща. Несмотря, однако, на все это, палата господъ приняла 10 февраля законопроектъ въ такой формѣ, въ какой принялъ его рейхсратъ, 82-мя голосами противъ 55. Резолюція объ обязательномъ знаніи чешскими студентами нѣмецкаго языка была отклонена. Централисты потерпѣли страшное пораженіе: до сихъ поръ они считали палату господъ главнымъ оплотомъ своихъ тенденцій, состоящихъ, какъ они выражаются, въ «единствѣ монархіи»; теперь же ихъ главные органы констатируютъ, что и этотъ ихъ оплотъ разрушенъ. Перемѣна положенія верхней палаты произошла отъ того, что министерство три раза дѣлало такъ-называемый «Pairsschub», т.-е. три раза назначала въ верхней палатѣ все новыхъ членовъ, согласныхъ съ принципами кабинета, такъ что перевѣсъ голосовъ оказался, наконецъ, на сторонѣ правительственной партіи и такимъ образомъ ужь больше, кажется, не будетъ разногласія между рѣшеніями нижней и верхней палатъ. Чехи въ восхищеніи отъ новаго полученнаго ими права; органы ихъ констатируютъ, что день 10 февраля на вѣки-вѣковъ останется памятнымъ въ исторіи чешской націи и теперь они всѣ признаютъ, что вступленіе ихъ въ 1879 года въ рейхсратъ принесло имъ уже огромную пользу и будетъ для нихъ и въ будущемъ благотворнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чехамъ еще придется вести съ нѣмцами тяжелую борьбу, но, въ концѣ концовъ, они окажутся побѣдителями, такъ какъ централизмъ отживаетъ свой вѣкъ и высшіе вліятельные кружки, *съ императоромъ во главѣ*, начинаютъ сознавать, что Австрія можетъ существовать *при одномъ только автономномъ устройствѣ*. Что императоръ вполнѣ согласенъ съ теперешнимъ большинствомъ рейхсрата, видно изъ того, что онъ на аудіенціи, данной одной тріестской депутаціи 22 декабря 1881 года, выразилъ депутату Тейшелу, члену централистской партіи, что централисты дѣлаютъ «не обыкновенную, а *фракціозную оппозицію*

(faktiöse opposition)». Профессоръ Блунчли дефинируетъ фанціозную оппозицію слѣдующимъ образомъ: «Политическая партія можетъ имѣть большіе недостатки; она можетъ легкомысленно стремиться къ нововведеніямъ или черезчуръ ревностно охранять существующій строй; она можетъ употреблять превратныя средства и этимъ не попадать въ цѣль; она даже можетъ преслѣдовать безсмысленную цѣль. Эти человѣческія слабости еще не омрачаютъ чести политической партіи. Но партія никогда не должна ставить себя выше государства, такъ какъ часть не можетъ быть важнѣе цѣлаго; она никогда не должна подчинять своимъ партіознымъ интересамъ интересы государства. Партія, дѣлающая это, унижается до *фракціи*; фракція не хочетъ служить государству, а желаетъ, чтобы государство служило ей; она преслѣдуетъ не политическія, т.-е. общеполезныя, а эгоистическія цѣли».

Тейшлъ и другіе тріестскіе депутаты отказались тогда, послѣ замѣчанія императора, отъ своихъ парламентскихъ полномочій, мотивировавъ свой выходъ изъ рейхсрата тѣмъ, что они не желаютъ дѣйствовать въ парламентѣ противъ своихъ убѣжденій и имъ не хочется также оставить безъ вниманія замѣчаніе императора. Можно быть разнаго мнѣнія о замѣчаніи императора, можно считать его неумѣстнымъ, на томъ основаніи, что въ конституціонныхъ странахъ императоръ долженъ стоять выше всѣхъ партій, но и «отставные» депутаты поступили безтактно: если они дѣйствительно *убѣждены* въ правотѣ своихъ политическихъ дѣяній, то законъ даетъ имъ полную свободу дѣйствій и имъ никакъ не слѣдовало выходить. Выходъ же показалъ не «убѣжденность» ихъ, а трусость и подобострастіе. Такъ или иначе, централистская партія оказываетъ часто дѣйствительно одну фанціозную оппозицію, ведя часто длинныя оппозиціонныя пренія ради одной только оппозиціи и вотируя *противъ* такихъ законопроектовъ, съ которыми они въ принципѣ вполнѣ согласны. Нельзя, конечно, отрицать, что нѣмецкая партія играетъ весьма важную роль въ новѣйшей исторіи молодой конституціонной Австріи: благодаря стараніямъ этой партіи, Австрія освободилась отъ блаженной памяти римскаго конкордата, школа перестала быть богоугоднымъ заведеніемъ потомковъ Лойолы и былъ введенъ и развитъ въ Австріи цѣлый рядъ либеральныхъ учрежденій. Эта партія имѣетъ несомнѣнныя заслуги изъ-за своей неутомимой и отчаянной борьбы съ клерикализмомъ. Бѣда только въ томъ, что эта партія придаетъ всѣмъ этимъ свободнымъ завоеваніямъ, которыя ужъ по одному названію «свободныя» должны быть общими, нѣмецкій характеръ и, главное, считаетъ себя чуть ли не Богомъ помазаннымъ факторомъ для господства надъ другими народами. Еслибы нѣмецкая партія, называвшаяся прежде конституціонной, а теперь «соединенной лѣвой», не была проникнута такими шовинистскими тенденціями, ей было бы очень легко примириться съ славянами, среди которыхъ находится множество прогрессистскихъ и демократическихъ эле-

ментовъ, дорожащихъ свободой и ненавидящихъ іезуитскую котерію, и тогда могла бы образоваться огромная прогрессистская партія и Австрія могла бы гораздо легче идти впередъ по пути своего развитія. При фаціозной же оппозиціи нѣмцевъ славяне вынуждены идти рука объ руку съ парламентскимъ клубомъ Лихтенштейна и другихъ ультрареаціонеровъ и мракобѣсовъ. Безъ клуба Лихтенштейна славяне не имѣютъ большинства, и поэтому правыя скамьи рейхсрата вмѣщаютъ такихъ политическихъ антиподовъ, какъ, напримѣръ, Гауснеръ и какой-нибудь патеръ Грейтеръ. Клерикальный клубъ Лихтенштейна, вотируя за законопроекты автономистовъ, требуетъ отъ нихъ содѣйствія его планамъ, а это содѣйствіе состоитъ въ преобразованіи «новой безбожной школы». Палаты скоро опять получатъ извѣстный законопроектъ Ліенбахера о сокращеніи восьмилѣтняго обученія въ народныхъ школахъ. Законопроектъ этотъ долгое время странствовалъ изъ одной палаты въ другую, подвергался разнымъ «измѣненіямъ и дополненіямъ» и, наконецъ, принялъ форму такого «учебнаго плана», который, если онъ будетъ принятъ, окажется гибельнымъ для всего народнаго просвѣщенія, такъ какъ, по смыслу новаго законопроекта, народная школа не будетъ больше «нравственно-религіозной», а «религіозно-нравственной», т.-е. она приметъ опять конфессіональный характеръ. Князю Лихтенштейну и патеру Грейтеру эта «реформа» необходима; нужна ли, однако, она австро-венгерскимъ народамъ— это другой вопросъ. Нѣмцы раньше были противъ всякой «реформы» народныхъ школъ; они и теперь, несомнѣнно, будутъ противъ нея. Что сдѣлаютъ славяне, еще неизвѣстно: многіе изъ нихъ, вѣроятно, будутъ противъ законопроекта, хотя Лихтенштейнъ, какъ говорятъ, будетъ «угрожать». Если же законопроектъ будетъ принятъ, то это будетъ позоръ для всѣхъ австрійскихъ либераловъ.

Познакомивъ читателя въ общихъ чертахъ съ теперешней австрійской «внутренней политикой», я возвращаюсь опять къ южно-австрійскому возстанію, этой главной «злобѣ дня». Министерство Таафе, должно-быть, думало, что ему, какъ «славянофильскому» кабинету, стоитъ только захотѣть намекнуть хорватамъ о воинской повинности, и тѣ мигомъ согласятся; но министръ-президентъ свелъ счетъ безъ хозяина: хорваты— хотя сербы и ихъ несомнѣнно радуетъ, если чехи получаютъ кое-какія «уступки», но они вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, что положеніе ихъ провинціи все же плачевное и что о нихъ словно совсѣмъ позабыли. Нечего удивляться, что министерство весною 1881 года вдругъ о нихъ припомнило, но не съ цѣлью облегченія ихъ горькой участи, а опять изъ-за того, чтобъ осчастливить ихъ солдатчиной; хорваты же съ своей стороны припомнили именно о томъ, что государство еще понынѣ нисколько не заботится объ улучшеніи ихъ края, а также о томъ, что въ 1869 году имъ удалось побѣдить австрійскую армію, и поэтому среди нихъ стало обнаруживаться настроеніе, въ которомъ они находились и въ 1869 году.

Родичъ сталъ объѣзжать провинцію и уговаривать жителей Которскаго округа подчиниться военному закону. Благодаря нѣкоторой популярности, которою Родичъ пользовался въ Бокѣ, ему удалось склонить жителей прибрежья и городовъ. Среди горцевъ дѣло шло туже, но и тамъ сначала нѣкоторыя общины повиновались. Родичъ вообще поступалъ съ которцами очень осторожно и отчасти даже любезно: онъ прекрасно понялъ, что Австрія не разбогатѣетъ отъ нѣкоторыхъ которскихъ рекрутъ, а что тутъ, главное, нужно стараться, чтобы воинская повинность была въ *принципѣ* признана жителями; онъ, поэтому, не обращалъ вниманія, если извѣстное число жителей уклонялось отъ воинской повинности, зная, что разъ законъ принципіально признанъ, которцы раньше или позже перестанутъ уклоняться. Самыми ярыми противниками военнаго закона явились опять, какъ въ 1869 году, кривошіяне, среди которыхъ было распространено мнѣніе, что Кневлакскій миръ навсегда освободилъ ихъ отъ воинской повинности и что правительство больше ихъ безпокоить не будетъ. Родичъ много разъ нарочно пріѣзжалъ лично въ Ризано, вызывалъ туда кривошіянскихъ князей, тратилъ всю силу своего краснорѣчія, но тѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «Не понимаемъ, зачѣмъ и почему тебѣ такъ хочется осчастливить насъ солдатчиной: развѣ теперь мы плохіе воины? Ты вѣдь въ 1869 году лично убѣдился, что мы достаточно умѣемъ защищаться, если нашей родинѣ угрожаетъ опасность; мы и впередъ будемъ ее защищать, если того потребуютъ обстоятельства. Мы защищали ее отъ турокъ, защищали отъ итальянцевъ и будемъ ее защищать отъ другихъ непріятелей...»

Послѣ долгихъ трудовъ и увѣщеваній, Родичу однако удалось склонить кривошіянскихъ главарей. Это было въ октябрѣ минувшаго года, когда Родичъ получилъ вышеприведенныя мною условія, по принятіи которыхъ кривошіяне обѣщались принять военный законъ. Но вѣнскій кабинетъ нашелъ нужнымъ окончательно отклонить условія. Родичъ подалъ въ отставку и намѣстникомъ его сдѣлался генералъ Іовановичъ, главнокомандующій теперешней южно-австрійской арміей, которой приходится и придется вести съ инсургентами упорную войну. Само собою понятно, что правительственный отказъ и рядъ угрозъ со стороны кабинета возмутили кривошіянъ, къ которымъ скоро присоединились и прочіе жители округа. Прибывшій туда Стоянъ Ковачевичъ придалъ движенію болѣе «общій» характеръ и Кривошіе сдѣлалось важнымъ географическимъ мѣстомъ, которое, какъ, во время оно, Дульчиньйо, составляетъ сюжетъ для всей европейской печати и общества.

Если же правительство поступило крайне безтактно своимъ полнымъ игнорированіемъ кривошіянскихъ условій, то оно еще сдѣлало болѣе крупный промахъ тѣмъ, что обнародовало въ Босніи и Герцеговинѣ военный законъ какъ разъ тогда, когда въ Которской Бокѣ происходили уже значительные безпорядки по поводу той же воинской повинности. Отказъ

министерства отъ кривошіянскихъ условій послѣдовалъ въ октябрѣ; съ этого же времени и начинается открытое возстаніе которцевъ, а 24-го октября былъ обнародованъ военный законъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Этотъ правительственный «промахъ» тѣмъ болѣе непонятенъ, что Слави, общій министръ финансовъ и главный начальникъ Босніи и Герцеговины, открыто высказалъ въ венгерской делегаціи, что правительство хорошо знало, что военный законъ вызоветъ среди босняковъ и герцеговинцевъ безпорядки или, какъ онъ выразился, безпокойство. Спрашивается, зачѣмъ и почему было правительству возмущать одновременно три провинціи? Ужь не виноваты ли и въ этомъ правительственномъ распоряженіи «русскіе рубли и переодѣтые русскіе генералы»?

Ошибочно, однако, утверждать, что возстаніе въ занятыхъ провинціяхъ началось изъ-за *одного* только введенія тамъ воинской повинности. Это введеніе дало во всякомъ случаѣ толчокъ къ возстанію, но недовольство въ Босніи и Герцеговинѣ началось уже давно. Графъ Андраши началъ, какъ извѣстно, свою окупаціонную политику декабрьскою нотой 1875 года, въ которой онъ указалъ турецкому правительству на отчаянные аграрные порядки, господствовавшіе въ Босніи и Герцеговинѣ; между тѣмъ эта аграрная реформа, признанная австро-венгерскимъ канцлеромъ необходимой еще 6 лѣтъ тому назадъ, не осуществлена и понынѣ, послѣ того, какъ провинціи имѣютъ счастье находиться подъ австро-венгерскимъ режимомъ вотъ уже четыре года. Что невыносимое аграрное положеніе и теперь послужило одной изъ главныхъ причинъ возстанія, показываетъ уже тотъ фактъ, что возстаніе и теперь началось какъ разъ въ той части Герцеговины, съ которой оно началось въ 1875 году противъ Турціи.

Делегатъ австрійской делегаціи, Плёнеръ, одинъ изъ ярыхъ поборниковъ централистской партіи, котораго, значитъ, никто не можетъ заподозрить въ «славянофильствѣ», говорилъ въ австрійской делегаціи 5-го февраля по поводу аграрнаго положенія Босніи и Герцеговины слѣдующее: «Турецкіе собственники въ Босніи, благодаря столѣтней безолаберной системѣ хозяйства, которую они, въ виду своихъ нравовъ, законовъ и общихъ учрежденій, все время преслѣдовали, сдѣлались такимъ плохимъ сословіемъ, о которомъ можно сказать, что оно присвоило себѣ одни недостатки и слабости восточныхъ народовъ, не заимствовавъ отъ послѣднихъ ничего хорошаго. Эти собственники отличаются страшною лѣностью, неимовѣрною страстью къ господству, въ то время, какъ имъ совершенно чуждо чувство долга, столь крѣпко связанное съ господствующими классами свободныхъ государствъ. Такое сословіе не можетъ быть полезнымъ, въ культурномъ отношеніи, для занятыхъ провинцій. За то *православные крестьяне*, несмотря на тотъ страшный гнетъ, подъ которымъ они задыхались цѣлыя столѣтія, имѣютъ ту хорошую сторону, что они — *народъ трудолюбивый*, и эта же раса, которая намъ теперь въ Босніи

причиняетъ столько затрудненій, *образуетъ въ Сербіи способное, производительное и полезное крестьянское сословіе.* Этотъ православный крестьянинъ, который, какъ поселяне вообще, стремится къ пріобрѣтенію клочка земли, желая имѣть возможность свободно обработывать этотъ собственный клочокъ и плоды своего труда оставлять себѣ и своей семьѣ,—этотъ крестьянинъ можетъ, при хорошемъ управленіи и при справедливомъ рѣшеніи аграрнаго вопроса, сдѣлаться лучшей и полезнѣйшей опорой австрійскаго управленія. Постепенную поземельную и высшую культуру можно вводить въ провинціяхъ *одной только помощью этою крестьянскаго сословія. Горько ошибаются тѣ политики, которые стараются стѣснять національныя стремленія православныхъ крестьянъ, подчиняя ихъ господству другихъ элементовъ...*»

Я дословно перевелъ слова Пленера, такъ какъ отзывъ такого делегата о православныхъ крестьянахъ никто не можетъ считать пристрастнымъ. Замѣтьте еще, что Пленеръ принадлежитъ къ той части нѣмецкой партіи, которая, во время оккупаціи Босніи и Герцеговины, была вполнѣ солидарна съ политикой Андраши (извѣстно, что огромная часть этой же партіи была тогда противъ оккупаціи, къ которой они въ рейхсратѣ и делегаціяхъ стояли въ полной и рѣзкой оппозиціи). Когда провинціи были оккупированы Австро-Венгріей, правительство обѣщало сынамъ «Новой Австріи», что въ скоромъ времени будетъ введена «радикальная» аграрная реформа. Каково же, однако, было разочарованіе тамошняго населенія, когда, вмѣсто обѣщанной радикальной реформы, появился вновь старый и жестокій турецкій аграрный законъ отъ 5-го ноября 1859 года. Правда, правительство тогда заявляло, что между бегами и кметами должны существовать обязательные арендные трактаты, но страшныя тягости крестьянъ нисколько не уменьшились; онѣ стали просто невыносимы, когда, по правительственному распоряженію, десятина должна была быть оплачиваема въ 27 уѣздахъ *наличными деньгами* и только въ 20—in natura. Притомъ срокъ наличныхъ платежей былъ еще назначенъ къ такому времени года, когда крестьянамъ невозможно было продавать свой хлѣбъ безъ огромныхъ убытковъ. За поземельными налогами стали являться, одинъ за другимъ, и другіе налоги, которые легли тяжелымъ гнетомъ на населеніе: квартира, сахаръ, соль, табакъ и разные напитки были обложены большою податью. Даже мелкій скотъ подвергся значительному налогу, прижимавшему, опять-таки, преимущественно крестьянское сословіе, такъ какъ землевладѣльцы сваливали эту «скотскую» подать на несчастныхъ кметовъ. Кромѣ того, взиманіе такъ-называемой третины (треть поземельнаго дохода), которую кметы обязаны платить бегамъ, совершалось чрезвычайно жестокимъ образомъ и бѣдные крестьяне не одинъ разъ имѣли счастье удостоиваться «визитовъ» солдатъ для экзекуцій, какъ, напримѣръ, въ Бѣлинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ бега Фадила Пошича. Легко можно себѣ представить, въ какомъ отчаянномъ положеніи находились

крестьяне и другіе трудящіеся классы, которые знали только объ одномъ— «платить и повиноваться».

Административное устройство провинцій было не лучше. По оккупированіи Босніи и Герцеговины, генералъ Филипповичъ выработалъ планъ правильной администраціи, но вѣнское правительство встрѣтило этотъ проектъ «холодно» и само выработало уставъ объ организаціи администраціи, который Филипповичъ рѣзко отклонилъ. Изъ-за безалаберной администраціи происходили вѣчныя столкновенія между гражданскими и военными властями. Въ декабрѣ 1878 года начальникомъ провинцій былъ назначенъ Вюртембергъ и тутъ-то началась блаженная эра туркофильства и германизаціи. Разные беги получали высшія общественныя должности и разные нѣмецкіе монахи, пасторы и унтеръ-офицеришки были назначены *учителями* въ народныхъ школахъ. Магометанскій элементъ выдвигался впередъ, а христіанское населеніе было оттолкнуто, такъ что оно все болѣе отчуждалось отъ австрійскаго закона. Каждый годъ былъ созываемъ такъ-называемый земскій совѣтъ (Medschlissi-Idari) по турецкому образцу, но члены совѣта не были выбираемы народомъ, а назначались правительствомъ. Кругъ дѣятельности совѣта былъ до-нельзя ограниченъ и въ обѣихъ провинціяхъ господствовалъ бюрократическій абсолютизмъ съ казарменной окраской. Если турецкое судопроизводство было плохо и несправедливо, то и новый австрійскій судъ далеко не былъ скорымъ и правымъ: всякое дѣло, всякій процессъ требовалъ массы писанія и времени, такъ что многіе совсѣмъ отказывались отъ веденія судебныхъ процессовъ.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что недовольство босняковъ и герцеговинцевъ росло съ каждымъ днемъ. Разочаровались особенно христіане, которые хотя далеко не тяготѣютъ къ Австро-Венгріи, все-таки сначала питали надежду на кое-какія облегченія. Тутъ подоспѣлъ военный законъ—и недовольство обнаружилось волненіемъ всѣхъ элементовъ, какъ христіанскихъ, такъ и магометанскихъ. Слѣдуетъ ли идти далеко и искать причинъ въ русскихъ рубляхъ и славянофильскихъ агитаторахъ? Графъ Кальноки видитъ причину возстанія въ той массѣ «профессіональныхъ» агитаторовъ, которые въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ расплодились на Балканскомъ полуостровѣ и которые, наконецъ, прибыли въ Герцеговину; но еслибы босняки и герцеговинцы были довольны австрійскими порядками, «профессіональнымъ» агитаторамъ едва ли возможно было возмущать все населеніе.

Извѣстный политическій антиподъ графа Андраши, венгерскій делегатъ Аппони, приписываетъ возникновеніе возстанія одной только оккупаціи. По мнѣнію графа Аппони, возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ будутъ безпрерывно повторяться, коль скоро Австро-Венгрія не откажется отъ оккупаціи этихъ провинцій. Онъ указалъ на ту массу денегъ и человѣческихъ жизней, которыя поглотила эта оккупація. Само собою раз-

умѣется, что Андраши, засѣдавшему, въ качествѣ делегата, въ венгерской делегаціи, не особенно пріятно было слышать такіе «комплименты» и онъ произнесъ длинную филиппику, въ которой указалъ, что полученіе Босніи и Герцеговины составляетъ «счастье» для всей монархіи, что отношенія Балканскихъ княжествъ къ Австро-Венгріи улучшились только изъ-за «оккупаціи Босніи и Герцеговины». Что же касается стоившихъ и стоющихъ жертвъ, то «алжирцы французамъ и зулусы англичанамъ стоили также множества денегъ и солдатъ», и онъ, Андраши, «смѣло принимаетъ на себя отвѣтственность за свою политику, введенную имъ въ глубокомъ сознаніи своихъ патріотическихъ обязанностей». Аппони въ своей рѣчи упомянулъ также о Ломбардіи и Венеціи, но этого замѣчанія Андраши какъ-то «позабылъ» коснуться. Можно также сомнѣваться насчетъ увѣренія Андраши, что отношенія Придунайскихъ княжествъ улучшились со времени оккупаціи: вѣдь 31 января графъ Кальноки самъ въ своей рѣчи высказалъ, что теперешнее возстаніе, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ повести къ столкновенію съ Черногоріей и Сербіей. Было ли бы это возможно, еслибы Герцеговина принадлежала Черногоріи, а Боснія—Сербіи, или еслибы провинціи были объявлены самостоятельными?

Нельзя, впрочемъ, сказать, что въ оккупаціонной политикѣ виноватъ одинъ Андраши: она родилась и увидѣла свѣтъ Божій на пресловутомъ Берлинскомъ конгрессѣ. Разъ Австро-Венгрія заняла Боснію и Герцеговину, ей слѣдовало бы стараться о расположеніи къ себѣ тамошнихъ народовъ, а этого возможно было достигнуть справедливымъ правленіемъ и гуманнымъ обращеніемъ съ населеніемъ. Но австро-венгерскіе политики иначе объ этомъ думаютъ. Министры Слави и Тисса утверждали въ делегаціяхъ, что одна только «сила» можетъ импонировать восточнымъ народамъ, что босняки и герцеговинцы еще «не зрѣлы» для «культурныхъ порядковъ и гуманнаго обращенія»,—слѣдовательно, вывелъ Слави, «все должно тамъ оставаться по-старому».

Когда я услыхалъ эти слова, мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову начало извѣстнаго стихотворенія: «Что-то услышится родное», и я, право, подумалъ, не заразились ли мадьярскіе политики чтеніемъ тѣхъ вашихъ газетъ, противъ которыхъ они теперь такъ орудуютъ. «Одна только сила можетъ импонировать» и «народъ еще не созрѣлъ для культурныхъ порядковъ и гуманнаго обращенія» — не знакомы ли эти слова? Мы, однако, позволяемъ себѣ спросить министра Слави: какимъ образомъ его мадьяры сдѣлались такими зрѣлыми гражданами? Неужели они такъ и родились совершеннолѣтними? Было время, когда Меттерних считалъ всѣхъ австрійцевъ «незрѣлыми»: когда нижне-австрійскія сословія въ 1847 году обнародовали оппозиціонную манифестацію, Меттернихъ буквально высказалъ тогда слѣдующее: «Существуютъ горы, рождающія мышей, у насъ же въ Вѣнѣ, на Herrengasse, находится домъ дво-

рянскаго собранія (Landhaus), гдѣ рождаются *либеральныя блохи»* (wo liberale Flöhe das Zicht der Welt erblicken), и когда богемскія сословія угрожали отказомъ отъ платежа податей, Меттернихъ замѣтилъ: «этимъ пражскимъ обезьянамъ во что бы то ни стало хочется подражать героямъ англійской конституціи». Когда, однако, годомъ позже прекрасная вилла его въ Вѣнѣ чуть была не разрушена народною толпой и ему пришлось убраться (какъ злые языки говорятъ, удрать довольно оригинальнымъ образомъ) въ Лондонъ, онъ, смѣемъ думать, получилъ другія понятія о «зрѣлости» народа.

Въ заключеніе, считаю не лишнимъ присовокупить, что, несмотря на серьезность южно-австрійскихъ событій, послѣдствія которыхъ пока еще трудно опредѣлить, здѣсь господствуетъ вполнѣ *миролюбивое настроеніе* и всѣ австро-венгрскіе народы искренно желаютъ, чтобы дѣло окончилось безъ всякихъ внѣшнихъ запутываній. Матеріальное состояніе Австро-Венгріи и безъ того очень незавидно, государственные долги принимаютъ исполинскіе размѣры, дефицитъ съ каждымъ годомъ растетъ и послѣдній биржевой крахъ, съ Бонту во главѣ, причинилъ огромный финансовый ущербъ. Благодаря всему этому, граждане всею душой желаютъ, чтобъ удержался общеевропейскій миръ.

З—дъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Разбойники печати и мундирные хищники.

По-прежнему тихо, скучно, однообразно и какъ-то безконечно медленно тянется общественная жизнь. Ни живыхъ новостей, ни радостей или печалей, глубоко охватывающихъ душу,—словомъ, ничего нѣтъ такого, что бы могло вывести общество изъ той спячки, въ какую оно погружено въ послѣдніе мѣсяцы.

Даже воинственная рѣчь Скобелева—и та не въ силахъ была разбудить уснувшее русское общество. А вѣдь, говоря по правдѣ, кромѣ этой рѣчи за послѣднее время не случилось ничего новаго. Все, что совершается вокругъ насъ болѣе крупнаго и выдающагося, все это такъ старо, такъ изношено и ветхо, что почти не заслуживаетъ даже упоминанія. И мы, дѣйствительно, не стали бы упоминать о старыхъ, какъ тысячелѣтняя исторія Россіи, новостяхъ, еслибы только эти новости не терзали наше сердце такою же точно мучительною болью, какою каждый день, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, надрывалось подъ желѣзнымъ клювомъ ворона сердце Прометея, прикованнаго къ горамъ Кавказа. Да, передъ нашими глазами повторяются все старыя-престарыя новости. Припомните, вѣдь сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Катковъ началъ натравливать кого слѣдуетъ на «мошенниковъ пера», на либеральную печать,—а эта старая травля все продолжается, не останавливаясь ни на минуту, не давая времени перевести духъ въ концѣ загнанной, изнемогшей либеральной печати. Ату, ату ихъ, «разбойниковъ печати»!... Вотъ большая московская газета *Московскій Телеграфъ*: ей, въ теченіе одного мѣсяца даютъ два предостереженія и доводятъ до того, что она вынуждена прекратить печатаніе передовыхъ статей по внутреннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, одному разбойнику печати уже зажали ротъ; теперь онъ безсиленъ, а если еще осмѣлится слово пикнуть, то роковое третье предостереженіе живо уложитъ его въ гробъ. Въ то же самое время въ Петербургѣ затравили дру-

гого разбойника печати, прикончили и заживо уложили въ гробъ другую большую либеральную газету — *Порядокъ*. Вопреки всѣмъ правиламъ и установившимся обычаямъ, одновременно съ первымъ предостереженіемъ эта газета подверглась пріостановкѣ на полтора мѣсяца. Что оставалось послѣ этого дѣлать редакціи? Какъ могла она поступить послѣ такого яснаго доказательства, что существованіе изданія ни на одинъ день, ни на одинъ часъ ровно ничѣмъ не обезпечено? Оставалось только прекратить изданіе по волѣ самой редакціи, если она не желала вѣчно находиться въ тревожномъ ожиданіи того же самаго прекращенія помимо своей воли. Глубокимъ смысломъ, хотя и скрытымъ въ печатныхъ строкахъ, но каждому понятнымъ между строками и волнующимъ всякаго русскаго, проникнуто слѣдующее сдержанное и безстрастное заявленіе отъ редакціи газеты *Порядокъ*: «Редакція газеты *Порядокъ* симъ извѣщаетъ о прекращеніи своего изданія въ текущемъ 1882 году, а потому покорнѣйше проситъ всѣхъ гг. подписчиковъ: 1) или принять деньги обратно въ главной конторѣ газеты, Спб., Вас. Ост., 2-я лин., № 7, или 2) распорядиться тамъ же, во избѣжаніе потери времени, передачею денегъ прямо въ редакцію какого будетъ угодно періодическаго изданія; въ послѣднемъ случаѣ, контора, извѣстивъ объ исполненіи порученія, доставитъ отчетъ, вмѣстѣ съ причитающимся каждому остаткомъ. Подписавшіеся на временное полученіе другихъ газетъ, чрезъ контору газеты *Порядокъ*, будутъ получать тѣ же газеты до конца своего срока подписки». Едва лишь палъ безжизненнымъ трупомъ *Порядокъ*, какъ свора гончихъ помчалась дальше и началась новая травля разбойниковъ печати. На этотъ разъ нападенію подверглся *Голосъ*, изданіе котораго едва успѣло возобновиться послѣ полугодовой пріостановки; ему сразу дано первое предостереженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещена розничная продажа. Запрещеніе розничной продажи— о, какой же это сочный и лакомый кусокъ казеннаго пирога! Не думайте, любезный читатель, что запрещеніе розничной продажи есть кара,—отнюдь нѣтъ: это—награда, сочная, какъ кулебяка Петра Петровича Пѣтуха, и жирная, какъ боровъ изъ Карловской вотчины. Скольнимъ газетчикамъ снится великое счастье заслужить эту награду; но заслужить ее—дѣло не легкое, и не всякому удается! Хотя для этого ума большаго не нужно, но за то нужно сердце покладистое. Во всей Россіи между газетчиками только и есть два сердца, на которыхъ при самомъ рожденіи было отчеканено счастье: одно сердце тревожно бьется въ Москвѣ у Каткова, а другое больше на веселый ладъ трепещетъ въ Петербургѣ у Суворина. Всякая кара — предостереженіе, пріостановка изданій, запрещеніе розничной продажи, запрещеніе печатанія объявленій,—всѣ эти невзгоды бываютъ для цѣлой Россіи на горе, а двумъ счастливымъ сердцамъ всегда на радость. Каждое взысканіе, наложенное на либеральныя газеты, усиливаетъ подписку и розничную продажу *Московскихъ Вѣдомостей* и *Новаго Времени*. Два счастливые публициста, пользуясь барышами отъ

травли разбойниковъ печати, тѣмъ самымъ признаются въ глазахъ общества какъ будто заслуживающими награды, поощряются къ дальнѣйшимъ заслугамъ. Общество въ послѣднее время было вполнѣ увѣрено, что весьма большая награда въ самомъ близкомъ будущемъ ожидаетъ счастливыхъ публицистовъ. Эта увѣренность была такъ сильна, что понадобилось особое правительственное сообщеніе для опроверженія упорно державшагося въ обществѣ слуха, будто даже не два, а цѣлыхъ три публициста (кто же третій, какъ не Иванъ Аксаковъ?!) будутъ назначены членами государственнаго совѣта. Общество на вѣру, безъ малѣйшаго сомнѣнія, принимало этотъ слухъ, вполнѣ резонно разсуждая, что если разбойникамъ печати, по ихъ заслугамъ, полагается кнутъ, то благонамѣреннымъ публицистамъ за ихъ заслуги слѣдуетъ выдать по писаному пряннику.

Разбойники печати—народъ ужасно безпокойный, и если дать имъ волю, то, того и гляди, наживешь бѣды съ ними. Мы хорошо понимаемъ, какъ болѣло сердце, весною прошлаго года, у оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, генерала отъ артиллеріи Крыжановскаго, когда онъ, прощаясь съ подчиненными при отъѣздѣ изъ Оренбурга въ Петербургъ, съ грустнымъ предчувствіемъ говорилъ имъ: «меня смѣщаютъ газетчики». Большое, ужасное горе разразилось надъ посѣдѣвшею на службѣ отечеству головой генерала Крыжановскаго, а вмѣстѣ съ нимъ надъ многими другими головами, столь же заслуженными и поставленными такъ неизмѣримо высоко, что если посмотрѣть на нихъ снизу, то шапка съ головы падаетъ на землю. Сначала генералъ Крыжановскій былъ удаленъ отъ должности генералъ-губернатора, а теперь, на дняхъ, вовсе уволенъ отъ службы, безъ прошенія. Одновременно съ нимъ, тоже безъ прошенія, уволенъ отъ службы тайный совѣтникъ Клиновъ, несмотря на то, что онъ и ранѣе пострадалъ, будучи уволенъ отъ должности управляющаго временнымъ отдѣломъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ. Ранѣе уволенный отъ управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, свѣтлѣйшій князь Ливенъ теперь совсѣмъ уволенъ отъ службы по прошенію. Управлявшій канцеляріей оренбургскаго генералъ-губернатора, тайный совѣтникъ Холодковскій, уволенъ отъ службы по *третьему пункту*. Бывшій управляющій государственными имуществами въ Уфимской губерніи, статскій совѣтникъ Ивашинцевъ, разсчитывалъ укрыться отъ погрома, постигшаго сотоварищей его по хищенію казенныхъ земель, перейдя на службу директоромъ с.-петербургскаго комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ, но и здѣсь нашелъ его и покаралъ грозный *третій пунктъ*. Счастливѣе другихъ отдѣлался бывшій уфимскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левшинъ. Онъ во-время успѣлъ перейти на должность ярославскаго губернатора, и теперь ему объявлено только «Высочайшее Его Императорскаго Величества замѣчаніе за упущенія при исполненіи лежавшихъ на немъ обя-

занностей по наблюденію за образованіемъ и продажею участковъ въ Уфимской губерніи». Можетъ-быть, подобнаго рода несчастіе обрушилось на головы многихъ, болѣе мелкихъ, дѣльцовъ по расхищенію казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ, но мы не знаемъ имена этихъ безвѣстныхъ страдальцевъ. Нѣтъ въ опубликованномъ мартирологѣ и имени того министра, при которомъ была начата и окончена распродажа на льготныхъ условіяхъ казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ: мы говоримъ о графѣ Валуевѣ, который, въ прошломъ году, былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя комитета министровъ, а теперь, по газетнымъ извѣстіямъ, совсѣмъ оставляетъ Петербургъ, чтобы навсегда поселиться въ своемъ имѣніи въ Остзейскомъ краѣ и тамъ на свободѣ заняться писаньемъ плохихъ романовъ. Впрочемъ, къ чему намъ увеличивать и безъ того длинный рядъ новоявленныхъ уфимскихъ страстотерпцевъ? Сколько горя принесли эти увольненія отъ службы, тогда какъ ранѣе никто изъ пострадавшихъ ничего не ждалъ впереди, кромѣ счастія, и всякій былъ увѣренъ, что онъ будетъ вкушать сочный пирогъ столь же безпрепятственно, какъ вкушаютъ его Катковъ и Суворинъ. Казалось, что всѣ эти страдальцы въ лучшемъ видѣ обдѣлали свои дѣлишки, пріобрѣтя за безцѣнокъ, а то и совсѣмъ даромъ, самыя лучшія земли въ Уфимской губерніи. Свѣтлѣйшій князь Ливенъ, посредствомъ пожалованія, пріобрѣлъ участокъ въ Аѳанасьевской казенной дачѣ, еще очень недавно принадлежавшей къ низовому казанскому корабельному округу. Для удобства новаго пріобрѣтателя, услужливые чиновники вырѣзали въ надѣлъ ему самыя лучшія части лѣса въ разныхъ мѣстахъ дачи, отчего оставшаяся въ казнѣ часть Аѳанасьевской дачи потеряла всякую цѣнность. Генералу Крыжановскому также досталось весьма цѣнное пожалованіе: ему вырѣзанъ участокъ въ четырехъ разныхъ мѣстахъ: 297 дес. корабельнаго лѣса около Святаго Ключа на Камѣ и 4.870 дес. близъ пригорода Зайнска. Тайный совѣтникъ Климовъ за 6.546 руб. пріобрѣлъ имѣніе въ 1.940 дес., стоющее не менѣе 80.000 р. Правитель канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора Холодковскій пріобрѣлъ 2.000 десят. за 4.896 рублей. Относительно высокихъ качествъ доставшейся Холодковскому земли въ Оренбургскомъ краѣ ходятъ почти легендарныя сказанія. Разсказываютъ, напримѣръ, такой анекдотъ, будто одинъ генералъ просилъ продать ему казенный участокъ на льготныхъ условіяхъ, и когда спросили: въ какомъ мѣстѣ онъ желаетъ получить землю,—то онъ далъ такой отвѣтъ: «мнѣ все равно,—прошу только объ одномъ, чтобъ отвели участокъ рядомъ съ землею Холодковскаго». Въ этомъ обѣтованномъ мѣстѣ, по сосѣдству съ Холодковскимъ, получилъ землю бывшій управляющій государственными имуществами въ Уфимской губерніи, Ивашинцевъ,—всего 1.854 дес. за 4.537 рублей. Бывшему уфимскому губернатору, Левшину, отведены участки въ разныхъ мѣстахъ: въ Мензелинскомъ уѣздѣ 956 дес. за 3.000 руб., въ Бирскомъ уѣздѣ 588 дес. за 1.500 руб. и еще

третій участокъ въ Уфимскомъ уѣздѣ. Думали ли счастливые пріобрѣтатели участковъ, что имъ, со-временемъ, придется расплачиваться за покупку отставками отъ службы въ разныхъ видахъ—по прошенію, безъ прошенія, по третьему пункту и т. д.? Нѣтъ, будущее улыбалось имъ и сулило впереди мирное и благополучное пользованіе благопріобрѣтенными имѣніями. Высокопоставленные хищники были увѣрены, что всѣ ихъ продѣлки, вся эта возмутительная продажа казенныхъ земель, стоившая нѣсколькихъ милліоновъ убытка для казны,—все останется шито да крыто. И въ самомъ дѣлѣ, ихъ надежды были далеко не безосновательны. Когда, вопреки всякимъ ожиданіямъ, разбойники печати разоблачили предъ глазами общества гнусныя продѣлки мундирныхъ хищниковъ, и притомъ разоблачили только небольшую часть этихъ продѣлокъ, и открыли только нѣкоторыя, очень немногія имена лицъ, воспользовавшихся казенными участками, только тогда наконецъ слишкомъ громкій скандалъ побудилъ къ разслѣдованію злоупотребленій въ Оренбургскомъ краѣ. У всѣхъ еще живы въ памяти газетныя извѣстія о томъ, какъ трудно было преодолѣть препятствія, которыя, незримою для общества, но, видимо, могучею рукою, ставились лицамъ, добивавшимся назначенія сенаторской ревизіи въ Уфимскую губернію. А потомъ, когда окончилась сенаторская ревизія, то подтвердились ли оффиціально тѣ обвиненія, которыя были выставлены печатью противъ мундирныхъ хищниковъ? Судя по тому, что наиболѣе выдающіеся дѣятели изъ числа уфимскихъ хищниковъ одновременно уволены отъ службы даже безъ прошеній и по третьему пункту, а другимъ объявлены замѣчанія Государя Императора, мы думаемъ, что всѣ обвиненія противъ мундирныхъ хищниковъ подтвердились вполнѣ. И, однако, какъ же мягко, какъ снисходительно поступлено съ хищниками! Они не преданы суду, ихъ грязныя дѣянія не выставлены на позоръ общества; напротивъ, отставками отъ службы они, эти хищники, спасены отъ позора, а вмѣстѣ съ ними, быть-можетъ, еще много скрыто именъ, запачканныхъ грязью въ дѣлѣ расхищенія уфимскихъ земель. Мы и теперь знаемъ разные возмутительные факты хищенія, но отъ насъ скрыты имена виновниковъ. Такъ, напримѣръ, на дняхъ писали въ *Русскія Вѣдомости*, что въ массѣ злоупотребленій, обнаруженныхъ сенаторскою ревизіей въ Уфимской губерніи, выдѣляется, между прочимъ, слѣдующій случай. Одному высокопоставленному лицу заблагоразсудилось пріобрѣсть въ Уфимской губерніи казенный лѣсъ на льготныхъ условіяхъ; для этого мѣстный уѣздный лѣсничій свидѣтельствуетъ и оцѣниваетъ лѣсъ, какъ старый дровяной, могущій дать дохода казнѣ только 1 руб. 80 коп. съ десятины въ годъ. На сенаторской же ревизіи обнаружилось, что лѣсъ этотъ корабельный и такого высокаго достоинства, что каждая десятина дала покупщику въ первомъ же году слишкомъ 12 руб. и то только за вырубку нѣсколькихъ мачтовыхъ деревьевъ. За такую усердную оцѣнку мѣстный лѣсничій былъ награжденъ своимъ начальствомъ высшею должностью губерн-

скаго лѣсничаго въ одну изъ лучшихъ западныхъ губерній. Вотъ какъ обдѣлывались дѣла: хищники пользовались разными поощреніями по службѣ за свои хищенія, а имена ихъ до сего времени остаются тайною для общества и едва ли можно надѣяться, чтобы когда-нибудь дѣянія ихъ были преданы гласному, публичному суду. Не будь же разбойниковъ печати, которыхъ теперь такъ ожесточенно травятъ, въ такомъ случаѣ Крыжановскіе, Климовы, Холодковскіе, Ивашинцевы, Левшины и съ ними безчисленное множество другихъ мундирныхъ хищниковъ и донынѣ мирно пользовались бы плодами хищенія и продолжали свою блестящую служебную карьеру. Эти, гонимые нынѣ, разбойники печати сослужили большую службу родинѣ, разоблачивъ хищничество государственной собственности, и какой же благодарности дождались они за свой гражданскій подвигъ? Разбойниковъ печати непрерывными преслѣдованіями довели до того, что, пожалуй, скоро ни одинъ честный, правдивый звукъ, путемъ свободной печати, не будетъ доноситься въ среду общества; а въ то же самое время, пойманные на мѣстѣ преступленія, мундирные хищники прикрыты отъ негодующаго общества, и дѣло объ ихъ гнусныхъ продѣлкахъ покончено пустымъ административнымъ взысканіемъ. Честные органы свободной печати вынуждены прекратить свое существованіе, а мундирные хищники за всѣ свои неправды отдѣлываются однимъ увольненіемъ отъ службы.

Лѣтомъ прошлаго года, въ камерѣ одного изъ московскихъ мировыхъ судей разбиралось одно дѣло, очень вѣрно характеризующее отношенія между разбойниками печати и мундирными хищниками. По иску повѣреннаго статскаго совѣтника Игнатовича, присяжнаго повѣреннаго Харитонова, былъ привлеченъ къ суду редакторъ-издатель газеты *Земство* В. Ю. Скалонъ по обвиненію въ оклеветаніи г. Игнатовича путемъ печати. Дѣло состояло въ томъ, что, въ концѣ января и въ половинѣ февраля прошлаго года, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* были напечатаны корреспонденціи изъ Тамбова, въ которыхъ разсказывалась исторія одного неудавшагося хищенія казенной собственности, а именно крайне невыгоднаго для казны обмѣна земель между казною и г. Ераковымъ, причемъ повѣреннымъ со стороны Ракова былъ управляющій тамбовскою контрольною палатою г. Игнатовичъ. Въ этихъ корреспонденціяхъ прямо проводилась та мысль, что весьма неблаговидно для чиновника въ одно и то же время быть управляющимъ контрольною палатой и, слѣдовательно, нести обязанности по защитѣ интересовъ казны отъ всякаго рода нарушеній, и въ то же самое время быть повѣреннымъ по дѣлу частнаго лица съ казною. Черезъ полтора мѣсяца послѣ напечатанія этихъ корреспонденцій въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, именно 1-го апрѣля, онѣ были воспроизведены въ газетѣ *Земство*, причемъ по поводу участія г. Игнатовича въ несостоявшемся обмѣнѣ земель между казною и г. Ераковымъ было сказано, что «возможность для управляющаго контрольною палатою быть повѣреннымъ частнаго лица по дѣлу съ казною ярко характеризуетъ

извращеніе нравственныхъ понятій въ средѣ чиновниковъ, занимающихъ наиболѣе видное и вліятельное служебное положеніе». Прошло еще три мѣсяца послѣ этого, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, г. Игнатовичъ возбуждаетъ судебное преслѣдованіе по обвиненію въ оклеветаніи его путемъ печати. Въ камерѣ мироваго судьи, изъ объясненій присяжнаго повѣреннаго Харитонова, выяснилось, что г. Игнатовичъ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ редактора газеты *Земство*, но не привлекъ къ отвѣтственности редакцію *Русскихъ Вѣдомостей* (уже впослѣдствіи Игнатовичъ возбудилъ преслѣдованіе и противъ этой газеты), изъ которыхъ *Земство* заимствовало извѣстіе о г. Игнатовичѣ. Почему такъ поступилъ Игнатовичъ, это вскорѣ выяснилось изъ словъ присяжнаго повѣреннаго Харитонова, сказанныхъ въ отвѣтъ на предложеніе мироваго судьи покончить дѣло примиреніемъ. Харитоновъ сказалъ, что довѣритель его Игнатовичъ лично ничего не имѣетъ противъ редакціи газеты *Земство* и самъ по себѣ не возбудилъ бы судебнаго преслѣдованія, еслибы не былъ поставленъ въ необходимость сдѣлать это, исполняя волю начальства. Дѣло въ томъ, что, послѣ появленія въ газетѣ *Земство* замѣтки объ участіи Игнатовича въ обмѣнѣ земель между г. Ераковымъ и казною, государственный контролеръ телеграммою вызвалъ г. Игнатовича въ Петербургъ и, выслушавъ объясненія его по этому дѣлу, заявилъ, что если онъ хочетъ оставаться на службѣ, то долженъ возбудить противъ газеты *Земство* судебное преслѣдованіе по обвиненію въ клеветѣ и для своего оправданія передъ начальствомъ представить обвинительный приговоръ суда противъ газеты *Земство*. Вотъ почему Игнатовичъ не можетъ прекратить начатый имъ искъ примиреніемъ съ редакторомъ *Земства*. За несостоявшимся примиреніемъ дѣло разсматривалось въ Московскомъ окружномъ судѣ, который освободилъ редактора-издателя газеты *Земство* отъ всякой отвѣтственности, признавъ его невиновнымъ по обвиненію въ оклеветаніи г. Игнатовича. Но еслибы даже судъ и обвинилъ г. Скалона, все равно остался бы во всей своей силѣ тотъ весьма характерный фактъ, что управляющій тамбовскою контрольною палатой г. Игнатовичъ, по заявленію повѣреннаго его Харитонова, ни мало не оскорбился сдѣланными въ печати заявленіями объ участіи его въ дѣлѣ объ обмѣнѣ земель между г. Ераковымъ и казною, и что одинъ лишь страхъ быть уволеннымъ отъ службы побудилъ его привлечь г. Скалона къ суду по обвиненію въ клеветѣ. Ясное дѣло, что въ средѣ служилыхъ людей нѣтъ ни малѣйшаго уваженія къ общественному мнѣнію и никакого понятія объ общественномъ контролѣ надъ служебными дѣйствіями должностныхъ лицъ. Служилые люди знать не хотятъ о правѣ общества наблюдать за ихъ служебною дѣятельностью и съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ относятся къ печати, которая у насъ служитъ почти единственнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія. Они боятся только одного начальства и на печать обращаютъ вниманіе лишь тогда, когда это начальство требуетъ отъ нихъ объясненій по поводу про-

никихъ въ печать извѣстій относительно ихъ служебной дѣятельности. Но и само высшее начальство съ достаточнымъ ли вниманіемъ относится къ дѣлаемымъ въ печати сообщеніямъ относительно разнаго рода неправильностей въ служебной дѣятельности должностныхъ лицъ? Мы не знаемъ, на сколько вѣрно передалъ присяжный повѣренный г. Харитоновъ распоряженіе государственнаго контролера о томъ, что г. Игнатовичъ долженъ оставить службу, если судъ не признаетъ клеветою газетное сообщеніе о немъ. Но если это правда, то мы не иначе можемъ признать такое распоряженіе, какъ по меньшей мѣрѣ страннымъ. Со времени появленія газетныхъ сообщеній о г. Игнатовичѣ до суда надъ г. Скалономъ прошелъ цѣлый годъ и въ теченіе этого времени начальство г. Игнатовича давно могло бы убѣдиться въ томъ, насколько справедливы обвиненія г. Игнатовича. Если же начальство въ теченіе цѣлаго года терпѣливо ждетъ, что скажетъ судъ, и не принимаетъ никакихъ мѣръ къ разслѣдованію сдѣланныхъ въ печати заявленій, то значитъ, что оно довольно равнодушно относится къ заявленнымъ въ печати фактамъ по существу ихъ, интересуясь главнымъ образомъ вопросомъ, удастся или нѣтъ Игнатовичу благополучно выпутаться изъ затруднительнаго положенія. А между тѣмъ много темныхъ дѣлъ творится съ одной стороны подъ прикрытіемъ равнодушія начальства къ нравственнымъ качествамъ и служебной дѣятельности чиновниковъ, а съ другой—при отсутствіи свободы печатнаго слова, при безпрерывной, жестокой травлѣ разбойниковъ печати, которые только одни и выводятъ на чистую воду продѣлки мундирныхъ хищниковъ. Къ числу такихъ темныхъ дѣлъ относится и участіе управляющаго тамбовскою контрольною палатой, г. Игнатовича, въ обмѣнѣ земель между г. Ераковымъ и казною, которое съ достаточною полнотой выяснилось въ происходившемъ 27 ноября прошлаго года засѣданіи саратовской судебной палаты по дѣлу о бывшемъ губернскомъ лѣсничемъ въ г. Тамбовѣ, Недзвѣцкомъ, обвинявшемся въ оскорбленіи дѣйствіемъ бывшаго управляющаго государственными имуществами Тамбовской губерніи, г. Бѣлопольскаго, вслѣдствіе исполненія имъ служебныхъ обязанностей. Это дѣло стоитъ того, чтобы подробнѣе остановиться на немъ, потому что простодушныя показанія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ показываютъ, какъ низокъ нравственный уровень въ средѣ служилыхъ людей, какъ легко смотрятъ они на разнаго рода хищенія, которыя возмущаютъ общество, и какъ высшее начальство, равнодушно терпя на службѣ хищниковъ, отказываетъ въ дѣятельной помощи тѣмъ благороднымъ людямъ, которые силятся охранить государство отъ хищничества.

Въ 1879 г. на должность управляющаго государственными имуществами въ Тамбовской губерніи былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлопольскій. До него управляющимъ былъ человѣкъ спеціально незнакомый съ лѣснымъ хозяйствомъ, и потому всѣми дѣлами завѣдывалъ губернскій лѣсничій Недзвѣцкій. По словамъ теперешняго директора

лѣснаго департамента г. Каминіони, Недзвѣцкій былъ на отличномъ счету въ министерствѣ. Онъ смѣло разсчитывалъ, что будетъ назначенъ на должность управляющаго государственными имуществами, и, понятное дѣло, не могъ быть доволенъ назначеніемъ на эту должность Бѣлопольскаго. Недовольство должно было возрости еще болѣе, когда Бѣлопольскій, будучи спеціалистомъ въ лѣсномъ хозяйствѣ, лишилъ Недзвѣцкаго прежней самостоятельности въ управленіи казенными лѣсами и сталъ зорко наблюдать за дѣлами, которыми ранѣе Недзвѣцкій завѣдывалъ совсѣмъ безконтрольно. Нѣкоторые свидѣтели, въ показаніяхъ своихъ склоняющіеся болѣе на сторону Недзвѣцкаго, называютъ Бѣлопольскаго «весьма мелочнымъ и тяжелымъ человѣкомъ, недовѣрчивымъ въ отношеніи всѣхъ лѣсныхъ чиновъ», но при этомъ всѣ безъ исключенія отзываются о немъ какъ о человѣкѣ честномъ, строго охранявшемъ интересы казны и не терпѣвшемъ хищничества. На Недзвѣцкаго Бѣлопольскій смотрѣлъ какъ на хищника, очень вреднаго при вліятельномъ служебномъ положеніи его. Отсюда между ними произошли многочисленныя столкновенія. По словамъ мѣстнаго ревизора Мельвиля, «Бѣлопольскій не разъ дѣлалъ Недзвѣцкому намеки на его служебную нечестность». Однажды Мельвилю пришлось быть свидѣтелемъ горячаго разговора между ними. Бѣлопольскій, стукнувъ по столу кулакомъ, вскричалъ: «я человѣкъ честный и строго держусь законности. Жалѣю, что мы расходимся съ вами во взглядахъ». Точно также и директоръ лѣснаго департамента Каминіони въ своемъ показаніи на судѣ говоритъ: «Бѣлопольскій заявлялъ постоянно, что онъ человѣкъ честный и долженъ служить съ людьми честными. Подобныя заявленія оскорбляли Недзвѣцкаго, который видѣлъ въ нихъ намеки на свою служебную нечестность. Недзвѣцкій признавалъ Бѣлопольскаго честнымъ человѣкомъ, послѣдній же, напротивъ, указывая на дѣло Ераков, съ намѣреніемъ говорилъ о дѣйствіяхъ Недзвѣцкаго въ этомъ дѣлѣ». Взаимныя неудовольствія особенно обострились послѣ того, какъ между Бѣлопольскимъ и Недзвѣцкимъ произошло нѣсколько крупныхъ столкновеній по служебнымъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, Бѣлопольскій разсказываетъ: «Родственникъ Недзвѣцкаго, лѣсничій Лезедовъ, сдѣлалъ ошибку, именно: онъ удержалъ у одного арендатора казны сѣно, требуя, чтобы тотъ уступилъ ему за извѣстное вознагражденіе половину. Меня просили Недзвѣцкій и другіе оставить это дѣло; но я не считалъ себя въ правѣ сдѣлать этого, и хотя сообщилъ о поступкѣ Лезедова въ министерство, но отнесся къ нему мягко, ходатайствуя о томъ, чтобы министерство ограничилось лишь замѣчаніемъ или выговоромъ Лезедову». Еще опредѣленнѣе высказывается лѣсничій Туръ, утверждая, что «несходство во взглядахъ между Бѣлопольскимъ и Недзвѣцкимъ проявилось весьма рѣзко въ дѣлахъ 1-го и 2-го лѣсничествъ, гдѣ дѣйствія лѣсничихъ были несогласны съ закономъ. Недзвѣцкій ихъ защищалъ. Лѣсничій Лезедовъ подалъ не одинъ поводъ къ порицанію его дѣйствій Бѣлопольскимъ, а нѣсколько; Недзвѣцкій во всѣхъ

случаяхъ заступался за него». Повидимому, снисходительность Бѣлопольскаго къ такимъ незаконнымъ поступкамъ, какъ грубое вымогательство со стороны лѣсничаго Лезедова, граничитъ съ распущенностью, и мы иначе не можемъ отнестить къ ней, какъ съ полнымъ порицаніемъ. Будучи честнымъ человѣкомъ, Бѣлопольскій долженъ былъ устранить съ дороги Лезедова, какъ человѣка нечестнаго, и тѣмъ лишить его всякой возможности поступать несогласно съ закономъ при отправленіи служебныхъ обязанностей. Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на это дѣло Недзвѣцкій. «Разногласіе относительно Лезедова между мной и Бѣлопольскимъ, говоритъ онъ, дѣйствительно было. Я зналъ Лезедова 20 лѣтъ, мы съ нимъ родственники. Я зналъ его за человѣка честнаго, неспособнаго сдѣлать нечестное дѣло, хоть и недалекаго. Бѣлопольскій хотѣлъ предать суду Лезедова, но я просилъ его покончить дѣло домашнимъ порядкомъ, такъ какъ подобныя дѣла я считаю семейными. Бѣлопольскій зналъ, что я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ управляющимъ въ то время лѣснымъ департаментомъ, Блюменталемъ, просилъ меня сообщить ему о поступкѣ Лезедова частнымъ письмомъ, обѣщая съ своей стороны не давать этому дѣлу дальнѣйшаго движенія. Я сначала согласился, но потомъ нашелъ это неудобнымъ». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ такою путаницей въ области нравственныхъ понятій, какую невозможно, кажется, нигдѣ встрѣтить кромѣ міра служилыхъ людей. Мы видимъ, что чиновникъ дозволяетъ себѣ самое грубое вымогательство, и несмотря на это его продолжаютъ считать «за человѣка честнаго, неспособнаго сдѣлать нечестное дѣло». Извращеніе нравственныхъ понятій дошло до того, что Недзвѣцкій открыто заявляетъ, что Лезедова за его вымогательство не слѣдовало предавать суду, а нужно было «покончить дѣло домашнимъ порядкомъ», потому что «подобныя дѣла онъ считаетъ семейными». Ясно, что такая нахальная защита хищничества возможна не потому только, что Недзвѣцкій самъ по себѣ дурной, нравственно погибшій человѣкъ, а скорѣе потому, что въ служилой средѣ такіе безнравственные съ нашей точки зрѣнія поступки, какъ вымогательство лѣсничаго Лезедова, считаются въ нравственномъ отношеніи безразличными, не лишающими подобнаго Лезедову хищника пріобрѣтенной имъ въ той же средѣ репутаціи *честнаго человѣка*. «Затѣмъ,—разсказываетъ далѣе Бѣлопольскій,—было несогласіе во взглядахъ по отношенію къ Липецкой дачѣ. Троекуровскій женскій монастырь просилъ выдѣлить ему изъ этой дачи 90 дес. Губернскій лѣсничій Недзвѣцкій, на запросъ министерства, далъ заключеніе въ пользу этого ходатайства. Нарѣзка въ лѣсу была сдѣлана въ двухъ мѣстахъ. Вырѣзка 90 дес. изъ 300 дес., по моему мнѣнію, должна была обезцѣнить дачу, поэтому я воспротивился удовлетворенію этого ходатайства, и такъ какъ вопросъ объ отрѣзкѣ монастырю 90 дес. лѣса въ принципѣ былъ уже рѣшенъ, то я предлагалъ выдѣлить монастырю лѣсъ въ 30 верстахъ отъ него, въ Лебедянскомъ уѣздѣ. Г. Недзвѣцкій не раздѣлялъ моего взгляда». По по-

воду этого показанія Недзвѣцкій даетъ слѣдующее объясненіе: «Игуменья монастыря просила меня посодѣйствовать имъ въ благопріятномъ исходѣ ихъ ходатайства въ министерствѣ. Поэтому на запросъ лѣснаго департамента: нельзя ли надѣлить лѣсомъ, по примѣру другихъ, и Троекуровскій монастырь,—я отвѣтилъ утвердительно. Когда дѣло было возвращено въ управленіе для дополненія, прибывшій въ то время въ городъ Тамбовъ г. Бѣлопольскій предложилъ мнѣ подписать его представленіе, въ которомъ онъ находилъ невыгодною отрѣзку просимаго монастыремъ лѣснаго участка. Я хотя и былъ согласенъ съ доводами г. Бѣлопольскаго, но считалъ неудобнымъ измѣнять однажды высказанное заключеніе». Здѣсь наивность доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ что невольно становишься въ тупикъ, не зная, слѣдуетъ ли негодовать или смѣяться надъ тѣми изумительными понятіями о служебномъ долгѣ, въ которыхъ воспитываются наши мундирные хищники. Недзвѣцкій прямо заявляетъ, что на вопросъ министерства, слѣдуетъ ли удовлетворить ходатайство Троекуровскаго монастыря о надѣлѣ его лѣсомъ, онъ отвѣчалъ утвердительно единственно на томъ основаніи, что матушка-игуменья просила его посодѣйствовать. Исполнить просьбу какой-нибудь матушки-игуменьи чиновникъ считаетъ священнымъ долгомъ, во имя котораго приносятся въ жертву интересы государства. Тутъ дѣло не въ какой-нибудь ошибкѣ, или непониманіи интересовъ казны, — совсѣмъ нѣтъ: Недзвѣцкій прямо говоритъ, что онъ согласенъ съ доводами Бѣлопольскаго о невыгодности для казны отрѣзать просимый монастыремъ участокъ, но считаетъ неудобнымъ измѣнить своему обѣщанію, данному матушкѣ-игуменьѣ. Странные люди, изумительно дикіе нравы!... Разсказывая далѣе о своихъ отношеніяхъ къ Недзвѣцкому, Бѣлопольскій, наконецъ, переходитъ къ дѣлу Ераковa. «Рѣзко разошлись мы во взглядахъ по дѣлу объ обмѣнѣ лѣсной дачи г. Ераковa въ Спасскомъ уѣздѣ на казенную землю. Министерство прислало въ управленіе вопросъ относительно стоимости дачи. Спасскій лѣсничій оцѣнилъ ее въ 60 тыс. руб., но г. Недзвѣцкій составилъ свою оцѣнку, по которой стоимость дачи возросла до 340 тысячъ. Самъ Ераковъ оцѣнивалъ свою дачу въ 350 тысячъ. Я не согласился съ оцѣнкою Недзвѣцкаго, потому что дачу слѣдовало цѣнить по ея доходности, между тѣмъ онъ оцѣнивалъ ее по таксѣ и на срубъ. Подобныя основанія разцѣнки невозможны тамъ, гдѣ нѣтъ сбыта и сплавныхъ рѣкъ, какъ, напримѣръ, въ Спасскомъ уѣздѣ. Для провѣрки произведенной Недзвѣцкимъ оцѣнки я пригласилъ лѣсничаго Тура, который также нашелъ ее неправильной и непомѣрно высокой; мы оцѣнили дачу въ 161 тыс., сообразно доходности казенныхъ лѣсовъ, окружающихъ дачу г. Ераковa. Недзвѣцкій цѣнилъ дачу по инструкціи, изданной лѣснымъ департаментомъ; но инструкція эта составлена совершенно неправильно: руководствуясь ею, лѣсныя дачи можно оцѣнивать непомѣрно высоко, потому что, по инструкціи, стоимость лѣсныхъ угодій можно капитализировать

изъ 1 проц. и 1½ проц. доходности. Вслѣдствіе этого казна, при обмѣнахъ своихъ земель на лѣса, принадлежащіе частнымъ лицамъ, терпитъ большіе убытки, какъ это было, напримѣръ, при обмѣнѣ казенной оброчной статьи въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ на лѣса княгини Волконской въ Рязанской губ., гдѣ казна понесла большіе убытки. Я представилъ свою оцѣнку въ министерство и забылъ о ней. Съ Недзвѣцкимъ разговора объ оцѣнкѣ не имѣлъ, но Игнатовичъ (управляющій контрольною палатой) спорилъ со мною, считая мою оцѣнку неправильной и слишкомъ низкой. Докладъ Недзвѣцкаго я оставилъ при дѣлѣ и въ министерство не отсылалъ. Вслѣдъ затѣмъ министерствомъ была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ Недзвѣцкаго для оцѣнки дачи г. Еракова. Чиновникъ отъ контрольнаго вѣдомства въ составъ этой комиссіи былъ командированъ изъ Пензенской контрольной палаты, потому что управляющій тамбовской контрольною палатой, Игнатовичъ, завѣдывалъ дѣлами Еракова и ему была поручена продажа принадлежащаго послѣднему лѣса. Къ чему пришла комиссія, я не знаю, слышалъ только, что депутатъ отъ контрольнаго вѣдомства пререкался съ Недзвѣцкимъ и остался при особомъ мнѣніи. Оцѣнка, составленная комиссіей, была отослана въ министерство и вслѣдъ затѣмъ г. Недзвѣцкій, помимо моего представленія, получилъ весьма важное отличіе—орденъ Св. Владиміра... Согласно моему представленію, инструкція, по которой разцѣниваются лѣсныя дачи, была измѣнена, и лѣсной департаментъ предписалъ капитализировать принадлежащую г. Еракову дачу не изъ 2%, а изъ 5%. Благодаря этому, Недзвѣцкій долженъ былъ сказать въ Козловѣ Еракову, что дѣло не удалось, такъ какъ оцѣнка значительно понизилась».

Что касается участія управляющаго контрольною палатою, г. Игнатовича, въ обмѣнѣ земель между г. Ераковымъ и казною, то на судѣ онъ вздумалъ-было отрицать какое бы то ни было отношеніе свое къ этому дѣлу и даже заявилъ, что стоялъ на сторонѣ высокой оцѣнки земли г. Еракова. «Въ отношеніи оцѣнки,—развязно говорилъ онъ на судѣ,—по моему мнѣнію, былъ правъ Бѣлопольскій». Впрочемъ, прижатый къ стѣнѣ вопросами предсѣдателя, г. Игнатовичъ былъ вынужденъ сдѣлать слѣдующее сознаніе: «Ераковъ, дѣйствительно, поручалъ мнѣ продажу дачи». Съ другой стороны и г. Бѣлопольскій напомнилъ г. Игнатовичу, какъ тотъ два дня спорилъ съ нимъ объ оцѣнкѣ дачи Еракова, утверждая, что она слишкомъ низка; тутъ опять г. Игнатовичъ сознался, что дѣло, дѣйствительно, было такъ, но что онъ спорилъ съ Бѣлопольскимъ какъ частный человѣкъ. Наивнѣе послѣдняго замѣчанія ничего нельзя и представить себѣ. Да и вообще невѣроятною, фантастическою сказкой кажется все это дѣло, въ которомъ управляющій контрольною палатой, по должности обязанный наблюдать за интересами казны, принимаетъ на себя защиту интересовъ частнаго лица по дѣлу съ тою же казною, цѣлыхъ два дня споритъ съ частнымъ человѣкомъ, стараясь склонить его къ не-

выгоднымъ для казны уступкамъ въ пользу своего довѣрителя, а когда эти продѣлки обнаружились, то съ видомъ невиннаго младенца утверждаетъ, что онъ дѣйствовалъ въ качествѣ частнаго лица. Для насъ совсѣмъ безразлично, въ качествѣ частнаго или должностнаго лица г. Игнатовичъ принималъ участіе въ обмѣнѣ земель между Ераковымъ и казною; важно то, что онъ не соблюлъ самаго простѣйшаго требованія отъ каждаго порядочнаго человѣка о томъ, что нельзя одновременно служить и Богу и Мамоху. И въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ какого-нибудь адвоката, который бы взялся быть повѣреннымъ въ гражданскомъ процессѣ отъ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Такого адвоката всѣ безъ исключенія, безъ всякихъ споровъ и колебаній, назвали бы негодяемъ и никто болѣе не сталъ бы довѣрять ему веденія своихъ дѣлъ. Между тѣмъ пока мы говоримъ это объ адвокатѣ, то всѣ согласны въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ его; но когда въ мірѣ служилыхъ людей, въ кругу мундирныхъ хищниковъ, заходитъ рѣчь о нравственномъ достоинствѣ поступковъ г. Игнатовича, тогда взгляды мѣняются и у него находятся повидимому невозможные защитники. Для оправданія г. Игнатовича, нравственную личность его разсѣкаютъ на двѣ половины: одна половина изображаетъ изъ себя управляющаго контрольною палатою, а другая — частное лицо, повѣреннаго Ераковa. Вы скажете, что это разсѣченіе есть нелѣпость; да, это — нелѣпость, но въ мірѣ служилыхъ людей она принимается за непреложную истину, ею оправдывается Игнатовичъ и въ силу этого онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ занимать должность управляющаго контрольною палатой въ Тамбовской губерніи.

Вотъ каковы люди въ той, до мозга костей пораженной безнравственностью, чиновной средѣ, которая такъ обильно плодитъ мундирныхъ хищниковъ и въ которую совсѣмъ некстати попалъ честный человѣкъ — Бѣлопольскій! Здѣсь положеніе его сразу оказалось самое затруднительное, и онъ, вмѣсто поддержки своей честной дѣятельности, отовсюду встрѣчалъ одно противодѣйствіе, явное оскорбленіе и нахальное поруганіе надъ своими честными стремленіями. Мы видимъ, что лѣсной департаментъ рѣшительно принимаетъ сторону Ераковa. Вице-инспекторъ лѣснаго департамента, Шелковниковъ, пишетъ къ Бѣлопольскому письмо съ просьбою ускорить дѣло Ераковa, «его хорошаго пріятеля». Недавѣцкаго, дѣйствовавшаго въ пользу Ераковa, награждаютъ орденомъ Св. Владиміра. Наконецъ назначаютъ даже ревизію лѣснаго управленія въ Тамбовской губерніи и для этой цѣли посылаютъ теперешняго директора лѣснаго департамента Кампіони. Ревизоръ долженъ былъ обратить вниманіе на служебныя разногласія и вообще неудовольствія между Бѣлопольскимъ и Недавѣцкимъ. Это дѣло требовало съ его стороны много такта, осторожности и безпристрастія. Между тѣмъ мы видимъ, что г. Кампіони оказываетъ слишкомъ недвусмысленную любезность Недавѣцкому, какъ бы съ явнымъ намѣре-

ніемъ показать Бѣлопольскому свое неудовольствіе и пренебреженіе: онъ упрашиваетъ Недзвѣцкаго, «изъ любезности», сопровождать его во время ревизіи по губерніи и около трехъ недѣль неразлучно проводитъ съ нимъ въ разъѣздахъ. Симпатіи директора лѣснаго департамента Камніони лежали не на сторонѣ честнаго Бѣлопольскаго, но явно склонились въ пользу врага его. Камніони самъ утверждаетъ, что онъ пришелъ къ заключенію о необходимости развести Недзвѣцкаго и Бѣлопольскаго и думалъ оставить въ Тамбовѣ Недзвѣцкаго, какъ болѣе знакомаго съ дѣломъ, а Бѣлопольскаго устранить. Между тѣмъ Бѣлопольскій твердо стоялъ на своемъ и не допускалъ невыгоднаго для казны обмѣна земель съ Ераковымъ. Тогда Недзвѣцкій, видя явное поощреніе себя со стороны лѣснаго начальства и вообще чувствуя на своей сторонѣ симпатіи служилыхъ людей, доходитъ до такой степени наглости, что публично, въ клубѣ, наноситъ пощечину Бѣлопольскому. Этотъ фактъ имѣетъ не малое общественное значеніе. Нужно быть сильно убѣжденнымъ въ поддержкѣ со стороны общественной среды, необходима непоколебимая увѣренность въ своей силѣ, основанной на общественномъ сочувствіи, чтобы публично дать позорную оплеуху честному человѣку за то, что онъ не позволяетъ мундирнымъ хищникамъ обобрать казну. И что же?—Разсчетъ Недзвѣцкаго оказался совершенно вѣрнымъ. Послѣ того, какъ Бѣлопольскій подвергся отвратительному насилію за честное исполненіе гражданскаго долга, теперешній директоръ лѣснаго департамента, г. Камніони, немедленно отправляется съ визитомъ,—къ кому вы думаете,—къ Бѣлопольскому?—нѣтъ, къ кулачному герою дня, къ Недзвѣцкому. О дальнѣйшихъ своихъ приключеніяхъ г. Бѣлопольскій разсказываетъ такъ: «дознаніе о происшествіи производилъ Камніони и произвелъ не въ мою пользу. Министръ принялъ меня холодно, потому что Камніони успѣлъ предупредить меня и доложилъ ему дѣло въ невыгодномъ для меня свѣтѣ. Я просилъ министра или снять съ меня тѣнь, или принять отставку. Онъ долго не допускалъ меня къ себѣ и, наконецъ, черезъ Блюментала, передалъ мнѣ, что согласенъ принять мою отставку... Камніони пріѣзжалъ не улаживать дѣло, а обвинять меня».

Хищничество прочно привилось въ средѣ служилаго класса, поддерживается тамъ какъ бы круговою порукою, и понятное дѣло, что наивно было бы ожидать, чтобы тотъ же самый служилый классъ вступилъ въ борьбу съ этимъ зломъ. Примѣръ г. Бѣлопольскаго слишкомъ хорошо показываетъ, что честному человѣку не бываетъ житья въ шайкѣ хищниковъ, которые плотною стѣною стоятъ другъ за друга. Только гнѣвъ негодующаго общества можетъ остановить хищеніе. Но для этого прежде всего нужно, чтобъ общество получило возможность узнавать своевременно всѣ темныя дѣла мундирныхъ хищниковъ; нужно, чтобы на печать перестали смотрѣть какъ на отверженныхъ разбойниковъ пера, прекратили бы теперешнія преслѣдованія печати и признали бы въ ней за-

конную выразительницу общественнаго мнѣнія, которое должно пользоваться полною свободой.

Но, увы, у насъ свобода печати все еще остается мечтою безпокойныхъ головъ, а въ дѣйствительности мы видимъ старую, позорную для родины картину: съ одной стороны спокойно, безъ всякихъ тревогъ, шайка мундирныхъ хищниковъ, собравшись на дуванъ, производитъ дѣлежъ народнаго достоянія; а съ другой стороны идетъ озлобленная травля изнемогающихъ отъ потери силъ разбойниковъ печати и по всей странѣ несутся дикіе крики: «ату, ату ихъ!»—Когда же все это кончится?!...

II.

Земство о правовомъ положеніи крестьянства.

По волѣ покойнаго Государя Императора, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Лорисъ-Меликовъ, циркуляромъ отъ 22-го декабря 1880 года, передалъ на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ о преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, образованныхъ согласно Положенію 27 іюня 1874 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ указалъ земству, что, кромѣ прямыхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, земскія собранія могутъ представить и другія соображенія о признаваемыхъ полезными мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Въ настоящее время работы земства по вопросу о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій подходятъ къ концу и представляютъ собою чрезвычайно разнообразную смѣсь всевозможныхъ, иной разъ дѣльныхъ, а чаще затѣйливыхъ и курьезныхъ проектовъ. Придется много употребить труда на то, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ земскихъ предположеній, и Богъ вѣсть, принесетъ ли даже какую-нибудь пользу систематическій сводъ земской разноголосицы. Но если мы устранимъ земскіе проекты и остановимъ вниманіе исключительно на работахъ земства по изображенію теперешняго положенія крестьянъ предъ лицомъ закона, то разноголосица, которую мы замѣчаемъ въ земскихъ проектахъ, здѣсь сразу исчезаетъ, и всѣ земства въ одинъ голосъ рисуютъ передъ нами одинаково мрачныя и тяжелыя картины безправія крестьянъ и тяготѣющаго надъ ними самаго дикаго и возмутительнаго произвола. Тогда невольно-забывается все разнообразіе земскихъ проектовъ и совершенно естественно, въ силу жизненныхъ требованій, въ головѣ возникаетъ идея о томъ, что крестьянство нуждается не въ частныхъ преобразованіяхъ, проектируемыхъ земствомъ, не въ нашивкѣ новаго лоскута на старыя лохмотья, но неотразимо ставится вопросъ объ упраздненіи цѣлой системы, негодность которой выпукло отражается въ представленныхъ разными земствами бытовыхъ картинахъ юридическаго положенія крестьянъ. Да, положеніе крестьянской массы предъ лицомъ закона до такой степени не-

выносимо дурно, что оно бьетъ въ глаза и возмущаетъ душу даже въ постановленіяхъ тѣхъ земствъ, которыя ничѣмъ не возмущаются, которыя всѣмъ довольны и желали бы на вѣки закрѣпить теперешніе порядки. Жизненная правда беретъ верхъ надъ всякими фальшивыми измышленіями и лживыми фразами, которыми стараются замаскировать дѣйствительность. Возьмемъ, напримѣръ, холмское земство Псковской губ., которое очень довольно современнымъ устройствомъ крестьянскаго управленія и выступаетъ на защиту непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Земство не допускаетъ мысли о возможности избранія на должность непремѣнныхъ членовъ лицъ, не имѣющихъ установленнаго закономъ сословнаго, имущественнаго и образовательнаго ценза. «Разсматривая этотъ вопросъ, уѣздная управа полагаетъ, что измѣненіе по сему предмету правилъ, указанныхъ въ 6—10 ст. Положенія учрежденія крест., не желательно. Принадлежность къ привилегированному сословію, помимо нераздѣльнаго съ нимъ болѣе тщательнаго школьнаго образованія, имѣетъ преимущество врожденныхъ, наслѣдственныхъ качествъ и домашняго воспитанія въ образованной средѣ, что въ смыслѣ гарантіи имѣетъ несомнѣнно большое значеніе. Если же допустить возможность исключенія и какъ противорѣчіе высказанному мнѣнію, то исключеніе нельзя возвести въ правило, полезное для примѣненія». Вѣдь это—защита теперешняго порядка управленія крестьянами, а между тѣмъ ни одинъ самый ярый и злой ненавистникъ существующаго порядка не въ силахъ такъ опозорить его и такъ ясно доказать всю нелѣпость и неправду подчиненія крестьянъ другому сословію, какъ это сдѣлало холмское земство. Точно такое же впечатлѣніе получается и въ томъ случаѣ, когда то же земство распинается за непремѣнныхъ членовъ, стараясь доказать, что они подавлены массою труда на пользу крестьянства и приносятъ самыя тяжелыя, крестныя жертвы для блага народа. «Надобно разсмотрѣть,— говорится въ земскомъ проектѣ,— чѣмъ занимался непремѣнный членъ по настоящее время, затѣмъ—что предполагаютъ вмѣнить ему еще въ обязанность, и согласовать это съ временемъ, которымъ онъ, непремѣнный членъ, можетъ располагать въ году. Для сего управа не находитъ ничего нагляднѣе очерка неотложныхъ въ году занятій непремѣннаго члена и потребнаго на это времени, составленнаго самимъ непремѣннымъ членомъ:

1) Въ холмскомъ уѣздномъ присутствіи засѣданія хотя бываютъ ежемѣсячныя, но непрерывныхъ составляется всѣхъ *девять*, причемъ каждое, съ разъѣздами, требуетъ 4 дня времени—36.

2) Подготовительная работа къ засѣданію присутствія, т. е. дача заключеній по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію присутствія и число которыхъ поступаетъ ежемѣсячно отъ 200 — 300, требуетъ ровно 4 дня и въ годъ—36.

3) Производство дознаній по жалобамъ, большею частію сопряженное съ разъѣздами, причемъ производятся и ревизіи волостныхъ правленій, 3 дня въ теченіе мѣсяца, или въ годъ—36.

4) Дѣла, подвѣдомственныя непремѣнному члену непосредственно, съ вызовомъ сторонъ, требуютъ по 7 дней въ мѣсяцъ, или въ годъ—84.

5) Разсмотрѣніе поступающихъ въ канцелярію непремѣннаго члена, съ каждою почтою, дѣлъ и составленіе опредѣленій и распоряженій по нимъ требуютъ времени половины слѣдующаго за почтою дня, и такъ какъ почта получается два раза въ недѣлю, то потребно 4 дня въ мѣсяцъ, или въ годъ—48.

6) Непремѣнныя порученія министерства, губернатора, губернскаго и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствій для непремѣннаго члена обязательны и, какъ практика показала, требуютъ для исполненія времени около мѣсяца въ году—30.

Указывая наиболѣе сложныя порученія:

а) министерства — составить протоколы по всѣмъ недоимочнымъ селеніямъ уѣзда, что съ разъѣздами потребовало болѣе двухъ мѣсяцевъ времени;

б) уѣзднаго присутствія—составить проектъ уменьшенія волостей въ уѣздѣ, что съ разъѣздами потребовало 2 недѣли времени;

в) наконецъ, закономъ установлено право пользованія для своихъ дѣлъ праздничными неприсутственными днями, коихъ въ году—90,

и однимъ отпускомъ въ 28, — подводя итогъ числу проведенныхъ дней, получимъ 388 дней. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что занятія требуютъ на 22 дня въ году болѣе положеннаго рабочаго времени и въ ущербъ правъ должностнаго лица. Кромѣ сего надобно имѣть въ виду, что непремѣнный членъ, большею частію, несетъ обязанности: почетнаго мироваго судьи, что не возбраняется закономъ, присяжнаго засѣдателя, что обязательно по закону, участвуетъ, какъ дворянинъ и гласный, на дворянскихъ и земскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ — и, конечно, всякому извѣстно, сколько времени для этого потребно. Это послѣднее приводится для того, чтобъ обратить вниманіе, что праздничное время и время отпуска не всегда употребляется для частныхъ дѣлъ или отдыха». Вотъ каковы, по словамъ холмскаго земства, труды непремѣнныхъ членовъ; а велико ли за все это вознагражденіе? Какая прибыль служить непремѣннымъ членомъ, кромѣ, можетъ-быть, одного почета? «Никто,—продолжаетъ управа,—не сочтетъ за почетъ: днемъ скакать по головоломнымъ дорогамъ, а ночью терпѣть всѣ неудобства, сопряженныя съ грязной избой, не исключая, по мѣстнымъ условіямъ, и голода. Слѣдовательно, непремѣнному члену слѣдуетъ возмѣстить дѣйствительные расходы и опредѣлить вознагражденіе за трудъ. Но въ какой цифрѣ опредѣлится эта сумма? Конечно, слѣдуетъ сдѣлать разсчетъ, принявъ за единицу одинъ день разъѣзда:

На 3-хъ лошадей овса 1 мѣру	— р.	75 к.
» » » сѣна 1 пудъ	— »	30 »
Жалованья письмоводителю	1 »	— »
Содержаніе письмоводителя	— »	50 »
» канцеляріи	— »	25 »
Жалованье кучера	— »	25 »
Ремонтъ сбруи, экипажа, конка и проч. . .	— »	50 »
Содержаніе непремѣннаго члена	1 »	50 »
Вознагражденіе	3 »	— »
Итого . .	8 р.	30 к.

Не считая случаевъ падежа лошадей. Итакъ, мы получили сумму, потребную для оплаты дѣйствительнаго дорожнаго расхода и вознагражденія труда непремѣннаго члена въ теченіе года, и эта сумма выразилась въ цифрѣ 3.029 р. 50 к. или ровнымъ числомъ 3.000 р.». Безъ сомнѣнія, всякій отъ души смѣется надъ этою защитой непремѣнныхъ членовъ и каждое слово, сказанное земствомъ въ похвалу ихъ, въ головѣ читателя превращается въ желчное и ядовитое порицаніе. Земство говоритъ, что непремѣнные члены чуть ли не безкорыстно, и во всякомъ случаѣ съ полнымъ самоотверженіемъ, несутъ великіе труды въ пользу крестьянъ; а изъ-за этихъ словъ вездѣ выглядываетъ живая мысль, что защищаемыя земствомъ должностныя лица не что иное, какъ бездѣльники и тунеядцы, и что самое существованіе этихъ бездѣльныхъ должностей есть великая неправда. Такъ, жизненная правда, помимо воли земства, бьетъ ключомъ въ земскихъ работахъ по вопросу о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, какъ скоро заходитъ рѣчь о существующихъ нынѣ порядкахъ. Вотъ этими-то земскими работами мы и воспользуемся для того, чтобы въ связномъ очеркѣ представить читателю картину современнаго положенія крестьянъ предъ лицомъ закона. Для избѣжанія же всякихъ упрековъ въ пристрастіи и тенденціозности, мы будемъ вездѣ, гдѣ только возможно, дѣлать характеристики подлинными словами земскихъ документовъ, приводя изъ нихъ болѣе или менѣе обширныя выписки:

«Въ настоящее время является существенно необходимымъ опредѣлить точнымъ образомъ юридическое положеніе крестьянъ въ отношеніи какъ къ другимъ сословіямъ, такъ и къ государству вообще, согласивъ его какъ съ общимъ требованіемъ справедливости и съ общимъ духомъ законодательства, такъ и съ дѣйствительными исторически-сложившимися особенностями ихъ быта, и отмѣнивъ всѣ временныя, переходныя мѣры, несогласныя съ тѣми или другими. Пока такого соглашенія не существуетъ, положеніе всего крестьянства является крайне неопредѣленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени ненормальнымъ». Такъ, въ общихъ чертахъ характеризовали юридическое положеніе крестьянъ гласные твер-

ского губернскаго земскаго собранія въ «запискѣ», внесенной въ собраніе въ декабрѣ 1880 года. Характеристика оказывается весьма мѣткою, если мы обратимъ вниманіе на тѣ ненормальныя отношенія, въ какія законъ ставитъ крестьянъ, сравнительно съ прочими государственными сословіями, при чемъ само собою разумѣется, что главная и величайшая ненормальность заключается въ самомъ существованіи отдѣльныхъ государственныхъ сословій. Разсматривая всю массу крестьянъ отдѣльно отъ другихъ сословій, прежде всего вниманіе останавливается на существованіи въ средѣ крестьянства многочисленныхъ и разнообразныхъ группъ, которымъ соотвѣтствуютъ различія въ области права. «Законъ,—сказано въ упомянутой выше «запискѣ» тверскихъ гласныхъ,—въ средѣ самихъ крестьянъ дѣлаетъ различія, ничѣмъ не оправдываемыя. Такъ отъ произвола частнаго лица—помѣщика—зависитъ заставить крестьянъ платить за всю землю высшій оброкъ безъ конца, въ то время, когда другіе, рядомъ живущіе, обязаны платить меньшій оброкъ въ теченіе ограниченнаго времени. Мало того, оставляя въ сторонѣ отношенія къ помѣщику, само государство различно относится къ крестьянамъ, живущимъ въ совершенно одинакихъ условіяхъ, пользующимся одинаковою землей и часто живущимъ въ одномъ селеніи. Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ одинъ оброкъ, удѣльные—другой, государственные — опять другой. Бывшіе помѣщичьи крестьяне имѣютъ право, на основаніи 165 ст. Положенія о выкупѣ, выкупать свою землю отдѣльными участками безъ согласія общества, внося только за нее слѣдующія деньги. Государственные крестьяне этого права не имѣютъ, пока вся земля, принадлежащая обществу, не будетъ раздѣлена на подворные участки, для чего требуется согласіе двухъ третей домохозяевъ. Всѣ эти различія понятны какъ временныя, обусловленныя различнымъ отношеніемъ крестьянъ къ бывшимъ своимъ владѣльцамъ. Но разъ ими никто не владѣетъ, разъ они признаны полноправными гражданами, задачею государства становится — сглаживая всѣ случайности, равномѣрно распредѣлить между крестьянами, какъ и между всѣми своими подданными, ихъ гражданскія права и обязанности».

Все наше государственное устройство основано на господствѣ одной части гражданъ и, до нельзя тяжеломъ, почти рабскомъ, угнетеніи другой части, составляющей громадное, подавляющее свою численностью, большинство гражданъ. Съ одной стороны мы видимъ какъ будто полноправныхъ гражданъ. Эти, такъ-называемые, полноправные граждане представляютъ собою не нормальное явленіе въ государствѣ, но исключеніе изъ общаго правила; они составляютъ привилегированное сословіе. Самая важная и главная привилегія этихъ сословій состоитъ въ свободѣ отъ податной тяжести, почему они и носятъ названіе сословій неподатныхъ. Лица, принадлежащія къ привилегированнымъ, неподатнымъ сословіямъ, составляютъ самое ничтожное меньшинство въ общемъ населеніи государства; большинство же принадлежитъ къ податнымъ сословіямъ и главнымъ обра-

зомъ къ крестьянству. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже полное безправіе и систематическое угнетеніе невыносимо тяжелыми обязанностями безъ соотвѣтствующихъ имъ правъ. Какъ въ привилегированныхъ сословіяхъ мы, большею частію, имѣемъ дѣло съ правами безъ соотвѣтствующихъ обязанностей, такъ, наоборотъ, лица непривилегированныхъ сословій и, преимущественно, крестьяне всю жизнь изнываютъ подъ тяжестью обязанностей, не пользуясь правами, которыми надѣлены привилегированныя сословія. Самая важная государственная обязанность, которою опредѣляется все юридическое положеніе крестьянскаго сословія, заключается въ уплатѣ податей и налоговъ, неравномѣрно налагаемыхъ сравнительно съ другими государственными сословіями. По этому поводу гласный Линдъ въ «запискѣ», внесенной въ тверское губернское земское собраніе, высказывается слѣдующимъ образомъ: «Основная неправильность въ положеніи крестьянскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ нашемъ государственномъ устройствѣ, заключается прежде всего въ томъ, что на каждаго крестьянина государство смотритъ не какъ на самостоятельную живую личность, имѣющую свои необходимыя, опредѣленныя стремленія и потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ только и живетъ въ обществѣ, какъ и всякій другой его членъ, но, напротивъ, почти исключительно какъ на рабочую и платежную силу, которая трудомъ своимъ и средствами предназначается удовлетворять общія государственныя потребности. Въ силу этого, обязанности, возлагаемыя на крестьянское населеніе, или, другими словами, лежащія на немъ подати и повинности соразмѣряются не съ возможностью для него нести ихъ безъ ущерба для собственнаго благосостоянія и развитія, но единственно съ величиною государственнаго бюджета, который такъ или иначе долженъ быть выполненъ. Изъ этого положенія вещей вытекаютъ естественно и логически и всѣ узаконенія, относящіяся до крестьянскаго сословія; съ одной стороны крестьянинъ, будучи обремененъ податями выше мѣры, не можетъ платить ихъ охотно, съ другой стороны государство, заботясь прежде всего о полученіи податей, должно обращать главное вниманіе на то, чтобы предупредить возможность уклоненія отъ ихъ уплаты. Вслѣдствіе такого антагонизма интересовъ плательщиковъ и государства, послѣднее по необходимости становится вынужденнымъ прибѣгать къ разнымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, наблюдать за каждымъ шагомъ крестьянина, взявъ его совершенно въ свою опеку. Возможность передвиженія стѣснителя паспортною системою, которая по отношенію къ крестьянамъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, исключительно фискальную цѣль. Къ той же фискальной цѣли направлена почти исключительно вся дѣятельность волостнаго и сельскаго крестьянскаго начальства, которое, по первоначальному своему значенію, должно было, конечно, заботиться прежде всего о благосостояніи своихъ односельцевъ, но впослѣдствіи направлено было исключительно на собираніе податей и недоимокъ. Для того же само это начальство поставлено

въ непосредственную и специальную зависимость отъ полиціи, для которой, въ свою очередь, главною задачею дѣятельности являются опять тѣ же подати и недоимки. Для того же существуетъ круговая порука, для того же продается скотъ у крестьянъ, чрезъ что уничтожается въ корнѣ всякая возможность развитія земледѣлія. Безполезно перечислять всѣ мѣры, принимаемыя въ отношеніи крестьянскаго населенія, потому что и сказанными вполнѣ уясняется характеръ отношенія къ нему государства. Характеръ этотъ таковъ, что для крестьянина государство, можно сказать, съ излишкомъ замѣнило помѣщика. Помѣщикъ, конечно, видѣлъ въ своемъ крѣпостномъ крестьянинѣ тоже почти исключительно рабочую силу, предназначенную для удовлетворенія его потребностей. Но въ то же время онъ понималъ, что благосостояніе этой рабочей силы въ извѣстной мѣрѣ непосредственно связано съ его собственнымъ; поэтому помѣщику было невыгодно доводить своихъ крестьянъ до упадка и разоренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ, какъ мѣстный житель, былъ знакомъ съ мѣстными обстоятельствами и потребностями своихъ крестьянъ. Наконецъ, помѣщикъ былъ всегда совершенно свободенъ умѣрить свои требованія. Ни одного изъ этихъ благопріятныхъ условій не существуетъ — не для государства, конечно, но для его мѣстныхъ агентовъ, приходящихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ крестьянами. Ни одинъ исправникъ или становой приставъ не заинтересованы въ томъ, чтобы за ними не было недоимокъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, ни одинъ изъ нихъ не нуждается въ знаніи мѣстныхъ условій; наконецъ, ни одинъ не можетъ своею властью ни простить, ни убавить никакой подати. Даже наиболѣе ненавистная сторона крѣпостнаго права, выражавшаяся въ насиліи надъ личностью, и та не исчезла, ибо сѣченіе за недоимки и понынѣ вовсе не составляетъ особой рѣдкости. Вотъ этотъ-то исключительно фискальный характеръ отношеній государства къ крестьянамъ и долженъ быть радикально измѣненъ».

Въ приведенной выпискѣ мы встрѣчаемъ ту мысль, что съ отмѣною крѣпостнаго права положеніе крестьянъ не улучшилось, что угнетеніе крестьянъ на строго законныхъ основаніяхъ не прекратилось, но проявляется до нынѣ въ новой, еще болѣе тяжелой и суровой формѣ. Ту же самую мысль высказалъ гласный Кусановъ на дмитріевскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи Курской губерніи. «Почему,—говорилъ онъ,—мы иногда слышимъ отъ крестьянъ стариковъ, что «прежде, при крѣпостномъ правѣ, жилось лучше?»—Потому, что тогда руководители интересовъ деревни — помѣщики, или ихъ довѣренные (часто выбранные изъ среды крестьянъ же)—жили въ деревнѣ, знали нужды своихъ крѣпостныхъ, знали и свою пользу: будетъ мужикъ сытъ, пользы будетъ больше,—потому, что полиція, выбираемая помѣщиками, на внутреннюю жизнь деревни не имѣла никакого вліянія,—потому, что весь жиненный кругъ крестьянъ былъ въ самой деревнѣ. Такимъ образомъ вопросы данной мѣстности разрѣшались

близко, своевременно и людьми, по большей части, хорошо знавшими хозяйственныя нужды ея. Мы же должны сознаться, что въ настоящее время, по многимъ и многимъ причинамъ, лишены возможности рѣшать такимъ образомъ мѣстные вопросы. Мы разрѣшаемъ интересы всего уѣзда, не зная интересовъ частей его» (*Замство* № 17).

Не правда ли, какъ это странно слышать въ земскомъ собраніи рѣчи о томъ, что встарину, при крѣпостномъ правѣ, положеніе крестьянъ было лучше, чѣмъ теперь? Мы такъ долго и такъ искренно вѣрили, что отмѣна крѣпостнаго права была величайшимъ благомъ для крестьянъ, совершенно измѣнила юридическое положеніе ихъ и обновила всю нашу жизнь; а теперь что же оказывается въ результатѣ? Въ чемъ выразилось это столь прославленное обновленіе русской жизни чрезъ отмѣну крѣпостнаго права?—Положеніе крестьянъ теперь стало хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ: такъ громко и строго произносятся на земскихъ собраніяхъ приговоръ надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ родной странѣ, надъ тѣми дѣятелями, которые создали и поддерживаютъ его, и, наконецъ, надъ цѣлымъ сонмомъ либеральныхъ хвалителей періода реформъ, которые своими сладкозвучными гимнами столько лѣтъ заговаривали зубы обществу и мѣшали ему трезво и прямо заглянуть въ глаза дѣйствительности, понять всю пошлость, неправду, все нравственное уродство нашей жизни, возненавидѣть ее глубоко и отдаться созидательной работѣ надъ коренною передѣлкою всего исторически сложившагося и болѣе неудовлетворяющаго насъ общественнаго устройства. Только теперь, наконецъ, стали раздаваться въ земствахъ голоса, указывающіе, что мы напрасно поспѣшили радоваться отмѣнѣ крѣпостнаго права, потому что принципъ, на которомъ покоилось это право, не уничтоженъ, но живъ доселѣ; онъ проникаетъ собою даже новыя общественныя учрежденія и охватываетъ собою всю нашу жизнь. Печально было такое открытіе крѣпостничества въ настоящее время и, подавленная подъ тяжестью этого горя, земская мысль невольно задавалась вопросомъ: да когда же крѣпостничество было сильнѣе—во время ли существованія крѣпостнаго права, или теперь, послѣ отмѣны его? Вотъ что говоритъ по этому поводу гласный Черевинъ въ «запискѣ», читанной имъ въ смоленскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи: «Положеніемъ 27 іюня 1874 года наибольшее вліяніе на крестьянское народное управленіе было передано въ руки чиновъ полиціи, которые въ большинствѣ своемъ, конечно, не могутъ быть причислены къ лицамъ вполнѣ образованнымъ—интеллигенціи. Блуждая безъ цѣли и не разбирая средствъ, мы дошли до того, что, уничтоживъ личное крѣпостное право для бывшихъ помѣщиковъ, едва ли не возстановили его въ худшей формѣ для чиновъ полиціи, кулаковъ и міроѣдовъ... Въ крестьянскихъ установленіяхъ мы не видимъ ни сліянія сословныхъ элементовъ, ни права крестьянъ избирать самимъ себѣ лицъ болѣе интеллигентныхъ, для завѣдыванія дѣлами ихъ. Вникая глубже въ

смыслъ существующихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, невольно приходимъ къ убѣжденію, что актъ освобожденія крестьянъ вполнѣ еще не свершился. Съ отмѣною зависимости отъ лицъ, зависимость эта осталась во всей своей силѣ, коллективно, отъ цѣлаго сословія или класса». Даже въ самыхъ земскихъ учрежденіяхъ г. Черевинъ ясно видитъ послѣдовательное примѣненіе стараго принципа крѣпостнаго подчиненія одной части гражданъ, составляющей большинство, привилегированному меньшинству. «Могутъ возразить,—продолжаетъ г. Черевинъ,—что земское собраніе есть собраніе всесословное и что въ немъ вліяніе и сила принадлежитъ не дворянству, а вообще классу болѣе образованному. Положимъ, что по идеѣ это вѣрно; но въ дѣйствительности не такъ. Въ моментъ введенія земскихъ учрежденій составъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ былъ исключительно дворянскій; затѣмъ, при поступленіи новыхъ лицъ въ среду общества, имѣющаго свои историческія традиціи и, такъ сказать, кровныя привычки и убѣжденія, лица эти, конечно, скоро заимствовали всѣ качества окружающей ихъ среды, тѣмъ болѣе успѣшно, что качества эти заключались въ привычкахъ властвовать, свободно распоряжаться чужимъ имуществомъ и повелѣвать, не безъ выгоды лично для каждаго. Такимъ образомъ, духъ крѣпостнаго права, въ земскихъ собраніяхъ, передается преемственно. И вслѣдствіе того, всѣ, даже самыя благія, начинанія земства, на пользу народа, дѣлаются не по праву, принадлежащему на то народу, но какъ бы въ видахъ снисхожденія къ его убожеству,—по милостивому нашему на то къ нему снисхожденію. Да и народъ смотритъ на земство чуть ли не какъ на особое начальство, замѣнившее частію, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своей власти, бывшаго помѣщика. Наконецъ, если, въ угоду самомнѣнія нѣкоторыхъ, все сказанное о преемственности духа крѣпостнаго права признать даже за весьма грубую натяжку и затѣмъ, принявъ за аксіому, что вездѣ и всегда интеллигенція будетъ стоять во главѣ управленія массами, то и въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія передавать вліяніе и управленіе дѣлами народа въ руки лицъ, выдвинутыхъ не мнѣніемъ большинства управляемаго народа, но излюбленныхъ меньшинствомъ—корпораціею личныхъ землевладѣльцевъ; лица эти, будучи совершенно независимы отъ мнѣнія большинства, конечно, всегда будутъ представителями и усердными проводниками исключительно только интересовъ избравшаго ихъ меньшинства. Итакъ, на развалинахъ корпораціи дворянской возникаетъ новая корпорація—личныхъ землевладѣльцевъ, въ которую дворянство, войдя почти въ полномъ личномъ своемъ составѣ, внесло всѣ традиціи корпораціи угасающей».

Правовое положеніе крестьянства въ ряду другихъ государственныхъ сословій характеризуется полнымъ безправіемъ, угнетеніемъ и зависимостью отъ привилегированныхъ сословій. Это правовое положеніе, будучи создано при существованіи крѣпостной зависимости, сохранилось

безъ особенно замѣтныхъ измѣненій и послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Такъ до сихъ поръ существуетъ «тотъ, спеціальный видъ полицейскаго надзора за крестьянами, который предоставленъ помѣщику подъ именемъ права вотчинной полиціи и который въ настоящее время составляетъ вопіющій анахронизмъ и либо вовсе не имѣетъ никакого значенія, либо, напоминая собою крѣпостное право, которое, казалось бы, чѣмъ скорѣе забудется, тѣмъ лучше,—приводитъ только къ совершенно безполезному для обѣихъ сторонъ раздраженію». Вообще же, по словамъ «записки», внесенной въ тверское губернское земское собраніе въ декабрѣ 1880 г., «съ одной стороны крестьянинъ не имѣетъ правъ, которыми пользуются всѣ остальные подданные государства: напримѣръ, онъ не имѣетъ правъ государственной службы, онъ долженъ судиться, за рѣдкими исключеніями, въ особенныхъ судахъ, не пользуясь общими судами, и т. п., вообще онъ становится въ особое, исключительное положеніе; съ другой стороны, дѣйствительныя особенности его быта очень часто не признаются и не санкціонируются закономъ. Напримѣръ, всякому, сколько-нибудь знакомому съ крестьянскою жизнью, извѣстно, конечно, что половина гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ X т. Св. Зак., вовсе не примѣнима къ условіямъ этой жизни. Между тѣмъ законъ, дѣлающій исключенія для Малороссійскихъ губерній, для жителей окраинъ и инородцевъ, въ виду особенностей ихъ быта, совершенно игнорируетъ существованіе такихъ особенностей въ быту крестьянъ, вслѣдствіе чего для нихъ является обязательнымъ во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ слѣдовать правиламъ X тома». Для однихъ крестьянъ до сего времени удержано у насъ тѣлесное наказаніе, составляющее позоръ родной страны, позоръ Европы и всего человѣчества, позоръ для всѣхъ насъ, допускающихъ это безнравственное поруганіе надъ человѣческою личностью. Истязаніе человѣческаго тѣла, установленное закономъ, существуетъ на нашихъ глазахъ и мы, чувствуя свое безсиліе передъ фактомъ, принуждены только повторять надъ нимъ приговоръ, произнесенный таврическою губернскою земскою управою: «Трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже цѣли устрашенія, если только оно не обращается въ истязаніе». Личная свобода крестьянина не только не гарантирована отъ произвола, но даже по закону поставлена въ зависимость отъ воли сельскаго общества. На самомъ же дѣлѣ личная свобода зависитъ не отъ общества, а въ большинствѣ случаевъ, подъ прикрытіемъ законныхъ формъ, нарушается произволомъ и злоупотребленіями не только крупныхъ, но даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ должностныхъ лицъ. По словамъ «записки» гласнаго Офросимова, внесенной въ рязанское уѣздное земское собраніе, «приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ провѣряются присутствіемъ только съ формальной стороны, т. е. подписаны ли они опредѣленнымъ числомъ лицъ, имѣющихъ право голоса

на сходахъ; самая же причина ссылки не только не изслѣдуется, но даже и дѣйствительность изъявленнаго сходомъ желанія не провѣряется. Въ теченіе моей 17-ти-лѣтней практики въ должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія мнѣ приходилось открывать, что безграмотныя общества созывались составлять приговоры о поземельномъ пользованіи, а вмѣсто того подписывали приговоры объ удаленіи одного изъ своихъ сочленовъ, которымъ было недовольно мѣстное начальство и большею частію за то, что удаляемый указывалъ или жаловался на незаконныя дѣйствія этого начальства. Жалобы такихъ удаляемыхъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ по большей части оставались безъ послѣдствій, разъ только приговоръ съ формальной стороны не представлялъ ничего незаконнаго. Часто случалось, что при моихъ дознаніяхъ обнаруживалось, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ, были волостнымъ писаремъ помѣщены имена когда-то бывшихъ домохозяевъ, но уже давно умершихъ». Самое право собственности для крестьянъ обставлено такими ограниченіями и стѣсненіями, какихъ не знаютъ лица, принадлежащія къ привилегированнымъ сословіямъ. Такъ, напримѣръ, по уставу о питейномъ сборѣ крестьянскія общины лишены права взимать плату за разрѣшеніе открывать питейную продажу на общинныхъ земляхъ, тогда какъ личные собственники могутъ безвозбранно входить въ договоры относительно денежнаго вознагражденія за предоставленіе права питейной продажи на принадлежащихъ имъ земляхъ. Оцѣнивая приведенные факты, доказывающіе безправное и угнетенное положеніе крестьянъ по отношенію къ государству и привилегированнымъ классамъ, «записка» гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія созыва 1880 года выводитъ слѣдующія, весьма вѣрныя заключенія относительно того вліянія на весь строй русской жизни, какое оказываетъ приниженное положеніе крестьянъ предъ лицомъ закона». Такое неестественное положеніе большинства населенія не можетъ не отражаться на общемъ строѣ всей русской жизни, становясь причиной неопредѣленности и неустойчивости всѣхъ общественныхъ отношеній, приводя, наконецъ, къ затемнѣнію въ общественномъ сознаніи самаго понятія о равноправности и законности и въ окончательномъ результатѣ содѣйствуя беззаконію и произволу».

Вся система крестьянскаго управленія основана на полномъ подчиненіи крестьянъ административному произволу, который свободно уживается подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ существующаго только для формы и на показъ самоуправленія. По словамъ таврической губернской земской управы, «крестьянскія учрежденія были введены особнякомъ безъ связи съ остальнымъ административнымъ и полицейскимъ устройствомъ уѣзда. Такая абсолютность дѣлала ихъ безсильными въ борьбѣ съ подавляющимъ вліяніемъ прочно установившейся административной и полицейской власти. Вначалѣ эти власти, опасавшіяся, что введеніе въ дѣйствіе Положенія 19 февраля повлечетъ за собою волненія крестьянъ и безпорядки, бороться

съ которыми считали себя неподготовленными, устранились отъ этого, казавшагося имъ опаснымъ, дѣла и передали его всецѣло въ руки мировыхъ посредниковъ. Послѣдніе воспользовались даннымъ имъ просторомъ для обращенія своей дѣятельности на пользу крестьянъ, помѣщиковъ и государственныхъ интересовъ. Кому неизвѣстна плодотворная дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва! Она обусловливалась не только личными качествами этихъ почтенныхъ дѣятелей, но и—главнымъ образомъ—ихъ полною независимостью отъ всякаго административнаго и полицейскаго вліянія. Но чуть прошли первые годы, какъ та и другая власть съ особою энергіей стали возстановлять свое временно-ослабѣвшее вліяніе на крестьянъ, въ чемъ и успѣли. По мѣрѣ усиленія административнаго вліянія, лучшіе люди стали покидать мѣста мировыхъ посредниковъ, уступая ихъ людямъ не столько преданнымъ дѣлу. Вслѣдствіе этого мировыя учрежденія стали все болѣе и болѣе терять присущее имъ значеніе и дошли до того, что само правительство признало необходимымъ преобразовать ихъ, замѣнивъ мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами, а мировые съѣзды — уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Но такъ какъ главная причина неудачи—преобладающее вліяніе мѣстной администраціи и полиціи—не была устранена, то и эти новыя учрежденія оказались столь же безплодными, какъ и прежнія, чему, между прочимъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ настоящій пересмотръ ихъ. Изъ сказаннаго нельзя не придти къ заключенію, что если вліяніе администраціи и полиціи на крестьянъ останется неизмѣненнымъ, то какая бы организація крестьянскихъ учрежденій ни была придумана, какое названіе имъ ни было бы дано, они останутся такими же безплодными, лишь напрасно обременяющими земскій бюджетъ, учрежденіями, какими были въ послѣднія 10 лѣтъ мировые съѣзды и настоящія уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія». По мнѣнію таврической губернской земской управы, однимъ изъ главныхъ препятствій развитію общественнаго самоуправленія «является вмѣшательство полиціи въ крестьянскія дѣла. Для уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія его, а также для устраненія случаевъ безнаказаннаго злоупотребленія властью чинами полиціи является единственнымъ средствомъ—учрежденіе выборной полиціи, отвѣтственной не только предъ своимъ начальствомъ, но и непосредственно предъ судомъ по жалобѣ частныхъ лицъ. Какъ извѣстно, выборная полиція у насъ существовала и, лишь только лѣтъ 20 тому назадъ, замѣнена полиціей по назначенію администраціи. Съ введеніемъ выборной и отвѣтственной непосредственно передъ судомъ полиціи не только устранится незаконное вмѣшательство ея въ дѣла крестьянскихъ обществъ, но и поднимется авторитетъ полиціи въ глазахъ населенія и придастъ ей должную силу къ приведенію въ исполненіе требованій администраціи и своихъ законныхъ распоряженій, такъ какъ ничто не возвышаетъ и не укрѣпляетъ такъ власть, какъ законность ея дѣйствій, и ничто такъ не ослабляетъ ее, какъ про-

изволъ». Еще рѣшительнѣе высказывается московская уѣздная земская управа въ томъ смыслѣ, что слабые зачатки крестьянскаго самоуправленія, не успѣвши развиться, преждевременно погибли подъ давленіемъ административной власти, получившей у насъ въ послѣдніе годы неестественное, чудовищное развитіе. «Самоуправленіе,—говорится въ докладѣ управы,—лишенное своей главной основы — свободы общества и отвѣтственности должностныхъ лицъ, не могло развиваться. Но окончательный ударъ нанесло ему Положеніе 27 іюня 1874 года, предоставивъ уѣздному исправнику право подвергать должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія административнымъ взысканіямъ. До введенія новаго учрежденія крестьянское управленіе могло быть охраняемо «отъ всякихъ посторонннихъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній»; оно знало одну власть—мироваго посредника; теперь эта власть раздвоилась, будучи передана въ равной мѣрѣ двумъ независящимъ другъ отъ друга органамъ — присутствію и исправнику, причемъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣдняго. Присутствіе дѣйствуетъ коллегіально и потому, естественно, медленно; исправникъ дѣйствуетъ единолично и потому быстро. Присутствіе не можетъ оказать подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ защиты, не можетъ «охранить ихъ отъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній», потому что исправникъ не отвѣтственъ передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не обязанъ давать ему въ нихъ отчета. Мало того, съ согласія губернатора, исправникъ можетъ примѣнить даже такую рѣшительную мѣру, какъ удаленіе должностнаго лица отъ должности, и коллегіальное присутствіе обязано подчиняться (Положеніе 27 іюня 1874 г., ст. 23). При такомъ отношеніи исправника къ присутствію, авторитетъ послѣдняго не могъ не упасть въ глазахъ крестьянъ, и исправникъ, по отзыву казанскаго губернскаго земскаго собранія, «въ понятіяхъ крестьянъ представляется единоличнымъ начальникомъ, съ правомъ скораго и непосредственнаго взысканія». Усиленіе власти начальника уѣздной полиціи вмѣстѣ съ тѣмъ усилило вліяніе на должностныя лица крестьянскаго управленія и исполнительныхъ полицейскихъ агентовъ и изъ представителей крестьянскаго самоуправленія, какими сдѣлало ихъ Положеніе 19 февраля 1861 г., обратило ихъ въ низшихъ полицейскихъ чиновъ». При такой обширной власти и подавляющемъ вліяніи на общественныя учрежденія, полиція у насъ организована чрезвычайно дурно и, благодаря своимъ многочисленнымъ недостаткамъ, вызываетъ враждебныя отношенія къ себѣ со стороны общества. «Наши полицейскія учрежденія,—говорится въ докладѣ московской уѣздной земской управы, — никогда не пользовались сочувствіемъ и довѣріемъ общества, а со времени учрежденія полицейскихъ урядниковъ съ особою силой стали раздаваться жалобы на полицію. Само правительство никогда не было довольно полицейскою организаціей и съ 1815 года почти не прекращались работы коммиссій, обсуждавшихъ вопросъ о способахъ улучшенія полиціи. Главные недостатки существующаго

полицейскаго устройства заключаются: 1) въ чрезмѣрно-обширномъ кругѣ разнообразныхъ обязанностей, тогда какъ, по положенію науки, органамъ исполнительной полиціи можетъ быть поручаемо только то, что составляетъ скорое, точное и вѣрное исполненіе правилъ наружнаго порядка и благочинія въ отдѣльной мѣстности (Андреевскій: «Полицейское право», т. I, стр. CLXXXIV),—и 2) въ недостаточной отвѣтственности чиновъ полиціи за ихъ дѣйствія по должности. Еще въ 1860 г. Высочайше учрежденная коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ указывала, что «отвѣтственность земской полиціи рѣдко имѣетъ приложеніе на дѣлѣ: жалобы частныхъ лицъ, обращаемыя къ непосредственному начальству полиціи, не имѣющему возможности близкаго, непосредственнаго контроля надъ нею, большею частію или остаются безъ дѣйствія, или оканчиваются голословнымъ взысканіемъ съ полиціи: подтвержденіемъ, внушеніемъ, выговоромъ. Личный взглядъ начальника опредѣляетъ тотъ или другой образъ отвѣтственности подчиненныхъ; медленность, неизбѣжная въ перепискѣ губернскаго начальства съ полиціей, по жалобамъ на нее, часто уничтожаетъ самую возможность удовлетворенія жалобъ». Слова эти, сказанныя 20 лѣтъ тому назадъ, имѣютъ полное примѣненіе и до сихъ поръ, несмотря на послѣдовавшее въ 1862 г. преобразованіе земской полиціи. Въ виду такихъ недостатковъ въ организаціи полиціи, московская уѣздная земская управа точно такъ же, какъ и таврическая губернская управа, приходитъ къ заключенію о необходимости замѣнить коронную полицейскую службу выборною. Противъ учрежденія выборной полиціи существуютъ нѣкоторыя возраженія, которыя весьма основательно разобраны и опровергнуты въ докладѣ московской уѣздной земской управы: «Какъ извѣстно, назначеніе начальника полиціи — исправника — отъ короны установлено весьма недавно — 25 декабря 1862 года; до тѣхъ поръ, начиная съ учрежденія о губерніяхъ 1775 года, должность эта замѣщалась по выбору дворянства, которому предоставлялось также рекомендовать кандидатовъ на должности становыхъ приставовъ. Противъ выборнаго начала коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ 1860 г. указывала, что «исправники и непремѣнные члены, избираемые дворянствомъ, не всегда имѣютъ нужную опытность и способности, необходимыя для полицейской службы, или оказываютъ невольное и почти неизбѣжное для выборнаго чиновника пристрастіе въ пользу избравшаго сословія, тогда какъ полицейскому чиновнику ввѣряются не сословные, а общіе и преимущественно правительственные интересы: исполненіе законовъ, охраненіе общаго порядка и безопасности». Если указаніе на сословное пристрастіе чиновниковъ, выбираемыхъ однимъ сословіемъ, имѣло значеніе, если въ періодъ освобожденія крестьянъ представлялось не безопаснымъ оставить полицейскую власть въ рукахъ одного изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословій, которое изъ своей среды выставляло уже исполнителей реформы—мировыхъ посредниковъ, то въ настоящее время,

когда сословный антагонизмъ у насъ не существуетъ, когда избраніе можетъ производиться не однимъ дворянствомъ, какъ прежде, а всесословнымъ земствомъ, опасенія этого рода едва ли могутъ имѣть мѣсто. Гораздо основательнѣе то указаніе, что чиновники выборные не всегда имѣютъ нужную опытность и способности, необходимыя для полицейской службы; но противъ этого можно замѣтить, что, во-первыхъ, настоящій уровень полицейскихъ чиновъ, назначаемыхъ отъ правительства, далеко не высокъ, а во-вторыхъ, что способность земства избирать на общественныя должности достойныхъ лицъ можетъ считаться доказанною пятью трехлѣтіями дѣятельности выборнаго мироваго суда. Послѣднее замѣчаніе комиссіи, что полицейскому чиновнику ввѣряются, и преимущественно, правительственные интересы, не совершенно справедливо, такъ какъ интересы общаго порядка и безопасности столь же близки обществу, сколько и правительству. Въ отношеніи охраненія порядка, полицейскій агентъ, выбранный мѣстными обывателями изъ числа лицъ, имъ извѣстныхъ, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе, нежели правительственный чиновникъ, такъ какъ ему легче вызвать содѣйствіе со стороны довѣряющаго ему населенія. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что нынѣшняя полиція не представляетъ собою надлежащей охраны: число преступленій противъ личности и имуществъ не уменьшается». Точно также комиссія череповецкаго земскаго собранія высказываетъ, что, при нынѣшней организаціи, полиція нисколько не заботится объ охранѣ общественной безопасности,—«одна только очистка передъ начальствомъ, изъ боязни потерять мѣсто, заботитъ всѣхъ отъ урядника до губернатора включительно, и винить ихъ въ томъ было бы неосновательно». Наемная, коронная полиція никогда не можетъ удовлетворять потребностямъ общества въ охранѣ спокойствія и безопасности, соотвѣтственно разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ. «Въ столицахъ и въ большихъ центрахъ торговыхъ и промышленныхъ,—говорится въ докладѣ комиссіи череповецкаго земства,—есть нѣкоторое подобіе полиціи безопасности, именно благодаря сосредоточенности и громаднымъ средствамъ этихъ пунктовъ, въ уѣздахъ же и даже уѣздныхъ городахъ полиція не имѣетъ и понятія о томъ, что безопасность жителей должна составлять одну изъ главныхъ заботъ; дѣятельность въ этой сферѣ ограничивается только производствомъ дознаній о совершившихся преступленіяхъ и по дѣламъ государственной безопасности. Задачи общественной безопасности, общія всѣмъ частямъ государства, требующія повсемѣстно, кромѣ большихъ центровъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ расходовъ,—а если и не одинаковыхъ, то почти всегда пропорціональныхъ средствамъ и состоятельности мѣстностей,—нѣтъ достаточныхъ основаній возлагать на органы центральной власти. Въ этой сферѣ требуется не единообразіе организаціи полиціи безопасности, а соотвѣтствіе этой организаціи съ требованіями мѣстныхъ условій, что всего лучше извѣстно представителямъ мѣстности и всего скорѣе можетъ быть

достигнуто заинтересованными въ безопасности, а не пришлыми наемниками, каковыми являются не только урядники, становые, но и высшіе чины полиціи, руководствующіе дѣломъ. Громадный расходъ, и притомъ не только безполезный, но и вредный для населенія, потребовался бы въ томъ случаѣ, еслибы мы остановились на мысли объ учрежденіи и полиціи общественной безопасности по найму и назначенію центральнаго правительства. Урядники сослужили службу: они показали обществу и правительству, чего можно ожидать при введеніи подобной системы».

Въ то время, какъ полиція, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, надѣлена достаточною властью и силою для того, чтобы держать почти въ крѣпостномъ подчиненіи многочисленное крестьянское сословіе и совершенно убить зачатки крестьянскаго самоуправленія,—вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія, созданныя для охраны крестьянскихъ интересовъ, отличаются полною бездѣятельностью и безсиліемъ принести какую-нибудь пользу крестьянамъ. Эти учрежденія какъ будто нарочно организованы такимъ образомъ, чтобы не могли служить достаточно сильнымъ противовѣсомъ вліянію полиціи на крестьянскія дѣла. Полиція во все вмѣшивается, и хотя бы незаконно и произвольно, несправедливо и насильственно, но тѣмъ не менѣе быстро и рѣшительно даетъ извѣстное направленіе дѣламъ, представляющимъ наиболѣе жгучій интересъ въ крестьянской жизни. Оттого крестьянинъ по неволѣ подчиняется полиціи и усвоиваетъ вѣру во всемогущество ея. Положимъ, что другаго начальства, кромѣ полиціи, крестьянинъ видитъ вокругъ себя очень много, но, вслѣдствіе самой многочисленности и недостатка власти въ рукахъ этого начальства, оно кажется крестьянину какъ будто призрачнымъ и для того только поставленнымъ, чтобы смущать неопытныхъ людей вопросомъ: по какимъ дѣламъ къ какому изъ безчисленныхъ начальниковъ слѣдуетъ обращаться? Пестрая толпа начальниковъ совсѣмъ сбиваетъ съ толку крестьянина, такъ что онъ не знаетъ, къ какому изъ нихъ обратиться по своимъ дѣламъ, но неволѣ теряетъ вѣру въ возможность отыскать правду у какого бы то ни было начальства и всѣ упованія возлагаетъ на извѣстную всѣмъ и каждому податливость нашей полиціи на взятку. «Всматриваясь въ отношенія крестьянъ ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ,—сказано въ «запискѣ» гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія,—мы усматриваемъ, что съ одной стороны отношенія эти являются до такой степени неопредѣленными, что почти по всякому дѣлу ему приходится ходить въ два или въ три мѣста, прежде чѣмъ попасть въ настоящее; съ другой—нѣтъ такого лица или учрежденія, которое тѣмъ или инымъ путемъ не считало бы себя въ правѣ вмѣшиваться въ жизнь крестьянина и не признавало бы себя его начальникомъ». Учрежденіе, спеціально назначенное для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, всего менѣе способно оказывать доброе вліяніе на ходъ этихъ дѣлъ, защищать интересы крестьянскаго сословія и противодѣйствовать тяжелому давле-

нію на крестьянъ со стороны полицейскаго произвола. Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія организованы такъ неудачно, что, не принося ни малѣйшей пользы крестьянамъ, только безполезно плодятъ собою и безъ того черезчуръ многочисленное начальство. По составу своему присутствія суть учрежденія не крестьянскія, но дворянскія: они существуютъ какъ бы для того, чтобы служить наглядными доказательствомъ безправія крестьянства и продолжающейся досель подчиненности его дворянскому сословію. По замѣчанію гласнаго смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Черевина, «предсѣдателя въ уѣздное присутствіе назначаетъ дворянство, двухъ членовъ (мироваго судью и предсѣдателя управы) назначаетъ уѣздное земское собраніе, которое хотя и состоитъ, почти на половину, изъ выборныхъ отъ крестьянъ, но въ немъ и предсѣдательствуетъ, и проводитъ свои идеи фактически еще до сихъ поръ тоже дворянство, — непремѣннаго члена назначаетъ губернское земское собраніе, членами котораго крестьяне почти никогда уже не бываютъ, и, наконецъ, исправникъ — это есть имитація бывшаго окружнаго начальника палаты государственныхъ имуществъ». Къ этому слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее мѣткое замѣчаніе гласнаго череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія г. Румянцева: «никогда не было примѣра, чтобы представитель дворянства или городской голова избирался внѣ своего сословія, и только учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не имѣютъ сословнаго представителя въ своемъ составѣ». Такимъ образомъ лица, стоящія во главѣ крестьянскаго управленія, не только совершенно чужды управляемой ими средѣ, но въ большинствѣ принадлежатъ къ сословію, которое, будучи избавлено отъ тяжестей, наложенныхъ государствомъ на крестьянское сословіе, усиливалось и доселѣ сохраняетъ силу, благодаря этимъ сословнымъ преимуществамъ. Между тѣмъ, по замѣчанію тихвинскаго рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, Офросимова, «для успѣшнаго и безобиднаго хода управленія народомъ, необходимо, во-первыхъ, чтобъ управляющіе знали подробно нужды населенія, участвовали бы сами въ тѣхъ тяготахъ, которыя возложены на народонаселеніе, пользовались бы его довѣріемъ и были вполнѣ самостоятельны. Однимъ словомъ, чтобы управляющіе были кровію и плотію управляемыхъ, а не стояли бы надъ ними постоемъ, какъ враждебный или, по меньшей мѣрѣ, чуждый ему элементъ. Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ далеко не удовлетворяютъ такому требованію. Они состоятъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, избираемаго сословіемъ для цѣлаго уѣзда и совершенно съ цѣлями сословными, изъ исправника, преслѣдующаго только фискальныя цѣли, изъ непремѣннаго члена, спеціально занятаго лишь разсмотрѣніемъ дѣлъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, изъ предсѣдателя уѣздной управы, занятаго большимъ количествомъ дѣлъ на пространствѣ уѣзда, и изъ почетнаго мироваго судьи, который если касается крестьянскаго дѣла, то только съ юридической стороны...

Присутствие, не имѣя ничего общаго съ населеніемъ, находясь вдали отъ него, пребывая въ уѣздномъ городѣ, не можетъ въ подробности знать его нужды и потребности, оно необходимо впадаетъ въ формализмъ и всегда въ него впадать будетъ». Притомъ же разнохарактерность и совершенное отсутствіе связи тѣхъ единицъ въ личномъ составѣ присутствій служатъ обстоятельствомъ, убивающимъ въ корнѣ самыя попытки какой бы то ни было живой дѣятельности въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. «Опытъ показалъ, — говоритъ таврическая губернская земская управа, — что такая разнохарактерность членовъ есть одна изъ главныхъ причинъ безплодности и бессодержательности этихъ учрежденій. Каждый членъ отвѣтствуетъ особому учрежденію: предсѣдатель — дворянству, непремѣнный членъ — губернатору и губернскому собранію, предсѣдатель управы — своему уѣздному собранію, мировой судья — съѣзду мировыхъ судей. Каждое изъ этихъ учрежденій сознаетъ всю фиктивность этой отвѣтственности, такъ какъ каждый членъ въ отдѣльности всегда имѣетъ возможность сослаться на давленіе большинства присутствія; а это большинство въ совокупности ни передъ кѣмъ не отвѣтственно, пока соблюдены внѣшнія формы. Учрежденія же, имѣющія своихъ представителей въ крестьянскомъ присутствіи, сознавая свое безсиліе вліять на ходъ его, относятся къ нему вполнѣ индифферентно». На недостатки состава уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій жалуется также хлѣбновская уѣздная земская управа, утверждая, что, благодаря неудачному личному составу присутствій, какъ состоящему изъ лицъ, имѣющихъ специальныя и притомъ многочисленныя занятія, они не имѣли возможности руководить и слѣдить за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, и такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ задачъ ихъ осталась совершенно невыполненною. Развивая ту же самую мысль, предсѣдатель смоленской губернской управы, Мельниковъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Все присутствіе составляютъ лица, занимающія, за исключеніемъ непремѣннаго члена, другія должности и часто обремененныя своими прямыми обязанностями. Помимо занимаемыхъ должностей, эти лица состоятъ членами присутствія по воинской повинности, училищнаго совѣта, разныхъ временныхъ коммиссій; всѣ, кромѣ исправника, почти всегда занимаютъ должности почетныхъ мировыхъ судей, что также сопряжено со многими обязанностями. При такомъ количествѣ занятій физически невозможно, чтобы члены уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, кромѣ непремѣннаго члена, могли исполнять всѣ обязанности, возложенныя Положеніемъ 27 іюня 1874 года какъ на уѣздныя присутствія въ коллегіальномъ составѣ, такъ и на членовъ его отдѣльно». Еще рѣзче высказывается предсѣдатель ревизіонной коммиссіи нузненскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Иконниковъ. По его словамъ, «всѣ члены присутствія, кромѣ непремѣннаго, занимая другія специальныя и притомъ окладныя должности, смотрятъ на крестьянское присутствіе какъ на благотвори-

тельный комитетъ, въ которомъ они участвуютъ по мѣрѣ досуга; поэтому присутствіе это существуетъ только въ теоріи и притомъ безполезно». Если оно и проявляетъ какіе-либо признаки жизни и дѣятельности, то только благодаря энергіи своего дѣлопроизводителя, который является въ немъ «главною рабочею силой», тогда какъ «предсѣдатель и остальные члены обыкновенно составляютъ только *тормозъ дѣла, безполезный грузъ*, задерживающій дѣлопроизводство». При отсутствіи живаго отношенія членовъ присутствія къ дѣлу крестьянскаго управленія, при преобладающемъ вліяніи секретаря на ходъ и рѣшеніе дѣлъ въ присутствіи, бюрократическій формализмъ въ нихъ усилился до послѣдней степени, и всѣ самые вредные недостатки его здѣсь получили возможность развиться до чудовищныхъ размѣровъ. Формализмъ дѣлопроизводства въ присутствіяхъ окончательно убилъ въ крестьянахъ всякую вѣру въ возможность найти здѣсь живую правду и при помощи закона возстановить нарушенное право. Явившись на смѣну мировымъ посредникамъ, вслѣдствіе доказанной опытомъ негодности послѣднихъ, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ оказались еще менѣе удовлетворительными и болѣе безполезными, чѣмъ мировые посредники. «По Положенію 19 февраля, — говоритъ предсѣдатель петровской уѣздной земской управы, г. Кропотовъ, въ докладѣ земскому собранію,—мировой посредникъ вѣдалъ всѣ дѣла крестьянъ какъ между собою, такъ и съ бывшими ихъ помѣщиками, разбиралъ жалобы и просьбы на дѣйствія лицъ волостнаго и сельскаго управленія, творилъ, какъ говорится, судъ и расправу на мѣстѣ, на виду у всѣхъ, и если иногда при этомъ и бывали злоупотребленія властью, то въ большинствѣ крестьянинъ все-таки оставался удовлетвореннымъ въ своихъ требованіяхъ; въ случаѣ же отказа въ нихъ онъ зналъ основанія сего послѣдняго. Со введеніемъ Положенія 27 іюня для подачи жалобы крестьянину пришлось уже ѣхать въ городъ, знакомиться съ адвокатами, платить имъ за написаніе прошенія, зачастую очень дорогую по состоянію своему сумму, и потомъ ждать мѣсяцы, а иногда годы разрѣшенія своей претензіи. Разсмотрѣніе присутствіемъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ въ порядкѣ кассаціонномъ, какъ прежде, такъ въ особенности въ настоящее время, постоянно вызываетъ крайнее и вполнѣ заслуженное неудовольствіе крестьянъ. Крестьянинъ никогда не понимаетъ, да и понять не можетъ, какъ это присутствіе незаконно рѣшенное дѣло не въ правѣ отмѣнить. Въ умѣ его формы и обряды судопроизводства, за которые такъ стояло Положеніе 19 февраля и которые цѣликомъ перешли въ Положеніе 27 іюня, не существуютъ; онъ всегда жалуется по существу на несправедливость рѣшенія и, не получая удовлетворенія въ своихъ претензіяхъ, въ концѣ концовъ убѣждается, что правды нѣтъ, что ее не отыщешь».

Въ личномъ составѣ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій наиболѣе выдающееся положеніе занимаютъ предсѣдатель, непремѣнный членъ и уѣздный исправникъ. «Предсѣдательство въ присутствіи,—читаемъ

мы въ докладѣ таврической губернской земской управы,—принадлежитъ предводителю дворянства, лицу, избираемому однимъ сословіемъ. Возложеніе этой обязанности на сословнаго представителя можно себѣ объяснить желаніемъ оградить помѣщичьи интересы, представителемъ которыхъ онъ является. Отстаиванье интересовъ помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ можетъ потребоваться только въ такого рода дѣлахъ, гдѣ одною стороной является землевладѣлецъ, а другою—крестьянинъ. Но въ этомъ случаѣ справедливость требовала бы, чтобъ и другая заинтересованная сторона имѣла своего сословнаго представителя, а то стороны имѣютъ не одинаковые шансы. Непремѣнный членъ не есть представитель крестьянъ, какъ избираемый безъ участія ихъ и исключительно изъ дворянъ. Но главное дѣло, что въ такой защитѣ сословныхъ интересовъ въ крестьянскомъ дѣлѣ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ въ настоящее время, за весьма малыми исключеніями, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ точно опредѣлены и, въ случаѣ нарушенія правъ одной стороны другою, не представляется затрудненія къ возстановленію ихъ судомъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія вводить въ составъ крестьянскаго присутствія особаго сословнаго представителя». Вообще, по мнѣнію земскихъ людей, привлеченіе предводителей дворянства къ участію какъ въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, такъ и въ другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, не приноситъ никакой пользы, — напротивъ, служитъ лишнимъ тормозомъ для успѣха дѣятельности этихъ учрежденій. По словамъ гласнаго череповецкаго уѣзднаго собранія, г. Румянцева, «многообразныя обязанности, соединенныя съ почетною должностью предводителя дворянства, всѣ безъ исключенія являются аномаліей, въ большей части не безвредною для успѣшнаго теченія дѣлъ. Предводители дворянства, утратившаго въ послѣднее двадцатилѣтіе, наравнѣ съ другими сословіями, всѣ основы самостоятельнаго существованія (вотчинное право, выборное право на должности по судебнымъ вѣдомствамъ и администраціи), не имѣютъ почвы для дѣятельности въ сферѣ чисто-сословной и притомъ мѣстной. Присовокупленіе къ этой должности, не обязывающей и не требующей пребыванія въ уѣздѣ, предсѣдательскихъ мѣстъ въ земскихъ собраніяхъ, въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, по воинской повинности, въ училищномъ совѣтѣ и въ разныхъ комитетахъ—не могло въ дѣйствительности поднять на желанную высоту предводителей высшаго сословія имперіи. Распаденіе сословій совершилось, или по крайней мѣрѣ совершается, почва для сословной дѣятельности сузилась, и никакія поправки, дѣлаемыя съ цѣлью поддержанія сословныхъ учрежденій и должностей, за счетъ учрежденій новаго завѣта, не въ состояніи вновь вызвать къ жизни то, чему миновала пора». Предсѣдатель присутствія, по своему положенію выборнаго представителя дворянскаго сословія, не можетъ честно и энергично работать въ пользу крестьянъ безъ того, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія какъ избирателей, такъ и вообще уѣзднаго об-

щества. Поэтому самые лучшіе предводители дворянства довольствуются тѣмъ, что ровно ничего не дѣлаютъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не раздражать и не возбуждать противъ себя тѣхъ болѣе или менѣе сильныхъ людей изъ среды мѣстнаго общества, дѣятельность которыхъ приноситъ иногда положительный вредъ крестьянскому населенію. Предсѣдатель ревизіонной комиссіи кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Иконниковъ, въ своемъ докладѣ земскому собранію представилъ слѣдующую живую и яркую характеристику предводителей дворянства въ роли предсѣдателей уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: «Предводитель дворянства только тогда работаетъ и занимается дѣломъ, когда онъ *фанатически* преданъ идеѣ общественной пользы и притомъ настолько богатъ, что убытки въ покинутыхъ имъ своихъ дѣлахъ для него не чувствительны. Въ противномъ случаѣ и если онъ человѣкъ мало-мальски развитой, то онъ сознаетъ, что созерцательное положеніе для него выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ: 1) человѣкъ состоятельный, и притомъ ничего не дѣлающій, пользуется всеобщимъ уваженіемъ среди общества, *производящаго много работающаго существительнаго раба*. Во-вторыхъ, ничего не дѣлая, онъ не имѣетъ ни съ кѣмъ столкновеній, никому не мѣшаетъ предаваться полному бездѣйствію, или чинить безаконія, а въ признательность за эту «свободу» и «самостоятельность» общество почитаетъ предводителя, называетъ его «порядочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ» человѣкомъ, съ самыми современными и либеральными взглядами. Въ-третьихъ, при такомъ созерцательномъ положеніи онъ всегда имѣетъ возможность вечеркомъ, *за бутылкой*, упросить всякаго, «лично для него», разрѣшить извѣстный вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ, а исполненіе этой просьбы связываетъ его дружбою съ тѣмъ или дворянъ, избирателей, за котораго онъ ходатайствуетъ. Да и ходатайство-то легко разрѣшается, когда оно возбуждено не въ принципіальномъ, а частномъ смыслѣ. Въ-четвертыхъ, находясь въ положеніи человѣка, котораго «хата съ краю», онъ набирается бѣлыми шарами. Въ глазахъ губернской администраціи онъ является человѣкомъ съ вѣсомъ, а потому украшается чинами и знаками отличія, которыхъ онъ, конечно, какъ современный человѣкъ, не придаетъ особаго значенія, ибо служитъ не ради почестей, а ради общественной пользы. Сія послѣдняя, въ этихъ случаяхъ, является въ роли всѣми забытой и покинутой сироты. Непремѣнный членъ и дѣлопроизводитель въ началѣ службы работаютъ лихорадочно, безпокоятъ предсѣдателя созывомъ засѣданій, и онъ вначалѣ великодушно снисходитъ къ ихъ настояніямъ. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, предводитель видитъ, что сколько ни созывай засѣданій, дѣла не передѣлаешь, а частые созывы вызываютъ пререканія: непремѣнныхъ недоволенъ, что его часто отрываютъ отъ дѣла, почетный судья ворчитъ, напоминая, что онъ не подсѣдчикъ, слава Богу! Предсѣдатель управы не ѣдитъ, а общество недовольно, что предводителя дома не застанешь. Собрались сегодня къ нему завтракать, анъ—

хвать — онъ опять въ какомъ-то присутствіи: «что-то ужъ очень часто стали эти присутствія!..» Естественное желаніе работать, — говоритъ далѣе г. Иконниковъ, — вызываемое въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, при видѣ царствующей неурядицы, быстро остываетъ при столкновеніи съ примирившемся, апатичною толпой. Какъ рюмка хорошаго вина, вылитая въ ушатъ помоя, не исправляетъ въ ушатѣ содержимаго, — такъ и труды единичнаго лица безслѣдно исчезаютъ въ океанѣ распущенности, лѣни, взяточничества, воровства и бездны пьянства. При этихъ условіяхъ только люди съ желѣзной энергіей, фанатично преданные извѣстной идеѣ, готовые на самопожертвованіе, способны, вступая въ должность предводителя, отступить отъ принципа испанской пословицы: «не тронь — не воняетъ». Но объ исключеніяхъ намъ нѣтъ причины и распространяться. Возьмемъ примѣръ болѣе нормальный — предводителя, вполнѣ благонадежнаго, допускающаго самыя маленькія отступленія отъ вышеприведенной испанской пословицы и трогающаго крайне осторожно и деликатно. Собираются у него гости —

И послѣ сытнаго обѣда
Идетъ наивная бесѣда:
Толкуютъ тамъ о меньшемъ братѣ
И горячатся о добрѣ.

Подъ вліяніемъ этой бесѣды и окунаясь въ воспоминанія о французскихъ и германскихъ нейзанахъ, предсѣдатель рѣшается слегка коснуться крестьянскаго управленія и, совнавъ присутствіе, обращается къ членамъ: «Мнѣ кажется... не мѣшало бы... хотъ изрѣдка... отъ времени до времени... провѣрить что ли... растраты... пьянство... продажный судъ... пожары... кабаки... недоимки... нарушенія условій... народная нищета... потери довѣрія... Какъ вы думаете, господа?» Всѣ съ нимъ согласны и каждый спѣшитъ наперерывъ добавить новыя ужасныя слова къ предводительской рѣчи; всѣ увѣрены, что въ уѣздѣ гадко, скверно, изъ рукъ вонъ плохо! Но когда доходитъ до мѣръ, до необходимости дѣйствовать, то жаръ быстро остываетъ. На лицѣ предводителя вы читаете невозможность допустить дерзкой мысли о привлеченіи его къ активной дѣятельности по крестьянскому самоуправленію, ибо, не забудьте, что онъ не исправникъ, чтобы рыскать по уѣзду и возиться съ нейзанами. Почетный судья только и въ судьи-то пошелъ по просьбѣ предводителя, на случай, что можетъ быть полезенъ совѣтами... «Да, наконецъ, онъ служитъ даромъ и еще расходоваться на разъѣзды, — нѣтъ, онъ лучше подастъ въ отставку!» Въ концѣ концовъ г. Иконниковъ приходитъ къ выводу, что «предсѣдатель присутствія, принадлежа въ большинствѣ случаевъ къ разряду бѣлоручекъ, созданныхъ и воспитанныхъ для высшихъ соображеній, является человѣкомъ совершенно безполезнымъ въ томъ мірѣ мелкихъ интересовъ, мелкихъ проступковъ и отступленій, совокупность которыхъ создала отвратительную картину

запустѣнія, замѣченную только тогда, когда для закончанія ея не хватило лишь нѣсколькихъ штриховъ... Для грубой среды, съ которою имѣетъ дѣло крестьянское присутствіе..., для народнаго дѣла,—говоритъ г. Иконниковъ далѣе,—нужны люди, способные стать лицомъ къ лицу съ черной работой волостнаго, сельскаго писаря, смотрителя хлѣбнаго магазина, старосты, учетчика, и въ то же время на столько развитые, чтобъ умѣть понять и изучить характеръ народа, *быть его совѣтникомъ, помощникомъ, служителемъ его идеи правды*, и въ то же время быть его ученикомъ въ умѣньи практично примѣнять эту идею въ отдѣльныхъ случаяхъ и проводить ее въ жизнь. Такія силы, конечно, *легче найти въ земствѣ, чѣмъ въ дворянствѣ, а тѣмъ менѣе въ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ представителяхъ его*».

Если смотрѣть на дѣло съ формальной, казовой стороны, то наиболѣе видное положеніе послѣ предсѣдателя, въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, занимаетъ непремѣнный членъ. По закону ему предоставлены извѣстныя права и возложены на него спеціальныя обязанности, такъ что, повидимому, онъ долженъ бы быть самымъ дѣятельнымъ членомъ присутствій и вообще авторитетнымъ дѣятелемъ въ крестьянскомъ управленіи. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. По словамъ предсѣдателя смоленской губернской земской управы, г. Мельникова, «изъ того, что этотъ членъ названъ непремѣннымъ, что ему предоставлены права государственной службы и назначено довольно большое жалованье и по 500 руб. на разъѣзды, можно думать, что въ непремѣнномъ членѣ предполагалось лицо спеціально завѣдывающее крестьянскими дѣлами, посредствующее между крестьянскими сословными учрежденіями и уѣзднымъ присутствіемъ и облегчающее своею преимущественною дѣятельностію, по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію уѣзднаго присутствія, прочихъ членовъ. Но по обязанностямъ и способу дѣйствій, указаннымъ непремѣнному члену Положеніемъ 27 іюня, да и на практикѣ оказывается совсѣмъ иное. Всѣ обязанности, возложенныя исключительно на непремѣннаго члена, по которымъ онъ дѣйствуетъ болѣе самостоятельно, и составляющія для него наличекъ труда предъ прочими членами уѣзднаго присутствія, исчерпываются семью пунктами ст. 19 означеннаго Положенія и вытекаютъ изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ, или касаются поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Послѣднее потребовало только извѣстнаго періода времени и уже давно закончено; первыхъ же въ 1875 г., когда были образованы новыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, оставалось въ большей части губерній такъ немного и разрѣшеніе этихъ дѣлъ идетъ такимъ постепенно медленнымъ порядкомъ, что не предоставляетъ для непремѣннаго члена особенно важной обязанности. Всѣ другія обязанности члена уѣзднаго присутствія непремѣнный членъ несетъ наравнѣ съ прочими (за исключеніемъ уѣзднаго исправника), точно такъ же, какъ и въ способѣ дѣйствій, въ надзорѣ за ходомъ крестьянскаго

управленія и въ ревизіи волостныхъ и сельскихъ управленій никакихъ особенныхъ правъ и самостоятельности въ распоряженіяхъ непремѣнный членъ по закону не имѣетъ. Если мы часто видимъ на дѣлѣ, что непремѣнные члены болѣе другихъ членовъ присутствія исполняютъ порученія послѣдняго и вообще болѣе входятъ въ крестьянскія дѣла, то это лишь вслѣдствіе товарищескихъ отношеній ихъ къ прочимъ членамъ и сознанія, что, имѣя по закону преимущество предъ ними въ правахъ государственной службы, въ жалованьи и въ разъѣздныхъ деньгахъ, на нихъ, т. е. на непремѣнныхъ членахъ, лежитъ и нравственный долгъ нести болѣе труда, законъ же прямымъ указаніемъ этого на нихъ не возлагаетъ. Но, принимая на себя болѣе занятій и входя болѣе другихъ членовъ присутствія въ дѣла сельскаго и волостнаго управленій, непремѣнный членъ остается одинаково съ ними безправнымъ въ этихъ дѣлахъ и лишь передаточнымъ лицомъ, какъ и прочіе члены присутствія, за исключеніемъ исправника. Такое значеніе ихъ, вначалѣ непонятное для крестьянъ, привыкшихъ къ самостоятельности власти и распорядительности мировыхъ посредниковъ, лишаетъ непремѣнныхъ членовъ необходимаго авторитета и вліянія на крестьянскихъ должностныхъ лицъ и на дѣла крестьянскаго управленія, что, какъ мы уже высказали, настоятельно необходимо признается самими крестьянами и безъ чего крестьянское самоуправленіе, какъ бы оно ни было устроено, хорошо идти не можетъ». Принятая система выбора ведетъ къ тому, что въ должности непремѣнныхъ членовъ весьма рѣдко попадаютъ лица, искренно желающія и способныя приносить пользу дѣлу крестьянскаго управленія. «При существующихъ законныхъ условіяхъ,—говорится въ докладѣ херсонской уѣздной земской управы,—должности непремѣнныхъ членовъ, прежде всего и главнымъ образомъ, замѣщаются крупными землевладѣльцами, имѣющими не менѣе 500 десятинъ земли. Но для такихъ лицъ обязанности непремѣнныхъ членовъ являются въ большинствѣ случаетъ помѣхой въ ихъ частныхъ, хозяйственныхъ занятіяхъ, которыми они болѣе всего дорожатъ, и потому, принимая на себя должность непремѣннаго члена, лица эти иногда только увеличиваютъ этимъ непроизводительные расходы земства». Самые выборы непремѣнныхъ членовъ нисколько не обезпечиваютъ избранія достойнѣйшихъ людей, даже изъ весьма ограниченнаго круга лицъ, имѣющихъ по закону право быть избираемыми. «По нашему личному опыту,—говоритъ гласный череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія, Рунянцевъ,—выборы непремѣнныхъ членовъ губернскими собраніями являются дѣломъ по малой мѣрѣ неприличнымъ; выборъ опредѣляется двумя или тремя членами губернскаго собранія отъ даннаго уѣзда, а остальные, не имѣющіе никакого понятія о кандидатахъ, отдаютъ свои голоса въ ихъ распоряженіе; самая обстановка выборовъ при такомъ условіи является занятіемъ недостойнымъ земскихъ учрежденій». При такихъ-то условіяхъ большинство непремѣнныхъ членовъ совершенно равнодушно относится къ своимъ обя-

занностямъ и ничего не хочетъ дѣлать; другіе же и хотѣли бы приносить посильную пользу, но поворно опускаютъ руки предъ массой предстоящаго труда и тоже предаются безодѣятельности. «Большинство непремѣнныхъ членовъ,—говоритъ гласный Рославцевъ,—въ силу условій, для нихъ выбора существующихъ, какъ со стороны мѣста ихъ избранія, такъ и ценза, ограничивающаго выборъ, а равно и въ виду права губернаторовъ налагать свое veto на избраннаго и назначить по усмотрѣнію, совсѣмъ себя совершенно свободными отъ мѣстнаго ближайшаго надзора, занимается своимъ хозяйствомъ въ деревнѣ, а если и живутъ въ городѣ, то интересуются больше какой-нибудь стороной дѣла, а не существомъ своихъ обязанностей». Точно такіе же отзывы херсонской уѣздной земской управы, въ настоящее время большинство непремѣнныхъ членовъ «живетъ у себя въ деревняхъ и пріѣзжаетъ въ городъ только на засѣданія уѣзднаго присутствія. Это вызываетъ двоякаго рода неудобства: съ одной стороны крестьянамъ затрудняется доступъ къ непремѣннымъ членамъ, съ другой—канцеляріи уѣздныхъ присутствій остаются безъ надлежащаго надзора, и все дѣлопроизводство сосредоточивается исключительно и почти безконтрольно въ рукахъ вольнонаемныхъ секретарей». Что касается тѣхъ непремѣнныхъ членовъ, которые желали бы посильно работать, но не въ силахъ выполнять лежащія на нихъ обязанности, то объ нихъ мы имѣемъ слѣдующій интересный отзывъ предсѣдателя ревизіонной комиссіи вузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія г. Иконникова: «Непремѣнный членъ, имѣя безгранично большій районъ для дѣятельности и массу дѣла, неспособенъ никогда изучить уѣздъ и его населеніе, не имѣетъ времени для какихъ бы то ни было наблюденій за жизнью и общественнымъ самоуправленіемъ и, привыкая къ вѣчно тяготѣющему надъ нимъ сознанію неисполненія долга, впадаетъ въ апатію и занимается собственно только дѣлами, не терпящими отлагательства и затрогивающими интересы вліятельныхъ избирателей».

Повидимому, самое скромное мѣсто среди членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ отведено уѣздному исправнику, а между тѣмъ въ его-то именно рукахъ и сосредоточена вся дѣйствительная власть надъ крестьянами. Право подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ превратило ихъ въ низшихъ полицейскихъ агентовъ, находящихся въ безконтрольномъ распоряженіи исправника. «Не приводя примѣровъ, которыхъ каждому извѣстно множество,—говоритъ предсѣдатель смоленской губернской земской управы г. Мельниковъ,—мы, не ошибаясь, можемъ высказать, что предоставленная исправникамъ свобода въ принятіи мѣръ къ успѣшному взысканію съ крестьянъ повинностей и право подвергать наказанію крестьянскихъ должностныхъ лицъ сдѣлали исправниковъ прямыми и почти полновластными начальниками крестьянскаго населенія въ уѣздахъ и de facto подчинили исключительно имъ все крестьянское управленіе. Во многихъ уѣздахъ вліяніе исправниковъ на

крестьянъ доходитъ до того, что они чрезъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ вліяютъ на выборы и на прочія дѣла въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Такое чрезмѣрное вліяніе исправниковъ не можетъ не переходить отъ нихъ и къ прочимъ чинамъ уѣздной полиціи, такъ что низшій полицейскій чинъ, урядникъ, также караетъ по-своему волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ и распоряжается начальникомъ надъ крестьянами. Излишне объяснять, на пользу ли крестьянамъ такое преобладаніе надъ ними власти исправниковъ и полиціи вообще, и можно ли ожидать правильнаго развитія крестьянскаго самоуправленія при полицейскомъ произволѣ. Притомъ нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, которое клонитъ къ еще большей невыгодѣ для крестьянъ преобладаніе надъ ними власти исправниковъ. Большая часть послѣднихъ не принадлежитъ къ уѣздамъ и даже къ губерніямъ, въ которыхъ они служатъ. Назначаются они на половину изъ чиновниковъ и вообще изъ людей, незнакомыхъ съ бытомъ, понятіями и имущественными средствами крестьянъ и завѣдываемаго ими уѣзда въ частности. Слѣдствіемъ этого — совершенно индифферентное отношеніе исправника къ крестьянамъ, распоряженіе и взысканіе, часто непрактичное и не достигающее цѣли, но тяжело отзывающееся на крестьянахъ; со стороны же крестьянъ—подчиненіе власти и страхъ передъ нею вмѣсто уваженія и довѣрія къ ней». Еще рѣзче отзывается непремѣнный членъ чухломскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія о пагубномъ вліяніи чрезмѣрно усилившейся власти исправника какъ на крестьянское управленіе, такъ и вообще на благосостояніе крестьянскаго населенія: «Предоставленіе исправнику единоличной, самостоятельной власти въ крестьянскомъ присутствіи по Положенію 27 іюня 1874 г. съ правомъ наложенія взысканія, какъ и цѣлымъ присутствіемъ, ведетъ часто, какъ дознано на опытѣ, къ противорѣчивымъ распоряженіямъ какъ присутствія, такъ въ особенности отдѣльныхъ членовъ, законныя требованія которыхъ часто не исполняются, и только по особымъ понужденіямъ присутствія, что ведетъ къ медленности дѣлъ. Волостныя и сельскія власти сбиваются и не знаютъ, чье распоряженіе скорѣе исполнять. Волостные старшины и сельскіе старосты, боясь быть подвергнутыми взысканію единоличной властью исправника за неудовлетворительность сбора казенныхъ податей, заботятся только о взысканіи однѣхъ податей, отдавая полное преимущество казеннымъ податямъ, а на оброчныя, земскія и мірскія повинности обращаютъ менѣе вниманія и приступаютъ ко взысканію таковыхъ послѣ сроковъ, когда по жалобамъ губернскому начальству поступаютъ понужденія и успѣла уже накопиться недоимка, которая остается, и заботятся только о пополненіи текущихъ оброковъ и земскихъ налоговъ. Старосты и старшины сдѣлались только сборщиками податей, а не почетными блюстителями общественнаго порядка, и объ исполненіи другихъ своихъ весьма важныхъ обязанностей по общественному крестьянскому управленію, отъ которыхъ зависитъ благо-

состояніе волости, вовсе перестаютъ думать и относятся къ таковымъ нерачительно и равнодушно, такъ что при таковомъ порядкѣ крестьянское общественное управленіе потеряло всякое значеніе: никто не заботится объ общественномъ благоустройствѣ; поля остаются не засѣянными, вездѣ завелись шинки; проживаніе безъ паспортовъ, праздношатательство, нищенство сдѣлались явленіями обыкновенными, отчего самыя подати стали съ трудомъ собираться,—никому не хочется за нерачительныхъ платить повинности. Въ послѣднее время стало замѣтно, что болѣе зажиточные и исправные обществѣники, чтобъ избавиться отъ избранія въ сельскіе старосты и старшины, отказываются отъ земли и переходятъ въ другія сословія,—явленіе несовсѣмъ отрадное; между тѣмъ какъ Положеніе 19-го февраля 1861 года заботилось, чтобъ у крестьянъ не было бездомниковъ и сельское населеніе привыкало къ труду и осѣдлости,—прежде переходы крестьянъ въ мѣщанство были рѣдки. Почетная должность сельскаго старосты и даже волостнаго старшины въ глазахъ крестьянъ унизилась и сравнялась съ сотскими, потому что какъ первыми—старостами и старшинами, такъ и вторыми—сотскими—распоряжается полиція по своему усмотрѣнію и подвергаетъ взысканію и штрафамъ за невзысканіе податей хотя и въ лицѣ исправника». Подобную же характеристику приниженнаго положенія выборныхъ крестьянскихъ властей подъ гнетомъ полицейскаго произвола сдѣлалъ гласный череповецкаго уѣзднаго собранія, Румянцовъ. «Мы уже не говоримъ,—сказано въ запискѣ его,—о томъ приниженномъ положеніи, въ которомъ находятся поголовно всѣ сельскіе старосты, но и волостные старшины подлежатъ такому энергическому заплеванію со стороны дѣятельныхъ гг. исправниковъ и становыхъ, желающихъ отличиться, что волосъ становится дыбомъ. Прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого приниженнаго положенія выборныхъ лицъ является то, что отъ должностей этихъ мало-мальски порядочные люди сторонятся — откупаются, и, за весьма малыми исключеніями, въ этихъ должностяхъ является самый послѣдній, непутящій народъ. Чины полиціи, лишенные образовательнаго ценза, за эти шесть лѣтъ ихъ усиленной дѣятельности по крестьянскому самоуправленію довершили его распаденіе, унизивъ представителей этого сословія до положенія почти худшаго, чѣмъ крѣпостное».

Мѣры понужденія, употребляемыя полновластною полиціей при взысканіи податей, всего лучше показываютъ полное безправіе крестьянъ въ Россіи, униженіе человѣческаго достоинства, едва ли возможное въ какой-либо другой, хотя бы самой дикой и варварской, странѣ, деспотическое угнетеніе народа, доходящее до послѣднихъ предѣловъ возможности. «Взысканіе сборовъ,—говоритъ гласный рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, Офросимовъ,—производится полиціей безпощадно, безъ всякаго вниманія къ тому, въ силахъ ли общество уплатить или нѣтъ и отчего произошла недоимка. Продается все, что продать можно, и хотя по закону ого-

ворено, что продажѣ не подлежатъ предметы необходимые въ хозяйствѣ, но понятіе объ этой необходимости такъ растяжимо, а усердіе полиціи въ исправномъ взысканіи податей и повинностей такъ велико, что большею частію все имущество крестьянъ поступаетъ въ продажу. Я не говорю уже о томъ, что у насъ въ губерніи были случаи воздѣйствія розгами на крестьянъ для побужденія ихъ къ исправному внесенію податей». Вообще же, по замѣчанію гласнаго череповецкаго земскаго собранія, Румянцева, «процессъ взысканія сборовъ и наблюденіе за сборщиками есть такой процессъ, отправленіе котораго несовмѣстно съ характеромъ служебной дѣятельности чиновъ полиціи. «*Выбивать подати*» — это техническое, весьма характерное наименованіе, данное самими крестьянами этому процессу, совершаемому подъ руководствомъ полиціи. Кутузка для волостнаго старшины за неисправную волость, кутузка для сельскихъ старостъ за неисправное общество, кутузка и порка для отдѣльныхъ домохозяевъ за неимѣніе средствъ къ своевременному взносу податей — таковы мѣры взысканія. Личная отвѣтственность и расправа за имущественную неисправность — самое сильное и вѣрное средство для успѣха и быстроты взысканія, для раззоренія плательщиковъ и для обоюднаго развращенія. Сельскій староста проситъ начальство повременить немного взносомъ податей, ссылаясь на ограниченность заработковъ въ теченіе этого мѣсяца и на то, что у крестьянъ нѣтъ хлѣба; заработанныя кое-гдѣ по малости деньги при дороговизнѣ хлѣба едва хватаютъ на содержаніе семьи впроголодь; г. исправникъ настаиваетъ и грозитъ кутузкой и въ отвѣтъ на всѣ резоны рекомендуетъ за хлѣбомъ обратиться въ земскую управу, которая заготовила де хлѣбъ. *Таковы финансовыя соображенія* главнаго блюстителя за поступленіемъ государственныхъ и иныхъ сборовъ. Чиновникъ полиціи не видитъ непосредственно плательщика и его положенія, а старшину или старосту. Ихъ объясненія провѣрить онъ не имѣетъ ни времени, ни охоты и даетъ имъ свое толкованіе: «лѣнтяи, пьяницы, ничего не дѣлаете... Раззорю». Да и губернское начальство слабое поступленіе сборовъ почти всегда относитъ къ нерадѣнію сборщиковъ. Нужно быть очевидцемъ, чтобъ ясно представить себѣ ту отвратительную и возмутительную картину, которую представляетъ процессъ «выбиванія податей» съ крестьянскихъ обществъ чрезъ посредство избранныхъ обществами сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ... Система «выбиванія податей», практикуемая полиціей, умѣстна лишь въ покоренной странѣ и притомъ со стороны непріятеля». Впрочемъ страстное чувство негодованія и отвращенія къ существующей системѣ сбора податей не заглушаетъ въ земскихъ людяхъ мысль о томъ, что есть зло хуже системы «выколачиванія податей», зло коренное, безъ устраненія котораго не можетъ быть отмѣнена и варварская система выколачиванья податей. Это зло заключается въ томъ, что на крестьянское сословіе возложена исключительная обязанность платить государственныя

подати безъ всякой соразмѣрности съ имущественною состоятельностью и не въ равной мѣрѣ съ остальными государственными сословіями. Относительно распредѣленія и системы сбора податей гласный тверскаго губернскаго земскаго собранія, г. Линдъ, замѣчаетъ, что «какъ ни распредѣлять, и какими мѣрами ни собирать, все-таки народъ будетъ задавленъ тяжестью поборовъ и лишенъ возможности трудомъ своимъ достигнуть личнаго благосостоянія. Необходимо, чтобы самая сумма податей была соразмѣрна съ возможностью для народа платить ихъ безъ раззоренія, для чего необходимо, чтобы въ основу всего государственнаго строя легла та мысль, что государство существуетъ для народа, а не народъ для государства, единственная цѣль существованія котораго и есть счастіе народа; что поэтому никакое величіе и сила государства не можетъ выкупить собою ослабленія силъ народныхъ, что, слѣдовательно, только тѣ государственныя мѣропріятія могли быть признаваемы цѣлесообразными, которыя въ результатѣ приносятъ большую пользу народу, чѣмъ онъ расходуетъ на нихъ своихъ силъ и средствъ, и что только тотъ налогъ можетъ считаться справедливымъ, который беретъ лишь такую часть дохода плательщика, послѣ отдачи которой у него остается достаточно средствъ для безбѣднаго существованія. Значитъ, прежде всего должна быть опредѣлена платежная способность народа и соотвѣтственно съ ней опредѣлено общее количество податей. Затѣмъ подати эти должны быть распредѣлены соотвѣтственно силамъ и средствамъ плательщиковъ, т. е. сообразно чистому доходу, ими получаемому. Очевидно, что по отношенію къ крестьянамъ этотъ основной принципъ всякаго налога совершенно не соблюдается».

При личномъ безправіи и зависимости отъ произвола полицейскихъ властей, не можетъ быть и рѣчи объ общественномъ самоуправленіи у крестьянъ. Общественное самоуправленіе можетъ существовать только тогда, когда личная свобода гражданъ вполнѣ обезпечена отъ возможности нарушенія ея со стороны произвола правительственныхъ властей. Но въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ никакой охраны святѣйшихъ человѣческихъ правъ личности, гдѣ личная свобода и неприкосновенность грубо попираются каждымъ полицейскимъ Держимордой, тамъ могутъ существовать на-показъ заимствованныя извнѣ формы общественнаго самоуправленія, но истиннаго, дѣйствительнаго самоуправленія быть не можетъ. Волостное и сельское выборное управленіе у насъ служитъ плохою декораціей, за которою скрывается шашка полицейскаго чиновника — единственный рычагъ, приводящій въ движеніе всю систему такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія. Волость, какъ справедливо замѣчаетъ «записка» гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія, «не есть естественная, органическая единица, созданная самою жизнію, но есть учрежденіе искуственное, сочиненное для цѣлей внѣшнихъ, полицейскихъ и фискальныхъ». Она,—по словамъ доклада таврической губернской земской управы,—«не есть органическое соединеніе нѣ-

скольких сельских обществ, вытекающее изъ дѣйствительной потребности ихъ соединяться въ волостномъ сходѣ, а лишь административное, искуственное соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, часто не имѣющихъ никакихъ общественныхъ интересовъ; оттого для хозяйственныхъ дѣлъ крестьянъ не представляется надобностей ни въ волости, ни въ ея волостномъ сходѣ. Хотя въ законѣ и говорится, что сходъ завѣдуетъ хозяйственными дѣлами цѣлой волости и предметами общественнаго призрѣнія, но на дѣлѣ этого никогда не бываетъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ безполезности волости для этой цѣли. Разсматривая за нѣсколько лѣтъ вѣдомости мірскихъ расходовъ Таврической губерніи, оказывается, что ни въ одной русской волости нѣтъ волостныхъ сборовъ ни на предметы относящіеся до хозяйственныхъ надобностей цѣлой волости, ни на предметы общественнаго призрѣнія. Всѣ подобнаго рода расходы пріурочены къ сельскому обществу. Такъ: школы, фельдшера, оспопрививатели, содержаніе и ремонтъ церквей—все это относится къ сельскимъ, а не волостнымъ расходамъ, и къ заботамъ сельскаго, а не волостнаго схода». Въ настоящее время, по замѣчанію гласнаго варнавинскаго уѣзднаго земскаго собранія, Лебедева, волостныя правленія «превратились или отдались сложившимися обстоятельствами въ учрежденіе чисто полицейское и утратили всякое значеніе и вѣрованіе народа въ ихъ самостоятельность и защиту крестьянскаго права». По словамъ кременчугскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, волостное правленіе—«этотъ главнѣйшій органъ крестьянскаго самоуправленія, исключительно содержимый на средства крестьянскаго сословія, *превратился во всесословный исполнительный органъ всѣхъ посторонних вѣдомствъ и всѣхъ учрежденій*. Съ требованіями исполненія къ нему обращаются—уѣздная полиція, земство, судебныя мировыя учрежденія, судебные слѣдователи, межевая коммиссія, управленіе государственныхъ имуществъ, казенная палата, воинское присутствіе и пр. Для удовлетворенія этихъ требованій направлена вся энергія и вся дѣятельность старшины и писаря, *и дѣло крестьянское играетъ второстепенную роль*». Входя въ ближайшее разсмотрѣніе теперешняго положенія волостныхъ правленій, коммиссія кинешемскаго уѣзднаго земства дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «Волостныя правленія въ законномъ составѣ существуютъ только на бумагѣ и сельскіе старосты не только въ сроки, указанные въ 88 ст. Общ. Полож., но и когда бы то ни было, не собираются въ правленія для разрѣшенія дѣлъ, указанныхъ въ 89 и 90 ст. Общ. Полож., на правахъ членовъ коллегій. Если старосты и бываютъ въ правленіяхъ, то единственно за полученіемъ приказаній отъ волостныхъ старшинъ, въ качествѣ подчиненныхъ имъ лицъ, и для полученія распоряженій судебныхъ и административныхъ мѣстъ и лицъ. Никакихъ особыхъ засѣдателей, въ помощь старшинѣ, нигдѣ не избирается и ни по какимъ вопросамъ старшины съ сельскими старостами, какъ это предположено ст. 89 Общ. Полож., не совѣтуются. Итакъ,

фактически, волостныя правленія не суть учрежденія коллегіальныя, а состоятъ повсюду изъ единоличной власти старшины. Единственнымъ руководителемъ по всѣмъ дѣламъ въ правленіи, въ большинствѣ случаевъ, является волостной писарь, назначаемый обществомъ крестьянъ, какъ значится въ ст. 113 Общ. Полож., а въ сущности тѣми же волостными старшинами, или же присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ по праву, предоставленному послѣднимъ примѣчаніемъ къ 115 ст. того же Положенія». Что же касается характера отношеній волостныхъ правленій къ живымъ, насущнымъ интересамъ будто бы самоуправляющейся крестьянской волости, то, по замѣчанію гласнаго дмитріевскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Кусакова, со стороны волостныхъ правленій «мы видимъ самоуправство, безконтрольность, растраты мірскихъ суммъ, злоупотребленія волостныхъ писарей, а крестьянамъ вслѣдствіе всего этого часто приходится прибавлять сверхъ законныхъ окладовъ еще незаконные». Такая полная неудача, постигшая попытку ввести волостное самоуправленіе, не служитъ ли доказательствомъ неспособности крестьянъ завѣдывать своими дѣлами безъ посторонней опеки? Задавшись этимъ вопросомъ, московская уѣздная земская управа высказываетъ слѣдующія любопытныя замѣчанія: «Трудно допустить, чтобы крестьяне, обнаруживающіе чрезвычайную способность къ разрѣшенію самыхъ сложныхъ вопросовъ по распоряженію мірскими землями, ко всевозможнымъ разсчетамъ по разверсткѣ и уравненію земельныхъ участковъ и т. д., были лишены способности къ правильному веденію денежнаго общественнаго хозяйства, къ установленію разумныхъ способовъ учета своихъ должностныхъ лицъ,—словомъ, къ самостоятельному управленію своими мірскими дѣлами. Если, несмотря на фактическую свободу и отсутствіе надзора и вмѣшательства со стороны начальства, крестьянское самоуправленіе не получило развитія и не упрочилось, если и теперь, черезъ 20 лѣтъ свободы и самоуправленія, крестьяне не научились такому простому дѣлу, какъ повѣрка дѣйствій ихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергались крестьянскія общества со стороны учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, несмотря на невмѣшательство послѣднихъ. Контроль надъ должностными лицами, предоставленный закономъ самимъ обществамъ, ускользнулъ изъ ихъ рукъ, потому что надъ ними установилась другая контрольная инстанція, помимо которой общества не могутъ дѣйствовать. Бездѣятельность этой инстанціи, медленность ея дѣйствій, результатомъ которой стало то явленіе, что «признаки проступковъ должностныхъ лицъ нерѣдко утрачиваютъ свой первоначальный и дѣйствительный характеръ», привела къ тому, что значеніе крестьянскихъ должностныхъ лицъ исказилось: эти лица обратились въ начальство, облеченное властью и въ глазахъ міра безотвѣтственное, и мало-по-малу надзоръ общества за ихъ дѣйствіями прекратился. Отсюда почти безграничное вліяніе волостнаго старшины, писаря, иногда даже старосты».

Во главѣ крестьянскаго волостнаго управленія стоитъ волостной старшина, должность котораго, благодаря необузданному полицейскому произволу, доведена до послѣдней степени униженія. «Положеніе 19 февраля 1861 года, — говоритъ лубенское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе,—учредивши общественное управленіе сельскихъ обществъ и волостей, имѣло въ виду исключительно крестьянскія дѣла. Но постепенно одинъ изъ главныхъ факторовъ этого управленія, волостной старшина, утрачиваетъ характеръ органа общественнаго управленія и обращается въ самый низшій органъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя учрежденія, завѣдывающія управленіемъ уѣзда, функціонируютъ чрезъ волостнаго старшину, и только лишь при его участіи. При такомъ положеніи дѣлъ въ дѣятельности волостнаго старшины, завѣдываніе крестьянскими дѣлами отходитъ на послѣдній планъ». Положеніе волостнаго старшины предъ многочисленнымъ начальствомъ, съ одной стороны, и предъ крестьянами — съ другой — до такой степени затруднительно и невыносимо, что даже самое жалованье не привлекаетъ на эту должность честныхъ, хорошихъ людей, сознающихъ въ себѣ человѣческое достоинство. «Если принять въ соображеніе,—говоритъ кременчугское уѣздное присутствіе,—что старшина исключительно избирается изъ самыхъ зажиточныхъ домохозяевъ, который въ собственномъ своемъ хозяйствѣ потеряетъ несравненно больше имъ получаемаго; когда сообразить, насколько принижается его значеніе, которымъ онъ до того пользовался въ общественной средѣ, и насколько оскорбляется его нравственное чувство примѣненіемъ къ нему мѣръ дисциплинарной власти, насколько онъ подверженъ имущественной отвѣтственности за могущія быть взысканія по общественному достоянію, бывши, по причинѣ своей неграмотности, въ полномъ распоряженіи вольнонаемнаго волостнаго писаря,—не удивительно будетъ, что отъ этой должности бѣгутъ лучшіе люди. Найдутся люди замѣстить эту должность, но не въ виду льстящаго ихъ самолюбію положенія, а въ виду возможности воспользоваться тѣмъ, что представляетъ это положеніе». По словамъ лубенскаго уѣзднаго присутствія, «въ волостные старшины идутъ люди, вкусившіе прелестей власти, съ цѣлью матеріальныхъ выгодъ. Ни одинъ дѣйствительно уважаемый и достойный домохозяинъ не пойдетъ въ волостные старшины, объясняя это тѣмъ, что онъ не желаетъ быть помыкаемъ каждымъ и сидѣть въ арестантскихъ. Исключительное право уѣздныхъ исправниковъ подвергать старшинъ аресту утвердило крестьянъ въ этомъ мнѣніи». Точно такъ же прилуцкое уѣздное присутствіе высказываетъ, что «въ настоящее время волостныя правленія и волостные урядники находятся въ зависимости и подъ распоряженіемъ всѣхъ почти безъ исключенія учрежденій и лицъ, какую-либо власть имѣющихъ. Начиная отъ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій, губернскихъ и полицейскихъ управленій, и кончая становыми приставами и даже конно-полицейскими урядниками, всѣ имъ приказываютъ, предписываютъ и тре-

буютъ исполненія ихъ предписаній, а въ лицѣ уѣзднаго исправника и становаго пристава налагаютъ на нихъ штрафы и аресты. Если къ этому присоединить еще и право непремѣннаго члена единолично карать волостныхъ урядниковъ, то значительная часть службы урядниковъ будетъ занята отсиживаніемъ арестовъ, а сами они будутъ окончательно сбиты съ толку... При такомъ положеніи урядниковъ весьма естественно то явленіе, что часто самые лучшіе и почтенные люди уклоняются отъ принятія этихъ должностей, а принимаютъ ихъ люди, разсчитывающіе *вымостить свое незавидное служебное положеніе на мошенничествѣ и притѣсненіи подчиненныхъ имъ крестьянъ*». Не менѣе рѣзкими и характерными чертами обрисовываетъ униженное положеніе волостныхъ старшинъ гласный варнавинскаго уѣзднаго земскаго собранія, Лебедевъ. По его словамъ, «превращеніе должностей волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ въ самыхъ низшихъ служителей фискальнымъ и полицейскимъ цѣлямъ повело къ тому, что всѣ порядочные люди отъ этихъ званій откупаются предъ обществомъ виномъ и идутъ лишь люди, имѣющіе цѣлью наживу и разгулъ. Да иначе и быть не можетъ. Какой истинный представитель народа согласится быть волостнымъ старшиной, когда всякій шагъ его дѣятельности парализуется униженіемъ его предъ народомъ? Всякое должностное лицо въ уѣздѣ, начиная съ урядника, возлагаетъ на него всевозможныя обязанности, присущія только низшему полицейскому служителю, а при малѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія ихъ неминуемо слѣдуютъ замѣчанія, выговоры, штрафы и аресты». По словамъ гласнаго смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Черевина, крестьянское такъ-называемое самоуправленіе дошло до такого окончательнаго паденія, что «въ волостные старшины крестьяне выбираютъ того, кого имъ прикажутъ». Вообще волостные старшины до такой степени дурно зарекомендовали себя въ глазахъ народа, что таврическая губернская земская управа ожидаетъ даже особеннаго благополучія для крестьянъ отъ упраздненія этой должности. Тогда, по мнѣнію управы, «устранится незаконное и вредное вліяніе на мірскія дѣла волостныхъ канцелярій, кабатчиковъ, міроѣдовъ, опирающихся теперь на власть старшины для своего далеко не безкорыстнаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ и ихъ сходовъ».

Сельское управленіе находится въ такомъ же точно униженномъ положеніи, въ такомъ же подчиненіи полиціи, какъ и волостное управленіе. Все, что было сказано о волостномъ старшинѣ, съ одинаковою справедливостью можетъ быть повторено относительно сельскихъ старостъ. «Съ первыхъ поръ установленія сельскаго управленія,—говоритъ кременчугское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе,—въ сельскіе старосты выбирались лучшіе люди по способностямъ и самые авторитетные въ средѣ своего общества; они высоко цѣнили почетъ, оказанный имъ выборомъ. Но когда пылъ поостылъ, когда онъ, не вознаграждаемый за свой служебный трудъ, увидалъ, что выполненіе возложенныхъ положеніемъ

на него обязанностей забираетъ у него все время, а вслѣдствіе этого вызываетъ полное разстройство его хозяйства; когда онъ увидѣлъ трудность выполнить требованія со стороны прежде бывшихъ и вновь установленныхъ различныхъ учрежденій, за невыполненіе которыхъ своевременно на него падаетъ отвѣтственность и дисциплинарныя взысканія,—тогда, прослуживъ трехлѣтіе, такой староста предъявлялъ право свое, на основаніи ст. 119 Общ. Полож. о крест., отказаться отъ выборной службы. Общество, сознавая основательность поводовъ, сознало справедливымъ такую тяготу разложить на всѣхъ своихъ членовъ, и *выборная должность старосты перешла въ очередную*». По словамъ лубенскаго уѣзднаго присутствія, «въ сельскіе старосты сходы назначаютъ на одинъ годъ по очереди, при чемъ очередь никогда не доходитъ до богатыхъ и уважаемыхъ людей,—они всегда откупятся,—и *выбираются исключительно бѣдные и преимущественно сомнительной репутаціи*. Самая большая награда старостѣ—удалить его съ занимаемой должности». Точно также, по замѣчанію гласнаго кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Лебедева, сельскіе старосты, подобно тому, какъ и волостные старшины, *порабощены и приниженны* властью исправника. Онъ находитъ, что отъ этихъ должностей бѣгутъ всѣ порядочные и зажиточные мужики, потому что ихъ тяготитъ произволъ полиціи и та безцеремонность въ обращеніи съ должностными лицами крестьянскаго самоуправленія, благодаря которой крестьяне теряютъ всякое уваженіе къ своимъ старостамъ и старшинамъ. А между тѣмъ этимъ сельскимъ старостамъ, обратившимся въ безпрекословныхъ исполнителей приказаній полиціи и утратившимъ всякое уваженіе крестьянъ, предоставлена закономъ обширная власть по своему личному усмотрѣнію подвергать крестьянъ взысканіямъ, какъ-то: арестовать до двухъ дней, штрафовать до рубля, назначать на общественныя работы до двухъ дней. «Невольно рождается вопросъ,—говоритъ по этому поводу таврическая губернская земская управа, отчего въ то время, какъ мѣщане, ремесленники и разночинцы не подвергаются взысканію иначе, какъ по суду, крестьяне, составляющіе большинство населенія, лишены этого ограждающаго ихъ личность права? Нѣтъ сомнѣнія, что это—остатокъ крѣпостной зависимости и если въ переходное время могло быть терпимо, то теперь, когда крестьяне сдѣлались полноправными, существованіе подобной безконтрольной власти надъ ними не имѣетъ никакого основанія».

Будучи поставлено въ тягостную зависимость отъ полицейскаго произвола, крестьянское самоуправленіе не нашло въ самомъ себѣ достаточно силы для борьбы съ нимъ. Въ то же самое время оно лишено возможности искать помощи въ этой борьбѣ у органовъ земскаго самоуправленія, которое находится въ одинаковыхъ съ нимъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что, по справедливому замѣчанію московской уѣздной земской управы, у насъ «учрежденія общественныя не имѣютъ между

собой никакой связи: управленіе крестьянское поставлено совершенно отдѣльно отъ управленія земскаго и въ послѣднее время, какъ сказано выше, подчинено полиціи. Вслѣдствіе этого земскія учрежденія, не имѣя надлежащей связи съ мѣстностью, находясь въ положеніи, далекомъ отъ населенія, въ значительной степени теряютъ свое истинное значеніе и пріобрѣтаютъ бюрократическій характеръ, несовмѣстный съ дѣйствительнымъ самоуправленіемъ». Притомъ же наши земскія учрежденія не могутъ оказать значительной помощи крестьянству и потому еще, что въ нихъ преобладаютъ элементы, враждебные этому сословію. «Устройство земскаго представительства,—говоритъ гласный тверскаго губернскаго земскаго собранія, г. Линдъ,—не совершенно, не полно, а въ отношеніи къ крестьянамъ представляетъ несправедливость, вслѣдствіе которой представительство ихъ въ земствѣ слабѣе, чѣмъ бы оно должно быть по дѣйствительному числу крестьянскаго населенія». Объ отсутствіи связи между земскимъ и крестьянскимъ самоуправленіемъ комиссія череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія утверждаетъ, что оно есть дѣло правящихъ классовъ, которые всегда и во всемъ успѣвали внести элементъ недовѣрія въ отношенія центральнаго управленія къ мѣстному. «Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ ослабить связь земства съ мѣстностью и мѣстнымъ обществомъ была организація представительства не по округамъ, а по группамъ землевладѣнія. Редакторы земскаго Положенія, проектируя представительство по группамъ, опасались демократизма земскихъ собраній. А между тѣмъ этою мѣрою земство уѣздное было лишено всякаго вліянія на дѣла мѣстнаго, крестьянскаго самоуправленія». Поэтому нѣкоторыя земства, какъ, напримѣръ, таврическое, совершенно справедливо высказываютъ, что успѣхъ крестьянскаго самоуправленія будетъ вполнѣ обезпеченъ только въ томъ случаѣ, «если земское представительство будетъ измѣнено въ томъ направленіи, чтобы земскія собранія сдѣлались дѣйствительными выразителями народныхъ пользъ и нуждъ».

Такимъ образомъ вопросъ о правовомъ положеніи крестьянскаго сословія не только ближайшимъ образомъ затрогиваетъ интересы всѣхъ остальныхъ государственныхъ сословій, но находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о существованіи господствующихъ у насъ порядковъ управленія. Всѣмъ ясно, что крестьянство не можетъ оставаться долѣе въ теперешнемъ положеніи и что правительство необходимо должно уничтожить тѣ несправедливости въ отношеніи крестьянъ, на которыя указываютъ представители земства. Но, съ другой стороны, очевидно, что нельзя поправить дѣло никакими частными мѣрами, пока будетъ существовать та система, которая основана на беззащитности гражданъ предъ произволомъ. Эта мысль дѣлаетъ весьма замѣтные успѣхи среди земскихъ дѣятелей и даже была выражена въ постановленіяхъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній. Мы увѣрены, что этой мысли предстоитъ быстрый и блестящій успѣхъ. Но во всякомъ случаѣ полагаемъ не безполезнымъ замѣтить, что

успѣхъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, если сторонники этой идеи на всѣ попытки улучшить положеніе крестьянскаго сословія частными мѣропріятіями, представляющими собою какъ бы нашивку новыхъ лоскутьевъ на старое, дырявое рубище,—будутъ смотрѣть съ высоты общихъ принциповъ, ни на минуту не теряя ихъ изъ виду и не отклоняясь въ сторону. Тотъ, кто хочетъ одержать верхъ въ борьбѣ съ какою бы то ни было господствующею въ жизни общества системой, долженъ раздавить ей голову; а эта голова есть принципъ, проникающій всю систему и составляющій живую душу ея. Но всякій принципъ обладаетъ жизненною силой до тѣхъ поръ, пока на смѣну его не явится новый болѣе сильный и болѣе великій принципъ, пока онъ не явится открыто, не заявитъ о себѣ всенародно и не увлечетъ народную массу ослѣпительнымъ блескомъ своего величія. Припомните борьбу старыхъ боговъ съ новыми въ миѳологіи древняго міра. Старый, одряхлѣвшій богъ съ ненавистью и злобою видитъ рожденіе своего дѣтища, новаго бога, и принимаетъ жестокое рѣшеніе умертвить его. Но юный богъ скрывается въ неизвѣстности отъ ярости стараго бога. Онъ—богъ юный, могучій богъ, но еще не пришло время ему явиться въ мірѣ и утвердить свое владычество надъ вселенною; оттого и скрывается юный богъ во тьмѣ, невѣдомый міру, ревниво охраняемый пока еще немногими вѣрными служителями своими отъ злобной ярости стараго бога. Но вотъ юный богъ возмужалъ, явился въ мірѣ, окруженный сонмомъ своихъ служителей, и міръ, увлеченный божественнымъ величіемъ юнаго пришельца, повергаетъ къ ногамъ его стараго, безсильнаго бога и радостными криками привѣтствуетъ начало владычества новаго бога.

Гдѣ теперь нашъ юный, желанный богъ? Не настала ли для него пора возмужалости? Не время ли ему явиться въ обветшавшемъ мірѣ и обновить нашу жизнь?...

....скій.

Хроника французской жизни.

Биржевая катастрофа и ея послѣдствія.—Кабинетъ Фрейсинэ и проекты прежняго и нынѣшняго министерствъ.—Новыя книги: „La tribune moderne“ Вильмена и „L'instruction publique et la révolution“ Альберта Дюрюи.—Обзоръ періодическихъ изданій.—Процессъ Зола.—Кончина Шарля Блана.

Паденіе Гамбетты и составленіе новаго министерства блѣднѣютъ въ глазахъ парижанъ передъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ колоссальнымъ крахомъ банка Union Générale. Во Франціи не было ничего подобнаго со временъ Ло. Французское дворянство, бросившееся тогда съ азартнемъ въ биржевыя спекуляціи, окончательно уронило свое достоинство во мнѣніи низшихъ классовъ, привыкшихъ видѣть въ дворянинѣ презрѣніе ко всѣмъ торговымъ предпріятіямъ; гордые аристократы явились вдругъ жадными эксплуататорами бѣднаго люда и озарили яркимъ свѣтомъ свое собственное нравственное растлѣніе. Бонту разыгрываетъ въ настоящее время роль Ло по отношенію къ католическому духовенству и всей клерикальной партіи.

Въ Парижѣ идутъ самые разнорѣчивые толки о послѣдствіяхъ краха. Кто говоритъ, что графъ Шамборъ потерялъ семь милліоновъ, а папа—милліонъ; духовныя конгрегація до сего дня не могутъ еще привести въ извѣстность цифру потерянныхъ ими капиталовъ. Несомнѣнно, что легитимисты и клерикалы на половину раззорены; герцогъ де-Ларошфуко-Бизацціо (Larochefoucault Bisaccio) заплатилъ нѣсколько милліоновъ франковъ за 12.000 акцій; онъ могъ бы, продавъ ихъ, мѣсяцъ тому назадъ, выручить 36 милліоновъ, теперь же ему придется еще приплатить 375 франковъ за каждую акцію. Клерикалы и легитимисты пострадали не одни: многіе либералы, питая въ глубинѣ души довѣріе къ финансовой непогрѣшимости Общества Іисуса, также повѣрили ему свои капиталы, въ томъ числѣ и m-me Edmond Adam, поплатившаяся за свое легковѣріе нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ.

Многія стороны этого дѣла еще мало извѣстны публикѣ, но ему суждено оставить глубокій слѣдъ въ нашей современной жизни; оно служитъ новымъ доказательствомъ, какъ неумѣстно смѣшеніе религіи съ финансо-

выми предпріятіями. Банкротство Лонгранъ-Дюмонсо сдѣлалось историческимъ преданіемъ въ Бельгіи. Общество Union Générale было основано 24 октября 1876 года, подъ девизомъ «Ad majorem Dei gloriam». Въ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья велась дѣятельная пропаганда о необходимости употребить священные милліоны на разореніе невѣрующихъ и жидовъ; имѣлось въ виду завладѣть всѣмъ европейскимъ рынкомъ, кредитовать всѣхъ королей, пріобрѣсти всѣ желѣзныя дороги, всѣ пароходныя линіи, руды, заводы и т. д., повергнуть все и вся къ подножію священнаго престола и тѣмъ осуществить идеалъ теократической Европы. Евреямъ часто совѣтовали выкупить Іерусалимъ, забывая при томъ, что міровыя задачи не разрѣшаются звонкою монетою; но евреи были слишкомъ разсудительны, чтобы пуститься на эту аферу. За то католики польстились надеждой выкупить деньгами божественное право во Франціи и свѣтскую власть въ Италіи. 24 октября 1876 года появилось въ печати первое объявленіе Общества, въ заглавіи котораго стояло слѣдующее: «Учредители общества Union Générale получили спеціальное благословеніе въ видѣ автографа отъ святѣйшаго отца». Въ объявленіи изложена цѣль Общества: «Сгруппировать капиталы католиковъ и обратить ихъ въ могучій рычагъ; централизировать финансовыя операціи эпархій, общинъ, духовенства, миссій и частныхъ лицъ; доставить заимодавцамъ хорошій доходъ и вѣрное обезпеченіе на ихъ капиталы, а заемщикамъ облегчить полученіе ссудъ, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ интересы заимодавцевъ; открыть эпархіямъ, конгрегаціямъ и католическимъ благотворительнымъ обществамъ финансовый кредитъ, въ которомъ они нуждаются, и способствовать къ распространенію и поддержанію всякихъ операцій, которыя будутъ признаны полезными и нравственными».

Въ томъ же объявленіи между прочимъ было сказано:

«Всѣ финансовые обороты римской куріи будутъ исполняться безплатно, за исключеніемъ почтовыхъ расходовъ». Даже типографія, въ которой банкъ печаталъ свои объявленія и бланки, имѣла опредѣленный колоритъ и состояла подъ фирмой «Jules Le Clerc et C-ie—издатели его святѣйшества папы и архіепископа парижскаго». Составъ совѣта также прямо указывалъ на политическія и религіозныя тенденціи Общества: онъ весь состоялъ изъ корифеевъ легитимизма и клерикализма; тутъ красовались не только цвѣтъ аристократіи, но и представители католической прессы, въ лицѣ двухъ редакторовъ клерикальныхъ газетъ въ Парижѣ—виконта Майоль де-Люпне, редактора Union, и Эженъ Вёйльё, редактора Univers.

Бонту поступилъ въ совѣтъ въ 1878 году; онъ былъ извѣстенъ какъ усердный католикъ, имѣлъ связи съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ, состоялъ директоромъ значительной австрійской желѣзнодорожной линіи и пользовался почетомъ при вѣнскомъ дворѣ. Онъ нашелъ, что банкъ ведетъ свои операціи слишкомъ скромно, и совѣтовалъ расширить кругъ его

дѣйствій. Директоръ совѣта маркизъ де-Плёнинъ, прежній директоръ государственнаго банка во Франціи, и члены совѣта Дервьё и Дюма-Декомбъ, люди умѣренные, не пожелали принять участіе въ смѣлыхъ оборотахъ, предлагаемыхъ Бонту, и вышли изъ совѣта; ихъ замѣнили герцогъ Брольи и де-ла-Бульери. Въ 1879 году банкъ выпустилъ 50.000 новыхъ акцій. Въ ноябрѣ 1880 года капиталъ Общества возросъ до 100 милліон. франковъ, а въ ноябрѣ 1881 года онъ достигъ 150 милл. Union Générale учредилъ банки въ Австріи, затѣмъ затѣялъ громадныя предпріятія въ Бразиліи, Румыніи и Сербіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Revue Nouvelle явилась статья, поздравляющая Сербію съ первымъ шагомъ къ просвѣщенію и сулящая ей золотыя горы отъ операцій знаменитыхъ европейскихъ финансистовъ. При первомъ извѣстіи объ арестѣ Бонту сербскій министръ финансовъ прибылъ въ Парижъ... Не пришлось бы сербамъ дорого поплатиться за свое довѣріе къ иностраннымъ аферистамъ...

5 ноября 1881 года Бонту произнесъ въ общемъ собраніи акціонеровъ рѣчь, которая можетъ послужить образцомъ сплетенія лжи, шарлатанства и религіознаго лицемѣрія. Рѣчь слишкомъ обширна, чтобъ ее передать цѣликомъ. Бонту указывалъ въ ней на возвышенныя цѣли Общества и опирался на честность его операцій, которымъ благопріятствуетъ какая-то невидимая сила. Распространяясь о блестящемъ финансовомъ положеніи Общества, онъ иронически коснулся того недовѣрія, съ которымъ трезвые финансисты уже въ то время относились къ несообразному повышенію акцій Union Générale, и назвалъ ихъ обвиненія наглою клеветой. Онъ счелъ удобнымъ въ своей рѣчи громогласно отказаться отъ названія «католическаго банка», присвоеннаго Обществу публикой, и завѣрялъ, что сліяніе религіозной идеи съ денежными оборотами немыслимо, что выставленіе креста въ видѣ магнита, притягивающаго деньги, прямо противорѣчитъ его личнымъ убѣжденіямъ, что онъ признаетъ религіозное чувство лишь какъ источникъ отреченія, а отнюдь не какъ проводникъ матеріальныхъ интересовъ; при всемъ томъ онъ заявилъ себя усерднымъ католикомъ и высказалъ увѣренность въ тождественности убѣжденій своихъ собратій. Описывая цвѣтущее положеніе банка, онъ воскликнулъ: «Чему же тутъ удивляться, что наше промышленное предпріятіе утроило, учетверило свои капиталы? Въ нашемъ положеніи нѣтъ ничего искуственнаго. Мы задались цѣлью стать на высоту экономическихъ требованій вѣка. Всѣ говорятъ, что намъ повезло и люди называютъ это счастьемъ; мы же вѣримъ въ невидимую силу, благословившую наши труды, и до сего дня не ошибались въ своихъ упованіяхъ». И дѣйствительно, Обществу Union Générale казалось какъ бы предназначено свыше поглотить всѣхъ соперниковъ. Деньги такъ и валили въ его кассы: къ 31 декабря 1881 года однихъ вкладовъ было болѣе ста милліоновъ, акціи его все подымались и на три тысячи франковъ стояли выше пари; на дѣлѣ же Общество само поддерживало за кули-

сами синдикатъ маклеровъ, хлопотавшій подпольными путями о повышеніи его акцій. Въ одинъ прекрасный день въ кассахъ Общества оказались вмѣсто денегъ его собственныя акціи. Пониженіе пошло съ неимовѣрною быстротой. Крахъ разразился и цѣнность пресловутыхъ акцій въ настоящую минуту равняется нулю. Одна газета по этому случаю обратилась къ Бонту со стихомъ изъ трагедіи Расина «Athalie»: «Dieu des Juifs tu l'emportes!» («Богъ евреевъ, ты побѣдилъ!») Банкъ, основанный съ цѣлью разорить Ротшильда, обратился къ нему за помощью; но, при пересмотрѣ книгъ, на свѣтъ Божій выступили такія неблаговидныя продѣлки, что Ротшильдъ долженъ былъ отказать банку въ своемъ содѣйствіи. Послѣдовало банкротство ліонскихъ маклеровъ, парижская биржа сильно пострадала, тысячи частныхъ лицъ изъ богатыхъ стали нищими. Вотъ результаты клерикальнаго надувательства. Бонту, президентъ совѣта, и Федеръ, директоръ Общества, оба подверглись аресту. На судебномъ допросѣ одинъ сваливалъ на другаго отвѣтственность за обнаруженныя противозаконныя дѣйствія. Судебное разбирательство можетъ продлиться очень долго. Процессъ разоблачитъ, по всей вѣроятности, много интереснаго. Въ немъ будутъ замѣшаны представители высшей аристократіи и ожидаютъ, что онъ превзойдетъ интересомъ даже знаменитый процессъ Мирeса. Членамъ совѣта будетъ трудно выпутаться, хотя весьма вѣроятно, что они все-таки какъ-нибудь да вывернутся. Сенъ-Жерменское предмѣстье облеклось въ трауръ,—сколько знатныхъ именъ компрометировано! Помимо будущаго судебнаго рѣшенія, можно утвердительно сказать, что эта катастрафа нанесла тяжелый ударъ нравственному авторитету католическаго міра, отъ котораго ему немыслимо оправиться; что же касается до его матеріальныхъ средствъ, то они такъ велики, что стѣсненіе можетъ быть только временное. Инсинуаціи, будто бы крахъ произошелъ отъ интригъ еврейскихъ банкировъ, вполнѣ несправедливы. Фиктивное повышеніе акцій не могло не повлечь за собой банкротства. 17 февраля Бонту и Федеръ освобождены отъ предварительнаго ареста; съ нихъ взято по 50.000 франковъ залога.

Толки, вызванные биржевымъ крахомъ, заглушили шумъ паденія великаго министерства. На нашемъ небосклонѣ опять померкла звѣзда; а сколько можно насчитать въ нашей исторіи погаснувшихъ свѣтилъ! У французскаго народа склонность къ восторгу такъ развита, что, по неимѣнію великихъ людей, онъ ихъ создаетъ самъ. Отдѣльныя партіи выбираютъ себѣ кумира, воображеніе публики воспламеняется, метеоръ свѣтитъ нѣкоторое время во всемъ блескѣ и пропадаетъ, замѣняясь новымъ. Мало ли у насъ было такихъ звѣздъ? Объ Жюль Фаврѣ прокричали, что онъ—знаменитый ораторъ, тогда какъ онъ всегда оставался второстепеннымъ адвокатомъ; генерала Трошю, заурядnаго болтуна, возвели въ великіе полководцы; теперь на время закатилась звѣзда Гамбетты, такъ ярко сіявшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на политическомъ небосклонѣ Франціи.

Гамбетта вышелъ въ люди въ 1869 году по протекціи Тьера. Делеклюзъ, другъ Ледрю-Роллена, увлекся звучностью его голоса; но послѣ несчастій, разразившихся надъ Франціей въ 1870 году, компетентные люди стали предугадывать неспособность Гамбетты: Жоржъ-Зандъ находила его вульгарнымъ; Тьеръ честилъ его бѣшенымъ сумасбродомъ; Ланфре называлъ его управленіе «диктатурой неспособности»; Греви, въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ, высказывалъ то же мнѣніе. Но Гамбетта имѣлъ ловкость вселить убѣжденіе, что онъ спасъ бы Францію, еслибъ ему была предоставлена свобода дѣйствій, тогда какъ его воззваніе: «бой до конца»— было сдѣлано въ послѣднюю минуту и безъ всякаго искренняго убѣжденія, съ тою только цѣлью, чтобы выгородить себѣ самому отступленіе. Онъ остался республиканскимъ вождемъ и уѣхалъ въ Сенъ-Себастіанъ, бросивъ товарищей, съ которыми боролся сообща до паденія имперіи; онъ остался цѣлъ, а имъ пришлось, цѣною жизни, искупать тѣ принципы, за которые онъ ратовалъ съ ними за-одно. На Гамбетту возлагались большія надежды, которыя онъ не оправдалъ. Онъ сдѣлалъ промахъ при первомъ же дебютѣ своего министерства, выказавъ слишкомъ явно свою неуступчивость. Онъ захотѣлъ навязать себя палатѣ, а палата отреклась отъ него. Его личные друзья отвернулись отъ него, когда увидали, что онъ подбираетъ себѣ сотрудниковъ помимо ихъ; этимъ уклоненіемъ отъ своей партіи онъ выказалъ явное намѣреніе подобрать себѣ личныя орудія для укрѣпленія личной власти. Является вопросъ: окончилъ ли Гамбетта свое поприще? Авторитетъ его сильно пошатнулся, но можно смѣло сказать, что его политическая карьера не кончена. Очень вѣроятно, что онъ вернется на сцену скорѣе, чѣмъ многіе этого ожидаютъ. Палата, избранная подъ двойнымъ вліяніемъ президента совѣта Ферри и Гамбетты, доставила имъ вмѣстѣ взятымъ огромное большинство, но врозь ни у того, ни у другаго нѣтъ солиднаго большинства. Но если палата, свергнувшая Гамбетту, задумаетъ возстать противъ Ферри и теперешняго кабинета, ей грозитъ распущеніе, такъ какъ сенатъ несомнѣнно поддержитъ кабинетъ, который пришелся ему по сердцу. Гамбетта воспользуется случаемъ, выступитъ въ оппозиціи и сгруппируетъ около себя радикаловъ и непримиримыхъ на борьбу съ умѣренной и реакціонною партіей, что несомнѣнно удастся ему если не въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, то въ провинціи. Гамбетта поставилъ самъ себя въ странное положеніе: онъ разошелся съ крайнею партіей и не съумѣлъ сблизиться съ умѣренной, смотрѣвшей на него какъ на громоотводъ. Можно ли себѣ представить политическаго дѣятеля, враждующаго съ консервативною силой, въ лицѣ духовенства и финансоваго міра, и единовременно озлобляющаго противъ себя народъ? Однако, оно такъ и было: наканунѣ своего вступленія въ министерство Гамбетта рукоплескалъ на атеистической конференціи Поля Беръ; достигши власти, онъ сталъ въ непріязненныя отношенія съ Ротшильдомъ и объявилъ непримиримымъ, что онъ съумѣетъ разыскать ихъ въ логовищахъ,

въ которыхъ они противъ него бунтуютъ. Каждый здравомыслящій человѣкъ спрашивалъ себя: на комъ же Гамбетта основываетъ свою силу?... А все-таки повторяю, что Гамбетта можетъ въ скоромъ времени восторжествовать: оппортюнизмъ—болѣзнь, отъ которой Франція еще не вылѣчилась. Это—крупный эгоизмъ, прикрашенный громкими фразами; люди хлопочутъ о своемъ личномъ благоденствіи и ублажаютъ себя иллюзіей, что они хлопочутъ о благоденствіи и свободѣ народа. Новое министерство само проложитъ Гамбеттѣ путь къ возвращенію. Оно дебютировало тѣмъ, что похоронило вопросъ о пересмотрѣ конституціи, вотированный палатой. Кабинетъ сразу ставитъ себя въ оппозицію палатѣ; ему мудрено будетъ осуществить реформы, ожидаемыя страной, а Гамбетта похлопочетъ о томъ, чтобы затормозить ходъ дѣлъ. Кабинетъ составленъ изъ людей честныхъ, благонамѣренныхъ, но не рѣшительныхъ. Г. де-Фрейсинэ болѣе инженеръ, чѣмъ политическій дѣятель; его особенно интересуетъ канализація; въ дѣлахъ внѣшней политики у него нѣтъ иниціативы; онъ желаетъ каждому угодить. Сэ—союзникъ Ротшильда. Ферри займется народнымъ просвѣщеніемъ. Это еще лучшая сила министерства. Министру торговли Жираръ придется какъ-нибудь улаживать свободу торговли съ требованіями нѣкоторыхъ протекціонистовъ. Военное вѣдомство сулитъ большія реформы.

О министерствѣ де-Фрейсинэ говорятъ, что оно составлено изъ четырехъ отрицаній; уже нѣтъ рѣчи ни о пересмотрѣ конституціи, ни о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, ни о займахъ съ погашеніемъ. Въ грамматикѣ говорится, что два отрицанія равносильны утвержденію, а въ политикѣ можно усомниться въ положительности четырехъ отрицаній. Въ пользу новаго министерства можно указать на высказанное имъ уваженіе къ свободѣ, что понравилось и правой и лѣвой. Крайнія партіи объ опасались преслѣдованія, но Фрейсинэ своею рѣчью всѣхъ успокоилъ. Въ ней онъ коснулся также вопроса объ административной децентрализаціи; до сего времени общины не имѣютъ права самостоятельной дѣятельности и каждое ихъ распоряженіе должно быть одобрено министромъ и палатами, рѣшающими дѣла по мнѣнію префектовъ. Однѣ сельскія общины имѣютъ право выбирать себѣ мера, городскіе же меры назначаются правительствомъ; эти порядки тяготятъ общины, которыя желаютъ установленія общинной автономіи. Министерство Фрейсинэ можетъ разсчитывать на сочувствіе различныхъ партій, но хватитъ ли у него иниціативы? Весьма вѣроятно, что политическіе дѣятели, управлявшіе Франціей въ послѣдніе годы, будутъ опять придерживаться прежней своей программы, основанной на отсрочкахъ; но требованія страны дѣлаются болѣе и болѣе настойчивыми, да къ тому же въ дѣлахъ внѣшней полити могутъ со дня на день произойти такія усложненія, о которыхъ теперешніе министры и не помышляютъ. Послѣ министерства Гамбетты остался цѣлый запасъ проектовъ; произнося послѣднюю свою рѣчь, онъ сказалъ, указывая на свой портфель и на портфели своихъ товарищей: «Всѣ наши проекты готовы и,

что бы ни случилось, вы их получите». Онъ сдержалъ слово: всѣ павшіе министры передаютъ свои проекты, приготовленные для представленія палатѣ, въ канцелярію президента совѣта или печатаютъ ихъ въ дружелюбныхъ имъ газетахъ.

Проектъ о судебной реформѣ весьма посредственъ. Онъ ограничивается расширеніемъ компетентности мировыхъ судей, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ судовъ первой инстанціи, выборомъ судей съ цѣлью подобрать республиканскую магистратуру, какъ это дѣлалось во времена имперіи, посредствомъ ограниченія лѣтъ службы; по этой системѣ очищаются ваканціи, которыя правительство замѣщаетъ своими клевретами. Многіе требуетъ избранія членовъ апелляціонныхъ судовъ общею подачей голосовъ, съ тѣмъ, чтобъ имъ предоставить право назначать на извѣстный срокъ судей низшихъ инстанцій и членовъ окружныхъ судовъ; но никто не увлекается мыслью имѣть судей гамбеттистовъ или гревистовъ на мѣсто монархистовъ; тутъ мало шансовъ на безпристрастіе и справедливость, необходимыя для правильнаго судопроизводства.

Поль Беръ, пробывшій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ министромъ просвѣщенія и вѣроисповѣданій, заявилъ себя защитникомъ конкордата. Онъ составилъ съ своимъ пріятелемъ Кассаньяри проектъ въ 30 параграфахъ подъ заглавіемъ: «Проектъ о гарантіяхъ для свободнаго исповѣданія католической вѣры во Франціи». По этому проекту министерство вѣроисповѣданій обращается въ какое-то полицейское учрежденіе. Атеистъ Поль Беръ относится къ католической религіи такъ же, какъ его христіаннѣйшее величество король Людовикъ XIV относился къ реформатской. Проектъ Бера выходитъ въ обратномъ смыслѣ отмѣненіемъ нантскаго эдикта, а его примѣненіе конкордата не что иное какъ отрицаніе самого конкордата. Врядъ ли этотъ проектъ найдетъ поддержку. Правда, общественное мнѣніе возбуждено противъ привилегій, которыми пользовалось духовенство, вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ ему разными правленіями; но, несмотря на сочувствіе, оказанное Ферри за его распоряженія противъ іезуитовъ и конгрегацій, самыя анти-клерикальныя партіи предпочли бы политику общаго права. Поль Беръ хотѣлъ бы безусловно подчинить священниковъ министерству: по его проекту они должны, подъ угрозой штрафовъ и тюремнаго заключенія, просить разрѣшенія на полученіе каждой буллы, отлучки и т. д.; по этой системѣ духовныя лица, архіереи и священники, обратились бы въ простыхъ чиновниковъ, отвѣтственныхъ передъ правительствомъ за каждое дѣйствіе, за каждое слово. Такой порядокъ вышелъ бы, пожалуй, еще тягостнѣе культуркампфа Бисмарка, отъ котораго ему пришлось отказаться послѣ весьма непродолжительнаго испытанія. Еслибы проектъ Бера былъ утвержденъ, то онъ, несомнѣнно, вызвалъ бы собою сильную реакцію. Люди самые нерелигіозные, но справедливые, заступились бы за бѣдныхъ священниковъ и стали бы протестовать противъ полицейскаго насилія надъ ними. При составленіи своего проекта, Поль Беръ упустилъ изъ вида,

что во Франціи существуютъ еще понятія о честности и логикѣ. Французскому характеру несвойственно отговариваться софизмами. Если гамбеттистскіе органы, въ родѣ Voltaire, съ одной стороны отнеслись сочувственно къ проекту Бера, то, съ другой, онъ подвергся жестокимъ нападкамъ радикальныхъ газетъ, какъ La Justice Клемансо и Intransigeant—Рошфора. На Пасхѣ предполагается въ Парижѣ большой анти-клерикальный конгрессъ для обсужденія вопроса отдѣленія церкви отъ государства. Инициатива конгресса принадлежитъ обществу «Union démocratique de propagande anticléricale», существующему подъ почетнымъ президентствомъ Виктора Гюго и Луи Блана; въ немъ примутъ участіе многіе депутаты и сенаторы, а провинціальные комитеты его пришлютъ своихъ представителей. Нѣтъ сомнѣнія, что конгрессъ выскажется, какъ и въ прошломъ году, за полное отдѣленіе церкви отъ государства, за уничтоженіе конкордата и за полную свободу вѣроисповѣданій въ силу общаго права.

Другой проектъ предыдущаго министерства относится къ распространенію права сходокъ на всѣхъ гражданъ, за исключеніемъ монаховъ. Къ католической церкви хотятъ теперь примѣнить тотъ же принципъ, по которому она сама такъ часто отказывала во всѣхъ правахъ своимъ противникамъ. Новые якобинцы повидимому заблуждаются не менѣе графа Жозефа де-Метръ и его школы.

Съ точки зрѣнія общественной пользы, проекты, выработанные министерствомъ Гамбетты, ниже всякой критики. Г. Форъ, статсъ-секретарь министерства торговли, приготовилъ два проекта: одинъ для регулированія отвѣтственности за несчастные случаи на фабрикахъ, промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ; другой — объ учрежденіи страховыхъ кассъ для огражденія отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній. По проекту, касса въ пользу хозяевъ учреждается правительствомъ, а капиталъ составляется изъ процента, взимаемаго съ платы рабочимъ; эта прекрасная реформа имѣетъ цѣлью оградить хозяевъ, не внесшихъ страхованіе въ какую-нибудь частную компанію, отъ убытковъ и отвѣтственности, возложенныхъ на нихъ за увѣчья, получаемыя ихъ рабочими во время службы у нихъ же на фабрикахъ. Не доказываетъ ли этотъ документъ полное равнодушіе Гамбетты къ пролетаріату и къ вопросамъ, волнующимъ рабочія массы? Проекты, предложенные министерствомъ де-Фрейсинэ, не такъ многочисленны, но болѣе солидны. Первый проектъ касается права избранія меровъ, которое будетъ возвращено муниципальнымъ совѣтамъ департаментскихъ городовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Гобле, сказалъ по этому поводу, что «правительство, надѣясь на разсудительность населенія, не желаетъ поддерживать систему недовѣрія къ избранникамъ большихъ и среднихъ городовъ». Парижъ, однако, изъятъ изъ этой либеральной мѣры, что подало поводъ новому президенту муниципальнаго совѣта Сонжонъ сказать: «Итакъ, Парижъ дѣлается предметомъ исключи-

тельнаго закона въ тотъ самый моментъ, когда англійскій парламентъ даруетъ трехъ-милліонному лондонскому населенію самостоятельность, которой вѣками пользовалось Сити. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ полная общинная автономія. Въ Нью-Іоркѣ болѣе милліона жителей; какъ сдѣлать удобопонятнымъ американцу, что если населеніе Нью-Іорка возрастетъ до двухъ милліоновъ, городъ сдѣлается несовершеннолѣтнимъ и будетъ подлежать правительственной опекѣ? Намъ возражаютъ, что Парижъ—столица, мѣстопребываніе правительства. Это только общее мѣсто, софизмъ, не выдерживающій критики. Парижъ, находящійся подъ рукой правительства, составляющій центръ его силы, тѣмъ менѣе можетъ внушать ему опасеній: онъ всегда съумѣетъ оправдать довѣріе и честное къ нему отношеніе правительства; онъ имѣетъ то же право, какъ и всѣ общины республики, на избраніе своего мера и своего муниципалитета, какъ это было установлено закономъ 1790 года. Муниципалитету должна быть предоставлена административная власть на управленіе, въ предѣлахъ соблюденія государственныхъ законовъ, финансами, учебной и санитарными частями, полиціей и общественными зданіями города, дабы дать ему возможность сообразовать свои дѣйствія съ интересами и желаніями избирателей, которыхъ муниципалитетъ состоитъ представителемъ. Всѣ административныя реформы, о которыхъ мы хлопочемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, истекутъ изъ закона, который утвердитъ муниципальную эмансипацію Парижа». Къ сожалѣнію, требованія Парижа, повидимому, и на сей разъ останутся неудовлетворенными.

Къ законопроекту объ избраніи меровъ министръ внутреннихъ дѣлъ прибавилъ еще весьма либеральную статью, предлагающую удаленіе изъ муниципальныхъ совѣтовъ маленькихъ общинъ лицъ, платящихъ экстренные налоги и получающихъ черезъ это право голоса въ совѣтѣ. Это новый шагъ къ равенству передъ закономъ. До сего времени существовало постановленіе, что въ маленькихъ общинахъ, которыхъ доходъ менѣе ста тысячъ франковъ, при каждомъ экстренномъ налогѣ или займѣ, обложенныя лица призываются на обсужденіе дѣлъ въ равномъ числѣ съ членами совѣта. Въ докладной запискѣ, гдѣ выставлены побудительныя причины, вызвавшія законопроектъ, сказано: «Подобное учрежденіе еще понятно при системѣ ограниченной подачи голосовъ, когда избирательное право опиралось на цензѣ и законодательныя палаты относились благосклонно къ расширенію вліянія лицъ, пользующихся цензомъ; но и въ то время эта мѣра считалась отсталой. Немыслимо, какъ она могла устоять въ нашемъ законодательствѣ при установленіи общей подачи голосовъ и свободнаго представительства интересовъ. Нынѣ она является чѣмъ-то ненормальнымъ, прямо идущимъ въ разрѣзъ съ системой общей подачи голосовъ, которая не можетъ допустить, чтобъ уплата какого-нибудь налога предоставляла извѣстной категоріи лицъ право обсуждать интересы гражданъ наравнѣ съ лицами, избранными съ этою цѣлью.

Присоединеніе къ муниципальному совѣту лицъ, платящихъ экстренные налоги, никогда не избавляло общины отъ непредвидѣнныхъ расходовъ и займовъ. Дѣло правительства указывать общинамъ, какимъ путемъ онѣ могутъ избѣгнуть чрезмѣрныхъ расходовъ, обременительныхъ для населеній; приглашеніе же въ совѣтъ лицъ только потому, что они платятъ налоги, не только противорѣчитъ основнымъ законамъ нашего политическаго права, но крайне неудобно для правильнаго исполненія служебныхъ обязанностей мѣстныхъ муниципальныхъ совѣтовъ».

Но оставимъ политику и перейдемъ къ литературѣ.

Г-жа Аленъ-Тарже, дочь Вильмена, жена бывшаго министра финансовъ кабинета Гамбетты, издала посмертное сочиненіе своего отца: «La tribune moderne en France et en Angleterre» («Современная трибуна во Франціи и въ Англіи»). Первый томъ былъ напечатанъ еще въ 1858 году и исключительно посвященъ Шатобріану, хотя нельзя согласиться съ авторомъ, что ораторское искусство Шатобріана стояло на высотѣ литературнаго значенія, которымъ онъ пользовался въ свое время. Вообще, приходится мало сочувствовать восхищенію Вильмена къ тому, что онъ называетъ «современною трибуной», т.-е. къ парламентаризму реставраціи и царствованія Людовика-Филиппа. Рѣчи когда-то прославившіяся потому только, что затрогивали страсти того времени, теперь кажутся намъ просто скучными; но эта эпоха такъ тѣсно связана съ нашими теперешними дѣлами, что она не лишена интереса для современниковъ, и потому разсматриваемая книга пользуется успѣхомъ. Вильменъ тщательно отдѣлываетъ каждую фразу; онъ напоминаетъ Лагарпа, ставившаго реторику выше политики и литературы. Реставрація и время царствованія Луи-Филиппа, когда каждый министръ былъ академикомъ, представлялись Вильмену лучшимъ временемъ въ исторіи человѣчества. Онъ никогда не могъ помириться съ ихъ паденіемъ. Судьба не дала ему радости пережить имперію: онъ умеръ 8-го мая 1870 года, въ день знаменитаго плебисцита, сулившаго долговѣчность Наполеоновской династіи, когда паденіе ея было такъ близко. Вильменъ не сознавалъ, что лучшія стороны тѣхъ правленій, которыми онъ восхищался, суть плоды ненавистнаго ему режима. Да, это дары, перешедшіе по наслѣдству отъ революціи и имперіи, столь ненавистныхъ Вильмену и его партіи. Не на школьныхъ скамьяхъ образовались лучшіе ораторы реставраціи. Лафайетъ научился краснорѣчію на полѣ битвы, сражаясь обокъ съ Вашингтономъ или импровизируя свои рѣчи къ парижскому населенію въ 1789 году; парламентскія рѣчи генерала Фуа носятъ отпечатокъ его бивуачной жизни; изученныя фразы кабинетныхъ витій устарѣли; экспромпты военныхъ и народныхъ вождей по сію пору приводятъ въ востогъ литературный міръ. Смѣшно, что приверженцы Бурбоновъ ставятъ реставраціи въ достоинство борьбу, которую вели противъ нея бойцы, почерпнувшіе свои силы во враждебныхъ ей источникахъ. Вильменъ, кото-

рый раздавалъ въ академіи призы добродѣтели, награждаетъ призами краснорѣчія ораторовъ весьма второстепенныхъ. Англичанинъ Фоксъ — единственный первоклассный ораторъ, выставленный имъ; между французами онъ выводитъ сперва Шатобріана, потомъ де-Серра, Руайе-Коллара, изящныхъ говоруновъ, но никакъ не даровитыхъ ораторовъ. Нельзя не улыбнуться, видя рядомъ съ Фоксомъ имя Демуссо де-Живре, зятя Вилльмена, котораго громкія рѣчи противъ политики Гизо уже давно преданы забвенію. Посмертное сочиненіе Вилльмена не знакомитъ насъ ни съ какими новыми фактами, но оно ярко освѣщаетъ ненависть къ общей подачѣ голосовъ доктринѣрной партіи во Франціи, еще такъ недавно, во время президентства маршала Макъ-Магона, бывшей во власти. Эта партія украшаетъ аттрибутами богини Свободы свой собственный идолъ, который въ сущности не что иное какъ олигархія. Въ разсужденіяхъ Вилльмена отражаются взгляды его единомышленниковъ, державшихся въ сторонѣ во время имперіи и изливавшихъ свою желчь противъ нея въ салонныхъ сарказмахъ и намёкахъ. Вилльменъ изучаетъ Фокса довольно подробно. Знаменитый англичанинъ обезсмертилъ себя пламенною симпатіей къ жертвамъ несправедливости своей родины, къ Америкѣ и Франціи. Когда въ 1774 году лордъ Нортъ упорно отказывалъ въ уступкахъ американцамъ, Фоксъ съ трибуны воскликнулъ: «Ни лордъ Чатамъ, ни король прусскій, ни Александръ Великій не побѣдили столько странъ, сколько ихъ проиграло англійское министерство въ одну кампанію,—лордъ Нортъ разомъ лишилъ Англію цѣлаго материка». Рядомъ съ сильнымъ характеромъ Фокса, Вилльменъ выводитъ блѣдные силуэты лорда Грей и посредственныхъ французскихъ парламентскихъ вождей. Вилльменъ не докончилъ біографіи Руайе-Коллара, который въ эпоху реставраціи нѣсколько разъ выступалъ на арену и съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ пытался остановить Бурбоновъ на пути слѣпой реакціи. Впослѣдствіи онъ умолкъ и имъ восторгались лишь по преданію. Альфредъ де-Виньи какъ-то разъ обратился къ нему, чтобы заручиться голосомъ для полученія кресла въ академіи, но Руайе-Колларъ сознался ему, что онъ уже давно не читаетъ новыхъ книгъ и не знакомъ ни съ его именемъ, ни съ его произведеніями; тѣмъ не менѣе онъ постоянно участвовалъ въ совѣтѣ академіи, присуждавшемъ преміи новымъ книгамъ. Дочь Вилльмена поясняетъ, что отецъ ея оставилъ сочиненіе недоконченнымъ — «по равнодушію французскаго общества, во время имперіи, къ трибунѣ и парламентской жизни», мы же объясняемъ себѣ этотъ фактъ узкостью рамки, выбранной Вилльменомъ. Изучая «современную трибуну», онъ исключилъ Мирабо, Верньо, Дантона, Грегуара, Лафайета, Ламарка,—словомъ, всѣхъ тѣхъ, которыхъ могучее слово увлекало нѣсколько поколѣній и раздавалось по всей Европѣ.

Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ Франція усердно занимается организаціей народнаго просвѣщенія. Пока разсужденія ограничиваются вопро-

сомъ о распространеніи школъ и вотированіи фондовъ, дѣло идетъ какъ по маслу; но какъ коснутся методовъ, всѣ становятся въ тупикъ. Вся страна находится подъ гнетомъ нравственныхъ недоумѣній, напоминающихъ конецъ XVIII вѣка; увлекаясь тѣми же иллюзіями, ей предстоитъ то же разочарованіе. Г. Альбертъ Дюрюи, сынъ министра народнаго просвѣщенія въ царствованіе Наполеона III, издалъ на дняхъ весьма любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: «L'instruction publique et la révolution» (народное просвѣщеніе и революція), въ которомъ онъ знакомитъ публику съ весьма интересными документами, раскрывающими взгляды временъ французской революціи на дѣло народнаго образованія. При вступленіи онъ напоминаетъ, что еще до революціи существовало во Франціи множество школъ, которыя поддерживались разными налогами съ церковныхъ доходовъ и, слѣдовательно, находились въ рукахъ духовенства. Государство, объявивъ открытую войну церкви, уничтожило всѣ эти фонды и должно было обратиться къ изысканію другихъ средствъ для устройства и содержанія школъ. Къ тому же всѣ книги, въ которыхъ преподавалась вѣрность королю и папѣ, стали негодными въ глазахъ правительства, свергнувшаго короля и игнорировавшаго папу. Казалось немыслимымъ выбраться изъ этого лабиринта, и потому весьма интересно прослѣдить, какими путями представители народа шли къ разрѣшенію столь трудной задачи. Конечно, они шли ощупью, но и въ наше время мы еще не достигли желанной ясности взглядовъ. Первый проектъ о реформѣ народнаго образованія принадлежитъ Мирабо. Его основная идея та, что образованіе должно быть вполнѣ свободное, предоставленное «усердію учителей и соревнованію учениковъ»; онъ допускаетъ, однако, что, въ виду сложившихся обстоятельствъ, правительство обязано временно дать образованію національное направленіе. Затѣмъ слѣдовалъ проектъ Талейрана, предлагавшаго освободить ребенка отъ рутинной дисциплины и ввести въ школу изученіе политики. Каждая школа должна была представлять собою маленькую республику; ребенка слѣдовало ознакомить, на первыхъ же порахъ, съ декларацією человѣческихъ правъ; для изученія общественной жизни предлагалось обсужденіе, устное или письменное, политическихъ и административныхъ вопросовъ; устраивая въ школѣ суды и муниципальныя собранія, ученики поочередно разыгрывали бы роли судей, присяжныхъ, обвинителей и т. д. Въ глазахъ Талейрана ребенокъ есть не что иное какъ гражданинъ-ученикъ. Кондорсе, разработавшій проектъ послѣ Талейрана, задался цѣлью образовать «современнаго человѣка». Затѣмъ Лепелетье де-Сенъ-Фаржо предложилъ взять примѣръ съ спартанскаго общественнаго воспитанія. Всѣ мальчики отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, всѣ дѣвочки отъ пяти до одиннадцати, должны были поступать въ общественные дома и воспитываться на счетъ государства. Въ этихъ заведеніяхъ не полагалось прислуги; всѣ домашнія обязанности возлагались на старшихъ дѣтей, при-

Въ февральской книжкѣ Revue des Deux Mondes г. Каро разбираетъ современную критику и ея упадокъ. Во французскихъ журналахъ вы найдете скорѣе рекламу, чѣмъ критику. Литераторы не успѣваютъ читать; они пересмотрятъ предисловіе, заглянутъ въ конецъ и—съ нихъ довольно. Молодой человѣкъ, которому было поручено написать біографію живописца Шарле, жаловался въ присутствіи редактора большой газеты, что онъ не могъ узнать мѣсто его рожденія. «Васъ это затрудняетъ?—спросилъ редакторъ.—Вы можете очень просто разрѣшить задачу; начните фразой: «Кому неизвѣстно мѣсто рожденія Шарле?»—Каро жалуется на прискорбныя послѣдствія упадка критики, отражающіяся на духѣ общества; онъ говоритъ: «Публика перестаетъ думать, потому что ее не поучаютъ, какъ слѣдуетъ думать». Онъ видитъ зло въ торопливости, съ которою работаютъ литераторы нашего времени, и въ чрезмѣрномъ размноженіи газетъ. По нашему мнѣнію, не въ томъ корень зла: онъ кроется въ общемъ отсутствіи принциповъ; никто не знаетъ, чему надо вѣрить, что любить; каждый восхищается самимъ собою, и совѣсть постепенно заглушается. Каро передаетъ весьма характеристичный анекдотъ, вѣроятно случившійся съ нимъ лично. Журналистъ врывается къ литературной знаменитости.—«Завтра въ моей газетѣ появится статья о васъ,—помогите мнѣ кончить ее».—«Статья обо мнѣ»?—«Да, необходимо завтра напечатать ее, а то насъ опередятъ другія газеты. Она почти готова, нужно только ее закончить».—«Но вы меня не знаете?»—«Нѣтъ».—«Вы меня никогда не видали?»—«Это ничего не значитъ».—«Вы не читали моихъ сочиненій?»—«Когда мнѣ! Да это совсѣмъ лишнее,—на то есть біографическій лексиконъ... Сообщите мнѣ только какой-либо анекдотъ о себѣ для заключенія».—«Да у меня нѣтъ никакихъ анекдотовъ».—«Ну, и безъ нихъ обойдемся. Я помѣщу одинъ изъ тѣхъ, которые ходятъ по городу».—«Но предупреждаю васъ, что они всѣ вымышленные».—«Это ничего не значитъ, лишь бы было пикантно». Не мало академиковъ составляютъ біографіи тѣмъ же путемъ, хотя не такъ откровенны въ своихъ объясненіяхъ.

Въ той же книжкѣ адмиралъ Жюрьенъ де-ла Гравьеръ издалъ, подъ заглавіемъ: «Наслѣдство Дарія», статью о побѣдахъ Александра Великаго. «Я называю законными,—говоритъ авторъ,—тѣ побѣды, которыя улучшаютъ бытъ побѣжденныхъ». Несомнѣнно, что греки и римляне стояли въ нравственномъ развитіи выше побѣжденныхъ ими варваровъ. Къ счастію, современное пониманіе человѣческихъ правъ идетъ далѣе взглядовъ почтеннаго автора: въ наше время начинаетъ упрочиваться мнѣніе, что никто не имѣетъ права навязывать счастія другому помимо его воли. Интересны появившіеся въ томъ же нумерѣ Revue des Deux Mondes мемуары д-ра Мёньера о заточеніи герцогини де-Берри. Король Луи-Филиппъ прикомандировалъ доктора Мёньеръ къ особѣ своей племянницы, которую держалъ въ заключеніи до родовъ. Д-ръ Мёньеръ самъ по себѣ лицо довольно незна-

чительное и разсказъ его интереснъ только сообщаемыми имъ подробностями; онъ передаетъ слова Луи-Филиппа, сказанныя ему въ оправданіе своихъ дѣйствій: «То, что называлось когда-то государственною пользой и было источникомъ поступковъ, такъ жестоко поставляемыхъ въ укоръ правительствамъ, стало въ наше время крайнею неизбѣжностью. Министръ, желающій сохранить за собой большинство въ палатѣ и популярность, предписываетъ законы главѣ государства и добивается отъ него согласія даже на мѣры, которыя тотъ порицаетъ. Пришлось мнѣ заглушить въ себѣ чувства кровнаго родства, потому что министръ этого захотѣлъ». Нельзя также повѣрить искренности увѣреній Луи-Филиппа, говорившаго, что ему часто хочется отказаться отъ содѣйствія заключенію герцогини «и подкинуть ей ключъ подъ дверь». Въ Revue Nouvelle Жюль Гишаръ сообщаетъ интересныя подробности объ опытахъ колонизаціи Суэзскаго перешейка. Лессепсъ выговорилъ себѣ земли при прорытіи перешейка и привлекъ поселенцевъ, которые съ удовольствіемъ принялись за обработку плодородной почвы, подъ правильнымъ европейскимъ управленіемъ. Подстрекаемый Англіей, ходивъ за дорогую цѣну выкупилъ у европейцевъ эти земли. Притѣснительныя мѣры египетскихъ властей разогнали поселенцевъ, поля заброшены и авторъ выводитъ изъ этого факта заключеніе, что въ Алжирѣ также пора подчинить туземное населеніе безпристрастному и правильному управленію, но врядъ ли французская бюрократія скоро рѣшится отстать отъ рутинныхъ формъ и вступить на путь болѣе плодотворный и цѣлесообразный.

Очень трудно свыкнуться съ теперешнею страстью авторовъ разоблачаться передъ публикой. Эрнестъ Доде уже ознакомилъ насъ съ мельчайшими подробностями жизни своего брата, Альфонса; во второй январской книжкѣ Revue Nouvelle самъ Альфонсъ Доде сообщаетъ намъ «Исторію своихъ книгъ»; тутъ уже не разоблаченіе, а просто анатомическое разсѣченіе. Авторъ, при жизни, раскрываетъ читателю каждый самый затаенный уголокъ своей внутренней жизни. Несмотря на личное тщеславіе автора, сообщающаго читателю всѣ подробности зачатія, беременности и появленія на свѣтъ каждаго своего литературнаго произведенія, нельзя не согласиться, что исповѣдь Доде не лишена интереса,—она знакомитъ насъ съ методой писанія современныхъ беллетристовъ. У нихъ вдохновеніе отодвигается на второй планъ; они не пишутъ подъ вліяніемъ чувствъ переполняющихъ душу, жаждущую излить свой внутренній міръ на бумагу,—у нихъ на первомъ планѣ разсчетъ, какъ удачнѣе подладиться подъ вкусъ читающей публики. Доде самъ разсказываетъ, какъ послѣ неудачи на парижской сценѣ какой-то его пьесы, представлявшей южные нравы, онъ убѣдился, что парижанамъ можно только угодить изображеніемъ ихъ собственной атмосферы, «а эта задача была для меня очень легкая,—говоритъ онъ:—стоило только поискать въ письменномъ столѣ; у меня тамъ множество тетрадокъ, въ которыя я въ продолженіе двадцати лѣтъ записываю что бы не случилось

видѣть и слышать: удачное слово, движеніе, характерный типъ—все записано». Изъ этого, конечно, можно составить что угодно, но эта метода не свойственна геніальнымъ писателямъ: она убиваетъ вдохновеніе; хотя нельзя отрицать, что въ сочиненіяхъ Доде есть сердечная теплота, въ нихъ проглядываетъ, по его собственнымъ словамъ, любовь Диккенса къ униженнымъ и оскорбленнымъ, къ малолѣтнимъ жертвамъ разврата большихъ городовъ. Доде разсказываетъ, какъ онъ ощупью создаетъ своихъ героевъ, пробуетъ эффекты на слушателяхъ и пристаетъ къ женѣ и друзьямъ за совѣтами, оставить ли героя въ живыхъ, или приговорить его къ смерти. Вотъ какимъ способомъ наши беллетристы достигаютъ желаемаго эффекта на современную публику. Доде упоминаетъ о литературномъ кружкѣ, собиравшемся пять или шесть лѣтъ тому назадъ у Флобера, и разсказываетъ, что Зола и Гонкуръ въ то время завидовали успѣшной распродажѣ его романовъ: нынѣ сочиненія этихъ авторовъ расходятся сотнями изданій и они видятъ въ этомъ вѣнецъ своей славы; не ошибаются ли они однако, разсчитывая на долговѣчность этихъ лавровъ?

Въ февральской книжкѣ Revue Nouvelle Луи Ульбахъ напечаталъ подъ заглавіемъ: «Мысли королевы» — выдержки изъ тетради королевы Елизаветы Румынской, привезенной имъ изъ Букареста, куда онъ ѣздилъ, по приглашенію Росетти и Братіано, по окончаніи вѣнскаго международнаго литературнаго конгресса. Ульбахъ говоритъ въ началѣ своего предисловія, что «женщины, вносящія въ альбомъ приходящія имъ въ голову мысли, по обыкновенію, бываютъ если не наивныя пансіонерки, то матроны, разыгрывающія весталокъ, или избалованныя подобострастіемъ жеманницы, изрекающія законы». Далѣе остроумный писатель дѣлаетъ обзоръ всѣмъ женщинамъ, которыя прославились своими записками и размышленіями; въ мемуарахъ m-me Д'Агу онъ видитъ «драпированное разочарованіе», въ запискахъ г-жи Свѣчиной—«мистическую будуарную фразеологію»; онъ находитъ болѣе естественности въ размышленіяхъ королевы Елизаветы, издавшей уже на нѣмецкомъ языкѣ сборникъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Carmen Sylva.

Передадимъ нѣсколько изъ этихъ мыслей: «Каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ Прометея—создателя, мятежника и мученика». «Человѣкъ похожъ на скрипку: когда лопнетъ послѣдняя струна, онъ превращается въ кусокъ дерева». «Если мы сотворены по образу и подобію Божію, то каждый изъ насъ долженъ созидать». «Мущины изучаютъ женщину какъ барометръ, но понимаютъ ее только на слѣдующій день». «Мы торопимся внести въ молодыя страны просвѣщеніе государствъ, имѣющихъ долгое историческое прошлое. Это такъ же неестественно, какъ заставить вставною челюстью выпавшіе молочные зубы ребенка». «Никогда нельзя быть утомленнымъ жизнію; можно только чувствовать утомленіе отъ самого себя». Мы не связаны вѣжливостью, которая обязательна для Луи Ульбаха, получившаго рукопись отъ самой писательницы, и позволимъ

себѣ замѣтить, что въ этихъ мысляхъ королевы не видно ни оригинальности, ни особеннаго остроумія. Ульбахъ упрекаетъ г-жу Свѣчину въ томъ, что она, увлекаясь своею болтовней, доходитъ до ереси, называя чудесами «les coups d'état de Dieu». Между тѣмъ королева, въ другихъ своихъ афоризмахъ опредѣляющая набожность тоской о раѣ, выдаетъ свое внутреннее чувство неувѣренности въ существованіи загробной жизни; видно, что она склоняется къ прискорбной нѣмецкой философіи, проповѣдующей, что наша душа расплывается въ невѣдомыхъ пространствахъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ наше тѣло возвращается къ первымъ началамъ. «Послѣ смерти,—пишетъ королева,—тѣло наше распадается на тысячи атомовъ. Почему же полагать, что душа сохранитъ свою цѣльность? Изъ нея могутъ образоваться тысячи атомовъ, которые разойдутся въ пространствѣ!» Если вѣрить испаренію душъ, то ужь не логично бесѣдовать о Богѣ, Христѣ и Голгофѣ.

На дняхъ начался въ Парижѣ по поводу новаго романа Зола «Pot bouille» процессъ весьма интересный для литературнаго міра. Нельзя умолчать, что новое произведеніе извѣстнаго романиста, печатающееся въ фельетонѣ Gaulois, превосходитъ всѣ предыдущія и можетъ быть прямо отнесено къ порнографіи. Тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ процесса, справедливость на сторонѣ Зола. Стряпчій Дюверди обидѣлся, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Pot bouille» названо его именемъ, и потребовалъ судебнымъ порядкомъ, чтобъ имя было измѣнено. Зола торжественно увѣряетъ, что онъ не имѣлъ понятія о существованіи Дюверди и никогда не былъ съ нимъ знакомъ, и что при написаніи послѣдняго своего романа онъ даже не преслѣдовалъ «никакихъ нравственныхъ цѣлей». Мы не можемъ согласиться съ основательностью послѣдняго заявленія: къ подобнымъ чтеніямъ невозможно относиться безразлично. Если авторъ воображаетъ, что онъ отклоняетъ читателя отъ разврата своими описаніями, выбранными изъ самыхъ омерзительныхъ эпизодовъ, онъ ошибается: въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ какъ человѣкъ, вздумавшій распространить заразу по городу съ цѣлью наглядно показать жителямъ вредъ міазмовъ, но въ отношеніи Дюверди Зола правъ, когда отстаиваетъ свободу писателя называть своихъ дѣйствующихъ лицъ какими именами ему вздумается, иначе литераторамъ безпрестанно угрожали бы судебныя взысканія. Дюверди напрасно обидѣлся,—Зола никогда не былъ съ нимъ въ личныхъ сношеніяхъ и ничѣмъ не коснулся его интимной жизни. Покойному президенту парижскаго муниципальнаго совѣта, Вотрену, слѣдовало бы такимъ образомъ начать судебное преслѣдованіе противъ Бальзака, назвавшаго его именемъ отъявленнаго негодяя; но никому не приходило въ голову смѣшивать президента съ дѣйствующимъ лицомъ романа Бальзака. Академикъ Руссъ принялъ на себя защиту Дюверди. Онъ былъ избранъ въ академики изъ благодарности за то, что защищалъ конгрегаціи. Онъ счелъ своимъ долгомъ произнесть обвинительную рѣчь противъ школы натуралистовъ; но вопросъ далеко не рѣшенъ, что лучше: школа натура-

листовъ или академическій застой; живая судомойка во всякомъ случаѣ пріятнѣе восковой куклы, какъ бы послѣдняя ни была разукрашена. Требованія Дюверди совсѣмъ несообразны; онъ не допускаетъ даже измѣненія орѳографіи имени, а проситъ, чтобъ оно было совершенно исключено изъ романа, ссылаясь на законъ о «злоупотребленіи именемъ».

Жоржъ Зандъ выставила въ одномъ изъ своихъ романовъ («Maupгat») обѣднѣвшую дворянскую семью, живущую разбоемъ. Казалось бы, что подобныя приключенія должны оставаться навсегда въ области фантазіи, но состоявшійся на дняхъ приговоръ окружнаго суда въ Бретаньи разоблачилъ въ дѣйствительности рядъ преступленій не менѣе романтическихъ и ужасныхъ. Знатная когда-то фамилія Керангаль Дезесаръ, дошедшая до крайняго обѣднѣнія, породнилась съ простыми крестьянами, сохранивъ при этомъ родовую гордость и необузданность порывовъ; все семейство проживало одними преступленіями, которыя долго оставались безнаказанными; наконецъ, глава семейства задушилъ мужа своей любовницы, судъ вмѣшался и присяжные приговорили его къ вѣчной каторжной работѣ. Во время слѣдствія обнаружилось все прошлое этого семейства. Одна изъ сестеръ Дезесаръ привлечена къ судебной отвѣтственности за убійство мужа, крестьянина, случившееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ; судъ открылъ слѣды этого злодѣянія при арестѣ брата и обнаружилъ всю подноготную этихъ благородныхъ бандитовъ.

Въ январѣ умеръ академикъ Шарль Бланъ; на его гражданскихъ похоронахъ присутствовалъ весь оффиціальный міръ. Онъ—братъ знаменитаго историка Луи Блана, корсиканецъ по происхожденію, родственникъ семейства Поццо ди-Борго. Политическое положеніе брата помогло Шарлю Блану въ его карьерѣ; онъ посвятилъ себя критикѣ искусства и былъ два раза директоромъ департамента изящныхъ искусствъ, превращеннаго Гамбеттою въ отдѣльное министерство. Это былъ знатокъ искусства, заботившійся о томъ, чтобы развить пониманіе о немъ въ салонахъ. Онъ написалъ цѣлую книгу, какъ слѣдуетъ хорошенькимъ женщинамъ одѣваться по правиламъ эстетики. Намъ кажется, что хорошенькая дѣвушка сама инстинктивно пойметъ, какъ ей нарядиться къ лицу, безъ совѣтовъ ученаго академика, а что касается до дамъ, исключительно преданныхъ нарядамъ, онѣ и безъ такого поученія тратятъ черезчуръ много времени на украшеніе своихъ особъ. Въ 1878 году Шарль Бланъ получилъ каѳедру эстетики въ Collége de France. Онъ развивалъ въ своихъ лекціяхъ правила, по которымъ частныя лица могутъ украшать свои дома съ артистическимъ вкусомъ. Покойный написалъ «Исторію живописцевъ», «Грамматику рисованія» и работалъ почти вплоть до смерти надъ ученымъ трудомъ, которому далъ заглавіе: «Grammaire des arts décoratifs» и въ которомъ онъ объясняетъ основные законы орнаментаціи.

W***.

Парижъ.
20-го февраля.

Замѣтка по внѣшнимъ дѣламъ.

Journal de St.-Pétérsbourg продолжаетъ выписывать изъ австрійскихъ газетъ лишь одни успокоительныя извѣстія о герцеговинско-бокезскомъ возстаніи. Между прочимъ, она первая изъ издающихся въ Россіи газетъ поспѣшила перепечатать изъ Politische Correspondenz корреспонденцію изъ Мостара, въ которой говорится слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ, какъ черногорская стража, выставленная на границѣ Герцеговины и Далматіи, усилена и получаетъ припасы и деньги въ видѣ скромнаго вознагражденія за непріятную для нея службу противъ своихъ «сражающихся собратій»,—охрана границъ совершается болѣе дѣйствительнымъ и правильнымъ образомъ. Она раздѣляется на семь отрядовъ съ особыми начальниками; при каждомъ состоитъ письмоводитель, обязанный представлять ежедневно черногорскому правительству донесенія о всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ теченіе дня наблюденіяхъ. Для болѣе строгой повѣрки назначено двадцать перяниковъ (княжескихъ тѣлохранителей), которые ежедневно обходятъ стражу и также доносятъ правительству о своихъ наблюденіяхъ. Вотъ инструкція, данная стражѣ: «Никто безъ паспорта не пропускается изъ Герцеговины въ Черногорію, будетъ ли то отдѣльное лицо или цѣлое семейство. Черногорцы не могутъ переходить въ Герцеговину или Кривошіе иначе, какъ съ письменнаго дозволенія своего правительства, выданнаго нигдѣ болѣе какъ въ Цетиньѣ. Черногорскимъ властямъ воспрещается подъ угрозою личнаго задержанія выдавать пропускные билеты лицамъ неблагонадежнымъ или подозрительнымъ. Всякое пособничество возставшимъ герцеговинцамъ и кривошіянамъ, какъ-то: доставленіе оружія, военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, укрываніе перебѣжчиковъ или посылка добровольцевъ—строго воспрещается и подлежитъ судебному преслѣдованію». Одинъ начальникъ, пропустившій черезъ границу толпу бѣглецовъ, былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ и денежнымъ штрафомъ. Съ тѣхъ поръ бѣглецы неоднократно прогонялись отъ черногорской границы. Успѣвшіе проникнуть въ Черногорію лишены государственнаго содержанія».

Замѣчательно, что помѣстившій на другой день ту же корреспонденцію *Правительственный Вѣстникъ* опустилъ изъ нея тѣ мѣста, которыя выше напечатаны съ разбивкою шпаціями буквъ. Оффиціозный дипломатическій органъ не затруднился преподнести своимъ читателямъ весь цинизмъ нѣмецкой высоко-оффиціозной газеты, заключающійся въ томъ, что бѣдная черногорская стража, за скромное денежное вознагражденіе, отталкиваетъ отъ границъ своей земли несчастныя семейства, ищущія убѣжища отъ голода и насилія австрійскихъ солдатъ, а эти семейства связаны съ Черногоріей узами кровнаго родства, единовѣрія, постоянныхъ близкихъ сношеній и живыми воспоминаніями о взаимной помощи въ борьбѣ съ общими врагами. Тяжела такая жертва со стороны черногорцевъ; но тяжесть ея еще чувствительнѣе, когда нѣмецъ съ своей точки зрѣнія разглашаетъ по всей Европѣ, что она покупается за деньги. Черногорцы обыкновенно несутъ военную службу каждый на свой счетъ: съ своимъ оружіемъ, боевыми припасами, провіантомъ и одеждою; а тутъ имъ даютъ деньги,—ихъ покупаютъ для того, чтобъ они «энергично и добросовѣстно» отталкивали своихъ кровныхъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ! Что ждетъ этихъ несчастныхъ, безжалостно отталкиваемыхъ въ руки врага, извѣстно черногорцамъ болѣе чѣмъ намъ, состоящимъ, чрезъ безцеремонное нарушеніе почтовой конвенціи, подъ строгимъ надзоромъ австрійской цензуры, вскрывающей и уничтожающей письма и не допускающей телеграммъ на общеизвѣстныхъ языкахъ. Но и намъ извѣстно изъ печатныхъ извѣстій, что австрійскіе воины жгутъ живыхъ людей, насилуютъ женщинъ, прикалываютъ раненыхъ, стрѣляютъ въ бѣглецовъ. Такъ одинъ изъ Чонгичей, принадлежащій къ самому сильному въ Герцеговинѣ магометанскому роду, получившій двѣ пули въ грудь, былъ приколотъ штыкомъ послѣ того, какъ онъ далъ такіе отвѣты на предложенные ему вопросы: «Много ли васъ?—«Сочтите сами».—«Гдѣ твоя чета?»—«Тамъ, гдѣ долженъ быть каждый сербскій юнакъ», и т. д. Опуская вышеприведенное мѣсто изъ нѣмецкой корреспонденціи, *Правительственный Вѣстникъ*, конечно, выказалъ болѣе уваженія къ народному чувству.

Онъ также опустилъ то мѣсто въ корреспонденціи, гдѣ говорится о воспрещеніи пропуска въ Черногорію отдѣльныхъ бѣглецамъ и цѣлымъ семействамъ. Ясно, что тутъ идетъ рѣчь о женщинахъ, старикахъ и малолѣткахъ, ищущихъ безопаснаго пріюта отъ жестокостей войны и спасенія отъ голодной смерти. Такое распоряженіе князя Николая, очевидно, не согласуется съ международнымъ правомъ и тѣми гуманными началами, которыя оно защищаетъ. Не только безоружныя семейства, но и вооруженные отряды могутъ переходить въ нейтральное государство, которое обязано принять ихъ, обезоружить и водворить (интернировать) у себя до окончанія войны. Какъ представитель независимаго государства, князь Николай причиняетъ тѣмъ оскорбленіе международному праву, подчиняясь—разумѣется, по неволѣ—давленію Австріи. Гдѣ же противовѣсъ г. Іонина? Желательно бы

услыхать отъ самого профессора Мартенса, этого горячаго проповѣдника общеевропейскаго согласія на общечеловѣческихъ началахъ, разумное объясненіе такому распоряженію черногорскаго правительства.

Впрочемъ, ему и всѣмъ, кто сочувствуетъ мысли «Краснаго Креста», должно быть утѣшительно извѣстіе изъ Котора, сообщаемое тою же дипломатическою газетою, что, съ прибытіемъ въ этотъ городъ первыхъ раненыхъ австрійскихъ солдатъ, которая община сдѣлала воззваніе къ населенію, приглашая его придти на помощь раненымъ, попеченіями о нихъ и денежными пожертвованіями. Безусловно-прекрасное дѣло возбуждаетъ однако одностороннее утѣшеніе. А что дѣлается съ раненными подданными султана, возставшими потому только, что ихъ управители не оправдали довѣрія и не исполнили полномочія Европы, обнаруживши притомъ такія стремленія и такія посягательства на истребленіе всего туземнаго народнаго, при которыхъ никогда никакое управленіе въ рукахъ Австріи невозможно?

Этотъ вопросъ истекаетъ изъ самаго существа дѣла и есть чисто фактическій, безъ всякой примѣси чувства, высказывать которое въ данномъ случаѣ даже и не представляется надобности. Если герцеговинцы и босняки сражаются, то между ними непремѣнно есть раненые. Что же эти несчастные—умираютъ ли среди своихъ ущелій отъ голода и жажды, мучимые жгучими ранами, или плетутся къ родной черногорской границѣ, догоняемые сзади пулею солдата-хорвата и отталкиваемые спереди родною рукой черногорскаго стражника, или гибнутъ на полѣ битвы, прикалываемые штыкомъ изувѣрнаго мадьяра? Эти вопросы ставитъ сама дѣйствительность въ ея неопровержимой истинѣ. Здѣсь не нужно вовсе пристрастнаго сочувствія къ людямъ, отстаивающимъ лишь то, что дано имъ было Россіей по Санъ-Стефанскому договору,—людямъ, которыхъ, по свидѣтельству петербургскаго корреспондента одной вѣнской газеты, высшія петербургскія сферы называютъ «мятежниками», а газета Journal de St.-Pétérsbourg не перестаетъ еще признавать за «разбойниковъ». Здѣсь является общая мысль, для разрѣшенія которой настоящій случай представляется совершенно удобнымъ поводомъ. Вѣчное, общечеловѣческое, освященное христіанствомъ, чувство любви и состраданія должно ли умолкнуть и сложить свои спасительныя орудія помощи передъ нечистыми, своекорыстными, иногда исключительно личными похотѣніями дипломатіи? Что выше: Евангеліе ли съ притчею о добромъ Самарянинѣ и съ ученіемъ о христіанскомъ самоотверженіи, или дипломатическое представленіе о фарисейскомъ невмѣшательствѣ съ подкладкою самоуспокоенія? Пусть рѣшаетъ этотъ вопросъ та же дипломатическая газета Journal de St.-Pétérsbourg, которая, помнится, единственная изъ всѣхъ издающихся въ Россіи газетъ, когда-то напечатала у себя приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу жителей мадьярскаго города Сегедина, пострадавшихъ отъ наводненія, и...

воздержалась должнымъ образомъ отъ русскаго увлеченія пожертвованіями въ пользу южныхъ славянъ въ 1875 и послѣдующихъ годахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы весьма любопытно услышать отъ г. Мартенса точное и вполнѣ научное опредѣленіе положенія герцеговинцевъ относительно Австріи, признавшей, какъ извѣстно, по договору съ Турціей 9 апрѣля 1879 года, верховную власть султана надъ Босніей и Герцеговиной, а также его мнѣніе: имѣетъ ли право какой-либо изъ европейскихъ отрядовъ Краснаго Креста безъ благоволительнаго разрѣшенія Австріи придти на помощь раненымъ герцеговинцамъ и бокезамъ? Мы знаемъ, что великобританское правительство дозволяетъ своимъ подданнымъ безпрепятственно выражать дѣйствіемъ присущія всему человѣчеству чувства любви и сострадавія къ ближнему и оказывать страждущимъ помощь, когда бы и гдѣ бы то ни было. Подъ защитою представителей Великобританіи, ея подданные не были никогда ни тронуты, ни тѣмъ менѣе выпровожены съ жандармами за свои человѣколюбивые подвиги. Они свободно дѣйствовали въ 1876—1878 годахъ въ Босніи и Герцеговинѣ, когда русскимъ возбранено было проникать туда.

«Въ европейской международной политикѣ не можетъ быть двоякаго вѣса, ни двоякой мѣры», глубокомысленно замѣтила на дняхъ русская газета одного пошиба съ г. Мартенсомъ и петербургскимъ оффиціозомъ дипломатическаго вѣдомства. Развязность и самомнѣніе этой газеты достаточны для того, чтобы, наведя справку гдѣ слѣдуетъ, преподать русской публикѣ свой взглядъ по поводу воплей австрійскихъ газетъ о томъ, что русскіе доктора проникли въ Герцеговину. Хотя эти вопли оказались напрасными, потому что только одинъ русскій врачъ проѣхалъ черезъ Рущукъ, да и то по направленію въ Болгарію, однако какъ бы газета эта и та частица общественной среды, съ которою она соумышленна, поставили вопросъ международнаго права о безотносительной и дѣятельной христіанской любви, еслибы дѣйствительно европейскій Красный Крестъ водрузился на мѣстахъ человѣческой бойни, на которую европейская дипломатія предписываетъ взирать хладнокровно и недвижимо?

А. Майковъ.

Отчетъ по «Убѣжищу», что при Старой Екатерининской больницѣ для чернорабочихъ въ Москвѣ, за время отъ 1-го января 1881 года по 1-е января 1882 года.

Приходъ.

I. Въ пользу «Убѣжища» поступило пожертвованій:

а) Отъ М. Ѳ. Морозовой на 1881 и 1882 гг. 2.000 р., б) отъ разныхъ лицъ 1.037 р. 70 коп., в) чрезъ редакцію газеты *Русь* 1.077 р. 12 коп., г) чрезъ *Московскія Вѣдомости* 59 р. и д) отъ неизвѣстныхъ для содержанія въ «Убѣжищѣ» въ теченіе года пяти постоянныхъ коекъ 500 руб.

II. Чистой прибыли отъ базара 300 руб.

III. Чистой прибыли отъ концерта 500 р. Всего въ приходѣ 5.473 р. 82 коп.

Расходъ.

На квартиру для «Убѣжища» за 2 года впередъ 420 р., на первоначальное обзаведеніе 447 р. 15 к., на отопленіе и освѣщеніе 151 р. 92 к., на столъ 745 р. 72 к., на жалованье служащимъ 244 р. 35 к., на мыло, баню, извощиковъ и разный мелочной расходъ 83 р. 98 к. и на лѣкарства 30 р. 60 к.

На вспомоществованіе бывшимъ въ «Убѣжищѣ» бѣднымъ лицамъ: деньгами на выправку паспортовъ и для дѣтей—метрическихъ свидѣтельствъ, на пособіе при возвращеніи на родину—деньгами и также купленными на средства «Убѣжища» теплымъ и холоднымъ платьемъ, обувью, бѣльемъ и разными необходимыми вещами 273 р. 99 к. Всего въ расходѣ—2.397 руб. 71 коп.

Затѣмъ къ 1 января 1882 года состоитъ въ остаткѣ процентными бумагами и наличными деньгами 3.076 р. 11 к. Балансъ—5.473 р. 82 к.

Кромѣ вышеозначенныхъ денежныхъ поступленій, въ теченіе 1881 года въ пользу «Убѣжища» сдѣланы были пожертвованія разными лицами: овчинными тулупами и полушубками, разнымъ платьемъ, мужскими и женскими рубашками, чулками и другимъ бѣльемъ, ситцомъ (2 куска—чрезъ

г-жу Есипову), шапками, картузами и прочими необходимыми вещами (напримѣръ отъ Г. Ш. доставлены кровати, шкафы, комоды), а также и съѣстными припасами, какъ-то: мясомъ, рыбою, разными овощами и пр. Такъ, г. Перловъ жертвуетъ съ сентября мѣсяца чай. Всѣ пожертвованныя вещи розданы нуждающимся лицамъ, бывшимъ въ «Убѣжищѣ», а припасы употреблялись для ихъ стола.

Въ теченіе 1881 года вышедшихъ изъ Старой Екатерининской больницы и получившихъ временный пріютъ въ «Убѣжищѣ» было: мужчинъ 119, женщинъ 28, дѣтей 18, а всего 165 человѣкъ.

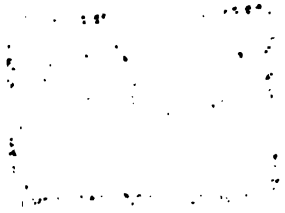
Всѣ эти лица оставались въ «Убѣжищѣ» до полнаго возстановленія силъ и пріисканія занятій или до полученія средствъ, необходимыхъ для возвращенія на родину. При выходѣ изъ «Убѣжища» имъ выдавались, по мѣрѣ надобности, бѣлье, обувь, одежда теплая и другая и денежныя пособія. Неизлѣчимо-больныхъ помѣщали въ разныя благотворительныя заведенія, а дѣтей-сиротъ—въ пріюты.

Въ редакціи журнала *Русская Мысль* принимается подписка на содержаніе вышеуказаннаго «Убѣжища». Поступило: отъ В. М. Лаврова 25 р., Н. Н. Бахметева 15 р., Н. А. Гангессова 3 р., А. А. Слободчиковой 2 р. и А. А. Венецкой 1 р. Всего—46 р.

Тамъ же открыта подписка на сооруженіе памятника Адаму Мицкевичу. Поступило: отъ В. М. Лаврова 200 р. и Н. Н. Бахметева 10 р. Всего—210 р.

Пріемъ пожертвованій на памятникъ Н. В. Гоголю продолжается. Поступающія суммы передаются казначею Общества Любителей Россійской Словесности В. А. Гольцеву. (Москва, Малая Бронная, домъ церкви Воскресенія Славущаго).

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

APR 1-58 H

CANCELLED